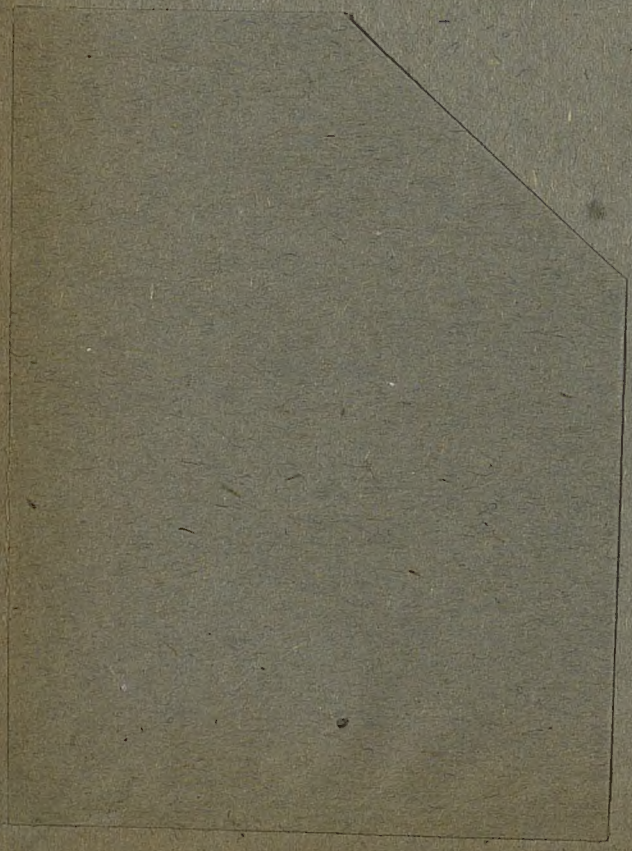
Русскій
Вѣстникъ.
1888. №9-10



РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ СТО ДЕВЯНОСТО ВОСЬМОЙ.

1888.

СЕНТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. ПОСЛѢДНІЙ ЯГЕЛЛОНЪ И ЛЮБЛИНСКАЯ УНІЯ. Д. И. Иловайскаго.

II. КОГДА, СВЯТИЛИЩЕ ДУШИ... Стихотвореніе. Гр. А. А. Голенищева-Кутузова.

III. МОЛОДЕЖЬ. Часть вторая, главы IX—XI. К. Ѳ. Орловскаго.

IV. ПЕТРЪ I въ 1688—1701 г. А. Б—на.

V. ПЕРВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКІЕ ОБѢДЫ ВЪ РОССІИ. Н. А. Любимова.

VI. НА КАВКАЗѢ въ 30-хъ годахъ. М. И. Ц—ра.

VII. СЕМЕЙНЫЯ НЕПРІЯТНОСТИ. Разсказъ. М. В. Крестовской.

VIII. ВЪ ХВОЙНОМЪ ЛѢСУ. Стихотворенія. Я. П. Полонскаго.

IX. ОЧЕРКИ ПАЛЕСТИНЫ. Евг. Л. Маркова.

X. ПИСЬМА ИЗЪ БОЛОНЬИ. 800-ЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ БОЛОНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. II—III. И. В. Цвѣтаева.

XI. ЗАКОНЪ И РОСТОВЩИЧЕСТВО. Д. И. В—ова.

XII. РАЗСКАЗЫ ДЖЕМСА ПЭНА. (Glow-worm tales). I. Моя дача и ея арендаторы. — II. Попугай. — III. Неудавшійся обѣдъ.

XIII. О ПРИНЯТІИ И ОСТАВЛЕНІИ РУССКАГО ПОДДАНСТВА. А. А. П—ова.

XIV. КРИТИКА. I. Митрополитъ Евгеній, какъ ученый. К. Н. Бестужева-Рюмина.—II. Въ эпоху перелома. А. М.

XV. НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ. I. Минаевъ „Буддизмъ". Изслѣдованія и матеріалы.—II. А. Н. Энгельгардтъ

изъ Батищева. „О хозяйствѣ въ сѣверной Россіи“.—III. Г. А. Евреиновъ. „Замѣтки о мѣстной реформѣ“.—IV. О. Миллеръ. „Итоги женскаго образованія“.

XVI. МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА. Торговая Москва. — Возвращеніе изъ Нижняго домой. — Разрѣшеніе важнаго торговаго вопроса.—Дѣло московскихъ торговыхъ рядовъ. — Краткая исторія. — Общество верхнихъ торговыхъ рядовъ.—Средніе ряды.—Цифры и данныя. — Московскіе пассажи. — Магазинная торговля центральныхъ улицъ.—Роль евреевъ.—Чѣмъ занимаются евреи-хористы русской оперы.—Москва-рѣка и пароходство.—Тотализаторъ въ Москвѣ.

XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Повинная террориста — Народническія чудачества. — Нашъ хлѣбный отпускъ, вексельный курсъ и ссуды подъ хлѣбъ.—Неудачи крестьянскаго банка.—Пріостановка дѣятельности Череповецкаго земства. — Обская желѣзная дорога.

XVIII. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Послѣдствія первыхъ визитовъ императора Вильгельма II и послѣдніе шаги бисмарковской политики.—Значеніе дипломатическихъ свиданій и объясненіе ихъ нѣмецкими оффиціозами.—Безконечный болгарскій вопросъ. — Русскіе интересы и уваженіе къ нимъ съ нѣмецкой точки зрѣнія. — Лойяльность нѣмецкой политики и препирательства г-жи Адамъ съ кн. Бисмаркомъ.—Австрійскія невзгоды. — Кіевскій съѣздъ и Штроссмайеръ. — „Рыбьи пляски“ въ Босніи.—Массова и итальянская политика Германіи.—Послѣднія политическія событія во Франціи.

XIX. СООБЩЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ. I. Къ матеріаламъ о литературной дѣятельности И. С. Аксакова. (Сообщ. С. В. Н—скимъ). II. Изъ писемъ Б. М. Маркевича. Письмо къ князю Н. Н. Голицыну. (Сообщ. А. К. Маркевичъ.—III. Вдова поэта барона А. А. Дельвига. (Сообщ. акад. Я. К. Гротомъ).

XX. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ СТО ДЕВЯНОСТО ВОСЬМОЙ.

1888.

Сентябрь.

БИБЛІОТЕКА ЖЕНСКАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
25191
Прод. 50

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяческая, № 39.
1888.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ
ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ПЯТЫЙ
1888
Сентябрь

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Общественная Польза, К. Пятковскій, Ж.М.
1888

Послѣдній Ягеллонъ и Люблинская унія.

Сигизмундъ I и королева Бона.—Львовскій рокошъ.—Начало реформаціи въ Польшѣ и Литвѣ.—Сигизмундъ Августъ и его три брака.—Варвара Радивиловна.—Успѣхи реформаціи и Аріанская ересь.—Вопросъ объ окончательной уніи Литвы съ Польшею.—Люблинскій сеймъ 1569 года.—Переговоры объ условіяхъ уніи.—Оппозиція литовскихъ сенаторовъ.—Настойчивость и задорное поведеніе польской посольской избы.—Внезапный отъѣздъ литвиновъ.—Присоединеніе Подлѣсья и Волыни къ польской коронѣ.—Принудительныя мѣры.—Присяга подлѣсянъ.—Упорство Воловича.—Тщетные протесты.—Ходковичъ и Глѣбовичъ.—Присяга волынцевъ.—Примѣръ князя Острожскаго и другихъ русскихъ вельможъ.—Присоединеніе Кіева къ коронѣ.—Возвращеніе литвиновъ на сеймъ и ихъ согласіе на унію.—Трогательныя сцены.—Вопросъ о четвертой части.—Конецъ Люблинскаго сейма.—Общій взглядъ.

Болѣе сорока лѣтъ (1506—1548) длилось въ Польшѣ и Литовской Руси царствованіе Сигизмунда I или Стараго. Подобно долголѣтнему царствованію его отца, Казиміра IV, оно значительно подвинуло впередъ сближеніе польской короны съ великимъ княжествомъ и подготовило ихъ окончательную политическую унію. Сигизмундъ почти все свое царствованіе долженъ былъ вести борьбу съ возраставшими притязаніями строптивой польской шляхты. Благодаря своему уму и энергіи, онъ умѣлъ поддержать авторитетъ королевской власти. Тѣмъ не менѣе, шляхетскіе сеймы продолжали забирать силу; особенно вторая половина этого царствованія омрачена была разными неладами внутри государства. Обыкновенно значительную долю вины въ сихъ замѣшательствахъ приписываютъ его второй супругѣ Бонѣ Сфорца. Эта итальянская принцесса, вполнѣ усвоившая себѣ политическія идеи своего соотечественника Маккіавели,

является какимъ-то злымъ геніемъ для Сигизмунда и для цѣлаго польско-литовскаго государства. Не было предѣловъ ея сребролюбію и властолюбію, ея интригамъ и кознямъ. Пользуясь большимъ вліяніемъ на своего престарѣлаго супруга, она нерѣдко заставляла его совершать разныя несправедливости, въ особенности при раздачѣ высшихъ доходныхъ должностей, имѣній и староствъ, которыя просто продавала за деньги. Для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей, она не останавливалась не только передъ подкупами, но и передъ ядомъ и тому подобными средствами, въ чемъ упредила другую королеву, свою соотечественницу Екатерину Медичи, съ тою однако разницею, что маккіавелизмъ Екатерины дѣйствовалъ въ видахъ укрѣпленія королевской власти и католичества во Франціи, а своенравная Бона, напротивъ, увеличила только разладъ между короною и духовенствомъ съ одной стороны и шляхетскимъ сословіемъ — съ другой. Соперничество и вражда, возбуждаемыя ею между вельможами, производили частыя ссоры, нарушали внутренній миръ въ государствѣ и причиняли много огорченій королю, но нисколько не усиливали монархическую власть. Наконецъ королеву Бону упрекаютъ въ томъ, что она своимъ примѣромъ и вліяніемъ много способствовала сильному распространенію роскоши, заграничныхъ модъ и упадку нравовъ въ вельможной и шляхетской средѣ.

Предъидущіе короли, особенно Ягелло и Александръ, съ великою щедростью раздавали вельможамъ и шляхтѣ королевскія имѣнія въ державство или въ пожизненное владѣніе; но такъ какъ власти своевременно не наблюдали, чтобы эти имѣнія по окончаніи срока возвращались въ королевскую казну, то они и переходили къ наслѣдникамъ временныхъ владѣтелей. Королевская казна такимъ образомъ лишилась доходовъ, предназначенныхъ на содержаніе войска и двора. Уже давно шелъ вопросъ о строгой ревизіи или провѣркѣ владѣльческихъ актовъ и возвращеніи помянутыхъ земель въ казну; но только Сигизмундъ рѣшилъ привести въ дѣйствіе эту провѣрку и отобраніе имуществъ на основаніи книгъ коронной метрики, о чемъ состоялось постановленіе на сеймѣ 1535 года. Кромѣ того, Сигизмундъ рѣшилъ произвести общую провѣрку шляхетскихъ привилегій и статутовъ (такъ называемая „экзекуція правъ“), возстановилъ нѣкоторые налоги, между прочимъ пошлину съ выводимаго на продажу шляхетскаго рогатаго скота или „воловщину“, отъ которой освободилъ шляхту король Александръ. Слѣдствіемъ этихъ мѣръ было сильное неудовольствіе, поведшее къ открытому

бунту или *рокошу*. Въ 1537 году, когда воевода молдавскій Петрило, поддерживаемый австро-венгерскимъ королемъ Фердинандомъ, грозилъ Польшѣ новою войною, Сигизмундъ объявилъ шляхтѣ общій походъ или *посполитое рушеніе*, и сборнымъ пунктомъ назначилъ городъ Львовъ. Дѣйствительно, посполитое рушеніе собралось въ большомъ количествѣ; число всего войска простиралось до 150.000. Но шляхта прибыла сюда совсѣмъ не для битвъ съ непріятелями; она носилась съ грамотами своихъ правъ и привилегій и составляла бурныя сходки, на которыхъ шумѣли разные ораторы, защитники шляхетскихъ вольностей; кричали о томъ, что шляхта не обязана на свой счетъ идти въ походъ за предѣлы государства. Тайный двигатель этого рокоша былъ коронный маршалокъ и воевода краковскій—Петръ Кмита, клевретъ королевы Боны. Но тутъ же раздавались голоса противъ королевы, обвинявшіе ее въ томъ, что она мѣшается во всѣ дѣла, особенно въ назначеніе государственныхъ сановниковъ, а въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ сажаетъ старостами и управляющими чужеземцевъ, которые притѣсняютъ мѣстныхъ шляхетскихъ обывателей. Упрекали также королеву за дурное воспитаніе, которое она даетъ своему сыну, будущему королю, окружая его женщинами и плясунами. Главнымъ образомъ шляхта требовала отмѣнить воловщину и ревизію владѣльческихъ актовъ. Напрасно король сдѣлалъ уступки и отложилъ окончательное рѣшеніе спорныхъ пунктовъ до слѣдующаго сейма. Шляхта продолжала шумѣть и отказывалась отъ похода. Глубоко оскорбленный и униженный, Сигизмундъ принужденъ былъ распустить ее по домамъ. Вся ея воинственная дѣятельность на сей разъ ограничилась истребленіемъ домашней птицы въ окрестностяхъ Львова; почему это посполитое рушеніе и получило насмѣшливое прозваніе *куриной войны*.

Уже давно польская шляхта съ завистью смотрѣла на значеніе и богатства, скоплявшіяся въ рукахъ высшаго духовенства, на свободу его земельныхъ имуществъ отъ военныхъ повинностей, на слишкомъ широкую сферу духовныхъ судовъ, и вела постоянную борьбу съ десятинами, отъ которыхъ духовенство не хотѣло освободить шляхетскихъ имѣній. Польская церковь въ тѣ времена сохраняла болѣе самостоятельности отъ папской куріи, нежели какая-либо другая, и короли почти самовластно распоряжались раздачею епископствъ. Но сребролюбивое вмѣшательство Боны въ эту раздачу размножило число прелатовъ, не отличавшихся образованіемъ и строгими правилами, вообще мало достой-

ныхъ своего званія и возбуждавшихъ противъ себя много недовольныхъ. Неудивительно, что это же самое духовенство не обнаружило ни искусства, ни энергіи, когда пришлось вступить въ борьбу съ распространившейся тогда церковной реформаціей.

Процвѣтавшая съ XV вѣка въ западной Европѣ эпоха возрожденія наукъ и искусствъ коснулась и Польши съ Литвою, чему особенно способствовалъ обычай знатной молодежи доканчивать свое образованіе въ заграничныхъ университетахъ и академіяхъ. Тамъ напитывались они все болѣе и болѣе забиравшими силу идеями итальянскихъ и нѣмецкихъ гуманистовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ привыкали несочувственно, критически относиться къ нѣкоторымъ сторонамъ католической іерархіи и церкви. Когда же на сцену выступили Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ и другіе реформаторы, то естественно въ Польшѣ и Литовской Руси ихъ идеи также нашли сочувствіе со стороны поколѣнія, воспитавшагося подъ вліяніемъ гуманизма. Въ Польшѣ и Литвѣ уже существовали гусситскія общины чешскихъ и моравскихъ братьевъ, ученіе которыхъ нашло здѣсь пріютъ послѣ гоненій въ собственной землѣ. Эти общины прокладали дорогу и новымъ реформаціоннымъ идеямъ. Вторженію реформаціи въ польско-литовскія страны много помогли также тѣсное сосѣдство и политическая связь съ прусско-нѣмецкою областью, въ которой лютеранство быстро распространялось, какъ и во всей сѣверной Германіи. Западная часть Пруссіи, какъ извѣстно, вошла въ составъ польскихъ провинцій, а восточная оставалась владѣніемъ тевтонскаго ордена, но въ зависимости отъ польской короны. Извѣстно также, что великій магистръ тевтонскаго ордена Альбрехтъ Бранденбургскій снялъ съ себя духовно-рыцарскій санъ, принялъ лютеранство и, съ согласія самого Сигизмунда, какъ своего леннаго государя, обратилъ восточную Пруссію въ свѣтское княжество. Въ королевской же Пруссіи во главѣ реформаціоннаго движенія выступилъ торговый нѣмецкій городъ Данцигъ. Сигизмундъ тщетно пытался прибѣгать къ нѣкоторымъ мѣрамъ противъ лютеранскихъ проповѣдниковъ. Реформація скоро и прочно здѣсь утвердилась и отсюда стала вліять на сосѣднія великопольскія провинціи, гдѣ въ городскомъ населеніи также былъ значительный элементъ нѣмецкихъ колонистовъ. А изъ восточной Пруссіи сочиненія и проповѣдники реформаціи легко проникали въ сосѣднія литовско-русскія области. Католическое духовенство собираетъ синоды для обсужденія мѣръ

противъ ереси. По его просьбѣ король издаетъ строгіе эдикты, которыми запрещается распространять сочиненія Лютера и защищать его ученіе подъ страхомъ сожженія на кострѣ и конфискаціи имущества; молодымъ людямъ возбраняется посѣщать Виттенбергскій университетъ, а также входить въ личныя сношенія съ Лютеромъ и другими реформаторами. Но всѣ эти эдикты остались безъ исполненія, благодаря въ особенности привилегированному положенію шляхты, ея нерасположенію къ духовенству и сочувствію реформаціоннымъ идеямъ. Это сочувствіе обнаруживалось и со стороны нѣкоторыхъ свободомыслящихъ членовъ самого духовенства. Оно проникало и въ среду придворную: такъ итальянецъ Лисманинъ, духовникъ королевы Боны, пользовавшійся вліяніемъ на нее, втайнѣ принялъ протестантизмъ и сдѣлался усерднымъ его проповѣдникомъ; а сынъ и наслѣдникъ короля, Сигизмундъ-Августъ, управлявшій Литвою, терпѣлъ протестантскихъ проповѣдниковъ при своемъ дворѣ, и самъ, повидимому, сочувственно относился къ ереси. По пока былъ живъ Сигизмундъ I, реформація не выступала открыто и только подготовляла почву въ Польшѣ и Литовской Руси. Рѣшительные успѣхи ея относятся ко времени слѣдующаго короля и послѣдняго Ягеллона, т. е. названнаго сейчасъ Сигизмунда-Августа.

Выше мы видѣли, что уже на Львовскомъ рокошѣ шляхта порицала королеву Бону за дурное воспитаніе сына. Дѣйствительно, изъ всѣхъ золъ, которыя итальянка принесла Польшѣ, едва-ли не болѣе важнымъ было это воспитаніе, немало повліявшее и на прекращеніе самой династіи Ягеллоновъ. Сигизмундъ-Августъ выросъ на рукахъ женщинъ и итальянскихъ учителей, которые сдѣлали изъ него человѣка любезнаго, пріятнаго въ обращеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ изнѣженнаго, слабохарактернаго, наклоннаго къ придворной роскоши и удовольствіямъ, чуждаго мужественныхъ привычекъ, не выносившаго суровостей военнаго стана. Когда ему минуло двадцать три года, отецъ далъ ему въ супруги Елизавету, дочь Фердинанда, короля Венгріи и Чехіи. Казалось, этотъ бракъ долженъ былъ вновь скрѣпить родственныя связи двухъ могущественнѣйшихъ среднеевропейскихъ династій, Габсбурговъ и Ягеллоновъ, имѣвшихъ въ то время общаго врага въ лицѣ грозной Оттоманской имперіи. Но юная Елизавета не нашла счастія въ своемъ замужествѣ. Говорятъ, будто та же королева Бона, опасаясь соперничества во вліяніи на сына, своими интригами постаралась произвести въ его сердцѣ охлажденіе къ молодой супругѣ, и

послѣдняя вскорѣ умерла отъ огорченій, не оставивъ потомства; злые языки пустили даже слухъ объ отравѣ (1545 г.). Около этого времени старый король совсѣмъ передалъ сыну управленіе великимъ княжествомъ Литовскимъ, и Сигизмундъ-Августъ основалъ свое пребываніе въ Вильнѣ. Придворные литовскіе вельможи, пріѣзжая къ Сигизмунду I въ Варшаву, до небесъ восхваляли передъ нимъ правительственную мудрость его сына, такъ что однажды король, слыша однѣ похвалы, будто бы сказалъ имъ: „оставьте же что-нибудь для порицанія“. Главнымъ источникомъ лести послужила необычайная щедрость королевича къ окружавшимъ его. Онъ отличался расточительностью и неумѣренными расходами на свой дворъ даже въ то время, когда страну посѣтилъ неурожай, произведшій страшный голодъ между бѣдными классами населенія. Несмотря на это бѣдствіе, виленскій дворъ нисколько не желалъ уменьшить количество ежедневно потребляемаго имъ рогатаго скота, пива и меду; бѣдные крестьяне съ великими убытками и усиліями должны были изъ далекихъ мѣстъ везти сюда овесъ, сѣно, живность. Пиры, музыка, танцы и маскарады, заимствованные у итальянцевъ, и въ эту печальную пору не прекращались во дворцѣ молодаго намѣстника Литвы, который скоро наскучилъ правительственными заботами и отдался забавамъ въ кругу веселой шляхты, стекавшейся сюда съ разныхъ сторонъ, чтобы заискивать милостей у своего будущаго государя. Безпечность и лѣность Сигизмунда-Августа выразились въ его привычкѣ откладывать важныя дѣла до слѣдующаго утра, почему онъ и получилъ потомъ названіе *король-утро*.

Между красивыми виленскими дамами, составлявшими свиту покойной принцессы Елизаветы, самою прекрасною была Варвара, дочь великаго гетмана литовскаго Юрія Радивила и вдова троцкаго воеводы Гаштольда, который женился на ней, уже будучи пожилымъ человѣкомъ, прожилъ съ нею недолго и оставилъ ей въ наслѣдство свои обширныя имущества. Она плѣнила сердце Сигизмунда-Августа, и сама въ свою очередь поддалась его обаянію. По смерти Елизаветы, когда на время траура утихли придворныя забавы, Сигизмундъ началъ посѣщать Радивиловскія палаты, въ которыхъ жила молодая вдова вмѣстѣ съ своею матерью и надвилейскіе сады которыхъ примыкали къ оградѣ Нижняго великокняжескаго замка. Благодаря этому сосѣдству, посѣщенія все учащались и отчасти пріобрѣли характеръ тайныхъ свиданій. Фамилія Радивиловъ была одною изъ са-

мыхъ знатныхъ въ Литвѣ; а незадолго до того времени она получила отъ императора княжеское достоинство Священной Римской Имперіи. Главными представителями этой фамиліи являлись тогда два Николая: одинъ Николай Юрьевичъ, по прозванію *Рыжій*, подчашій литовскій, родной братъ Варвары; а другой Николай Яновичъ, прозваніемъ *Черный*, маршалокъ литовскій, ея двоюродный братъ. Эти братья, побуждаемые матерью Варвары, обратились къ королевичу съ просьбой прекратить свои ночныя посѣщенія, которыя бросаютъ тѣнь на добрую славу ихъ сестры и всей ихъ фамиліи. Королевичъ обѣщалъ и нѣкоторое время держалъ свое слово, но потомъ любовь взяла верхъ, и посѣщенія возобновились. Узнавъ о томъ, братья Радивилы однажды сдѣлали засаду въ комнатахъ Варвары, и, внезапно представъ предъ Августомъ, напомнили данное и не сдержанное имъ слово.

— Мое настоящее посѣщеніе можетъ быть принесетъ вамъ честь и благополучіе—отвѣтилъ Августъ.

— Дай-то Богъ — сказали братья и тотчасъ позвали заранѣе приготовленнаго капеллана.

Влюбленный королевичъ не сталъ отказываться отъ брака; только поставилъ условіемъ, чтобы онъ сохранялся въ строгой тайнѣ до болѣе удобнаго времени. Свидѣтелями бракосочетанія, кромѣ двухъ Радивиловъ и матери, были два приближенныхъ къ Августу литовскихъ дворянина, сопровождавшихъ его обыкновенно на эти свиданія, именно староста Довойна и стольникъ Кезгайло. Бракъ этотъ совершился приблизительно въ августѣ 1547 года. Тяжелыя заботы и огорченія ожидали молодыхъ супруговъ, въ особенности прекрасную Варвару. Трудно было сохранить тайну отъ многочисленныхъ клевретовъ королевы Боны; хотя Августъ продолжалъ свиданія съ женою только посредствомъ потаеннаго хода, устроеннаго изъ замка въ Радивиловскія палаты. Дѣйствительно, слухи о женитьбѣ дошли до родителей; онъ отправился въ Варшаву и тамъ упорно отвергалъ справедливость этихъ слуховъ. Затѣмъ послѣдовали продолжительныя отлучки на сеймы, то Литовскій, то Польскій. На это время супругу свою Августъ отослалъ въ Радивиловскій замокъ Дубенки, расположенный въ глухой мѣстности, на высокомъ холмѣ, омываемомъ со всѣхъ сторонъ водою, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Вильны. Тамъ жила она въ глубокомъ уединеніи подъ охраною своего брата Николая Рыжаго и вѣрнаго Довойны, которые тщательно оберегали ее отъ яда, кинжала, похищенія и т. п.,

ибо знали, что итальянка Бона не разбираетъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Разлука съ нѣжно-любимымъ супругомъ, слезы и постоянно тревожное настроеніе гибельно повліяли на здоровье молодой женщины. Она преждевременно разрѣшилась отъ беременности, и это случилось въ то именно время, когда королевская семья болѣе всего нуждалась въ потомствѣ для продолженія Ягеллоновской династіи. Между тѣмъ истина мало-по-малу сдѣлалась извѣстна. Подстрекаемые королевою, многіе вельможи и сенаторы начали шумѣть, что будущій ихъ король не имѣетъ права выбирать себѣ супругу безъ согласія сословій и своихъ родителей. Нѣкоторыхъ сенаторовъ однако Августу удалось склонить на свою сторону. Посреди волненія, возбужденнаго этимъ вопросомъ, скончался осьмидесятилѣтній король Сигизмундъ I, въ мартѣ 1548 года. Приверженецъ Августа, краковскій епископъ Мацѣевскій немедля отправилъ изъ Кракова гонца въ Вильну съ извѣстіемъ о кончинѣ короля. Августъ такимъ образомъ двумя или тремя днями узналъ о ней прежде, чѣмъ прибыло оффиціальное увѣдомленіе; этимъ временемъ онъ воспользовался, чтобы вызвать Варвару изъ Дубенокъ въ виленскій королевскій замокъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ созвалъ литовскихъ вельможъ изъ ихъ помѣстій, и на первомъ же торжественномъ засѣданіи Литовскаго сената представилъ имъ свою супругу, а ихъ королеву. Захваченная врасплохъ и пораженная ангельской красотой Варвары, сенаторская рада привѣтствовала ее кликомъ: Vivat Barbara, regina Poloniae, magna ducissa Lithuaniae!

Иной пріемъ встрѣтило объявленіе о королевскомъ супружествѣ въ Польшѣ. Бона, привыкшая при старомъ Сигизмундѣ къ неограниченному вліянію на короля, на раздачу должностей и имуществъ и надѣявшаяся также управлять своимъ слабохарактернымъ сыномъ, съ ненавистью смотрѣла на свою невѣстку, видя въ ней соперницу, сильную любовью и довѣріемъ Августа. Когда послѣдній прибылъ въ Краковъ и совершилъ здѣсь торжественное погребеніе своего отца, онъ немедленно долженъ былъ начать упорную борьбу съ польскимъ сенатомъ и сеймомъ по вопросу о своей супругѣ. Разгнѣванная Бона не хотѣла встрѣчаться съ новою королевою, рассорилась съ сыномъ и удалилась въ Варшаву, такъ какъ въ Мазовіи она имѣла обширныя владѣнія. Но и оттуда она не переставала дѣйствовать своими интригами и направлять свою партію противъ сына и невѣстки. При выборахъ пословъ на предстоявшій

Петроковскій сеймъ, по воеводствамъ и повѣтамъ польскимъ разсѣявались разные нелѣпые слухи; между прочимъ привязанность короля къ Варварѣ и его бракъ объясняли просто дѣломъ колдовства со стороны ея матери; а бракъ этотъ оглашали униженіемъ для королевскаго дома и чуть-ли не величайшимъ бѣдствіемъ для отчизны. Едва въ Петроковѣ открыли сеймъ (въ октябрѣ 1548 г.), какъ начались бурныя рѣчи и въ сенатѣ, и въ посольской избѣ, громившія бракъ короля. Тщетно нѣкоторые приверженцы Сигизмунда-Августа, каковы краковскій каштелянъ Янъ Тарновскій и краковскій епископъ Мацѣевскій, пытались защищать свободу королевскаго выбора относительно супруги; большинство, увлекаемое особенно краковскимъ воеводою Петромъ Кмитою, главою партіи Боны, не хотѣло признать законнымъ брачный союзъ съ Варварою и требовало развода. Однажды вся посольская изба упала на колѣна передъ королемъ и умоляла его уничтожить свой неравный бракъ. Но любовь дала слабохарактерному, лѣнивому Августу силу и энергію въ борьбѣ съ этими настояніями, доходившими до угрозъ лишить его польской короны. Это былъ чуть-ли не единственный подвигъ въ его жизни, когда онъ остался твердъ и непреклоненъ, и когда отвѣты его сейму отличались истиннымъ достоинствомъ и силою слова. „Вамъ пристало бы не о томъ просить меня—сказалъ онъ однажды,—чтобы я нарушилъ обѣтъ моей женѣ, но о томъ, чтобы я держалъ свое слово, данное кому бы то ни было. Я поклялся ей и не покину ея, пока живъ; честь мнѣ дороже всѣхъ королевствъ на свѣтѣ“. Твердость короля, наконецъ, взяла верхъ: мало-по-малу оппозиція ослабѣла; чему много содѣйствовала абсолютная власть Августа въ своемъ наслѣдственномъ государствѣ Русско-Литовскомъ и опасенія поляковъ за свою унію съ симъ государствомъ. Августъ не только отстоялъ законность своего брака, но и настоялъ на томъ, чтобы, спустя два года, Варвара была торжественно коронована въ Краковѣ архіепископомъ-примасомъ Дзежговскимъ, при чемъ самъ Кмита исполнялъ обязанности маршалка.

Прошло не болѣе пяти мѣсяцевъ послѣ этой коронаціи, и молодая королева скончалась на рукахъ своего супруга (въ концѣ апрѣля 1551 года). Незадолго передъ ея смертію Бона примирилась съ нею въ присутствіи всего королевскаго двора. Но это примиреніе считали неискреннимъ; мало того, послѣ упорно держалась молва, что злая свекровь отравила свою невѣстку. По другому извѣстію, Варвара умерла отъ тяжкой болѣзни, рака въ груди, который раз-

вился у нея отчасти вслѣдствіе помянутыхъ выше безпокойствъ и огорченій, отчасти по причинѣ снадобій, которыя она принимала изъ рукъ знахарокъ, чтобы доставить своему супругу столь желаннаго наслѣдника престола. Изъ Кракова тѣло ея перевезли въ Вильну, гдѣ погребли при каѳедральномъ храмѣ въ королевскомъ склепѣ, рядомъ съ первой женой Августа—Елизаветой. Король первое время былъ сильно пораженъ смертью пламенно-любимой супруги и навсегда сохранилъ нѣжное чувство къ ея памяти, что однако не помѣшало ему отдаться своему влеченію къ женщинамъ и вообще къ распущенной жизни. Отъ такой жизни не отвлекла его и третья супруга, на которой успѣла его женить королева Бона (въ 1553 г.). Эта супруга была никто иная, какъ Екатерина, вдова герцога Мантуанскаго, родная сестра первой его жены Елизаветы, т. е. дочь императора Фердинанда Габсбурга. Извѣстно, что для Австріи то была эпоха обильныхъ своими послѣдствіями браковъ, когда сложилось пресловутое изреченіе (Alii bella gerant, tu felix Austria nube), когда австрійскіе Габсбурги этими браками пріобрѣли себѣ короны Чешскую и Венгерскую и старались тѣсно привязать къ своимъ интересамъ государство Польско-Литовское, самое значительное славянское государство того времени. (Подобная же эпоха повторилась вообще для Германіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ). Австрійскій дворъ самъ хлопоталъ о новомъ брачномъ союзѣ съ послѣднимъ Ягеллономъ и потому не мало подстрекалъ преданную себѣ Бону въ ея преслѣдованіи несчастной Варвары. Но Бона не долго наслаждалась плодами своихъ интригъ и козней. Ея итальянскіе фавориты (Папагоди и Бранкачіо), опасаясь со смертью старой королевы очутиться посреди чуждаго и враждебнаго общества, убѣдили ее покинуть Польшу со всѣмъ своимъ движимымъ имуществомъ и для поправленія своего ослабѣвшаго здоровья воротиться подъ родное небо Италіи. Несмотря на просьбы сына и дочерей и сопротивленіе вельможъ, старуха дѣйствительно уѣхала, увозя съ собою накопленныя ею огромныя богатства, состоявшія изъ звонкой монеты, золота, серебра, дорогихъ камней и всякой утвари, для перевозки которыхъ пришлось употребить до 500 упряжныхъ коней. Она поселилась въ своемъ наслѣдственномъ владѣніи, городѣ Барѣ. Но уже въ слѣдующемъ 1557 году Бона умерла, какъ говорятъ, сдѣлавшись въ свою очередь жертвою отравы со стороны коварнаго любимца (Папагоди), который хотѣлъ воспользоваться ея богатствами. По ея подлинному завѣщанію эти богатства должны были

перейти къ ея дѣтямъ; но любимецъ представилъ подложное завѣщаніе, сдѣланное въ его пользу; причемъ ему помогло покровительство владѣвшаго тогда Неаполитанскою короною Филиппа II Испанскаго, съ которымъ онъ подѣлился наслѣдствомъ. Вопросъ о возвратѣ этого наслѣдства или о такъ наз. „неаполитанскихъ суммахъ“ потомъ долго и тщетно занималъ польское правительство, ибо наслѣдники Ягеллоновъ отказались отъ нихъ въ пользу Рѣчи Посполитой.

Третій бракъ Августа былъ также несчастливъ и также безплоденъ, какъ и первый. Наскучивъ надменной, болѣзненной нѣмкой, не хотѣвшей знать ни польскаго языка, ни польскихъ обычаевъ, король завелъ дѣло о разводѣ съ нею подъ предлогомъ ея неплодія, такъ какъ государство нуждалось въ наслѣдникѣ. Не добившись отъ папы формальнаго развода, Августъ наконецъ убѣдилъ Австрійскій дворъ взять къ себѣ обратно Екатерину. Но она не доѣхала до Вѣны и съ горя умерла на дорогѣ (1567). Очевидно какой-то злой рокъ тяготѣлъ надъ домомъ Ягеллоновъ, отказывая имъ въ продолженіи потомства.

Три весьма важныя событія ознаменовали царствованіе послѣдняго Ягеллона въ Польшѣ и западной Руси: 1) такъ называемая Ливонская война съ Москвою и раздѣлъ земель Ливонскаго ордена; 2) необычайные успѣхи реформаціи въ Польшѣ и Литвѣ, и 3) Люблинская унія.

Послѣ Сигизмунда I, реформація не только не находила болѣе препятствія, но и получила полную свободу, благодаря вѣротерпимости или точнѣе религіозному равнодушію его преемника, а потому начала быстро распространяться какъ въ Польшѣ, такъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Сигизмундъ-Августъ держалъ при себѣ реформатскихъ проповѣдниковъ и собиралъ въ своей библіотекѣ протестантскія сочиненія. Сами главные реформаторы, т. е. Лютеръ, Кальвинъ, Меланхтонъ, Цвингли посвящали ему свои книги и входили съ нимъ въ переписку. Одно время король даже задумалъ было стать во главѣ церковной реформы въ своемъ государствѣ и обратился къ папѣ Павлу IV съ просьбою дозволить богослуженіе на народномъ языкѣ, причащеніе подъ обоими видами, бракъ священниковъ и т. п.; для чего хотѣлъ созвать національный соборъ. Но благодаря хитрому образу дѣйствія папскаго нунція Липпомани и въ особенности недостатку собственной энергіи, король потомъ оставилъ свои реформаторскіе планы. Въ Вильнѣ и другихъ главныхъ городахъ Литвы и западной Руси, какъ и въ Польшѣ, проживало значительное ко-

личество нѣмецкихъ колонистовъ: а потому ученіе Лютера распространялось преимущественно между купцами, мѣщанами и ремесленниками. Гораздо болѣе успѣха имѣлъ кальвинизмъ, который пришелся по вкусу шляхетскому сословію и въ Польшѣ, и въ Литвѣ. Въ послѣдней онъ обязанъ своими успѣхами въ особенности извѣстному вельможѣ Николаю Радивилу Черному, который познакомился съ этимъ ученіемъ еще въ юности, во время своего заграничнаго образованія. Будучи родственникомъ короля по своей двоюродной сестрѣ Варварѣ, получивъ отъ него важнѣйшія должности великаго маршала и канцлера литовскаго вмѣстѣ съ обширными имѣніями, онъ свое вліяніе и свои богатства употребилъ на утвержденіе и распространеніе Кальвинскаго ученія. Въ 1553 году Радивилъ открыто принялъ это ученіе вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ и слугами и учредилъ протестантское богослуженіе въ своемъ загородномъ домѣ, въ виленскомъ предмѣстьѣ Лукишкахъ; а потомъ, съ позволенія короля, воздвигъ каменный евангелическій соборъ въ самомъ городѣ на Бернардинской площади. Разсказываютъ, что Радивилъ упросилъ Сигизмунда-Августа посѣтить богослуженіе въ этомъ новомъ храмѣ, и тотъ отправился верхомъ въ сопровожденіи многочисленной свиты. Но предувѣдомленный о томъ латинскій епископъ вышелъ съ своимъ клиромъ и со крестами; схватилъ королевскаго коня за узду, со словами „предки Вашего Величества ѣздили на молитву не этою дорогою“, и, упавъ на колѣна со всѣмъ духовенствомъ, умолилъ короля направиться въ католическій костёлъ. Тѣмъ не менѣе дѣятельность Радивила продолжалась безпрепятственно. Онъ устроилъ такіе же евангелическіе храмы и при нихъ школы въ своихъ многочисленныхъ помѣстьяхъ, въ Несвижѣ, Олыкѣ, Клецкѣ, Брестѣ, Биржахъ и др.; призывалъ въ нихъ изъ Польши извѣстныхъ своей ученостью пасторовъ (Чеховича, Вендраговскаго, Симона Буднаго, Крыжковскаго и пр.); завелъ въ Несвижѣ типографію для печатанія кальвинскихъ книгъ; на его счетъ былъ изданъ въ Брестѣ новый исправленный переводъ Библіи на польскій языкъ. Примѣру Радивила послѣдовали и нѣкоторыя другія знатныя литовско-русскія фамиліи, равно католическія и православныя, находившіяся съ нимъ въ родственныхъ связяхъ или заискивавшія его покровительства. Такъ перешли въ протестантизмъ: Кишки, Ходкѣвичи, Сапѣги, Вишневецкіе, Пацы, Воловичи, Огинскіе, Горскіе и пр. А мелкая шляхта естественно шла за знатными вельможами, отъ которыхъ

часто зависѣла въ имущественномъ отношеніи. Реформаторское движеніе увлекло многихъ православныхъ. А католичество понесло въ Литвѣ и Жмуди такой разгромъ, что едва не было совсѣмъ уничтожено этимъ бурнымъ потокомъ. Но именно легкость и быстрота, съ какими распространялась реформація въ Польшѣ и Литвѣ, свидѣтельствовали о ея поверхностномъ вліяніи, лишенномъ глубины и силы, вызванномъ скорѣе модою и подражаніемъ, нежели внутреннею, народною потребностью.

Сильный ударъ реформаціи въ Литвѣ и западной Руси нанесла преждевременная смерть Николая Чернаго, который скончался въ 1565 году, еще не достигнувъ преклонныхъ лѣтъ. Хотя послѣ него во главѣ литовской реформаціи сталъ его двоюродный братъ Николай Рыжій, великій гетманъ литовскій и воевода виленскій, но его дѣятельность не была также энергична и успѣшна. Еще большій вредъ дѣлу реформаціи причинили расколы, возникшіе въ ея средѣ, и преимущественно аріанская секта. Эта секта отрицала троичность Лицъ и божество Христа; почему ея члены назывались *унитаріями* или *антитринитаріями*, а по имени своихъ учителей итальянцевъ Фавста и Лелія Социновъ (послѣдователей извѣстнаго испанскаго врача Михаила Серведа) также и *социніанами*. Аріанская ересь распространилась особенно въ Малой Польшѣ въ 50-хъ годахъ XVI столѣтія, откуда проникла въ Литву. Въ послѣдней однимъ изъ первыхъ ея открытыхъ проповѣдниковъ явился Петръ изъ Гонёндза (мѣстечко въ Подляхіи), учившійся въ краковскомъ и германскихъ университетахъ. Тщетно кальвинскіе пасторы возставали противъ сей ереси: изъ ихъ собственной среды явились ея послѣдователи и проповѣдники, каковыми были, напримѣръ, итальянецъ Бландрата, рекомендованный Радивилу самимъ Кальвиномъ, а также помянутые выше Чеховичъ, Вендраговскій и Симонъ Будный. Литовскіе социніане нашли себѣ даже сильнаго покровителя между вельможами въ лицѣ виленскаго каштеляна Яна Кишки, владѣвшаго громадными имуществами. Подобно Радивилу, онъ не щадилъ издержекъ для собиранія социніанскихъ проповѣдниковъ, заведенія типографій и печатанія книгъ въ своихъ имѣніяхъ. Кальвинисты, съ Николаемъ Чернымъ во главѣ, сильно вооружились противъ аріанской ереси и собирали соборы для ея осужденія; но аріанство продолжало распространяться въ Литовской Руси, въ Галиціи и на Волыни, увлекая многихъ кальвинистовъ и православныхъ. Неожиданное и важное подкрѣпленіе по-

лучило оно изъ Московской Руси въ лицѣ извѣстнаго еретика Ѳеодосія Косаго, бѣжавшаго изъ Москвы съ товарищами послѣ собора 1554 года. Ѳеодосій имѣлъ такой успѣхъ въ Литовской Руси, что писавшій противъ него инокъ Зиновій замѣтилъ: „востокъ развратилъ діаволъ Бахметомъ, западъ Мартиномъ Нѣмчиномъ (Лютеромъ), а Литву Косымъ“. Замѣчаніе конечно преувеличенное. Когда социніанство распространилось и укрѣпилось, то само оно въ свою очередь распалось на разныя ученія или толки; особенно предметомъ разногласія служило крещеніе младенцевъ: одни допускали его, а другіе отвергали и признавали дѣйствительность крещенія только для взрослыхъ. Развитіе этой крайней реформатской секты не только остановило успѣхи кальвинизма, но и отторгло отъ него значительную часть послѣдователей, и заставило кальвинскія общины вмѣсто борьбы съ католицизмомъ терять свои силы на борьбу съ общинами социніанскими. Этими обстоятельствами вскорѣ отлично воспользовались новые борцы, выступившіе на защиту папства, т. е. іезуиты. Самъ король, подъ конецъ жизни, одолѣваемый болѣзнями—слѣдствіемъ его распущенной, неумѣренной жизни,—совершенно охладѣлъ къ вопросамъ церковной реформы и даже сталъ помогать успѣхамъ католической реакціи въ своемъ государствѣ.

Обратимся теперь къ Люблинской уніи.

По мѣрѣ того какъ бездѣтный Сигизмундъ-Августъ приближался къ старости и ясно становилось, что вмѣстѣ съ нимъ должна угаснуть Литовско-Польская династія Ягеллоновъ, все болѣе и болѣе выдвигался тревожный вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ единенія Польши съ Литвою. Начиная съ Казиміра IV, Литва и Польша фактически уже болѣе ста лѣтъ имѣли одного государя, за исключеніемъ короткаго промежутка (при Янѣ Альбрехтѣ и Александрѣ). Въ особенности два такія продолжительныя царствованія, какъ Казиміра IV и Сигизмунда I, много содѣйствовали тѣсному сближенію обѣихъ половинъ соединеннаго государства или, вѣрнѣе, подчиненію литовско-русскихъ земель польскому вліянію. Сигизмундъ I еще при жизни своей короновалъ своего сына и великимъ княземъ Литвы, и королемъ Польши, чтобы обезпечить ему наслѣдованіе въ обѣихъ странахъ и вмѣстѣ упрочить ихъ политическое единство. Это единство, доказавъ на дѣлѣ свою пользу въ случаяхъ борьбы съ сильными сосѣдями, составляло теперь насущную и взаимную

потребность обѣихъ странъ. Но отношенія ихъ къ вопросу о самой формѣ единства были различны. Межь тѣмъ, какъ литовскіе чины довольствовались однимъ внѣшнимъ союзомъ или чисто личной уніей, т. е. совмѣщеніемъ обѣихъ коронъ на одной головѣ, и старались удержать свою самостоятельность во внутреннихъ дѣлахъ, поляки, наоборотъ, стремились къ полному сліянію обѣихъ странъ въ одно государственное тѣло съ общими правами и учрежденіями. Въ сущности, они стремились къ господству въ обширныхъ и благодатныхъ литовско-русскихъ земляхъ. Отсюда въ царствованіе послѣдняго Ягеллона происходитъ любопытная и дѣятельная борьба, исходъ которой, впрочемъ, не трудно было предвидѣть, если съ одной стороны взять въ разсчетъ замѣчательное единодушіе поляковъ въ этомъ дѣлѣ, а съ другой — отсутствіе единодушія между чинами собственно литовскими и западно-русскими и недостатокъ политическаго центра, около котораго они могли бы сосредоточиться. Сама Ягеллоновская династія ополячилась и еще ранѣе склоняла рѣшеніе вопроса въ польскую сторону (напр. актъ уніи 1501 года, изданный королемъ Александромъ); а теперь въ лицѣ своего послѣдняго представителя явно стала на ту же сторону, чѣмъ дала ей рѣшительный перевѣсъ. Наконецъ, ничѣмъ неограниченное географическое положеніе Литовско-русскаго государства между Польшей и надвигавшей съ востока Москвою, заставляло его возможно скорѣе и тѣснѣе примкнуть къ первой, чтобы опереться на нее въ борьбѣ со второю.

Вопросъ объ окончательной уніи или полномъ сліяніи обѣихъ странъ неоднократно возбуждался на вольныхъ или общихъ сеймахъ; но стараніями противниковъ уніи рѣшеніе его постоянно откладывалось на будущее время. Наиболѣе важный шагъ въ этомъ дѣлѣ представляетъ Варшавскій сеймъ конца 1563 и начала 1564 года. Здѣсь поляки и литвины горячо спорили о разныхъ пунктахъ своей уніи. Подъ вліяніемъ внѣшней опасности отъ Московскаго царя и особенно утраты Полоцка, взятаго войсками Ивана IV, литвины пошли было на уступки. Но вотъ пришло извѣстіе о побѣдѣ литовскаго гетмана Радивила надъ москвитянами на берегахъ Улы; литвины сдѣлались менѣе сговорчивы, и въ особенности упорно стояли за Волынь и Подлѣсье, тогда какъ поляки требовали включенія ихъ въ земли польской короны. Сигизмундъ-Августъ на этомъ сеймѣ отрекся отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на Литовское великое княженіе въ пользу той же польской короны, и такимъ образомъ имъ

обоимъ предоставилъ послѣ своей смерти вольный выборъ государя. Симъ отреченіемъ онъ хотѣлъ облегчить дѣло уніи или, какъ выразилась его декларація по сему случаю, zwalić ten pień z drogi. Въ дополненіе къ сему акту на томъ же сеймѣ изданъ былъ, подписанный королемъ, такъ назыв. „Варшавскій рецессъ", которымъ опредѣлены условія сліянія Литвы съ Польшею и который легъ въ основу дальнѣйшихъ переговоровъ объ этомъ вопросѣ. Но всѣмъ подобнымъ актамъ недоставало формальнаго утвержденія со стороны литовскихъ чиновъ.

Магнаты литовскіе противились полной уніи по слѣдующимъ главнымъ причинамъ. Эти вельможи еще въ значительной степени сохраняли свое положеніе крупныхъ феодальныхъ владѣтелей въ Литвѣ; а потому, въ случаѣ уравненія правъ съ поляками, они, во-первыхъ, утратили бы свои наслѣдственныя права на участіе въ королевской радѣ или сенатѣ, такъ какъ въ Польшѣ званіе сенатора или давалось королемъ пожизненно, или было связано съ достоинствомъ епископскимъ. Во-вторыхъ, второстепенная и мелкая литовская шляхта, или такъ назыв. земяне и бояре, будучи уравнены въ правахъ съ польской шляхтой, пріобрѣтали ея льготы и вольности, а слѣдовательно получали болѣе независимое положеніе по отношенію къ своимъ феодальнымъ сеньёрамъ, т. е. къ литовскимъ магнатамъ; почему эта шляхта въ вопросѣ объ уніи тянула на сторону поляковъ, но не выступала рѣшительно противъ своихъ вельможъ, привыкши находиться у нихъ въ подчиненіи. Въ-третьихъ, литвины, равно знатные и незнатные, опасались наплыва въ свою страну поляковъ, которые стали бы перебивать у нихъ придворные и земскіе уряды и староства. Во главѣ чисто литовской партіи, противной сліянію, стоялъ тотъ же Николай Черный Радивилъ, который былъ главою литовскихъ протестантовъ. Благодаря его энергіи и личному вліянію на короля, эта литовско-протестантская партія доселѣ успѣшно отстаивала самобытность Литвы отъ польскихъ притязаній. Но въ слѣдующемъ 1565 г., какъ извѣстно, онъ умеръ, и хотя вождями ея оставались еще такія значительныя и вліятельныя лица, какъ двоюродный братъ его, Николай Рыжій, староста жмудскій Янъ Ходковичъ и подканцлеръ литовскій Евстафій Воловичъ, однако дробленіе протестантовъ на секты, а вмѣстѣ и ослабленіе союза съ ними русскихъ православныхъ вельможъ, все болѣе и болѣе выступали наружу. Дѣло уніи пошло быстрѣе. Король окончательно подпалъ вліянію партіи польско-католической

и принялся дѣйствовать въ пользу сліянія Литвы съ Польшею не только усердно, но и съ необычнымъ ему постоянствомъ, почти съ тою же твердостью воли, которую онъ прежде проявилъ въ вопросѣ о своемъ бракѣ съ Варварою Радивилъ. Ясно, что при его природныхъ способностяхъ, еслибы онъ получилъ лучшее воспитаніе и направленіе, вмѣсто лѣниваго, изнѣженнаго человѣка, изъ него могъ бы выдти замѣчательный государь.

Еще около трехъ лѣтъ на разныхъ сеймахъ длились переговоры и совѣщанія объ уніи. Король и польско-католическая партія порѣшили, во что бы ни стало, привести это дѣло къ окончанію на томъ вальномъ или большомъ сеймѣ, который былъ созванъ на 23 декабря 1568 года въ городѣ Люблинѣ.

Медленно и неохотно съѣзжались сюда литвины, предвидя утрату своей самобытности. Поэтому открытіе сейма состоялось только 10 января слѣдующаго 1569 года. Въ этотъ день польскіе послы представились королю; причемъ выбранный ими посольскимъ маршаломъ коронный референдарій Станиславъ Чарнковскій отъ имени пословъ говорилъ его величеству длинное и высокопарное привѣтствіе, въ которомъ, главнымъ образомъ, указывалась необходимость полной уніи и выражалась надежда на немедленное ея завершеніе. Въ слѣдующіе дни польскіе сенаторы, совмѣстно съ послами, совѣщались, какимъ образомъ начать съ Литвою дѣло объ уніи и выбрали изъ своей среды для этого дѣла нѣсколькихъ депутатовъ, въ томъ числѣ архіепископа гнѣзненскаго Уханскаго, епископа краковскаго Падневскаго и канцлера Дембинскаго. Но литовскіе сенаторы въ началѣ сейма подъ разными предлогами уклонялись отъ общихъ засѣданій съ польскими сенаторами и вели свои отдѣльныя засѣданія въ другой залѣ. На приглашеніе польскихъ сенаторовъ прибдти въ общую залу, въ которую двери для нихъ отперты, воевода виленскій, Николай Радивилъ, вѣжливо отвѣтилъ, что „дѣйствительно двери отперты, но ихъ преграждаетъ рѣшетка, черезъ которую мы никакъ не можемъ пройти къ вамъ, развѣ король сниметъ ее“. Подъ этой мысленной рѣшеткой разумѣлись польскія посягательства на литовскую самобытность, которыя должны быть устранены королемъ; другими словами, магнаты литовскіе только тогда соглашались приступить къ переговорамъ объ уніи, когда король, подобно своимъ предшественникамъ, обяжется сохранить въ цѣлости границы Литовскаго государства (со стороны Польши) и подтвердить ихъ статутовыя

права относительно того, чтобы чины, должности, аренды и наслѣдственныя пожалованія не давались чужеземцамъ (т. е. полякамъ), а давались бы только природнымъ литвинамъ и русскимъ. Сообразно съ симъ, литовцы представили сейму письменное заявленіе о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ они согласны заключить унію: 1) Свободный выборъ государя общимъ сеймомъ, который долженъ происходить гдѣ-либо на границѣ Литвы съ Польшею. 2) Отдѣльное коронованіе его въ Краковѣ королевскою, а въ Вильнѣ великокняжескою короною, вмѣстѣ съ присягою на сохраненіе литовскихъ привилегій. 3) Оборона обоихъ соединенныхъ государствъ общими силами. 4) Вальные сеймы должны происходить по очереди то въ Польшѣ, то въ Литвѣ. 5) Отдѣльные высшіе чины и должности сохраняются въ Литвѣ неприкосновенно. 6) Поляки въ Литвѣ и литвины въ Польшѣ могутъ пріобрѣтать движимое и недвижимое имущество, но всякія свѣтскія и духовныя должности и земскіе уряды въ Литвѣ могутъ занимать только ея уроженцы. 7) Монета отдѣльная, но одинаковой стоимости, и пр. Къ своему заявленію литовцы приложили выписки изъ привилегій, данныхъ имъ великими князьями Казиміромъ (1452), Александромъ (1492), Сигизмундомъ I (1506 и 1529) и Сигизмундомъ-Августомъ (по второму статуту). Въ этихъ выпискахъ повторялось обязательство не умалять великое княжество литовское ни въ его достоинствѣ и прерогативахъ, ни въ его границахъ. При семъ литовцы просили поляковъ, чтобы тѣ также письменно изложили имъ свой проектъ уніи. Просьба эта повела ко многимъ и весьма оживленнымъ пререканіямъ между польскими сенаторами и послами.

Сенаторы, съ своей стороны, составили отвѣтную записку, въ которой указывали на другіе акты и привилегіи прежняго времени, преимущественно на Городельскую унію Ягелла и Витовта, на привилегіи Александра 1501 года и на Варшавскій рецессъ 1564 года, на основаніи которыхъ и сочинили проектъ сліянія Литвы съ Польшею. Но въ посольской избѣ эта записка вызвала сильное разногласіе: одни соглашались на нее; другіе не хотѣли давать никакого письменнаго отвѣта литовцамъ; называя такую переписку проволочкою времени, они требовали, чтобы литовцы сами являлись въ общія засѣданія и здѣсь непосредственно совѣщались объ уніи, къ чему хотѣли принудить ихъ съ помощью короля; третьи, по своему усмотрѣнію, передѣлывали сенаторскій проектъ. Въ засѣданіи 8 февраля, когда посольскій маршалъ Чарнковскій старался склонить пословъ

согласиться на проектъ сенаторовъ, краковскій писарь Кмита прервалъ его и началъ говорить, что на томъ останется пятно, кто желаетъ записи. Произошелъ шумъ; чтобы водворить тишину, Чарнковскій стучалъ своимъ жезломъ. „Не стучи палкой,—закричалъ Кмита;—у меня есть сабля противъ этой палки". Маршалъ вскочилъ съ мѣста, говоря: „достанемъ и саблю", и бросилъ жезлъ. Поднялось большое и продолжительное смятеніе. Когда оно успокоилось, стали собирать голоса, но по разногласію не могли придти къ какому-либо рѣшенію; съ тѣмъ и пошли на верхъ, въ сенаторскую палату. Тутъ сенаторы стали упрекать ихъ въ упорствѣ, въ неуваженіи къ сенату, въ напрасной тратѣ времени и въ стремленіи „все утверждать на своихъ головахъ" (т. е. все рѣшать самовольно, безъ сената). А краковскій епископъ сказалъ имъ: „вы шесть лѣтъ рядили дѣламп (вмѣсто сената). Горько намъ отъ вашего ряду!" Споры и записи продолжались и въ слѣдующіе дни; послы не однажды безъ всякаго окончательнаго рѣшенія ходили на верхъ къ сенаторамъ и заводили съ ними пререканія. Сенаторы, въ свою очередь, продолжали сѣтовать на ихъ упорство. Такъ, однажды, сендомірскій воевода Петръ Зборовскій произнесъ, между прочимъ, слѣдующія пророческія слова: „Всѣ мы (сенаторы) и многіе изъ пословъ согласились на одно, а нѣсколько человѣкъ протестуетъ! Это самый дурной примѣръ! Если кто впослѣдствіи пожелаетъ чего-либо наилучшаго и на его сторону склонится самое большое число пословъ, а нѣсколько человѣкъ вдругъ выскочитъ и станетъ протестовать, то такъ и придется оставить доброе дѣло! Господа, дурно это!" Однако споры продолжались. Наконецъ, утомясь ими, 12 февраля послы согласились, чтобы литовцамъ были предоставлены всѣ относящіяся до уніи привилегіи стараго времени, особенно Александрова грамота 1501 г. и Варшавскій рецессъ 1564 г., а также и запись или проектъ уніи, составленный согласно старымъ привилегіямъ. Затѣмъ пригласили литовскихъ сенаторовъ, и тутъ епископъ краковскій, отъ имени польскаго сената, держалъ къ нимъ пространную отвѣтную рѣчь. Онъ указывалъ на прежніе договоры и клятвы относительно уніи и вообще прослѣдилъ почти всю ея исторію со временъ Ягелла; напиралъ на то, что съ тѣхъ временъ Литва устроивалась по образцу Польши, а если и бывали отдѣльные великіе князья въ Литвѣ, то они въ сущности являлись пожизненными намѣстниками польскихъ королей, и что предки литвиновъ всегда признавали унію.

На эту рѣчь виленскій воевода Радивилъ замѣтилъ, что она длинна и краснорѣчива, запомнить ее трудно, а потому просилъ сообщить ее на бумагѣ. Староста жмудскій Ходкевичъ, намекая на королевскій актъ отреченія 1564 г., выразился иронически: „Если мы вамъ подарены, то къ чему же вамъ еще унія съ нами?“ На это Радивилъ горячо возразилъ, что они люди вольные и никто подарить ихъ не могъ. „Господамъ полякамъ — прибавилъ онъ — Литва дарила собакъ, жеребцовъ, маленькихъ жмудскихъ лошадей, а не насъ, свободныхъ людей. Наши вольности мы пріобрѣли нашею кровью“. Литовскіе сенаторы удалились въ свою залу засѣданія. По ихъ просьбѣ, польскіе сенаторы обѣщали прислать имъ рѣчь епископа краковскаго, когда она будетъ написана, а теперь сообщили имъ запись или свой проектъ уніи. Авторомъ его былъ тотъ же епископъ краковскій Падневскій; но проектъ этотъ подвергся нѣкоторымъ исправленіямъ со стороны земскихъословъ. Главные пункты его были слѣдующіе: король польскій избирается общими голосами ольши и Литвы, но избирается только въ Польшѣ. Онъ будетъ муропомазанъ и коронованъ въ Краковѣ, а особое избраніе и возведеніе на литовскій престолъ прекращается. Вальный сеймъ—одинъ общій; сенатъ также; монета также. Полякъ въ Литвѣ и литвинъ въ Польшѣ можетъ занимать какія угодно должности и пріобрѣтать какое угодно имущество. Но на Литву не простирается экзекуція касательно столовыхъ королевскихъ имѣній, пожалованныхъ во временное владѣніе. Въ отвѣтѣ своемъ на этотъ проектъ литовскіе сенаторы по поводу предлагаемой имъ братской уніи и любви, откровенно говорили: „Если слить Литовское княжество съ королевствомъ, то не будетъ никакой любви, потому что въ такомъ случаѣ литовское княжество должно поникнуть передъ Польшей, литовскій народъ долженъ былъ бы превратиться въ другой народъ, такъ что не могло быть никакого братства. Тогда бы недоставало одного изъ братьевъ, т. е. литовскаго народа, что явно изъ самой записки вашей, господа, данной намъ“. „Crescit Ausonia Albae ruinis“. Далѣе литовцы вновь излагаютъ свои вышеприведенные пункты, на которыхъ должна быть основана унія. При семъ, въ отпоръ противному мнѣнію, что со времени Ягелла литовскіе великіе князья были только пожизненными намѣстниками польскихъ королей, они стараются доказать, что Ягеллоны были не просто наслѣдственными государями Литвы, а подвергались избранію жителями великаго княжества; что власть ихъ въ

Литвѣ отнюдь не была неограниченная, потому они при своемъ возведеніи на литовскій престолъ присягали сохранять права и привилегіи княжества, чего, обыкновенно, не дѣлаетъ наслѣдственный (и абсолютный) государь.

Отвѣтъ литовцевъ произвелъ неодинаковое впечатлѣніе на польскихъ сенаторовъ и на пословъ. Межъ тѣмъ какъ первые сохраняютъ болѣе мягкій и умѣренный тонъ и желаютъ вести переговоры далѣе, послѣдніе выказываютъ болѣе горячности и настаиваютъ на прекращеніи подобныхъ безплодныхъ переговоровъ и на прямомъ вмѣшательствѣ королевской власти, которая приказала бы литвинамъ занять свои мѣста на общемъ сеймѣ и просто принудила бы ихъ къ уніи. При семъ самыми ревностными сторонниками уніи являются послы Русскаго воеводства, т. е. галичане, съ перемышльскимъ судьею Орѣховскимъ во главѣ: понятно, что, разъ включенные въ составъ польской короны, они желаютъ имѣть въ тѣсномъ единеніи съ собою и другія русскія земли, а не быть отдѣленными отъ нихъ государственною границею. На сеймѣ пока еще не выступаетъ открыто вопросъ о присоединеніи Волыни къ землямъ польской короны, чтобы сразу не испугать литвиновъ; но вопросъ этотъ уже обсуждается въ закрытыхъ засѣданіяхъ. Литовцы хотя сами въ нихъ не участвуютъ, но очевидно получаютъ свѣдѣнія о всемъ, что происходитъ на сеймѣ: посему сенаторы польскіе нѣкоторыя свои совѣщанія облекаютъ особою таинственностью. Тѣ же мѣры, по желанію короля, предписаны и посольской избѣ, т. е. воспрещенъ доступъ въ нее постороннимъ лицамъ. Но въ свою очередь, хотя король дѣйствуетъ заодно съ поляками, однако нѣкоторые литовскіе вельможи продолжаютъ пользоваться его благосклонностью, каковы Радивилъ, Ходковичъ и Воловичъ. Литовскіе сенаторы иногда пріѣзжаютъ къ королю для тайныхъ совѣщаній.

Тщетно поляки продолжаютъ указывать на унію короля Александра и на Варшавскій рецессъ: литвины не признаютъ этихъ актовъ, говоря, что они были изданы безъ согласія литовскихъ чиновъ. По настоянію посольской избы, король наконецъ, 28 февраля, въ понедѣльникъ, посылаетъ приказъ, чтобы литовскіе сенаторы заняли свои мѣста въ сенатѣ вмѣстѣ съ поляками и литовскіе послы въ посольской избѣ. На этотъ приказъ виленскій воевода Радивилъ отвѣтилъ: „если поѣдемъ, то къ королю, а не къ польскимъ сенаторамъ“. То же отвѣтилъ жмудскій староста Ходковичъ. Князь Василій Острожскій, воевода кіевскій, сказалъ: „Сегодня не можемъ собраться, потому что послы наши стоятъ

по деревнямъ". Однако всѣ согласились пріѣхать въ замокъ завтра, т. е. во вторникъ, 1 марта. Но утромъ этого дня, когда польскіе сенаторы и послы собрались въ своихъ палатахъ и ожидали прибытія литвиновъ, вдругъ пришло извѣстіе, что сіи послѣдніе ночью внезапно покинули Люблинъ и разъѣхались.

Представители Литвы очевидно разсчитывали своимъ удаленіемъ смутить короля, разстроить сеймъ и затормозить дѣло уніи или заранѣе не признать законнымъ все, что будетъ постановлено въ этомъ смыслѣ при ихъ отсутствіи. Но они на сей разъ жестоко ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Напротивъ, пока велись съ ними переговоры, поляки, особливо сенаторы, дѣйствовали довольно мягко, съ соблюденіемъ правилъ вѣжливости и предупредительности по отношенію къ своимъ литовскимъ товарищамъ. Теперь же наоборотъ и сенаторы, и самъ король съ большею энергіей принялись приводить въ исполненіе намѣченные планы, находясь подъ сильнымъ давленіемъ посольской избы, которая настойчиво понуждала ихъ къ дѣйствію, горячо протестовала противъ всякихъ уступокъ и проволочекъ и совѣтовала поступать съ уѣхавшими безъ королевскаго разрѣшенія литовцами какъ съ мятежниками. Нѣкоторые послы предлагали даже принять военныя мѣры, послать къ татарамъ, чтобы отклонить ихъ отъ союза съ Литвою, а въ случаѣ дальнѣйшаго ея упорства, собрать посполитое рушеніе и оружіемъ принудить ее къ уніи. Но подобныя предложенія вызвали вопросъ о сборѣ денегъ на войско со шляхетскихъ имѣній, что немедленно охладило рвеніе къ военнымъ предпріятіямъ. Тѣмъ не менѣе въ слѣдующіе за отъѣздомъ литовцевъ дни состоялась весьма важная и рѣшительная мѣра: Подлѣсье и Волынь отдѣлены отъ Литвы и присоединены къ землямъ польской короны. Въ королевскомъ универсалѣ по сему поводу говорилось впрочемъ не о присоединеніи, а о „возвращеніи" ихъ Польскому королевству отъ в. княжества Литовскаго, которое владѣло Подлѣсьемъ и Волынью будто-бы „не по какому-либо законному праву", а просто по снисхожденію польскихъ государей.

Оказалось, что не всѣ литовскіе сенаторы и послы уѣхали изъ Люблина. Нѣкоторые еще оставались, особенно подлѣсяне, которые и получили отъ короля приказаніе немедленно занять свои мѣста на сеймѣ между поляками, принеся указанную присягу польскому королю. Они повиновались, но просили при семъ не требовать отъ нихъ немедленной присяги, пока не будутъ обдуманы мѣры для защиты ихъ

отъ мести литовскихъ сенаторовъ. Просьба эта не была уважена, и подлѣсяне, хотя неохотно, присягнули. Одинъ изъ нихъ, писарь литовскій староста мѣльницкій Матишекъ, попытался было уклониться, говоря, что онъ уже присягалъ королю, какъ великому князю литовскому, и что не годится присягать вторично и притомъ другому государству; но король, по настоянію польскихъ сенаторовъ и пословъ, погрозилъ отнять у него мѣльницкое староство, и Матишекъ прпсягнулъ. Вообще староства и другія временныя королевскія пожалованія явились въ рукахъ польско-католической партіи могущественнымъ орудіемъ для проведенія уніи. Однако этой партіи пришлось не мало хлопотать и настаивать передъ королемъ, когда дошелъ чередъ до такого высокаго сановника, какъ Евстафій Воловичъ, литовскій подканцлеръ и притомъ одинъ изъ главнѣйшихъ противниковъ уніи. Онъ держалъ нѣсколько староствъ въ Подлѣсьѣ, и посольская изба потребовала, чтобы Воловичъ также принесъ присягу. Король не считалъ его къ тому обязаннымъ; нѣкоторые сенаторы также возражали, говоря, что „онъ держитъ староство не съ судомъ, а простое“, и устами архіепископа Гнѣзненскаго объявили его свободнымъ отъ присяги. Но послы упорно стояли на своемъ. Посредствомъ своего маршала Чарнковскаго они отвѣчали слѣдующее:

„Милостивый архіепископъ! Припомните: когда присоединялись къ королевству Прусская земля и Мазовецкое княжество, то присягали всѣ должностныя лица—сановники, державцы, шляхта, города, хотя на счетъ ихъ вѣрности не было никакихъ сомнѣній, а господинъ Евстафій—главный виновникъ расторженія уніи, потому что однихъ пословъ выслалъ отсюда, а другимъ, которые остались здѣсь, дѣлалъ угрозы. И эта подозрительная личность не будетъ присягать! Сохрани Богъ!“ „Это оскорбило бы тѣхъ, которые уже приняли присягу. Тогда вышло бы то, что говорится въ пословицѣ: оводъ пробился чрезъ паутину, а мухи завязли.“

Одинъ изъ пословъ (староста Радлѣвскій) указывалъ прямо на то, что примѣръ Воловича будетъ имѣть большое вліяніе на другихъ, смотря по тому, принесетъ онъ присягу или не принесетъ. Послѣ разныхъ препирательствъ съ послами, сенаторы уступили имъ и порѣшили, что Воловичъ долженъ принести присягу. Согласился и король съ этимъ рѣшеніемъ, но чрезъ канцлера Дембинскаго обратился къ посламъ съ просьбою, чтобы относились къ Воловичу, какъ къ человѣку важному и высокопоставленному, съ уваженіемъ и подобающею вѣжливостью. Когда его призвали на

сеймъ и объявили ему королевское рѣшеніе о принесеніи присяги, Воловичъ отвѣчалъ, что онъ уже приносилъ присягу великому княжеству Литовскому и что его три подлѣсскія староства приписаны къ замку Берестью—слѣдовательно принадлежатъ къ великому княжеству. На повторительныя требованія присяги, онъ продолжалъ оспаривать ея законность, а также законность присоединенія Подлѣсья къ коронѣ; просилъ короля *не входить* съ нимъ *въ судъ* и ссылался на отсутствіе товарищей для рѣшенія столь важнаго дѣла. Канцлеръ, дававшій ему отвѣты отъ имени короля и сената, объявилъ, что у него будутъ отобраны подлѣсскія староства. Воловичъ однако не уступалъ и былъ отпущенъ изъ засѣданія. Но посольская изба послѣ того не хотѣла обсуждать никакихъ дѣлъ, пока Воловичъ не принесетъ присягу или у него не будутъ отняты имѣнія, а также пока не будутъ ограждены подлѣсяне, принесшіе присягу; ибо литовскіе сенаторы разослали на Подлѣсье и Волынь грамоты съ приказаніемъ собираться на войну подъ опасеніемъ потери имѣнія. Въ особенности смущалъ ихъ своими жалобами одинъ изъ подлѣсянъ, нѣкій староста Ласпцкій, который имѣлъ въ Литвѣ землю по сосѣдству съ жмудскимъ старостой Ходковичемъ, и выражалъ опасенія за свою жизнь и имущество со стороны этого сильнаго и мстительнаго сосѣда. Король успокоилъ пословъ обѣщаніемъ раздать староства Воловича другимъ лицамъ; а на Волынь и Подлѣсье поспѣшилъ разсылкою королевскихъ универсаловъ въ отпоръ грамотамъ литовскихъ сенаторовъ. Универсалы эти, возвѣщая о возсоединеніи Подлѣсья и Волыни съ короною, повелѣвали сенаторамъ и посламъ спхъ земель, уѣхавшимъ изъ Люблина, немедля воротиться и занять свои мѣста на общемъ сеймѣ; при чемъ симъ областямъ обѣщана свобода отъ экзекуціи. Ослушникамъ изъ сенаторовъ грозили лишеніемъ должностей и староствъ, а изъ пословъ тѣми наказаніями, которыя будутъ постановлены на сеймѣ.

Въ то же время велись переговоры и съ находившимися въ Люблинѣ прусскими сенаторами и послами, т. е. представителями западной Пруссіи, чтобы они заняли мѣста на сеймѣ вмѣстѣ съ польскими сенаторами. Пруссаки отказывались, ссылаясь на свои привилегіи, по которымъ они имѣли свои особые сеймы. Однако по настоянію поляковъ и получивъ повелѣніе короля, пруссаки явились на сеймъ и заняли свои мѣста какъ въ сенатѣ, такъ и въ посольской избѣ; но при семъ дѣлали разныя протестаціи, ссылаясь на ограниченныя полномочія отъ своихъ согражданъ; а потомъ

пруссаки перестали являться на засѣданія посольской избы. Очевидно Люблинскій сеймъ имѣлъ объединительную задачу (въ смыслѣ государственномъ) по отношенію не къ одной Литвѣ и юго-западной Руси.

Межъ тѣмъ польскіе послы продолжаютъ показывать нетерпѣніе; нерѣдко они отказываются обсуждать какіе-либо другіе вопросы, пока не рѣшено дѣло уніи. Они требуютъ, чтобы представители Подлѣсья и Волыни, не воротившіеся на сеймъ, были лишены должностей и староствъ и подвергнуты экзекуціи, т. е. провѣркѣ документовъ на владѣніе и отобранію имѣній у тѣхъ, которые не докажутъ своихъ правъ. По вопросу объ экзекуціи возникаютъ на сеймѣ многія и продолжительныя пренія, изъ которыхъ постоянно выяснялось нерасположеніе пословъ къ экзекуціи и вообще къ какимъ бы то ни было налогамъ на войско; они скорѣе предпочитаютъ собрать общее ополченіе или такъ наз. „посполитое рушеніе“, чѣмъ жертвовать деньги на содержаніе наемныхъ войскъ. Сеймъ постоянно хватается за четвертую часть доходовъ со столовыхъ имѣній, которую король жертвовалъ на войско; на этой четвертой части сеймъ хочетъ основать едва-ли не всю постоянную оборону государства; онъ толкуетъ о томъ, какъ собирать ее и расходовать, гдѣ хранить и т. п. При семъ слышны постоянныя жалобы на разорительные рекуператорскіе позвы, т. е. позвы владѣтелей этихъ имѣній къ суду для доказательства своихъ правъ или за неуплату четвертой части — вообще жалобы на земскія неустройства и всякія неправды. „Какая польза сочинять столько конституцій?—говорятъ нѣкоторые послы:—вѣдь ни одна изъ нихъ не исполняется. Воевода не исполняетъ своей обязанности, старосты тоже, купцы тоже; пошлины (отмѣненныя) продолжаютъ существовать; дерутъ, грабятъ; ни въ чемъ нѣтъ успѣха“. „У иностранцевъ сдѣлалось ходячею пословицей, что поляки страдаютъ сеймовою болѣзнію. Только пьянымъ людямъ свойственно такъ долго и неразумно дѣлать дѣла, какъ дѣлаемъ мы“, и т. п.

---

5 апрѣля во вторникъ на сеймъ явилось посольство отъ литовскаго сената. Чтобы выслушать его рѣчь, позвали польскихъ пословъ въ сенаторскую палату. Король, показывая видъ неудовольствія на литвиновъ, отказался прибыть на засѣданіе. Тутъ представителями отъ Литвы были жмудскій староста Ходковичъ, кастелянъ витебскій Пацъ, подканцлеръ Воловичъ, крайчій Радзивилъ и подчашій Кишка.

Посольство справлялъ Ходковичъ, который „по тетрадкѣ

прочелъ длинную рѣчь отъ имени своихъ товарищей, литовскихъ сенаторовъ. Послѣдніе, узнавъ о королевскихъ универсалахъ, отторгающихъ отъ Литвы Волынь и Подлѣсье, поручили означеннымъ лицамъ ходатайствовать передъ королемъ объ отмѣнѣ сихъ универсаловъ и объяснить сейму свое поведеніе, т. е. свой внезапный отъѣздъ изъ Люблина. Изъ этихъ объясненій оказывалось, будто литовцы согласились прибыть на сеймъ для заключенія уніи потому, что имъ было обѣщано совершить ее на основаніяхъ „братской любви", при сохраненіи ихъ привилегій. Въ такомъ смыслѣ литовскіе послы получили инструкціи отъ своихъ избирателей. Восемь недѣль литвины прожили въ Люблинѣ и вели переговоры; убѣдясь, что дѣло уніи поставлено на иныхъ основаніяхъ, они не могли согласиться на нее, не имѣя на то полномочій отъ своей братіи, а потому рѣшили отложить это дѣло до другаго сейма и разъѣхаться, но не тайкомъ, а предваривъ о томъ его королевское величество. Уѣзжая, они оставили нѣкоторыхъ литовскихъ сановниковъ, именно подканцлера (Воловича) и подскарбія (Нарушевича), для своихъ сношеній съ польскимъ сенатомъ. Съ удивленіемъ услыхали литовцы объ отторженіи отъ нихъ Волыни и Подлѣсья, относительно принадлежности которыхъ къ Литвѣ никогда прежде не было ни малѣйшаго сомнѣнія, и принадлежность эту всѣ государи подтверждали присягою, вступая на престолъ—въ томъ числѣ и настоящій король. Литовцы умоляютъ отмѣнить такую несправедливость. А по дѣлу уніи они просятъ не настаивать на немедленномъ ея рѣшеніи, но созвать новый сеймъ, на который литовскіе послы могли бы пріѣхать, снабженные надлежащими для того полномочіями.

Польскіе сенаторы не дали на эту рѣчь пока никакого отвѣта и попросили прислать съ нея письменную копію. Послѣ того нѣсколько дней между поляками, особенно въ посольской избѣ, шли горячія пренія о томъ, какой отвѣтъ дать на просьбу литовцевъ, т. е. на просьбу объ отсрочкѣ уніи до другаго сейма, такъ какъ присоединеніе Волыни и Подлѣсья къ коронѣ было поставлено внѣ спора. Часть пословъ согласна была на отсрочку и не желала ожидать въ Люблинѣ возвращенія литовцевъ. Побужденіе, которое ими при семъ руководило, было экономическаго свойства: эти послы, въ виду возникшихъ препятствій, т. е. упорства литвиновъ, полагали, что унія не состоится, а вмѣстѣ съ тѣмъ рушится и уплата четвертой части съ столовыхъ королевскихъ имѣній, назначенной на войско, ибо эта уплата связана была съ дѣломъ уніи, такъ какъ ее слѣдовало поддер-

жать военной силой. Но такіе эгоистическіе разсчеты владѣльцевъ столовыхъ имѣній встрѣтили сильный отпоръ со стороны большинства, которое рѣшило три недѣли ожидать возвращенія литвиновъ, не позволять имъ собирать сеймики для полученія новыхъ полномочій и вообще въ теченіе настоящаго сейма во что бы то ни стало добиться окончательной уніи.

Любопытно, что самыми усердными поборниками сего рѣшенія, явились послы отъ подлѣсскаго воеводства, вновь присоединеннаго отъ Литвы къ коронѣ. Говорившій отъ имени сего воеводства, хорунжій Дрогицкій сказалъ между прочимъ слѣдующее: „Мы не сомнѣваемся, что вы поможете намъ снять съ себя литовскую неволю, потому что мы добровольно присоединились къ вамъ *ради польскихъ вольностей*; да и волынцы скорѣе склонятся къ тому же, когда услышатъ, что мы получили свободу. Что же касается до того, чтобы литовцамъ созывать сеймики, то эти сеймики тамъ отбываются иначе, чѣмъ у васъ, господа. Тамъ пріѣзжаютъ на сеймикъ только воевода, староста, да хорунжій; *напишутъ, что имъ вздумается, и пошлютъ къ земянину на домъ, чтобы подписалъ*. Если онъ не подпишетъ, то они отдуютъ его палками. Поэтому не понимаю, какая тамъ могла бы быть надобность въ сеймикахъ? Тамъ шляхта не участвуетъ ни въ какихъ совѣщаніяхъ; тамъ сенаторы дѣлаютъ, что хотятъ. Если вы назначите имъ сеймики, то развѣ для того, чтобы протянуть имъ время, и они тамъ еще напишутъ, что даютъ посламъ ограниченную власть, чего безъ сеймиковъ не сдѣлали бы; а вы, господа, будете здѣсь даромъ жить". „Ради Бога не дайте имъ обмануть васъ".

Къ этой эпохѣ Люблинскаго сейма относится замѣчательный судебный эпизодъ. Обыкновенно рядомъ съ обсужденіемъ общегосударственныхъ дѣлъ на вальныхъ сеймахъ, король творилъ разбирательство и судъ по важнѣйшимъ и уголовнымъ процессамъ. 16 апрѣля въ субботу, Сигизмундъ-Августъ разбиралъ дѣло между жмудскимъ старостой Ходковичемъ и виленскимъ воеводичемъ Глѣбовичемъ. Этотъ Глѣбовичъ, еще очень молодой человѣкъ, при взятіи Полоцка московскими войсками, попалъ въ плѣнъ. Находясь въ заключеніи, онъ вступилъ въ договоръ съ царемъ Иваномъ и получилъ свободу, присягнувъ на слѣдующихъ условіяхъ: служить (собственно „радѣть") въ своей землѣ московскому государю; склонять нѣкоторыхъ литовскихъ сановниковъ, въ томъ числѣ жмудскаго старосту, къ таковой же службѣ; постараться примирить короля съ царемъ на основаніи

уступки послѣднему Полоцкаго уѣзда и всей Ливоніи; по смерти короля убѣждать литвиновъ выбрать своимъ государемъ Ивана или его сына, съ обѣщаніемъ не нарушать ихъ вольностей, судовъ и границъ и т. д. А за его освобожденіе должны быть освобождены два московскихъ знатныхъ плѣнника. Теперь Ходковичъ торжественно обвинялъ Глѣбовича въ государственной измѣнѣ, ссылаясь на приведенные пункты заключеннаго съ московскимъ царемъ договора и на переданныя имъ письма отъ царя къ нему (т. е. Ходковичу) и другимъ сенаторамъ. Глѣбовичъ оправдывалъ свое поведеніе тѣмъ, что онъ все это сдѣлалъ притворно, чтобы избавиться отъ тяжкаго плѣна и предупредить короля о козняхъ непріятеля; что, по возвращеніи въ отечество, онъ немедленно объявилъ обо всемъ его величеству; что король принялъ его милостиво, отпустилъ за него двухъ московскихъ плѣнниковъ, приказалъ передать сенаторамъ московскія письма и написать отвѣтъ царю, и далъ Глѣбовичу оправдательный декретъ. Однако Ходковичъ не хотѣлъ принимать этихъ оправданій и продолжалъ обвинять Глѣбовича, такъ какъ послѣдній рѣшился дать царю присягу. Если онъ присягнулъ искренно, то онъ измѣнилъ, а если притворно, то онъ безчестный человѣкъ. Отсюда между Ходковичемъ и Глѣбовичемъ возникла перебранка. Послѣдній готовъ былъ выйти на поединокъ, но Ходковичъ не хотѣлъ принять поединка, пока противникъ не будетъ очищенъ отъ безчестья. Король подозвалъ сенаторовъ и, посовѣтовавшись съ ними, постановилъ отложить рѣшеніе этого дѣла до слѣдующаго вторника. Тутъ произошелъ споръ о томъ, кто долженъ во всеуслышаніе объявить это рѣшеніе: маршалъ королевства Фирлей считалъ сіе своею обязанностью, такъ какъ судъ происходилъ въ предѣлахъ королевства; а литовскій подканцлеръ Воловичъ присвоивалъ ее себѣ на томъ основаніи, что дѣло происходило между литовцами. Постановлено, чтобы объявлялъ приговоръ коронный маршалъ, а литовскій подканцлеръ стоялъ бы подлѣ него. (Окончательный приговоръ по сему дѣлу въ сеймовомъ дневникѣ не упомянутъ).

Волынцы и часть подлѣсянъ все еще не являлись на сеймъ для принесенія присяги на вѣрность польской коронѣ; литовцы тоже медлили, хотя прошли уже назначенные имъ сроки и разныя отсрочки. Польскіе сеймовые послы волновались, сгорая желаніемъ воротиться домой, громко роптали на безконечное ожиданіе и требовали энергическихъ мѣръ противъ медлителей въ видѣ экзекуціи, лишенія должностей и староствъ. Дѣйствительно, ради острастки

непокорнымъ король лишилъ должностей подлѣсскихъ воеводу и кастеляна, и должности ихъ передалъ другимъ (Кишкѣ и Косинскому), которые немедля принесли присягу коронѣ и заняли назначенныя имъ мѣста въ польскомъ сенатѣ. Въ ожиданіи дальнѣйшаго хода уніи, король занимался разными судебными процессами, торжественными пріемами то леннаго Прусскаго герцога, то чрезвычайнаго турецкаго посла и т. п.; а сеймъ обсуждалъ разные политическіе и экономическіе вопросы. Болѣе всего тратилось время на пренія о четвертой части столовыхъ доходовъ, о томъ, какъ ее собирать и расходовать, гдѣ хранить, какъ поступать съ тѣми столовыми имѣніями, которыя находились въ залогѣ и т. п. Нѣкоторые наиболѣе безпокойные послы, не довольствуясь изъятіемъ изъ королевскаго пользованія помянутой четвертой части, назначавшейся на войско, поднимали вопросъ объ отобраніи у короля въ пользу Рѣчи Посполитой и остальныхъ трехъ четвертей, такъ какъ онъ не исполнилъ своего обѣщанія относительно уніи и доселѣ не привелъ ее къ концу.

Только въ 20-хъ числахъ мая волынцы начали мало по малу возвращаться на Люблинскій сеймъ, извиняясь передъ королемъ болѣзнями и другими причинами своего замедленія. Очевидно, по мѣрѣ его настойчивости и рѣшительныхъ мѣръ, слабѣла оппозиція дѣлу уніи со стороны литовско-русскихъ вельможъ: грозившая потеря должностей и старостъ устрашила многихъ. Волынцы начали приносить требуемую присягу, но не безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ споровъ и затрудненій. Такъ сначала они потребовали, чтобы поляки тоже съ своей стороны принесли имъ взаимную присягу. Напримѣръ, въ этомъ смыслѣ 24 мая говорилъ князь Богушъ Корецкій, староста луцкій, брацлавскій и винницкій. А за нимъ князь Константинъ Вишневецкій отъ имени волынцевъ говорилъ, что они „присоединяются къ полякамъ какъ люди вольные и свободные“ и просятъ сохранить за ними ихъ старыя вольности; просятъ, чтобы ихъ княжескіе роды, „которые по своему происхожденію имѣютъ особенное положеніе и честь“, не были умалены въ своей чести, и чтобы никого не принуждали къ другой вѣрѣ, такъ какъ они (волынцы) суть греческаго вѣроисповѣданія. Въ заключеніе Вишневецкій просилъ, чтобы имъ позволено было подождать съ присягою до пріѣзда другихъ братій. На всѣ эти прошенія отвѣчали сначала отъ сената архіепископъ гнѣзненскій, а потомъ самъ король въ самыхъ ласковыхъ, но общихъ выраженіяхъ, съ обѣщаніями

держать новоприсоединяемыхъ при свободѣ и всѣхъ вольностяхъ. На просьбы о взаимной присягѣ поляковъ или объ отсрочкѣ присяги волынцевъ данъ былъ рѣшительный отказъ.

Когда же волынцы всетаки медлили, польскій подканцлеръ ксендзъ Красинскій воскликнулъ: „Извольте, господа, идти къ присягѣ!“

— Мы пріѣхали сюда добровольно, по принужденію ничего не дѣлаемъ—замѣтилъ Вишневецкій.

Польскіе сенаторы стали убѣждать волынцевъ; тѣ продолжали отказываться. Вмѣшался самъ король и сказалъ, чтобы ихъ оставили въ покоѣ, что тутъ никого не неволятъ, но что и онъ съ своей стороны тоже поступитъ по закону (т. е. отниметъ должности). Тогда изъ среды волынцевъ выступили два самыхъ знатныхъ человѣка: воевода волынскій князь Чарторыйскій и воевода кіевскій князь Василій Константиновичъ Острожскій. Сей послѣдній, хотя и уѣхалъ было съ сейма въ числѣ другихъ литовско-русскихъ вельможъ, но далеко не былъ усерднымъ противникомъ уніи. Напротивъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими товарищами онъ и во время отсутствія продолжалъ сноситься съ королемъ и увѣрять его въ своей преданности. Такъ на одномъ мартовскомъ засѣданіи краковскій кастелянъ Мѣлецкій заявилъ королю, что князь Острожскій уѣхалъ только по нездоровью, но что онъ пріѣдетъ, когда его величеству угодно будетъ извѣстить его. Онъ не только пріѣхалъ, но и по всѣмъ признакамъ значительно повліялъ въ смыслѣ покорности на другихъ волынскихъ вельможъ, въ томъ числѣ на своего родственника князя Чарторыйскаго. Теперь, во время пререканій о присягѣ, Острожскій сказалъ: „я наслово вѣрю моему государю во всемъ и нисколько не сомнѣваюсь, что будетъ исполнено все имъ обѣщанное“. Затѣмъ онъ и Чарторыйскій припомнили королю службу свою и своихъ предковъ. Чарторыйскій при семъ прославлялъ свой родъ, указывая на его происхожденіе отъ князей литовскихъ. Послѣ того они принесли требуемую присягу; за ними присягнули князья Богушъ Корецкій и Константинъ Вишневецкій и еще нѣкоторые волынцы и подлѣсяне. По примѣру ихъ, черезъ два дня, принесли присягу трокскій воевода Збаравскій и подканцлеръ литовскій Воловичъ, какъ крупные землевладѣльцы въ Подлѣсьѣ и на Волыни. Такимъ образомъ не даромъ король щадилъ знатнаго литовскаго вельможу и хотя по настоянію поляковъ отобралъ у него нѣкоторыя подлѣсскія имѣнія, но съ осталь-

ными выждалъ до тѣхъ поръ, пока упорство Воловича было сломлено.

Князь Острожскій также присягнулъ пока только въ качествѣ владѣтеля нѣкоторыхъ имѣній на Волыни, а не въ качествѣ воеводы кіевскаго. Но вслѣдъ затѣмъ, и вѣроятно не безъ его согласія, поднятъ былъ вопросъ о самомъ кіевскомъ воеводствѣ.

Очевидно безпрепятственныя присоединенія западно-русскихъ краевъ къ Рѣчи Посполитой сильно разохотили поляковъ. Поэтому на засѣданіи 28 мая посольскій маршалъ уже указывалъ королю на какія-то старыя привилегіи, по которымъ вся кіевская земля принадлежитъ коронѣ. Точно также и на засѣданіи 1 іюня перемышльскій судья Орѣховскій въ своей рѣчи отъ имени польскихъ пословъ между прочимъ настаивалъ на давней якобы принадлежности Польшѣ Кіева, Брацлава и Винницы. Король обѣщалъ переговорить съ сенаторами о кіевскомъ воеводствѣ. Что же касается брацлавскаго воеводства, то Сигизмундъ-Августъ прямо объявилъ его присоединеннымъ къ королевству какъ часть Подоліи. На семъ основаніи потребована была немедленная присяга отъ брацлавскаго воеводы Романа Сангушка, который только-что прибылъ въ Люблинъ и представилъ королю нѣсколько десятковъ русскихъ плѣнныхъ и четыре пушки, взятыя въ битвѣ на Улѣ. На требованіе присяги Сангушко отвѣчалъ высокопарными словами о заслугахъ своихъ предковъ, о своей преданности государю, и въ заключеніе соглашался произнести присягу, какъ владѣтель нѣкоторыхъ имѣній на Волыни и какъ брацлавскій воевода. Только во время этой присяги онъ, ставъ на колѣна, просилъ короля, чтобы тотъ, „какъ помазанникъ Божій, положилъ на него руку и такимъ образомъ снялъ бы съ него первую присягу, которую Романъ принесъ ему какъ литовскому князю“. Король исполнилъ его просьбу. За нимъ принесли присягу луцкій староста и кастелянъ Корецкій, кастелянъ брацлавскій князь Капуста и др. Знатные люди послѣ присяги немедленно занимали указанныя имъ мѣста въ польскомъ сенатѣ; такъ Сангушку посадили ниже маріенбургскаго воеводы, Корецкаго ниже кастеляна львовскаго, Капусту подъ кастеляномъ Равскимъ.

Затѣмъ со стороны посольской избы начались усердныя петиціи королю въ пользу присоединенія Кіева; причемъ указывали на слишкомъ открытое положеніе Волыни съ востока, т. е. со стороны москвитянъ и татаръ, откуда она доселѣ защищена была Кіевомъ, и ссылались на древнія лѣтописи,

по которымъ будто бы „сей городъ трижды былъ взятъ и разграбленъ польскими королями“. Однако, когда этотъ вопросъ отданъ былъ на обсужденіе сената, то нашлось нѣсколько сенаторовъ, въ томъ числѣ епископъ краковскій Филиппъ Падневскій, воеводы краковскій Станиславъ Мышковскій и сендомірскій Петръ Зборовскій, которые возражали противъ присоединенія Кіева. Они указывали на большія издержки, которыхъ потребуетъ оборона этого края, и желали издержки эти предоставить литовцамъ. Послѣ довольно горячихъ споровъ мнѣніе сторонниковъ присоединенія превозмогло. Въ засѣданіи 5 іюня король чрезъ канцлера объявилъ сейму о присоединеніи Кіева къ Польскому королевству. Краковскій воевода имѣлъ смѣлость открыто протестовать противъ сего рѣшенія. „Всѣ присутствовавшіе были такъ разсержены и взволнованы, что насилу удержались, чтобы не плевать на него“—по замѣчанію сеймоваго дневника. Князь Острожскій немедля принесъ присягу въ качествѣ кіевскаго воеводы.

Такимъ образомъ, почти вся югозападная Русь и часть сѣверозападной были оторваны отъ великаго княжества Литовскаго и присоединены къ Польскому королевству. Дѣло уніи на половину уже совершилось. Вторая половина дѣла сама собою вытекала изъ первой; ибо какую самостоятельную силу могло представлять теперь великое княжество, ограниченное собственно литовскимъ краемъ и бѣлорусскими землями? По выраженію жмудскаго старосты Ходковича, у Литвы „были обрѣзаны крылья“. А потому дальнѣйшій ходъ Люблинскаго сейма представляетъ только постепенное, неотразимое подчиненіе литовцевъ польскимъ требованіямъ.

Литовскіе сенаторы и послы по большей части вновь воротились на сеймъ въ виду опасности лишиться должностей и имѣній и въ виду того, что ихъ отсутствіе не только не прекратило Люблинскаго сейма, но напротивъ помогло ему безпрепятственно отнять у Литвы обширныя и лучшія области. Уже на слѣдующій день послѣ присоединенія Кіева, т. е. 6 іюня, литовцы, по приказанію короля, собрались въ замокъ на совѣщаніе съ польскими сенаторами. Тутъ Ходковичъ отъ имени товарищей съ горечью и гнѣвомъ упрекалъ поляковъ въ незаконномъ отнятіи областей у Литовскаго княжества. Но поляки уклонялись отъ преній и мягко приглашали литвиновъ приступить къ окончанію уніи и занять мѣста въ общихъ засѣданіяхъ. Посольская изба вздумала было оскорбиться рѣчью Ходковича и 7 іюня

обратилась къ королю съ жалобою. Но король посовѣтовалъ оставить эту жалобу и принять во вниманіе, что „литовцы не могутъ не сердиться: у нихъ вѣдь оборваны крылья“. Затѣмъ вновь начались пререканія объ условіяхъ уніи. Такъ какъ высшія должности (канцлера, маршала, подскарбія и пр.) оставались въ Литвѣ нетронутыми, то литвины требовали, чтобы за ихъ княжествомъ оставлена была и особая печать, чтобы общіе сеймы бывали попеременно и въ Польшѣ, и Литвѣ, чтобы вновь избранный король принесъ присягу какъ Польскому королевству, такъ и великому княжеству Литовскому. „Если сеймъ всегда будетъ собираться только въ королевствѣ—говорили они, то какую будетъ имѣть власть рядомъ съ маршаломъ короннымъ литовскій маршалъ? Или какая будетъ должность канцлера великаго княжества Литовскаго, когда на сеймѣ всѣ дѣла будутъ выходить только съ печатью королевства?“ Кромѣ того литвины желали, чтобы отказъ короля отъ литовскаго наслѣдства сдѣланъ былъ въ пользу не одной польской короны, но и распространенъ былъ также на великое княжество, и чтобы Инфлянты (Ливонія) оставлены были за Литвою.

Поляки не соглашались уступить даже и въ этихъ неважныхъ пунктахъ. Особенно шумѣла посольская изба; она не только не хотѣла слышать о какихъ-либо уступкахъ, но постоянно возвращалась къ королевской грамотѣ, по которой литвины, уѣхавшіе съ сейма, объявлены были ослушниками, и требовала, чтобы съ ними поступлено было на основаніи этой грамоты, не теряя времени на дальнѣйшія убѣжденія. Впрочемъ въ самой посольской избѣ при обсужденіи разныхъ подробностей проекта уніи не разъ возникали несогласія, и она не могла придти къ единодушному рѣшенію по поводу того, какъ поступать съ литовскими просьбами или письменными заявленіями. Вопросъ о двухъ печатяхъ въ теченіе цѣлаго ряда засѣданій послужилъ главнымъ предметомъ спора со стороны литвиновъ и грозилъ даже разстроить все дѣло уніи, стоившее такихъ трудовъ и усилій. Тяжело было положеніе короля между настойчивостью поляковъ съ одной стороны и жалкимъ, умоляющимъ тономъ литовцевъ съ другой. Литовскіе сенаторы и послы продолжали собираться въ отдѣльной залѣ. 24 іюня король въ теченіе нѣсколькихъ часовъ переходилъ то къ польскимъ, то къ литовскимъ сенаторамъ, стараясь привести ихъ къ обоюдному соглашенію, и наконецъ до того утомился, что ему сдѣлалось дурно. Нужно замѣтить, что

*

въ это время Сигизмундъ-Августъ былъ удрученъ тяжкимъ недугомъ: онъ страдалъ припадками каменной болѣзни.

Наконецъ, 27 іюня, во вторникъ, многотрудное дѣло уніи пришло къ вожделѣнному для поляковъ концу. Литовцы прибыли въ польскую сенаторскую палату, гдѣ находился и король. Сюда же призваны были и польскіе послы. Вождь литовской рады, жмудскій староста Ходковичъ, сказалъ длинную и убѣдительную рѣчь; онъ говорилъ все о тѣхъ же вышеупомянутыхъ пунктахъ и съ горестью заявилъ, что Литва принуждена уступить въ вопросѣ о печати, но проситъ поляковъ сдѣлать ей уступку въ остальныхъ пунктахъ. Онъ упалъ на колѣна передъ королемъ; за нимъ пали на колѣна всѣ литовскіе сенаторы и послы.

— Именемъ Бога—говорилъ со слезами Ходковичъ—умоляемъ тебя, государь, помнить нашу службу, нашу вѣрность тебѣ и нашу кровь, которую мы проливали для твоей славы. Благоволи такъ устроить насъ, чтобы всѣмъ была честь, а не посмѣяніе и униженіе, чтобы сохранены были наше доброе имя и твоя царская совѣсть. Именемъ Бога умоляемъ тебя помнить то, что ты намъ утвердилъ своею собственною присягою.

При этомъ литовцы съ плачемъ встали. Поляки также были тронуты, и многіе изъ ихъ сенаторовъ проливали слезы жалости. Отъ имени польскихъ сенаторовъ отвѣчалъ епископъ краковскій; дружескимъ успокоительнымъ тономъ онъ говорилъ о взаимной братской любви двухъ народовъ и просилъ литовцевъ окончательно и немедленно принять унію. Въ томъ же тонѣ говорилъ самъ король; а затѣмъ ксендзъ-подканцлеръ (Краснинскій) по тетрадкѣ прочелъ заранѣе приготовленный королевскій отвѣтъ. Главное содержаніе всѣхъ этихъ отвѣтовъ заключалось въ общихъ увѣреніяхъ, что изъ настоящей уніи, съ Божьей помощью, не можетъ выдти ничего кромѣ добраго для обѣихъ сторонъ и что литвины останутся при прежнихъ вольностяхъ и почестяхъ. Съ дозволенія короля, послѣдніе удалились въ свою залу для окончательнаго совѣщанія. Это совѣщаніе длилось около трехъ часовъ. Послѣ того они воротились въ сенатъ и устами того же Ходковича высказали свое согласіе на всѣ пункты уніи, только просили смягчить нѣкоторыя выраженія въ ихъ пользу. Всѣ польскіе сенаторы встали, и краковскій епископъ отъ ихъ имени выразилъ благодарность литвинамъ. Король также высказалъ свою радость.

На слѣдующій день, 28 іюня, наканунѣ праздника св. апостоловъ Петра и Павла, по костеламъ пѣли Te Deum

laudamus, и проповѣдники призывали народъ благодарить Господа Бога.

Торжественная присяга обѣихъ сторонъ на унію совершалась 1 іюля въ пятницу. Сперва присягали сенаторы королевства, начиная съ архіепископа, потомъ литовскіе сенаторы, далѣе польскіе земскіе послы по воеводствамъ, а за ними литовскіе земскіе послы. При семъ подлѣсяне, волыняне и кіевляне присягали уже въ числѣ поляковъ. Польскіе сенаторы благодарили Бога за то, что далъ имъ дожить до такой минуты и плакали. Канцлеръ, читавшій форму присяги, былъ такъ растроганъ, что не могъ продолжать чтеніе и передалъ великому маршалу. Однако и въ эту торжественную минуту не обошлось безъ нѣкотораго происшествія. Всѣ присягавшіе поочереди призываемы были къ столу, около котораго благоговѣйно стоялъ король, снявъ шапку. Присяга, заключавшая обоюдное обѣщаніе свято исполнять свои обязанности къ королю и всѣ пункты уніи, оканчивалась словами: „Да поможетъ мнѣ въ этомъ Богъ единый въ Троицѣ и его святое Евангеліе“. Вдругъ холмскій подкоморій Николай Сѣницкій съ двумя другими польскими послами (Желинскимъ и Бросковскимъ изъ Мазовіи), прежде чѣмъ сталъ на колѣни, сказалъ: „Я не буду присягать во имя Троицы и того Бога, котораго не признаю“. Очевидно это были члены аріанской секты или антитринитаріи. Король сурово приказалъ Сѣницкому не прерывать совершающагося акта. Тотъ присягнулъ, но безъ помянутыхъ заключительныхъ словъ. А два его товарища совсѣмъ ушли изъ палаты и не присягали. (На слѣдующій день ихъ однако заставили присягнуть подъ угрозою исключенія изъ сейма). Кромѣ того возникъ споръ объ Инфлянтахъ. Сенаторы литовскіе хотѣли, чтобы представители Инфлянтовъ присягали какъ члены Литовскаго княжества, а польскіе возражали, что Инфлянты признаны въ общемъ литовскомъ и польскомъ владѣніи, потому они должны присягать особо. Дѣло это было отложено до другаго времени. По окончаніи присяги король сѣлъ на коня и въ сопровожденіи членовъ сейма со множествомъ народа отправился въ костелъ св. Станислава, гдѣ самъ принималъ участіе въ пѣніи Te Deum laudamus.

Затѣмъ, со 2-го іюля поляки и литвины засѣдали на сеймѣ вмѣстѣ какъ въ сенаторской, такъ и въ посольской палатѣ. Предметами совѣщаній служили разные невполнѣ рѣшенные дотолѣ пункты, относящіеся къ уніи, каковы: о защитѣ государства, о монетѣ, объ Инфлянтахъ о мѣстѣ

общаго сейма, о мѣстахъ, которыя должны занимать въ сенатѣ литовскіе вельможи, духовные и свѣтскіе, объ избраніи короля и пр. Монета для Польши и Литвы принята общая, т. е. одинаковая по вѣсу, цѣнности и надписи. Мѣстомъ для будущихъ сеймовъ назначена Варшава. Инфлянты утверждены въ общемъ владѣніи, а присягу ихъ представители должны принести польскому королю. Мѣста литвиновъ и въ сенатѣ, и въ посольской избѣ распредѣлены между польскими сановниками и послами, впрочемъ не безъ нѣкоторыхъ споровъ и неудовольствій. Но самыя горячія пренія возбудили и самую большую часть времени поглотили вопросы, относящіеся къ оборонѣ соединеннаго государства. Всѣ эти вопросы впрочемъ скоро свелись къ одному: къ проекту храненія и расходованія четвертой части доходовъ изъ королевскихъ имѣній, ибо посольская изба отвергала всякіе другіе налоги и сборы на содержаніе войска, выражая рѣшительное нежеланіе жертвовать на эту статью что-либо изъ собственнаго имущества. Большинство сенаторовъ отказывалось обсуждать посольскій проектъ, предоставляя подскарбію завѣдываніе этимъ дѣломъ попрежнему. Но въ сенатскомъ засѣданіи 6 іюля король, изъ угожденія шляхтѣ, присталъ къ меньшинству. Тогда сендомірскій воевода потребовалъ счета голосамъ; на это возразилъ архіепископъ-примасъ. Между ними возникла перебранка.

— Господинъ воевода! сказалъ король.—И до тебя на этихъ креслахъ сидѣло не мало такихъ, которые покушались осѣдлать меня, но тщетно. И ты не покушайся на то же.

Воевода. „Все это мнѣ достается за сего ксендза; но я тебѣ, ксендзъ, за то отплачу“.

Архіепископъ. „Ты мнѣ угрожаешь?“

Воевода. „Да, угрожаю“.

Архіепископъ. „Милостивый король, заявляю вашему величеству, что господинъ воевода мнѣ угрожаетъ. Я не боюсь его, но прошу ваше величество и васъ, гг. сенаторы, помнить, что онъ мнѣ угрожаетъ“.

Зборовскій съ гнѣвомъ вышелъ изъ сената; за нимъ послѣдовало нѣсколько другихъ сенаторовъ. Несмотря на то, проектъ храненія и расходованія четвертой части поступилъ на обсужденіе. Но возникшія отсюда пренія и притязанія, заявленныя посольскою избою, послужили для короля источникомъ великихъ огорченій, какъ бы въ награду за его излишнюю угодливость шляхтѣ. Между прочимъ послы напали на установленіе должностей особыхъ королевскихъ подскарбіевъ въ Мазовіи и Пруссіи и требовали

ихъ уничтоженія. Требовали также, чтобы вся четвертая часть королевскихъ столовыхъ доходовъ подвергалась болѣе строгому взиманію въ пользу Рѣчи Посполитой, т. е. чтобы она сполна и дѣйствительно поступала въ государственную казну со всѣхъ таковыхъ имѣній, въ чьемъ бы временномъ владѣніи или въ закладѣ они ни находились (въ королевствѣ, но не въ Литвѣ). Король выразилъ свое неудовольствіе по поводу спхъ требованій. Говорилъ, что его добровольный даръ (четвертую часть) ему уже вмѣнили въ обязательство и отнимаютъ у него законное его достояніе. А въ концѣ концовъ увѣрялъ, что онъ ни въ чемъ не можетъ отказать представителямъ народа. Указавъ на свое горло, король въ засѣданіи 8 іюля со слезами сказалъ: „Еслибы вы просили у меня и это горло, то я готовъ отдать его вамъ“. Послы изъявляли королю благодарность за его благодѣянія Рѣчи Посполитой, въ особенности за унію, однако упорно настаивали не только вообще на отдачѣ четвертой части, но и на полной уплатѣ ея за прежніе годы. Грозили не обсуждать никакихъ дѣлъ, пока ихъ требованіе не будетъ удовлетворено. Король наконецъ на все соглашался, но просилъ подождать уплаты, ибо теперь былъ не въ состояніи уплатить. Послы изъявили согласіе, но просили обезпеченія. Сенаторы пробовали возражать, что неприлично требовать обезпеченія отъ своего государя. Король предложилъ дать обезпеченіе четвертой части въ остальныхъ трехъ частяхъ своихъ доходовъ. Подъ конецъ сейма польскіе послы стали было требовать, чтобы налогъ съ королевскихъ имѣній на войско былъ распространенъ и на Литву. Но литовскіе послы возразили, что у нихъ на военные расходы съ каждаго двора платится серебщизна, которой нѣтъ въ Польшѣ. Рядомъ съ этимъ вопросомъ обсуждались и другіе, возбуждавшіе тоже не мало споровъ и неудовольствій. Такъ послы русскаго воеводства тщетно домогались, чтобы уничтожена была пошлина, обременявшая галицкія соляныя копи.

Много еще дѣлъ оставалось нерѣшенными; а межъ тѣмъ все громче и громче раздавались жалобы пословъ на продолжительность сеймовой сессіи и ихъ крайнее утомленіе; все настойчивѣе обращались они къ королю съ просьбою отложить остальныя дѣла до слѣдующаго сейма. Наконецъ, король и сенаторы вняли этимъ просьбамъ. 11 августа назначено было прощаніе пословъ съ королемъ. Но едва маршалъ посольскій, Чарнковскій, заболѣвшій лихорадкою, началъ говорить прощальную рѣчь, какъ ему сдѣлалось

дурно, и его вывели. Послы обратились къ извѣстному между ними оратору, перемышльскому судьѣ Валентину Орѣховскому и усердно просили его сказать прощальное слово, чтобы не откладывать заключеніе сейма до слѣдующаго дня. Но Орѣховскій отказался говорить безъ приготовленія. Пришлось вновь собраться на слѣдующій день, 12 августа, въ пятницу. Успѣвшій оправиться, Чарнковскій сказалъ пространную рѣчь, длившуюся около двухъ часовъ. Содержаніе ея, главнымъ образомъ, заключалось въ похвалахъ и благодарности королю за то, что онъ со славою окончилъ столь важное дѣло, т. е. унію, которое не удалось окончить его предкамъ. Далѣе онъ убѣждалъ короля сохранить въ цѣлости два соединенныя государства и дать энергическій отпоръ какъ Московскому князю, такъ и другимъ непріятелямъ. Въ заключеніе призывалъ Божіе благословеніе на короля и просилъ Бога надолго сохранить его въ добромъ здоровьѣ. Король отвѣчалъ въ томъ же тонѣ; просилъ въ будущемъ озаботиться хорошимъ избраніемъ государя, такъ какъ онъ самъ не оставляетъ послѣ себя мужескаго потомства. Между прочимъ высказалъ огорченіе, что въ его правленіе появилось много разныхъ вѣръ, и свое намѣреніе возстановить единство вѣры, впрочемъ, не насиліемъ, а „при помощи всемогущаго Бога“. Въ заключеніе просилъ сенаторовъ и рыцарство не сѣтовать на него за то, что онъ не будетъ платить четвертой части со старыхъ суммъ, какія ему слѣдуютъ съ имѣній въ Мазовіи, королевствѣ и Литовскомъ княжествѣ, такъ какъ сеймъ съ своей стороны не постановилъ никакого обезпеченія для его семейства (собственно для его сестеръ). По окончаніи рѣчи послы подходили къ королю и цѣловали его руку.

Такъ окончился знаменитый Люблинскій сеймъ, длившійся цѣлые девять мѣсяцевъ и довершившій дѣло польско-литовско-русской уніи, дѣло, начатое еще въ концѣ XIV вѣка. Оно такъ долго и такъ постепенно направлялось въ одну сторону, что его окончательный исходъ почти не могъ подлежать какому-либо сомнѣнію. Главнымъ дѣятелемъ этой уніи явилась конечно окатоличенная и ополяченная династія, которая кромѣ довольно сильной, почти абсолютной, власти въ великомъ княжествѣ Литовскомъ имѣла въ своихъ рукахъ еще могущественное средство въ видѣ многочисленныхъ должностей и земельныхъ имуществъ, раздававшихся шляхтѣ во временное пользованіе. Далѣе, успѣху уніи не мало содѣйствовали нѣкоторая рознь между

аристократіей литовско-протестантской и русско-православной, а также стремленіе литовско-русской мелкой шляхты къ пріобрѣтенію тѣхъ же правъ и вольностей, которыми пользовалась шляхта польская. Московское самодержавіе, представлявшееся въ то время въ видѣ тиранніи Ивана Грознаго, понятно, отталкивало литовско-русское дворянство отъ сближенія съ восточной Русью и побуждало его еще тѣснѣе сплотиться съ Польшею. При упадкѣ католичества въ самой Польшѣ, вслѣдствіе распространившагося протестантизма, православная аристократія конечно не предвидѣла тогда большой опасности для своей церкви отъ сліянія югозападныхъ русскихъ областей съ Польшею, и потому съ этой стороны мы находимъ только слабо выраженныя заявленія. Сія аристократія какъ бы страдала какою-то слѣпотою и не понимала, что значитъ непосредственное сліяніе русскихъ областей съ Польшею и какъ жаждали поляки, чтобы имъ широко растворены были двери для захвата и колонизаціи благодатныхъ земель Волыни, Подоліи, Кіевщины.

Но въ то время, когда поляки, присоединяя къ себѣ обширныя области югозападной Россіи, возвышались на сравнительно высокую степень политическаго могущества, они обнаружили большую близорукость и недостатокъ государственнаго инстинкта по отношенію къ сѣвернымъ и западнымъ своимъ сосѣдямъ, т. е. къ нѣмцамъ. На томъ же Люблинскомъ сеймѣ, преемникомъ прусскаго герцога, находившагося въ ленной зависимости отъ Польши, король утвердилъ бранденбургскаго курфирста Альбрехта Фридриха. Хотя послѣдній въ качествѣ прусскаго герцога и принесъ ленную присягу польскому королю въ Люблинѣ 19 іюля, но хорошимъ государственнымъ людямъ нетрудно было бы предвидѣть, къ чему поведетъ это соединеніе въ рукахъ одного дома двухъ нѣмецкихъ владѣній, раздѣленныхъ между собою польско-прусскою провинціей. Нѣкоторые польскіе послы по этому поводу (въ засѣданіи 6 іюля) заводили было рѣчь о томъ: будетъ ли полезенъ Рѣчи Посполитой такой шагъ и не выйдетъ ли отсюда какого ущерба для нея? Но подобные голоса не возбудили никакого серьезнаго вниманія.

Въ историческомъ развитіи самаго польскаго сеймованія, этотъ Люблинскій сеймъ также имѣетъ важное значеніе. На немъ въ послѣдній разъ встрѣчаются остатки городскаго представительства, именно два посла отъ Кракова; а съ этого времени сеймы имѣютъ исключительно шляхетскій

характеръ. Далѣе, выступаетъ окончательное распаденіе сейма на двѣ палаты, сенаторскую и посольскую. Первая состоитъ изъ епископовъ, воеводъ, маршаловъ, канцлеровъ, подскарбіевъ, изъ старшихъ и младшихъ кастеляновъ. Но младшіе кастеляны въ это время еще занимаютъ не вполнѣ опредѣленное положеніе; мы встрѣчаемъ ихъ то въ сенатѣ, то въ посольской избѣ. Сенаторскія совѣщанія были закрытыя, т. е. сторонніе свидѣтели не допускались; а посольскія, наоборотъ, были публичны. Для важныхъ вопросовъ обѣ палаты соединялись въ общее засѣданіе. При подачѣ мнѣній еще не видимъ счета голосовъ; а просто, если меньшинство казалось незначительнымъ, то на него не обращали вниманія; если же оно было значительно, то обѣ стороны представляли свои мнѣнія на рѣшеніе короля, который не всегда держится большинства. Хотя сенатъ еще старается сохранить свой старый авторитетъ и присвоиваетъ себѣ починъ во всякомъ дѣлѣ, однако посольская изба или шляхетская демократія выступаетъ на этомъ сеймѣ уже съ явными притязаніями на преобладающее значеніе въ государствѣ.

Сигизмундъ-Августъ какъ бы всѣ свои способности и весь остатокъ воли истощилъ на дѣло уніи. Послѣ Люблинскаго сейма онъ прожилъ еще около трехъ лѣтъ, тратя на чувственныя забавы послѣднія физическія силы. Подагра и спинная сухотка окончательно привязали его къ мягкому креслу. Тяготясь строгими совѣтами медиковъ, онъ искалъ спасенія у шарлатановъ и знахарей, средства которыхъ, конечно, приносили ему одинъ вредъ. Межь тѣмъ, окружавшіе короля недостойные любимцы и фаворитки пользовались его слабостью, обирали его и торговали его милостями. Наибольшею силою при дворѣ въ это время пользовались два брата Мнишки Юрій и Николай, дворяне королевскіе, нѣкая Варвара Гижанка, дочь одного варшавскаго райцы (ратмана) и нѣкій жидъ Едидзи. Король скончался въ любимомъ своемъ мѣстечкѣ Кнышинѣ (недалеко отъ Бѣлостока), 7 іюля 1572 г., 52 лѣтъ отъ роду.

Съ Сигизмундомъ-Августомъ угасла династія Ягеллоновъ, которой сравнительно небольшая польская народность обязана своимъ возвышеніемъ и небывалымъ внѣшнимъ блескомъ, распространивъ свое государственное зданіе на всю западную Русь. Но та же самая династія, наградивъ Рѣчь Посполитую временнымъ внѣшнимъ блескомъ, оставила послѣ себя глубокія, смертельныя язвы въ организмѣ соединеннаго государства, въ видѣ расшатанной королевской власти, избалованнаго шляхетства, борь-

бы разныхъ исповѣданій и прочно внѣдрившагося еврейскаго элемента.

Мы видѣли, какими мѣрами и средствами дѣйствовали поляки при помощи короля, чтобы присвоить себѣ юго-западныя русскія области и привести дѣло политической уніи съ Литвою къ благополучному для себя окончанію, и какъ они неуклонно пользовались слабыми сторонами, точнѣе сказать, безпомощностью своихъ противниковъ. Въ нашей печати поэтому нерѣдко раздаются горькія жалобы на польскія неправды въ данномъ событіи. Дѣйствительно, съ русской національной точки зрѣнія, нельзя взирать на него безъ чувства горечи и сожалѣнія. Но съ общеисторической точки оно отнюдь не представляется какою-либо вопіющею аномаліей. Нѣтъ, поляки въ этомъ случаѣ поступали согласно съ общимъ историческимъ закономъ, на основаніи котораго живутъ и развиваются государства и національности. Этотъ общій законъ состоитъ въ томъ, что государство тѣмъ прочнѣе, чѣмъ крѣпче его внутреннія связи, чѣмъ сильнѣе его основная народность, а слѣдовательно и чѣмъ однороднѣе составъ его населенія. Во всякомъ государствѣ, имѣющемъ надежду на прочность и долговѣчность, можетъ быть только одна господствующая народность, и она неизбѣжно стремится усвоить себѣ инородные элементы, т. е. претворить ихъ въ свою собственную народность, *ассимилировать* ихъ и тѣмъ увеличить свой объемъ, свои силы. Преслѣдуя такую задачу по отношенію къ западной Руси, поляки поступали согласно съ общимъ историческимъ правиломъ. Несчастье ихъ заключалось, во-первыхъ, въ томъ, что они принялись католичить и полячить превосходящую ихъ объемомъ и преданную православію западно-русскую народность, за которой стояла во второй линіи могучая восточно-русская народность; въ этомъ отношеніи они взяли на себя задачу слишкомъ трудную. Во-вторыхъ, они взялись за эту задачу, сами не имѣя крѣпкой внутренней организаціи, т. е. твердой государственной власти, безъ которой невозможно никакое національное развитіе.

Третье ихъ бѣдствіе заключалось въ ихъ излишней податливости передъ напоромъ германизма и еврейства: первый отрѣзалъ ихъ отъ моря и постоянно сокращалъ ихъ западныя вѣтви; а второе камнемъ засѣло въ ихъ народномъ организмѣ и подготовило полное его разстройство. Въ этомъ отношеніи поляки обнаружили замѣчательный недостатокъ народнаго инстинкта самосохраненія; а ихъ правитель-

ственные классы не разумѣли истинной національной политики. Исторія и географія поставили ихъ на западной стражѣ славянскаго міра, а они измѣнили своему призванію и растратили свои силы въ борьбѣ съ восточнымъ славянствомъ.

Стараясь усвоить себѣ западную Русь, поляки поступали совсѣмъ не глупо; только задача эта оказалась имъ не по силамъ. Мы же поступимъ еще умнѣе, если, вмѣсто полумѣръ и безплодныхъ жалобъ на прошлыя неправды, мужественно и рѣшительно постараемся вполнѣ усвоить себѣ наши западныя окраины; для этого русская нація обладаетъ и соотвѣтственною народною мощью, и крѣпкою государственною властью. Но тотъ же германизмъ и то же еврейство, отъ которыхъ погибла Рѣчь Посполитая, угрожаютъ и русской государственности; охранить ее можетъ только строго-національная политика, внѣшняя и въ особенности внутренняя. Примѣръ Польши долженъ быть у насъ всегда передъ глазами. Попустительство съ этой стороны грозитъ большими бѣдами, и даже въ недалекомъ будущемъ, ибо историческіе процессы въ наше время совершаются несравненно скорѣе, чѣмъ въ эпоху Люблинской уніи.

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

* * *

Когда, святилище души
Замкнувъ предъ суетной толпою,
Поэтъ молчитъ—его покою
Не вѣрь: онъ бодрствуетъ въ тиши.

Не вѣрь молчанью грозной тучи...
Раздумья вѣщаго полна,
Свой дождь, свой вихрь, свой огнь летучій,
Свой громъ—таитъ въ груди она.

Но мигъ придетъ—и заповѣдный
Въ глубокихъ нѣдрахъ вспыхнетъ жаръ,
И тьму пронижетъ лучъ побѣдный,
И грянетъ громовой ударъ!

Гр. А. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

МОЛОДЕЖЬ [1].

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IX.

Въ отношеніяхъ Двинскаго къ Мери, повидимому, не произошло никакой перемѣны. Они попрежнему видѣлись почти каждый день, и Юрій былъ съ нею также внимателенъ и нѣженъ, какъ въ самые первые дни ихъ связи. И все-таки чего-то прежняго недоставало: не было уже того свѣтлаго безмятежнаго спокойствія, съ которымъ они пользовались своимъ незаконнымъ счастьемъ. Въ сердце молодой женщины часто прокрадывалась теперь тревожная мысль о непрочности этого счастья. Она боялась потерять любовь Юрія и съ пугливымъ безпокойствомъ взвѣшивала каждый его поступокъ, малѣйшее его слово, старалась прочесть затаенную мысль въ звукѣ его голоса, въ выраженіи его лица,—словомъ, она дѣлала все, чтобы ускорить страшившую ея развязку, чтобы раздражить Юрія постоянной недовѣрчивой ревностью. Чуть-ли не каждый день ей надо было новыхъ подтвержденій его любви, и чѣмъ дальше длилась ихъ связь, тѣмъ сильнѣйшихъ доказательствъ она требовала. Ей доставляло какое-то болѣзненное удовольствіе подвергать его все новымъ испытаніямъ. И всякій разъ, что онъ приносилъ какую-нибудь маленькую жертву ея причудамъ, она радовалась новой побѣдѣ, хоть и сознавала, что и этого новаго доказательства ей будетъ мало, что неугомонная ревность потребуетъ все новыхъ и новыхъ жертвъ. Юрій под-

[1] См. „Русск. Вѣстн.“, кн. VIII.

чинялся ея прихотямъ и лишь изрѣдка сдвинувшіяся брови обнаруживали его подавленное раздраженіе.

Отъѣздъ свой въ деревню онъ откладывалъ со дня на день, боясь вызвать у нея новый гнѣвный взрывъ. Онъ убѣдился, наконецъ, что не уѣдетъ совсѣмъ, потому что у него не хватаетъ рѣшимости на прямой отпоръ ея своенравной подозрительности и, сказавъ себѣ это, онъ горько усмѣхнулся надъ собой, сознавая, что онъ не въ силахъ разорвать добровольно накинутыя на себя цѣпи.

Людскія отношенія очень походятъ на сложный механизмъ, гдѣ зубчатыя колеса устроены такъ, чтобы идти ровно, не цѣпляясь другъ за друга. Люди—тѣ же колеса; и тогда имъ только легко живется, когда они совсѣмъ нечувствуютъ присутствія у себя этихъ зубцовъ, и совмѣстная жизнь ихъ идетъ ровно безъ тренія и толчковъ. Но хуже всего имъ бываетъ съ той минуты, когда они примѣчаютъ, что механизмъ уже не движется такъ ровно, какъ прежде, и стараются исправить его ходъ: каждая такая попытка обыкновенно только портитъ дѣло, усиливая обоюдное сознаніе чего-то неловкаго и шероховатаго.

Нѣчто подобное теперь происходило съ Юріемъ и Мери. Онъ начиналъ замѣчать, что не дѣлится съ нею попрежнему всѣми своими мыслями, что, говоря съ ней, онъ уже вынужденъ соблюдать осторожность, дѣлать усиліе, чтобы не выдать себя. Эта неискренность въ его обращеніи съ нею особенно ясно сказалась ему послѣ его встрѣчи съ Наташей на вечерѣ у графини. Мери тревожно слѣдила за нимъ изъ сосѣдней комнаты, пока длился ихъ разговоръ. Словъ ихъ она разслышать не могла, но одного взгляда на его взволнованное лицо, когда онъ простился съ Наташей, было достаточно, чтобы вызвать у молодой женщины цѣлую бурю оскорбленной ревности. Она не сказала ему ничего и въ отвѣтъ на его поклонъ не протянула ему даже руки, но въ ея заблестѣвшемъ взглядѣ онъ ясно прочелъ, что почувствовала она въ эту минуту. И на слѣдующій день, когда онъ пріѣхалъ къ Мери, на него посыпался цѣлый градъ странныхъ негодующихъ словъ.

— Не лги, Юрій, не лги,—упорно отвѣчала она на всѣ его увѣренія.—Ты ее любишь, а не меня, я прочла это въ твоихъ глазахъ. Ты сожалѣешь теперь, что я стала между тобой и этой дѣвушкой. Такъ скажи это прямо. Вѣдь время не ушло: вѣдь стоитъ тебѣ сказать одно слово, и твоя дорогая Наташа съ радостью приметъ твое раскаяніе.

Мери злобно засмѣялась, говоря это.

— Она? она?... плохо же ты ее знаешь, невольно вырвалось у Юрія въ отвѣтъ.

Мери посмотрѣла на него засверкавшими глазами.

— Ты думаешь, она слишкомъ горда, чтобы простить? насмѣшливо заговорила она. Да развѣ у этихъ дѣвочекъ есть гордость? Пойди къ ней, попробуй, и ты увидишь, какъ легко достанется тебѣ прощеніе. Развѣ она понимаетъ, что такое настоящая любовь, твоя Наташа? Довольно съ нея и крохъ твоей любви... Но чѣмъ больше она старалась уязвить Наташу, принизить ее въ глазахъ Юрія, тѣмъ строптивнѣе и холоднѣе становился онъ. Юрій мысленно сравнивалъ обѣихъ женщинъ и съ горечью на сердцѣ говорилъ себѣ, какъ неизмѣримо выше стояла бѣдная покинутая имъ дѣвушка.

— Да какъ же смѣлъ ты увѣрять меня сейчасъ вотъ, воскликнула Мери,—что ты не любишь ее? Говори же прямо, сознавайся; это, право, достойнѣе тебя и меня.

Какъ проигравшійся игрокъ, она съ отчаяніемъ бросала послѣднюю ставку, точно ей хотѣлось теперь поторопиться окончательнымъ разрывомъ. Но чѣмъ сильнѣе въ сердцѣ Юрія поднималось сожалѣніе о потерянной любви Наташи, тѣмъ рѣшительнѣе заглушалъ онъ въ себѣ это чувство. Жизнь его была связана съ жизнью Мери, и поздно было сожалѣть объ этомъ. Въ немъ сказывалось даже болѣзненное желаніе еще тѣснѣе связать свою дорогую когда-то свободу, отдать ее окончательно во власть этой женщины, все еще любившей его, быть можетъ, даже любившей сильнѣе и безотчетнѣе, чѣмъ въ первые дни ихъ сближенія.

Онъ сказалъ это ей прямо.

— Ну, хорошо,—отвѣтила она, пристально въ него вглядываясь:—не забывай этихъ словъ, я когда-нибудь тебѣ ихъ припомню.

Съ этого дня новая тревожная мысль овладѣла молодой женщиною. Отношенія ея къ Юрію, прежде казавшіяся ей такими простыми, вызывали въ ней теперь какое-то ощущеніе стыда. Незаконность этихъ отношеній, прежде ничуть не безпокоившая ея совѣсть, вдругъ предстала передъ ней въ новомъ свѣтѣ. Въ его глазахъ она въ сущности—такъ думала теперь Мери—лишь одна изъ тѣхъ женщинъ, съ которыми сходишься на время, даря имъ мимолетное чувство и не признавая за ними права на уваженіе. А когда это чувство остываетъ, вмѣсто него остается лишь жалкая пародія на любовь, что-то похожее на состраданіе, которымъ мужчины думаютъ великодушно прикрыть свою холодность.

Все это Мери сто разъ твердила себѣ въ долгія безсонныя ночи и сама не хотѣла вѣрить въ этотъ безотрадный приговоръ надъ своей любовью. И опять, когда она была вдвоемъ съ Юріемъ и онъ говорилъ съ ней прежнимъ ласковымъ голосомъ, она успокоивала себя, отгоняя эти мрачныя мысли... Но онѣ снова стучались къ ней въ сердце—то робко, чуть слышно, то громко и безжалостно. Молодая женщина мучилась и съ ужасомъ замѣчала, что за послѣднее время стали блекнуть ея недавно еще цвѣтущія черты. „И все это отъ того", говорила она себѣ, „что я въ его глазахъ потерянная женщина, съ которой церемониться нечего". И Юрій имѣлъ полное право осуждать ее: она, сдѣлавшись его любовницей, оставалась въ домѣ мужа, пользуясь деньгами этого нелюбимаго опозореннаго мужа. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, она лучше одного изъ тѣхъ продажныхъ существъ, съ которыми она и въ мысляхъ никогда прежде себя не сравнивала? Въ этомъ двусмысленномъ положеніи, прежде казавшемся ей такимъ обычнымъ, она видѣла что-то унизительное, преступное и низкое. Юрій не только имѣлъ право—онъ долженъ былъ презирать ее. Еслибы она въ самомъ дѣлѣ его любила какъ честная самоотверженная женщина, ей слѣдовало бросить всю эту дорогую роскошь, разстаться со своимъ положеніемъ въ свѣтѣ и жить только для своей любви. Страсть требуетъ жертвъ, только ими она можетъ быть облагорожена, только онѣ дарятъ право на вѣрность любимаго человѣка. Въ глазахъ свѣта она то же, какъ и прежде, потому что ея мужу угодно равнодушно смотрѣть на собственное униженіе; и благодаря этой постыдной сговорчивости, отъ которой ея собственный стыдъ дѣлается еще хуже и унизительнѣе, она сохранила себѣ положеніе въ этомъ лицемѣрномъ обществѣ какъ бы въ награду за свой наглый и торжествующій позоръ. „Нѣтъ, мнѣ надо сбросить съ себя личину и цѣною презрѣнія этого свѣта купить себѣ право уваженія Юрія!"

Еслибы у Мери былъ какой-нибудь разсчетъ, когда она разсуждала такимъ образомъ, она бы не могла разсчитывать вѣрнѣе. Юрій въ самомъ дѣлѣ считалъ себя навсегда связаннымъ съ нею. Ему казалось, что обязывала его къ этому честь. Прежде, въ началѣ ихъ связи, видѣться съ молодой женщиной какъ можно чаще, мыслить и чувствовать съ нею за одно—было для него живою потребностью. Теперь вмѣсто голоса сердца онъ повиновался уже суровому голосу долга. Странное дѣло, въ немъ подымалось даже боязливое чувство, что у него, пожалуй, не хватитъ силъ выдержать до конца, что долгу этому онъ можетъ измѣнить. И онъ готовъ

былъ на вѣки связать себя торжественнымъ обѣщаніемъ пожертвовать всѣмъ своимъ будущимъ, чтобы отрѣзать отъ себя всякій путь къ отступленію. Еслибы Мери прямо объявила ему, что хочетъ разойтись съ Владиміромъ Валеріановичемъ и стать его женой, онъ бы не колеблясь отдалъ ей свое имя.

А между тѣмъ все это время его неотступно преслѣдовалъ образъ Наташи, какъ бы дразня его заманчивой картиной навсегда погубленнаго счастія. Въ тотъ самый вечеръ, когда онъ видѣлъ ее у графини, вернувшись домой, Юрій принялся къ ней писать. Пламенныя и горькія строки раскаянія и любви волновались у него одна за другой. Онъ умолялъ Наташу его простить и дать ему случай увидѣть ее съ глазу на глазъ. Юрій хорошо зналъ, что никогда онъ не пошлетъ къ ней этого письма, что каждое слово въ этомъ письмѣ было бы оскорбленіемъ для ея чистой гордой души. И всетаки писать къ ней было для него какимъ-то болѣзненнымъ наслажденіемъ, точно листъ бумаги, который никогда не попадетъ къ ней въ руки, становился для него дорогимъ повѣреннымъ. Когда на другой день ему пришлось услыхать страстные упреки Мери, и въ отвѣтъ на нихъ онъ сказалъ молодой женщинѣ, что не разстанется съ нею никогда, послѣдняя слабая нить, еще соединявшая его съ Наташей, была, казалось, окончательно порвана. Юрій перечиталъ написанное имъ наканунѣ вечеромъ и горькою болью отозвались въ его сердцѣ эти безумныя выраженія теперь уже безнадежной любви. Юрій сперва хотѣлъ сжечь письмо, но у него не хватило рѣшимости это сдѣлать, точно ему жаль было разставаться съ этимъ послѣднимъ нѣмымъ свидѣтелемъ его чувства. И онъ бережно уложилъ этотъ листъ бумаги въ одинъ изъ ящиковъ рабочаго стола.

Время между тѣмъ шло. Положеніе дѣлъ становилось все грознѣе. Юрію каждый день приходилось слышать о новыхъ покушеніяхъ, о безсильныхъ поискахъ за главными виновниками заговора, опутавшаго, казалось, цѣлую Россію. Въ началѣ апрѣля, нѣсколько дней спустя послѣ событія 4-го числа, онъ случайно зашелъ въ клубъ, куда рѣдко заглядывалъ, и засталъ тамъ оживленные толки о недавнемъ покушеніи. Его поразило удивительное легкомысліе этихъ толковъ, точно собравшіеся люди его круга говорили о событіи, вовсѣ не касавшемся ихъ лично, совершившемся гдѣ-то далеко, въ чужой странѣ. Не было и слѣда трезваго взгляда на угрожающую серьезность положенія, на тѣсную общность интересовъ съ правительствомъ. Разсказывали о новыхъ

мѣрахъ предосторожности, очевидно, нисколько не довѣряя этимъ мѣрамъ и самимъ людямъ, которымъ была поручена охрана порядка.

— Вчера вечеромъ,—говорилъ между прочимъ Албановъ,—проѣзжаю я по набережной, на улицѣ ни души. За то передъ запертыми воротами вездѣ дворники сидятъ и, конечно, почиваютъ сномъ праведныхъ. Уморительно, право!... Можно бы подумать, что городъ осаждаютъ непріятели, и что всѣ дома сидятъ взаперти. И хорошее придумали это средство! Полиція никуда не годится, такъ вотъ поручили дворникамъ за нами смотрѣть. Говорятъ, сколько народу теперь набралось изъ деревень наниматься на должность новыхъ охранителей порядка!...

— Да!—вставилъ баронъ Гейзенъ,—когда я теперь возвращаюсь къ себѣ, я всегда низко кланяюсь господину дворнику. Что ни говори—власть! Чего добраго, вздумаетъ заподозрить въ тайныхъ козняхъ!...

— Однако жъ это очень хорошо!...—замѣтилъ господинъ Скворцовъ, слывшій за умника, которому суждено далеко пойти.—Только что же будетъ дальше? Вѣчно толкуютъ про какую-то горсть молокососовъ, которыхъ стоитъ только переловить и перевѣшать, а между тѣмъ эти молокососы, какъ ихъ тамъ ни ловятъ, держатъ всю страну въ осадномъ положеніи.

— Бѣда въ томъ,—опять заговорилъ Албановъ,—что очень трудно указать, гдѣ кончается эта горсть и начинается благонамѣренная часть общества. Въ сущности, что тамъ ни говори, между этими длинноволосыми и всѣми тѣми, которыхъ они стараются стерѣть съ лица земли, непрерывная цѣпь недовольныхъ; и мы чувствуемъ себя ближе къ нимъ, чѣмъ къ власти, которая насъ будто бы охраняетъ.

— Это хорошо по-твоему?—спросилъ Двинскій, который никакъ не могъ понять этого страннаго, насмѣшливаго отношенія къ вопросу, грозившему стать роковымъ для самыхъ этихъ людей, теперь наканунѣ возможной катастрофы все еще продолжавшихъ зубоскалить.

— Не хорошо, конечно! Да что дѣлать!? Не мы заварили кашу, а придется расхлебывать и намъ: это всѣ чувствуютъ. Il faut faire des concessions... voilà!

Юрій пожалъ плечами и пошелъ въ другую комнату. Тамъ за ломберными столами шла азартная игра. И на лицахъ не было даже и этого шутливаго интереса къ тайному недугу, охватившему Россію. Было однако шумное возбужденіе игрой, отъ котораго вспыхивали блѣдныя черты и нали-

вались кровью тусклые глаза. Тутъ между прочимъ Юрій увидалъ Столѣнина, по обыкновенію сильно проигравшагося.

— Двинскій, присядька съ нами! Очень интересная партія!—съ притворной веселостью воскликнулъ Столѣнинъ, завидѣвъ его.—Представь себѣ, Иванъ Ивановичъ Сабанѣевъ взялъ девять картъ сразу. Никто противъ него не рѣшается идти. Попробуйка счастіе, вѣдь, право, стоитъ того!

Юрій отказался. Онъ въ карты не игралъ, а видѣть Столѣнина, упорно проигрывавшаго ставку за ставкой—было для него несказанно противно. Онъ прошелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ была читальня; съ сердитымъ видомъ молча поклонился сидѣвшимъ тутъ и поспѣшилъ укрыться, какъ за ширмами, за листомъ большой газеты. Но читать онъ ее и не думалъ. Онъ мысленно повторилъ все виданное и слышанное за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. „Хорошо, нечего сказать,“ думалъ онъ, „у этихъ господъ пониманіе серьезности положенія! Чудесная преданность родинѣ! Одни зубоскалятъ, другіе проигрываютъ деньги, которыхъ у нихъ давно уже нѣтъ. Какъ увидишь такое полное разложеніе, поневолѣ усумнишься въ возможности устоять противъ врага, у котораго, что тамъ ни говори, недостатка нѣтъ въ готовности жертвовать собой“.

Юрій мрачно глядѣлъ на будущее отъ того, можетъ быть, что былъ очень недоволенъ самимъ собою за послѣднее время. Онъ чувствовалъ себя не такимъ вѣдь какъ эти господа; сознавалъ, что, будь у него отвѣтственное мѣсто, онъ бы всей душой самоотверженно и честно исполнилъ свое дѣло, готовый въ случаѣ нужды встрѣтить опасность гдѣ-нибудь на улицѣ точно также, какъ встрѣчалъ ее въ открытомъ бою съ непріятелемъ. Теперь онъ уже не думалъ объ удовлетвореніи личнаго честолюбія, о легкой и блестящей карьерѣ. Ему казалось, что наступала суровая пора, въ которую вѣрный сынъ своей родины обязанъ служить ей, хотя бы не громко, безъ надежды на успѣхъ и на славу, забывая о себѣ. Но что могъ онъ сдѣлать?.. Развѣ ему поручили бы даже самое невидное мѣсто? На него вѣдь смотрятъ какъ на одного изъ тѣхъ милыхъ праздныхъ людей, которымъ при встрѣчѣ дарятъ нѣсколько ласковыхъ словъ, но не думаютъ поручать серьезное дѣло. Онъ въ этомъ самъ виноватъ: онъ во-время не понялъ, что отдать всего себя во власть женской любви—значитъ лишить себя права на свободу, когда любовь эта утрачиваетъ свою первоначальную, всемогущую прелесть.

Въ этотъ самый день къ нему пришло изъ-за границы

неожиданное извѣстіе. Мать писала, что черезъ недѣлю она будетъ съ мужемъ въ Петербургѣ. Она много говорила о ходившихъ повсюду тревожныхъ слухахъ, но изъ-за этой заботы о политическихъ дѣлахъ сквозила иная, тревожная забота и о немъ самомъ. Хотя княгиня и не упоминала про Марью Борисовну, Юрій понялъ безъ труда, что смутныя опасенія на этотъ счетъ, быть можетъ,—главная причина неожиданнаго возвращенія его родителей. „Они думаютъ тамъ", нервно сказалъ онъ себѣ, „что меня могутъ завлечь, какъ мальчишку какого-нибудь и что они обязаны явиться сюда меня выручать изъ бѣды". Его раздражало это недовѣріе къ нему, это непризнаніе его человѣкомъ вполнѣ самостоятельнымъ и отвѣтственнымъ за свои дѣйствія только передъ самимъ собой. Мать думала, конечно, что стоило облечься въ негодующее величіе, и Юрій въ угоду ей тотчасъ измѣнитъ принятое рѣшеніе. Какъ будто что-нибудь на свѣтѣ могло заставить его отступить передъ тѣмъ, чего, по его мнѣнію, требовала честь! И мысль о неизбѣжномъ вмѣшательствѣ матери въ его отношенія къ Марьѣ Борисовнѣ побудила его рѣшительнѣе прежняго сказать себѣ, что, захоти этого Мери, онъ женится на ней. Да, онъ объявитъ это матери съ перваго же дня ея пріѣзда. И въ сущности, развѣ это не лучше?! Вѣдь теперь онъ не можетъ располагать собою, какъ разъ благодаря незаконности ихъ отношеній. Связь съ замужней женщиной для всякаго порядочнаго человѣка—полное отреченіе отъ свободы, потому что онъ тѣмъ болѣе обязанъ уступать ей во всемъ, что она не имѣетъ на него прямыхъ законныхъ правъ. Когда Мери станетъ его женой, у нея уже не будетъ поводовъ сомнѣваться въ его привязанности, стеречь всѣ его поступки, какъ дѣлаетъ она это теперь. Да, это будетъ лучше, гораздо лучше!.. Но какъ ни увѣрялъ себя Юрій въ разумности такого исхода, какъ ни хорошо было чувствовать въ себѣ готовность выполнить свой долгъ,—онъ не могъ осилить гнетущаго сознанія, что надъ жизнью его словно нависла туча, навсегда, можетъ быть, скрывшая отъ него недавно еще такъ свѣтившее ему солнце молодости и счастія.

X.

Дѣла Владиміра Валеріановича находились уже не только въ запутанномъ, они были теперь въ отчаянномъ положеніи. Богатые люди могутъ очень долго не замѣчать своего по-

степеннаго раззоренія, потому что услужливый кредитъ скрадываетъ отъ нихъ печальную дѣйствительность. Пока всѣ вѣрятъ въ долгъ, и есть наличныя деньги для текущихъ расходовъ, можно попрежнему жить, не отказывая себѣ ни въ чемъ, такъ какъ вѣдь рѣшительно все равно, прожпваешь ли собственныя деньги или чужія. Но рано или поздно, настаетъ критическая минута, когда этотъ благодатный источникъ вдругъ изсякаетъ. И такая минута теперь наступила для Столѣнинныхъ. Приходилось разомъ уплатить по нѣсколькимъ довольно крупнымъ векселямъ и внести деньги въ банкъ по залогу имѣнія, а главное, разсчитаться съ карточными долгами. Въ то же время изъ-за границы были получены нѣсколько очень рѣзкихъ писемъ, требовавшихъ уплаты по счетамъ, а петербургскіе поставщики, какъ бы сговорившись, не захотѣли болѣе отпускать товара въ долгъ. Нужно было купить овесъ для конюшни, расплатиться по счетамъ повара и выдать за нѣсколько мѣсяцевъ жалованье прислугѣ, въ обращеніи которой съ господами съ нѣкоторыхъ поръ уже стала появляться открытая дерзость. На все это требовалось немедленно по меньшей мѣрѣ пятнадцать тысячъ, а денегъ было достать не откуда. Городской домъ не только былъ заложенъ давно, но были уже истрачены деньги и по второй закладной. Съ имѣній, правда, можно было еще получить довольно крупныя суммы. Но для этого слѣдовало ждать по крайней мѣрѣ съ мѣсяцъ, такъ какъ для залога въ банкъ требовались формальности, а платежи съ крестьянъ въ этомъ году поступали туго. Владиміръ Валеріановичъ рыскалъ по всему городу, обращался и къ знакомымъ, и къ ростовщикамъ, предлагая неимовѣрные проценты, и получалъ одни отказы. Въ клубъ за послѣдніе дни онъ уже пересталъ ѣздить, такъ какъ онъ стыдился друзей, которымъ задолжалъ по карточнымъ проигрышамъ. Это съ нимъ случилось въ первый разъ. А тутъ какъ на зло главный наѣздникъ—англичанинъ явился въ одно прекрасное утро, нагло требуя немедленно разсчета. И когда Столѣнинъ попробовалъ было раскричаться, британецъ наговорилъ ему такихъ хладнокровныхъ дерзостей, что Владиміръ Валеріановичъ чуть-чуть не далъ волю рукамъ и во-время остановился только изъ боязни, какъ бы рослый дѣтина не далъ ему сдачи. И вотъ какъ разъ послѣ этого непріятнаго объясненія къ нему вошла въ кабинетъ разгнѣванная Марья Борисовна, держа въ рукахъ какое-то письмо.

— Что это значитъ?—заговорила она взволнованнымъ голосомъ.—Прочтите вотъ это письмо! Вортъ мнѣ объявляетъ,

что не исполнитъ моего послѣдняго заказа, пока не заплачены будутъ его счета. Онъ смѣетъ мнѣ говорить, что за русскими дамами въ долгу слишкомъ двѣсти тысячъ франковъ... Какое мнѣ до этого дѣло! Подобныхъ писемъ я отъ роду не получала. Вы, кажется, могли бы меня избавить отъ такихъ любезностей. Вы знаете, что я ни въ какія дѣла не вмѣшиваюсь и все предоставила вамъ.

Столѣнинъ выслушалъ жену спокойно. На губахъ у него заиграла холодная насмѣшливая улыбка. Его почти обрадовало, что женѣ приходилось испытывать хотя небольшую долю того униженія, какое переносилъ онъ за послѣдніе дни. При всей своей равнодушной податливости онъ въ душѣ ненавидѣлъ жену боязливой и въ то же время мстительной ненавистью, и былъ очень не прочь ей дать это почувствовать.

— Что прикажете дѣлать!—сказалъ онъ, небрежно пробѣгая заграничное письмо.—Этого слѣдовало ожидать. У меня гроша нѣтъ, чтобы людямъ заплатить, а вы хотите, чтобы я возился съ вашими счетами. Вы очень хорошо знаете, кто изъ насъ виноватъ въ миломъ положеніи нашихъ дѣлъ. Я вамъ до сихъ поръ ни въ чемъ не отказывалъ, но когда живешь свыше средствъ...

— Да кто же васъ просилъ жить свыше средствъ?—остановила его Марья Борисовна, смѣривъ его враждебнымъ и презрительнымъ взглядомъ. —Развѣ вы для меня держите на конюшнѣ двадцать лошадей и проигрываетесь въ карты чуть не каждый день? И развѣ я когда-нибудь требовала отъ васъ отчета въ моихъ собственныхъ деньгахъ...

— Ваши деньги, ха, ха, ха!!..—злобно засмѣялся Владиміръ Валеріановичъ.—На много бы ихъ хватило! Ваше имѣніе въ цѣлости, могу васъ увѣрить, и даже не заложено. Завтра же я могу вамъ сдать на руки всѣ ваши дѣла, и вы убѣдитесь, что все какъ нельзя болѣе въ порядкѣ. Только съ вашей деревни, вы это, кажется, знаете, получается какихъ-то несчастныхъ пять тысячъ, а на одни ваши туалеты, не говоря о прочемъ, выходитъ каждый годъ по крайней мѣрѣ тысячъ по восьми, да не заплаченныхъ счетовъ будетъ тысячъ на двѣнадцать. Есть вамъ на что жаловаться, право!

— Такъ что же вы мнѣ прикажете дѣлать?!—вся замкнувшись въ ледяное равнодушіе, сказала Мери.—Получать оскорбительныя письма?..

— Да мнѣ-то не все ли равно!?—съ торжествующей иронією возразилъ ей мужъ.—Удивительное, право, дѣло! Вы раззоряли меня слишкомъ десять лѣтъ, и я молчалъ. Вамъ

угодно было завести себѣ любовника, и я продолжалъ молчать... Кажется, лучшаго, болѣе покладистаго мужа и отыскать трудно!

Негодованіе все сильнѣе овладѣвало Марьей Борисовной. Она сознавала всю свою неправоту, готова была даже понести заслуженное наказаніе за свою виновную жизнь, но въ эту минуту всѣмъ своимъ женскимъ чутьемъ она возмущалась противъ холоднаго безстыдства мужа, въ его словахъ видѣла неправоту, еще болѣе преступную, безнравственность, еще болѣе позорную. Глаза у нея заблестѣли.

— Вы будто хвастаетесь этимъ!—возразила она.—Точно въ своемъ отвратительномъ равнодушіи къ собственному стыду есть какая-то заслуга! Да развѣ такого мужа можно не презирать, можно не обманывать!! Я виню себя, да, но только не за свою невѣрность, а за то, что такъ долго жила съ вами, что теперь, когда я узнала васъ наконецъ, я все еще остаюсь въ вашемъ домѣ!..

— Прекрасно!..—отозвался на это Владиміръ Валеріановичъ, принужденно засмѣявшись. Это по крайней мѣрѣ откровенно. Такъ уѣзжайте изъ моего дома, уѣзжайте, куда хотите! Одного, признаюсь, я не понимаю: какъ вы послѣ этого приходите ко мнѣ просить денегъ?! Видно, мой кошелекъ по крайней мѣрѣ вы не презираете, и потому только вздумали со мной разстаться, что кошелекъ этотъ оказывается пустымъ!

У Мери вдругъ слезы брызнули изъ глазъ, слезы, вызванныя не грустью и не раскаяніемъ, а негодующимъ оскорбленнымъ чувствомъ.

— У васъ даже нѣтъ,—тихо, почти испуганно проговорила она,—того простаго достоинства, какое есть у всякаго благовоспитаннаго человѣка, будь онъ даже отъявленный негодяй.

— Нѣтъ, знаете что?—продолжалъ хихикать Владиміръ Валеріановичъ.—Вамъ бы слѣдовало просто обратиться къ князю Юрію. Онъ, конечно, не откажетъ вамъ уплатить ваши долги. Не понимаю, какъ вамъ это давно не пришло въ голову!

Владиміръ Валеріановичъ сказалъ это просто изъ желанія уязвить жену. Это была лишь одна изъ его милыхъ шутокъ. Но Марью Борисовну она окончательно взорвала. Это была послѣдняя капля, упавшая въ переполненный сосудъ, послѣднее оскорбленіе, котораго молодая женщина вынести не могла. Яркій румянецъ стыда и гнѣва залилъ ея щеки.

— Вы раскаетесь въ этихъ словахъ!—произнесла она грозящимъ голосомъ!—Я не забуду ихъ никогда. И сегодня же, сейчасъ я уѣду изъ вашего дома, чтобы никогда болѣе не возвращаться!

Сказавъ это, она вышла. Сухой, короткій смѣхъ Владиміра Валеріановича провожалъ ее. Но едва она скрылась за дверью, смѣхъ этотъ замеръ на его губахъ.

— Чортъ побери однако!... воскликнулъ онъ.—Вѣдь она, чего добраго, въ состояніи выкинуть какую-нибудь отчаянную глупость.

Но онъ тотчасъ и на это махнулъ рукой. „Пускай себѣ, была не была!“ добавилъ онъ мысленно и принялся шагать по комнатѣ, обдумывая, гдѣ и какъ достать необходимыя деньги.

Юрій былъ у себя въ кабинетѣ и отдавалъ приказанія дворецкому по случаю ожидавшагося въ этотъ день пріѣзда князя и княгини, какъ вдругъ подкатили къ подъѣзду извощичьи дрожки, съ которыхъ сошла молодая женщина, вся одѣтая въ черное. Не смотря на двойную вуаль, закрывавшую ея лицо, Юрій тотчасъ же узналъ Мери. Онъ торопливо услалъ дворецкаго и бросился въ сѣни. Мери едва держалась на ногахъ. Онъ взялъ ее за обѣ руки и, не говоря ни слова, увелъ въ кабинетъ.—„Никого не принимать!“—крикнулъ онъ швейцару. И, притворивъ за собою двери, бережно усадилъ ее въ кресло.

Никогда до сихъ поръ она у него не бывала. Двинскій не упрашивалъ ее пріѣхать. Тутъ была въ сознаніи ихъ обоихъ какая-то послѣдняя черта, которой оба они не хотѣли переступать, оберегая этимъ ея женское достоинство. Онъ почти испугался, увидѣвъ ее. Случилось, должно быть, что-то необычайное, коли она вдругъ рѣшилась пріѣхать.

— Что съ тобой?—спрашивалъ онъ ее дрожащимъ голосомъ.—На тебѣ лица нѣтъ!

Мери не могла говорить отъ волненія. Дрожащими руками она откинула вуаль и молча посмотрѣла на него вопрошающимъ взглядомъ. Послѣ тяжелаго объясненія съ мужемъ она второпяхъ, почти безсознательно, какъ бы повинуясь чужой силѣ, переодѣлась безъ помощи горничной и, не повидавшись даже съ дочерью, стремительно вышла на улицу. Тамъ она взяла перваго ей попавшагося извощика и велѣла ему ѣхать на Сергіевскую. Она хорошенько не знала, зачѣмъ она ѣдетъ къ Юрію и что ее ждетъ впереди. Ей хотѣлось только поскорѣй оставить ненавистный ей теперь домъ мужа, совершить что-нибудь такое, послѣ чего

стало бы уже невозможнымъ возвращеніе къ прежней, опротивѣвшей ей жизни.

— Хочешь воды?—продолжалъ онъ спрашивать.

Мери кивнула головой.

— Да, да,—едва внятно произнесли ея засохшія губы.

Она отхлебнула немного изъ стакана, принесеннаго Юріемъ и медленно провела рукой по своему блѣдному лбу.

— Ты очень удивленъ меня видѣть?—спросила она, не спуская съ него неподвижныхъ глазъ.—И радъ въ то же время?.. Да?.. Скажи!..

— Радъ, конечно, радъ,—торопился онъ отвѣтить, пожимая ея холодныя руки,—счастливъ даже... Только объясни, что случилось.

— У меня была... ужасная сцена съ мужемъ... сейчасъ вотъ... Нѣтъ, я не могу про это говорить, не могу повторять его отвратительныя слова. Не разспрашивай меня. Одно только я знаю, мнѣ нельзя уже оставаться тамъ, въ одномъ домѣ съ нимъ. И я поѣхала къ тебѣ, чтобы... чтобы посовѣтоваться съ тобой...

Послѣднія слова она проговорила нерѣшительно, почти боязливо, какъ бы замѣняя ими что-то другое, чего она не рѣшалась сказать.

— Только будь со мной откровененъ, Юрій!—продолжала она уже твердымъ голосомъ.—Я теперь вся принадлежу тебѣ, вся моя судьба въ твоихъ рукахъ. Скажи мнѣ прежде всего, скажи мнѣ, какъ честный человѣкъ, хочешь ли ты меня взять... То-есть, пойми это, сдѣлаешь ли ты это отъ всего сердца, не приневоливая себя, потому что—я вѣдь знаю—слову своему ты не измѣнишь, а я жертвы отъ тебя не хочу.

Мери часто твердила себѣ, что принудитъ Юрія соединить свою жизнь съ ея жизнью. И ему самому въ минуту запальчивой ревности грозила напомнить данное имъ слово никогда не покидать ее. Но теперь, когда она была у него, рѣшительный шагъ ею сдѣланъ, вся ея женская гордость возмутилась при мысли о такомъ принужденіи. Ей нужна была только его любовь, а безъ нея одна холодная вѣрность обѣщанія не имѣла въ глазахъ Мери никакой цѣны. И отъ подобной жертвы она бы отказалась, какъ отъ чего-то недостойнаго ея.

Она медленно приподнялась и обѣ свои дрожащія руки положила къ нему на плечи.

— Скажи, Юрій... отвѣчай мнѣ!—робко продолжала она,

и глаза ея такъ и впивались въ его лицо.—Ты не жертву мнѣ принесешь, не будешь раскаяваться потомъ?

Онъ притянулъ ее къ себѣ и губы его коснулись ея лба. Но Мери поцѣлуй его показался удивительно холоднымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—проговорилъ онъ, стараясь придать искреннее и теплое выраженіе своему отвѣту.—Я вѣдь лгать не умѣю, ты это знаешь. Ты будешь моею навсегда... моею... женой...

Послѣднее слово онъ произнесъ, какъ бы дѣлая усиліе, и теплое выраженіе его глазъ, въ которыхъ не было и слѣда радости, явно противорѣчило задушевности его тона. Какъ ни старался Юрій остаться вѣрнымъ своей роли и увѣрить ее въ своей искренности, Мери уловила оттѣнокъ нерѣшительности въ его горячихъ увѣреніяхъ.

— Юрій, не обманывай меня,—настаивала молодая женщина.—Я готова освободить тебя отъ даннаго обѣщанія; я забуду все прошлое, исчезну куда-нибудь съ своимъ одинокимъ горемъ, и никогда ты не услышишь отъ меня даже слова упрека.

Но чѣмъ болѣе она смирялась передъ нимъ, чѣмъ полнѣе и самоотверженнѣе была ея готовность пожертвовать собой, тѣмъ громче въ немъ говорила совѣсть. Онъ не могъ воспользоваться ея великодушіемъ, бросить недавно еще любимую имъ женщину въ минуту скорбнаго отчаянія. Къ нему вернулась какъ будто теплая волна прежняго чувства, и въ его отвѣтныхъ словахъ прозвучало уже вполнѣ искреннее участіе.

— Ни за что я не оставлю тебя, моя бѣдная, бѣдная Мери. Ты хорошо сдѣлала... что обратилась ко мнѣ.—И онъ прижалъ ее тѣснѣе прежняго къ своей груди. Она наклонила голову на его плечо и на мигъ осталась неподвижною въ его объятіяхъ.

— Я потребую отъ твоего мужа,—продолжалъ Юрій,—чтобы онъ далъ тебѣ разводъ. Онъ согласится, я знаю. Да и есть вѣрное средство уговорить его...

Въ голосѣ Юрія опять промелькнула ироническая нотка: презрѣнія своего къ Владиміру Валеріановичу онъ не въ силахъ былъ скрыть.

— Ну, а теперь,—добавилъ онъ, замѣтивъ, что волненіе молодой женщины улеглось,—разскажи мнѣ все. Мнѣ надо вѣдь знать, что случилось, а потомъ обсудить съ тобою, что намъ дѣлать.

Успокоенная его словами, Мери дословно передала ему

весь свой разговоръ съ мужемъ. У него сдвинулись брови отъ невольнаго чувства гадливости.

— Я догадывался,—проговорилъ онъ сквозь зубы,—что это именно такъ, что тутъ замѣшаны эти отвратительныя денежныя дрязги. Ну, да этой бѣдѣ можно помочь. Положись только на меня.

Мери опять посмотрѣла на него съ испугомъ.

— Какой ты странный, Юрій!—сказала она.—Съ минуту назадъ еще ты былъ опять такой же, какъ прежде, а теперь... теперь глаза твои смотрятъ такъ холодно.

— Да не моя же вина, коли мужъ твой возмущаетъ меня своимъ поведеніемъ! Не хватило Владиміру Валеріановичу такта и приличія, которыми онъ всегда такъ хвастаетъ...

— Ты, стало быть, понимаешь,—робко проговорила она,—что я уже не могу жить съ нимъ попрежнему?..

— Понимаю, конечно, понимаю... Только вѣдь этого нельзя сдѣлать сейчасъ разомъ... Потребуется время, нужны будутъ формальности, а пока... Вѣдь ты даже не имѣешь права жить отдѣльно отъ мужа!

Онъ проговорилъ это, видимо затрудняясь упоминать при ней объ этихъ совсѣмъ чуждыхъ ея женскому пониманію вопросахъ.

— У тебя нѣтъ разрѣшенія отъ мужа,—пояснилъ онъ.

— Разумѣется, нѣтъ! Что же изъ этого?

— Къ сожалѣнію, это совершенно необходимо. Положимъ... я добьюсь отъ него этого разрѣшенія. Постараюсь сегодня же добиться. Но всетаки... пока...

Къ ней опять вернулась недавняя тревожная подозрительность.

— Что ты хочешь сказать, Юрій? Я не могу, вѣдь, говорю тебѣ, вернуться къ нему. И думала... остаться пока у тебя...

Ея глаза опять устремились на него съ безпокойнымъ вопрошающимъ взглядомъ.

Юрій отвѣтилъ не тотчасъ.

— Одного я тебѣ еще не сказалъ,—проговорилъ онъ наконецъ, дѣлая усиліе,—сегодня пріѣзжаетъ изъ-за границы моя мать,—это, конечно, очень непріятно,—но что же дѣлать...

— А!.. Ты не хочешь, чтобы я осталась у тебя,—вспылила она вдругъ,—такъ говори же прямо. Я съ первыхъ же твоихъ словъ догадалась, что ты этого не хочешь!

Мери не могла не понять, что встрѣтиться съ княгиней Двинской ей, конечно, нельзя. И она сама бы ни за что не

захотѣла остаться подъ одной кровлей съ матерью Юрія. Но, странное дѣло, когда онъ упомянулъ объ этомъ, въ его осторожныхъ словахъ она разслышала нѣчто совсѣмъ иное, объяснила ихъ нежеланіемъ самого Юрія видѣть ее въ своемъ домѣ. И оскорбленное чувство въ ней тотчасъ же заговорило.

— Зачѣмъ ты не рѣшаешься быть искреннимъ со мной?!—съ горечью упрекнула она его.—Лучше мнѣ прямо сказать всю правду... Вѣдь ты ее всетаки не скроешь отъ меня!

Не малаго труда стоило Юрію убѣдить ее, что она къ нему несправедлива, подозрѣвая его въ неискренности. И какъ ни очевидны были его доводы, горькій осадокъ недовѣрчиваго чувства всетаки остался у нея на сердцѣ.

— Вотъ что я сдѣлаю,—рѣшилъ Юрій, немного подумавъ.—Времени терять нельзя. Теперь слишкомъ два часа, а въ шесть я долженъ ѣхать на Варшавскую дорогу. Я сейчасъ напишу къ твоему мужу и скажу ему, что буду у него сегодня около четырехъ.

Онъ усѣлся за письменный столъ и быстрымъ, твердымъ почеркомъ набросалъ нѣсколько строкъ къ Владиміру Валеріановичу. Запечатавъ письмо, онъ позвонилъ.

— Послать это сейчасъ къ Владиміру Валеріановичу Столѣпину!—крикнулъ онъ вошедшему камердинеру.—Коляска заложена?

— Подаютъ, ваше сіятельство,—отвѣтилъ тотъ, получивъ изъ рукъ Юрія письмо.

— Извини меня, Мери—сказалъ Юрій, когда ушелъ камердинеръ,—иначе вѣдь нельзя.—Голосъ его звучалъ теперь рѣшительно и твердо. Онъ совсѣмъ овладѣлъ собой и съ полнымъ спокойствіемъ шелъ навстрѣчу къ крутому повороту въ своей жизни, который навсегда свяжетъ его съ судьбою довѣрившейся ему женщины. Удивительно ясно и отчетливо стояла передъ нимъ ожидавшая его тяжелая задача. Онъ весь былъ охваченъ холодной рѣшимостью, не задумываясь ни на минуту передъ неизбѣжнымъ роковымъ шагомъ, котораго требовало отъ него неумолимое сознаніе долга.

— Я долженъ буду оставить тебя здѣсь на часъ или на два, чтобы отыскать тебѣ квартиру, гдѣ ты могла бы провести хотя бы нѣсколько дней. Потомъ надо будетъ переговорить съ твоимъ мужемъ. И когда все будетъ рѣшено, я пріѣду сюда за тобой. Мнѣ тяжело тебя оставлять здѣсь одну, но вѣдь иначе нельзя. Ты видишь, что нельзя! Будь

умницей, моя бѣдная Мери, и не слишкомъ безъ меня скучай!—добавилъ онъ нѣжно, обнимая ее на прощанье. Онъ говорилъ съ ней теперь почти какъ съ ребенкомъ.

Она молча отвѣтила на его поцѣлуй своими похолодѣвшими губами, не удерживая его и стараясь принудить себя къ ласковой довѣрчивой улыбкѣ. Но помимо ея воли въ ея глазахъ все еще читалась и робкая почти горестная мольба, и подозрительное, ревнивое сомнѣніе.

XI.

Ровно въ половинѣ четвертаго Юрій звонилъ у подъѣзда Столѣпинскаго дома. Онъ успѣлъ уже пріискать квартиру для Мери и все уладить съ хозяиномъ гостиницы, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ теченіе первыхъ двухъ дней, тотъ не требовалъ у нея вида на жительство. Но осталось сдѣлать главное—убѣдить Владиміра Валерьяновича согласиться на разводъ, а пока будетъ тянуться дѣло въ консисторіи, выдать женѣ необходимый документъ. Юрій заранѣе морщился при мысли о неизбѣжномъ тяжеломъ объясненіи съ человѣкомъ, котораго онъ глубоко презиралъ, но съ которымъ ему необходимо будетъ сдерживаться. Онъ не сомнѣвался въ согласіи мужа, но предвидѣлъ съ его стороны разныя придирки, внушенныя мелкой мстительной злобою. Въ крайнемъ случаѣ, онъ готовъ былъ принять вызовъ Столѣпина, еслибы тотъ вздумалъ геройски постоять за свое оскорбленное достоинство.

Владиміръ Валерьяновичъ былъ дома. Онъ встрѣтилъ Юрія, стараясь придать себѣ, если не дружескій, то, по крайней мѣрѣ, развязно-добродушный тонъ. Руки онъ ему, впрочемъ, не протянулъ, опасаясь, что Юрій ее не приметъ.

— Вы видите, я васъ жду, — началъ онъ, — хотя, признаюсь, ровно ничего не понялъ изъ вашей записки. Помѣститесь гдѣ-нибудь поудобнѣе и разсказывайте: — онъ указалъ ему рукой на кавказскую тахту.—Буду васъ слушать съ должнымъ вниманіемъ. Нарочно приказалъ никого не принимать.

Столѣпинъ заперъ двери въ переднюю и усѣлся противъ молодаго князя.

— Одного въ толкъ не возьму,—продолжалъ онъ,—съ какой это вы стати такъ торжественно упомянули въ своей запискѣ о готовности быть къ моимъ услугамъ, еслибы я

захотѣлъ потребовать отъ васъ удовлетворенія? Неужели вы подумали, что мнѣ можетъ придти въ голову васъ вызвать? При этихъ словахъ Владиміръ Валерьяновичъ почему-то счелъ долгомъ засмѣяться.

— Вы имѣли на то полное право, холодно возразилъ Юрій:—я не скрылъ отъ васъ, что жена ваша у меня.

— Да, конечно, это очень глупое и щекотливое положеніе, — отвѣтилъ Столѣнинъ, перекидывая ногу на ногу и вдругъ принимая видъ достойной сдержанности. Но вѣдь она давно меня пріучила къ самымъ удивительнымъ выходкамъ.

— Я не имѣю ни права, ни желанія, — остановилъ его Двинскій, — знать о причинахъ случившейся между вами размолвки. Но Марья Борисовна обратилась ко мнѣ, къ моему содѣйствію и я считаю себя обязаннымъ исполнить ея порученіе и спросить у васъ, что вы намѣрены дѣлать.

— Это, въ самомъ дѣлѣ, очень оригинально, все болѣе замыкаясь въ свое достоинство, проговорилъ Столѣнинъ и при этомъ посмотрѣлъ на кончики своихъ длинныхъ ногтей.—Повидимому, теперь посторонніе люди находятъ возможнымъ являться повѣренными чужихъ женъ передъ ихъ мужьями. Это ново, совсѣмъ даже ново, такіе ужь нравы пошли.

Столѣнинъ захотѣлъ испробовать, какое дѣйствіе на Юрія произведетъ его попытка стать дерзкимъ, но по холодному блеску пристальныхъ глазъ молодаго князя онъ тотчасъ понялъ, что заходить слишкомъ далеко на этомъ пути могло быть опаснымъ.

— Я, конечно, не говорю этого на вашъ счетъ, — добавилъ онъ примирительно,—но такъ, вообще, къ слову пришлось. Ну-съ, такъ что же вамъ поручила мнѣ передать моя супруга?

Столѣнинъ нашелъ, что насмѣшливый тонъ ему удается гораздо лучше холодно достойнаго и что трагическая роль ему рѣшительно не по плечу.

— Марья Борисовна,—отвѣтилъ Юрій, дѣлая усиліе надъ собой, чтобы не дать волю накипавшему въ немъ чувству презрѣнія,—имѣетъ свои причины не желать болѣе возвращаться къ вамъ въ домъ. Полагаю, что вы знакомы съ этими причинами и избавите меня отъ необходимости излагать ихъ передъ вами.

Столѣнинъ кивнулъ головой.

— Ну-съ, что жъ дальше? проговорилъ онъ сквозь зубы.

— Марья Борисовна увѣрена, что вы не откажетесь облегчить ей неизбѣжныя формальности... Юрій съ трудомъ подыскивалъ слова; ему было какъ-то стыдно просить объ одолженіи такъ долго оскорбляемаго имъ мужа.

Столѣнинъ тотчасъ подмѣтилъ, что его собесѣднику становится неловко и не упустилъ случая этимъ воспользоваться.

— Ага! вотъ какъ! прекрасно! заговорилъ онъ, снова почувствовавъ въ себѣ наклонность быть самоувѣренно дерзкимъ.—Во мнѣ, стало быть, нуждаются, и моя супруга, ничуть не стѣсняясь, хочетъ получить отъ меня особый видъ... такъ, кажется, этотъ документъ называется?.. А если я въ этомъ откажу?

— Вы въ этомъ не откажете, могу васъ увѣрить, спокойно возразилъ Юрій.

— Въ самомъ дѣлѣ? Согласитесь, однако жъ, что довольно странно требовать такихъ любезностей отъ человѣка, котораго... ну, словомъ, передъ которымъ чувствуешь себя не совсѣмъ правымъ.

— Вы въ этомъ не откажете!—нервно отчеканилъ Двинскій, — потому что, въ случаѣ нужды, я заставлю васъ согласиться.

— Допустимъ, допустимъ... съ притворнымъ равнодушіемъ тотчасъ отступилъ Владиміръ Валерьяновичъ со своей боевой позиціи, — я вѣдь человѣкъ покладистый... Ну, а что жъ дальше? Вѣдь вы понимаете, князь, — и въ благородномъ порывѣ Столѣнинъ вскочилъ со стула, ударивъ себя рукою по груди,—вы понимаете, что свое имя я не могу отдать на волю городскимъ сплетнямъ и что, разставшись со мной, моя жена уже не должна носить это имя?

— Успокойтесь на этотъ счетъ, все также холодно произнесъ Юрій, — Марья Борисовна будетъ носить мое имя: какъ скоро она получитъ разводъ, она станетъ моей женою. Даю вамъ слово.

Юрій самъ удивился тому равнодушію, съ какимъ онъ произнесъ это, навѣки связывая себя этимъ обѣщаніемъ. Насмѣшливая судьба заставляла его усиленно добиваться того самаго, что замыкало для него въ будущемъ всякую возможность свободы и счастья. Теперь только, въ этотъ мигъ, онъ понялъ, что-за жертву онъ приноситъ Мери. „И вѣдь совсѣмъ это даже не трудно“, пронеслось у него въ головѣ. Онъ былъ доволенъ собой. Безъ колебаній, въ расплату за минувшее увлеченіе, онъ отдавалъ все, чѣмъ могла еще быть красна его жизнь.

Владиміръ Валерьяновичъ помолчалъ немного, какъ бы задумавшись надъ предложеніемъ Юрія, и лицо его приняло важный сосредоточенный видъ.

— Вы поступаете благородно, счелъ онъ долгомъ сказать,—не могу съ этимъ не согласиться. — Вы поняли, что это въ сущности единственный исходъ...

— Прошу васъ объ одномъ, перебилъ его Двинскій, въ свою очередь, вставая: — воздерживаться отъ всякихъ оцѣнокъ моихъ дѣйствій... Дѣло не во мнѣніи вашемъ, а просто въ вашемъ согласіи.

— Да что жъ прикажете отвѣтить? Голосъ Столѣнина опять прозвучалъ почти весело.—Не особенно лестно, разумѣется, для меня слышать такія предложенія, да коли въ самомъ дѣлѣ нѣтъ инаго выхода, остается одно, покориться.—И сказавъ это, онъ сдѣлалъ рукою благородный жестъ.

— Одно для меня особенно тяжело, продолжалъ онъ: — то, что послужило поводомъ ко всей этой исторіи. Вы вѣдь знаете, конечно, за что собственно на меня разсердилась Мери... то есть виноватъ... Марья Борисовна—теперь я ужь долженъ называть ее такъ.

— Не лучше ли къ этому не возвращаться, Владиміръ Валерьяновичъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! я вѣдь этого не скрываю: наши несогласія съ женой произошли по самому глупому денежному вопросу. Я, вы знаете, ненавижу самое это слово—деньги... Но что дѣлать! Были затрудненія, и пришлось отказать женѣ въ уплатѣ ея парижскихъ счетовъ. И душою бы радъ, да какъ помочь бѣдѣ? Весь городъ обрыскалъ и не нашелъ ни копѣйки.

— Зачѣмъ же вы ко мнѣ не обратились? спросилъ Юрій, не скрывая уже насмѣшки, слабо заигравшей на его губахъ.

„Вотъ оно когда дѣло-то пошло на чистоту!“ подумалъ онъ.

— Къ вамъ? За кого вы меня принимаете? громогласно произнесъ Столѣнинъ, становясь въ театральную позу. А между тѣмъ радостныя искры такъ и запрыгали у него въ глазахъ.

— Я и теперь готовъ вамъ помочь, сказалъ Юрій... вамъ дать взаймы, поправился онъ.—Сколько вы должны?

Явно презрительный тонъ Юрія ничуть не разсѣялъ счастливаго настроенія, вдругъ охватившаго Владиміра Валерьяновича.

— Къ сожалѣнію, довольно много, живо отвѣтилъ онъ:— по счетамъ жены двѣнадцать тысячъ, да это бы еще ничего.

тамъ подождутъ... А вотъ самое скверное—мнѣ нечѣмъ заплатить клубный долгъ. Представьте себѣ, жду вотъ съ часу на часъ денегъ изъ имѣнія, а пока сижу безъ копѣйки. Албанову я проигралъ уже двѣ недѣли тому назадъ пять тысячъ, Ломовисову—шесть, и всего непріятнѣе, что этому дураку Сабанѣеву чертъ меня дернулъ прошлую недѣлю проиграть десять тысячъ!.. и везло же этому олуху!.. Нусъ потомъ расходы по конюшнѣ...

Но у Двинскаго лопнуло терпѣніе...

— Не давайте себѣ труда считать, брезгливо оборвалъ онъ Владиміра Валерьяновича:—подведите итогъ и потомъ скажите мнѣ хоть завтра, сколько вамъ нужно. Я все заплачу.

— Да я думаю, нерѣшительно вымолвилъ Столѣпинъ,— придется внести на первыхъ порахъ тысченокъ шестьдесятъ или шестьдесятъ пять, а остальное потерпитъ. Васъ эта цифра не пугаетъ?

— Вы сказали шестьдесятъ пять? Послѣ завтра эти деньги будутъ у васъ.

— Есть однако счастливые люди, которымъ стоитъ подписать чекъ, и выложатъ имъ, сколько угодно! шутя замѣтилъ Столѣпинъ.

А Юрія разбирало нетерпѣливое желаніе поскорѣй покончить съ объясненіемъ, завершившимся этимъ возмутительнымъ торгомъ. Онъ бы согласился дать Владиміру Валерьяновичу любую сумму, хоть и зналъ очень хорошо, что можетъ получить ее только при помощи ростовщика.

— Стало быть,—взявшись за фуражку, проговорилъ онъ,— вы сдѣлаете все зависящее отъ васъ...

Но въ этотъ мигъ раздался въ передней рѣзкій звонокъ, и двѣ минуты спустя, обоимъ пришлось изумиться, увидавъ входившую въ кабинетъ Мери. На ней лица не было: губы и щеки страшно поблѣднѣли, а въ глазахъ горѣла лихорадка.

— Я очень рада, что застаю здѣсь васъ обоихъ, заговорила она неестественнымъ, словно деревяннымъ голосомъ:—Двинскій, обратилась она къ Юрію,—я возвращаю вамъ данное слово. Вотъ вамъ моя рука, только я протягиваю вамъ ее на прощанье.

Юрій съ жаромъ схватилъ ея протянутую руку; она была холодна какъ ледъ.

— Что съ вами? прошепталъ онъ, наклонясь къ ней... Опомнитесь!

Онъ былъ такъ ошеломленъ, что не находилъ словъ для

отвѣта. Но она высвободила свою руку и гордо откинула голову.

— Мы обманывали другъ друга и самихъ себя тоже, тихо возразила она:— теперь я поняла это. Вѣдь вы меня не любите, Юрій, я знаю это... да и давно знала, только завѣдомо не хотѣла примириться съ этой мыслью. Но теперь, слава Богу, я увидѣла правду лицомъ къ лицу.

Она говорила и двигалась, какъ на сценѣ, точно повторяла заученныя слова. Воля ея была напряжена до послѣдней степени. Слабая женщина, за часъ передъ тѣмъ не умѣвшая сдерживать слезы въ присутствіи Юрія, теперь прощалась со своимъ счастьемъ такъ хладнокровно, какъ будто это не стоило ей никакихъ усилій.

Владиміръ Валерьяновичъ не проронилъ ни слова; онъ только пощипывалъ усы, глядя съ нѣмымъ удивленнымъ любопытствомъ то на жену, то на Юрія. Онъ будто присутствовалъ при развязкѣ какой-то пьесы, нисколько его лично не касавшейся. Да и на самомъ дѣлѣ, какова бы ни была эта развязка, могъ онъ развѣ принять въ ней дѣятельное участіе? Онъ сознавалъ, что въ его положеніи можно только покорно играть нѣмую роль и что, каковъ бы ни былъ исходъ, это положеніе не перестанетъ быть жалкимъ.

— Да что же случилось? настаивалъ Юрій.

— Отчего такая перемѣна?

Ему все еще казалось, что молодая женщина приневоливаетъ себя, что ею овладѣла вдругъ, по какой-то непонятной причинѣ, жажда самопожертвованія. Можетъ быть, она даже только испытываетъ его, ставитъ ему ловушку...

Никогда еще онъ не чувствовалъ себя такъ неловко, какъ въ эту минуту. Умолять ее опомниться, настаивать на томъ, что было между ними рѣшено—развѣ это было возможно въ присутствіи мужа? Да и сумѣетъ ли онъ придать достаточно искренней теплоты своему голосу? Вѣдь онъ не могъ скрыть отъ себя, что съ первыхъ же словъ Мери онъ почувствовалъ что-то похожее на радость, точно съ него свалились цѣпи. И онъ стыдился этого чувства; онъ сознавалъ, что его холодность должна глубоко оскорбить Мери, что ея пристальные глаза проникаютъ въ самую глубь его души.

Мери грустно покачала головой.

— Не теряйте словъ, князь, проговорила она:—того, что я рѣшила теперь, вы измѣнить не въ состояніи... еслибы вы даже захотѣли.

Иронія или скорбь звучали въ голосѣ Мери,—этого при

всемъ стараніи Юрій разобрать не могъ. Въ сущности на сердцѣ у нея теперь не было ни того, ни другаго. Она ощущала одно лишь: совершенную глухую пустоту, точно все, чѣмъ жила она до сихъ поръ, было вырвано съ корнемъ, и непроглядный мракъ окуталъ ея будущее. Хотѣлось ей лишь поскорѣе довести до конца это уже ненужное теперь объясненіе, словно она боялась, что ей измѣнятъ силы, и она выдастъ себя, расплачется вдругъ какъ ребенокъ.

Когда Мери осталась одна въ кабинетѣ Юрія, недовѣріе къ его искренности, мучительное сознаніе приносимой имъ жертвы поднялось въ ней съ новой силою. Она тревожно оглянула комнату, какъ бы вопрошая самыя стѣны. „Да", говорила она себѣ, „здѣсь отыщутся нѣмые свидѣтели, которые выдадутъ его настоящія чувства, его тайные помыслы". На одной изъ стѣнъ, возлѣ его письменнаго стола, рядомъ съ картинами старинныхъ мастеровъ, былъ большой портретъ его матери—тотъ самый, который прежде впсѣлъ въ кабинетѣ княгини. Мери тотчасъ узнала ее; и ей показалось, что гордая, красивая женщина недружелюбно глядитъ на нее съ полотна—на нее, собиравшуюся почти насильно проникнуть въ семью Двинскихъ. Были тутъ и фотографіи, въ томъ числѣ много женскихъ. Мери узнала ихъ всѣ, и ни одна изъ нихъ, очевидно, не могла что-либо значить для Юрія; это были все женщины ея круга. Другіе болѣе интимные портреты—воспоминанія минувшихъ отношеній—были, конечно, припрятаны гдѣ-нибудь... Молодая женщина принялась за альбомы, но и тутъ она не нашла ничего. Она прошла въ спальню Юрія, и здѣсь надъ самымъ изголовьемъ ее поразилъ небольшой портретъ, завѣшанный тафтою. Она не сразу рѣшилась отдернуть прикрывавшую его завѣсу. Сердце въ ней сильно забилось. Что-то ей подсказывало, что она увидитъ знакомыя черты столь ненавистной ей дѣвушки. И она не ошиблась. Отдернувъ наконецъ судорожнымъ движеніемъ тафту, Мери узнала Наташу. Это была карточка, данная Юрію молодой дѣвушкой еще въ деревнѣ. Онъ повѣсилъ ее возлѣ кровати, скрывая ее въ то же время отъ глазъ товарищей. Да и въ спальню его рѣдко входилъ кто-либо изъ постороннихъ. Мери вся задрожала отъ волненія, увидѣвъ нѣмую обличительницу измѣны любимаго человѣка. Она мысленно обзывала это измѣной, совершенно забывъ, что сама она завѣдомо лишила молодую дѣвушку ея счастья... Но, можетъ быть, отыщутся и другіе свидѣтели? можетъ быть, на его письменномъ столѣ, среди его бумагъ, она найдетъ какое-нибудь письмо?.. Она была готова теперь подо-

зрѣвать Наташу въ тайной перепискѣ съ нимъ; можетъ быть, ея подозрѣнія шли еще дальше. Она принялась шарить по столу и по ящикамъ. Въ одномъ изъ нихъ былъ ключъ, отпиравшій ихъ всѣ—Юрій не принималъ большихъ предосторожностей, слишкомъ увѣренный, что никому не придетъ въ голову искать у него разгадки какой-нибудь тайны. И вотъ въ одномъ изъ этихъ ящиковъ попалось ей подъ руки неоконченное письмо Юрія къ Наташѣ, — то самое письмо, которое онъ писалъ ночью послѣ встрѣчи съ ней у графини Елизаветы Андреевны. Мери прочла его, съ ужасомъ впиваясь въ каждую строку. Горькая правда ей рѣзко забила въ глаза, какъ ослѣпительный солнечный лучъ, разомъ впущенный въ темную комнату.

„Нѣтъ“, сказала она себѣ, „нѣтъ, я не пойду на это униженіе!.. Брать какъ милостыню его любовь—ни за что на свѣтѣ! Да это и не любовь даже, а какое-то состраданіе... Нѣтъ, во сто разъ лучше терпѣть оскорбленія отъ мужа, жить подъ одною кровлей съ этимъ ненавистнымъ человѣкомъ и нести это какъ наказаніе, чѣмъ быть женою Юрія и каждый день убѣждаться, что я для него—что цѣпь для каторжника!..“

И Мери лихорадочнымъ почеркомъ набросала на бумагу нѣсколько прощальныхъ строкъ и, вновь опустивъ на лицо свою двойную вуаль, быстро вышла изъ дома князей Двинскихъ, рѣшивъ, что никогда уже она не войдетъ въ этотъ домъ.

— Владиміръ, быстро отвернувшись отъ Юрія, подошла она къ мужу,—забудьте, что я говорила вамъ утромъ. Я не прошу васъ простить меня—это была бы ложь, которой бы вы даже не повѣрили. И примиренія никакого не надо—вѣдь настоящаго примиренія у насъ быть не можетъ; а постараемся оба забыть и будемъ терпѣливо выносить другъ друга.

— Il faut avouer, ma chère, разсмѣялся Столѣпинъ,— que c'est au moins là de la franchise! Хоть за то спасибо, что трогательныхъ фразъ не наговорила. Что жъ? будемъ жить по маленьку, постараемся.

Они всѣ трое были поставлены въ такія сложныя неестественныя отношенія другъ къ другу, что распутать эти отношенія просто и разумно было совершенно невозможно.

Все, что бы ни сказали и ни сдѣлали они въ эту минуту, вышло бы нелѣпо и натянуто. Юрій почувствовалъ это, и въ немъ вдругъ поднялось злобное чувство противъ Мери и ея мужа: вѣдь, благодаря имъ обоимъ, онъ теперь очу-

тился въ этомъ глупомъ, невозможномъ положеніи, изъ котораго приличнаго исхода не было.

— Роль моя, стало быть, окончена, Марья Борисовна? сказалъ онъ, хорошенько не зная, говоритъ ли въ немъ оскорбленное чувство, или простое желаніе, хотя бы ироніей, спасти свое достоинство. И полномочія мои прекращаются?

Мери не отвѣтила. Она стояла вся неподвижная, словно каменная, и слова Юрія какъ будто не долетѣли до ея слуха; только рука ея, опиравшаяся на столъ, судорожно дрожала.

— Да, князь,—снова прибѣгая къ развязному тону, отозвался Столѣнинъ,—все, про что мы такъ долго съ вами бесѣдовали, оказывается ненужнымъ. Видно такая ужь воля судебъ!

Юрій бросилъ на него мимолетный взглядъ и молча подошелъ къ Мери.

— А могу я на васъ всетаки разсчитывать? остановилъ его Владиміръ Валерьяновичъ.

Юрія передернуло отъ этой неслыханной наглости.

— Деньги будутъ у васъ послѣ завтра, отвѣтилъ онъ, не поворачиваясь даже въ сторону Владиміра Валерьяновича. Отъ даннаго слова я никогда не отступаюсь.

Мери будто очнулась. Она ясно разслышала, что сказалъ Юрій, хоть и не поняла смысла его отвѣта.

— Что такое? Какія деньги? спросила она, поперемѣнно оглядывая мужа и Юрія.

— Такъ... ничего... покусывая нижнюю губу, нерѣшительно проговорилъ Столѣнинъ. Князь обѣщалъ... мнѣ дать... взаймы...

Послѣднее слово мужа стрѣлой вонзилось въ слухъ молодой женщины. Вся кровь мигомъ хлынула къ ней въ лицо.

— Взаймы?.. Вы у него просили денегъ взаймы? чуть слышно, съ видимымъ трудомъ, проговорила она, не сводя съ мужа своихъ воспаленныхъ глазъ. Сколько онъ вамъ обѣщалъ?

— Довольно крупную сумму, нехотя отвѣтилъ Столѣнинъ.

Двинскій опустилъ голову и не проронилъ ни слова. Онъ стоялъ какъ виноватый передъ Марьей Борисовной, не смѣя взглянуть ей въ лицо. Она вскрикнула какъ отъ боли. Ужасъ и негодованіе читались на ея чертахъ.

— Такъ вотъ что!!.. вырвалось у нея дикимъ неесте-

ственнымъ голосомъ.—Вы, стало быть, вы оба просто торговали мною!.. Да... торговали... Ахъ! какой стыдъ! какой стыдъ!.

Она закрыла вдругъ лицо руками и какъ подкошенная упала въ кресло.

Всѣ трое молчали. Въ комнатѣ слышались однѣ глухія рыданія Марьи Борисовны. Но минуты двѣ спустя, она уже стояла передъ мужемъ, вся дышащая негодующимъ гнѣвомъ, и слезы мигомъ высохли на ея рѣсницахъ.

— Я не ожидала, прошептали ея стиснутыя губы,—что вы причините мнѣ такое униженіе. Понимаете вы, что вы сдѣлали? Понимаете, что послѣ этого я не могу уже оставаться здѣсь, потому что мнѣ противно васъ видѣть, противно знать, что я имѣла несчастіе быть вашей женою....

Юрій какъ будто пересталъ для нея существовать въ эту минуту. Но случайно она повернула голову и, увидавъ его, почувствовала новую волну жгучаго стыда. Болѣзненный крикъ опять вырвался у нея изъ груди и, не сказавъ болѣе ни слова, она бросилась вонъ изъ комнаты.

Едва переступила она черезъ порогъ, у нея подкосились ноги. Шатаясь, она дошла до гостиной и въ какомъ-то оцѣпенѣніи упала на кушетку. Вся поддерживавшая ее до сихъ поръ искусственная, точно взвинченная твердость разомъ ее покинула; все, наполнявшее до сихъ поръ ея жизнь, перестало для нея существовать. Она чувствовала то же, что могъ бы почувствовать человѣкъ, еслибы вдругъ обрушился его домъ. И все недавнее прошлое, почти еще наканунѣ казавшееся такимъ блестящимъ и свѣтлымъ, теперь опротивѣло ей—опротивѣло до того, что она не могла даже сожалѣть о немъ. Впереди одно только было ясно для Мери: прежняя жизнь продолжаться не могла; выносить присутствіе мужа послѣ того, что случилось, она уже не въ силахъ... И, говоря себѣ это, она припомнила, какъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, тоже оскорбленная мужемъ, но съ живой надеждой на сердцѣ, она быстрыми шагами выходила изъ этого дома, чтобы ѣхать къ Юрію. Тогда ее не пугала мысль о разрывѣ съ прошлымъ: она бодро, почти съ легкимъ сердцемъ, шла навстрѣчу къ ожидавшей ее перемѣнѣ. Но тогда было не то, что теперь: она шла къ любимому человѣку, увѣренная найти въ немъ опору. Конечно, молва съ шумомъ разнесетъ вѣсть объ ея размолвкѣ съ мужемъ... Но передъ княгиней Двинской молва скоро бы затихла. Черезъ какой-нибудь годъ все прошлое было бы забыто, и передъ ней открылась бы новая, еще болѣе ши-

рокая, блестящая жизнь... Все это припомнилось ей теперь какъ волшебный сонъ. Отъ этихъ воздушныхъ замковъ не осталось и слѣда. Вокругъ нея все мракъ и одиночество, а впереди... бѣдность. Да, бѣдность. Она вѣдь не захотѣла бы теперь и коснуться до денегъ мужа, еслибы даже онъ вздумалъ ей предложить свою помощь: все, что связано съ нимъ, въ ея глазахъ, отмѣчено клеймомъ позора. А ея собственныя средства—она презрительно улыбнулась при этой мысли,—что могли они значить для избалованной женщины, привыкшей тратить не считая! Мери знала, на что она идетъ, и хотя ее холодомъ обдавало при мысли объ ожидавшемъ ее будущемъ, она не отшатнулась отъ него, не измѣнила своему рѣшенію. Пусть ей придется узнать нужду, привыкнуть къ такой жизни, которою въ ея домѣ не жила даже ея горничная. Съ какою-то злобной горечью она говорила себѣ, что чѣмъ больше будетъ лишеній, тѣмъ лучше она искупитъ свое прошлое. Жажда страданія словно охватила ее, точно она торопилась отречься отъ прошлаго. Да и въ самомъ дѣлѣ это прошлое стало ей ненавистнымъ...

И вдругъ она вспомнила про дочь—про дочь, о которой она ни разу не подумала, пока передъ нею была еще мечта о любви Юрія. Она не оставитъ Олли на рукахъ мужа. И Мери вдругъ почувствовала — можетъ быть, въ первый разъ,—что привязанность къ дѣвочкѣ ей дорога, что вмѣстѣ съ ней одиночество будетъ уже не такъ тяжело... Но захочетъ ли Олли раздѣлить судьбу матери? Какое право она имѣетъ на дочь? Вѣдь она была всегда дурной матерью—Мери это сознавала теперь, и совѣсть принялась упрекать ее въ тотъ самый мигъ, когда въ ея глазахъ любовь къ дочери пріобрѣтала цѣну.

Она поднялась съ мѣста и пошла въ комнату Олли. Дѣвочка сидѣла за книгой. Буря, пронесшаяся въ этотъ день надъ роднымъ домомъ, ея какъ будто и не коснулась. Мать тихо подошла къ ней, бережно обвила ея шею и почти робко притянула къ себѣ ея голову. Олли посмотрѣла на нее съ удивленіемъ—до того непривычнымъ ей показался нѣжный поцѣлуй, непривычнымъ и сладкимъ въ то же время. И когда мать ей сказала, что черезъ нѣсколько дней уѣдетъ, чтобы жить отдѣльно отъ мужа гдѣ-нибудь въ скромной, очень скромной квартирѣ и что отъ нея зависитъ послѣдовать за матерью или остаться съ отцомъ—выборъ дѣвочки не заставилъ себя ждать. Какъ ни холодна и несправедлива была съ нею мать, чувство привязанности къ ней все-таки теплилось въ сердцѣ дѣвочки, и стоило согрѣть

это чувство добрымъ словомъ и ласкою, чтобы оно тотчасъ ожило и развернулось. Дѣвочка чутьемъ понимала, что эта перемѣна означала разрывъ со всѣмъ тѣмъ нехорошимъ, что наполняло до сихъ поръ жизнь матери. И она съ радостью привѣтствовала эту перемѣну. Бѣдность ее не пугала, да и она была слишкомъ молода и неопытна, чтобы знать, что такое бѣдность.

— Куда бы вы ни пошли, мама, чтобы вы ни сдѣлали, говорила Олли, цѣлуя мать и смотря ей въ лицо своими прямыми серьезными глазами,—я останусь съ вами. Развѣ вы могли въ этомъ сомнѣваться?

У Мери отлегло на душѣ, и чувство вины передъ дочерью—вины, которой ей нечѣмъ искупить, живо заговорило въ ней. Но всетаки укоряющій голосъ совѣсти не отозвался въ ней горечью, и хорошо ей было чувствовать, что съ нею неразлучнымъ будетъ этотъ ребенокъ, готовый преданной любовью платить матери за долгіе годы своего холоднаго одинокаго дѣтства.

Недѣлю спустя, Мери Столѣнина покинула свой нарядный домъ и вмѣстѣ съ Олли поселилась въ небольшой квартирѣ въ одной изъ скромныхъ улицъ Коломны.

К. ОРЛОВСКІЙ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Петръ I въ 1688—1701 годахъ.

Въ 1872 г., по случаю празднованія двухсотлѣтняго юбилея дня рожденія Императора Петра Великаго, бывшій тогда министромъ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстой, представляя Императору Александру II нѣкоторыя изданія, вышедшія въ свѣтъ по этому поводу, высказалъ мысль, что было бы весьма важно для безпристрастной оцѣнки личности и многосторонней дѣятельности великаго преобразователя приступить къ изданію такого собранія его писемъ и бумагъ, которое совмѣстило бы въ себѣ все, что вышло изъ-подъ пера монарха. Эта мысль удостоилась Высочайшаго одобренія, и 30 декабря 1872 г. была образована, для собранія матеріаловъ къ этому изданію, особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ гр. Д. А. Толстаго, изъ слѣдующихъ лицъ: профессоровъ русской исторіи, С. М. Соловьева, Н. А. Попова, К. Н. Бестужева-Рюмина и Е. Е. Замысловскаго, директора Московскаго архива министерства юстиціи, сенатора Н. В. Калачева, академика А. Ѳ. Бычкова и А. Е. Викторова.

Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ мѣропріятій коммисія посвятила нѣсколько засѣданій обсужденію вопроса о томъ, что должно найти мѣсто въ предполагаемомъ изданіи, и, по выработанному ею проекту, въ собраніе должны были войдти слѣдующіе матеріалы: 1) письма, указы и инструкціи Петра Великаго, а также его резолюціи на докладахъ и прошеніяхъ; 2) письма и бумаги, писанныя Петромъ Великимъ не отъ своего имени; 3) трактаты и договоры, а также грамоты къ иностраннымъ государямъ, составлявшіеся по мысли и указанію Петра Великаго; 4) учебныя его тетради, замѣтки для памяти и черновые наброски

собственной руки; 5) не дошедшія до насъ ни въ подлинникахъ, ни въ спискахъ письма и бумаги Петра Великаго, но помѣщенныя въ прежнихъ изданіяхъ; 6) наказы нашимъ дипломатическимъ агентамъ заграницей и переписка съ ними лицъ, завѣдывавшихъ посольскимъ приказомъ, если въ сохранившихся черновыхъ отпускахъ тѣхъ и другихъ встрѣчаются поправки и дополненія, писанныя Петромъ Великимъ; 7) жалованныя грамоты разнымъ лицамъ; 8) тѣ узаконенія, въ текстѣ которыхъ встрѣчаются поправки, сдѣланныя Петромъ Великимъ и 9) исправленные государемъ реляціи и переводы разныхъ сочиненій. Кромѣ этого коммисія предполагала включить въ изданіе именные указы, объявленные разными лицами, не смотря на то, что они не имѣютъ подписи Петра Великаго, но впослѣдствіи она, имѣя въ виду, что размѣры изданія отъ этого значительно разрослись бы и что пришлось бы перепечатать нѣсколько томовъ „Полнаго Собранія Законовъ“ отказалась отъ этой мысли.

Послѣ выработки этого проекта и правилъ изданія члены коммисіи, распредѣливъ между собой работу, приступили къ собиранію документовъ въ архивахъ различныхъ учрежденій. Въ то же время собираніе и списываніе бумагъ Петра Великаго усердно производилось заграницею: иностранныя правительства отнеслись къ этому дѣлу весьма внимательно и открыли свободный доступъ въ свои государственные архивы. Коммисія обращалась съ просьбой о доставленіи документовъ и къ частнымъ лицамъ; многіе отозвались на ея приглашеніе, хотя не всѣ: нѣсколько лицъ, у которыхъ, какъ коммисіи положительно извѣстно, находятся письма Петра Великаго, или прошли молчаніемъ сдѣланныя къ нимъ письменныя обращенія или отвѣтили на нихъ прямымъ отказомъ. Трудность найти лицъ, умѣющихъ правильно читать связный и неразборчивый почеркъ Петра Великаго, а также ограниченность времени, которое могли посвящать члены коммисіи, занятые службою въ учебныхъ заведеніяхъ и другихъ учрежденіяхъ, на повѣрку переписаннаго,—чрезвычайно замедляли ходъ работъ. Но не смотря на эти неблагопріятныя обстоятельства, графъ Толстой уже могъ 22 февраля 1875 года доложить Государю Императору, что въ коммисіи имѣется болѣе 4.000 списанныхъ писемъ Петра Великаго и разныхъ бумагъ его руки. Такъ какъ уже не встрѣчалось болѣе новыхъ документовъ за первые годы царствованія Петра, въ коммисіи возникла мысль о возможности въ скоромъ времени приступить къ ихъ печатанію, и

въ засѣданіи 23 апрѣля 1876 г. были установлены правила печатанія. 4 апрѣля 1877 г. гр. Толстой довелъ до свѣдѣнія Государя Императора, что число собранныхъ коммисіей документовъ простирается уже до 10.000, и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ на Высочайшее усмотрѣніе смѣту расходовъ на печатаніе перваго тома, исчисленную въ 7.087 р. 50 к. Смѣта была утверждена, и 27 ноября 1879 г. гр. Толстой вошелъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ объ ассигнованіи къ отпуску Высочайше утвержденной суммы. Послѣдовавшее по этому представленію мнѣніе государственнаго совѣта было Высочайше утверждено 21 февраля 1880 г.

Казалось, все уже было кончено, но на этомъ-то пунктѣ дѣло и остановилось. Гр. Толстой оставилъ постъ министра народнаго просвѣщенія, и коммисія прекратила свою дѣятельность; дошло даже до того, что назначенная на изданіе сумма „за неизрасходованіемъ“ поступила въ рессурсы казны. Дѣло было забыто и пребывало въ такомъ положеніи почти 5 лѣтъ. Наконецъ въ 1884 г. 24 ноября министръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ представилъ Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія „для скорѣйшаго осуществленія дѣла, одобреннаго въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ и съ нетерпѣніемъ ожидаемаго всѣми, занимающимися отечественною исторіей, возложить непосредственное наблюденіе за дѣломъ изданія писемъ и бумагъ Императора Петра Великаго на президента императорской академіи наукъ графа Толстаго, по мысли котораго оно возникло, и который, по своей любви къ исторіи Россіи, изъявилъ на это согласіе“. Государь Императоръ соизволилъ одобрить представленіе министра и дѣло получило наконецъ желаемое движеніе.

Графъ Д. А. Толстой возложилъ печатаніе перваго тома на академика А. Ѳ. Бычкова, который не переставалъ и во время ея бездѣйствія заниматься въ разныхъ архивахъ, собирать находимыя въ нихъ письма и бумаги Петра и вести сношенія съ разными лицами, доставлявшими въ коммисію документы. Приступая къ печатанію перваго тома, оказалось необходимымъ списать еще нѣсколько грамотъ, а главное собрать указанія на недошедшія до насъ письма Петра, которыхъ въ этомъ періодѣ (1688—1701 г.) было написано очень много. Къ нѣкоторымъ лицамъ не сохранилось ни одного письма Петра Великаго, какъ напр. къ Лефорту, А. К. Нарышкину, А. М. Головину, Г. И. Головкину и другимъ, тогда какъ не подлежитъ сомнѣнію, что съ ними

у Петра была обширная корреспонденція. Чтобы отчасти восполнить эту утрату, гр. Д. А. Толстой нашелъ полезнымъ всѣ тѣ отвѣтныя письма, въ которыхъ имѣются свѣдѣнія объ утраченныхъ письмахъ Петра Великаго, помѣстить безъ всякихъ сокращеній въ примѣчаніяхъ; вслѣдствіе этого редактору тома пришлось приступить къ пересмотру хранящихся въ государственномъ архивѣ отвѣтныхъ писемъ и самому ихъ переписывать, а это также на нѣкоторое время отдалило появленіе перваго тома въ свѣтъ. Въ примѣчаніяхъ дано мѣсто 362 письмамъ отъ 50 лицъ.

Результатомъ всей этой продолжительной и огромной работы былъ выходъ въ мартѣ нынѣшняго года перваго тома „Писемъ и бумагъ Императора Петра Великаго“. Изданіе и съ внѣшней и съ внутренней стороны не оставляетъ желать ничего лучшаго, является вполнѣ достойнымъ памяти великаго преобразователя Россіи.

Много въ этомъ томѣ напечатано документовъ, уже раньше помѣщенныхъ въ другихъ изданіяхъ, но очень много и новаго, особенно въ примѣчаніяхъ. Надо пожелать изданію безостановочнаго благополучнаго продолженія, тогда несомнѣнно многія черты личности, многіе факты дѣятельности Петра получатъ новое, болѣе вѣрное освѣщеніе и оцѣнку. Полагаемъ, читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы попытаемся напомнить имъ, на основаніи матеріаловъ, заключающихся въ новомъ изданіи, нѣкоторые главные моменты дѣятельности Петра въ періодъ 1688—1701 годовъ, періодъ, такъ сказать, переходный, когда царь кончалъ свое ученіе, свои потѣхи и приступалъ къ серіозному и великому дѣлу внѣшняго и внутренняго преобразованія отечества.

Въ началѣ книги мы встрѣчаемся съ учебными тетрадями Петра по ариѳметикѣ, астрономіи и артиллеріи, затѣмъ идетъ нѣсколько писемъ его къ матери, царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ изъ Переяславля, куда она его отпустила на стройку кораблей въ 1688 г. Ни по содержанію, ни по формѣ, письма эти ничего особенно важнаго не представляютъ; вотъ для примѣра одно изъ нихъ: [1]) „Всегда желающаго мнѣ здравія благословенія прошу, а у насъ за молитвъ твоихъ все здраво. По семъ всегда и присно желаю здравія и спасенія. Недостойный Petrus“. Въ такомъ же родѣ и остальныя письма этого времени.

[1]) Оговоримся, что, цитируя письма Петра, мы не будемъ указывать, откуда ихъ беремъ, такъ какъ они всѣ заимствуются изъ новаго „Собранія“.

Въ іюнѣ 1689 г. эти записочки прерываются. Прервала ихъ новая стрѣлецкая смута, закончившаяся казнью Шакловитаго и удаленіемъ царевны Софіи. До насъ дошелъ оффиціальный актъ, завершившій это дѣло, письмо Петра къ брату, царю Іоанну Алексѣевичу.

„Милостію Божіею, пишетъ Петръ брату, врученъ намъ, двумъ особамъ, скипетръ правленія, также и братіямъ нашимъ, окрестнымъ государямъ, о государствованіи нашемъ извѣстно; а о третьей особѣ, чтобы быть съ нами въ равенственномъ правленіи отнюдь не воспоминалось. А какъ наша сестра царевна Софья Алексѣевна государствомъ нашимъ учала владѣть своею волею, и въ томъ владѣніи, что явилось особамъ нашимъ противное, и народу тягости и наше терпѣніе, о томъ тебѣ, государь, извѣстно. А нынѣ злодѣи наши Ѳедька Шакловитый съ товарищи, не удоволяся милостію нашею, преступя обѣщаніе свое, умышляли съ иными ворами объ убивствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровьемъ, и въ томъ по розыску и съ пытки винились: А теперь, государь братецъ настоитъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есми въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей съ нашими двумя мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быть не изволяемъ; на то бъ и твоя, государя моего брата, воля склонилася, потому что учала она въ дѣла вступать и въ титла писаться собою безъ нашего изволенія, къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хотѣла вѣнчаться. Срамно, государь при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ! Тебѣ же, государю брату, объявляю и прошу: позволь, государь, мнѣ отеческимъ своимъ изволеніемъ, для лучшія пользы нашей и для народнаго успокоенія, не обсылаясь къ тебѣ, государю, учинить по приказамъ правдивыхъ судей, а неприличныхъ перемѣнить, чтобъ тѣмъ государство наше успокоить и обрадовать вскорѣ. А какъ государь, братецъ, случимся вмѣстѣ, и тогда поставимъ все на мѣрѣ; а я тебя, государя брата, яко отца, почитать готовъ".

Въ этой грамотѣ еще ничего не говорится объ участи царевны Софьи Алексѣевны, но черезъ нѣсколько дней она была рѣшена: изъ Троицы въ Москву пріѣхалъ бояринъ И. Б. Троекуровъ съ приказомъ царевнѣ идти въ монастырь; послѣ долгихъ отговорокъ она переселилась въ Новодѣвичій монастырь.

Кончилась смута, и царь снова принялся за свои водя-

ныя потѣхи. Въ 1691 г. мы опять съ нимъ встрѣчаемся на Переяславскомъ озерѣ, но какъ онъ писалъ впослѣдствіи, это озеро „показалось ему мало“; онъ поѣхалъ на Кубенское озеро, „но оное ради мелкости не показалось“. Тогда онъ „положилъ свое намѣреніе видѣть море, о чемъ сталъ просить матери своей, дабы мнѣ позволила, которая хотя обычаемъ любви матерней въ сей опасный путь многократно возбраняла, но потомъ видя великое мое желаніе и неотмѣнную охоту, и не хотя позволила“. Отпуская сына въ Архангельскъ на Бѣлое море, царица взяла съ него обѣщаніе только посмотрѣть корабли, а самому въ море не ходить. Но всетаки разлука была ей тяжела, она боялась, чтобы сынъ не нарушилъ своего обѣщанія, хотѣла скорѣйшаго его возвращенія, и вотъ передъ нами чрезвычайно любопытная переписка матери съ сыномъ.

„О томъ, свѣтъ мой, радость моя, сокрушаюсь“, пишетъ Наталья Кирилловна, „что тебя, свѣта моего, не вижу. Писала я тебѣ, къ надеждѣ своей, какъ мнѣ тебя свою радость ожидать: и ты, свѣтъ мой, опечалилъ меня, что о томъ не отписалъ. Прошу у тебя, свѣта моего, помилуй родшую тя, какъ тебѣ, радость моя, возможно, пріѣзжай къ намъ, не мѣшкавъ. Ей свѣтъ мой, несносная мнѣ печаль, что ты радость въ дальнемъ такомъ пути. Буди надъ тобою, свѣтъ мой, милость Божія, и вручаю тебя, радость свою, общей нашей надеждѣ Пресвятой Богородицѣ: она тебя, надежда наша, да сохранитъ“ [1]).

Петръ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ: „Государынѣ моей матушкѣ, царицѣ Наталіи Кирилловнѣ. Изволила ты писать ко мнѣ съ Васильемъ Соймоновымъ, что я тебя, государыню опечалилъ тѣмъ, что о пріѣздѣ своемъ, (т. е. о возвращеніи въ Москву) не писалъ: и о томъ и нынѣ подлинно отписать не могу для того, что дожидаюсь кораблей, а какъ они будутъ, о томъ никто не вѣдаетъ, а ожидаютъ вскорѣ, потому что больше трехъ недѣль отпущены изъ Амстердама; а какъ они будутъ, и я, искупя, что надобеть, поѣду тотчасъ день и ночь. Да о единомъ милости прошу: чего для изволишь печалиться обо мнѣ? Изволила ты писать, что предала меня въ паству Матери Божіей: и такого пастыря имѣючи, почто печаловать? Тоя бо молитвами и предстательствомъ не точію я единъ, но и міръ сохраняетъ Господь. За симъ благословенія прошу. Недостойный Петрушка“.

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи, т. XIV, стр. 135. Устряловъ, Исторія царствованія Петра В. т. II, стр. 152, 404.

Грустно было царицѣ узнать, что возвращеніе горячо любимаго ея сына откладывается на неопредѣленный срокъ, въ ожиданіи прихода амстердамскихъ кораблей, а тутъ пришло еще болѣе непріятное извѣстіе: сынъ не сдержалъ своего слова, даннаго ей передъ отъѣздомъ; увидавши воду и корабли, увлекся, пустился ихъ провожать и проплылъ по Бѣлому морю около 300 верстъ. Наталья Кирилловна пишетъ Петру новое письмо:

„Сотвори, свѣтъ мой, надо мною милость, пріѣзжай къ намъ, батюшка мой, не замѣшкавъ, ей, ей, свѣтъ мой! велика мнѣ печаль, что тебя, свѣта моего радости, не вижу. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что хочешь всѣхъ кораблей дожидаться, и ты, свѣтъ мой, видѣлъ, которые прежде пришли: чего тебѣ, радость моя, тѣхъ дожидаться? Не презри, батюшка мой свѣтъ, сего прошенія, о чемъ просила выше сего. Писалъ ты, радость моя, ко мнѣ, что былъ на морѣ,—и ты, свѣтъ мой, обѣщался мнѣ, что было не ходить. И я, свѣтъ мой, о томъ благодарю Господа Бога и Пресвятую Владычицу Богородицу, общую нашу надежду, что тебя, свѣта моего, сохранила въ добромъ здравіи. Да будетъ надъ тобою, свѣтомъ моимъ, милость Божія, и вручаю тебя, радость свою, надеждѣ своей Пресвятой Богородицѣ, и мое грѣшное благословеніе“.

Чрезвычайно сочувственными чертами рисуется передъ нами въ этомъ письмѣ образъ матери, нѣжной, беззавѣтно любящей своего сына, готовой отдать за него свою жизнь, какъ она доказала это во время стрѣлецкихъ волненій. Какъ остороженъ укоръ: „ты обѣщался мнѣ не ходить въ море“! сколько въ немъ тревожной заботливости.

Но Петръ не ѣхалъ домой, все „мѣшкалъ“ въ Архангельскѣ, царица прибѣгаетъ къ такой уловкѣ, она пишетъ къ нему письмо отъ имени трехлѣтняго его сына. Царевичъ проситъ отца: „Пожалуй, радость наша, къ намъ, государь, не замѣшкавъ; ради того, радость мой государь, у тебя милости прошу, что вижу государыню свою бабушку въ печали“ [1]).

Тяжело было Петру получать такія письма, знать, что мать его печалится его отсутствіемъ и морскими потѣхами; „тебѣ печаль, а мнѣ какая радость?“ пишетъ онъ ей. „Пожалуй сдѣлай меня безъ печали тѣмъ: сама не печалься, а истинно не заживусь“. Онъ посылаетъ Ѳедора Чемоданова, который долженъ „словесно извѣстить“ царицу о жизни

[1]) Устряловъ, Ист. царств. Петра В. т. II, стр. 154, 405.

царя въ Архангельскѣ. Но трудно разстаться царю и со своими потѣхами, потому что вѣдь онѣ не только потѣхи, но и ученье и работа. Онъ оттягиваетъ свое возвращеніе, ему хочется посмотрѣть гамбургскіе корабли. Наконецъ рѣшенъ обратный отъѣздъ въ Москву; царица опять тревожится за сына, чтобы онъ не торопился, не надсадилъ себя скорой ѣздой, но онъ отвѣчаетъ: „Ты, пожалуй, своею печалью не надсади меня. А я, слава Богу, кромѣ сего надсажать себя инымъ не стану и поѣду по мѣрѣ, не мѣшкавъ“. 19 сентября Петръ выѣхалъ изъ Архангельска, съ дороги онъ послалъ еще два письма къ матери: въ одномъ онъ увѣдомляетъ о своемъ выѣздѣ и проситъ царицу больше къ нему не писать, въ другомъ проситъ ее „не прогнѣваться“, что остановился гдѣ-то ночевать.

1 октября Петръ былъ въ Москвѣ, занялся снова потѣхами, веселыми попойками и пирами въ кругу своей компаніи, у иноземныхъ офицеровъ и мастеровъ, сочинялъ планы будущихъ военныхъ упражненій, учился. Ученье съ потѣхой неразрывно связывалось. Интересно въ этомъ отношеніи письмо къ Ѳ. М. Апраксину: „Ренскому, что у Книпера, о цѣнѣ пришли роспись всякой бочкѣ порознь, да одну бочку, которую изъ нихъ я хвалилъ, пришли не помѣшкавъ, да и тоё пришли, что Брантъ прислалъ. Да Петру Ивановичу (т. е. Гордону) молви, чтобъ инструментъ прислалъ совсѣмъ, который я у него видѣлъ, а мнѣ зѣло нужно на время“. Но пока царь занимался всѣмъ этимъ, ему готовился тяжелый ударъ: 20 января царица Наталья Кирилловна заболѣла, повидимому, неопасно, такъ что Петръ пригласилъ всю свою компанію на 25-е на вечеръ къ Лефорту, но въ этотъ самый день царицѣ стало хуже и она скончалась. По извѣстію Гордона Петръ былъ мраченъ и чрезвычайно разстроенъ. Три дня онъ плакалъ и тосковалъ, но уже 28 вечеромъ онъ былъ у Лефорта съ компаніей. 29-го писалъ Апраксину въ Архангельскъ: „Ѳедоръ Матвѣичъ! Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не можетъ, купно же и сердце. Обаче вспоминая апостола Павла, яко не скорбѣти о таковыхъ“ и Ездры „еже не возвратити день, иже мимо иде“, сія вся елико возможно, аще выше ума и живота моего (о чемъ и самъ подлинно вѣдалъ), еще поелику возможно, разсуждаю, яко всемогущему Богу и вся по волѣ своей творящу. Аминь. По сихъ, яко Ной, отъ бѣды мало отдохнувъ и о невозвратномъ оставя, о живомъ пишу. Понеже по обѣщанію моему (т. е. поклониться Соловецкимъ

чудотворцамъ), паче же отъ безмѣрной печали, внезапно здѣ (т. е. Архангельскъ) присѣтити хощу, и того для имамъ нѣкія нужды, которыя пишу ниже сего: Посылаю Никласа до Яна для строенія малаго корабля, и чтобъ имъ лѣсъ и желѣзо и все къ тому было вскорѣ готово, понеже рано пріѣхать имѣемъ". Изъ этого письма мы видимъ, что смерть матери дѣйствительно не прошла для Петра легко, какъ можно предполагать по его присутствію на вечерѣ у Лефорта; но онъ борется съ собою, хочетъ пересилить свою печаль, о „которой подробно рука писать не можетъ"; ему тяжело даже оставаться въ Москвѣ, онъ думаетъ успокоиться, обратившись къ работѣ, говоритъ, что надо „оставить невозвратное" и заняться „живымъ", т. е. приготовленіемъ къ строенію корабля въ Архангельскѣ. Черта самообладанія—замѣчательная въ 22-хъ лѣтнемъ молодомъ человѣкѣ, какимъ былъ Петръ въ это время.

Поѣздку въ Архангельскъ, упоминавшуюся въ приведенномъ письмѣ, пришлось почему-то отложить до весны, и въ началѣ марта Петръ извѣстилъ Апраксина, что походъ состоится въ концѣ апрѣля, какъ этого требуетъ генералиссимусъ, назначенный адмираломъ, кн. Ѳ. Ю. Ромодановскій. Письмо это отличается своимъ шутливымъ тономъ: царь говоритъ, что Ромодановскій „человѣкъ зѣло смѣлый къ войнѣ, а паче къ водяному пути", хотя Ромодановскій никогда въ морѣ не бывалъ; далѣе Ромодановскій и второй генералиссимусъ съ И. И. Бутурлинымъ (тоже не бывавшій въ морѣ, но назначенный вице-адмираломъ) уподобляются „любознательнымъ аѳинянамъ", тогда какъ оба они исполняли желаніе царя по своей къ нему преданности, а въ дѣйствительности далеко не питали особаго сочувствія къ новизнамъ. Въ началѣ апрѣля Апраксину были посланы еще два письма о разныхъ дѣлахъ, и между прочимъ царь наказываетъ ему; „да, пожалуй, о пивѣ не забудь". 29 апрѣля государь и его спутники, пропировавши всю ночь, выѣхали изъ Москвы.

Путешествіе отъ Вологды по Сухонѣ и Двинѣ совершалось на карбасахъ, и 18 мая этотъ флотъ бросилъ якорь предъ Архангельскомъ. Строившійся на верфи корабль „Апостолъ Павелъ" былъ готовъ къ спуску, царь его спустилъ въ Двину, оставалось только окончательно его отдѣлать. Этимъ временемъ царь предпринялъ, по обѣщанію, извѣстную поѣздку въ Соловки; по дорогѣ онъ чуть не погибъ въ сильную бурю, но былъ спасенъ лоцманомъ Антипомъ. Благополучное возвращеніе въ Архангельскъ было

отпраздновано шумными и веселыми пирами, причемъ, по свидѣтельству Гордона, не щадили ни вина, ни пороху. Бахусъ съ Ивашкой Хмѣльницкимъ зѣло почтены были. Между тѣмъ строеніе корабля подвигалось. 11 іюля онъ, какъ писалъ Петръ А. А. Виніусу, былъ „совсѣмъ отдѣланъ, окрещенъ во имя Павла апостола и Марсовымъ ладономъ (т. е. порохомъ) довольно окуренъ; въ томъ же куреніи и Бахусъ припочтенъ былъ довольно“. Тутъ чуть не случилось большой бѣды; „нахальчивый Вулканусъ, не удовольствуясь прибывающими на сушѣ, дерзнулъ на Нептунусову державу и чуть не всѣ суда въ Конгукорвѣ пожегъ; обаче черезъ наши трубы весьма раззоренъ; только едину барки кровлю и бортъ сжегъ съ хлѣбомъ; и возлѣ ея была барка съ пенькою, и еслибъ та загорѣлась, тогда бъ отнюдь невозможно было отнять“.

Между тѣмъ изъ Москвы извѣщали, что готовится новая потѣха; Виніусъ увѣдомилъ царя, что по письмамъ амстердамскаго бургомистра Витзена, купленный въ Голландіи фрегатъ „Santa Profectie“ уже около 6 недѣль подъ начальствомъ капитана Флама вышелъ въ море и скоро долженъ придти къ Архангельску. Царь отвѣчалъ, что съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прихода корабля „дабы его же слышаніемъ радуемся, руками могли осязать“. Но Фламъ не приходилъ, а тутъ еще другая забота: царь хотѣлъ добыть изъ Голландіи планы и смѣты для постройки различныхъ судовъ, а Витзенъ отвѣтилъ, что плановъ прислать не можетъ, такъ какъ каждый корабельный мастеръ строитъ суда по своему разсужденію, а образцомъ для Петра можетъ служить „Santa Profectie“. Петръ былъ недоволенъ такой отговоркой, „невозможно тому статься, писалъ онъ Виніусу, потому что тотъ корабль фрегатъ, а не флейтъ, и для того кшталтомъ [1]) весьма розны суть, а голіаты и яхты и гораздо далѣе видомъ и размѣромъ. И для того сколько возможно потрудись, чтобы тѣмъ разнымъ судамъ всякому особо размѣръ сыскать“. „А Фламъ по се число не бывалъ“, заключаетъ Петръ свое письмо. Наконецъ 21 іюля, „совершилось, что давно желали: Янъ Фламъ въ цѣлости пріѣхалъ, и на его кораблѣ 44 пушки и 40 матросовъ“. Торжество было неописанное, компанія предавалась пированію, такъ что Петръ обѣщаетъ Виніусу о подробностяхъ сообщить со слѣдующей почтой, „а нынѣ обвеселяся неудобно пространно писать, пачеже и нельзя: понеже при такихъ слу-

[1]) Кшталтъ — польское слово = видъ.

чаяхъ всегда Бахусъ почитается, который своими листьями заслоняетъ очи хотящимъ пространно писати". Фрегатъ нужно было починить, и все было въ недѣлю исправлено „призоромъ и тщаніемъ" государя. 10 августа флотъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ иностранныхъ и русскихъ кораблей, въ числѣ которыхъ были „Апостолъ Павелъ" и „Santa Profectie", вышелъ въ море. Плаваніе продолжалось 10 дней, 20 августа государь, послѣ веселаго пира у архангельскаго воеводы, выѣхалъ въ Москву, замышляя новую потѣху.

Потѣхой этой, произведенной въ грандіозныхъ размѣрахъ, былъ значительный Кожуховскій походъ, не обошедшійся безъ раненыхъ, обожженныхъ порохомъ и даже убитыхъ. Но мы не будемъ излагать подробностей этого похода, замѣтимъ только, что онъ былъ послѣдней потѣхой. Съ будущаго 1695 года царь уже принимается вполнѣ за серіозное дѣло, и Кожуховскій походъ завершаетъ собою первую половину того періода, который мы выше назвали переходнымъ. Эта половина преимущественно посвящена потѣхамъ: царь потѣшается въ веселой компаніи, отдаетъ почетъ Ивашкѣ Хмѣльницкому и Бахусу, предается гомерическимъ пирамъ и попойкамъ, въ перепискѣ его съ членами компаніи много мѣста отводится этимъ предметамъ, Петръ часто заботится въ письмахъ о „ренскомъ", о „пивѣ", „секѣ", „лимонатѣ", хотя на ряду съ этимъ пишетъ и объ „инструментахъ математическихъ или тамерманскихъ" (т. е. плотничьихъ); потѣхой, хотя съ болѣе уже серіозной подкладкой, но въ сущности все же потѣхой были для царя и тѣ воинскія и морскія упражненія, которымъ онъ отдавалъ такъ много времени. Но такъ было въ первую половину, во вторую же половину разсматриваемаго періода является болѣе серіозности: потѣхи съ Бахусомъ и Хмѣльницкимъ остаются, но имъ удѣляется меньше мѣста, о нихъ меньше говорится, потѣхи же морскія и воинскія совсѣмъ теряютъ свой прежній характеръ и становятся настоящимъ государственнымъ дѣломъ.

Первымъ серіознымъ дѣломъ была война съ турками. С. М. Соловьевъ полагаетъ, что человѣкомъ, уговорившимъ Петра предпринять походъ на Азовъ, былъ Лефортъ. „Потѣхамъ пора было кончиться", говоритъ нашъ историкъ. „Въ народѣ шелъ ропотъ: царь связался съ нѣмцами, и какое же изъ этого добро? однѣ потѣхи, отъ которыхъ напрасно гибнутъ и страдаютъ люди. Для собственной выгоды Лефортъ долженъ былъ настаивать на прекращеніи потѣхъ и на какомъ-нибудь важномъ предпріятіи, которое могло бы выставить

въ выгодномъ свѣтѣ царя и компанію, иначе рождались очень непріятныя сравненія со свергнутымъ правительствомъ: если при Софьѣ походы на Крымъ были неудачны, то все же русскія рати искали враговъ въ ихъ жилищахъ, а теперь татары приходятъ на Украйну. Союзники упрекаютъ въ бездѣйствіи, гетманъ Мазепа пишетъ, что необходимо начать наступательное движеніе: этого желаетъ народъ, этого особенно нужно, чтобы дать упражненіе безпокойнымъ силамъ, собраннымъ въ Запорожьѣ. Лефортъ хотѣлъ, чтобы Петръ предпринялъ путешествіе заграницу въ западную Европу; но какъ показаться въ Европу, не сдѣлавши ничего, не принявши дѣятельнаго участія въ священной войнѣ противъ турокъ". Къ дѣятельному продолженію войны шли увѣщанія и отъ іерусалимскаго патріарха Досиѳея. Мы не отрицаемъ, что увѣщанія Досиѳея и Лефорта могли имѣть вліяніе на ту перемѣну, которая произошла въ царѣ, но не ими одними, думается намъ, слѣдуетъ ее объяснять. Прежде всего участіе Лефорта въ этомъ дѣлѣ нѣсколько преувеличено С. М. Соловьевымъ: если бы Лефортъ дѣйствительно былъ главнымъ иниціаторомъ Азовскаго похода, то онъ иначе велъ бы себя при осадѣ Азова, а между тѣмъ извѣстны такіе два факта: 1) скучая при первой осадѣ Азова, Лефортъ хотѣлъ кончить дѣло какъ-нибудь, чтобы скорѣе вернуться въ Москву; и 2) когда Петръ, по взятіи Азова, трудился со своими инженерами надъ укрѣпленіями города и искалъ мѣста для гавани, Лефортъ, не смотря на свой адмиральскій чинъ, бросилъ флотъ и уѣхалъ въ Москву. Самая мысль о походѣ подъ Азовъ, а не на устья Днѣпра, въ Крымъ, какъ это было при Софьѣ Алексѣевнѣ, могла быть, по нашему мнѣнію, подана не иноземцемъ Лефортомъ, а русскимъ человѣкомъ, если только она не возникла у царя самостоятельно: русскіе люди имѣли прецедентъ такого похода въ извѣстной попыткѣ казаковъ овладѣть Азовомъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Наконецъ царю не было нужды черезъ Лефорта узнавать, что народъ ждетъ отъ него настоящаго дѣла, онъ могъ это узнать и безъ посредниковъ.

Въ виду всего этого, намъ кажется, слѣдуетъ отнести кое-что въ иниціативѣ Азовскаго похода и на долю самого Петра: не должно опускать изъ виду, что онъ былъ въ это время уже гораздо болѣе зрѣлымъ человѣкомъ, чѣмъ прежде,— эта зрѣлость сказывается прямо въ тонѣ и характерѣ его писемъ, которыя становятся все болѣе и болѣе дѣловыми [1]).

[1]) Соловьевъ. Ист. Россіи т. XIV, стр. 202—205. Устряловъ. Ист. царств. Петра В. т. II, стр. 122.

Но какъ бы ни было, мысль о походѣ подъ Азовъ является поворотнымъ пунктомъ отъ потѣхи къ дѣлу. Уже въ началѣ 1695 года царь писалъ къ Апраксину: „шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть ѣдемъ“. До апрѣля тянулись приготовленія къ походу, царь былъ очень занятъ дѣлами. Отъ 16 апрѣля мы имѣемъ слѣдующее любопытное его письмо къ Апраксину: „О замедленіи вѣдомости противъ вашего письма во истину больше суетами и непрестаннымъ недосужествомъ, нежели лѣностью, умедлено: понеже вѣдаетъ ваша милость, что какими трудами нынѣшней осени подъ Кожуховымъ чрезъ пять недѣль въ Марсовой потѣхи были, которая игра, хотя въ ту пору, какъ она была, и ничего не было на разумѣ больше, однакожъ послѣ совершенія оной, зачалось иное, и прежнее дѣло явилось яко предвѣстникомъ дѣла, о которомъ самъ можешь разсудить, коликихъ трудовъ и тщанія оное требуетъ, о чемъ, есть ли живы будемъ, впредь писать будемъ. Съ Москвы на службу подъ Азовъ, по ихъ пресвѣтлѣйшества указу (т. е. по указу князя-кесаря Ромодановскаго) пойдемъ сего же мѣсяца 18 числа“.

Мы не будемъ разсказывать подробностей Азовскаго похода, для нашей цѣли важно опредѣлить ту роль, которую въ немъ игралъ царь, прослѣдить его личное участіе въ отдѣльныхъ эпизодахъ, выяснить тѣ впечатлѣнія, которыя онъ вынесъ изъ этого дѣла, отношеніе его къ этому предпріятію. Мы будемъ поэтому главнымъ образомъ слѣдить за его перепиской, которая была довольно обширна въ это время. Больше всего царь писалъ князю-кесарю Ромодановскому, А. А. Виніусу и А. Ю. Кревету. Письма къ послѣднимъ двумъ лицамъ чисто дѣловаго характера: Петръ сообщаетъ имъ о ходѣ военныхъ дѣйствій и даетъ имъ разнаго рода порученія; другой тонъ въ письмахъ къ Ромодановскому, это письма шутливыя: царь пишетъ ему о томъ же, о чемъ Виніусу и Кревету, факты излагаетъ тѣми же самыми словами, но постоянно величаетъ князя „Min Her Kenich“, „пресвѣтлѣйшество“, говоритъ, что дѣйствуетъ по его приказу и т. д.

Отправляясь въ походъ, Петръ всецѣло отдался предпринятому дѣлу и увѣренъ въ его успѣхѣ. Препятствія ждали однако уже на первомъ шагу: „въ Дѣдиновѣ и Муромѣ задержка была отъ глупыхъ кормщиковъ и работниковъ, которые именемъ слывутъ мастеры, а дѣло отъ нихъ, что земля отъ неба“. Но „помощью Божіей“ всякія препятствія устраняются, и увѣренность въ успѣхѣ растетъ. 29 іюня войско пришло на рѣку Койсу въ 10 верстахъ отъ Азова,

извѣщая объ этомъ Виніуса, Петръ замѣчаетъ: „на молитвахъ святыхъ апостолъ, яко на камени утвердяся, несумнѣнно вѣруемъ, яко сыны адскіе не одолѣютъ насъ“. Первой удачей было взятіе турецкой каланчи и Петръ пишетъ по этому поводу Кревету, что „отворились къ Азову врата счастія“. Осадныя работы шли довольно быстро; въ концѣ іюля въ письмѣ къ Виніусу находимъ такое извѣстіе: „въ дѣлѣ нашемъ, слава Богу, порядокъ идетъ доброй, и уже меньше тридцати сажень отъ города обрѣтаемся, и въ надеждѣ милосердія Божія, о благомъ совершеніи не сумнѣваемся“. 2 августа царь извѣщаетъ боярина Т. Н. Стрѣшнева, что „шанцами гораздо пришли близко ко рву, и отъ того непріятелямъ учинилась великая тѣснота“. Въ этомъ же письмѣ онъ отвѣчаетъ на похвалы боярина его дѣйствіямъ подъ Азовомъ; Петръ очень скромно находитъ ихъ преувеличенными: „преимущество намъ приписать изволили, говоритъ онъ, котораго никако въ себѣ видѣти можемъ“. Въ половинѣ сентября въ письмѣ къ Виніусу царь говоритъ: „А здѣсь, слава Богу, все здорово, и въ городѣ Марсовымъ плугомъ все испахано и насѣяно и не токмо въ городѣ, но и во рву. И нынѣ ожидаемъ добраго рожденія, въ чемъ Господи, помози намъ, въ славу имени твоего святаго“.

Во всѣхъ этихъ письмахъ высказывается постоянная надежда на успѣхъ, но въ Москвѣ смотрѣли на Азовскій походъ иначе. За судьбу царя очень безпокоились, извѣстій отъ него ожидали съ сильнѣйшимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ распространялись разные неблагопріятные слухи. Всякая хорошая вѣсть производила большую радость, получивши письмо отъ Петра о приходѣ на рѣку Койсу, Виніусъ между прочимъ отвѣчалъ: „та почта такую всѣмъ радость принесла, что многіе и въ церквахъ Божіихъ и въ домахъ своихъ того же часа молебствовали, пріявъ сію радостную почту яже яко солнце тьму многіе лжи разогнала и повсюду, даже и въ стрѣлецкихъ слободахъ, великую радость принесла“. А между тѣмъ почты задерживались, да и у царя не бывало иногда времени писать, рождались новые слухи, Ромодановскій и Виніусъ просятъ Петра чаще писать о себѣ. Петръ объясняетъ причины задержки въ корреспонденціи: „препоною учинилось недосужство, потому что многіе знатные въ воинскихъ трудахъ люди за онымъ писемъ своихъ писать не успѣли, также и отецъ вашъ государевъ и богомолецъ [1])

[1]) Государь Ромодановскій, богомолецъ—всесвятѣйшій патріархъ Зотовъ.

бдѣлъ въ непрестанныхъ же трудахъ письменныхъ, разспрашиваніемъ многихъ языковъ и иными дѣлами.—„Для Бога не сумнѣвайтесь о почтахъ, пишетъ Петръ въ тотъ же день въ другомъ письмѣ,—что замѣшкиваются. Истинно за недосужствомъ, а не для того, храни Боже! чтобъ за какою бѣдою. И самъ можешь разсудить, что еслибъ что учинилось, какъ бы то утаить возможно?“

Дѣйствительно было „недосужство“, турки стояли крѣпко; „подошли мы къ гнѣзду близко“, писалъ Петръ А. Ю. Кревету, „и шершніе раздразнили, которые за досаду свою крѣпко кусаются“. Однако была и бѣда, и не смотря на надежду Петра, что гнѣздо „осыпается“, оно не сыпалось, „добраго рожденія“ годъ не принесъ, пришлось ограничиться однимъ занятіемъ каланчей и отступить. Неудача была страшная: поклонники старины подняли свой голосъ, стали говорить, что Богъ не благословилъ царскаго начинанія, такъ какъ войскомъ начальствовали еретики иноземцы. Но тутъ-то послѣ неудачи обнаружилось величіе Петра: онъ не палъ духомъ, проявилъ необыкновенную дѣятельность и не измѣнилъ тому пути, по которому шелъ раньше Ронтали на иноземцевъ, но вмѣсто того, чтобы уступить этому ропоту, Петръ еще усиленнѣе стремится завербовать въ свою службу иноземныхъ искусныхъ мастеровъ: вызываются инженеры и „огнестрѣльные художники“ изъ Бранденбурга и изъ Австріи. Сохранился любопытный отрывокъ письма Петра, по всей вѣроятности, къ Л. К. Нарышкину, завѣдывавшему посольскимъ приказомъ: „Для Бога къ цесарю вели отписать съ прошеніемъ объ инженерахъ и о иныхъ мастерахъ, чтобъ къ веснѣ хотя 6 человѣкъ, а хорошобъ 10. И буде поопасутся отпуску, и ты вели въ грамотѣ доложить, что по окончаніи того лѣта, въ которомъ они призваны будутъ, не задержавъ имъ будетъ свобода“. Изъ тона записки, изъ выраженія „для Бога“, видно, какое большое значеніе царь придавалъ этому дѣлу, какъ настаивалъ на его исполненіи. Въ то же время поднимается кипучая работа по строенію флота: прежнія водяныя потѣхи получили серьезное примѣненіе. Всѣ письма царя за это время наполнены извѣстіями о постройкѣ галеръ „галіасовъ“, просьбами прислать досокъ, бревенъ, инструментовъ, разными распоряженіями о „каторжныхъ“ мастерахъ, о „шихинъ-тиммерманахъ“ и т. п. „Къ морскому каравану все строилось съ поспѣшеніемъ“, царь работалъ безъ устали: „А мы, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ

свой", писалъ Петръ боярину Т. Н. Стрѣшневу, и это, конечно, не было фразой.

Въ первыхъ числахъ апрѣля начали спускать суда на воду; въ этомъ занятіи прошла святая недѣля. Петръ поздравилъ съ праздникомъ всѣхъ своихъ сподвижниковъ, остававшихся въ Москвѣ, въ одномъ письмѣ. Это письмо дышетъ уже прежнею увѣренностью въ успѣхѣ: „поздравляемъ васъ, пишетъ Петръ, въ нынѣшній день Свѣтло-Христова тріумфа надъ Люциферомъ и дѣтьми его... желаемъ отъ васъ прошенія къ Богу, да, яко отецъ нашъ Господь Богъ днесь побѣди отца ихъ махметанскаго дьявола, да сподобитъ и насъ надъ дѣтьми его побѣдители быти". Шутливый тонъ писемъ къ членамъ компаніи проявляется и теперь. Петръ величаетъ ихъ прежними шутовскими титулами. Князь кесарь Ромодановскій обидѣлся за то, что Петръ не поздравилъ его съ свѣтлымъ праздникомъ отдѣльно отъ другихъ, и сдѣлалъ Петру выговоръ. Петръ принимаетъ этотъ выговоръ и отвѣчаетъ шуточнымъ извиненіемъ: „въ послѣднемъ письмѣ изволишь писать про вину мою, что я ваши государскія лица вмѣстѣ написалъ съ иными, и въ томъ прошу прощенія, потому что корабельщики, наша братія въ чинахъ не искусны". Но продолжая эти шутки съ „компаніей", предаваясь по временамъ бесѣдамъ съ Бахусомъ и Ивашкою Хмельницкимъ, Петръ не забывалъ дѣла, того же требовалъ отъ членовъ компаніи и, иногда, чрезвычайно строго выговаривалъ имъ за упущенія, такъ напримѣръ 15 іюля 1696 года, онъ писалъ Виніусу, порицая дѣйствія знаменитаго дипломата дьяка Е. И. Украинцеву: „зѣло досадилъ мнѣ своякъ твой, что Кузьму [1]) держитъ безъ вѣдомости о войнѣ нашей, и не стыдъ ли, объ чемъ ни спросятъ его, ничего не знаетъ, а съ такимъ великимъ дѣломъ посланъ". Въ цидулкахъ Микитѣ Моисеевичу (Зотову) о польскихъ дѣлахъ пишетъ (которые ненужно) что надобѣть дѣлать, и цесарскую сторону, гдѣ надежда союза, позабылъ, а пишетъ такъ: „для того о войскахъ не даемъ вѣдать, чтобъ Кузьма лишняго не разсѣялъ.—Разсудилъ! Есть ли сансъ его въ здоровьѣ [2])? о государственномъ повѣренно, а что всѣ вѣдаютъ закрыто! только скажи ему, что чего онъ не допишетъ на бумагѣ, то я допишу ему на спинѣ".

Вторая осада Азова, какъ извѣстно, была удачна: успѣхомъ русскіе были обязаны, главнымъ образомъ, вновь по-

[1]) Кузьма Нефимоновъ—дьякъ, бывшій резидентомъ въ Вѣнѣ.
[2]) т. е. здоровъ ли его умъ?

строенному флоту, который загородилъ путь турецкому флоту въ устьяхъ Дона и не пропускалъ вспомогательнаго отряда къ Азову. Много пользы принесло также новое устройство войска,—происходившія почти ежедневно стычки съ турками были удачны, кромѣ одного боя, гдѣ наши, увлекшись преслѣдованіемъ, по выраженію Петра, „по прадѣдовскимъ обычаямъ, не принявъ себѣ оборониться воинскаго строя, нѣсколько потеряли, но, когда справились, паки ихъ прогнали“. Выписанные изъ Австріи инженеры и огнестрѣльные мастера тоже содѣйствовали успѣху. Царь держалъ себя такъ же, какъ и прежде, работалъ неустанно и не бѣгалъ отъ опасности. Сестра его, царевна Наталья Алексѣевна убѣждала его быть осторожнѣе. Петръ отвѣчалъ: „по письму твоему я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ,—прикажи имъ, чтобъ не ходили; однако пока и ходятъ, только по ся поры вѣжливы. Турки на помощь пришли, да къ намъ не идутъ, а чаю, что желаютъ насъ къ себѣ“. Успѣхъ, увѣнчавшій всѣ наши усплія, чрезвычайно обрадовалъ Петра. Очень характерно его письмо къ боярину Т. Н. Стрѣшневу отъ 20 мая: „Mon Her heilige Fader. Нынѣ со святымъ Павломъ радуйтеся всегда о Господѣ, и паки реку: радуйтеся! Нынѣ же радость наша исполнпся, понеже Господь Богъ двалѣтнія труды и крови наши милостію Своею наградилъ: вчерашнего дни Азовцы, видя конечную свою бѣду, сдалися“.

Велика была радость и въ Москвѣ: взятіе Азова принадлежало къ числу тѣхъ немногихъ торжествъ, которыя должны сильно поражать народное воображеніе. Это было первое торжество надъ страшными турками, которые раззорили Чигиринъ въ глазахъ нашего войска. Послѣ перваго Литовскаго похода царя Алексѣя Михайловича, за которымъ слѣдовали такія неудачи и тягости, русскіе люди были впервые порадованы такимъ блестящимъ успѣхомъ своего оружія, помнили, что когда-то Азовъ былъ взятъ Донскими казаками, и въ то время уже сильно хотѣлось его удержать за собой, но чувствовались еще послѣдствія смуты, терзавшей Московское государство въ началѣ XVII столѣтія: силы было мало, а турки были грозны и могущественны, не рѣшились съ ними спорить, отдали имъ Азовъ, а теперь этотъ городъ снова нашъ—въ немъ возводятся укрѣпленія, строятся православныя церкви, идетъ рѣчь объ учрежденіи новой азовской епархіи... Велика была радость народная, но, разумѣется, больше всѣхъ радовались люди близкіе къ Петру, торжествовала его ком-

панія, потому что успѣхъ несомнѣнно доказывалъ, что новый путь, на который вступилъ царь, есть путь вѣрный, что новыя средства ведутъ къ цѣли, что народныя силы не даромъ напрягались для постройки флота, что вызовъ иноземцевъ-мастеровъ не былъ пустой затѣей. Новое правительство съ его новизнами высоко поднималось надъ старымъ съ его Крымскими походами. „Всѣмъ извѣстно", писалъ Виніусъ къ Петру, „что единымъ промысломъ вашимъ и одержаніемъ помощи съ моря, столь знаменитый въ свѣтѣ градъ къ ногамъ вашимъ приклонился". Сильно было впечатлѣніе, произведенное Азовскимъ походомъ и заграницей: турки были еще общей грозой, побѣды надъ ними одерживались не часто. Въ Польшѣ эта побѣда вызвала опасеніе, какъ-бы москали не выполировались. Воевода плоцкій говорилъ: „лучше бы было, чтобы дома сидѣли, это бы намъ не вредило, а когда выполируются и крови нанюхаются, увидишь, что изъ нихъ будетъ; до чего, Господи Боже, не допусти" [1]).

Иностранные мастера много сдѣлали, но неужели же оставаться въ вѣчной отъ нихъ зависимости! Не вызывать же ихъ постоянно изъ-за границы! Надо попробовать обойтись и безъ нихъ, но какъ же это сдѣлать? Русскимъ людямъ надо занять ихъ мѣсто, имъ нужно самимъ научиться иноземному мастерству. Вызванные въ Россію мастера заняты насущнымъ текущимъ дѣломъ, они не учителя, имъ нѣкогда учить,—надо русскимъ самимъ ѣхать заграницу. И вотъ царь первый подаетъ примѣръ, онъ самъ ѣдетъ, чтобъ научиться всякимъ искусствамъ и чтобы, вернувшись домой, учить и контролировать другихъ. Снаряжается знаменитое посольство Лефорта, Головина и Возницына; къ посольству прикомандировываются молодые дворяне; но кромѣ ученія у Петра заграницею была и другая цѣль—политическая: онъ хотѣлъ образовать коалицію противъ турокъ.

Подробности этого путешествія и затѣмъ ученіе Петра въ Голландіи, въ Англіи достаточно извѣстны, мы не будемъ ихъ повторять, ограничимся только указаніемъ на тѣ впечатлѣнія, которыя производили на него европейская жизнь и люди, укажемъ нѣсколько любопытныхъ, хотя мало или даже совсѣмъ неизвѣстныхъ фактовъ. Первый чужой городъ, въ который пріѣхало посольство, былъ Рига: извѣстенъ не совсѣмъ любезный пріемъ, оказанный Петру риж-

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, томъ XIV, стр. 214, 215.

скимъ губернаторомъ и оставившій въ Петрѣ крайне враждебное чувство. Въ письмѣ къ Виніусу отъ 8 апрѣля 1697 года, Петръ даетъ такой отзывъ о своемъ пребываніи въ Ригѣ: „здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и сыты были только зрѣніемъ". Но не смотря на то, что былъ сытъ зрѣніемъ, Петръ кое-что разузналъ; „солдатъ здѣсь, пишетъ онъ, сказываютъ 2.780, мы ѣхали черезъ городъ и замокъ, гдѣ солдаты стояли на пяти мѣстахъ, которые были меньше тысячи человѣкъ, а сказываютъ, что всѣ были; городъ укрѣпленъ гораздо, только недодѣланъ, зѣло здѣсь боятся и въ городъ и въ иныя мѣста и съ карауломъ не пускаютъ, и мало пріятны. Солдатамъ жалованья въ годъ: капраламъ по 12, сержантамъ по 24, да всѣмъ по 3 бочки хлѣба". Въ этомъ же письмѣ находимъ любопытное замѣчаніе о рижскихъ купцахъ: „торговые люди здѣсь ходятъ въ мантеляхъ и кажется, что зѣло правдивы, а съ ямщиками нашими, какъ стали сани продавать, за копѣйку лаются и клянутся, а продаютъ втрое". Изъ этого коротенькаго замѣчанія можно видѣть, что Петръ далеко не слѣпо преклонялся передъ нѣмцами.

Изъ Митавы, вѣроятно, Петръ прислалъ довольно курьезный подарокъ князю кесарю. Въ одномъ изъ писемъ къ нему онъ говоритъ: „здѣсь ничего вашей персонѣ удобнаго не нашелъ, только посылаю къ вашей милости нѣкоторую вещь на отмщеніе враговъ маестату вашему". Что же это была за „нѣкоторая вещь"? Объ этомъ мы узнаемъ изъ отвѣтнаго письма князя Ромодановскаго: „писалъ ты, господине, ко мнѣ въ своемъ письмѣ, чтобы къ тебѣ отписать, которая отъ тебя прислана мамура [1]) ко мнѣ, московскимъ людямъ недобрымъ въ подарки, и тою мамурою учиненъ опытъ надъ крестьяниномъ Покровскаго села, что прежь сего было Рубцово, отсѣчена голова за то, что онъ зарѣзалъ посадскаго человѣка; пытанъ трижды и въ томъ винился, что зарѣзалъ съ умыслу. Другаго своего человѣка Сидорку Серебренника, который былъ въ московскомъ разбоѣ съ Ваською Звѣревымъ тою жъ мамурою указъ учиненъ, а еще многіе такіе же той мамурѣ подлежатъ, только еще указъ не учиненъ и къ сей почтѣ къ вѣдомости не поспѣлъ; буду о томъ тебѣ впредь писать". На это извѣщеніе Ромодановскаго, Петръ отвѣчалъ, сохраняя обычный шутовской тонъ своей переписки съ княземъ кесаремъ: „а что службишкою нашею прислана вещь и отвѣдала двухъ, дай Богъ, чтобы

[1]) Мамура на офеньскомъ нарѣчіи Владимірской губерніи— топоръ.

такихъ людей впредь не было, а если будутъ, чтобъ они также были (т. е. отвѣданы мамурой), аще и не достойно, прошу какихъ людей и за что наша мамура отвѣдала". Поразительнымъ и отталкивающимъ представляется это спокойствіе, этотъ шутовской тонъ, съ которымъ говорится о вещахъ совсѣмъ не шуточныхъ; но Петръ не отличался мягкостью, и малѣйшій проступокъ каралъ со всею возможною строгостью. Тутъ же съ дороги изъ Либавы онъ прислалъ такое распоряженіе К. А. Нарышкину: „которые ямщики и наемщики сбѣжали, вели сыскать и кнутомъ нужно выбить, водя по торгу".

Изъ Либавы Петръ проѣхалъ въ Пруссію и былъ отлично принятъ въ Кенигсбергѣ курфюрстомъ бранденбургскимъ Фридрихомъ III. Здѣсь Петръ учился артиллеріи и занимался нѣкоторыми политическими дѣлами. Съ Бранденбургомъ былъ заключенъ договоръ о свободной торговлѣ съ обѣихъ сторонъ, о непріиманіи бунтовщиковъ и непріятелей и пропускѣ русскихъ людей, черезъ Бранденбургскія владѣнія, въ Германію для науки. Особенное вниманіе обращалъ Петръ на польскія дѣла: въ Польшѣ въ это время происходили королевскіе выборы. Кандидатовъ на тронъ было очень много; для Петра было весьма важно, чтобы избранъ былъ человѣкъ, сочувствующій войнѣ съ Турціей, а между тѣмъ однимъ изъ серьезныхъ кандидатовъ являлся принцъ де-Конти, поддерживаемый Людовикомъ XIV. Франція была въ это время въ союзѣ съ Турціей, слѣдовательно де-Конти никакъ не могъ удовлетворять видамъ и желаніямъ Петра. Во время своего пребыванія въ Кенигсбергѣ, Петръ всѣ усилія направляетъ противъ выборовъ французскаго кандидата, онъ послалъ двѣ граматы къ архіепископу Гнѣзненскому: „имѣя къ государямъ вашимъ постоянную дружбу объявляетъ Петръ, также и къ вамъ, таково короля съ французской и съ турецкой стороны быти не желаемъ, а желаемъ быти у васъ на престолѣ королемъ, какова народу ни есть, только бы не съ противной стороны". Всѣ письма Петра въ Россію наполнены разными извѣстіями объ этихъ польскихъ дѣлахъ,— видно, что этотъ вопросъ его чрезвычайно занималъ.

Изъ Пруссіи Петръ отправился въ Голландію, былъ въ Сардамѣ и въ Амстердамѣ, о его ученіи тутъ мы не станемъ говорить, оно извѣстно всякому. Занимаясь работою на судахъ, Петръ не забывалъ политическихъ вопросовъ: война съ турками, освобожденіе изъ-подъ ихъ ига христіанскихъ народовъ были его главною мечтою. Къ этой цѣли

направлены всѣ его труды, для этого онъ учится. Въ посланіи къ патріарху Адріану, онъ набрасываетъ цѣлую политическую программу: „мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатіею Божіею и вашими молитвами при добромъ состояніи живы и, послѣдуя Божію слову, бывшему праотцу Адаму, трудимся, что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы искусясь совершенно могли возвратясь противъ враговъ имени Іисуса Христа, побѣдителями, а христіанъ тамъ будущихъ освободителями благодатію его быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не престану". Весьма интересною иллюстраціею къ этой программѣ можетъ быть исполненная Петромъ гравюра: она представляетъ торжество христіанской религіи надъ мусульманскою, въ видѣ ангела, который, съ крестомъ и пальмою въ рукахъ, попираетъ полулуніе и турецкіе бунчуки [1]).

Изъ Голландіи Петръ постоянно переписывался съ разными лицами въ Россіи, которыя извѣщали его о томъ, что тамъ дѣлалось. Въ этой перепискѣ говорится о постройкѣ укрѣпленій около Азова, о гавани при Таганрогѣ, о военныхъ дѣйствіяхъ противъ татаръ и турокъ, о строеніи кораблей компанствами, о польскихъ дѣлахъ и т. д. Особенно много переписывался Петръ съ Виніусомъ. Послѣдній въ своихъ письмахъ постоянно требовалъ присылки оружейныхъ мастеровъ; „наипаче болитъ сердце, пишетъ Виніусъ, что иноземцы высокою цѣною, продавъ шведское желѣзо и побравъ деньги за рубежъ поѣхали, а наше сибирское многимъ шведскаго лучше". Тутъ высказывалась мысль о необходимости для народныхъ интересовъ, воспользоваться своимъ продуктомъ, но для обработки его нужны мастера, а ихъ нѣтъ. Петръ сочувствовалъ стремленіямъ Виніуса: „пишешь ваша милость о мастерахъ", отвѣчаетъ онъ, „изъ тѣхъ мастеровъ, которые дѣлаютъ ружья и замки, зѣло доброе сыскали и пошлемъ не мѣшкавъ, а ради поспѣшенія изъ тѣхъ же мѣстъ, гдѣ Бутманъ на Олонецкіе заводы сыскалъ, добыть возможно, однако же мы здѣсь сыщемъ такихъ, за что взялся бургомистръ Витзенъ, только мню, не вскорѣ". Но черезъ нѣсколько дней, Петръ жалуется на Витзена, „я ему непрестанно говорю, а онъ только манитъ день за день, а прямой отповѣди по ся поры не скажетъ, и если нынѣ онъ не промыслитъ, то надѣюсь у короля польскаго,

---

[1]) Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Томъ I, стр. 10.

черезъ его посла, добыть не только желѣзныхъ, но и мѣдныхъ мастеровъ". Въ другомъ письмѣ опять такая же жалоба: „о желѣзныхъ мастерахъ многожды говорилъ Витзену, только онъ отходилъ отъ меня московскимъ часомъ" [1]). Въ письмѣ къ Виніусу иногда попадаются извѣстія о политическихъ событіяхъ съ остроумной оцѣнкой ихъ, такъ напр., „миръ съ французами учиненъ. Третьяго дня былъ фейерверкъ въ Гагѣ и здѣсь. Дураки зѣло рады, а умные не рады, для того что французъ обманулъ".

Кромѣ дѣла въ перепискѣ довольно часто встрѣчаются извѣстія о пирахъ и попойкахъ. Виніусъ доносилъ, что въ царскіе имянины князь Ѳ. Ю. Ромодановскій „великую и богатую трапезу даровалъ въ столовой генеральской въ Преображенскомъ; сидѣли за разными столами больше ста человѣкъ и съ такимъ усердіемъ и милостью трактовалъ, и стрѣльба мелкая и крупная такъ была сильна, что едва столовая устояла и стѣна одна гораздо повыдалась. Пировали до 4 и до 5 часу ночи, такъ что въ 3 дни каждый насилу могъ оправиться". Въ Голландіи тоже не забывали Бахуса и Ивашку Хмѣльницкаго, такъ что, извиняясь, что не ко всѣмъ отправилъ письма, Петръ признавался, что иное за недосугомъ, иное за Хмѣльницкимъ не исправишь. Курьезными письмами по поводу Хмѣльницкаго обмѣнялись Петръ съ Ромодановскимъ: „звѣрь! долго ли тебѣ людей жечь? упрекалъ Петръ кесаря, и сюда раненые отъ васъ пріѣхали,—перестань знаться съ Ивашкой, быть отъ него рожѣ драной". Ромодановскій обидѣлся этимъ замѣчаніемъ: „въ твоемъ письмѣ, отвѣчаетъ онъ Петру, написано ко мнѣ, будто я знакомъ съ Ивашкой Хмѣльницкимъ, и то, господинъ, неправда. Нѣкто къ вамъ пріѣхалъ прямой московскій пьяный, да сказалъ въ безпамятствѣ своемъ. Нѣкогда мнѣ съ Ивашкой знаться, всегда въ кровяхъ омываемся. Ваше то дѣло стало на досугѣ знакомство держать съ Ивашкой, а намъ недосугъ, а что Яковъ Брюсъ донесъ, будто отъ меня руку обжегъ, и то сдѣлалось пьянствомъ его, а не отъ меня". Петръ нисколько не разсердился за такое рѣзкое письмо, но счелъ нужнымъ оправдаться отъ обвиненія въ пьянствѣ: „намъ подлинно нельзя, потому что непрестанно въ ученіи" [2]).

---

[1]) Намекъ на поговорку: московскій часъ, долгій часъ.

[2]) Чтобы объяснить упоминаніе о кровяхъ и о женіи, надо сказать, что Ромодановскій былъ начальникомъ разбойнаго приказа и ему часто приходилось пытать преступниковъ огнемъ и другими способами.

Изъ Голландіи Петръ проѣхалъ въ Англію, гдѣ работалъ на Дептфордской верфи. Тутъ мы отмѣтимъ договоръ, заключенный съ маркизомъ Кармартеномъ, которому предоставлялось право исключительной торговли табакомъ въ Россіи за 20.000 фунт. стерл. съ уплатою денегъ впередъ. Допущеніе торговли табакомъ было однимъ изъ новшествъ, возбуждавшихъ сильнѣйшій ропотъ среди приверженцевъ старины, такъ какъ табакъ особенно сильно преслѣдовался духовенствомъ. Изъ Дептфорда Петръ писалъ Т. Н. Стрѣшневу, прося убѣдить царицу Евдокію къ разводу. Стрѣшневъ отвѣчалъ, что она упрямится и совѣтовалъ Петру написать „покрѣпче“ объ этомъ духовнику.

Изъ Англіи Петръ проѣхалъ въ Вѣну, чтобы помѣшать заключенію мирнаго договора съ турками, о которомъ хлопотали Голландія и Англія. Петръ хотѣлъ, если не отговорить императоровъ отъ мира, то, по крайней мѣрѣ настоять на томъ, чтобы въ переговорахъ приняли участіе всѣ союзники и были бы удовлетворены. Императоръ обѣщалъ поддерживать русскія требованія на конгрессѣ и не приступать ни къ чему безъ согласія съ царемъ.

Въ то время, какъ Петръ учился заграницей, готовился къ новымъ политическимъ предпріятіямъ, въ Москвѣ поднималась опять стрѣлецкая смута. Недовольныхъ въ то время было очень много: были недовольны раскольники, недовольны были и православные—у всѣхъ было оскорблено національное чувство, хотя, можетъ быть, и слишкомъ узкое. Новшества, начавшіяся уже съ первой половины XVII столѣтія, приливъ иноземцевъ, религіозныя столкновенія съ ними, экономическая конкурренція—все это давно держало русское общество въ возбужденіи, а между тѣмъ молодой царь явно сдружился съ нѣмцами и уѣхалъ къ нимъ заграницу. Изъ этого ничего не можетъ быть хорошаго. Государь на чужой сторонѣ. Что тамъ съ нимъ дѣлается—неизвѣстно; правятъ бояре, ихъ правленіемъ тоже недовольны. Носятся слухи, будто Т. Н. Стрѣшневъ хочетъ удушить царевича и захватить власть въ свои руки. Таковы были общія причины и проявленія недовольства. У стрѣльцовъ были свои особенныя причины, они не могли забыть своего стараго своевольства и оскорблены были предпочтеніемъ имъ потѣшныхъ. Стрѣльцы снова взбунтовались.

8-го апрѣля Ромодановскій извѣстилъ объ этомъ бунтѣ Петра, когда тотъ былъ еще въ Амстердамѣ. Петръ отвѣчалъ: „письмо ваше государское я принялъ и, выразумѣвъ благодарствую и впредь прошу, дабы не былъ оставленъ.

Въ томъ же письмѣ объявлено бунтъ отъ стрѣльцовъ, и что вашимъ правительствомъ и службою солдатъ усмиренъ. Зѣло радуемся; только зѣло мнѣ печально и досадно на тебя,— для чего ты сего дѣла въ розыскъ не вступилъ? Богъ тебя судитъ! Не такъ было говорено на загородномъ дворѣ въ сѣняхъ. Для чего и Автомона [1]) взялъ, что не для этого. А буде думаете, что мы пропали, для того что почты задержались и для того боясь и въ дѣло не вступаешь, воистину скорѣй бы почты вѣсть была, только, слава Богу, ни одинъ не умеръ, всѣ живы.

Я не знаю, откуда на васъ такой страхъ бабій, малоль живетъ (т. е. случается), что почта пропадаетъ? А се въ ту пору была и половодь. Неколи ничего ожидать съ такою трусостью! Пожалуй не осердись: воистину отъ болѣзни сердца писалъ". Послѣдній упрекъ въ излишней довѣрчивости къ нелѣпымъ слухамъ Петръ черезъ четыре дня повторяетъ въ письмѣ къ Виніусу: „зѣло дивлюсь и суду Божію предаю тебя, что ты такъ сумнѣнно пишешь о замедленіи почтъ, а самъ въ конецъ извѣстенъ симъ странамъ.

Не диво, кто не бывалъ. Я было надѣялся, что ты станешь всѣмъ разсуждать бывалостью своею и отъ мнѣнія отводить, а ты самъ предводитель имъ въ яму, потому что всѣ думаютъ, что коли гдѣ кто бывалъ и боится того, то уже конечно такъ. Воистину не отъ радости пишу". Петръ рѣшилъ ѣхать назадъ въ Россію, но передъ этимъ онъ хотѣлъ побывать въ Вѣнѣ и въ Венеціи. Однако пришлось ограничиться одною Вѣной. Здѣсь царь получилъ второе письмо отъ Ромодановскаго о новомъ бунтѣ стрѣльцовъ; онъ отвѣчалъ: „пишетъ ваша милость, что сѣмя Ивана Михайловича (т. е. Милославскаго) растетъ, въ чемъ прошу васъ быть крѣпкимъ; а кромѣ сего ничѣмъ сей огонь угасить не мочно. Хотя зѣло намъ жаль нынѣшняго полезнаго дѣла (т. е. поѣздки въ Венецію), однако сей ради причины будемъ къ вамъ, какъ вы не чаете". С. М. Соловьевъ замѣчаетъ по поводу этого письма, что въ немъ было обѣщаніе террора и дѣйствительно по пріѣздѣ Петра въ Москву разыгрались страшныя сцены.

Вернувшись изъ-за границы и сравнивъ свое съ чужимъ, Петръ испыталъ тяжелое чувство, близкое къ отчаянью. Ему хотѣлось видѣть результаты своей дѣятельности, но на-

[1]) Автомонъ Михайловичъ Головинъ, командиръ Преображенскаго полка.

стоящее положеніе давало ему мало надеждъ. А тутъ еще повсюду сопротивленіе и смуты. Петръ обращается къ любимому своему дѣлу, къ строенію флота, ѣдетъ въ Воронежъ. Въ ноябрѣ 1698 года онъ пишетъ оттуда Виніусу: „мы, слава Богу, въ зѣло изрядномъ состояніи нашли флотъ и магазеинъ обрѣли. Только еще облакъ сумнѣнія закрываетъ мысль нашу, да не укоснѣетъ сей плодъ нашъ, яко фиников, котораго насаждающіе не получаютъ видѣть. Обаче надѣемся на Бога со блаженнымъ Павломъ: подобаетъ дѣлателю отъ плода вкусити". Сомнѣніе слѣдовательно было сильно, если даже изрядное состояніе флотовъ и магазиновъ не могло его разсѣять. Черезъ нѣсколько времени мы опять встрѣчаемъ такую фразу: „ожидаемъ благаго утра, дабы мракъ сумнѣнія нашего прогнанъ былъ". Но сомнѣніе долго не проходило, и ему подавали поводъ препятствія съ такой стороны, откуда ихъ, казалось бы, менѣе всего можно было ожидать. Однимъ изъ лучшихъ учениковъ морскаго дѣла былъ нѣкто Скляевъ. Царь ждалъ его въ Воронежѣ, но онъ не являлся, такъ какъ былъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Лукьяномъ Верещагинымъ арестованъ княземъ Ромодановскимъ. Петръ спрашиваетъ Ромодановскаго: „въ чемъ держать нашихъ товарищей Скляева и Лукьяна? зѣло мнѣ печально. Я зѣло ждалъ, паче всѣхъ Скляева, потому что онъ лучшій въ семъ мастерствѣ, а ты изволилъ задержать. Богъ тебя судитъ! Истинно никого мнѣ нѣтъ здѣсь помощника. А чаю, дѣло не государственное. Для Бога свободи (а какое до нихъ дѣло, я порука по нихъ) и пришли сюда". Ромодановскій объяснилъ, что задержалъ Скляева и Верещагина за драку съ солдатами Преображенскаго полка и высѣкъ Скляева. „Въ томъ на меня не прогнѣвись, прибавляетъ Ромодановскій, не обыкъ въ дуростяхъ спускать, хотя бы и не такого чину были". Такія пустыя придирки, изъ-за которыхъ останавливалось государственное дѣло, не могли способствовать разсѣянію того „мрака сумнѣнія", который тяготѣлъ надъ Петромъ.

Послѣдніе годы разсматриваемаго періода царствованія Петра Великаго цѣликомъ заняты дипломатическими переговорами и военными приготовленіями. Въ Австріи происходили переговоры съ турками, нашъ посолъ Возницынъ отстаивалъ упорно русскія требованія; сперва было заключено перемиріе на два года, а потомъ и миръ 18-го августа 1700 года. Этотъ миръ Петръ торопился заключить, чтобы приступить къ новому дѣлу. Переговоры о войнѣ съ

Швеціей начались уже давно. Польскій король Августъ усиленно настаивалъ на скорѣйшемъ открытіи военныхъ дѣйствій, особенно хлопоталъ объ этомъ знаменитый Паткуль. У союзниковъ царскихъ намѣренія были крайне эгоистичныя, они искали помощи Россіи, но о вознагражденіи ея думали очень мало. Царскіе планы были имъ совсѣмъ не по душѣ, они напротивъ хотѣли дать Россіи, при раздѣлѣ добычи, какъ можно меньше. Особенно рельефно это желаніе высказывалось Паткулемъ. „Надобно опасаться, писалъ Паткуль о Россіи, чтобы этотъ могущественный союзникъ не выхватилъ у насъ изъ-подъ носа жаркое, которое мы воткнемъ на вертелъ; надобно ему доказать исторіей и географіей, что онъ долженъ ограничиться одною Ингерманландіею и Карелiею. Надобно договориться съ царемъ, чтобы онъ не шелъ дальше Наровы и Пейпуса; если онъ захватитъ Нарву, то ему легко будетъ потомъ овладѣть Эстляндіею и Лифляндіею. Надобно выговорить у царя деньги и войска, особенно пѣхоту, которая очень способна работать въ траншеяхъ, подъ непріятельскими выстрѣлами". Эти предположенія, конечно, скрывались отъ Петра, ихъ внушали ему при помощи разныхъ тонкихъ дипломатическихъ подходовъ; но, главнымъ образомъ, торопили скорѣе начать войну. Петръ и самъ хотѣлъ этой войны; помимо той непріятности, которую онъ испыталъ въ Ригѣ, при поѣздкѣ заграницу, которой онъ никогда не могъ забыть, и которая во всѣхъ дипломатическихъ актахъ этого времени выставляется главнымъ поводомъ несогласія со Швеціею, помимо этой непріятности, по существу своему, конечно, не могшей имѣть такого крупнаго значенія, у него была прежняя великая мысль о пріобрѣтеніи моря. Надежда добиться моря на югѣ не могла быть осуществлена благодаря эгоистическому образу дѣйствій союзной Австріи; приходилось отложить эту мечту, надо было обратиться на сѣверъ. Коалиція составлена; однако начать войну, не заключивъ мира съ турками, Петръ не находилъ возможнымъ, не смотря на всѣ увѣщанія союзниковъ.

8 августа миръ, какъ мы сказали, былъ заключенъ, препятствіе было устранено. 9 августа Петръ приказалъ войскамъ двинуться къ шведскимъ границамъ, о чемъ немедленно извѣстилъ польскаго короля Августа. „Любезнѣйшій братъ, государь и сосѣдъ, никако же сомнѣнію медленіе наше подлежитъ въ начатомъ семъ дѣлѣ: ибо трудныя ради причины сія удержано было. Нынѣ же, при помощи Бо-

жіей получа миръ съ Портою на 30 лѣтъ (слава Богу, съ нарочитымъ удовольствованіемъ) къ сему подвигу приступили есмы, о чемъ сегодня къ Новгородскому воеводѣ указъ послали, дабы какъ наискорѣе, объявя войну, вступилъ въ непріятельскую землю и удобныя мѣста занялъ; такожде и прочіимъ войскамъ немедленно идти повелимъ, гдѣ при оныхъ въ концѣ сего мѣсяца и мы тамъ обретатися будемъ, и надѣемся въ помощи Божіей, что ваше величество инако, развѣ пользы не увидите". Формально война была объявлена 19-го августа.

То, чего особенно опасался Паткуль, оказалось неизбѣжнымъ; войска двинулись къ Нарвѣ. Петръ понималъ значеніе этого пункта для успѣшнаго веденія войны. Еще въ мартѣ 1700 года онъ писалъ Ѳ. А. Головину: „пришло мнѣ на мысль, сказывалъ мнѣ Брантъ, что есть въ Ругодевѣ [1]) пушки продажныя, корабельныя въ 12, въ 18 и въ 6 фунтовъ ядромъ, и я съ нимъ говорилъ, чтобъ купить. И нынѣ для тѣхъ пушекъ пошли ты Карчмина [2]), чтобъ онъ пробовалъ и купилъ нѣсколько; а межъ тѣмъ накажи ему, чтобъ присмотрѣлъ города и мѣста кругомъ, такъ же, если возможно ему дѣла сыскать, чтобъ побывалъ и въ Орѣшекъ; а буде въ него нельзя, хоть возлѣ его. А мѣсто тутъ зѣло нужно: протокъ изъ Ладожскаго озера въ море (посмотри въ картахъ), и зѣло нужно ради задержанія выручки; а дѣтина, кажется, не глупъ и секретъ можетъ снесть. Зѣло нужно, чтобъ Книперъ того не вѣдалъ, потому что онъ знаетъ, что онъ ученъ". Извѣстіе о походѣ на Нарву сильно всполошило союзниковъ. Паткуль писалъ польскому посланнику въ Москвѣ Лангену: „въ Нарвѣ царь получитъ такое мѣсто, откуда можетъ завоевать Ревель, Дерптъ и Пернау прежде, чѣмъ узнаютъ объ этомъ въ Варшавѣ, а потомъ покоритъ Ригу и всю Ливонію. Поневолѣ станешь бояться, имѣя дѣло съ такимъ государемъ, вспомнивъ объ его силахъ и о всѣхъ его движеніяхъ, которыя вы очень хорошо проникли. Наконецъ благоразуміе требуетъ взять всевозможныя мѣры предосторожности, чтобы Ливонія не зависѣла отъ произвола этого могущественнаго друга и союзника королевскаго. Съ другой стороны не должно забывать, что мы слабы, что намъ необходима помощь царя и

---

[1]) Ругодевъ—Нарва.
[2]) Карчминъ—стольникъ, изучившій инженерное искусство заграницей.

его друга, если мы хотимъ что-нибудь сдѣлать и что мы нанесемъ не малый ударъ Швеціи, когда она такъ рано потеряетъ Нарву. Вотъ почему намъ нельзя очень торговаться съ царемъ изъ опасенія, чтобъ не раздражить его, и я думаю, что не надо спорить съ нимъ о Нарвѣ; однако надобно очень искуснымъ образомъ подать царю записки, съ которыхъ взять копіи изъ царской канцеляріи и, такимъ образомъ, охранить право, которое онъ имѣетъ въ силу послѣдняго договора, чтобы можно было дѣйствовать впослѣдствіи, когда не будетъ болѣе причинъ такъ осторожно обходиться съ царемъ, какъ принуждены мы теперь". [1])

Между тѣмъ дѣла союзниковъ шли далеко не блистательно: Карлъ XII разгромилъ датчанъ, объ этомъ доносились смутные слухи къ царю. 26 августа, въ Тверп, Петръ получилъ извѣстіе, что король шведскій съ 18.000 пѣхоты будетъ скоро въ Лифляндіи и высадится въ Пернау. „Объ этомъ", писалъ Петръ Ѳ. А. Головину, „вѣдомость получилъ Паткуль, подлинную, и больше того уже изъ всей Швеціи быть невозможно. И о томъ я многократно думалъ: истина или подлогъ? и буде истина, то, конечно, Датскій осиленъ". Но это извѣстіе не могло остановить Петра, онъ на другой же день выступилъ къ Новгороду и 23 сентября былъ подъ Нарвой, и здѣсь начались осадныя работы, подъ руководствомъ присланнаго Августомъ саксонскаго инженера генералъ-лейтенанта Аларта. Однако осада затянулась безъ всякаго успѣха; въ это время Карлъ подоспѣлъ въ Ливонію, произошло знаменитое нарвское пораженіе. Впечатлѣніе, произведенное этой битвой, было страшное; думали, что съ Россіей покончено; въ насмѣшку надъ Петромъ была выбита медаль съ кощунственными сближеніями изъ исторіи апостола Петра: на одной сторонѣ медали былъ изображенъ царь, грѣющійся при огнѣ своихъ пушекъ, изъ которыхъ летятъ бомбы на Нарву; къ этому надпись: „Бѣ же Петръ стоя и грѣяся". На другой сторонѣ изображены были русскіе, бѣгущіе отъ Нарвы, въ ихъ челѣ Петръ; царская шапка валится съ его головы, шпага брошена, онъ утираетъ слезы платкомъ и надпись говоритъ: „изшедъ вонъ, плакася горько". Но эти насмѣшки были нѣсколько преждевременны: Петръ былъ не такой человѣкъ, чтобы горько плакаться, онъ не упалъ духомъ. Черезъ нѣсколько

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Томъ XIV стр. 319, 320.

дней послѣ Нарвскаго пораженія, онъ пишетъ Б. П. Шереметеву: „Нег. Понеже не лѣть есть при несчастіи всего лишатися, того ради вамъ повелѣваемъ при взятомъ и начатомъ дѣлѣ быть, то есть, надъ конницею Новгородскою и Черкаскою, съ которыми, какъ мы и прежде наказывали (но въ ту пору мало было людей), ближнихъ мѣстъ беречь (для послѣдующаго времени), идти въ даль, для лучшаго вреда непріятелю. Да и отговариваться нечѣмъ, понеже людей довольно, также рѣки и болота замерзли; непріятелю невозможно захватить. О чемъ паки пишу: не чини отговорки ничѣмъ; а буде болѣзнію, и та получена межъ бѣглецами, которыхъ товарищъ маіоръ Л. на смерть осужденъ".

Поднялась кипучая работа, стали набирать солдатъ, приказано было сформировать десять драгунскихъ полковъ по 1000 человѣкъ. Къ веснѣ это было уже исполнено. Надо было добыть новую артиллерію взамѣнъ потерянной при Нарвѣ. Явился знаменитый указъ о передѣлкѣ въ пушки колоколовъ, это дѣло поручено было Виніусу. Возникла довольно интересная переписка между нимъ и царемъ: Виніусъ жаловался на мастеровъ и бурмистровъ: „Пущая остановка, государь, отъ пьянства мастеровъ, которыхъ ни ласкою, ни битьемъ отъ той страсти отъучить невозможно. Прилѣжно молю объ указѣ бургомистрамъ, чтобъ радѣтельнѣе исполняли по памятямъ Пушкарскаго приказа: отъ нихъ остановка многая". Въ другомъ письмѣ Виніусъ извѣщалъ: „Колокольной мѣди собрано близъ 40.000 пудъ, а вылито государь всѣхъ больше 110 пушекъ, только въ нихъ упаль за неискусствомъ мастеровъ будетъ. Люди приставленные плохи, и пьянство и глупости ради, многое являютъ несовершенство во всемъ. Мартьянъ своего ради пьянства отъ своего дѣла отлучился и скрылся, Крейдеръ не можетъ уже четыре недѣли сердечникъ вынуть, а прочіе, хотя, какъ ни бью, пьяны, опричь одного Семена Леонтьева". Петръ отвѣчалъ на эти сообщенія: „Зѣло насъ увеселило вашей милости письмо, въ которомъ видимъ, при помощи Божіей и вашемъ прилежаніи, артиллерію въ немалой готовности. Бурмистрамъ скажи и сіе покажи, что, если не будутъ за ихъ удержкою станки готовы, то не только деньгами, но и головами платить будутъ". Но какъ ни былъ доволенъ Петръ Виніусомъ, какъ ни работалъ послѣдній по устройству артиллеріи, все же въ ихъ отношеніяхъ за это время мы встрѣчаемъ одинъ эпизодъ, въ которомъ Виніусу пришлось выслушать довольно рѣзкое наставленіе отъ Петра. Виніусъ

завѣдывалъ почтой, но тутъ открылись нѣкоторые факты, показывавшіе, что онъ былъ не совсѣмъ безкорыстенъ, Петръ отнялъ отъ него почту, Виніусъ спросилъ: нѣтъ ли какого гнѣва? въ отвѣтъ на это, царь послалъ слѣдующее весьма характерное письмо: „Пишешь, нѣтъ ли какого гнѣву за нечаемое будто отнятіе почты. И тутъ не самали васъ совѣсть обличитъ? понеже я уже давно о томъ говорилъ, и вы такъ тому свѣдомы были, что многимъ о томъ говорили и нѣчто давали; а взята оная отъ васъ не за иное что, только, что оная у васъ была не въ какую пользу государству, но только вамъ, ибо сколько кратъ я говорилъ тебѣ о корреспонденціи въ иные мѣста, но тѣ мои слова тщетны; того для и отдана другому, гдѣ если таковожь будетъ тщетна и тамо можетъ отняться. Другая же (т. е. почта) которая къ городу [1]), на нѣкоторое время оставлена у васъ. Сего ради достоитъ не небречь тѣхъ, или въ переманку ставить словъ, кто волю отъ Бога имѣетъ, но всею крѣпостью радѣть [2]). Буде же помнишь, что по доносу прельстишься, слава Богу, какъ вы о себѣ, такъ мы о васъ вѣдаемъ, и дядьки нѣтъ, ктобъ велъ за носъ. Сіе не въ печаль вашей милости, но вразумлѣнія ради пишу, да не колеблешься въ семъ мыслію“.

Кромѣ заботъ о войскѣ и артиллеріи, Петръ не забывалъ въ то время и своего любимаго флота, о чемъ сохранилось нѣсколько его писемъ. Переговаривался онъ и съ союзниками, ѣздилъ на свиданіе съ королемъ Августомъ въ Биржи. Тутъ поляки хотѣли выговорить себѣ за участіе въ войнѣ возвратъ нѣкоторыхъ мѣстностей Украйны, но Петръ, конечно, не пошелъ на такую уступку, она могла быть сдѣлана только въ самыхъ отчаянныхъ обстоятельствахъ, а Петръ еще не рѣшилъ складывать оружіе. Занимаясь всѣми этими военными приготовленіями и дипломатическими приговорами, Петръ не оставлялъ и другихъ дѣлъ, совершенно не имѣвшихъ отношенія къ шведской войнѣ. Укажемъ на одинъ примѣръ: въ инструкціи Ѳ. М. Апраксину объ устройствѣ Таганрога, онъ, между прочимъ, пишетъ: „Кругомъ Таганрога посѣять желудей для лѣса; также въ городѣ на берегу и по морскимъ пригожимъ мѣстамъ посадить ивы. Въ азовскихъ лугахъ и иныхъ мѣстахъ, ближ-

---

[1]) Городъ Архангельскъ.

[2]) Смыслъ фразы: не слѣдуетъ пренебрегать или превратно толковать слова тѣхъ, кто волю отъ Бога имѣетъ.

нихъ и дальнихъ, по крайней мѣрѣ искать торфу, которое дѣло зѣло будетъ пользовать въ тамошнихъ бездровныхъ мѣстахъ; также и людей пріучать (пока тотъ торфъ не сыщется), чтобъ употребляли камышъ, котораго зѣло много вмѣсто дровъ, какъ турки въ томъ мѣстѣ будучи употребляли".

Неутомимая дѣятельность Петра была вскорѣ вознаграждена успѣхомъ: „у города Архангельскова учинилося зѣло чудесно", взяты были два шведскіе корабля. „Симъ нечаемымъ счастіемъ поздравляю васъ", писалъ Петръ Ѳ. М. Апраксину, „гдѣ чего не чаяли Богъ далъ". Но скоро успѣхъ явился и тамъ, гдѣ чаяли: Шереметевъ разбилъ шведовъ при Эрестферѣ... На этомъ останавливается нашъ матерьялъ, заключающійся въ „Собраніи писемъ и бумагъ".

Попытаемся теперь сдѣлать короткое резюме изъ всего предъидущаго изложенія. Что даетъ намъ оно для опредѣленія личности нашего великаго преобразователя? Мы всюду видимъ Петра, неутомимо занятаго дѣломъ: въ первую половину разсмотрѣннаго періода, Петръ предается потѣхамъ, но эти потѣхи то же дѣло; игра, какъ говорилъ Петръ, была предвѣстникомъ настоящаго дѣла, и онъ имѣлъ полное право подписываться: „въ работѣ пребывающій". Во вторую половину Петръ уже всецѣло занятъ дѣломъ: если онъ, отправляясь къ Азову, и выразился, что „играть" идетъ, то онъ очень скоро увидѣлъ, что это не игра, и въ немъ явилось самое серьезное отношеніе къ своему призванію.

Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Будучи самъ работникомъ, Петръ неуклонно требовалъ работы отъ другихъ. Припомнимъ его наставленія и выговоры Ромодановскому, Шереметеву, Виніусу и другимъ. Во второй половинѣ взятаго нами періода—Петръ уже окончательно сложившійся человѣкъ, у него уже нѣтъ руководителей, „нѣтъ дядьки, кто бы водилъ за носъ", онъ самъ руководитъ другими и требуетъ, чтобы „они всею крѣпостью радѣли" объ исполненіи его приказаній. Все это чрезвычайно высоко ставитъ Петра. Но есть стороны въ его характерѣ и дѣятельности и другія. Соловьевъ уподобляетъ Петра революціонерамъ-террористамъ. Препятствія, становившіяся передъ нимъ, онъ сокрушалъ съ какой-то неудержимою силою: древняя Русь со всѣмъ своимъ патріар-

хальнымъ строемъ была ему ненавистна. Въ этой геніальной многосторонней натурѣ были и странные порывы.

Съ выходомъ слѣдующихъ томовъ этого великолѣпнаго изданія мы обратимся къ дальнѣйшей кипучей, многообразной и всеобъемлющей дѣятельности великаго Царя, къ его войнамъ, внутреннимъ дѣламъ и внѣшнимъ сношеніямъ.

А. Б—НЪ.

Первые политическіе обѣды въ Россіи [1].

Въ пятидесятыхъ годахъ, съ весною новаго царствованія, обнаружились явленія прежде небывалыя, свидѣтельствовавшія объ общественномъ оживленіи и о вѣяніи свободы, какое почувствовалось въ воздухѣ. Между ними замѣтное мѣсто заняли общественныя собранія въ формѣ обѣдовъ съ тостами и рѣчами. Первыя собранія такого рода были самымъ искреннимъ образомъ направлены къ чествованію Верховной Власти. Тѣмъ не менѣе явленіе небывалостью своею вызывало нѣкоторыя недоумѣнія въ правительственныхъ сферахъ. Съ одной стороны, чувствованія, которыхъ нельзя не привѣтствовать и не одобрить, съ другой полная неоффиціальность ихъ выраженій, имѣвшая видъ необычной смѣлости. Обѣдъ 28 декабря 1857 года, если не прямо, то косвенно подалъ поводъ къ нѣкоторымъ эпизодамъ, которые намѣреваемся разсказать въ этой статьѣ.

Первый публичный обѣдъ былъ за годъ предъ тѣмъ, въ эпоху коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ. Мысль собранія вышла изъ литературнаго кружка *Русскаго Вѣстника*, и обѣдъ собралъ въ гостиницѣ Шевалье человѣкъ шестьдесятъ преимущественно изъ литераторовъ, группировавшихся вокругъ этого журнала. Въ „Современной Лѣтописи“ сентябрьской книжки *Русскаго Вѣстника* за 1856 годъ, обѣдъ описанъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Великое государственное торжество Россіи ознаменовалось не одними оффиціальными выраженіями, но и отозвалось нравственнымъ сочувствіемъ въ сердцахъ людей, служащихъ обществу не на государственныхъ поприщахъ. Повинуясь чисто внутреннему побужденію, многіе изъ русскихъ литераторовъ, связанныхъ между собою пріязнію и

[1] Сообщено Н. А. Любимовымъ.

единомысліемъ, собрались выразить свое сочувствіе на общемъ обѣдѣ 3 сентября, въ гостиницѣ Шевалье".

На обѣдѣ былъ одинъ тостъ—за Государя Императора (дополненный лишь тостомъ за Государыню Императрицу) и была одна рѣчь извѣстнаго литератора Н. Ф. Павлова. Приведемъ эту рѣчь достойную памяти.

„Господа, сказалъ ораторъ, въ два дня, въ двухъ нумерахъ газетъ, сколько плодотворныхъ впечатлѣній! Съ Петра Великаго вы не назовете никакой эпохи въ нашей исторіи, гдѣ бъ такъ много было сдѣлано въ такое немногое время. Конечно, это не оглушительный громъ оружія, не побѣдный кликъ на развалинахъ чужаго жилища, — это подвиги, болѣе согласные съ требованіемъ вѣка, у нихъ болѣе правъ на благословеніе народа, въ нихъ болѣе человѣческаго, христіанскаго значенія. Благоговѣйные помыслы о предержащей власти, сохранившей и возвеличившей Россію, есть святой долгъ, налагаемый и оправдываемый самимъ пытливымъ разумомъ, но счастливо время, въ которое исполненіе долга сливается съ желаніями сердца, но радостна жизнь, если не разберешь, что́ велитъ долгъ и что́ внушаетъ любовь. Скажите, разобрали ль вы, чѣмъ недавно, чувствомъ долга или чувствомъ любви, билось ваше сердце, когда глаза ваши, застилаемые докучною слезой, останавливались невольно на трехъ незабываемыхъ словахъ: *отмѣнить*, *простить*, *возвратить*. И какъ счастливы были вы, зная, что ужь этихъ словъ никто на землѣ отмѣнить не можетъ! Шекспиръ называетъ скипетръ знакомъ временнаго могущества, а милосердіе—принадлежностью самого Бога. Въ исторіи много примѣровъ милосердія, но всегда ли излѣчивалось разомъ столько ранъ, но вездѣ ли съ такимъ всеобъемлющимъ человѣколюбіемъ отгадывались разнообразныя болп человѣческаго сердца? Воображеніе не въ силахъ обнять эту массу страданій, этихъ людей всѣхъ сословій, всѣхъ вѣръ, всѣхъ народностей, которыхъ лучи милосердія отыщутъ въ глухихъ, неизвѣстныхъ мѣстностяхъ, на необъятныхъ пространствахъ.

„Поднимите же, господа, веселые надеждой, отъ всей души, отъ всего сердца, наши бокалы во здравіе и во славу Того, чье Высокое имя начертано нетлѣнными буквами подъ словами: *отмѣнить*, *простить*, *возвратить*; за кого въ эту минуту бѣжитъ еврей изъ грязной корчмы въ шумную синагогу молиться своему Іеговѣ; о Комъ увѣчный солдатъ, бѣдная солдатка шлютъ теплыя молитвы христіанскому Богу, судорожно сжимая въ объятіяхъ возвращеннаго имъ сы-

на; Кто насъ и нашихъ братій по крови, разрозненныхъ съ нами исторіей, соединяетъ въ одно свѣтлое, радостное, благодарное чувство; Кто открываетъ намъ широкій путь къ просвѣщенію; Кто повелѣлъ растворить двери университетовъ; Кто снялъ преграды къ сближенію народовъ, къ обмѣну разныхъ образованностей; Кто не забылъ въ пустыняхъ Сибири ни согрѣшившихъ отцовъ, ни безгрѣшныхъ дѣтей; Кто въ просвѣщенной благости вспомнилъ всѣхъ и все не отъ избытка даровъ милосердія, какими располагаетъ Его могущество, а отъ той нѣжной заботливости, отъ того всепонимающаго чувства христіанской любви, которое останется на страницахъ исторіи".

Черезъ годъ, 28 декабря 1857 года состоялся вновь публичный обѣдъ, на этотъ разъ уже въ болѣе значительныхъ размѣрахъ. Въ устройствѣ его дѣятельное участіе принимали покойный Михаилъ Петровичъ Погодинъ и московскіе дворяне. Въ залѣ купеческаго собранія (московскій генералъ-губернаторъ воспротивился, чтобы обѣдъ былъ въ залѣ дворянскаго собранія) собралось болѣе 180 человѣкъ. Тосты поднимались почти исключительно за Государя. Первымъ поднялъ бокалъ и говорилъ рѣчь М. Н. Катковъ, за нимъ слѣдовали А. В. Станкевичъ и Н. Ф. Павловъ. Погодинъ провозгласилъ тостъ въ честь московскаго дворянства, И. К. Бабстъ за процвѣтаніе и успѣхъ русскаго свободнаго труда; К. Д. Кавелинъ—тогда гость, прибывшій изъ Петербурга и много хлопотавшій, чтобы обѣдъ состоялся – тостъ за Государя; наконецъ В. А. Кокоревъ „въ честь и славу тѣхъ людей, которые съ чувствомъ истинной любви къ Государю будутъ содѣйствовать нашему выходу изъ кривыхъ и темныхъ закоулковъ на открытый путь гражданственности". В. А. Кокоревъ заготовилъ довольно длинную рѣчь, но въ произношеніи ограничился немногими словами, такъ какъ рѣчь заключала въ себѣ цѣлое предложеніе, обращенное преимущественно къ купечеству и дѣлать которое въ собраніи, гдѣ лица купеческаго сословія составляли сравнительно малую часть, онъ не счелъ удобнымъ. Рѣчь эта была потомъ напечатана въ *Русскомъ Вѣстникѣ* какъ дополненіе къ описанію обѣда 28 декабря и отпечатана отдѣльною брошюрою. Редакція *Русскаго Вѣстника* замѣтила съ своей стороны, что это не рѣчь только, но поступокъ. Эта-то рѣчь и подала поводъ къ эпизоду, съ которымъ мы намѣрены познакомить читателей.

О предложеніи В. А. Кокорева можно получить понятіе изъ слѣдующихъ мѣстъ его напечатанной рѣчи. „Зачѣмъ мы

молчимъ?“ обращается онъ къ лицамъ купеческаго сословія. „Говорить не привыкли. Попробуемъ“.

„Крестьянамъ, обитающимъ на помѣщичьихъ земляхъ, назначено окупать деньгами или трудомъ стоимость ихъ жилища и огородовъ. Сверхъ того, за ту землю, которую они получаютъ отъ помѣщиковъ подъ поля, они должны обработывать землю владѣльца, то-есть ту, которую они и нынѣ обработывали. Очевидно, крестьянину прибавляется новый трудъ—отработать стоимость своей избы и огорода. Вотъ и готовъ случай купечеству принять участіе въ дѣлѣ устройства судьбы крестьянъ. Почему не открыть между всѣми русскими купцами подписку въ томъ, кто и за сколько крестьянскихъ жилищъ заявитъ желаніе заплатить деньги помѣщикамъ? Москва должна подать примѣръ, а ему послѣдуетъ и вся Россія. Москва и подала бы этотъ примѣръ, но ей мѣшаетъ отвычка отъ самостоятельности. Означеннымъ платежомъ денегъ справедливость требуетъ выкупить только тѣ крестьянскія жилища, кои находятся въ имѣніяхъ мелкомѣстныхъ владѣльцевъ, ибо имъ, при настоящемъ переворотѣ, необходимы денежныя средства для насущныхъ потребностей жизни. Такимъ образомъ купечество, содѣйствуя справедливой развязкѣ настоящаго важнаго жизненнаго для Россіи вопроса, сдѣлаетъ пользу и мелкопомѣстному дворянству, и крестьянамъ“.

Въ Петербургскихъ высшихъ сферахъ Московскій обѣдъ былъ принятъ благосклонно, но рѣчь Кокорева и предложеніе его показались неумѣстными, и напечатаніе ея возбудило неудовольствіе. Было разослано изъ высшаго управленія цензуръ циркулярное предписаніе о томъ, чтобы рѣчь не была перепечатываема въ другихъ изданіяхъ. А помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа графъ А. Е. Уваровъ, управлявшій округомъ, получилъ отъ министра (А. С. Норова) слѣдующее предписаніе (16 января 1858 года).

„Въ № 24 *Русскаго Вѣстника* прошлаго года въ *Современной Лѣтописи* напечатана въ дополненіе къ статьѣ подъ заглавіемъ *Обѣдъ 28 декабря* рѣчь Кокорева, касающаяся настоящихъ мѣръ правительства объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Находя рѣчь сію, и по содержанію ея, и по способу изложенія, крайне неприличною и неумѣстною въ журналѣ, покорнѣйше прошу ваше сіятельство сдѣлать строжайшій выговоръ цензору Крузе, одобрившему ее въ печати“.

Между тѣмъ въ Москвѣ, въ серединѣ января, В. А. Коко-

ревъ далъ у себя въ домѣ обѣдъ, къ которому пригласилъ между прочимъ цензора *Русскаго Вѣстника* Н. Ѳ. Крузе, и за обѣдомъ поднялъ тостъ за его здоровье. Это сдѣлалось извѣстнымъ въ Петербургѣ и неожиданно повело къ довольно серіознымъ послѣдствіямъ. 24 января 1858 года начальникъ третьяго отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи князь В. А. Долгоруковъ писалъ къ министру народнаго просвѣщенія:

„До свѣдѣнія моего дошло:

1) что на обѣдѣ, данномъ въ Москвѣ 16 сего января коммерціи совѣтникомъ Кокоревымъ, между прочими, произнесенъ имъ былъ тостъ въ честь цензора Крузе, какъ человѣка, который постигъ высшіе взгляды правительства на литературу и, вслѣдствіе сего, не стѣсняетъ высказываться въ ней свободной мысли и правдѣ. Сочувствіе къ Крузе, повидимому, возбуждено было въ Кокоревѣ дозволеніемъ напечатать во второй декабрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* дополнительную рѣчь его 28 декабря, пропускъ коей встрѣчалъ затрудненія; но Крузе рѣшился на это, принявъ всю отвѣтственность на себя, и

2) что описаніе обѣда 28 декабря, помѣщенное въ означенной книжкѣ, по заказу Кокорева, отдѣльно отпечатано въ числѣ 10.000 экземпляровъ въ типографіи *Русскаго Вѣстника*, дабы всѣ желающіе имѣть это описаніе могли пріобрѣсти оное безъ затрудненія".

Въ заключеніе князь Долгоруковъ сообщилъ министру, что Государю Императору угодно знать: „а) дѣйствительно ли цензоръ Крузе пропустилъ вышеупомянутую рѣчь, не испросивъ на то разрѣшеніе и на какомъ основаніи онъ это исполнилъ и б) такъ какъ, по всеподданнѣйшему докладу вашему, за дозволеніе напечатать сію рѣчь въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, отъ вашего высокопревосходительства сдѣлано было взысканіе, то какимъ образомъ разрѣшено было напечатаніе описанія обѣда 28 декабря отдѣльно".

Министръ обратился за свѣдѣніями къ попечителю московскаго учебнаго округа Е. П. Ковалевскому, какъ предсѣдателю московскаго цензурнаго комитета. Въ письмѣ отъ 30 января 1858 года попечитель отвѣтилъ слѣдующее:

„Собравъ необходимыя свѣдѣнія, спѣшу отвѣтить вамъ, достопочтеннѣйшій Авраамъ Сергіевичъ, на письмо ваше отъ 24 января (28 полученное), со всею откровенностію и по крайнему моему разумѣнію.

„Временныя правила для цензуры современныхъ статей, по моему мнѣнію, не поведутъ къ облегченію; дай Богъ,

чтобы поскорѣе былъ изданъ цензурный уставъ, что касается до цензоровъ Гилярова и Крузе, то первый изъ нихъ дѣйствительно имѣлъ виновность, пропустивъ статью неблагонамѣренную, за что онъ и понесъ наказаніе. Крузе получилъ тоже строжайшій выговоръ за пропускъ рѣчи Кокорева, послѣ запрещенной. Но не говоря при этомъ, что эта рѣчь не то, что статья: „Публика и народъ“, Крузе, при пропускѣ ея, могъ увлечься слухами, доходившими изъ Петербурга, что всѣ рѣчи, произнесенныя на обѣдѣ 28 декабря въ коммерческомъ собраніи, въ томъ числѣ и рѣчь Кокорева, найдены благонамѣренными. Изъ свѣдѣній, дошедшихъ до васъ о томъ, что Крузе состоитъ предметомъ чествованія публичнаго и что на обѣдѣ извѣстномъ былъ особенный въ честь его тостъ за то, что онъ пожертвовалъ собою, пропустивъ рѣчь Кокорева,—справедливо только то, что за частнымъ обѣдомъ у Кокорева, послѣ многихъ заздравныхъ тостовъ, предложенъ былъ Кошелевымъ (sic) тостъ за Крузе, своею добросовѣстною цензурою споспѣшествующаго просвѣщенію. Не скрою предъ вами и того, что Крузе пользуется популярностію и что имѣетъ на своей сторонѣ общественное мнѣніе, за малыми исключеніями. По этому-то именно и нужна осторожность особенная. Послѣ полученнаго имъ выговора за пропускъ статьи и принимая во вниманіе, что тостъ на частномъ обѣдѣ и намѣреніе Кокорева выпустить 10.000 экземпляровъ своей рѣчи прямо къ винѣ Крузе не относятся,—я полагаю, что отрѣшеніе отъ должности въ настоящее время было бы не политично. Я не адвокатъ Крузе, но почитаю себя въ правѣ быть адвокатомъ министерства, которому я имѣю честь принадлежать. Вы хотѣли отъ меня, душевно уважаемый Авраамъ Сергіевичъ, истины, я вамъ ее сказалъ, какъ понималъ.

„Относительно намѣренія Кокорева выпустить 10 т. экземпляровъ своей рѣчи, что было остановлено по распоряженію генералъ-губернатора графа Уварова; относительно выпуска потомъ только 500 экземпляровъ этой рѣчи, по оффиціальному требованію графа Закревскаго и отобраніи всѣхъ прочихъ при типографіи Каткова для уничтоженія,—обо всемъ этомъ вы подробно удостовѣритесь изъ формальныхъ моихъ донесеній, вмѣстѣ съ симъ представленныхъ. Необходимымъ почитаю сказать при этомъ, что предписаніе ваше о запрещеніи перепечатывать рѣчь Кокорева получено тремя днями послѣ исполненія требованія графа Закревскаго о выдачѣ Кокореву 500 экземпляровъ.

„P. S. Я просилъ Московскаго почтъ-директора о достав-

леніи вашихъ бумагъ и писемъ мнѣ, а равно о препровожденіи моихъ къ вамъ, безъ задержки. Не знаю, что будетъ впередъ; теперь же корреспонденція доставляется медленно".

Въ свою очередь цензоръ Н. Ф. фонъ-Крузе, на сдѣланный ему запросъ, представилъ подробное объясненіе побужденій, по которымъ онъ разрѣшилъ къ печати рѣчь Кокорева. Приведемъ это интересное объясненіе.

„Во исполненіе объявленной мнѣ Высочайшей воли, честь имѣю объяснить здѣсь основанія, на которыхъ дозволилъ я напечатать непроизнесенную рѣчь Кокорева, въ дополненіе къ статьѣ объ обѣдѣ 28 декабря прошедшаго года, въ журналѣ *Русскій Вѣстникъ*.

„Правила, которыми прежде всего долженъ руководствоваться цензоръ, изложены въ цензурномъ уставѣ. Ими ограждаются религія, коренныя начала нашего государственнаго порядка, общественная нравственность и опредѣляется благонамѣренность литературы. Сверхъ этихъ главныхъ и общихъ правилъ, цензоръ обязанъ руководствоваться частными предписаніями своего начальства и нерѣдко бываетъ въ необходимости запрещать литературный трудъ, въ сущности совершенно благонамѣренный, но касающійся такихъ предметовъ, которымъ правительство почему-либо не желаетъ дать гласности. Такъ въ недавнее время цензору предписано не пропускать статей о возможности введенія въ Россіи публичнаго судопроизводства и тому подобное.

„Но цензурные законы всѣхъ народовъ не досказываютъ многаго, оставляя недосказанное на отвѣтственности цензора. Его совѣсть должна отгадывать тѣ неуловимыя требованія, которыя не обозначаются ясно цензурными постановленіями. Благонамѣренность, духъ, виды правительства, своевременность, умѣстность—въ этихъ выраженіяхъ много смысловъ, а они часто составляютъ единственное правило для цензора. Естественно, что ему необходимо прибѣгать къ личнымъ соображеніямъ и догадкамъ. Если онъ служитъ честно, если онъ убѣжденъ, что призванъ обуздывать злоупотребленія мысли, а не посягать на святыню просвѣщенія, то для него одинаково страшно впасть въ преувеличенность опасеній или переступить за границы благоразумія. Постоянные виды правительства извѣстны, ихъ опредѣлить легко. Но его временное направленіе, но духъ и требованія текущаго дня—тутъ представляется цензору немало затрудненій. Чтобъ не дать воли своему воображенію, онъ долженъ по какимъ-либо несомнѣннымъ признакамъ истолковать себѣ правительственныя желанія и цѣли.

„Нельзя отрицать, что съ нѣкоторыхъ поръ правительство допустило болѣе жизни въ литературной дѣятельности, какъ бы ожидая отъ нея существенной пользы. Разрѣшено множество періодическихъ изданій; не поставляется препятствій сужденіямъ о важныхъ вопросахъ, взятыхъ изъ самой жизни; остается незаподозрѣнъ серьезный характеръ, который, къ счастію, распространился въ нашей литературѣ. Это явленіе у всѣхъ на глазахъ и не подлежитъ доказательствамъ. Изъ него я старался составить себѣ понятіе о намѣреніяхъ правительства и смѣю думать, что, судя по означеннымъ признакамъ, оно требуетъ отъ цензора охраненія, а не придирокъ, осторожной терпимости, а не произвольныхъ и всегда возможныхъ стѣсненій; ибо смотритъ на литературу не какъ на враждебный элементъ, допускаемый только по обычаю или изъ приличія, а какъ на дѣло существенное, необходимое, желательное, какъ на важное и лучшее пособіе себѣ во всѣхъ благихъ начинаніяхъ.

„Это убѣжденіе тѣмъ крѣпче утвердилось въ душѣ моей, что сама литература наша заслуживаетъ въ послѣднее время доброе о себѣ мнѣніе. Она не искала подъ двусмысленностію выраженія провести какую-нибудь недозволенную мысль. Да, въ литературѣ нашей за послѣднее время не отыщется ничего безнравственнаго, ничего анархическаго, ничего иносказательно-вреднаго. Ни въ какую эпоху не выражала такъ искренно, такъ благородно, съ такимъ отсутствіемъ неоправданной лести своего сочувствія вѣнчанной главѣ государства. Всѣ ея стремленія, съ какой стороны ихъ ни взять, какъ ихъ ни перетолковать, клонятся только къ указаніямъ злоупотребленій, къ истребленію общественной порчи, къ полезнымъ, неразрушительнымъ нововведеніямъ, ко благу и славѣ Россіи. Въ стремленіяхъ этихъ не замѣчается ни малѣйшаго лицемѣрія. Все явно и чисто, ибо настоящая литература наша признаетъ добросовѣстно, на разумномъ убѣжденіи, государственныя основы наши за неприкосновенную святыню. Вотъ мысли, которыми руководствуюсь я при отправленіи моей должности и пополняю пробѣлы, оставленные закономъ. Но чтобъ разрѣшить печатаніе рѣчи Кокорева, я не имѣлъ надобности дѣлать какія-либо предположенія и пускаться въ догадки. Тутъ писанный законъ отнималъ у меня всякое право подвергнуть запрещенію эту рѣчь. Не обращая вниманія на ея литературный характеръ, на многословіе, на разсужденія о свѣтѣ и тьмѣ, цензоръ, въ смыслѣ своего назначенія, не могъ остановиться въ ней ни на одномъ словѣ. Написана она въ спокойномъ, примири-

тельномъ духѣ. Въ ней всѣ сословія приглашаются соединиться въ стремленіяхъ къ одной цѣли. Ея главная мысль заключается въ сочувствіи къ обнародованнымъ мѣрамъ правительства и въ надеждѣ, что купцы, владѣльцы доходныхъ домовъ и откупщики не откажутся принять участіе въ общемъ дѣлѣ. Если съ одной стороны я не могъ опереться ни на какой пунктъ цензурнаго устава и ни на какое предписаніе начальства, чтобы помѣшать публичному выраженію такихъ безвредныхъ надеждъ, то съ другой—мысль Кокорева, не имѣющая въ себѣ ничего раздражающаго и тревожнаго, представилась мнѣ не только справедливой, но и существенно полезной. Дѣло общее, касается всѣхъ; дѣйствующими лицами являются помѣщики и крестьяне. Купеческое сословіе остается, какъ будто, внѣ вопроса, что же дурнаго если оно, по мѣрѣ силъ, поможетъ достиженію цѣли? Положимъ, что его содѣйствіе не нужно и не будетъ допущено; но все же для чести Россіи хорошо, когда оно не останется холоднымъ зрителемъ историческаго событія; а потому однимъ изъ капиталистовъ изъявленное желаніе, чтобъ капиталисты способствовали также осуществленію великихъ видовъ правительства, не показалось мнѣ неблагонамѣреннымъ и неприличнымъ. Еслибъ возникли во мнѣ какія-либо сомнѣнія, еслибъ цензоръ рѣшился на превышеніе власти и, вопреки прямымъ указаніямъ закона, сталъ бы толковать каждое слово автора въ невыгодную для него сторону, то и тогда, по моему искреннему убѣжденію, я не доискался бы ни одного смысла, который подалъ бы мнѣ поводъ къ запрещенію.

„Купецъ осмѣливается дѣлать громкое воззваніе,—но быть писателемъ и выражать непротивозаконныя желанія позволяется всѣмъ состояніямъ. Купецъ хочетъ быть благодѣтелемъ бѣдныхъ помѣщиковъ, это обидно для дворянства,—но помощь, въ сущности, предлагается крестьянамъ. Пожертвованія для государственныхъ цѣлей принимаются отъ частныхъ лицъ, кто бъ они ни были. Тутъ нѣтъ идеи милостыни, идеи униженія. Собранныя суммы перешли бы непремѣнно черезъ руки правительства. На это есть указаніе въ самой рѣчи, именно тамъ, гдѣ говорится о взносѣ гильдейскихъ повинностей. Частныя деньги получили бы значеніе государственнаго капитала. Но еслибъ даже образовалась частная компанія для выкупа крестьянскихъ усадебъ, почему обидѣлся бы помѣщикъ, когда бъ принесли ему за нихъ не крестьянскія, а купеческія деньги? Развѣ нѣтъ примѣровъ, что не только купцы, но и крестьяне выкупали

крестьянъ? Рѣчь Кокорева, вызывая однихъ на хорошее дѣло, не отнимаетъ у другихъ права уступить усадьбы и даромъ.

„Мимоходомъ Кокоревъ касается въ своей рѣчи винныхъ откуповъ и говоритъ о возможности замѣнить ихъ налогомъ. Если бы мысль эта была представлена имъ въ качествѣ проекта, то цензоръ, на основаніи существующихъ правилъ, не имѣлъ бы права пропустить ее; но этого намѣренія авторъ не обнаружилъ, и самъ же замѣчаетъ, что предлагаетъ свою мысль, не какъ проектъ. Онъ высказалъ ее въ видѣ предположенія, для доказательства, что и самое трудное дѣло, при разъясненіи взаимныхъ интересовъ, становится легкимъ. Онъ не настаиваетъ на отмѣнѣ винныхъ откуповъ, а только утверждаетъ, что въ случаѣ, еслибы при новомъ устройствѣ земледѣльческаго быта, при образованіи ферменнаго хозяйства, невыгоды откупной системы стали особенно ощутительны, то оказалась бы и возможность замѣнить ее къ выгодѣ какъ правительства, такъ и народа другою системою.

„И такъ руководствуясь какъ цензурнымъ уставомъ и частными предписаніями начальства, такъ и собственною совѣстію, я не считалъ себя въ правѣ задержать печатаніе рѣчи Кокорева. Доводить до высшаго начальства дѣло, которое не выходило изъ предѣловъ моего полномочія, я считалъ не только излишнимъ, но и въ высшей степени неудобнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ:

„Въ рѣчи Кокорева дѣло идетъ о пожертвованіяхъ со стороны купеческаго сословія. Какъ желаніе частнаго человѣка, принадлежащаго къ купеческому же сословію, оно никого ни къ чему не обязываетъ, авторъ одинъ отвѣчаетъ за мысль свою передъ публикою. Еслибы мысль его оказалась неосуществимою и безполезною, то она тѣмъ не менѣе осталась бы безвредною и не могла бы возбудить ничьихъ опасеній. Но еслибы рѣчь эта была представлена на разрѣшеніе высшаго начальства и была одобрена не просто цензоромъ, на общихъ данныхъ ему правилахъ, а самимъ правительствомъ, то слово частнаго человѣка получило бы во мнѣніи публики особенное значеніе. Неизбѣжно распространились бы слухи, что правительство ожидаетъ и требуетъ отъ купеческаго сословія пожертвованій; слухи эти, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, могли бы принять самые преувеличенные размѣры, и мысль, въ сущности, безвредная, а можетъ быть и полезная, стала бы вредною, ибо распространила бы въ публикѣ ложное мнѣніе и

*

фальшивую тревогу. Высшее начальство, безъ нужды и неумѣстно спрошенное, было бы поставлено въ положеніе неловкое и затруднительное: запретить то, что удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ литературной благонамѣренности, — значило бы сдѣлать несправедливость, которая неизбѣжно отозвалась бы въ публикѣ, придала бы этой рѣчи преувеличенное значеніе, какъ всегда это случается съ запрещаемыми статьями и книгами, — и ненапечатанная рѣчь распространилась бы, съ различными прибавками, во множествѣ рукописныхъ экземпляровъ, которые дѣйствуютъ всегда гораздо возбудительнѣе, чѣмъ книга; одобрить — значило бы сообщить нѣкоторую оффиціальность простому слову частнаго человѣка и такимъ образомъ подать поводъ думать о своей солидарности съ нимъ.

„Долгъ честной службы требуетъ не одного только формальнаго исполненія буквы закона, а и усердной заботливости о соблюденіи достоинства и интересовъ правительства. Цензоръ, по моему искреннему убѣжденію, долженъ дорожить дарованнымъ ему правомъ обращаться въ затруднительныхъ случаяхъ съ вопросами къ высшему начальству и не употреблять этого права во зло; онъ долженъ заботиться не о томъ, чтобы какъ-нибудь слагать съ себя отвѣтственность и облегчать для себя свою обязанность; онъ поставленъ не затѣмъ, чтобы только пользоваться выгодами своего служебнаго положенія, а затѣмъ, чтобы нести на себѣ всю его отвѣтственность и тяжесть.

„Чтобъ литература могла имѣть значеніе и въ Россіи совершила ту же службу, какой гордятся другія страны, необходима независимость науки, ума, таланта, если они въ своемъ проявленіи не идутъ противъ общихъ, коренныхъ постановленій цензуры. Правительство руководствуется научными теоріями, опытомъ, примѣрами, потребностями подвластнаго края, но въ теоріи можетъ быть сдѣлано открытіе, но опытъ и примѣръ могутъ быть иначе поняты, а потребности края, настоящія, дѣйствительныя, при отсутствіи гласности, нельзя иногда отгадать никакими усиліями кабинетныхъ размышленій. Правительство дѣлаетъ извѣстнымъ, что хочетъ провести желѣзную дорогу по такому-то пути, а цензору подается статья, гдѣ излагается возможность другаго пути, болѣе удобнаго и выгоднаго. Если цензоръ обратится за разрѣшеніемъ къ высшему начальству, то статья или будетъ запрещена, или дозволена. Но тогда — запретить значитъ останавливать всякую духовную дѣятельность и изъ самыхъ невинныхъ, благотворныхъ выраженій

разума создавать призракъ опасеній для общественнаго спокойствія. Дозволить—это отнять у статьи характеръ частнаго мнѣнія, личной мысли человѣка, и освятить ее характеромъ оффиціальнымъ и на высшихъ ступеняхъ управленія согласиться съ ней. Чтобы не впасть въ очевидное противорѣчіе, правительство или подчинитъ свои распоряженія тому, съ чѣмъ соглашается, или велитъ признавать за собою непогрѣшимость даже науки и таланта. Не на такихъ велѣніяхъ, легко опровергаемыхъ и логикой, и совѣстью, основывается благоговѣніе народа къ правительству. Все ложное, все, чему никто не повѣритъ, скорѣе можетъ поколебать это благоговѣніе. Литература только тогда и полезна, когда выражаетъ личныя мысли, или мысли общества; а если она заключится въ тѣсную раму оффиціальности и будетъ высказывать лишь то, что думаютъ и знаютъ нѣсколько лицъ, стоящихъ въ главѣ управленія, то и имъ представится немало затрудненій; да и въ такомъ случаѣ къ чему будетъ годна литература?—Чѣмъ болѣе мы стѣснимъ ее, тѣмъ болѣе дадимъ повода подозрѣвать, что въ ней нѣтъ истины, нѣтъ умѣренной, законной, благодѣтельной независимости; тѣмъ вѣрнѣе усилимъ значеніе тѣхъ враждебныхъ Россіи изданій, которыя завелись нынѣ въ Европѣ и которыя, къ сожалѣнію, поддерживаются успѣхомъ. Въ этомъ смыслѣ никто и ничто, а только одно развитіе литературы, ограничиваемое благоразумной цензурой, можетъ представить явленія въ отпоръ клеветѣ и разнымъ обвиненіямъ.

„Что, при пропускѣ рѣчи Кокорева, я поступилъ согласно съ духомъ правительства, это доказывается теперь Высочайшимъ повелѣніемъ о статьяхъ, касающихся крѣпостнаго состоянія, выраженнымъ въ предложеніи министра народнаго просвѣщенія слѣдующимъ образомъ:

а) Статей, гдѣ будутъ разбирать, осуждать и критиковать распоряженія правительства по этому дѣлу, къ напечатанію не допускать.

б) Не позволять также печатать тѣхъ статей, преимущественно литературнаго содержанія, гдѣ, въ формѣ разсказа или какой-либо другой, помѣщаются событія и сужденія, могущія возбудить крестьянъ противъ помѣщиковъ.

в) Затѣмъ всѣ сочиненія и статьи, чисто ученыя, теоретическія, историческія и статистическія, гдѣ будутъ разбираться и разсматриваться вопросы хозяйственные о теперешнемъ и будущемъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, дозволить печатать, какъ отдѣльными книжками, такъ и во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, съ тѣмъ только: *а*) чтобы

при этомъ не было допускаемо разсужденій и толкованій о главныхъ началахъ, Высочайшими рескриптами предписанныхъ въ руководство комитетамъ, по губерніямъ учреждаемымъ; *б*) чтобы при пропускѣ всѣхъ подобнаго рода статей и сочиненій въ точности соблюдались общія правила, цензурнымъ уставомъ предписанныя, и *в*) чтобы обращено было особое вниманіе на духъ и благонамѣренность сочиненія; и г) Статьи, писанныя въ духѣ правительства, допускать къ печатанію во всѣхъ журналахъ.

„Рѣчь Кокорева не разбираетъ, не осуждаетъ и не критикуетъ распоряженій правительства по этому дѣлу; въ ней не излагаются событія и сужденія, могущія возбудить крестьянъ противъ помѣщиковъ, а также нѣтъ толкованій о главныхъ началахъ, Высочайшими рескриптами предписанныхъ въ руководство комитетамъ, по губерніямъ учреждаемымъ. Кромѣ того рѣчь эта не только благонамѣренна, но и написана въ духѣ правительства и не противорѣчитъ общимъ правиламъ цензуры.

„Въ заключеніе позволю себѣ сказать, что я почелъ бы за особенное для себя счастіе, еслибъ Государю Императору угодно было дозволить мнѣ повергнуть на его разсмотрѣніе записку объ обязанности цензора и о значеніи литературы, какъ скоро эта записка, давно мною начатая, приведена будетъ къ полному окончанію“.

Цензоръ Николай фонъ-Крузе.

Москва.
Февраля 5 дня 1858 года.

Въ дополненіе къ объясненію, Н. Ѳ. фонъ-Крузе прислалъ министру письмо, въ которомъ разъясняетъ эпизодъ съ тостомъ.

„Г. Кокоревъ, пишетъ онъ, съ которымъ я очень недавно и очень мало знакомъ, пріѣхалъ ко мнѣ передъ 16 числомъ января и пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ. Узнавъ, что тамъ будутъ многіе мнѣ хорошо знакомые, я поѣхалъ тѣмъ болѣе, чтобы не платить Кокореву невѣжливостію за его внимательное приглашеніе. Тамъ я засталъ огромное общество, даже нѣкоторыхъ оффиціальныхъ особъ. За обѣдомъ, между прочимъ, Кокореву пришла мысль сдѣлать мнѣ привѣтствіе произнесеніемъ нѣсколькихъ словъ, лично ко мнѣ относящихся, которыя однако были не точно переданы вашему высокопревосходительству. Какъ хозяинъ, Кокоревъ имѣлъ, разумѣется, полное право, на своемъ частномъ обѣдѣ, предложить своимъ гостямъ тостъ въ честь одного изъ нихъ, и я, не зная его намѣренія заранѣе, не

могъ ему въ этомъ препятствовать". Рѣчь эта, поясняетъ г. Крузе, была имъ принята, какъ выраженіе личнаго мнѣнія г. Кокорева, въ которомъ онъ не могъ видѣть ни представителя общественнаго мнѣнія, ни интересовъ литературы.

„Вслѣдствіе этого", прибавляетъ онъ, „я даже вынужденъ былъ поступить нѣсколько невѣжливо въ отношеніи всего общества, принявшаго предложенный тостъ, не отвѣчавъ на него ни однимъ словомъ, въ противность общепринятымъ обычаямъ въ подобныхъ случаяхъ".

Что же касается до того, что В. А. Кокоревъ былъ побужденъ къ тосту дозволеніемъ напечатать въ *Русскомъ Вѣстникѣ* его дополнительную рѣчь, которая будто бы встрѣчала затрудненія, то „внутреннія побужденія г. Кокорева, замѣчаетъ Н. Ѳ. Крузе, мнѣ вовсе неизвѣстны. Но я могу рѣшительно утвердить одно, что, прочитавъ рѣчь Кокорева, я нашелъ ее по совѣсти благонамѣренною и непротивною правиламъ цензуры, а потому и пропустилъ ее безъ испрошенія на то разрѣшенія моего начальства, къ которому былъ обязанъ обратиться лишь въ случаѣ моего сомнѣнія. Къ тому же здѣсь были свѣдѣнія, что въ Петербургѣ обѣдъ 28 декабря и рѣчи, при этомъ произнесенныя, были приняты благосклонно. Затрудненія же, о которыхъ ваше высокопревосходительство изволите говорить, возникли уже послѣ моего пропуска, и то только со стороны г. Московскаго военнаго генералъ-губернатора, сообщившаго словесно свои замѣчанія г. помощнику попечителя, который передалъ мнѣ объ этомъ. Впослѣдствіи графъ Закревскій самъ отъ себя предложилъ цензурному комитету выпустить отдѣльные оттиски въ свѣтъ въ числѣ пятисотъ экземпляровъ, тогда какъ я задержалъ выпускъ брошюры этой, ожидая дальнѣйшаго распоряженія своего начальства."

Министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйшимъ докладомъ отъ 14 февраля 1858 года представилъ дѣло на Высочайшее усмотрѣніе. Въ докладѣ было внесено довольно значительное извлеченіе объясненія цензора, и къ докладу отдѣльно была приложена выписка изъ его письма.

Въ докладѣ своемъ министръ высказалъ такое мнѣніе: „Цензоръ дѣйствительно не имѣлъ *законнаго* основанія къ запрещенію напечатать описаніе обѣда 28 декабря съ произнесенными при семъ случаѣ рѣчами и присланною послѣ того рѣчью Кокорева. Во всемъ этомъ цензоръ не видѣлъ ничего предосудительнаго и несогласнаго съ видами правительства. Но какъ самый поводъ сего собранія и предметъ рѣчей выходили изъ ряда обыкновенныхъ, касались новой

важной государственной мѣры, и говорившіе рѣчи позволили себѣ нѣкоторые намеки на эту мѣру, а Кокоревъ—даже обсужденіе способовъ къ достиженію цѣли ея, то цензоръ поступилъ весьма неосторожно и опрометчиво, принявъ на себя всю отвѣтственность за пропускъ статьи къ печати безъ особаго разрѣшенія начальства.

„За такое упущеніе я предписалъ 16 января сего года сдѣлать Крузе строжайшій выговоръ и въ то же время воспретилъ перепечатываніе дополнительной рѣчи Кокорева, которая одна изъ всей статьи подвергалась осужденію. Дозволивъ напечатаніе статьи въ журналѣ, Крузе не остановился разрѣшеніемъ сдѣлать съ нея и особые оттиски; запрещеніе же мое получено было въ Москвѣ послѣ его разрѣшенія и даже послѣ выпуска экземпляровъ изъ типографіи, Московскій военный генералъ-губернаторъ потребовалъ выдачи 500 экземпляровъ Кокореву, чего цензурный комитетъ не могъ не исполнить; остальные же экземпляры вытребованы были графомъ Закревскимъ для уничтоженія, вслѣдствіе полученнаго имъ Высочайшаго повелѣнія. Такимъ образомъ дѣйствія цензуры касательно сихъ оттисковъ ограждены распоряженіями высшей власти отъ всякой отвѣтственности. Наконецъ, что касается провозглашеннаго на обѣдѣ Кокорева тоста въ честь Крузе, то сего невозможно, по моему мнѣнію, ставить въ вину Крузе, который, не бывъ объ ономъ предупрежденъ, не могъ его предупредить и ограничился благоразумнымъ молчаніемъ. Самый тостъ не имѣлъ ни политическаго значенія, ни прямаго отношенія къ рѣчи Кокорева, если и признать послѣднюю неодобрительною. Въ этомъ случаѣ я не вижу никакой вины Крузе въ цензурномъ отношеніи“.

Въ заключеніе министръ полагалъ, что объявленный Крузе строжайшій выговоръ и внушеніе, которое я предполагаю ему сдѣлать, послужатъ ему предостереженіемъ на будущее время.

На докладѣ послѣдовала Высочайшая резолюція: „быть такъ“; а на выпискѣ изъ письма цензора сдѣлана была отмѣтка: „тостъ, предложенный Кокоревымъ въ честь Крузе, Я никогда не думалъ ставить ему въ вину“.

Упомянемъ въ заключеніе объ участіи, какое принималъ въ дѣлѣ бывшій тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія князь П. А. Вяземскій. На отдѣльномъ листкѣ онъ выразилъ замѣчаніе свое слѣдующими словами: „Я отмѣтилъ карандашемъ въ большой запискѣ Крузе тѣ мѣста, которыя могли бы быть переданы на Высочайшее воззрѣніе.

Но мнѣ кажется, что нужнѣе всего и ближе къ дѣлу представить Государю Императору копію съ частнаго письма Крузе. Тутъ изложены всѣ обстоятельства дѣла, какъ оно происходило. Очень важно то, что гр. Закревскій разрѣшилъ выпускъ 500 экземпляровъ рѣчи Кокорева, что подтверждается и оффиціальнымъ показаніемъ попечителя. По моему мнѣнію, это обстоятельство совершенно ограждаетъ отвѣтственность цензора или оправдываетъ его въ пропускѣ этой рѣчи. На это обстоятельство нужно обратить вниманіе Его Величества. Остается дѣло тоста, въ которомъ цензоръ въ сторонѣ и не участвовалъ, не отвѣчалъ за него. Да и самый тостъ не имѣетъ политическаго значенія, ни прямаго отношенія къ рѣчи Кокорева, если и признавать рѣчь его предосудительною. Скажу съ Ковалевскимъ (попечителемъ): я не адвокатъ Крузе, но въ этомъ дѣлѣ вины его нѣтъ... Въ отношеніи цензурномъ онъ не заслуживаетъ наказанія, и министерство обязано защитить его".

НА КАВКАЗѢ ВЪ 30-ХЪ ГОДАХЪ.

Командировка и отъѣздъ.—М. Ю. Лермонтовъ.—Его стихи по моему адресу.—Отъ Москвы до Кубани.—Встрѣча въ полку.—Кубань.—Генералъ Засъ.—Черноморье и Тамань.—Живыя лица, послужившія сюжетомъ повѣсти Лермонтова.

18-го февраля 1838 года командированъ былъ я въ отдѣльный Кавказскій корпусъ въ числѣ прочихъ офицеровъ гвардейскаго корпуса, для принятія участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ. Сколько помнится, прикомандированіе гвардейскихъ офицеровъ въ ряды Кавказской арміи началось еще въ 1836 году. Излишнимъ считаю описывать, съ какою радостію принято было нами извѣстіе, что ежегодно будутъ посылаемы офицеры по одному изъ каждаго гвардейскаго полка на Кавказъ. Въ охотникахъ не было недостатка. Посылались офицеры молодые, въ пѣхотѣ до штабсъ-капитанскаго, а въ кавалеріи до штабсъ-ротмистерскаго чина. Когда у насъ, въ л.-гв. Гродненскомъ гусарскомъ полку, полученъ былъ приказъ о командированіи одного офицера на Кавказъ, то всѣ, безъ исключенія, наши офицеры, т. е. корнеты и поручики, отправились къ полковому командиру съ изъявленіемъ желанія быть командированными. Тогда командиръ полка объявилъ, что онъ полагалъ бы правильнымъ бросить жребій, но такъ какъ никто изъ офицеровъ не желалъ лишиться права старшинства и подвергаться случайности, то рѣшено было по старшинству,—и старшій изъ поручиковъ получилъ командировку. Дѣлать было нечего, оставалось ожидать очереди. Я былъ выпущенъ изъ школы гвардейскихъ кавалерійскихъ юнкеровъ въ л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ корнетомъ въ 1835 году, а въ 1836 году уже былъ произведенъ въ поручики. Обстоятельство это подавало мнѣ надежду дождаться въ скоромъ времени очереди; но вышло иначе, и только лишь въ 1838 году уда-

лось мнѣ воспользоваться своимъ старшинствомъ. Вотъ какъ это случилось.

За исключеніемъ Атаманскаго казачьяго полка и 3-й легкой конной батареи, стоявшихъ, первый въ Петербургѣ, а послѣдняя въ Новгородѣ, вся 2-я гвардейская кавалерійская дивизія была расположена въ штабахъ бывшихъ Новгородскихъ военныхъ поселеній. Нашъ полкъ квартировалъ въ штабѣ 1-го округа пахотныхъ солдатъ, т. е. иначе, въ Селищенскихъ казармахъ. Офицеры нашей дивизіи увольнялись въ С.-Петербургъ командирами полковъ только на 8 дней, а дальнѣйшее пребываніе тамъ разрѣшалось только Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, и то не всегда,—смотря болѣе по расположенію духа Его Высочества. Испросивъ разрѣшеніе, я отправился въ Петербургъ, гдѣ жили тогда мои родители. Пространство въ 140 верстъ по Московскому шоссе не служило намъ препятствіемъ побывать въ столицѣ, превосходныя ямскія тройки замѣняли желѣзную дорогу. Возвращаясь въ полкъ ночью, подкатила моя тройка къ станціи Тосна, куда въ то же время другая тройка примчала кого-то, укутаннаго въ шубу. Этотъ „кто-то“, ѣхавшій въ Петербургъ, былъ офицеръ л.-гв. Уланскаго Его Высочества Михаила Павловича полка, поручикъ Борщевъ. На спросъ мой, кто ѣдетъ? Борщевъ отвѣчалъ: „я, братецъ! ѣду на Кавказъ; вчера получено предписаніе о командировкахъ на Кавказъ, и я назначенъ“. Неожиданное извѣстіе это поразило меня, какъ громомъ; страхъ, что уже назначенъ другой, а не я, досада, что я прогулялъ опять цѣлый годъ и т. д. страшно взволновали меня. Не вылѣзая изъ саней я крикнулъ: „живѣе запрягай, два цѣлковыхъ на водку ямщику, валяй во весь духъ!“ и къ утру я былъ уже въ полку. Одѣвшись на-скоро, отправился я къ моему дивизіонному полковнику Риземану и умолялъ его тотчасъ же идти со мной къ полковому командиру, чтобы отстоять мои права и не допустить младшаго воспользоваться моимъ отсутствіемъ и получить командировку. Полковникъ Риземанъ, какъ старшій въ полку, пользовался всеобщимъ уваженіемъ и въ данномъ случаѣ согласился быть моимъ адвокатомъ. Послѣ нѣкотораго колебанія командиръ полка, князь Багратіонъ, позвалъ меня къ себѣ и объявилъ, что я могу приготовляться къ отъѣзду. Радость моя была великая. На-скоро уложивъ вещи, приведя кой-какія дѣлишки въ порядокъ, я покатилъ вторично въ Петербургъ, и утромъ на слѣдующій день въѣзжалъ уже въ заставу. Но тутъ предстояло уладить, и не безъ труда, другое, весьма

серьезное дѣло; а именно явиться къ родителямъ, которыхъ только-что оставилъ, и объявить матушкѣ настоящую причину моего возвращенія. Я былъ единственнымъ сыномъ, страстно любимымъ матерью, и мнѣ надо было теперь подготовить ее исподволь къ моей поѣздкѣ на Кавказъ. Я рѣшилъ не заѣзжать домой, а остановиться у тетки, весьма умной и энергичной женщины, чтобы посовѣтоваться прежде съ нею. Такъ и сдѣлано. Немедленно ею былъ приглашенъ мой отецъ, и на семейномъ совѣтѣ рѣшено объявить матушкѣ, что командируюсь я для покупки ремонтныхъ лошадей. Отецъ мой предупредилъ о томъ матушку и только къ вечеру явился я домой. Много пролито было слезъ, но дѣлать нечего, надо было скоро отправляться, и меня начали снаряжать въ путь. Мало-по-малу почтенный отецъ мой подготовилъ все, что слѣдовало, въ дорогу и наконецъ объявилъ матушкѣ истинную правду. Какъ старый солдатъ отечественной войны, напомнилъ онъ ей о долгѣ всякаго военнаго, о тѣхъ походахъ, когда оставлялъ и ее съ дѣтьми; и о той боевой жизни, для которой находилъ поддержку и нравственную силу въ ней же. Напоминанія эти наконецъ успокоили мать, и она, смиряясь передъ доводами, напоминавшими ей ея прошлое, пережитое тяжелое время, подавила въ себѣ чувство сердечнаго горя и, съ кротостію и смиреніемъ подозвавъ меня къ себѣ, благословила на новое боевое поприще. Съ этой минуты слезы перестали литься изъ глазъ ея; однѣ заботы снарядить любимаго сына въ походъ, казалось, заняли ее всецѣло. Купленъ былъ чемоданъ, вьюки, устроенъ походный погребецъ съ металлическими тарелками и проч.

Дядя мой, Ѳедоръ Евстафьевичъ Книтеръ, также одинъ изъ боевыхъ генераловъ 12 года, озаботился дать мнѣ пару пистолетовъ, драгоцѣнныхъ для него по памяти. Пистолеты эти поднесены были ему городомъ Льежемъ, гдѣ онъ былъ временнымъ комендантомъ. Когда всѣ приготовленія были окончены и оставалось только отправиться, мать моя непремѣнно хотѣла собственноручно уложить чемоданъ. Отслужено было молебствіе, во время котораго мать моя держала себя съ необыкновенною твердостію и силою воли; но потомъ, когда руки ея опустили на дно чемодана первую вещь, силы ей измѣнили и она тутъ же лишилась чувствъ. Не могу описать, что сдѣлалось тогда со мною: чувство глубокаго горя охватило мое сердце, увлеченія и мечты молодаго стремленія къ какимъ-то туманнымъ картинамъ боевыхъ подвиговъ показали мнѣ все ничтожество моихъ меч-

таній и весь мой эгоизмъ, въ виду той глубокой печали, которую я изъ тщеславной суетности добровольно создалъ для моей бѣдной матери, безгранично любимой мною.

2-го марта, родные въ нѣсколькихъ тройкахъ проводили меня до Средней Рогатки. Тамъ, поплакавъ вдоволь, благословили меня родители. Отецъ мой, поднявъ бокалъ, напутствовалъ отъѣздъ мой словами: „Съ этой минуты начинается твоя самостоятельная военная жизнь; помни, что я и дядя твой служили всегда вѣрно и честно, свято исполняли долгъ солдата, не напрашивались никуда и ни отъ чего не отказывались. Береги жизнь твоихъ солдатъ, но безъ колебанія, хладнокровно веди ихъ въ бой, показывая лично собою примѣръ. Да сохранитъ тебя Господь; съ Богомъ! теперь пора".

По пути заѣхалъ я въ полкъ проститься съ товарищами и покончить съ мелкими долгами, присущими всякому офицеру. Пробывъ въ полку сутки и распростившись со всѣми, я отправился уже окончательно въ дальній путь. Товарищи, однако, непремѣнно вздумали устроить, по обычаю, проводы. Хоръ трубачей отправленъ былъ впередъ, а за нимъ моя кибитка и длинная вереница саней съ товарищами покатила къ Спасской Полисти, т. е. на станцію Московскаго шоссе, въ 10 верстахъ отъ полка. Станціонный домъ помѣщался въ длинномъ каменномъ одноэтажномъ строеніи, похожемъ на огромный сундукъ. Уже издали видно было, что это казенное зданіе временъ Аракчеевскихъ: оно болѣе походило на казарму, хотя и носило названіе дворца. Всѣ комнаты, не исключая такъ называемой Царской половины, были блистательно освѣщены. Хоръ трубачей у подъѣзда встрѣтилъ насъ полковымъ маршемъ, а въ большой комнатѣ накрытъ былъ столъ, обильно уставленный всякаго рода напитками. Меня усадили, какъ виновника прощальной пирушки, на почетное мѣсто. Не теряя времени, начался ужинъ, чрезвычайно оживленный. Веселому расположенію духа много способствовало то обстоятельство, что товарищъ мой и задушевный пріятель Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, входя въ гостиную, устроенную на станціи, скомандовалъ содержателю ея, почтенному толстенькому нѣмцу, Карлу Ивановичу Грау, немедленно вставить во всѣ свободные подсвѣчники и пустыя бутылки свѣчи и освѣтить, такимъ образомъ, безъ исключенія всѣ окна. Распоряженіе Лермонтова встрѣчено было сочувственно и всѣ въ немъ приняли участіе; вставлялись и зажигались свѣчи; смѣхъ, суета сразу расположили къ веселью. Во время ужина

тосты и пожеланія сопровождались спичами и экспромптами. Одинъ изъ нихъ, сказанный нашимъ незабвеннымъ поэтомъ Михаиломъ Юрьевичемъ, спустя долгое время потомъ не извѣстно кѣмъ записанный, попалъ даже въ печать. Экспромптъ этотъ имѣлъ для меня и, отчасти, для нашихъ товарищей особенное значеніе, заключая въ концѣ нѣкоторую, понятную только намъ, игру словъ. Вотъ онъ:

„Русскій нѣмецъ бѣлокурый
Ѣдетъ въ дальнюю страну,
Гдѣ косматые гяуры
Вновь затѣяли войну.
Ѣдетъ онъ томимъ печалью,
На могучій пиръ войны;
Но иной, не бранной *сталью*,
Мысли юноши полны".

Само собою разумѣется, что ужинъ кончился обильнымъ возліяніемъ чувствъ и вина. Предшествуемый снова хоромъ полковыхъ трубачей, несомый товарищами до кибитки, я былъ, наконецъ, уложенъ въ нее, и тройка въ карьеръ умчала меня къ Москвѣ.

Не помню, въ какомъ-то городѣ, уже днемъ, разбудилъ меня человѣкъ, предложивъ напиться чайку. Очнувшись, наконецъ, я не мало былъ удивленъ, когда увидѣлъ, что кругомъ меня лежали въ видѣ гирлянды бутылки съ шампанскимъ,—гусарская хлѣбъ-соль на дорогу.

Въ Москвѣ нашелъ я уже многихъ опередившихъ меня офицеровъ. Тамъ прожито нѣсколько веселыхъ дней, и бывшій лейбъ-гусарскій поручикъ, а нынѣ генералъ-адъютантъ, свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ, задалъ намъ прощальный пиръ съ цыганками, какъ тогда водилось въ Москвѣ.

Чѣмъ ближе я подвигался на югъ, тѣмъ болѣе измѣнялась природа. Въ Воронежской губерніи тающіе снѣга кое-гдѣ лежали бѣлыми полосками въ бороздахъ полей; теплый вѣтерокъ быстро сушилъ образовавшіяся лужи; какъ-то легко дышалось. Ближе къ Воронежу было уже совершенно тепло, и зелень полей становилась все гуще и ярче. По пріѣздѣ въ Воронежъ, не смотря на усталость, я поспѣшилъ отправиться въ монастырь, гдѣ покоятся мощи святителя Митрофанія. Шла вечерняя служба. Тамъ нашелъ я уже нѣсколько офицеровъ; у всѣхъ было, видимо, одно желаніе, одна потребность молитвы. Отслуживъ напутственный моле-

бенъ и приложившись къ мощамъ Святителя, я почувствовалъ, что на душѣ стало какъ-то спокойнѣе, а на сердцѣ веселѣе. Времени терять было некогда, надо было спѣшить; въ лошадяхъ уже встрѣчался недостатокъ; частенько приходилось сидѣть на станціяхъ, бесѣдуя со смотрителемъ, въ ожиданіи обратныхъ. По мѣрѣ приближенія къ Новочеркаску, природа совершенно измѣнялась; все было для меня ново и какъ-то странно вліяло на меня; да и не могло быть иначе: житель болотистаго Петербурга и Новгорода не можетъ себѣ вообразить роскошныхъ необозримыхъ степей, покрытыхъ густою зеленью, между которой пестрѣли уже разноцвѣтные тюльпаны и другіе цвѣты. По обѣимъ сторонамъ дороги возвышались курганы и камни, на которыхъ задумчиво возсѣдали громадные беркуты и рѣяли надъ зеленымъ ковромъ небольшіе орлы, высматривая въ густой травѣ свою добычу: простодушныхъ стрепетовъ и перепеловъ, неосторожно вспархивающихъ кверху. Тутъ же подумалъ я, что какой-нибудь косматый горецъ, засѣвъ въ ущельѣ, изъ-за камня, какъ орелъ, стережетъ свою жертву, безпечнаго юношу, поющаго пѣснь любви и свободы, впервые имъ ощущаемыхъ.

Въ то время въ Новочеркаскѣ плохо приходилось проѣзжему, который не запасся на дорогу съѣстнымъ. Страшно проголодавшись, я спросилъ чего-нибудь поѣсть, но, къ сожалѣнію, пришлось ограничиться только однимъ чаемъ. Тамъ надо было запасаться къ слѣдующему дню припасами наканунѣ. При отъѣздѣ изъ Петербурга, товарищъ мой, атаманскаго дивизіона поручикъ Иванъ Ивановичъ Сербиновъ, просилъ меня побывать у его стариковъ, передать матери письмо и лично разсказать кое-что о немъ. Съ удовольствіемъ исполнилъ я порученіе къ старику Сербинову, также Ивану Ивановичу. Личность эта весьма извѣстна на Дону по своимъ торговымъ дѣламъ, онъ же содержалъ почту вплоть до Ставрополя. Сербиновскія вина имѣли также свою славу. Старикъ обрадовался чрезвычайно; призвалъ свою старуху-хозяйку, какъ выражался; разспросамъ о сынѣ не было конца. Хозяйка была одѣта въ національный костюмъ, такъ называемый „кобелекъ“ безъ таліи, и въ какой-то шапочкѣ. Тотчасъ начали меня голоднаго кормить разными разностями и какими-то превкусными *бурсачками*; это маленькія продолговатыя булочки, мягкія и очень вкусныя. Иванъ Ивановичъ угощалъ бѣлымъ и краснымъ, превосходнымъ донскимъ виномъ. Тотчасъ скомандовалъ младшему сыну принести изъ погреба какую-то за-

вѣтную бутылку живительной струи. Я и теперь не знаю, что это было; но старикъ объяснилъ мнѣ, что безъ этого быть не возможно, что этимъ сдабриваются и сохраняются вина. Знаю только, что нѣсколько капель этого горькаго напитка могутъ оживить мертвеца. Прощаясь со мною, Иванъ Ивановичъ снабдилъ меня открытымъ предписаніемъ смотрителямъ давать мнѣ курьерскихъ лошадей, а старушка Сербинова на дорожку въ мѣшечекъ наложила бурсачковъ и балыка: „кушай, батюшка, на здоровье, а то и некогда будетъ закусить на станціи". Такимъ образомъ разстался я съ радушными хозяевами и покатилъ далѣе до самаго Ставрополя съ быстротою, какъ оказалось потомъ, 20 верстъ въ часъ. Курьерскія телѣжки тогда имѣли особое устройство, такъ что вся грязь и брызги не летятъ вамъ прямо въ лицо, какъ это бываетъ въ Россіи. Подъ дугой привязаны два звонкихъ колокольца, что должно обозначать курьера. На станціи, заслышавъ издали звонъ двухъ колокольчиковъ, мигомъ подаютъ вамъ уже готовую тройку, оставалось только перелѣзть въ телѣжку, перевалить вещи и опять летѣть птицей въ пространство. Ямщикъ на полдорогѣ, обыкновенно обращаясь къ сѣдоку, проситъ только позволенія передышать лошадкамъ, т. е. проѣхать рысью съ версту. Станція за станціею быстро пролетали мимо; тѣ же курганы по бокамъ, тѣ же хищныя птицы, та же неизмѣримая зеленая даль... Быстрая скачка и новизна не давали мнѣ чувствовать никакой усталости. Наступила ночь, а я летѣлъ все также быстро, подпрыгивая и качаясь со стороны на сторону въ моей телѣжкѣ. Подъ утро, вдали, можно было отличить какую-то темную массу строеній и коегдѣ мелькающіе огоньки. На начинающемъ алѣть горизонтѣ образовался профиль колокольни, а затѣмъ и самая церковь. Мы въѣзжали въ какую-то станицу. Утренній вѣтерокъ доносилъ до меня необыкновенно пріятный запахъ дыма—запахло жильемъ. На улицахъ было пусто; я приказалъ ѣхать рысью. Картина была поразительная; это была ночь Воскресенья Христова. Въ церкви кончилась заутреня. Быстро свѣтало. На паперти толпы казаковъ и казачекъ, рядами уставивъ куличи и пасхи, съ зажженными свѣчами, ожидали причта со святой водой, а поодаль стояли верховые казаки, нетерпѣливо ожидая освященныхъ куличей, чтобы ихъ везти во весь духъ въ станицы и курени, гдѣ ихъ ожидали съ нетерпѣніемъ родные, безъ чего никакое розговѣнье немыслимо. Съ пѣніемъ: „Христосъ Воскресе!" при колокольномъ звонѣ подъѣхалъ я къ тутъ же стоявшей

станціи. Конные казаки съ узелками разсыпались въ разныя стороны. Не могу забыть того отраднаго ощущенія, съ какимъ я вошелъ на станцію въ чистую, свѣтлую комнату смотрителя. Въ переднемъ углу, подъ образами, ярко теплились лампады, на окнахъ, украшенныхъ кисейными занавѣсками, стояли въ горшкахъ бальзамины, а передъ диваномъ круглый столъ, покрытый пестрой ярославской салфеткой съ попугаями по угламъ, клюющими виноградъ. Большой ярко вычищенный самоваръ, подбоченясь, пыхтѣлъ, какъ бы сердясь, что его никто не замѣчаетъ. Столъ уставленъ былъ разнаго рода печеньемъ; хозяйка суетилась около стола, постукивая стаканами и чашками, то и дѣло поглядывала въ двери въ нетерпѣливомъ ожиданіи освященнаго кулича, пасхи и яицъ. Покуда я расправлялъ усталые изломанные члены, явился ожидаемый куличъ, да какой еще: петербургскій, Веберовскій, съ шафраномъ и изюмомъ. Похристосовавшись со мной, смотритель представилъ хозяйку: „Это моя супруга, она не здѣшняя, а изъ нѣмокъ. Прошу покорно, ваше благородіе, разговѣться“. Хозяйка-нѣмка тотчасъ же приподнесла мнѣ огромный стаканъ кофе съ горячими густыми пѣнками. Я и теперь не могу забыть это блаженство, эту свѣтленькую съ бальзаминами на окнахъ горенку, этотъ блестящій самоваръ и шафранный куличъ. Послѣ очень сытнаго розговѣнья, непреодолимый сонъ заставлялъ меня безпрестанно кланяться и я, волей неволей, долженъ былъ уснуть часика два въ другой комнатѣ на диванѣ богатырскимъ сномъ. Черезъ два часа, умывшись и снова закусивъ, я покатилъ далѣе и прибылъ въ Ставрополь на первый день Пасхи къ обѣду. День былъ чудный; яркое теплое солнышко, какъ говорится, сіяло во всю; толпы гуляющаго народа въ праздничныхъ одеждахъ; все—и колокольный звонъ, и природа, и люди дѣйствительно выражали собою Свѣтлый Праздникъ.

Начальникъ штаба, генералъ-маіоръ Траскинъ, весьма привѣтливо принялъ пріѣзжихъ офицеровъ и объявилъ намъ, что мы получимъ послѣ праздника дальнѣйшее распоряженіе и что у командующаго войсками, по болѣзни его, никакого пріема не будетъ. Генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ, давно уже хворавшій, повидимому, былъ опасно боленъ. Блаженной памяти Императоръ Николай, всегда заботливый и помнившій заслуги своихъ вѣрныхъ и полезныхъ сподвижниковъ, командировалъ изъ Петербурга своего лейбъ-медика и штабъ-доктора Гвардейскаго корпуса, Шеринга, на помощь къ страдавшему. Медики признали больнаго безна-

дежнымъ. Вѣсть эта быстро разнеслась по цѣлому Кавказу, однако же не измѣнила обычной жизни Ставрополя. Городъ ежедневно все болѣе и болѣе оживлялся; прибывали офицеры, одни изъ отрядовъ возвращались домой, другіе пріѣзжали имъ на смѣну. Ставропольская военная семья всѣми силами старалась веселить пріѣзжихъ гостей. Ежедневно устраивались обѣды и ужины въ гостиницѣ тогда знаменитаго Наитаки. Ужины обыкновенно кончались прогулкой съ хоромъ музыкантовъ по городу. Словомъ, въ ожиданіи экспедиціи, жилось въ городѣ весело и беззаботно. Возвратившіеся офицеры разсказывали о дѣлахъ, перестрѣлкахъ и лихихъ набѣгахъ и распаляли только наше воображеніе. Каждому хотѣлось скорѣе въ горы, скорѣе къ дѣлу, чтобы испытать или, лучше сказать, провѣрить себя. Прошли праздники и насъ потребовали въ штабъ. Старшій адъютантъ, старый кавказецъ, спрашивалъ каждаго изъ насъ, куда кто желаетъ быть командированъ: на правый, или на лѣвый флангъ. Дошла очередь и до меня. Вспомнивъ послѣдній напутственный совѣтъ отца—не напрашиваться и не отказываться, я отвѣчалъ, что не желаю избирать себѣ мѣста служенія, прошу назначить, куда угодно, и былъ назначенъ въ отрядъ для десантовъ и занятія 3-хъ пунктовъ на восточный берегъ Чернаго моря, подъ начальствомъ Николая Николаевича Раевскаго и прикомандированъ къ Тенгинскому пѣхотному полку тогдашней 19-й дивизіи, нынѣ, кажется, 20-й. Дивизію эту составляли: Тенгинскій, Навагинскій, Кабардинскій и Куринскій полки. Вся дивизія имѣла боевую заслуженную славу, особенно послѣдніе два полка, которые и горцы называли Черными Шайтанами, т. е. чертями. Отрядъ нашъ состоялъ численностью приблизительно около 8 тысячъ человѣкъ; въ составъ его входили 4 баталіона Тенгинскаго, 4 баталіона Навагинскаго полковъ, 2 роты Кавказскаго сапернаго баталіона, 1 батарея, часть пѣшихъ Черноморскихъ казаковъ и конвой изъ линейныхъ казаковъ, а также Азовскіе казаки, потомки славныхъ запорожцевъ, съ двумя канонерскими лодками, вотъ, кажется, и все. Удовлетворивъ насъ достаточнымъ количествомъ денегъ: двойнымъ жалованьемъ, двойными прогонами, порціонами и раціонами, вручили предписанія, и мы отправились далѣе, т. е. къ сборному пункту отряда въ Тамань, гдѣ эскадра Черноморскаго флота должна была принять насъ на суда. Нашъ путь лежалъ вдоль Кубанской линіи и Черноморья. Не буду останавливаться надъ описаніемъ мѣстности и испытанныхъ мною ощущеній.

Упомяну только здѣсь тѣ моменты, которые произвели на меня наиболѣе впечатлѣнія.

Вся линія по Кубани вообще не отличается красотою мѣстоположенія. Станицы линейныхъ казаковъ въ то время были почти схожи между собой: обнесены кругомъ валомъ, плетневыми заборами или каменными оградами; по концамъ ихъ, на высокихъ столбахъ, устроены сторожки, открытыя со всѣхъ сторонъ, съ небольшими камышевыми или соломенными крышами, въ защиту сторожевому казаку отъ солнца или дождя. Тутъ же сдѣланъ маякъ; это высокій шестъ, обвитый осмоленною соломой, съ дегтярнымъ боченкомъ на верху поста. На случай тревоги зажигаются подобнаго рода маяки, и вся линія на-сторожѣ, а съ ближайшихъ станицъ летятъ къ мѣсту тревоги лихіе линейцы. Такія вышки, или сторожевые посты, виднѣются по всему протяженію кордонной линіи. Съ возвышенія сторожевому казаку видна вся мѣстность на далекое разстояніе, а внизу, у поста, два или три казака держатъ въ поводу коней и, по первому выстрѣлу, зажигается маякъ, и сигналъ къ тревогѣ передается быстро на далекое разстояніе. Верховой казакъ въ то же время летитъ къ ближайшему посту, сообщая, въ чемъ дѣло: замѣчена ли переправившаяся партія черкесъ, или угнанъ у станичниковъ скотъ. Тогда начинается преслѣдованіе хищниковъ, часто кончающееся кровопролитной стычкой. Съ подобнаго рода жизнью свыклись линейцы; не проходило и недѣли, чтобы не было погони за переправившеюся на нашу сторону партіею хищниковъ. Берега Кубани мѣстами поросли высокими камышами и во многихъ мѣстахъ были броды, что давало возможность часто угонять скотъ и дѣлать набѣги. Здѣсь надлежитъ сказать нѣсколько словъ о знаменитомъ въ свое время начальникѣ этой линіи, генералѣ Зассѣ и его резиденціи. Кто бывалъ на Кавказѣ, тотъ непремѣнно слыхалъ множество анекдотовъ объ удалыхъ набѣгахъ и образѣ дѣйствій этого легендарнаго генерала. Имя Засса знали далеко горцы, имъ пугали матери своихъ дѣтей, имъ же гордились и казаки; достаточно одного имени Засса, чтобы держать въ страхѣ цѣлые аулы. Онъ былъ грозою какъ непокорныхъ, такъ и мирныхъ черкесовъ. Казаки въ него вѣровали слѣпо; какъ они, такъ и горцы убѣждены были, что онъ знаетъ заговоръ отъ пули, а потому ни-

*

какая пуля его не беретъ. Странно, что такое же повѣрье существовало и о храбромъ начальникѣ донскихъ казаковъ Яковѣ Петровичѣ Баклановѣ; онъ былъ такимъ же страшилищемъ горцевъ.

Генералъ Зассъ, обладая проницательнымъ умомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и тонкимъ политикомъ; онъ зналъ отлично натуру и обычаи горцевъ, ихъ прирожденную алчность къ грабежу и продажность, зналъ до точности семейныя отношенія другъ къ другу вліятельныхъ и опасныхъ князей и узденей, ихъ вражду и жажду къ кровомстительству. На этомъ-то кровомстительствѣ и создалъ свою политику и силу Зассъ, постоянно заставляя враждовать опасныхъ для него сосѣдей и тѣмъ ослабляя вліяніе сильныхъ. Онъ не останавливался ни предъ какимъ средствомъ для достиженія цѣли, когда это ему было нужно. Такимъ образомъ уничтожились цѣлые княжескіе роды ихъ же собственнымъ оружіемъ.

„Прочный окопъ“, штабъ-квартира генерала Засса, наводилъ ужасъ не только на черкесовъ, но даже и на проѣзжающихъ. „Прочный окопъ“ кругомъ обнесенъ былъ валомъ и высокимъ остроколомъ, на которомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ торчали на шестахъ обезображенныя головы черкесовъ. Хозяинъ принималъ гостепріимно всѣхъ, какъ мирныхъ, такъ и не мирныхъ черкесовъ, велъ съ ними переговоры и рѣдко кто изъ нихъ уѣзжалъ безъ подарка.

Ежедневно къ нему являлись лазутчики, тщательно завертывая голову башлыкомъ. Никто и никогда не могъ достовѣрно знать, что онъ намѣренъ дѣлать, когда и куда пойдетъ—въ экспедицію ли, или просто поохотиться съ казаками въ камышахъ на дикихъ кабановъ. Все дѣлалось внезапно и всякій планъ дѣйствій былъ только ему одному извѣстенъ.

Рано утромъ пришлось мнѣ переправляться черезъ какую-то рѣчку, у какой-то станицы. По ту сторону, на горѣ, видны были бѣлыя строенія. Черезъ рѣчку, въ разныхъ мѣстахъ, переправлялись вооруженные казаки. На берегу еще дымились догоравшіе бивуачные костры. Вездѣ поили и сѣдлали лошадей, замѣтно было какое-то торопливое движеніе.—Что это значитъ? спросилъ я у казака.

— Идемъ сейчасъ съ генераломъ въ экспедицію.

— Куда?

— Да неизвѣстно, ваше благородіе, отвѣчалъ онъ, а только, должно быть, далеко: вьюки берутся съ собой.

— А гдѣ генералъ? спросилъ я.

— Вотъ тутъ у полковаго командира, маіора Ваксмута. Мнѣ вдругъ страшно захотѣлось видѣть храбраго Засса, о которомъ такъ много слыхалъ анекдотовъ въ Ставрополѣ и который рисовался въ моемъ воображеніи чѣмъ-то необыкновеннымъ, какимъ-то идеальнымъ героемъ. Я тутъ же рѣшилъ явиться къ нему и просить взять меня съ собой. Надѣвъ шашку черезъ плечо, я въѣхалъ на полковой дворъ. Казаки группами стояли у крыльца, въ полномъ вооруженіи и держали офицерскихъ лошадей, другіе вьючили и укладывали большую калмыцкую кибитку на тутъ же лежащаго верблюда, равнодушно жевавшаго жвачку и равнодушно поглядывавшаго на суетившуюся около него толпу. Офицеры сидѣли на крыльцѣ, покуривая изъ коротенькихъ кизиловыхъ трубочекъ, въ ожиданіи похода.

— Здѣсь ли генералъ Зассъ? спросилъ я казацкаго урядника.

— Здѣсь; пожалуйте, ваше благородіе. Я былъ весь въ пыли; меня видимо приняли за какого-нибудь курьера. Войдя въ довольно большую комнату, я увидалъ моего героя, окруженнаго офицерами въ черкескахъ. Онъ былъ высокаго роста, стройный, съ открытымъ лбомъ и длинными усами; свѣтло-сѣрые глаза его такъ васъ и пронизывали насквозь. Зассъ былъ въ духѣ и громко что-то разсказывалъ окружающимъ.

Бѣлый архалукъ и свѣтлую изъ верблюжьяго сукна черкеску, совершенно простую, безъ галуновъ, стягивалъ простой черкесскій поясъ, на которомъ висѣли въ серебряной оправѣ пистолетъ, кинжалъ, жирница и другія боевыя принадлежности. Я остановился у дверей. Замѣтивъ меня, вошедшаго безъ доклада, безпорядочно одѣтаго и запыленнаго съ дороги, онъ тотчасъ же подошелъ и, ласково улыбаясь, спросилъ, что мнѣ угодно и откуда ѣду? Я былъ до того пораженъ его воинственной осанкой, что совершенно оторопѣлъ. Нерѣшительнымъ голосомъ я отвѣчалъ, что я такой-то, ѣду изъ Ставрополя въ Тамань къ десантному отряду, къ которому прикомандированъ, и имѣю честь покорнѣйше просить взять меня въ экспедицію. Генералъ, выслушавъ длинную и несвязную рѣчь мою и усмѣхнувшись, отвѣчалъ, что не имѣетъ никакого права взять съ собою офицера другаго отряда, притомъ же гвардейскаго и прибавилъ при этомъ:—„А кто вамъ, поручикъ, сказалъ, что мы ѣдемъ въ экспедицію? Я просто ѣду въ камыши на охоту, а если вы любите поохотиться на кабановъ, то милости просимъ, заѣзжайте на обратномъ пути ко мнѣ въ

„Прочный окопъ“, я радъ буду видѣть у себя и угостить охотой такого ретиваго офицера“.

Слова эти показали мнѣ всю неосновательность моей выходки. Когда, раскланявшись, совершенно сконфуженный, я хотѣлъ выйти, онъ остановилъ меня вопросомъ о здоровьѣ Вельяминова и сказалъ: „Я васъ такъ не выпущу и, покуда будутъ перепрягать вамъ лошадей, вы останетесь съ нами закусить, а тамъ проводите насъ—и съ Богомъ“.

Большой столъ уже былъ накрытъ. Покуда усаживались къ столу, подошли ко мнѣ два урядника. По первому взгляду видно было, что они изъ разжалованныхъ. Одинъ изъ нихъ, коротко остриженный, съ просѣдью, довольно полный, неловко одѣтый въ черкеску, съ усталымъ видомъ; въ чертахъ лица его были слѣды незавиднаго прошлаго; все это тотчасъ бросалось въ глаза. Онъ, подойдя, спросилъ меня: не сынъ ли я бывшаго Иркутскаго губернатора Ивана Богдановича? Я отвѣчалъ утвердительно.

— Такъ позвольте представиться, я—Нарышкинъ...

— А я—Голицынъ. Когда насъ сослали за 14-е декабря въ Сибирь, батюшка вашъ оказалъ семействамъ нашимъ столько заботливаго вниманія и добра, что благодарная память о немъ всегда будетъ жить между нами. Мы просимъ передать ему нашу глубокую признательность за все сдѣланное добро.

Эти памятныя для меня слова, эта неожиданная признательность къ отцу, тронули меня до глубины души. Когда окончился завтракъ, всѣ начали собираться въ походъ. Я вышелъ на крыльцо. Командиръ полка, маіоръ В., поспѣшно садился на коня; но лишь только сѣлъ въ сѣдло, какъ конь взвился на дыбы и, несмотря на удары ногайки, не хотѣлъ сдвинуться съ мѣста. „Это не къ добру!“ раздалось въ толпѣ. Отрядъ тронулся. Казачьи сотни уже переправились на ту сторону. Генералъ Зассъ ѣхалъ впереди, окруженный ординарцами; возлѣ него ѣхалъ гигантскаго роста черкесъ, голова котораго была завернута башлыкомъ. Это былъ лазутчикъ, вожакъ отряда. Послышалась веселая казачья пѣсня, и весь пестрый отрядъ вытянулся по извилистой дорогѣ, между холмовъ. Отсталые казаки, джигитуя, съ выстрѣлами догоняли арріергардъ. Долго стоялъ я на горѣ, долго еще слышалась удалая пѣснь казаковъ; мнѣ сдѣлалось какъ-то грустно и завидно. Впослѣдствіи я узналъ, что экспедиція не удалась. Генералъ Зассъ былъ легко раненъ въ ногу и отрядъ возвратился, не достигнувъ цѣли, съ потерею людей.

Въ путешествіи по Черноморью до Тамани не было ничего интереснаго. Кордонные посты, однообразныя станицы, камыши по сторонамъ дороги и вѣчный гулъ при закатѣ солнца отъ крика лягушекъ, стоящій въ воздухѣ какимъ-то непрерывнымъ аккордомъ...

Типъ черноморскаго казака совершенно иной, не имѣющій ничего сходнаго съ линейнымъ казакомъ. Черноморецъ, хотя рослый, красивый собой, но флегматичный и лѣнивый, не возбуждаетъ къ себѣ симпатіи, которую невольно чувствуешь къ линейцу.

Сухопутное странствованіе наконецъ кончилось прибытіемъ въ Тамань. Въ то время, т. е. въ 1838 г., полвѣка тому назадъ, Тамань была небольшимъ, невзрачнымъ городишкомъ, который состоялъ изъ одноэтажныхъ домиковъ, крытыхъ тростникомъ; нѣсколько улицъ обнесены были плетневыми заборами и каменными оградами. Кое-гдѣ устроены были палисадники и виднѣлась зелень. На улицахъ тихо и никакой жизни. Мнѣ отвели съ трудомъ квартиру, или, лучше сказать, мазанку, на высокомъ утесистомъ берегу, выходящемъ къ морю мысомъ. Мазанка эта состояла изъ двухъ половинъ, въ одной изъ коихъ я и помѣстился. Далѣе, отдѣльно, стояли плетневый, смазанный глиной, сарайчикъ и какія-то клѣтушки. Всѣ эти невзрачныя постройки обнесены были невысокой каменной оградой. Однако домикъ мой показался мнѣ привѣтливымъ: онъ былъ чисто выбѣленъ снаружи, соломенная крыша выдавалась кругомъ навѣсомъ, низенькія окна выходили съ одной стороны на небольшой дворикъ, а съ другой прямо къ морю. Подъ окнами сдѣлана была сбитая изъ глины завалина. Передъ крылечкомъ торчалъ длинный шестъ со скворешницей. Внутри все было чисто, смазанный глиняный полъ посыпанъ полынью. Вообще, какъ снаружи, такъ и внутри было привѣтливо, опрятно и прохладно. Я велѣлъ подать самоваръ и расположился на завалинкѣ. Видъ на море для меня, жителя болотъ, былъ новостью. Никогда еще не случалось мнѣ видѣть ничего подобнаго: яркіе лучи солнца, стоявшаго надъ горизонтомъ, скользили золотою чешуею по поверхности моря; далѣе синеватыя отъ набѣгающихъ тучекъ пятна то темнѣли, то снова переходили въ лазуревый колоритъ. Керченскій берегъ чуть отдѣлялся розоватой полоской и, постепенно блѣднѣя, скрывался въ лиловой дали. Бѣлыя точки косыхъ парусовъ рыбачьихъ лодокъ двигались по всему взморью, а вдали пароходы оставляли далеко за собой чер-

ную струю дыма. Я не могъ оторваться отъ этого зрѣлища. Хозяинъ мой, старый черноморецъ, усѣлся тоже на завaленкѣ.

— А что, хозяинъ, спросилъ я:—много ли пріѣхало уже офицеровъ? И гдѣ собирается отрядъ?

— Нема, никого не бачивъ.

Разспрашивать далѣе было нечего; флегматическая натура черноморца вся такъ и высказалась: его никогда не интересуютъ чужія дѣла.

— Погода буде, сказалъ онъ, помолчавъ немного.

— А почему такъ? спросилъ я.

— А бачь, птыця разыгралась, тай жабы заспивали.

Я взглянулъ внизъ съ отвѣсной горы на берегъ. Сотни большихъ морскихъ чаекъ съ крикомъ летали у берега; то садились на воду, качаясь на волнахъ, то снова подымались съ пронзительнымъ крикомъ и опять присѣдали качаться. Солнце окунулось въ море. Быстро начало смеркаться; яркіе отблески исчезли; вся даль потемнѣла, „зайчики“, катившіеся до того къ берегу другъ за другомъ, превратились въ пѣнистыя волны и, далеко забѣгая на берегъ, съ шумомъ разбивались о камни. Задулъ холодный вѣтеръ съ моря; рыбачьи лодки спѣшили къ пристани; все стемнѣло вдругъ. Послышались далекіе раскаты грома, и крупныя капли дождя зашумѣли въ воздухѣ. Надо было убираться въ хату. Долго не спалось мнѣ подъ шумъ бушующаго моря, а крупныя капли дождя стучали въ дребезжащія окна. Буря бушевала не долго; налетѣвшій шквалъ пронесся вмѣстѣ съ дождемъ и все снова стихло. Мнѣ послышалось гдѣ-то очень близко заунывное пѣніе матери, баюкавшей свое дитя, и эта протяжная заунывная пѣсня усыпила наконецъ и меня. На другой день утромъ пошелъ я въ городъ къ мѣстному начальству узнать кое-что объ отрядѣ и получить давно ожидаемыя письма. Я узналъ, что первый эшелонъ ожидается на дняхъ. Писемъ на почтѣ ко мнѣ не было,—стало быть, отвѣты писать не къ кому, а времени свободнаго оставалось довольно. Этимъ временемъ я воспользовался, чтобы прокатиться въ Керчь. На пристани нашлись товарищи, и мы отправились въ компаніи на небольшомъ пароходѣ.

Вотъ и Керчь, гдѣ на рейдѣ стояло множество купеческихъ судовъ. Надъ городомъ возвышалась гора Митридата, до половины застроенная. Какъ гнѣзда ласточекъ, лѣпились по ея скату домики съ плоскими кровлями, опу-

скаясь террасами къ низу. Нѣсколько выше виднѣлся музей—прекрасное зданіе съ колоннадами. Передъ пристанью—широкая торговая площадь; далѣе тянулись улицы съ каменными строеніями. Самыя окрестности города не имѣли ничего привлекательнаго. Песчаная мѣстность, довольно скудная растительность—вотъ и все.

Въ Керчи нашелъ я много пріѣзжихъ офицеровъ; иные даже успѣли побывать въ Одессѣ и осмотрѣть красивый южный берегъ Крыма. Ежедневно собирались мы въ большой гостиницѣ на площади, гдѣ помѣщался тогда и клубъ, знакомились между собою, а также и съ моряками, толкуя о будущемъ плаваніи и предстоящемъ десантѣ; весело проводили время, кончая день, какъ водится, хорошимъ ужиномъ и прекраснымъ крымскимъ виномъ. Градоначальникъ, князь Херхулидзе, приглашалъ насъ къ себѣ; его любезное и гостепріимное семейство старалось веселить всѣми силами посѣтителей, и даже въ честь пріѣзжихъ былъ устроенъ вечеръ, на которомъ познакомили насъ съ обществомъ. Много было красивыхъ гречанокъ и вообще вечеръ этотъ оставилъ въ насъ пріятное воспоминаніе. Дообѣденное время посвящено было осмотру города. Видъ Митридата былъ чудесный: на самомъ верху горы находится огромный камень въ видѣ гигантскаго кресла; камень этотъ и понынѣ зовется Митридатовымъ стуломъ. Отсюда Понтійскій царь осматривалъ свои полчища. Въ музеѣ заключается богатѣйшая коллекція рѣдкостей глубокой древности; мраморные саркофаги царей и царицъ, множество золотыхъ вещей и сосудовъ, и даже золотой вѣнецъ какой-то царицы съ частью прекрасно сохранившейся ея косы. Все это найдено было при раскопкахъ окрестностей и склона Митридатовой горы. Даже часть обрушившейся горы вся состояла изъ осколковъ древнихъ сосудовъ или слезницъ.

23-го апрѣля все населеніе Керчи праздновало день св. Георгія Побѣдоносца. Жители съ утра спѣшили за городъ на то самое мѣсто, гдѣ, по преданію, Георгій на своемъ бѣломъ конѣ перескочилъ съ одной скалы на другую, показывали даже слѣды копытъ его коня и камень, на которомъ онъ возлежалъ, съ оттискомъ на камнѣ его фигуры. Слѣды восковыхъ свѣчей показывали, что тутъ совершается молебствіе; у меня явилось непреодолимое желаніе лечь на этотъ же камень съ просьбою къ Побѣдоносцу благословить меня побѣдой и особымъ отличіемъ,—полученіемъ бѣленькаго крестика, составляющаго верхъ желаній каждаго изъ насъ.

Отрядъ собирался какъ-то медленно, ежедневно прибывали офицеры, но штаба еще не было. Бездѣйствіе начало тяготить насъ. Прекративъ частыя прогулки въ Керчь, я почти весь день проводилъ въ Таманп на излюбленной заваленкѣ; обѣдалъ, читалъ, пилъ чай надъ берегомъ моря въ тѣни и прохладѣ. Однажды, возвращаясь домой, я издали замѣтилъ какія-то сидящія подъ окнами моими фигуры: одна изъ нихъ была женщина съ ребенкомъ на рукахъ; другая фигура стояла передъ ней и что-то съ жаромъ разсказывала. Подойдя ближе, я пораженъ былъ красотой моей неожиданной гостьи. Это была молодая татарка лѣтъ 19-ти съ грудным татарченкомъ на рукахъ. Черты лица ея нисколько не походили на скуластый типъ татаръ, но скорѣй принадлежали къ типу чистокровному европейскому. Правильный античный профиль, большіе голубые съ черными рѣсницами глаза, роскошныя, длинныя косы спадали по плечамъ изъ-подъ бархатной шапочки; шелковый бешметъ, стянутый поясомъ, обрисовывалъ ея стройный станъ, а маленькія ножки въ желтыхъ мештахъ выглядывали изъ-подъ широкихъ складокъ шальваръ. Вообще вся она была изящна; прекрасное лицо ея выражало затаенную грусть. Собесѣдникъ ея былъ мальчикъ въ сермягѣ, босой, безъ шапки. Онъ, казалось, былъ слѣпъ, судя по бѣльмамъ на глазахъ. Все лицо его выражало смѣтливость, лукавство и смѣлость. Не смотря на бѣльма, ходилъ онъ бойко по утесистому берегу. Изъ разспросовъ я узналъ, что красавица эта жена стараго крымскаго татарина, золотыхъ дѣлъ мастера, который торгуетъ оружіемъ, и что она живетъ по сосѣдству въ маленькомъ сараѣ, на одномъ со мной дворѣ; самого же его здѣсь нѣтъ, но что онъ часто пріѣзжаетъ. Покуда я разспрашивалъ слѣпаго мальчика, сосѣдка тихо запѣла свою заунывную пѣсню, подъ звуки которой въ бурную ночь, по пріѣздѣ моемъ, заснулъ я такъ сладко. Слѣпой мальчикъ сдѣлался моимъ переводчикомъ. Всякій разъ, когда она приходила посидѣть подъ окномъ, онъ видимо слѣдилъ за ней. Мужъ красавицы, съ которымъ я познакомился впослѣдствіи, купивъ у него прекрасную шашку и кинжалъ, имѣлъ злое и лукавое лицо, говорилъ по-русски неохотно, на вопросы отвѣчалъ уклончиво; онъ скорѣе походилъ на контрабандиста, чѣмъ на серебряныхъ дѣлъ мастера. По всей вѣроятности, доставка пороха, свинца и оружія береговымъ черкесамъ была его промысломъ.

Сходство моего описанія съ поэтическимъ разсказомъ о Тамани въ „Героѣ нашего времени“, М. Ю. Лермонтова,

заставляетъ меня сдѣлать оговорку: по всей вѣроятности, мнѣ суждено было жить въ томъ же домикѣ, гдѣ жилъ и онъ; тотъ же слѣпой мальчикъ и загадочный татаринъ послужили сюжетомъ къ его повѣсти. Мнѣ даже помнится, что когда я, возвратясь, разсказывалъ въ кругу товарищей о моемъ увлеченіи сосѣдкою, то Лермонтовъ перомъ начертилъ на клочкѣ бумаги скалистый берегъ и домикъ, о которомъ я велъ рѣчь.

М. П—РЪ.

СЕМЕЙНЫЯ НЕПРІЯТНОСТИ.

Разсказъ.

Генеральша вошла въ комнату дочери съ какимъ-то особенно радостно-торжественнымъ видомъ.

— Меричка, мой другъ — сказала она тоже особеннымъ, торжественнымъ голосомъ—пріѣхалъ князь, поди къ нему, онъ хочетъ тебя видѣть.

— Ахъ, maman—проговорила она, тревожно поднимая на мать глаза—мнѣ лучше не ходить...

— Полно, полно, ma chère, почему тебѣ не ходить? Это даже невѣжливо! Вы переговорите, и все рѣшится. Неволить тебя вѣдь никто не будетъ! прибавила она немного уже сухо.

Но Меричка опустилась на стулъ и нервно сжимала себѣ руки.

— Нѣтъ, maman, я лучше не пойду! повторила она рѣшительно—что я могу сказать ему?

— Это ужь твое дѣло, что сказать! Быть можетъ, ты даже скажешь ему то, чего и сама не ожидаешь теперь! И генеральша съ лукавой улыбкой ласково потрепала дочь по щекѣ.

— Нѣтъ, maman, я знаю, что я ему отвѣчу! потому-то я и не хочу идти! Лучше вамъ самой сказать ему, что это невозможно.

— Ну не торгуйся, ma chère, не торгуйся! прервала генеральша, опять слегка морщась и принимая съ головы дочери свою руку.—Такъ не дѣлается въ подобныхъ случаяхъ. Я сказала ему, что пришлю тебя и ты должна идти. Но вотъ что, мой другъ, заговорила она вдругъ рѣшительнымъ и дѣловымъ тономъ, съ легкими нотками тревожной просьбы.—Послушай мать. Подумай, отъ какой партіи ты отказы-

ваешься. Мери, душа моя, нельзя же быть всегда упрямымъ ребенкомъ, ты потомъ ахъ какъ сожалѣть будешь! да поздно будетъ, не вернешь! Такіе женихи, мой ангелъ, какъ князь, каждый день не являются. Повѣрь мнѣ.

— Но у меня вѣдь уже есть женихъ, мама!

— Ахъ! генеральша нетерпѣливо передернула плечами— все это вздоръ, ma chère! Точно отказать нельзя!

— Но я вовсе не хочу отказывать ему! воскликнула Меричка горячо. Я люблю его, мама!

— Ну, мой другъ, это и разлюбить можно, сказала генеральша съ сердитымъ презрѣніемъ.

— Нѣтъ, мама, этого нельзя. По крайней мѣрѣ я такъ не могу. Все время любить человѣка, а потомъ взять и разлюбить только потому, что другой, богаче и знатнѣе, сдѣлалъ предложеніе! Я бы не уважала себя...

— Ахъ, мой другъ, перестань, пожалуйста. Все это только фразы и фразы однѣ. Не уважала бы себя! Скажите пожалуйста, какъ трогательно! Объ жизни, матушка, пора подумать, да позаботиться о томъ, какъ устроить ее для себя лучше, а не объ уваженіяхъ и значеніяхъ разныхъ трактаты выдумывать. Ну что твой Николай Николаевичъ, мелкопомѣстный какой-то...

— Для меня это все равно, мама. Я люблю его.

— Ахъ, Богъ мой! затвердила одно—люблю да люблю и знать ничего не хочетъ! Удивляюсь, матушка, что ты въ немъ нашла только! Не красивъ, старикъ...

— Господи, мама, да какой же онъ старикъ?

— Для тебя, мой другъ, старикъ. Ему 37, а тебѣ 18 лѣтъ— вдвое старше! Да ты сравни только его и князя. Князь молодъ, красивъ, воспитанъ, богатъ, уменъ, добръ, благороденъ, любитъ тебя...

— Николай Николаевичъ тоже любитъ меня, мама... и, полагаю, не меньше князя.

— Ну, я тамъ ужъ не знаю, кто меньше, кто больше, не мое дѣло. „Мое“ дѣло указать тебѣ истинную дорогу и устроить твое счастье! Я никогда не раздѣляла твоего пристрастія къ Николаю Николаевичу; по-моему, онъ тебѣ совсѣмъ не пара, а если раньше молчала, то только потому, что знала, какъ трудно въ нынѣшній вѣкъ выдти замужъ небогатой дѣвушкѣ, да еще въ провинціи. Но разъ, что является выборъ, и какой выборъ, ma chère, то мой прямой долгъ наставить тебя.

— Вы говорите, мама, что Николай Николаевичъ мнѣ не

пара, а я думаю, что я князю тоже совсѣмъ не пара. Ему не такую жену нужно...

— Ну, ma chère, это ужь не твое дѣло, онъ и самъ за себя подумать можетъ.

— Онъ человѣкъ свѣтскій, знатный, а я...

— А ты! Что же ты по-твоему такое! воскликнула генеральша съ негодованіемъ.—Это вотъ все либеральныя фразы вашего достойнаго Николая Николаевича! Скажи, пожалуйста, давно ты это въ мѣщанки-то приписалась? Слава Богу, отецъ твой, кажется, заслуженный генералъ, я тоже стараго дворянскаго рода, въ губерніи къ намъ всѣ относятся съ полнымъ почтеніемъ и уваженіемъ, воспитывали мы тебя какъ нельзя лучше, ничего ужь, кажется, на это не жалѣли, гувернантокъ прямо изъ Швейцаріи выписывали—такъ чѣмъ же ты это князю не пара? Ахъ, да что съ тобой разговаривать, съ тобой, матушка, вѣдь не сговоришь, вѣдь это даже неприлично, наконецъ, заставлять порядочнаго человѣка ждать столько времени въ гостиной! Вѣдь онъ не лакей! Иди, сдѣлай милость, не срами меня!

Меричка, съ привычно покорнымъ видомъ слушавшая мать, задумчиво встала съ кресла.

Генеральша съ облегченіемъ вздохнула.

— Ну, слава Богу,—подумала она—хоть выдти-то уговорила! Нѣтъ, въ наше время все это гораздо проще было. Дѣвушки сами понимали свои выгоды. А нынче имъ хоть совсѣмъ замужъ не выходить, такъ и то пожалуй не бѣда.

— Постой, постой, Меричка,—заговорила она вдругъ поспѣшно, когда дочь подошла уже къ двери—у тебя всѣ волосы растрепаны, дай-ка я поправлю.

И слегка дрожащей отъ волненія рукой, она наскоро заботливо оправляла дочери волосы и бантики на лифѣ, тревожно осматривая ее всю своимъ зоркимъ взглядомъ.

— Ну иди, Христосъ съ тобой!— сказала она, набожно крестя дочь—Христосъ съ тобой, мое дитя! И она уже хотѣла отворить предъ дочерью дверь, но вдругъ передумала, и, горячо обнявъ, заговорила поспѣшно, со слезами на глазахъ и съ страстной мольбой въ голосѣ, стараясь не задерживать дочь:

— Меричка, дитя мое, успокой ты насъ стариковъ, ты только подумай, какъ мы съ отцомъ будемъ счастливы, когда ты согласишься! Меричка, вѣдь намъ не долго жить, мы всю жизнь приносили тебѣ въ жертву, пожалѣй же и ты насъ хоть немного...

— Ахъ, мама, зачѣмъ вы такъ искушаете меня! Это нехорошо съ вашей стороны.

— Нѣтъ, мой ангелъ, это хорошо, это мой святой долгъ... Ты только подумай—князь увезетъ тебя въ Петербургъ, представитъ ко двору, введетъ въ самый аристократическій кругъ, ты будешь вездѣ путешествовать, будешь блистать, у тебя будетъ роскошный домъ, великолѣпныя лошади, брильянты, прелестныя дѣти, ангелъ мой, развѣ тебѣ не пріятно будетъ, что твоя дочь — вдругъ княжна; сынъ— князь...

Меричка, съ томительной тоской и отчаяніемъ, подняла руки, какъ бы инстинктивно защищая себя отъ этихъ соблазновъ.

— Мама, воскликнула она съ болью, зачѣмъ, зачѣмъ вы мнѣ говорите все это, это нехорошо, мама, это нечестно. Ну пустите же! Вѣдь онъ же ждетъ!

— Иди, иди, мой другъ, мое дитя милое, и да вразумитъ тебя Господь! иди, моя дорогая! И наскоро перекрестивъ дочь еще разъ, генеральша сама растворила предъ ней дверь въ сосѣднюю комнату, и Меричка вышла, притворивъ за собой дверь, а генеральша отерла себѣ глаза, но слезы опять набѣжали на нихъ.

— О Господи, Господи, будь милосердъ, вразуми ее глупую! Тутъ ничего не услышишь, думала она, волнуясь и не зная, остаться ли ей здѣсь дожидаться окончанія дѣла, или идти въ столовую, изъ которой можно было все подслушать.

Пойти развѣ туда? Нѣтъ ужь лучше здѣсь останусь— еще замѣтитъ пожалуй... неловко. Господи, Господи, образумь ее и настави... И какія онѣ нынче всѣ мудреныя стали, не разберешь даже... Нѣтъ, какъ можно ихъ съ нами сравнить—мы куда умнѣе были... И съ тревожной тоской и надеждой, генеральша опустилась на ближайшее къ двери кресло и, безпокойно вздыхая и сморкаясь, то снова начинала мысленно молиться, то наклонялась къ самой щелочкѣ въ двери, стараясь хоть отсюда прислушаться, не слышно ли, что говорятъ въ гостиной Мери съ княземъ.

Меричка быстро прошла чрезъ столовую и вошла въ гостиную, гдѣ ждалъ ее князь. Когда она показалась въ дверяхъ, князь поспѣшно поднялся навстрѣчу къ ней, и хотя Мери не глядѣла на него, но она невольно чувствовала такое томительное ожиданіе въ лицѣ его, что ей стало ужасно жаль его, и она смутилась еще больше.

Съ робкой улыбкой она протянула ему свою холодную руку, чувствуя въ то время, какъ онъ горячо ее сжималъ; что онъ глядитъ на нее и съ тревогой, и съ надеждой, и со страхомъ, какъ бы силясь по ея лицу прочесть ея отвѣтъ.

Тогда она молча подняла на него глаза, и выраженіе въ нихъ было такое виноватое и страдающее, что онъ невольно понялъ ее, и рука его, такъ горячо сжимавшая ея руку, дрогнула и опустилась.

Мери чувствовала, что онъ понялъ все, и что объясненіе ихъ въ сущности кончено и прибавить къ нему словами почти уже нечего, но кончить его такъ странно и молча было всетаки же нельзя и она сознавала, что нужно что-нибудь сказать и не знала, что... Но онъ самъ помогъ ей.

— Ваше лицо не предсказываетъ мнѣ ничего добраго— сказалъ онъ, смотря на нее грустнымъ пытливымъ взглядомъ, но въ голосѣ его при этихъ словахъ все еще звучала та робкая, но настойчивая надежда влюбленнаго человѣка, который не можетъ сразу отрѣшиться отъ всѣхъ своихъ радостныхъ грёзъ и желаній.

— Да, князь, сказала она тихо, это правда...

— Онъ слегка вздохнулъ, какъ будто бы наперекоръ своимъ словамъ не ожидалъ отъ нея такого отвѣта.

— Правда... повторилъ онъ за ней. Нѣсколько мгновеній, казавшихся ей страшно долгими, они молча стояли другъ противъ друга, и на вискѣ его поблѣднѣвшаго лба билась какая-то жилка. Но чрезъ минуту онъ поднялъ голову, и взглядъ его слегка оживился.

— Я знаю, заговорилъ онъ нервно, что больше я не долженъ бы былъ ни о чемъ васъ спрашивать... Но... но, быть можетъ, вы скажете мнѣ причину... быть можетъ, я могу еще надѣяться... быть можетъ, когда-нибудь вы... передумаете... И снова взявъ ея руки и горячо сжимая ихъ, онъ смотрѣлъ ей прямо въ глаза съ ожившей на мгновеніе надеждой.

Она тихо покачала головой и отвела отъ него свои руки.

— Нѣтъ, князь, сказала она грустно—я не могу передумать! Я уже дала слово... другому...

— А... онъ молча, съ невольнымъ страданіемъ въ лицѣ, которое онъ застѣнчиво хотѣлъ скрыть, отвернулся отъ нея, и жилка на вискѣ его забилась чаще и сильнѣе.

Она машинально смотрѣла на эту бьющуюся жилку и на его красивый профиль съ тонкимъ прямымъ носомъ и

темными волосами на лбу, и ей было мучительно жаль его. Она знала, что еслибы онъ пріѣхалъ раньше, когда она не успѣла еще полюбить Николая Николаевича и дать ему слово, что она съ радостью позволила бы себѣ любить этого милаго, добраго, красиваго князя и была бы счастлива, когда онъ предложилъ бы ей сдѣлаться его женой и раздѣлить съ нимъ всю такую пріятную и невольно завлекающую жизнь. Тогда полюбить его ей было бы такъ легко, еслибы она только дала себѣ волю. Но тогда этого не случилось, а *теперь* она не желала давать себѣ эту волю, которая могла бы разбить жизнь Николая Николаевича. Напротивъ теперь, когда ея мать стала къ нему такъ несправедлива и всѣ, не думая объ немъ и объ его страданіяхъ, старались заставить ее разлюбить его, она относилась къ нему еще нѣжнѣе. За это страданіе и обиды, которыя онъ выносилъ изъ-за нея, она полюбила его еще горячѣе и еще упорнѣе рѣшилась сдѣлаться его женой и не измѣнить ему несмотря ни на что. И всетаки же въ эту минуту, когда она окончательно должна была отказать князю, ей было почему-то грустно и чего-то жаль...

Они стояли молча, не глядя другъ на друга, думая каждый свои невеселыя думы и какъ будто безсознательно медля навсегда разстаться. Князь, о чемъ-то задумавшись, печально глядѣлъ въ открытое окно и, казалось, забылъ, что они все уже сказали другъ другу и ему остается только уйти. И, стоя подлѣ него, Мери удивлялась, отчего онъ такой красивый, умный, знатный, „идеальный женихъ“, какъ называла его генеральша, полюбилъ именно ее, такую неинтересную, самую обыкновенную дѣвушку, тогда какъ въ него была влюблена Мери Яблонская, считавшаяся первой красавицей въ губерніи! Да и не одна Мери Яблонская, всѣ дѣвушки и женщины бѣгали здѣсь за нимъ, а онъ выбралъ вдругъ ее, маленькую и невзрачную, у которой даже и поклонниковъ никогда не было. И отчего она, въ свою очередь, изъ всѣхъ, кого она знала, молодыхъ, умныхъ и красивыхъ, полюбила Николая Николаевича, совсѣмъ не блестящаго, ничѣмъ не выдающагося и даже некрасиваго! И отчего это всегда, большей частью, случается такъ странно!..

Но въ эту минуту князь, проведя рукой по лбу, вдругъ точно очнулся отъ своей задумчивости.

— Да, сказалъ онъ съ легкимъ вздохомъ,—я мечталъ о большомъ счастьѣ... но... значитъ оно не суждено мнѣ. Что дѣлать!.. прибавилъ онъ съ грустной, натянутой улыбкой.— И такъ, мнѣ остается только проститься съ вами и пожe-

лать хоть вамъ того счастья, о которомъ я мечталъ для себя...

Онъ пожалъ ея руку нѣжно, но уже не такъ горячо, какъ въ ту минуту, когда она только-что вошла и онъ такъ радостно бросился ей навстрѣчу.

— Богъ дастъ, сказала она съ смущенно застѣнчивой лаской, отвѣчая на его пожатіе и поднимая на него виновные глаза, — вы скоро разлюбите меня... Когда вы уѣдете, вы убѣдитесь, что во мнѣ не было ничего хорошаго, что вамъ только такъ казалось. Быть можетъ, вы скоро встрѣтите другую, гораздо болѣе меня достойную вашей любви, дѣвушку, которая будетъ гораздо лучше меня. И я увѣрена, я знаю, что она полюбитъ васъ, — васъ очень легко полюбить.

— Все это очень печальныя утѣшенія для меня, сказалъ онъ съ той грустной насмѣшливой улыбкой, съ которой взрослые смотрятъ на маленькихъ дѣтей, когда тѣ наивными ласками и обѣщаніями стараются утѣшить ихъ въ какомъ-нибудь горѣ. И въ эту же минуту Мери невольно подумала, что это дѣйствительно плохое утѣшеніе, потому что еслибы ея Николай Николаевичъ вдругъ разлюбилъ бы ее и женился бы на другой, то ее не могло бы утѣшить то сознаніе, что онъ не красивъ и не блестящъ и что, быть можетъ, явится на его мѣсто кто-нибудь другой, кто также полюбитъ ее.

Но всетаки же она хотѣла хоть какъ-нибудь утѣшить его—любя сама, она такъ живо понимала его горе, и это горе мучило ее тѣмъ болѣе, что она сама была въ немъ виновата.

— Я не зайду проститься къ вашей мамѣ и отцу, будьте добры, передайте имъ мое извиненіе и пожеланіе всего лучшаго. Вѣроятно, мнѣ уже не придется увидѣться съ ними скоро. Я уѣзжаю завтра въ Петербургъ!

— Завтра?.. Она слегка покраснѣла, и ей стало вдругъ жаль, что князь такъ скоро уѣзжаетъ и, въ то же время, это почему-то обрадовало ее.

Когда онъ еще разъ крѣпко поцѣловалъ на прощанье ея руку и вышелъ, Мери осталась посреди комнаты, задумчиво смотря ему вслѣдъ. Она знала, что сейчасъ войдетъ генеральша, узнаетъ, что все кончено и страшно разсердится не только на нее, но и на Николая Николаевича и даже на бѣднаго генерала: она почему-то всегда, на кого бы ни сердилась, сердилась за одно ужь и на него. И это предстоящее объясненіе тревожило и пугало Мери тѣмъ обычнымъ стра-

хомъ, который она еще съ дѣтства привыкла чувствовать къ матери, въ случаяхъ какихъ-нибудь провинностей.

И дѣйствительно, какъ только въ передней закрылась за княземъ дверь, генеральша осторожно просунула голову въ своемъ нарядномъ чепцѣ съ лиловыми лентами и, увидѣвъ, что Мери одна, поспѣшно вошла.

— Ну, что? спросила она тревожно, вглядываясь безпокойно въ лицо дочери, и вдругъ въ какомъ-то отчаяніи взмахнула руками и заплакала.

— Богъ съ тобой! Богъ съ тобой! вскрикнула она съ истерическимъ уже упрекомъ. — Ты всегда, всегда была эгоисткой, никогда насъ не жалѣла, не думала объ насъ. Богъ съ тобой! Отнынѣ я тебѣ ничего не скажу, живи какъ знаешь, выходи за своего бирюка, хорони себя въ деревнѣ, паси, матушка, коровъ, коли тебѣ это нравится! Будь, будь, милая, коровницей, коли не захотѣла быть княгиней! Мы-то ее наряжали, мы-то ее няньчили, изъ послѣднихъ денегъ сотни на ея воспитаніе да туалеты выбрасывали, во всемъ себѣ отказывали, всю жизнь ей въ жертву приносили! А она, вотъ вамъ благодарность, милые родители, за всѣ ваши труды и попеченія! Вотъ она вамъ!

— О, мама! воскликнула Мери жалобно, съ глазами, полными слезъ.

— Ахъ! оставь, матушка, сдѣлай милость, не притворяйся! Всѣхъ на своего бирюка промѣняла, подумаешь, сокровище какое нашла! Нигилистъ проклятый!

Глаза Мерички вспыхнули, и голосъ задрожалъ негодованіемъ.

— Когда не было князя, вы сами, мама, желали этого брака. Зачѣмъ же вы браните его, что онъ вамъ сдѣлалъ, мама?

— Слышите! что онъ мнѣ сдѣлалъ? Дочь отнялъ, сударыня, дочь! Что сдѣлалъ! Богъ тебѣ судья, Богъ, Онъ тебя еще накажетъ! Увидишь, какое сокровище пріобрѣла! Погоди, матушка, еще наплачешься, онъ тебя къ рукамъ-то приберетъ, помучаешься съ нимъ довольно! И такъ тебѣ и нужно будетъ! Сама выбирала, сама въ пропасть кидалась, такъ и наслаждайся и радуйся, но меня, милая, прошу ужь не упрекать, я заранѣе во всемъ, что бы ни случилось, руки умываю. Желаешь своего бирюка—бери, никто больше не препятствуетъ, желаешь съ нимъ коровъ пасти — паси, милая, паси, сдѣлай милость, наслаждайся, матушка! Ахъ ты, княгиня! Да и князь-то твой глупъ, какъ я погляжу,

было чѣмъ плѣняться, лучшаго ничего не нашелъ! О, дура! Покаешься, матушка, покаешься, да поздно будетъ!

И, сильно хлопнувъ дверью, генеральша, вся красная и задыхающаяся отъ волненія, вышла изъ комнаты, бросивъ на дочь послѣдній, уничтожающій взглядъ.

Меричка, съ дрожащимъ подбородкомъ и потемнѣвшими глазами, осталась на своемъ мѣстѣ, молча выдержавъ потокъ материнскаго негодованія.

Сначала она была смущена, чувствуя свою вину передъ матерью, и когда та заплакала, то она хотѣла броситься къ ней на шею и, цѣлуя ея руки, просить у нея прощенія за то, что такъ огорчила ее, но когда генеральша въ своихъ оскорбленіяхъ задѣла Николая Николаевича, что было для Мерички гораздо чувствительнѣе и больнѣе, чѣмъ оскорбленія лично ей, слезы ея высохли, и желаніе цѣловать мать и просить у нея прощенія пропало. И даже бѣдный князь, поднимавшій раньше въ душѣ ея какую-то глубокую нѣжную жалость, сдѣлался ей вдругъ непріятенъ, какъ виновникъ всѣхъ оскорбленій Николаю Николаевичу, и она невольно чувствовала, что теперь уже ничто въ мірѣ не заставитъ ее отречься отъ него и что съ этой минуты онъ сдѣлался ей дороже и милѣе, чѣмъ когда-либо и чѣмъ кто-либо на всемъ свѣтѣ.

Какъ только дверь съ громомъ захлопнулась за генеральшей, отворилась противоположная дверь, и на порогѣ показался генералъ, въ своей старенькой военной тужуркѣ, съ замаслившимися красными отворотами и съ короткой трубкой-носогрѣйкой, какъ называлъ ее генералъ, въ зубахъ, подъ сѣдыми, порыжѣвшими и прокоптившимися отъ табаку усами.

Генералъ имѣлъ привычку всегда отдыхать послѣ обѣда часика два, но крикъ разбудилъ его на этотъ разъ нѣсколько ранѣе, и онъ осторожно, стараясь не попасться на глаза раздраженной жены, вышелъ узнать, что случилось.

Генералъ всегда чувствовалъ себя не совсѣмъ покойно, когда генеральша сердилась, и предпочиталъ въ это время или тихонько сидѣть у себя въ кабинетѣ, перелистывая газеты или еще тише уходить совсѣмъ изъ дома, но любопытство, къ которому генералъ былъ нѣсколько склоненъ, нерѣдко увлекало его и подвергало порой даже разнымъ маленькимъ непріятностямъ, заставивъ его не во-время показаться на глаза генеральшѣ.

— На кого мама сердится? спросилъ онъ шепотомъ, увидѣвъ дочь.

Мери обернулась къ нему и разомъ увидѣла всю его невысокую, но плотную фигурку съ бѣленькимъ Георгіемъ въ петличкѣ старой тужурки и его полныя, красныя, бритыя щеки, всегда коловшія ее, когда она цѣловала его, и добрые, выпуклые голубые глаза, и милую круглую лысину, въ которую она почему-то особенно любила цѣловать его, и вдругъ чувство глубокой нѣжности и любви къ нему сильнѣе обхватило ее, горечь материнскихъ обидъ почувствовалась еще больнѣй, и она бросилась къ нему на шею и горько заплакала, какъ часто, бывало, случалось ей это еще въ дѣтствѣ, когда послѣ какого-нибудь наказанія она убѣгала къ нему и плакала, прижимаясь къ его щекѣ и пряча свое личико въ этой же самой, такъ хорошо знакомой ей старой тужуркѣ, безъ которой она почти не могла себѣ его представить и которая даже пахла также, какъ и онъ, прокопченнымъ запахомъ жуковскаго табаку.

— Ну, ну, ну,—сказалъ смутившійся при видѣ дочернихъ слезъ генералъ—видно досталось-то намъ самимъ? И онъ нѣжно погладилъ ее по мягкимъ гладко причесаннымъ волосамъ.

— Пойдемте, папа! сказала Мери, увлекая отца изъ гостиной въ болѣе безопасный кабинетъ его.

— Папа, сказала она тихо, вдругъ остановившись предъ нимъ и смотря ему прямо въ его добрые глаза.—Сейчасъ пріѣзжалъ князь и сдѣлалъ мнѣ предложеніе!

— А! генералъ одобрительно крякнулъ, и лицо его просвѣтлѣло счастливой, добродушной улыбкой.

— Но я ему отказала, папа!

— Гм..., лицо генерала слегка померкло, и онъ неодобрительно покачалъ головой.

Мери пытливыми глазами смотрѣла на него, и когда онъ неодобрительно покачалъ головой, она ярко вспыхнула вдругъ съ горячимъ негодованіемъ.

— Папа, неужели же и вы будете говорить то же, что и мама? Но вѣдь я же невѣста другаго, вѣдь я же люблю Николая Николаевича, вѣдь я же раньше еще дала ему слово. Развѣ вы это забыли?

Генералъ дѣйствительно не то, чтобы забылъ, но какъ-то упустилъ изъ виду этотъ фактъ. Николай Николаевичъ уже болѣе мѣсяца былъ въ деревнѣ, подготовляя тамъ все къ новому хозяйству, а князь послѣднее время бывалъ у нихъ почти каждый день. Всѣ разговоры о Николаѣ Николаевичѣ какъ-то неохотно заминались, тогда какъ князь служилъ въ нихъ самой интересной темой, и генеральша такъ го-

рячо мечтала о томъ, чтобы князь сдѣлалъ предложеніе Мери, что и самъ генералъ началъ также мечтать объ этомъ довольно усердно. Онъ очень любилъ дочь и желалъ для нея всего самаго лучшаго, а князь, и по его мнѣнію, былъ партія самая лучшая, какую только они могли желать для дочери. И потому ему было бы чрезвычайно пріятно, еслибы она вышла за него. Но если она сама этого не хотѣла, то и генералъ переставалъ желать этого, а если они съ Николаемъ Николаевичемъ любили другъ друга и желали жениться, то и генералъ тоже отъ души желалъ того же, тѣмъ болѣе, что съ Николаемъ Николаевичемъ они были уже старинные знакомые, и къ нему онъ давно уже привыкъ и чувствовалъ себя даже гораздо свободнѣе и пріятнѣе, чѣмъ съ свѣтскимъ княземъ, невольно какъ-то стѣснявшимъ его.

— Ну такъ и отлично, дѣвчурка, сказалъ онъ успокоительно, разомъ рѣшивъ, что и Николай Николаевичъ въ сущности прекрасный человѣкъ, отличный хозяинъ и какъ женихъ совсѣмъ не плохъ.—Кого любишь, за того и иди, мы неволить не будемъ, это твое дѣло, дѣвчурка, тебѣ жить придется, а не намъ—мы старики свое ужь отжили, теперь на тебя порадуемся!

— Папа, сказала Мери, кладя ему на шею руки и съ какимъ-то строгимъ выраженіемъ въ своихъ мягкихъ лучистыхъ глазахъ.

— Скажите мнѣ, что я поступила такъ, какъ слѣдуетъ, что вы это одобряете, и что вамъ было бы непріятно, еслибы я поступила иначе! Скажите мнѣ это, папа!—И она пытливо, какъ будто боясь, что онъ думаетъ не совсѣмъ такъ, какъ онъ, по ея мнѣнію, долженъ былъ думать, глядѣла въ его доброе лицо, точно силясь по немъ прочесть всѣ его мысли и чувства.

Но отецъ понялъ ее и крѣпко поцѣловалъ ее, прижавъ къ себѣ.

— Такъ, такъ, дѣвчурка, ты у меня хорошій человѣкъ.

Генералъ былъ не мастеръ говорить, особенно въ торжественныхъ случаяхъ, но въ глазахъ его, добрыхъ и ясныхъ, Мери прочла всѣ его мысли и нашла, что онъ думаетъ объ этомъ дѣлѣ и именно такъ, какъ и нужно было думать, что онъ доволенъ ею и что они такъ горячо и нѣжно любятъ другъ друга.

Тогда она чему-то весело разсмѣялась сквозь стоявшія еще въ глазахъ ея слезы и нѣжно обняла его, и они крѣпко поцѣловались, счастливые и довольные другъ другомъ.

Гдѣ-то вдалекѣ послышался раздраженный голосъ генеральши.

Они безпокойно взглянули другъ на друга, и генералъ вдругъ сталъ торопливо разстегивать свою тужурку.

— Гдѣ мой сюртукъ, Машенька, дай-ка мнѣ его, милая.

Ей вдругъ стало страшно остаться безъ него „теперь“, и она взглянула на него просящими глазами.

— Развѣ вы уйдете, папа?

— Да, душенька, ненадолго, такъ пройтись немножко, да кстати ужъ и къ Ивану Петровичу зайду на минуточку.

Но Мери уже знала, что значитъ „эта минуточка“ у Ивана Петровича, тамъ они засядутъ въ карты, и генералъ вернется только часамъ къ 12 ночи.

Она нерѣшительно, какъ бы все еще надѣясь, что отецъ не уйдетъ и не оставитъ ее одну съ разсерженной матерью, печально подавала ему его сюртукъ, но генералъ старался не глядѣть въ лицо дочери, чувствуя предъ ней свое маленькое преступленіе, и поспѣшно натягивалъ съ ея помощью сюртукъ.

Въ душѣ онъ былъ смущенъ и колебался уйти или не уйти. Съ одной стороны ему было жаль дочку и немножко совѣстно предъ ней, но, съ другой стороны, онъ зналъ, что если не уйдетъ во-время, то сейчасъ явится генеральша, которая всегда, когда сердилась на кого-нибудь, то сердилась за одно ужъ и на генерала, начнетъ жаловаться, плакать, кричать, обвинять его въ трусости и безхарактерности, требовать, чтобы онъ сдѣлалъ дочери хорошее внушеніе и подѣйствовалъ бы на нее своей родительской властью, и онъ очутится между двухъ огней. Не разъ приходилось генералу за его долгую боевую жизнь быть подъ страшнымъ непріятельскимъ огнемъ, и никогда мужество и присутствіе духа не оставляли его тогда, но тѣмъ не менѣе генеральша, когда сердилась на него, всегда презрительно называла его трусомъ—и была отчасти права.

И, смотря, какъ онъ съ сконфуженнымъ, покраснѣвшимъ еще больше лицомъ, торопливо застегивалъ сюртукъ, Мери думала все это, и ей вдругъ стало ужасно жаль его, и новый приливъ нѣжности и любви къ нему опять наполнили ее.

Пускай лучше мать бранитъ одну ее, она не такъ боится! И съ доброй, веселой улыбкой она подала ему его фуражку и сама тихо и осторожно проводила его въ переднюю, поцѣловавъ его въ послѣдній разъ крѣпкимъ беззвучнымъ поцѣлуемъ...

Затворивъ за нимъ дверь, она опять побѣжала въ гости-

ную, распахнула окно, сѣла на подоконникъ и стала глядѣть въ слѣдъ удалявшемуся отцу, весело кивая и улыбаясь ему издали.

Послѣдніе лучи солнца гасли въ розовыхъ, разбросанныхъ по всему небу, облакахъ и кидали нѣжный отсвѣтъ въ темную гостиную.

Вся улица, тонувшая въ садахъ, была залита ихъ лучами, и деревья со свѣжей, только-что распустившейся зеленью, рдѣли на солнцѣ своими позлащенными верхушками.

Дѣвушка, жадно вдыхая грудью свѣжій воздухъ, глядѣла на эти розовые лучи, и какое-то тихое радостное чувство обхватывало ея душу...

— Ничего, все обойдется... вотъ скоро пріѣдетъ женихъ... мама посердится, посердится, а потомъ перестанетъ, она добрая... онѣ опять помирятся... О милый, милый, какъ она его любитъ... какъ любитъ, и папа милый, и мама милая, и всѣ, всѣ — весь свѣтъ милый; и все дурное пройдетъ, останется одно хорошее...

И съ свѣтлой вѣрой молодости она улыбалась счастливою, радостной улыбкой и удаляющейся фигурѣ отца, и молодой зелени на деревьяхъ, и розовымъ облакамъ на небѣ, и своимъ мечтамъ, и жизни, и счастью, и любви, которыя только-что начинались для нея...

М. КРЕСТОВСКАЯ.

Апрѣль
1888 года.

Въ хвойномъ лѣсу.

I.

Лѣсъ, какъ бы кадильнымъ дымомъ,
Весь пропахнувшій смолой,
Дышетъ гнилью вѣковою
И весною молодой.

А смолу, какъ слезы точитъ
Сосенъ старая кора,
Вся въ царапинахъ и ранахъ
Отъ ножа и топора.

Смолянистымъ и цѣлебнымъ
Ароматомъ этихъ ранъ
Я люблю дышать всей грудью
Въ теплый утренній туманъ.

Вѣдь и я былъ также раненъ—
Раненъ сердцемъ и душой,
И дышу такой же гнилью
И такою же весной...

II.

Какъ загадочны и темны
Откровенья Божества!—

Отягчаемая снами
Съ грустью никнетъ голова.

Свищутъ ли, поютъ ли птицы:
Соловьи, чижи, скворцы...
—Для чего имъ нужны гнѣзда
И безкрылые птенцы?!

Или вѣчно будетъ лѣто?
Иль суровая зима
Не зароетъ въ комья снѣга
Ихъ воздушные дома?!

Муравьи ль у ногъ подъ елью
Копошатся и снуютъ—
Геніальная постройка!
—Но къ чему весь этотъ трудъ?!

Или я надъ этой кучей
Не властитель? Захочу—
И плоды труда ихъ мигомъ
Запалю иль размечу...

Иль осенній поздній ливень
Этой кучи не зальётъ,
Чтобъ подъ солнцемъ, на морозѣ,
Засверкалъ надъ нею лёдъ?

Но къ чему такія рѣчи!
Всё, что любитъ и живётъ,
Безъ конца творитъ и любитъ;
Всё безплодно, что гнетётъ...

Цѣль темна—люби безъ цѣли,
Защищайся безъ вражды,
И не жди въ минуту счастья
Ни разгрома, ни нужды.

III.

Снизойди я въ муравейникъ—
Превратись я въ муравья,
Я бы сталъ у нихъ пророкомъ—
Всё бы имъ повѣдалъ я:

Что въ лѣсу и что за лѣсомъ,
Что творится въ городахъ
И какія пышутъ звѣзды
Въ необъятныхъ небесахъ...

Какъ желѣзными путями
Опоясанъ шаръ земли,
И какіе въ синемъ морѣ
Дымъ пускаютъ корабли...

Я бы могъ развить умы ихъ...
Но мозгами шевеля,
Муравьи глаголъ мой примутъ
За фантазію враля.

Отъ неслыханныхъ вѣщаній
Взбудоражится ихъ рой,
Въ муравьиномъ государствѣ
На меня поднимутъ вой.

Нѣтъ, ужь лучше невидимкой
Быть для нихъ и не желать
Человѣческою правдой
Ихъ мутить и раздражать.

Вѣдь и я бъ не понялъ явныхъ
Откровеній Божества...
Отягчаемая снами
Съ грустью никнетъ голова.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

Ф ж. д.
Райвола 1888.

ОЧЕРКИ ПАЛЕСТИНЫ. [1]

III.

Храмъ Соломоновъ.

Изъ воротъ Небъ-Дауда нужно пробраться по узкимъ улочкамъ старинныхъ армянскихъ и еврейскихъ кварталовъ Іерусалима, чтобы спуститься съ горы Сіонской на другую, тоже издревле прославленную гору Моріа, гдѣ стоялъ нѣкогда храмъ Соломоновъ.

Зрѣлище еврейской жизни, кишащей нищетой и многолюдствомъ, одна изъ самыхъ характерныхъ картинъ современнаго Іерусалима.

Мы обогнули верхами полукружіе Сіонскаго ската надъ Гигономъ и надъ Геенною и очутились теперь въ пологомъ провалѣ, составлявшемъ устье лощины, издревле раздѣлявшей Сіонъ отъ Моріа, городъ Давида отъ города Соломона.

Типическіе старинные дома туземцевъ евреевъ, эти почти слѣпыя четырехугольныя башни, съ уступами, въ одно, въ два окна, представляли собою удивительно подходящую библейскую рамку этой библейской долины. Въ дни славы Израиля тутъ были дома левитовъ и священниковъ, оберегавшихъ храмъ Соломоновъ.

Напротивъ, черезъ провалы, на эти замшившіеся останки задавленнаго еврейства глядятъ торжествующія стѣны турецкаго Гарама, сверкаютъ своими мраморами ненавистные Израилю купола и минареты мусульманскаго святилища...

„Лощина Сырныхъ торговцевъ“ когда-то соединена была съ Моріа великолѣпными каменными лѣстницами, крытыми ходами и большимъ мостомъ „Ксиксомъ“ вокругъ котораго кипѣла вся многообразная торговля іудейской столицы. А

[1]) См. Р. В. Августъ, кн. VIII, 1888 г.

при выходѣ лощины въ Генномскую долину разстилались роскошные „царскіе сады“, орошаемые водоемомъ Силомскимъ.

Теперь лощина эта тоже вся заросла. Но это уже не садъ, а цѣлый лѣсъ одичавшихъ кактусовъ, сквозь уродливыя колючія лапы которыхъ трудно пробраться даже кошкѣ.

Сквозь сѣти вьющихся уличекъ, мы очутились вдругъ въ такомъ глубокомъ и тѣсномъ переулкѣ, что показалось, будто мы въѣхали въ крѣпостной ровъ. Дѣйствительно, это скорѣе ровъ, чѣмъ улица. Одна сторона его—высокое подножіе скалы Моріа, одѣтое камнями громадной величины. Напротивъ этой глухой стѣны, тѣсно сплоченные ряды безъоконныхъ домовъ—башень фанатическихъ Могребиновъ.

Непонятный вой и стонъ стояли въ спертомъ воздухѣ этой улицы-рва, и на фонѣ его плачущіе голоса выводили свои визгливыя причитанія, перебивавшія другъ друга и путавшіяся въ какой-то кошачій концертъ. Толпы евреевъ и евреекъ, въ своихъ молитвенныхъ одеждахъ, старухи, мальчишки, дѣвочки, грязныя и босоногія, и сѣдые старики важнаго вида съ строгими глазами въ очкахъ и древними книжками въ рукахъ, наполняли этотъ закоулокъ—неимѣвшій выхода; всѣ стояли, приникнувъ головой къ замшившимся камнямъ Моріа и съ страстнымъ увлеченіемъ возсылали молитвы обожанія къ подножію своего сокрушеннаго храма...

Болѣе тысячедѣтія еврею былъ воспрещенъ подъ страхомъ смерти входъ въ завѣтные предѣлы Гарама, сіяющаго на верху этого подножія, на террасахъ и развалинахъ великаго храма Соломонова. Да и теперь они не осмѣливаются воспользоваться дозволеніемъ входа, боясь оскорбить прахомъ нечистыхъ ногъ священную почву Святая-Святыхъ.

Еще въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія даже христіане, подданные побѣдоносныхъ европейскихъ государствъ, казнились смертію, если осмѣливались переступить заповѣдныя ворота Гарама.

Посланники могущественныхъ христіанскихъ державъ, путешествующіе принцы, знатные туристы, подобные Шатобріану, должны были ограничиваться лицезрѣніемъ издали изъ оконъ дома Пилата — великой мусульманской святыни.

Нашъ Муравьевъ посѣтилъ Іерусалимъ еще позднѣе, въ 30-мъ году, сейчасъ послѣ сокрушительныхъ русскихъ побѣдъ надъ Портою Оттоманскою, и всетаки могъ видѣть

Эль-Гарамъ только издали, съ обрушенной колокольни св. Іоакима и Анны. За нѣсколько лѣтъ передъ нимъ турки казнили смертію смѣлаго грека, который тайно проникнулъ въ мечеть Омара и отказался принять исламъ.

Плачъ евреевъ у подножія разрушеннаго храма Соломонова начался еще съ римскихъ временъ. По словамъ св. Іеронима, когда Іерусалимъ уже былъ обращенъ въ Элію Адріанову, и самое имя его забыто народами, евреи со всѣхъ концовъ міра собирались на свое древнее пепелище и цѣною золота добивались позволенія „плакать на развалинахъ храма“...

„Избранному народу Божію“, признававшему когда-то человѣкомъ только еврея, презиравшему какъ нечистую тварь, всѣ племена и народы, не познавшіе закона Моисеева, теперь, будто въ насмѣшку, достался смиренный удѣлъ лобызать во рву подножіе турецкой мечети и видѣть торжество Христа въ томъ самомъ городѣ фарисеевъ и первосвященниковъ, который казнилъ Его, какъ разбойника, въ обществѣ разбойниковъ.

Насмотрѣвшись на это оригинальное, чисто іерусалимское зрѣлище, и наслушавшись этого израильскаго плача „на рѣкахъ Вавилонскихъ“, мы спѣшили къ воротамъ Гарама, у которыхъ насъ давно поджидалъ консульскій кавасъ и турецкій жандармъ отъ паши іерусалимскаго.

Мусульмане все еще никакъ не привыкнутъ къ завоеванному европейцами праву. Хотя мы выхлопотали отъ паши разрѣшительную бумагу съ казенной печатью, которую напоказъ торжественно держалъ впереди себя турецкій жандармъ, хотя нами предводительствовалъ этотъ несомнѣнный мусульманскій стражъ, а шествіе наше замыкалъ внушительнаго вида консульскій кавасъ въ расшитой одеждѣ и дорогихъ оружіяхъ, съ двухглавымъ серебрянымъ орломъ всероссійскаго герба на груди, то-есть дипломатическій чинъ своего рода,—однако турецкій караулъ съ мрачнымъ недовольствомъ и очень медленно пріотворялъ намъ тяжелыя ворота Гарама. Подозрительнаго настроенія была и арабская толпа, стоявшая у воротъ, неодобрительно хмурившаяся на это наглое попираніе „собаками-московами“ тысячелѣтнихъ заповѣдей ислама. Къ счастью, мы не понимали точнаго смысла того враждебнаго ворчанья, которымъ провожали

наше шествіе, будто лежавшіе у воротъ сторожевые псы своимъ рычаньемъ, толпившіеся тутъ мусульмане.

Однако и турецкій стражъ, и консульскій кавасъ, и нѣмецкій драгоманъ—всѣ почувствовали себя не совсѣмъ ловко, когда наконецъ захлопнулось за нами желѣзное полотнище воротъ и мы очутились одни среди священныхъ пустырей Гарама. Всѣхъ болѣе, кажется, чувствовалъ это путеводитель мусульманинъ, исполнявшій грѣховный приказъ своего начальника.

Нѣсколько величественныхъ сѣдыхъ муллъ въ зеленыхъ чалмахъ, прогуливавшихся въ разныхъ мѣстахъ по мраморнымъ помостамъ, остановились какъ окаменѣлые и съ враждебнымъ вниманіемъ слѣдили за нашимъ робкимъ приближеніемъ къ притворамъ мечети, безмолвно протестуя противъ нашего святотатства всѣмъ своимъ изумленнымъ и негодующимъ видомъ.

Огромный дворъ Гарама, окруженный съ востока и юга крѣпостными стѣнами, отдѣленъ отъ города съ остальныхъ сторонъ обрывами и сплошными строеніями.

При Муравьевѣ тутъ былъ зеленый лугъ, по которому были разбросаны пальмы и кипарисы, но теперь деревьевъ осталось очень мало, и дворъ имѣетъ видъ вымощенной площадки. Это та самая площадка горы Моріа, которую царь Давидъ купилъ у Іевусея Орны, по слову пророка Гада, чтобы избавить Іерусалимъ отъ моровой язвы. „И пришелъ въ тотъ день Гадъ къ Давиду и сказалъ: „Иди, поставь жертвенникъ Господу на гумнѣ Орны Іевусеянина“. „И купилъ Давидъ гумно и воловъ за 50 сиклей серебра и соорудилъ тамъ Давидъ жертвенникъ Господу и принесъ всесожженіе и мирныя жертвы“.

Соломонъ на этомъ же мѣстѣ воздвигъ свой прославленный храмъ, куда онъ перенесъ „ковчегъ Завѣта изъ города Давидова, то есть Сіона“.

Семь лѣтъ строили этотъ великій храмъ. 30.000 рабочихъ поперемѣнно рубили кедры ливанскіе, 70.000 носили тяжести, 80.000 высѣкали камни въ горахъ, 3.300 начальниковъ руководили работами. Громадные тесанные камни, изъ которыхъ онъ былъ сложенъ, были обшиты кедровыми и кипарисовыми досками съ тонкою рѣзьбою, а дерево все обложено золотомъ.

„И обложилъ Соломонъ храмъ внутри чистымъ золотомъ, и протянулъ золотыя цѣпи предъ давиромъ, и обло-

жилъ его золотомъ. И полъ въ храмѣ обложилъ золотомъ во внутренней и передней части. И Соломонъ сдѣлалъ всѣ вещи, которыя въ храмѣ Господа: золотой жертвенникъ и золотой столъ, на которомъ хлѣбы предложенія. И свѣтильники, пять по правую и пять по лѣвую сторону—изъ чистаго золота, и цвѣты, и лампадки, и щипцы изъ золота. И блюда, и ножи, и чаши, и лотки, и кадильницы изъ чистаго золота, и петли у дверей внутренняго храма во Святомъ-Святыхъ и у дверей въ храмѣ изъ золота же"—перечисляетъ въ разныхъ мѣстахъ 3-я Книга Царствъ.

Вообще мудрый царь этого маленькаго пастушьяго нарада обладалъ такими запасами золота, которымъ могли бы позавидовать наши современные бумажные банки.

Онъ, повидимому, не зналъ, куда дѣвать свое золото, притекавшее къ нему ежегодно изъ Офира, „и отъ торговли купцовъ, и отъ всѣхъ царей аравійскихъ".

Онъ дѣлаетъ 200 большихъ щитовъ изъ кованнаго золота и 300 поменьше; окладываетъ золотомъ свой престолъ изъ слоновой кости, на 6-ти ступеняхъ съ 12 львами.

„И всѣ сосуды для питья у царя Соломона были золотые, и всѣ сосуды въ домѣ изъ ливанскаго дерева были изъ чистаго золота; изъ серебра ничего не было, потому что серебро во дни Соломона считалось за ничто."

„И сдѣлалъ царь серебро въ Іерусалимѣ равноцѣннымъ съ простыми камнями", передаетъ намъ Библія эти любопытныя подробности.

Семь дней и еще семь дней „четырнадцать дней", продолжалось все народное празднество Израиля по случаю освященія храма.

Какова была вмѣстимость его двора, можно судить по тому, что „въ мирную жертву" Соломона въ дни этихъ празднествъ, было заколото на дворѣ 22.000 головъ крупнаго и 120.000 мелкаго скота.

Этотъ ветхозавѣтный характеръ храма-двора, обнесеннаго сквозными галлереями и окружающаго центральную святыню, недоступную простымъ смертнымъ, сохранилъ и Эль-Гарамъ халифа Омара.

Можно сказать, что все подземное основаніе библейскаго храма и общій планъ его остались прежніе.

Арабы временъ Магомета были глубоко проникнуты еврейскою религіей, и имена библейскихъ царей и патріарховъ были одинаково священны для араба, какъ и еврея.

Оттого-то патріарху Софронію и удалось убѣдить грозъ-

наго завоевателя Іерусалима—пощадить часовню Гроба Господня и основать великую мечеть мусульманства на мѣстѣ славнаго храма Соломонова.

Оттого-то мечеть Омарова до сихъ поръ полна библейскихъ памятниковъ и библейскихъ легендъ. Оттого-то и въ общемъ расположеніи мусульманской святыни, наслѣдникъ Магомета старался не нарушить библейскихъ преданій. Магометъ явился въ этотъ храмъ Іеговы только продолжателемъ и увѣнчателемъ великихъ дѣлъ „израильскаго Сулеймана", послѣднимъ и большимъ пророкомъ въ ряду древнихъ пророковъ Библіи.

Въ сущности, вся эта пустынная площадь съ разсѣянными по ней кипарисами и оливами, съ ея множествомъ отдѣльно разбросанныхъ строеній—есть одинъ гигантскій домъ молитвы, какимъ была она и въ дни Соломона.

Строенія эти—эти живописныя башенки, портики, павильоны—все это только внутреннее убранство исполинскаго храма *„мирабы"* для молитвы, фонтаны для омовенія, галлерейки для учащихся софтъ, каѳедры для чтенія корана и минареты для молитвенныхъ взываній муэдзина. Тотъ же колоссальный черный куполъ, что прикрываетъ центральную мечеть—это только святая-святыхъ Омарова храма. Голубой сводъ неба—вотъ нерукотворный куполъ, который одинъ въ состояніи охватить этотъ храмъ-городъ со всѣми его художественными созданіями рукъ человѣческихъ.

Древній храмъ Соломоновъ былъ покрытъ тѣмъ же воздушнымъ куполомъ. Онъ вмѣщалъ въ себѣ не только Израиля, но и язычество, былъ храмомъ Бога міра, не одного іудейскаго Іеговы.

Колоннады портиковъ, охватывавшія внѣшнюю окружность двора, были назначены для всѣхъ народовъ земли, желавшихъ поклониться Богу въ его великомъ храмѣ. Внутри наружной колоннады, отдѣленная отъ нея воротами, недоступными для язычника, шла галлерея самого Израиля, дальше, такимъ же концентрическимъ кольцомъ, еще ближе къ храму, дворъ левитовъ съ его жертвенниками и мѣднымъ моремъ на 12-хъ львахъ. Каждый внутренній кругъ поднимался террасами все выше и выше надъ внѣшнимъ и, наконецъ, въ сердцѣ всѣхъ этихъ колоннадъ и портиковъ возвышался на своихъ 12 мраморныхъ ступеняхъ, самъ, сверкающій золотомъ, храмъ Соломоновъ съ его Святая-Святыхъ.

Эта послѣдовательность колоннадъ и это постепенное подъятіе террасъ къ центру площади только отчасти и от-

рывочно сохранились въ мусульманскомъ Гарамъ эхъ-Шерифѣ, но всетаки сохранились ясно.

Поразителенъ видъ Куббетъ-эс-Сакра,—центральнаго святилища Омаровой мечети, когда совсѣмъ приблизишься къ нему и уразумѣешь очарованными глазами всю его неописанную красоту. На свѣтѣ одна такая мечеть, и она не похожа ни на что другое.

Высокимъ, вздувшимся шатромъ, чернымъ и мрачнымъ, какъ кидарскіе шатры Библіи, поднялся ея громадный свинцовый куполъ, увѣнчанный воинственною стрѣлою ислама.

Это побѣдоносный шатеръ Магомета, неукротимаго араба-завоевателя, гордо раскинувшійся надъ подавленнымъ еврействомъ Библіи, надъ подавленнымъ христіанствомъ Евангелія.

Посмотрите на него съ Масличной горы: онъ высится и торжествуетъ своей царственной шапкой надъ всѣмъ Іерусалимомъ, онъ, такъ сказать, одинъ только виденъ ясно въ лицо, одинъ сохраняетъ свой грозный характеръ одиноко стоящаго побѣдителя среди неяснаго хаоса сѣрыхъ плоскокрышихъ домовъ, слѣпыхъ башень и зубчатыхъ стѣнъ Іерусалима, въ которыхъ робко тонутъ и куполы Св. Гроба, и кресты христіанскихъ церквей.

Широкое восьмиугольное зданіе храма поддерживаетъ восьмиугольный верхній этажъ, на которомъ покоится исполинскій куполъ. Но тутъ уже безъ слѣда исчезаетъ суровая мрачность бедуина, воинственнаго сына пустыни, сказавшаяся въ черномъ куполѣ; передъ вами раскрывается нѣга и роскошь тѣхъ арабовъ-поэтовъ, которые создали Альгамбру и сложили пѣсни Фирдуси.

Ряды большихъ изящныхъ оконъ прорѣзаютъ, будто свѣтящійся со всѣхъ сторонъ фонарь, оба восьмиугольные яруса. Но ярусы эти, кажется, не изъ дерева и не изъ камня.

Нѣжноголубые разводы фаянсовыхъ изразцовъ, перепутанные въ самыя затѣйливыя и живописныя арабески, сплошь одѣваютъ наружныя стѣны мечети своею оригинальною восточною одеждой, сквозною и легкою на видъ, но передъ которою оказались безсильны и дожди, и солнце, и всепожирающее время.

Золотыя строки Куфическихъ надписей искусно оттѣняютъ эти прелестныя панели голубыхъ и бѣлыхъ узоровъ—образуя собою карнизы изумительнаго художественнаго вкуса и самаго характернаго арабскаго стиля. Гипсовые переплеты

многочисленныхъ оконъ извиваются такими же фантастическими узорами, выдѣляясь среди голубаго фона изразцовыхъ стѣнъ темно-кровавыми и темно-огненными тонами своихъ цвѣтныхъ стеклушекъ.

А ниже оконъ—широкій поясъ веселыхъ пестрыхъ мраморовъ, совершенно подходящихъ къ нѣжному колеру кафель, заканчиваетъ все это роскошное наружное убранство мечети, завѣщанное ей достойнымъ ея именемъ—Солимана Великолѣпнаго.

Когда смотришь на эту мечеть въ яркій солнечный день, ослѣпляемый блестящею полировкою фаянса и мрамора, и лучами солнца, отражаемыми съ особенной силой частыми гранями ея стѣнъ, то въ фантазіи вашей эта громадная мечеть невольно превращается въ какой-то почти прозрачный, чудно сверкающій своею полировкою, переливающій яркими огнями—драгоцѣнный кристаллъ...

IV.

Въ Святая-Святыхъ ислама.

Очарованные, тихо двигались мы мимо мавританскихъ фонтановъ и портиковъ, по ступенямъ поднимающихся террасъ, къ воротамъ мечети.

Воротъ этихъ четверо, съ каждой стороны свѣта. „Бабъ-ель-Джѣна“ — „ворота Рая“ съ сѣвера, „Бабъ-ель-Кибля“,—ворота молитвы“ съ юга, Бабъ-ель-Даудъ—„ворота Давида“—съ востока, и съ запада „Бабъ-ель-Хаубъ—„ворота войны“.

Мы направились къ южнымъ...

Сѣдой исхудалый мулла рѣзко остановилъ насъ, не допуская до входа. Онъ долго молча переминалъ бумажку съ печатью паши, словно силясь откопать въ ней какую-нибудь законную придирку и заградить намъ ходъ въ святыню мусульманства...

Жандармъ что-то отрывочно пробасилъ ему, очевидно, безъ особеннаго увлеченія отстаивая наши права.

Кавасъ и драгоманъ вмѣшались тоже, но тотъ даже не взглянулъ на нихъ и не удостоилъ ни однимъ словомъ... Между тѣмъ подошли другіе турки, босоногіе муллы въ зеленыхъ чалмахъ, въ бѣлыхъ халатахъ, и простые богомольцы. Всѣ оглядывали насъ съ ногъ до головы съ нескрываемымъ неудовольствіемъ особенно мою жену, которая не хотѣла спустить на лицо вуали. Долго совѣтовались они,

передавая другъ другу ярлыкъ паши и поочереди разсматривая его. Очевидно, всѣмъ имъ не хотѣлось допускать насъ, но страхъ передъ грознымъ правителемъ Іерусалима сдерживалъ ихъ. Наконецъ худой мулла презрительно мотнулъ намъ головою на истоптанныя бабуши, стоявшія у входа и отвернувшись вошелъ въ мечеть. Мы надѣли эти туфли Абуказема поверхъ сапогъ и съ большимъ трудомъ перешагнули въ нихъ черезъ порогъ... Къ счастью нашему, день былъ не праздничный и въ мечети народу было неособенно много.

Не безъ нервнаго волненія, медленно волочили мы свои ноги по мраморнымъ плитамъ.

Всѣ оглядывались на насъ съ негодующимъ изумленіемъ, съ гнѣвомъ въ глазахъ... Видъ женщины безъ покрывала, да еще христіанки, возмущалъ правовѣрныхъ....

Внутри великой мечети—настоящее сновидѣніе изъ „Тысячи и одной ночи“... Не то золотой, не то розовый полумракъ царствуетъ въ ней. Ея окна разноцвѣтныхъ стеколъ чуднаго мелкаго узора пропиваютъ въ нее этотъ таинственный цвѣтной туманъ, наполняющій ее будто кадильный дымъ...

Гигантскій куполъ чувствуется теперь надъ вашею головою во всемъ своемъ неизмѣримомъ охватѣ. Но онъ здѣсь уже не черный и не мрачный. Онъ весь выстланъ, словно безцѣнными коврами, темно-зеленою и темно-золотою мозаикою волшебной пестроты, волшебнаго вкуса. Круглый строй порфировыхъ и мраморныхъ колоннъ, подъ тонъ этой мозаики и этого таинственнаго цвѣтнаго тумана, поддерживаетъ осьмиугольный барабанъ купола, сіяющій своими яркими окнами. Другое болѣе обширное кольцо столбовъ охватываетъ внутреннюю колоннаду, ближе къ стѣнамъ. Все это камни, неимѣющіе цѣны и какъ богатство, и какъ исторія, и какъ священная реликвія...

Тутъ и колонны того языческаго Адріанова храма, который римскій цезарь воздвигъ на мѣстѣ разрушеннаго святилища Соломона, возобновленнаго Иродомъ, и гдѣ его конная статуя, рядомъ съ идоломъ Юпитера, попирала Святую-Святыхъ Іеговы. Тутъ и обломки колоссальныхъ столбовъ первоначальнаго храма Іерусалимскаго, еще обтесанныхъ молотами и пилами финикійскихъ каменьщиковъ Тирскаго царя Хирама.

Стѣны мечети, потолки мечети это—чудные персидскіе ковры, это драгоцѣнныя турецкія шали тончайшихъ цвѣтовъ

и тончайшихъ рисунковъ. Только эти ковры и шали сотканы изъ несокрушимыхъ „каменій самоцвѣтныхъ“.

Бархатные темнозеленые тоны господствуютъ въ безцѣнныхъ мозаиковыхъ обояхъ, одѣвающихъ кругомъ исполинскій молитвенный шатеръ. Но они удивительно кстати и удивительно въ мѣру чередуются съ поясами темнокрасныхъ арабесковъ, переплетенныхъ золотомъ, какъ филигранною оправой.

Золото сверкаетъ и въ карнизахъ неизбѣжными строками корана, для которыхъ арабская азбука создала узоръ, неподражаемый по характерности и по изяществу. Нельзя оторвать глазъ отъ этой фантастической пестроты, отъ этой неописанной красоты цвѣтовъ и узоровъ.

Кажется, весь жаръ арабскаго воображенія вылился въ этомъ непостижимомъ сочетаніи самыхъ ласкающихъ тоновъ, самыхъ замысловатыхъ линій, умиряющемъ какъ елей глазъ и сердце ваши, и въ то же время восхищающемъ васъ въ какія-то грёзы Магометова рая...

Даже послѣ св. Софіи въ Стамбулѣ, даже послѣ знаменитыхъ роскошью и вкусомъ мечетей Каира,—Куббетъ-эс-Сакра производитъ впечатлѣніе чего-то единственнаго, неподражаемаго, невѣроятнаго...

Когда вы очнетесь наконецъ отъ подавляющаго васъ общаго впечатлѣнія и обратите взоръ на середину мечети, гдѣ отдѣлена бронзовой зеленой рѣшеткой историческая святыня, давшая имя Куббетъ-эс-Сакрѣ, вы даже не можете сообразить, что̀ такое передъ вами.

Среди тончайшаго изящества мозаикъ и мраморной рѣзьбы, среди золота и порфира, подъ исполинскимъ куполомъ, составляющимъ чудо искусства,—покоится въ этомъ сверкающемъ, какъ кристаллъ храмѣ, огромная глыба грубаго сѣраго камня, цѣлая плоская скала, на которой можно бы было выстроить небольшой домъ.

Изъ міра мавританской роскоши и сказочныхъ фантазій васъ рѣзкимъ толчкомъ вдругъ переноситъ чуть не въ первобытныя до-историческія времена, въ вѣка пастушества и пустынныхъ кочевокъ, когда полуварварское человѣчество боготворило дубы и камни, создавало себѣ алтари изъ скалъ, набросанныхъ другъ на друга, и приносило на нихъ свои кровавыя жертвы.

Камень этотъ, эта „скала“, эта арабская „Сакра“, почитается здѣсь не со временъ только ислама.

Халифъ Омаръ откопалъ эту скалу подъ грудою мусора. Эта скала несомнѣнно древнѣе самаго Іерусалима, и

съ исторической точки зрѣнія въ Іерусалимѣ нѣтъ мѣста священнѣе этого грубаго камня.

Мельхиседекъ, царь Салимскій, уже возносилъ на этомъ жертвенникѣ, современномъ потопу, свои всесожженія Богу Вышнему...

Авраамъ разводилъ на немъ священный костеръ, на которомъ долженъ былъ заклать первороднаго сына, когда онъ удалился, по сказанію Библіи, на гору Моріа...

Очень можетъ быть, что гуменнымъ токомъ Іевусея Орны была именно эта священная скала, и ее-то повелѣлъ Давиду выкупить изъ рукъ нечестивыхъ Божій пророкъ...

Первый жертвенникъ Давида и первый Соломоновъ храмъ Богу Израиля были, конечно, основаны на мѣстѣ, уже освященномъ въ теченіи многихъ вѣковъ богопокломеніемъ народовъ... „Святая-Святыхъ“ Моисея во всякомъ случаѣ стояла на этомъ камнѣ, который еврейское преданіе считаетъ центромъ міра, „пупомъ земли“. Подъ него сокрылъ рыдающій Іеремія отъ взоровъ человѣчества ковчегъ завѣта... На этомъ же священномъ камнѣ начертаны были, по убѣжденію талмудистовъ раввиновъ, и тѣ таинственныя, никому недоступныя словеса, которыми выражалось невыразимое имя Іеговы...

„Іисусу изъ Назарета удалось прочесть это таинственное „chêm“ и Онъ наполнилъ міръ своими чудесами“, объясняетъ еврейское преданіе.

Если вамъ мало Еврейскихъ преданій, наросшихъ, какъ мохъ, въ каждую трещинку этой священной до-исторической скалы, обратитесь къ мусульманскому муллѣ, который водитъ васъ по разнымъ замѣчательнымъ уголкамъ святилища, очевидно, нѣсколько размягченный всунутымъ въ его безкорыстную длань десятифранковикомъ. Отъ него узнаете вы всю подноготную про эту священную „Сакру“. Вы узнаете, во-первыхъ, что она чудесно виситъ въ воздухѣ, не поддерживаемая ни чѣмъ, какъ и камень Каабы въ Меккѣ, ея современникъ и дружка...

Во-вторыхъ, онъ покажетъ вамъ круглое отверстіе въ самой серединѣ „Сакры“, сквозь которое пророкъ Магометъ вознесся на небо... Онъ пріѣхалъ для этого нарочно изъ Мекки на своей божественной кобылицѣ „Эль-Боракъ“, сдѣлавъ весь путь изъ Аравіи въ Іерусалимъ въ одну ночь...

Въ послѣдній день міра, сама Кааба будетъ перенесена Ангелами въ Куббетъ-эс-Сакру, на скалѣ Авраама и Іакова

воздвигнется престолъ судящаго Бога, и раздастся оттуда роковая труба Архангела.

Оттого-то пророкъ сказалъ объ этой скалѣ въ своемъ Коранѣ, что „одна молитва на ней стоитъ тысячи другихъ молитвъ“...

Двѣнадцать крутыхъ степеней ведутъ васъ въ довольно просторную пещеру, которой потолокъ образуется скалою Авраама... Эта пещера пророка Захаріи, который, по преданію, убитъ здѣсь.

Мулла-чичероне нисколько не смущается тѣмъ, что вы теперь ясно видите каменныя стѣны, поддерживающія края „въ воздухѣ висящей Сакры“... Ему не до этихъ реальныхъ подробностей. Онъ торопится указать вамъ, не открывая впрочемъ таинственной дверочки помѣщеніе передъ входомъ въ пещеру, гдѣ хранятся клейноды великой мечети: подлинный коранъ Магомета и щитъ его, знамя Омара, волосы изъ бороды пророка, мечъ Али.

Онъ объясняетъ вамъ, постукивая въ звонкій известковый камень, гдѣ скрытъ входъ въ „колодезь душъ“—„Биръ-ель-Аруа“, черезъ который можно спуститься въ самый адъ кромѣшный.

Онъ благоговѣйно нагибаетъ свою выю и заставляетъ нагнуться васъ къ отпечатку стопы Магомета, осѣненной золотой башенкой, и къ яшмовой дощечкѣ, въ которую Магометъ собственною рукою вбилъ 19 золотыхъ гвоздей... Когда исчезнетъ послѣдній изъ этихъ гвоздей, тогда наступитъ конецъ міра...

Соломонъ и Давидъ, и пророкъ Илія—всѣ оставили въ этомъ храмѣ слѣды своего пребыванія.

Оттого-то мечеть Куббетъ-эс-Сакра почитается мусульманами азіатскаго востока почти такъ же, какъ Мекккская Кааба.

Для христіанъ тутъ тоже мѣсто многихъ достопамятныхъ событій Евангелія... Здѣсь жила отроковицею Пречистая Дѣва, посвященная Богу, и путешественникамъ до сихъ поръ показываютъ въ нишѣ нижней пещеры мѣсто ея дѣвственныхъ ночлеговъ.

Здѣсь праведный Симеонъ встрѣчалъ и благословлялъ Младенца-Христа... Здѣсь Учитель міра поучалъ народъ, толковалъ писаніе и изгонялъ изъ храма торгующихъ.

Неудивительно поэтому, что крестоносцы не рѣшились разрушить прославленной мусульманской святыни, которая такъ тѣсно сроднилась съ святынями Ветхаго и Новаго Завѣта христіанъ.

Мечеть Омара была обращена Готфридомъ въ „Храмъ Спасителя“, и на скалѣ Авраама поставленъ престолъ алтаря, пока Саладинъ не вырвалъ опять Іерусалима изъ рукъ христіанъ и не возобновилъ мечети Омара въ еще бо́льшемъ блескѣ.

Въ день взятія Іерусалима Гарамъ былъ послѣднимъ убѣжищемъ пораженныхъ мусульманъ... Гарамъ былъ окруженъ тогда стѣнами, башнями и крѣпкими воротами.

Но Танкредъ сокрушилъ всѣ эти твердыни и ворвался съ своими рыцарями въ переполненный народомъ дворъ мечети.

„Что тамъ произошло! съ ужасомъ восклицаетъ его современный біографъ. Если мы скажемъ только правду, то и тогда превзойдемъ всякое вѣроятіе. Достаточно сказать, что въ храмѣ и портикѣ Соломона ѣздили верхомъ въ крови по колѣно всаднику и по устцы лошади“.

Когда стали очищать городъ отъ труповъ, то въ однихъ только оградахъ Соломонова храма было насчитано 10.000 убитыхъ...

„Въ храмѣ, на высокомъ престолѣ, помѣщалась огромная статуя изъ серебра, столь полновѣсная, что шесть сильныхъ рукъ едва-бы могли ее приподнять, а чтобы унести, нужно было десять“, разсказываетъ рыцарь Рауль изъ Кана. „Танкредъ, увидавъ ее, закричалъ: о стыдъ! къ чему эта статуя, къ чему она поставлена такъ высоко?.. А эта статуя Магомета вся была усыпана каменьями, одѣта въ пурпуръ и горѣла золотомъ. Къ чему такая пышность? Это не Христосъ, но скорѣе первый антихристъ, безбожный Магометъ, Магометъ презрѣнный!.. О поношеніе! питомецъ ада, гость Плутона, обладаетъ твердынею Господа и возсѣдаетъ какъ Божество во храмѣ Соломона! Низвергнемъ его немедленно, и пусть онъ падаетъ къ нашимъ ногамъ!..“ Едва онъ далъ приказаніе, какъ оно уже было выполнено. Статую схватили, стащили; и металлъ, дорогой по себѣ, но сдѣлавшійся презрѣннымъ вслѣдствіе сдѣланнаго изъ него употребленія, разбитъ на куски“.

Крестоносцы основали еще другую церковь въ предѣлахъ Гарамъ-эхъ-Шерифа—Введеніе Св. Богородицы, на мѣстѣ стараго храма Юстиніана. Она почти цѣликомъ обращена Саладиномъ въ теперешнюю мечеть Акса, стоящую у южнаго края двора, тоже въ возобновленіе древней Омаровой мечети Меджидъ-ель-Акса.

Мы прошли къ ней изъ Омаровой мечети, черезъ Бабъ-

ель-Даудъ, мимо прелестнаго павильона изъ мраморной рѣзьбы и сверкающихъ изразцовъ, напоминающаго въ миніатюрѣ и архитектурный стиль, и тоны красокъ великой мечети.

По народному преданію, это мѣсто суда царя Давида „Мекаметъ Даудъ“, когда-то соединенное золотою цѣпью съ священнымъ храмомъ. Когда рука лжесвидѣтеля прикасалась къ священной цѣпи, изъ нея мгновенно выпадало звено, и преступникъ обличался праведнымъ судіею.

Готическій стиль фронтона и длиннаго величественнаго нефа этой церкви, поддержаннаго двумя рядами колоннъ, вполнѣ сохранился и теперь. Исламъ только росписалъ внутренность христіанскаго храма обычною парчею своихъ пестрыхъ арабесковъ.

Это тоже очень чтимая мусульманская мечеть, она носитъ имя, поминаемое въ коранѣ. Но христіанскихъ и библейскихъ вспоминаній въ ней болѣе, чѣмъ магометанскихъ... Особая мраморная ниша около главнаго мираба знаменуетъ собой мѣсто, гдѣ молился Христосъ и гдѣ показывается въ мраморной плитѣ отпечатокъ ступни Его... Въ другой такой же нишѣ, сидѣніе первосвященника Захаріи... Акса была въ дни іерусалимскихъ королей главнымъ центромъ тампліеровъ, „Рыцарей Храма“. Ихъ постройки тѣснились около этой церкви, въ южномъ углу Гарама, и Акса носила тогда названіе „храма Соломонова“.

Какъ іоанниты, рыцари Страннопріимнаго ордена, воздвигли свой замокъ-монастырь, подъ сѣнью храма Гроба Господня, такъ и храмовники отдали себя подъ защиту другаго святилища Іерусалима—былаго храма Соломонова. Не знаю, въ ихъ ли времена, или еще въ вѣка Соломона, сооруженъ подземный, пустынный храмъ, куда мы спустились подъ мечетью Акса. По размѣрамъ и грубости камней, составляющихъ основу этихъ тяжкихъ сводовъ—пахнетъ Библіей и еврействомъ. Думаютъ, что здѣсь были древнія ворота пророчицы Гульды, теперь заваленныя, и что Христосъ ходилъ черезъ нихъ въ Іерусалимскій храмъ. Но эти подземныя галлереи кажутся совсѣмъ ничтожными, когда послѣ нихъ спустишься черезъ маленькую незамѣтную дверочку въ дальнемъ углу крѣпостной стѣны, по нѣсколькимъ десяткамъ грубыхъ ступеней—въ исполинскія „подземелья трехъ тысячъ колоннъ“.

Повидимому, вся площадь Гарама стоитъ на темени этого громаднаго подземнаго чертога. Цѣлое населеніе Іерусалима со всѣми своими пожитками безъ труда умѣстилось бы въ

немъ и, вѣроятно, не разъ, въ дни истребленія и гибели, оно переполнялось толпами народа, искавшаго спасенія.

Громадные столбы поддерживаютъ безчисленные своды и уходятъ живописно-угрюмыми перспективами въ глубину темныхъ нѣдръ земныхъ, словно тѣсные стволы какого-то гигантскаго окаменѣлаго лѣса, мрачнаго какъ сама преисподняя. Это колоссальное сооруженіе еще дышетъ вѣками египетскихъ пирамидъ и вавилонскихъ дворцовъ. Арабы увѣрены, что ихъ могли построить только демоны. Народъ называетъ ихъ „Конюшнями Соломона“, и въ дни тамплiеровъ тутъ дѣйствительно были рыцарскія конюшни. Въ настоящее время доступна посѣтителю только нѣкоторая часть этого подземелья; гораздо бо̀льшая часть или обрушена, или замурована. Нѣкоторыя мѣста его давно уже обращены въ цистерны для воды, и съ площади Гарама въ нихъ спускаются многіе колодцы. Очень можетъ быть, что въ древнія времена это и была одна гигантская цистерна, наполнявшаяся, на случай осады города, водою изъ Соломоновыхъ прудовъ Гигона, изъ которыхъ дѣйствительно были проведены водопроводы во дворъ храма.

Мы закончили обзоръ Гарама неспѣшною прогулкою по древнимъ стѣнамъ. Назади насъ была видна площадь Гарама—все его главное каменное блюдо, на которомъ раскинуты будто форфоровыя изваянія мечети, кіоски, фонтаны. Впереди, у нашихъ ногъ глубокимъ проваломъ тянулась унылая Іосафатова долина съ неисчислимыми толпами могильныхъ камней, облегавшихъ всѣ ея скаты и наполнявшихъ ея дно словно стада окаменѣвшихъ овецъ,—и за нею меланхолическія возвышенности горы Елеонской. Только одни ворота „Золотыя“, охраняемыя сильною четырехъугольною башнею, ведутъ изъ Гарама въ Іосафатову долину. Когда-то широкая лѣстница ступеней поднималась къ нимъ изъ глубины этой долины. Но теперь ворота заложены наглухо, и ихъ прекрасныя арки, карнизы и капители колоннъ, поднесенныхъ, говорятъ, Соломону царицею Сабою, обезображены прозаическою кирпичною кладкой. Въ эти ворота входилъ Христосъ въ Вербное Воскресенье, въ день своего торжественнаго въѣзда въ Іерусалимъ. Въ память этого евангельскаго событія при крестоносцахъ отворяли „Золотыя ворота“ каждое Вербное Воскресенье; патріархъ іерусалимскій верхомъ на ослѣ, сопровождаемый духовенствомъ и хоругвями, въѣзжалъ черезъ нихъ въ древнія ограды Соломонова храма, и народъ съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ

разстилалъ на пути его свои одежды, какъ въ дни Спасителя.

„Золотыя ворота“ Іерусалима, какъ и „Золотыя ворота“ Царьграда, имѣютъ свою легенду. Древнее пророчество гласитъ, что черезъ нихъ долженъ пройти христіанскій царь, который освободитъ отъ Магомета гробъ Спасителя и городъ Давида. Оттого магометане боятся держать ихъ открытыми и заложили камнями. Время это, можетъ быть, ближе, чѣмъ думаютъ турки и нужно только изумляться, какъ взаимная ненависть христіанскихъ народовъ мѣшаетъ имъ до сихъ поръ отобрать святой городъ христіанства изъ рукъ его исконныхъ враговъ.

Когда придетъ часъ, конечно, камни „Золотыхъ воротъ“ не удержатъ того христіанскаго царя, которому легенда пророчитъ освобожденіе Давидова города...

V.

Долина смерти.

Древній городъ Іевусеевъ стоялъ на границѣ тѣхъ двухъ израильскихъ колѣнъ, которыя положили основаніе могуществу и славѣ дома Давидова—колѣна Іуды и колѣна Веніаминова.

„Отсюда предѣлъ идетъ вверхъ къ долинѣ сына Енномова, съ южной стороны Іевуса, который есть Іерусалимъ, и восходитъ предѣлъ на вершину горы, которая къ западу противъ долины Енномовой, которая на краю долины Рафаимовъ къ сѣверу“... описываетъ эту границу съ точностью географа книга Іисуса Навина.

Долина Рафаимовъ, очевидно, гигантская долина, съ прудами Соломона, окаймляющая западную покатость Сіона; долина Енномова — это евангельская „геенна огненная“, охватывающая южные скаты Іерусалима.

Въ этой узкой лощинѣ, въ дни жестокихъ ассирійскихъ и вавилонскихъ завоевателей, въ дни отступниковъ царей іудейскихъ, стояли мѣдные идолы, въ утробахъ которыхъ жарили евреевъ, не соглашавшихся поклониться иноземнымъ кумирамъ, „Молоху—мерзости Аммонитской, Хамосу—мерзости Моавитской“.

„И устроили высоты Тофета въ долинѣ сыновей Енномовыхъ, чтобы сожигать сыновей своихъ и дочерей своихъ въ огнѣ“, говоритъ пророкъ Іеремія... „Не будутъ болѣе на-

зывать мѣста сего Тофетомъ и долиною сыновей Енномовыхъ, но долиною убійства, и въ Тофетѣ будутъ хоронить, по недостатку мѣста".

Вѣроятно, этому ужасному историческому воспоминанію долина Енномова и обязана тѣмъ, что она пріобрѣла неразлучный съ нею эпитетъ „огненной", и стала символомъ ада кромѣшнаго.

Въ дни царей тутъ, во всякомъ случаѣ, были цвѣтущіе сады, и водопроводъ, слѣды котораго еще замѣтны, велъ обильныя воды прудовъ Гигонскихъ въ предѣлы Соломонова храма.

Тѣнистыя рощи съ фонтанами и идолами Астарты, воздвигнутыя нечестивыми царями Израиля, были сравнены съ землею царемъ Іосіей, который повелѣлъ заваливать геенну всѣми нечистотами города. Теперь, однако, долина Еннома опять обращена въ сплошной фруктовый садъ, которымъ заросли безчисленныя могилы и который такъ мало напоминаетъ ужасныя евангельскія картины „геенны огненной"...

Впрочемъ, противоположный Іерусалиму берегъ Еннома весь изрытъ и покрытъ гробами. Они источили обрывы берега, какъ осиныя гнѣзда, и развалины ихъ почти не оставляютъ мѣста для обиталища живыхъ.

Когда-то тамъ были расположены дома іерусалимскихъ горшечниковъ — „село Скудельничье" Евангелія, гдѣ Іуда купилъ себѣ землю цѣною Христовой крови, и гдѣ онъ, по преданію, повѣсился.

„Аксидама"—„земля крови" уцѣлѣла до сихъ поръ. Это обширная пещера на обрывѣ долины, почти у самаго впаденія ея въ Іосафатову долину. Въ ней можно насчитать до 30 отдѣльныхъ гробовыхъ помѣщеній, въ видѣ каменныхъ ложъ съ нишами, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ еще видны человѣческія кости. Въ старое время надъ пещерою стояла церковь и былъ монастырекъ, которому Аксидама служила усыпальницей.

Недалеко отъ Аксидамы показывается другая, тоже довольно просторная пещера, которую греки считаютъ пещерой преподобнаго Онуфрія, а католики—пещерой пророка Ильи.

Вообще, этихъ пещеръ тутъ множество, въ нихъ укрывались христіане въ дни разрушенія Іерусалима Титомъ и Адріаномъ.

Вотъ что пишетъ объ этихъ пещерахъ нашъ старинный паломникъ 16-го вѣка, купецъ Трифонъ Корабейниковъ,

съ которымъ царь Иванъ четвертый посылалъ свою „милостыню довольну“ въ Царьградъ и въ Антіохію, и въ Александрію, и во святый градъ Іерусалимъ, и въ Синайскую гору, къ патріархамъ и къ архіепископамъ, къ епископамъ и архимандритамъ, и игуменамъ на поминъ души въ гнѣвѣ убіеннаго имъ сына.

„И до сего дни то село Скудельничье въ погребеніе страннымъ, которые правовѣрные христіане приходятъ отъ всѣхъ странъ Востока и Запада поклониться Гробу Господню и святымъ мѣстамъ, которому пришельцу иныя страны лучится отвести къ Богу и тѣхъ христіанъ кладутъ въ томъ селѣ Скудельничѣ... А Ерусалимлянъ въ томъ селѣ никого не положатъ никогда же.

Въ томъ же селѣ ископанъ погребъ каменный въ горѣ, яко пещера и дверцы малы учинены, въ томъ погребѣ придѣланы яко бы закрома два, кладутся христіане въ томъ погребѣ, безъ гробовъ, на землю“.

Сейчасъ же, при выходѣ изъ долины Енномовой, почти на распутьи этой долины съ Іосафатовою, взоръ путешественника приковываетъ къ себѣ колодезь подъ характернымъ куполомъ. Одни называютъ его колодеземъ Іова, другіе — Іоава, третьи — Нееміи. Не вдалекѣ отъ него, у подножія Сіона, гробница пророка Исаіи.

Вдохновенный пророкъ-поэтъ, былъ, говорятъ, замученъ на этомъ мѣстѣ. Показываютъ даже остатки древней маслины, къ которой онъ былъ привязанъ и на которой безжалостный царь Манассія, его родственникъ, распилилъ его деревянною пилою.

Преданіе говоритъ, что когда пророкъ-мученикъ изнемогалъ отъ жажды, внезапно изъ камня горы Моріа брызнулъ ключъ воды, а съ тѣхъ поръ открылся источникъ Силоамскій.

Впрочемъ Силоамъ имѣетъ не одну легенду. Его происхожденіе всегда объяснялось какимъ-нибудь чудомъ.

„Егда возврати Господь отъ Вавилона плѣненіе сыновъ Израилевыхъ и плѣнъ Сіона, пріиде Іеремія пророкъ и весь плѣнъ съ нимъ на тотъ потокъ и жаденъ бысть Іеремія пророкъ и весь плѣнъ съ нимъ помолися Богу, да дастъ ему въ ту купель воду“, увѣряли нашего стариннаго путешественника по святымъ мѣстамъ Іерусалимскіе монахи.

Еврейскій историкъ Іосифъ сообщаетъ, что въ дни осады Іерусалима Титомъ этотъ чудодѣйственный потокъ утолялъ жажду только однихъ римлянъ. Евреи же, за свои безмѣр-

ные грѣхи, не могли пить изъ него. Чудесное появленіе обильнаго воднаго потока изъ-подъ каменной горы еще болѣе поражало воображеніе древнихъ людей потому, что воды Силоама въ теченіи дня два раза убываютъ и два раза прибываютъ и по свойству своему издавна считались цѣлебными... Оттого-то въ дни Спасителя больные и разслабленные лежали кругомъ этой чудесной купели, съ вѣрою ожидая своего часа...

Видъ изъ Іосафатовой долины на эту библейскую купель оригиналенъ и живописенъ.

Это громадная пещера съ высокими сводистыми галлереями, высѣченными въ скалѣ, съ широкой лѣстницей, спускающей свои многочисленныя ступени въ черное нутро земли...

Кто составилъ себѣ понятіе о колодцахъ по нашимъ узкимъ дырьямъ въ землѣ, охваченнымъ тѣснымъ и утлымъ бревенчатымъ срубомъ, тотъ будетъ въ изумленіи отъ тѣхъ, частію колоссальныхъ сооруженій, въ которыхъ утоляетъ жажду въ теченіи тысячелѣтій, среди песковъ и камней пустыни, подъ раскаленнымъ небомъ своего вѣчнаго южнаго лѣта, житель Востока и которые мы по недоразумѣнію окрещиваемъ тѣмъ же не подходящимъ именемъ колодезя. Силоамскій колодезь, или „Купель Силоамская“, одна изъ самыхъ оживленныхъ мѣстностей Іерусалима. Передъ зіяющею черною аркою ея устья, обдѣланнаго колоннами, и когда-то увѣнчаннаго христіанскимъ храмомъ, постоянная толпа, постоянное движеніе.

Тутъ и утомленныя вереницы нагруженныхъ верблюдовъ, только-что пришедшихъ изъ-за Мертваго моря, отдыхаютъ на своихъ мозолистыхъ колѣнкахъ, съ меланхолической философіей пережевывая скудную жвачку. Тутъ и ослики сосѣднихъ арабскихъ деревень, обвѣшанные дровами, углемъ, каменьями, которые они приволокли на Іерусалимскіе базары изъ окрестныхъ горныхъ лѣсовъ. Тутъ цѣлыя становища полосатыхъ бедуиновъ и ярко расцвѣченныхъ Виѳлеемскихъ красавицъ.

Всѣ они не только отдыхаютъ и утоляютъ свою жажду у этого тѣнистаго грота, дышащаго на нихъ прохладною сыростью изъ своей глубокой пасти, но и запасаются на дорогу прекрасною водою и омываютъ потъ своего уставшаго тѣла.

Ярко одѣтыя рослыя женщины, въ богатыхъ уборахъ Востока, смуглыя, строгія, черноокія, поднимались однѣ за

однѣми съ высокими характерными кувшинами на плечахъ, по ступенямъ священной купели.

Молча смотрѣли на нихъ, ожидая своей очереди, сидѣвшіе и стоявшіе у входа въ пещеру мущины, сѣдые величественные старики, суровые сильные юноши, полунагіе красавцы мальчишки.

Часть женщинъ еще оставалась въ купели и изъ далекаго мрака подземелья чуть выдѣлялись, глубоко внизу, за рядами медленно двигавшихся вверхъ водоносицъ, ихъ неясные силуэты, оттѣненные серебристымъ мерцаніемъ струй.

Мы тоже терпѣливо дожидались, пока всѣ эти статуарныя дѣвы и жены Виѳлеема окончили свое невидимое подземное купанье и, сверкающія своими влажными черными косами и шелками своихъ нарядовъ, выбрались наконецъ на верхъ мимо насъ съ полными кувшинами.

Мущины начали тогда свой спускъ къ чудесному источнику; кто раздѣлся до половины, кто вовсе, и всѣ вошли по поясъ въ потокъ.

Мальчики и юноши побрели, осторожно раздвигая ногами воду, вверхъ по источнику, въ черную глубину скалы, пригинаясь подъ низкіе своды.

Увѣряютъ, что по ручью Силоамскому можно проплыть подъ всѣмъ Іерусалимомъ, но, конечно, никто не пытался проникать далѣе нѣсколькихъ шаговъ.

Мы долго любовались своеобразною картиною этого подземнаго воднаго грота и наполнявшей его пестрой толпы.

Съ непоколебимою вѣрой младенца, не раздумывая, сходили сюда внизъ, раздѣвались и погружались одинъ за однимъ въ чудотворныя струи эти наивные люди первобытныхъ вѣковъ и возвращались оттуда успокоенные, довольные, убѣжденные, что они совершили для своего земнаго благополучія великое дѣло.

„Геенна огненная“ впадаетъ въ „Іосафатову долину“, какъ разъ противъ „Горы Соблазна“, на которой состарившійся роскошникъ Соломонъ нѣкогда воздвигалъ языческія капища въ утѣшеніе своимъ безчисленнымъ языческимъ женамъ.

Надъ обрывами скалъ, пріосѣняющихъ насъ теперь справа, стояли идолы Молоха, Астарты, Хамоса, отовсюду видные, и имъ приносились нечестивыя жертвы.

„И полюбилъ царь Соломонъ многихъ чужестранныхъ женщинъ, кромѣ дочери Фараона, повѣствуетъ о немъ священная лѣтопись, моавитянокъ, аммонитянокъ, идумеянокъ,

сидонянокъ, хеттеянокъ. И было у него 700 женъ и 300 наложницъ; и развратили жены сердце его. Тогда построилъ Соломонъ капище Хамосу, мерзости Моавитской, на горѣ, которая предъ Іерусалимомъ, и Молоху, мерзости Аммонитской".

Вѣроятно, на той же „Горѣ Соблазна" надъ долиною, когда-то заросшею садами и журчавшей безчисленными источниками, стоялъ загородный дворецъ царя-поэта, съ террасъ котораго онъ воспѣвалъ въ своихъ вдохновенныхъ пѣсняхъ красоту Іерусалимскихъ дѣвъ и прелесть Палестинской весны.

„Я сошла въ орѣховый садъ посмотрѣть на зелень долины, поглядѣть, распустилась ли виноградная лоза, расцвѣли ли гранатныя яблоки. Киперы съ нардами, нардъ и шафранъ, лиръ и корица со всякими благовонными деревьями, мирра и алой со всякими лучшими ароматами. Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нѣтъ на тебѣ! Ласки твои лучше вина, сотовый медъ каплетъ изъ устъ твоихъ, невѣста моя! Кто это блистающая, какъ заря, прекрасная какъ луна, свѣтлая какъ солнце, грозная какъ войска со знаменами? Два сосца твои, какъ два козленка-двойни серны. Шея твоя какъ столбъ изъ слоновой кости. Положи меня, какъ печать на сердце твое, какъ перстень на руку твою; ибо крѣпка какъ смерть любовь. Большія воды не могутъ потушить любви, и рѣки не зальютъ ее"!

Когда читаешь эти полныя нѣги изліянія южной страсти въ обстановкѣ теперешняго Іерусалимскаго запустѣнія, среди могильныхъ камней Іосафатовой долины, сердцу дѣлается также тяжело и неловко, какъ при входѣ въ погребальный склепъ послѣ веселаго шума пирующей залы.

Роскошная поэзія „Пѣсни-Пѣсней" у самаго входа въ „геенну огненную", надъ гробницею замученнаго пророка, надъ костями безчисленныхъ погребенныхъ поколѣній!

Есть надъ чѣмъ глубоко задуматься.

Сама „Гора Соблазна" теперь тоже сплошная могила. Обрывы ея ощетинились гробовыми камнями, какъ и всѣ другія горы и долины, охватившія кругомъ этотъ городъ мертвыхъ своимъ могильнымъ кольцомъ.

Деревушка Силоамъ, прилѣпившая по обрывамъ „Горы Соблазна" свои бѣдныя цыганскія норы, выросла на этихъ могилахъ и, навѣрное, изъ камней этихъ могилъ.

Мы проѣхали ее, спускаясь по головоломнымъ кручамъ безъ всякихъ тропинокъ, съ вершины горы, которую намъ хотѣ-

лось осмотрѣть, прямо въ провалье долины... Это былъ хорошій подготовительный урокъ для предстоявшихъ намъ странствованій по Палестинскимъ, Самарійскимъ и Галилейскимъ горамъ.

Хотя я отъ души разбранилъ драгомана за то, что онъ потащилъ насъ, и особенно жену, еще не успѣвшую вполнѣ освоиться съ особенностями здѣшнихъ путей по этимъ чертовскимъ пропастямъ, однако дѣло было сдѣлано, и первая Палестинская лекція прочитана до конца.

На половинѣ спуска, немного ниже деревушки Силоама, мы остановились посѣтить уцѣлѣвшую среди безконечнаго кладбища гробницу одной изъ женъ Соломоновыхъ, вѣроятно, той самой дочери Фараона, для которой Соломонъ построилъ новый дворецъ внѣ города Давидова.

Гробница имѣетъ видъ каменной часовенки, до половину вросшей въ скалу и, можно сказать, виситъ на ея скатѣ.

Желѣзная дверочка оказалась запертою, но проводникъ арабъ, къ удивленію нашему, сталъ стучаться въ нее съ такою же увѣренностью, какъ въ собственный свой домъ, подмигивая намъ съ загадочною улыбкою и объясняя что-то непонятнымъ для насъ шепотомъ...

— Тутъ русская живетъ... Монашка! съ такою же самодовольной улыбкой объяснилъ намъ Якубъ...

— Во имя Отца и Сына, кто такой? раздался неспѣшный и негромкій голосъ.

— Отворите, матушка, господа пріѣзжіе... русскіе!.. крикнулъ Якубъ.

Загремѣла задвижка, со скрипомъ отворилась низенькая дверочка, и бодрая, хотя пожилая женщина въ черномъ платьѣ показалась въ ней.

Съ своимъ строгимъ и важнымъ лицомъ въ морщинахъ, она смотрѣла какою-то начетчицею старообрядской часовни.

— Господь васъ благослови! пожалуйте въ мою келейку!.. вѣжливо пригласила насъ мать Марина... тѣсно здѣсь, а посидѣть всетаки можно. Въ келейку-гробницу вошли только мы двое, а Якубъ съ провожатыми остался у лошадей...

Внутреннее помѣщеніе Соломоновой гробницы не болѣе 3 аршинъ въ ширину и длину.

Мать Марина обратила эту израильскую древность въ подлинно-русскій уголокъ, приспособленный къ несложнымъ нуждамъ ея затворнической жизни... Знакомыя иконы русскаго письма, по золотому фону, съ фольговыми укра-

шеніями, Суздальской и Арзамасской школы, дешевыя русскія лампадки, толстыя замасленныя книжки кіевской печати въ черныхъ переплетахъ съ застежками и тутъ же въ уголку неизбѣжный тульскій самоварчикъ съ грошевыми чашечками, да въ углу аккуратно поставленная по русскому обычаю постель, вотъ и все убранство этой импровизированной кельи.

Мать Марина родомъ изъ Вятской губерніи и говоритъ чистымъ великорусскимъ говоромъ... Она уже много лѣтъ какъ зашла въ Палестину и скиталась по разнымъ мѣстамъ...

Новый патріархъ запретилъ ей оставаться въ пещерѣ Гозувитскаго ущелья, гдѣ она жила до сихъ поръ, дѣться было некуда, и вотъ она забралась пока сюда, на древнее кладбище Соломона... Запирается отъ арабовъ на задвижку въ своей гробницѣ и молится здѣсь; никто ей не мѣшаетъ.

Русскіе богомольцы кое-когда посѣщаютъ ее и приносятъ ей ѣсть и пить, подаютъ деньги... Отсюда ей близко ходить къ Гробу Господню, къ Успенію Божіей Матери... Она хочетъ просить теперь патріарха разрѣшить ей поселиться въ Хевронѣ, у Дуба Мамврійскаго. Ей тамъ мѣсто очень понравилось, тихое и пріятное.

— „А въ Россію назадъ не хочется? спросила жена, не собираетесь вовсе вернуться?..

— Въ Россію не хочется .. Что жъ! Отвыкла совсѣмъ... съ небольшимъ раздумьемъ отвѣчала Марина. Отъ святыхъ мѣстъ какъ же уйти?.. Теперь надо о душѣ думать... Пожила довольно.

Предложила намъ вздуть самоварчикъ, вздохнуть отъ дороги, сейчасъ у нея готовъ будетъ. Мы отказались, надо было спѣшить дальше...

— Вы жъ посмотрите келейку мою, когда въ Гозувитѣ будете, у Ивана Златоуста! любопытно! сказала мать Марина, провожая насъ къ конямъ. Тамъ я какъ птица небесная жила... въ камняхъ... высоко!.. по веревочной лѣстницѣ взбиралась. Спросите у отца Калиника, игумена, онъ хорошо меня знаетъ... Марина, скажите, русская, что въ пещерѣ спасалась... Тамъ всѣ знаютъ... и азіаты всѣ, не то что монахи... Обкрадывали меня сколько разъ, каторжные, прости Господи!..

Мы сѣли на коней и простились съ своей оригинальной землячкой.

Ветхозавѣтный царь Соломонъ, дочь Египетскаго Фараона,—и вдругъ рядомъ съ ними, можно сказать, ихъ закон-

ною наслѣдницею—русская баба Марина съ тульскимъ самоваромъ и суздальской иконой!..

Какъ хотите, а переварить эти несовмѣстимыя вещи въ своемъ воображеніи не особенно легко, хотя и видѣлъ своимъ глазомъ...

Долина, окаймляющая съ востока Іерусалимъ, называется „Іосафатовою“ потому, что въ ней находится гробница іудейскаго царя Іосафата, современника нечестиваго Ахава.

Мавзолей Іосафата уцѣлѣлъ до нашихъ дней, рядомъ съ мавзолеемъ Авессалома, сына Давидова, и гробницею пророка Захаріи, умерщвленнаго царемъ Іоасомъ...

Эти три ветхозавѣтные памятника, прислоненные почти рядомъ къ подножію „Горы Соблазна“,—сообщаютъ прославленной библейской долинѣ ея характерный видъ, столь памятный Іерусалимскимъ паломникамъ... Гробницу Захаріи здѣшніе греки и евреи считаютъ гробницею пророка Исаіи и окружаютъ ее благоговѣйнымъ уваженіемъ...

Подъ ея остроконечнымъ верхомъ, поддерживаемымъ массивными старинными колоннами, незамѣтно ни входа, ни отверстія среди сплошной толщи стѣнъ. Кругомъ ея, примкнутыя къ самымъ стѣнамъ, тѣсною нивою толпятся могильные камни евреевъ. Словно всякому изъ нихъ хочется протолкнуться поближе къ гробницѣ святаго пророка и прилечь съ своими грѣхами и своими мольбами подъ его защиту.

Нѣсколько еврейскихъ стариковъ и старухъ, окруженныхъ дѣтьми, стояли, припавъ челомъ къ стѣнѣ, около священнаго мавзолея и вполголоса читали по книжкамъ свои молитвы, не обращая никакого вниманія на насъ.

Двѣ толстыя дорическія колонны поддерживаютъ входъ въ черныя отверстія пещеръ, рядомъ съ гробницею Захаріи. Это тоже гробницы древнихъ царей Израильскихъ, но кого именно, теперь опредѣлить трудно. Мы вошли внутрь и осмотрѣли эти пустыя пещеры съ обычными, изсѣченными въ скалѣ, погребальными ложами. Ихъ тутъ четыре. Преданіе говоритъ, что въ этихъ пещерахъ скрывался въ дни страданій и казни Христовой Іаковъ, братъ Господень, что здѣсь онъ далъ обѣтъ не вкушать пищи и не видѣть свѣта дневнаго, пока не узритъ воскресшаго Іисуса. По преданію, Христосъ и явился ему въ этой пещерѣ.

Самая красивая и самая уцѣлѣвшая изъ всѣхъ библейскихъ гробницъ—это мавзолей Авессалома.

*

Оригинальный каменный куполъ его, увѣнчанный крупною каменною розеткою, говорятъ, послужилъ царицѣ Еленѣ образцомъ для купола часовни надъ Гробомъ Господнимъ. Граненыя стѣны мавзолея во многихъ мѣстахъ пробиты и всѣ кругомъ засыпаны каменными ядрами, словно башня долго осаждаемой крѣпости.

Эти камни издревле бросаютъ въ него христіане и арабы, до сихъ поръ исполненные негодованія противъ вѣроломнаго сына Давидова.

Сзади Авессаломова мавзолея—фронтонъ, увѣнчанный довольно грубыми изваяніями, ведетъ внутрь гробницы царя Іосафата. Но входъ ея тоже засыпанъ каменьями.

Я въѣхалъ верхомъ на скатъ горы и старался окинуть однимъ общимъ взглядомъ характерные останки этой долины смерти.

Для меня лично этотъ унылый уголокъ унылыхъ Іерусалимскихъ окрестностей имѣлъ особенное значеніе. Съ далекихъ дней дѣтства я зналъ его и любилъ его, и когда воображеніе переносило меня въ далеко манившіе горизонты Палестины, то прежде всего мнѣ рисовалась почему-то эта характерная долина мертвыхъ у подножія Авессаломова мавзолея.

Въ деревенскомъ домѣ нашемъ, среди очень рѣдкихъ тогда художественныхъ изданій, мою ребяческую фантазію больше всего привлекали къ себѣ превосходныя гравюры замѣчательныхъ мѣстностей извѣстнаго Дрезденскаго изданія Meyer's Universum.

Тамъ впервые увидѣлъ я и Гробъ Господень, и развалины Самаріи, и гору Кармилъ, и впервые сердце мое забилось влеченіемъ къ далекимъ странствованіямъ по древнимъ историческимъ мѣстностямъ, которое играло потомъ очень серьезную роль въ жизни моей и внесло въ нее самыя счастливыя и самыя поучительныя ея страницы.

„Іосафатовъ мавзолей“ изображенъ былъ на гравюрѣ Мейерова собранія въ особенно поэтической обстановкѣ.

Мнѣ казалось тогда, что не могло быть ничего трогательнѣе этого тихаго Палестинскаго пейзажа, и онъ цѣликомъ воскресъ въ моей памяти, когда я отыскивалъ теперь жадными глазами былыя впечатлѣнія дѣтской фантазіи въ живыхъ подробностяхъ настоящей Іосафатовой долины.

Но уже не кроткое поэтическое чувство дѣтства одѣвало теперь своимъ нѣжнымъ сіяніемъ эти безчисленныя библейскія могилы... Нѣтъ, мрачныя думы, какъ безпробудная тьма осенней ночи, окутывали въ моихъ глазахъ эти нѣ-

мые памятники многовѣковой ненависти, кровожадности и злодѣяній людскихъ.

Горькій опытъ жизни и горькая лѣтопись былаго затмили для моей души радующіе лучи молодаго мѣсяца, въ ореолѣ которыхъ я когда-то созерцалъ гробницу мятежнаго сына Давидова и кладбище погибшаго Израиля.

Долиной страшнаго суда Божьяго глядѣла она теперь на меня, ощетинившись со всѣхъ сторонъ, куда только хваталъ глазъ мой, съ глубины изсохшаго русла, съ крутыхъ скатовъ горы, изъ каждой трещины скалъ и изъ каждаго поворота ущелья, отъ подножія стѣнъ магометанскаго Гарашъ-эль-Шерифа, до масличныхъ садовъ, вѣнчающихъ любимую гору Христову,—несмѣтными полчищами своихъ бѣлыхъ камней, торчащихъ изъ земли будто окаменѣлые скелеты погребенныхъ здѣсь народовъ.

Злою насмѣшкою звучитъ теперь въ этомъ безотрадномъ ложѣ сухихъ камней древнее названіе „потока Кедронскаго“...

Когда-то эта долина по праву носила имя „долины Кедровъ“, славилась своею тѣнью и своимъ плодородіемъ. „Потокъ Кедровъ“ упоминается еще въ Евангеліи Іоанна. По словамъ историка Іосифа Флавія, мудрый царь Соломонъ, вынужденный посылать за строевымъ лѣсомъ для своего храма и своихъ дворцовъ въ Финикію, рубить тамъ кедры Ливана и потомъ съ большимъ трудомъ доставлять ихъ моремъ, черезъ непроходимыя горныя дороги, въ Іерусалимъ,—рѣшился завести свои собственные кедровые лѣса и приказалъ своимъ подданнымъ засадить кедрами всѣ безплодныя вершины Іудеи, въ томъ числѣ и Іерусалимскія горы.

Съ того времени Іосафатова долина покрылась кедрами, и обильный водный потокъ, осѣняемый этими кедрами, получилъ названіе Кедронскаго.

Теперь во всей Палестинѣ нѣтъ, кажется, ни одной вѣточки кедра, и меньше всего, конечно, въ долинѣ Кедронской. Уже въ дни перваго Крестоваго похода въ окрестностяхъ Іерусалима не возможно было достать строевыхъ деревьевъ для осадныхъ машинъ и розыскивать ихъ приходилось, по словамъ Вильгельма Тирскаго, „въ отдаленныхъ долинахъ, отстоявшихъ отъ города миль на шесть, или на семь, такъ какъ окрестная страна была совершенно гола“.

Теперь Іерусалимскую долину смерти можно называть „Кедрономъ“, развѣ только въ смыслѣ еврейскаго слова

„Кедронъ“, которое значитъ: чернота, мракъ, а въ переносномъ смыслѣ, печаль, уныніе...

VI.

Вокругъ стѣнъ Іерусалима.

Мы поѣхали дальше вдоль подошвы горы Елеонской.

Миновалъ Геѳсиманскій садъ, пришлось выбираться изъ вершины Кедронской долины, которая оканчивается недалеко отъ сѣверовосточнаго угла Іерусалимскихъ стѣнъ.

Намъ нужно теперь повернуть налѣво, вдоль сѣверныхъ оградъ Давидова города, чтобы вполнѣ закончить круговой объѣздъ его и достигнуть русскихъ построекъ.

Какъ только взъѣхали на отроги Масличной горы, мы очутились въ неохватномъ лабиринтѣ камней и развалинъ. Повидимому, цѣлый городъ окружалъ съ этой стороны древнюю столицу Израиля. Разобраться въ этомъ хаосѣ никакой археологъ не въ силахъ. Тутъ смѣшаны въ прахъ постройки всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ и въ общемъ разрушеніи трудно отличить даже обрушившіяся скалы отъ остатковъ человѣческихъ сооруженій.

Ясно одно, что и грекъ, и римлянинъ, и сиріецъ, и византіецъ, и латинянинъ, и арабъ оставили здѣсь свои слѣды. Предпріимчивый геній европейскихъ народовъ,—католическій миссіонеръ, англійскій археологъ неутомимо копаются въ этомъ непстощимомъ историческомъ кладѣ, возстановляютъ и открываютъ, что могутъ, и незамѣтно расширяютъ этими научными завоеваніями не только духовную сферу своего вліянія, но и вещественную почву своихъ палестинскихъ захватовъ.

Прежде всего мы посѣтили то мѣсто, гдѣ, по преданію, былъ побитъ камнями христіанскій первомученикъ архидіаконъ Стефанъ.

Теперь надъ этою священною для христіанства кровью его смѣлаго исповѣдника—не стоитъ ни креста, ни часовни. Проводники только указываютъ вамъ большіе бѣлые камни, на которые упалъ засыпанный камнями мученикъ.

Эта казнь камнями—самая первобытная и самая естественная казнь въ Палестинѣ. Она была непосредственнымъ выраженіемъ народнаго негодованія, выполненіемъ, безъ дальняго суда и слѣдствія, тутъ же на самомъ мѣстѣ общественнаго гнѣва, въ самую минуту его, тѣмъ самымъ народомъ, который прогнѣвался и осудилъ, и тѣмъ единственнымъ орудіемъ, которое всегда подъ рукою въ этой каменной странѣ.

Конечно, для этого необходимо имѣть не только каменную страну кругомъ, а отчасти и каменное сердце внутри.

Въ Палестинѣ камень издревле игралъ роль орудія войны и казни, играетъ отчасти и теперь.

Еще Давидъ выходилъ съ камнями на филистимлянскаго великана, еще по закону Моисееву камнями побиваютъ блудницъ.

Мы только-что видѣли сейчасъ гробницу Авессалома, до сихъ поръ казнимую камнями.

А въ пустыняхъ Мертваго моря или Галилейскаго озера бедуины до сихъ поръ нападаютъ на путешественниковъ, бросая въ нихъ камни, самыя дешевыя и самыя подручныя изъ пуль. Постоянная практика сдѣлала ихъ такими ловкими въ этомъ метаньи, что мѣткость ихъ библейскаго пастуха-предка нисколько не будетъ удивлять человѣка, познакомившагося горькимъ опытомъ съ мѣткостью бедуинскихъ грабителей.

Не вдалекѣ отъ мѣста побіенія первомученика Стефана раскопаны теперь развалины византійской церкви, посвященной имени первомученика. Мраморныя колонны, мраморныя цистерны и гробницы очищены на столько, что можно безъ труда спуститься въ помѣщеніе храма. По сосѣдству мы посѣтили еще нѣсколько такихъ же остатковъ христіанскихъ церквей, откопанныхъ изъ-подъ грудъ каменной осыпи. Въ нѣкоторыхъ еще ясно видны изображенія святыхъ и отрывки греческихъ надписей. Во всѣ эти вновь обрѣтенныя археологическія и религіозныя святыни теперь приходится спускаться какъ въ погреба. Очевидно, что въ теченіи вѣковъ гора наросла толстою корою развалинъ надъ остатками этихъ невѣдомыхъ храмовъ, монастырей и часовень. Надъ нѣкоторыми откопанными сводами мы видѣли не менѣе двухъ сажень плотно спекшагося каменнаго мусора. Работы идутъ въ разныхъ мѣстахъ, но, повидимому, не особенно успѣшныя. Нѣтъ сомнѣнія, что если снять всю эту необъятную массу осыпей, то подъ ними окажется цѣлая христіанская Помпея.

Отъ этихъ подземныхъ средневѣковыхъ развалинъ мы направились прямо къ сѣверной стѣнѣ Іерусалима, которая открывается на поле двумя старинными башнями сначала Иродовыхъ, потомъ Дамасскихъ воротъ.

Съ этой стороны стѣна особенно высока и хорошо поддержана, а крѣпостные рвы глубже, чѣмъ въ другихъ мѣ-

стахъ, потому что, со стороны сѣвера и чаще всего черезъ Дамасскія ворота, всѣ враги Іерусалима постоянно надвигались и нападали на него.

Вавилонъ и Римъ, Омаръ и Готфридъ также, какъ потомъ Саладинъ,—всѣ вели свои осады прежде всего противъ Дамасскихъ воротъ.

Якубъ остановилъ насъ около середины стѣны, въ томъ мѣстѣ, гдѣ особенно высокій валъ холмомъ заслоняетъ собою спускъ въ ровъ.

— Тутъ есть тайное подземелье, только трудно войти, а ползти нужно, а тамъ опять хорошо. Я и свѣчей съ собою захватилъ, если захотите полѣзть, объявилъ онъ намъ.

— Какое подземелье? гдѣ?

— А здѣсь подъ стѣною. Очень интересное. Подъ всѣмъ городомъ идетъ, даже можно, говорятъ, подъ Гробъ Господень пройти и подъ Омарову мечеть. Только опасно очень. Сюда рѣдко кто ходитъ изъ господъ.

Мы рѣшились осмотрѣть это таинственное подземелье и спѣшились, не раздумывая.

Якубъ свелъ насъ по скверной земляной осыпи въ глубокій обвалъ, и мы очутились тамъ словно на днѣ могилы, какъ Данилъ, ввержений въ ровъ львиный.

Пята тяжелой крѣпостной стѣны виднѣлась высоко надъ нашими головами и подъ нею еще на значительную высоту виднѣлась толща дикой желтоватой скалы, на которой стоитъ Іерусалимъ.

Мы, повидимому, стояли не во рву, а въ глубинѣ каменоломни, вырытой въ днѣ крѣпостнаго рва.

Передъ нами чернѣла, совсѣмъ незамѣтная сверху, широкая, но низкая пасть подземелья, уходившаго подъ массивныя толщи Іерусалимской скалы. Якубъ зажегъ свѣчи, и мы, согнувшись въ три погибели, поползли, не совсѣмъ увѣренные въ благополучномъ исходѣ своего похожденія, вслѣдъ за его мерцавшею свѣчею.

Непроглядный черный мракъ охватилъ насъ, и робкое трепетаніе свѣчей только усилило впечатлѣніе могильной черноты и могильной пустынности. Всѣ звуки жизни, всякій лучъ свѣта, словно вдругъ провалились куда-то, и мы ощущали себя словно заживо проглоченными мертвою утробою земли.

Послѣ мрачныхъ гробовыхъ впечатлѣній и мрачныхъ историческихъ вспоминаній долины смерти—это неожиданное

ощущеніе какого-то скитанія въ темныхъ лабиринтахъ преисподней—сдѣлалось нѣсколько жуткимъ.

Картины Дантова Ада, какъ ихъ изобразилъ геніально-фантастическій карандашъ Густава Доре, съ ихъ безотрадными и безконечными черными сводами, придавливающими дыханье, съ ихъ страшно перепалзывающими по черной темнотѣ длинными черными тѣнями,—воочію стоятъ кругомъ насъ.

Нерѣдко приходится ползти на колѣнахъ, рискуя затушить послѣднюю искру свѣта. А Якубъ, какъ нарочно удираетъ отъ насъ такъ быстро, что не догонишь никакъ. Его жалкій огонекъ, кажется, мечется и бьется тамъ вдали, въ этомъ сплошномъ тяжкомъ мракѣ вѣчной ночи, какъ издыхающая въ предсмертныхъ судорогахъ бабочка. Вотъ-вотъ, и не станетъ ея.

Своды стали, должно быть, выше, потому что черныя тѣни вдругъ перестали скользить по нимъ могильными привидѣніями; но почему-то стало еще страшнѣе. Теперь уже совсѣмъ не чувствуется предѣловъ черной бездны не только съ боковъ, но и сверху. Кажется, что поплылъ по безбрежному морю тьмы, повисъ надъ неоглядным черным хаосомъ.

А подъ ногами не почва, а Богъ знаетъ что. Сначала на всякомъ шагу незримые камни, о которые разбиваешь ногу, потомъ глубокія осыпи щебня, въ которыхъ тонешь по щиколку, и наконецъ какой-то мокрый скользкій скатъ, который неудержимо гонитъ куда-то внизъ и вбокъ, можетъ быть, въ невѣдомыя подземныя пучины.

— Якубъ! остановитесь, жены не видать, куда идти?.. Тутъ скользишь, чортъ знаетъ какъ! кричу я, наконецъ, далеко убѣжавшему проводнику. Блѣдная огненная бабочка, трепыхавшая впереди, вдругъ остановилась и медленно двинулась намъ навстрѣчу. Черезъ минуту освѣщенное огнемъ лицо Якуба какъ-то странно вырѣзалось передъ нами, словно нарисованная яркими красками на черномъ суконѣ—голова безъ туловища. Въ этой обстановкѣ волшебной оперы, мирное нѣмецкое лицо Якуба глядѣло чѣмъ-то фантастическимъ.

Мы высоко приподняли свои свѣчи, и когда пламя ихъ перестало волноваться, глазъ могъ окинуть громадные своды дикой скалы, висѣвшей надъ нашею головою.

Вода капала, глухо шлепаясь въ налитыя ею лужи, съ этихъ грубыхъ камней, выпиравшихъ буграми, висѣвшихъ

сверху короткими и неровными сталактитами своего рода, и почва скользила подъ ногами отъ этой постоянной капели.

Отовсюду смотрѣли, хмурясь, въ этотъ безконечный подземный гротъ, черныя арки и переходы другихъ сосѣднихъ пещеръ, уходившихъ ниже по крутому скользкому скату, и, казалось, сулившихъ впереди еще болѣе запутанныя и еще болѣе непроглядныя галлереи.

Это настоящій спускъ въ преисподнюю, въ мрачное царство Плутона.

По этимъ ступенямъ дойдешь, пожалуй, не только до Силоамскаго ключа и до подножія горы Голгофы, какъ увѣряетъ Якубъ, но даже до черныхъ водъ Флегетона и до вратъ Тартара.

Своды, охватывающіе насъ, держатся какъ-то сами собою, плотностью своей собственной толщи, потому что боковые устои ихъ раздвинуты слишкомъ далеко другъ отъ друга и слишкомъ несоотвѣтственно съ громадною тяжестію этихъ плоскихъ каменныхъ потолковъ, на которыхъ помимо всего стоитъ сверху цѣлый городъ и двигается цѣлое населеніе. Сейчасъ видно, что подземелья эти вырублись зря, безъ малѣйшаго разсчета и соображенія разными людьми, въ разное время, что это однимъ словомъ, не колоссальныя архитектурныя сооруженія, а скорѣе огромная каменноломня.

Когда я окинулъ мысленнымъ окомъ всѣ, глубоко уходившія въ сердце скалы, развѣтвленія этой подземной пустоты и когда вспомнилъ другіе искуственные и природные подкопы подъ ту же скалу, какіе мы видѣли въ пещерѣ Силоамскаго ключа, въ подземныхъ залахъ и водоемахъ древняго Соломонова храма, то, право, я не безъ тревожнаго чувства подумалъ о судьбѣ ветхозавѣтнаго города въ случаѣ, если какое-нибудь, хотя бы и самое небольшое землетрясеніе пошатнуло его древнюю скалу...

Якубъ повѣдалъ намъ, что изъ этихъ подземелій еще Соломонъ бралъ камень для своего храма.

Нужно думать, что и весь вообще Іерусалимъ строилъ въ разное время свои дома, храмы и стѣны изъ камней этой безконечной домашней каменоломни.

Мы осмотрѣли еще нѣсколько подземелій, съ зіяющими внизу провалами и, насытившись впечатлѣніями этихъ романическихъ декорацій, достойныхъ Байроновскаго Манфреда, или Роберта-Дьявола, вернулись наконецъ на свѣтъ Божій, радуясь свѣжему воздуху и голубому дню.

Противъ Дамасскихъ воротъ, со стороны пустыни зіяетъ

другая черная пасть, другая суровая романическая декорація,—пещера пророка Іереміи.

Евреи вѣруютъ, что библейскій пророкъ, скорбѣвшій до смерти о нечестіяхъ и злополучіяхъ своей бѣдной родины, сокрылъ на вѣки, до часа страшнаго суда Божія, священные клейноды Израиля,—кивотъ завѣта и скрижали Моисеевыхъ заповѣдей, манну небесную и прозябшій жезлъ Аарона,—въ камняхъ этого таинственнаго вертепа, откуда пророкъ долженъ былъ созерцать разрушеніе роднаго Іерусалима въ осуществленіи своихъ пророчествъ, и гдѣ онъ изливалъ о гибели Израиля тотъ горькій плачъ свой, который долетѣлъ чрезъ вѣка и тысячелѣтія даже до насъ и который сталъ среди людей обычнымъ именемъ для неутолимой скорби.

„Потоки водъ изливаетъ око мое о гибели дщери народа моего“.

„Око мое изливается и не перестаетъ, ибо нѣтъ облегченія“.

„Воззри, Господи, и посмотри, кому ты сдѣлалъ такъ, чтобы женщины ѣли плодъ свой, младенцевъ, вскормленныхъ ими? чтобы убиваемы были въ святилищахъ священники и пророки?“

„Дѣти и старцы лежатъ на землѣ по улицамъ; дѣвы мои и юноши мои пали отъ меча, Ты убивалъ ихъ въ день гнѣва Твоего, закалалъ безъ пощады“.

„Ты созвалъ отовсюду, какъ на праздникъ, ужасы мои, и въ день гнѣва Господня никто не спасся, никто не уцѣлѣлъ“...

Никакъ не высвободишься изъ царства гробовъ, не отряхнешь могильныхъ воспоминаній! Опять приходится опускаться въ подземный міръ. Это послѣднія и самыя замѣчательныя могилы Іерусалимской исторіи,—такъ называемыя гробницы царей. О нихъ написана цѣлая литература, и все-таки никто не рѣшилъ, чьи именно эти могилы.

Гробницы царей находятся съ версту разстоянія отъ сѣверной стѣны Іерусалима, среди поля, на половинѣ дороги отъ Дамасскихъ воротъ къ русскимъ постройкамъ.

Скалистый оврагъ неожиданно разступается подъ вашими ногами, и вы сходите внизъ по широкой лѣстницѣ, по многочисленнымъ мраморнымъ ступенямъ которой льется сплошною скатертью прозрачная, какъ слеза, вода.

Вы едва омочите въ этой водѣ подошвы своихъ сапогъ, а потому смѣло можете спускаться въ мраморный водоемъ,

собирающій на днѣ этого высѣченнаго въ скалахъ убѣжища ключевую воду.

Водоемъ прячется подъ темнымъ навѣсомъ скалы, а открытая лѣстница вся залита солнцемъ.

Изъ этого оригинальнаго колодца, въ глубинѣ его, идетъ налѣво проходъ въ другой обширный провалъ, образующій собою что-то въ родѣ двора съ искусственно обдѣланными высокими стѣнами скалъ.

Стѣна къ сторонѣ Іерусалима застроена обширнымъ каменнымъ притворомъ старинной архитектуры, съ уцѣлѣвшими скульптурными изображеніями на карнизѣ.

Нѣсколько арабскихъ и еврейскихъ семействъ отдыхали на коврикахъ въ тѣни притвора, и хорошенькія, черноглазыя дѣвушки съ любопытствомъ смотрѣли на насъ изъ-за широкихъ спинъ и тюрбановъ своихъ бородатыхъ родителей.

Мы побесѣдовали съ помощью драгомана съ этими восточными богомольцами, и одинъ изъ нихъ взялся насъ свести въ усыпальницы царей.

Ходъ въ эти могилы — черезъ маленькую дверку въ лѣвомъ углу притвора, и безъ огня спуститься туда нельзя. Крутой узкій спускъ безъ ступеней привелъ насъ въ глубину темнаго и низкаго погребальнаго покоя четырехугольной формы.

Въ стѣнахъ его чернѣли темные проходы и спуски въ другія пещеры нижняго подземелья. Внизу воздухъ былъ сильно спертъ и дышалось трудно. Мы насчитали 8 отдѣленій въ двухъ ярусахъ этихъ пещеръ. Въ стѣнахъ каждаго пробиты глубокія впадины и вырублены каменныя ложа для помѣщенія покойниковъ. Но скелетовъ уже не видно, хотя путешественники среднихъ вѣковъ еще находили ихъ здѣсь. Мы осмотрѣли одинъ плоскій камень, валявшійся въ углу, и убѣдились, что онъ выточенъ въ видѣ дверки, съ круглыми, короткими осями вверху и внизу, на которыхъ онъ, очевидно, могъ поворачиваться въ гнѣздахъ своей каменной притолки, какъ наши деревенскія калитки, на своей деревянной пятѣ.

Проходы пещеръ тоже оказались съ выдолбленными гнѣздами для дверей, такъ что несомнѣнно, что въ прежнее время они наглухо запирались камнями, которые могла повернуть только знающая рука.

Старинные путешественники видѣли въ царскихъ пещерахъ не только остатки покойниковъ, но и пирамиды, когда-то вѣнчавшія наверху ходъ въ эти усыпальницы. Они и

дѣйствительно напоминаютъ своею формою и расположеніемъ погребальные покои Египетскихъ пирамидъ.

Ни пирамиды, ни недоступныя нѣдра скалъ не защитили однако людскаго тщеславія.

Исчезли безъ слѣда не только пирамиды, но и скрытыя ими тѣла и даже самыя имена.

„Выбросятъ кости царей Іуды и кости князей его, и кости священниковъ, и кости пророковъ, и кости жителей Іерусалима изъ гробовъ ихъ!“ невольно вспоминались мнѣ пророческія сѣтованія Іереміи...

ЕВГЕНІЙ МАРКОВЪ.

ПИСЬМА ИЗЪ БОЛОНЬИ.

ВОСЬМИСОТЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ БОЛОНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ПИСЬМО II.

Внутренняя жизнь Болонскаго университета.—Возникновеніе университета изъ частныхъ школъ отдѣльныхъ ученыхъ. — Быстрый подъемъ Болонской городской школы и установленіе своеобразной внутренней организаціи ея: дѣленіе студентовъ (схоларовъ) на Ультрамонтановъ и Цитрамонтановъ и значеніе ихъ въ управленіи дѣлами университета.—Ректоръ и другіе чины управленія; педеля.—Профессора.—Докторство, какъ непремѣнное условіе полученія профессуры; процедура испытаній для полученія этой степени: examen и conventus, пышность и дороговизна докторскихъ промоцій; collegium doctorum и архидіаконъ Болоньи.—Дѣленіе преподавательскаго персонала: ординарные профессора и экстраординарные преподаватели.—Bachalarii и Licentiati.—Дѣленіе лекцій на ординарныя и экстраординарныя, время и мѣсто ихъ; repetitiones и disputationes.—Учебный годъ и праздники; строгость контроля надъ исправностью профессоровъ.—Содержаніе профессоровъ: гонораръ съ слушателей и оклады отъ города; доходы темнаго свойства.—Бытъ студентовъ; его хорошія и дурныя стороны.—Трудность научной работы въ средневѣковыхъ университетахъ; книжное дѣло въ Болоньѣ и величіе заслугъ Болонскихъ ученыхъ того времени.

Bologna, 9-е іюня.

Въ предыдущемъ краткомъ очеркѣ научныхъ заслугъ Болонскаго университета мы видѣли, какъ непзмѣримо высоко было значеніе его для дисциплины римскаго права, получившей здѣсь то незыблемое основаніе, на которомъ она зиждется и доселѣ, и какія важнѣйшія открытія совершены были учителями этой высшей школы также и въ другихъ областяхъ научнаго знанія. Но не менѣе интереса представляетъ и своеобразное внутреннее устройство этого средневѣковаго университета—его административная организація,

бытъ его профессоровъ и студентовъ. Остановимся теперь на этой сторонѣ вопроса [1]) и намѣтимъ здѣсь по крайней мѣрѣ главнѣйшія и наиболѣе характерныя черты дѣйствительности, хотя давно во многомъ исчезнувшей и замѣненной новыми формами, но несомнѣнно оставившей по себѣ весьма замѣтные слѣды въ бытѣ современныхъ намъ западноевропейскихъ университетовъ.

Здѣшняя высшая школа создалась сама собою, благодаря лишь появленію въ стѣнахъ города нѣсколькихъ даровитыхъ и трудолюбивыхъ юристовъ, которые отъ жалкихъ въ научномъ отношеніи компендіевъ (Breviaria, Capitularia), изучавшихся дотолѣ и представлявшихъ собою пеструю смѣсь римскихъ законовъ съ разнообразными постановленіями народовъ, пришедшихъ въ Италію извнѣ и утвердившихся здѣсь въ качествѣ побѣдителей, обратились къ непосредственному изученію самыхъ источниковъ римскаго права и тѣмъ создали изъ него особую, самостоятельную и необходимую науку. Университетъ явился здѣсь не по волѣ какого-либо государя и не вслѣдствіе постановленія города, пожелавшаго имѣть у себя свои научныя каѳедры, своихъ профессоровъ и студентовъ; заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ исключительно первымъ „глоссаторамъ“, которые своею талантливостью, ученостью и неустанной энергіей привлекли сюда учениковъ со всей Италіи, а затѣмъ и съ разныхъ концовъ міра. Только ихъ авторитетомъ и славой объясняется превращеніе Болоньи въ интернаціональный городъ, на улицахъ и площадяхъ котораго можно было слышать почти всѣ языки Европы и встрѣтить такое разнообразіе нравовъ, обычаевъ, привычекъ этихъ пришельцевъ изъ чужихъ и дальнихъ странъ.

Долгое время эта высшая школа оставалась исключительно юридической, такъ какъ преподаваніе другихъ наукъ —философіи, филологіи, медицины и богословія—вносилось сюда постепенно и значительно позднѣе. Какъ учрежденіе частное, она сначала управлялась тѣмъ наставникомъ, который открывалъ и велъ свои курсы; но послѣ, когда учащееся сословіе стало считаться въ Болоньѣ тысячами, когда одновременно учили здѣсь римскому и каноническому праву нѣсколько профессоровъ и такимъ образомъ явилась возможность выбора между учителями, жизненный порядокъ установился здѣсь совершенно иной. Университетъ стали

[1]) См. между прочимъ Savigny, Seschichte d. röm. Rechts im Mittelalter. 2 Ausg въ III томѣ; Coppi, Le Università Italiane nel Medio evo. 3 ed. 1886.

составлять собственно студенты (схолары); они писали статуты университета, они сами избирали ректора и весь административный персоналъ, которые служили оффиціальными представителями ихъ нуждъ и интересовъ; сами избирали и своихъ ближайшихъ учителей.

Скопленіе многочисленныхъ національностей въ одномъ городѣ скоро само собою повело къ дѣленію студентовъ на корпораціи, общества, товарищества, кружки. Обособлялись здѣсь не только народности, но и выходцы изъ различныхъ провинцій или мѣстъ одной и той же страны—и каждый изъ этихъ союзовъ имѣлъ право сохранять свою внутреннюю самостоятельность, свою независимость въ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ. Но изъ этихъ мелкихъ и дробныхъ дружествъ и обществъ, съ теченіемъ времени, выдѣлились двѣ большія и главныя корпораціи или, пользуясь тогдашнимъ терминомъ universitas въ значеніи corpus, collegium, два университета—Ультрамонтановъ (Ultramontani), куда вошли всѣ иностранцы, и Цитрамонтановъ (Citramontani) или университетъ уроженцевъ Италіи. Каждый изъ нихъ избиралъ себѣ ректора (а Ультрамонтаны, соотвѣтственно народностямъ, иногда и по нѣскольку ректоровъ одновременно), совѣтниковъ, синдиковъ и прочихъ чиновъ правленія. Отсюда мы видимъ въ теченіе долгаго времени у однихъ юристовъ по крайней мѣрѣ двухъ ректоровъ, а когда студенты и другихъ наукъ, такъ называемые Artistae (отъ artes liberales) также завоевали себѣ право имѣть своего собственнаго ректора (1316 г.), въ Болонской высшей школѣ явилось три университета, каждый съ своимъ ректоромъ; во второй половинѣ XIV в. папою Иннокентіемъ VI введено здѣсь преподаваніе теологіи, и студенты этого отдѣленія составили свой университетъ съ особыми порядками. Практика впрочемъ показала всѣ неудобства такого требованія высшей власти и потому вынуждена была ограничиваться выборомъ двухъ ректоровъ—одного для юристовъ (Juristae) и другаго для студентовъ всѣхъ иныхъ наукъ (Artistae); а въ XVI ст. всѣ ректорскія полномочія соединены были уже въ одномъ лицѣ.

Въ положеніи ректора любопытнѣе всего то, что онъ обыкновенно избирался изъ студентовъ (scholares—названіе студентовъ, doctores legentes, doctores—профессора) и всѣ права на эту должность опредѣлялись, кромѣ личнаго авторитета въ учащейся средѣ, штудированіемъ права не менѣе 5 лѣтъ, прочностью матеріальныхъ средствъ, возрастомъ не менѣе 25 лѣтъ и нахожденіемъ въ холостомъ состояніи (женатые

первоначально не избирались въ ректоры, какъ равно и вступившіе въ монашество) [1]). Этотъ порядокъ представляется тѣмъ страннѣе, что прерогативы ректорской власти были чрезвычайно велики. Ректоръ во время торжественныхъ процессій идетъ впереди не только архидіакона Болоньи, но и всѣхъ епископовъ, архіепископовъ (за исключеніемъ Болонскаго епископа), даже штудировавшихъ здѣсь кардиналовъ, и это право его признаваемо и утверждаемо было также особыми папскими буллами; съ конца XV в. ректоръ получаетъ титулъ Magnificus: Rector Magnificus. Если ему приходилось оставлять городъ и быть представителемъ университета въ какомъ-либо торжественномъ случаѣ, то онъ являлся туда въ сопровожденіи цѣлой свиты профессоровъ и студентовъ; передъ нимъ шелъ педель (bidellus) или вѣстники (nuntii) въ пышныхъ одеждахъ. Ректору, хотя бы онъ какъ схоларъ и не имѣлъ еще степени доктора, предоставлено было право читать лекціи, и тогда его имя въ видѣ почета писалось на первомъ мѣстѣ въ спискѣ профессоровъ. Онъ былъ верховнымъ судьей во всѣхъ важнѣйшихъ спорныхъ вопросахъ и тяжбахъ; статуты давали ему право высшаго и безапелляціоннаго суда надъ всѣми членами университетской корпораціи не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ, и ректоры пользовались этой привилегіей, не смотря на частые протесты со стороны городскихъ властей; его рѣшенію обязаны были подчиняться одинаково какъ профессора, такъ и студенты съ своими семействами; ректоръ налагалъ денежныя пени, исключалъ изъ университета профессоровъ, закрывая ихъ лекціи, и студентовъ, удаляя ихъ отсюда навсегда или на опредѣленное время. Ректоръ предсѣдательствовалъ на публичныхъ экзаменахъ и диспутахъ; здѣсь онъ предлагалъ вопросы не только диспутанту, искавшему ученой степени, но и профессорамъ. За участіе въ испытаніяхъ такого рода ему полагалась другая плата сравнительно съ профессорами. Самъ онъ получалъ докторство безъ экзамена и внесенія установленныхъ пошлинъ, а въ нѣкоторыхъ итальянскихъ университетахъ онъ

[1]) Въ числѣ этихъ условій стоитъ въ древнѣйшихъ статутахъ Болонскаго университета также требованіе, чтобы ректоръ былъ Clericus—слово, о значеніи котораго спорятъ ученые: Савиньи переводитъ его словомъ ein Studirende или ein Literate, въ виду того, что духовныя лица не играли вначалѣ никакой роли въ этой школѣ (указ. соч., стр. 190: Clericus möchte hier vielleicht einen Studirenden oder Literaten bezeichnen); Коппи принимаетъ это слово въ прямомъ смыслѣ – духовнаго лица (указ. соч., стр. 145.)

имѣлъ право указывать при этомъ еще и другаго схолара (socium), который возводился въ эту степень также безъ матеріальныхъ издержекъ.

Ректоръ избирался на годъ. Выборы его производились уходящимъ ректоромъ, его совѣтниками (consiliarii),—которые, какъ увидимъ ниже, были представителями каждой національности,—и особыми нарочитыми делегатами отъ всего университета. Въ выборахъ наблюдалась извѣстная очередь національностей: ректоръ одной народности обыкновенно уступаетъ мѣсто уроженцу другой. Какъ и въ другихъ собраніяхъ, и здѣсь голоса подавались посредствомъ бѣлыхъ и черныхъ бобовъ. Избранное лицо подвергалось затѣмъ установленному посвященію, которое совершалось съ большой помпой, при живомъ участіи всего городскаго населенія, свѣтскихъ и духовныхъ властей. Уже за нѣсколько дней до церемоніи разносились приглашенія профессорамъ, епископу, начальнику области, всѣмъ высшимъ чинамъ и знатнѣйшимъ гражданамъ Болоньи. Мѣстомъ посвященія служилъ обыкновенно соборъ. Въ установленный часъ устраивалась торжественная процессія съ музыкой и 12 студентами съ вызолоченными fasces впереди; за ними шли хранители университетской печати и статутовъ, несшіе ректорскую шапку. Непосредственно за педелемъ, выступавшимъ съ своей серебряной булавой, шелъ новоизбранный ректоръ, одѣтый въ пурпуровую мантію съ золотыми украшеніями, въ сопровожденіи синдика, совѣтниковъ и другихъ чиновъ университета. Наибольшую долю кортежа составляли студенты. Въ соборѣ встрѣчалъ ихъ епископъ со всѣми муниципальными чинами. Здѣсь одинъ изъ профессоровъ читалъ рѣчь въ похвалу университета и новаго ректора. Другой профессоръ возлагалъ потомъ на голову новаго ректора шапку и вручалъ ему печать и статуты университета. Ректоръ, принимая это, держалъ благодарственную рѣчь и произносилъ клятву неуклонно слѣдовать въ своей дѣятельности статутамъ. Вслѣдъ за симъ кортежъ направлялся къ дому ректора, гдѣ уже накрытъ былъ столъ для высшихъ чиновъ университета и города. Пировали въ этотъ день и студенты, и все населеніе; къ вечеру устраивались игры, бѣга, турниры и побѣдителямъ ректоръ раздавалъ призы изъ собственныхъ рукъ. Издержки на пиршества, на публичныя увеселенія и на призы покрывались имъ самимъ.—Но какъ вступленіе ректора въ должность служило поводомъ къ празднику и веселью, такъ смерть его была общимъ горемъ, въ которомъ принимали участіе всѣ граждане; за гробомъ

его шли весь городъ, всѣ власти, всѣ студенты, одѣтые въ трауръ.

Въ числѣ чиновъ университскаго управленія послѣ ректора стоялъ синдикъ (Syndacus), который служилъ представителемъ обоихъ университетовъ въ постороннихъ судахъ и замѣщалъ собою отсутствующаго ректора (Prorector, Vicerector). Синдикъ избирался схоларами на годъ и подчинепъ былъ юрисдикціи не ректора, но всего университета. Онъ получалъ опредѣленное жалованье, и $^1/_3$ всѣхъ денежныхъ штрафовъ. Въ нѣкоторыхъ университетахъ съ этой должностью соединялись значительныя привилегіи, какъ наприм. право двухъ голосовъ въ собраніяхъ коллегіальнаго характера, право на степень почетнаго доктора не только для себя, но и для одного изъ своихъ товарищей; докторство такого рода считалось къ тому же выше пріобрѣтеннаго обычнымъ порядкомъ.

Совѣтъ ректора составляли выборные члены изъ студентовъ (Consiliarii), обыкновенно по одному и самое большее по два отъ каждой народности. Вѣдѣнію его подлежало много дѣлъ, рѣшавшихся здѣсь вмѣстѣ съ ректоромъ, безъ участія остальнаго университета. Нѣмецкая національность имѣла въ совѣтѣ двухъ представителей, носившихъ титулъ прокуроровъ (Procuratores) и пользовавшихся особымъ правомъ высшаго суда надъ единоплеменниками, которые такимъ образомъ не подлежали юрисдикціи ни ректора, ни городскихъ судовъ.

Къ чинамъ университета, избиравшимся также студентами, принадлежали одинъ нотаріусъ (Notarius), одинъ казначей (Massarius) для обоихъ университетовъ, первый изъ видныхъ нотаріусовъ, второй изъ болѣе солидныхъ банкировъ Болоньи, и два актуарія (Actuarius). Въ кругъ дѣятельности нотаріуса входила также обязанность вести списокъ свободныхъ и удобныхъ квартиръ для того, чтобы пріѣзжіе студенты не терпѣли затрудненій въ подысканіи помѣщеній въ неизвѣстномъ для нихъ городѣ; квартиры отмѣчались здѣсь съ показаніемъ цѣнъ. Назначеніемъ актуаріевъ было держать въ строгомъ порядкѣ архивъ, хранить печать и статуты своего университета.

Болонской высшей школѣ обязаны своимъ существованіемъ и университетскіе педеля (Bidelli). Обязанности ихъ были различны. Они: 1) находились при профессорахъ во время лекцій и диспутовъ, во всякомъ мѣстѣ и во всякое время; 2) наблюдали за порядкомъ и чистотою въ аудиторіяхъ; 3) заботились о размѣщеніи слушателей по скамьямъ, при чемъ пер-

выя и ближайшія къ каѳедрѣ мѣста педель обязанъ былъ сохранять для лицъ знатнаго происхожденія, высокаго общественнаго положенія или оказавшихъ особыя услуги университету; 4) хранили у себя книги, оставленныя или забытыя студентами въ аудиторіи, и 5) слѣдили за исправностію чтенія лекцій. Въ Болоньѣ было два мѣста главныхъ педелей, по одному для юристовъ и „артистовъ", не считая частныхъ, состоявшихъ при отдѣльныхъ профессорахъ. Они не получали опредѣленнаго жалованья, а жили сборомъ (collecta) со студентовъ и потому заработокъ зависелъ отъ числа слушателей. Въ лучшія времена Болонской высшей школы педеля могли составлять такимъ образомъ порядочныя суммы. Въ документахъ университета сохранилось имя педеля вышеупомянутаго юриста Ацона (Azo), нѣкоего Gallopressus Tarentinus, который при необыкновенно безобразной наружности отличался большимъ остроуміемъ, способностью къ шуткѣ и покладистостью характера: за веселый нравъ и услужливость онъ былъ любимъ студентами, а это послѣднее обстоятельство отразилось тѣмъ, что онъ оставилъ послѣ себя значительное состояніе. Но въ другихъ малолюдныхъ университетахъ педеля терпѣли нужду и потому искали иныхъ средствъ существованія; такъ, наприм., въ Падуѣ въ 1575 г. педель вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ званіе университетскаго переплетчика книгъ; имъ обыкновенно полагалась опредѣленная плата при докторскихъ промоціяхъ и пр. Въ Болоньѣ педеля держали у себя важнѣйшія и болѣе употребительныя въ преподаваніи книги и за установленную плату давали ихъ студентамъ для списыванія.

Отлагая рѣчь до другаго мѣста объ особомъ классѣ чиновниковъ (peziarii), наблюдавшихъ за книжной торговлей и за переписчиками, равно какъ и о содержателяхъ библіотекъ (stazionarii), переходимъ теперь къ вопросу о профессорахъ и ученыхъ Болонской высшей школы въ средніе вѣка. Положеніе и бытъ ихъ представляютъ чрезвычайно много характернаго и любопытнаго. Сначала доступъ къ преподаванію былъ открытъ всѣмъ и каждому. При частномъ характерѣ никогда иначе и быть не могло: открывалъ объясненіе текстовъ римскихъ законовъ всякій, считавшій себя къ тому способнымъ и надѣявшійся на успѣхъ между слушателями. Но послѣ того какъ юридическая школа Болоньи окрѣпла и получила извѣстность и когда ея студенты и профессора по особому эдикту (Authentica Habita) Фридриха Барбароссы въ 1158 г. получили весьма важныя привилегіи (такъ, наприм., профессору давалось право суда надъ

студентами), доступъ къ профессурѣ неизбѣжно сталъ обставляться различными условіями, которыя со временемъ дѣлались все труднѣе и труднѣе. Съ второй половины XII ст. начали требовать для пользованія всѣми правами, соединенными съ преподаваніемъ въ высшей школѣ, степени доктора права, которую нужно было добывать путемъ особыхъ экзаменовъ и диспутовъ. Формы здѣсь создавались, конечно, не вдругъ, а мало-по-малу; но въ полномъ видѣ порядокъ полученія докторства былъ, въ главныхъ чертахъ, слѣдующій. Для того, чтобы имѣть право приступить къ экзаменамъ, необходимо было слушать лекціи 8 лѣтъ и лишь доктора каноническаго права (doctores decretorum), появившіеся въ Болоньѣ впервые въ концѣ XII столѣтія, могли штудировать предварительно только 6 лѣтъ. Кто хотѣлъ получить степень доктора обоихъ правъ (doctor utriusque juris in utroque jure), долженъ былъ слушать лекціи по тому и другому предмету, при чемъ 4 года штудированія каноническаго права считались за 2 изученія римскаго права и 3 года за 1 годъ. Что указанное время было дѣйствительно проведено въ университетѣ, кандидатъ долженъ былъ подтвердить клятвою передъ ректоромъ. Затѣмъ онъ избиралъ профессора (doctor) или двухъ, которые представляли его архидіакону Болоньи (игравшему, какъ увидимъ ниже, роль попечителя университета) и ручались за его правоспособность подвергнуться экзамену.

Испытаніе кандидатовъ было двоякаго рода: такъ назыв. экзаменъ (examen, privata examinatio) и конвентъ (conventus, publica examinatio). Первое изъ нихъ было частнымъ, факультетскимъ, второе публичнымъ, въ присутствіи возможно большаго числа ученой публики, духовныхъ и гражданскихъ властей.

На экзаменѣ кандидату предлагались для письменнаго отвѣта двѣ темы изъ гражданскаго или каноническаго права, если онъ искалъ ученой степени одного изъ нихъ, и по одному вопросу изъ каждаго, если онъ хотѣлъ быть докторомъ того или другаго права (in utroque jure). Отвѣты читались испытуемымъ въ присутствіи экзаменаціонной комисіи (Collegium doctorum), собиравшейся, по приглашенію архидіакона (это введено было съ 1219 г.), въ тотъ же день. Главные вопросы на устномъ экзаменѣ предлагали профессора-поручители, остальные доктора дѣлали возраженія лишь по поводу письменнаго отвѣта, причемъ они должны были произносить клятву, что предварительно не сговаривались

съ экзаменуемымъ [1]). Весь комитетъ обязанъ былъ относиться къ кандидату благосклонно, какъ къ собственному сыну, подъ страхомъ наказанія годичной отставки. По окончаніи экзамена собирались голоса, и если экзаменуемый признавался достойнымъ, то получалъ титулъ лиценціата (Licentiatus).

Въ обыкновенной практикѣ публичный экзаменъ (conventus) слѣдовалъ вскорѣ за пріобрѣтеніемъ званія лиценціата, такъ что оба испытанія могутъ быть разсматриваемы какъ двѣ части одного докторскаго экзамена, хотя и бывали примѣры, что проходило нѣсколько лѣтъ между полученіемъ лиценціатуры и докторства [2]). „Конвентъ“ обставленъ былъ большою торжественностью, и каждый такой диспутъ былъ виднымъ событіемъ въ городѣ. Онъ происходилъ обыкновенно въ соборѣ, докторантъ и публика отправлялись туда въ пышной процессіи. Роскошь кортежей и пировъ, слѣдовавшихъ за полученіемъ степени, достигали такихъ размѣровъ, что папской буллой 1311 г. былъ установленъ здѣсь maximum въ 500 лиръ (около 620 руб. сер.). Случалось, что богатые докторанты не только украшали дорогими тканями весь соборъ, но и дарили новыя одежды всѣмъ участникамъ кортежа, который считался тѣмъ величественнѣе, чѣмъ больше властей, студентовъ и горожанъ и чѣмъ больше различныхъ корпорацій, являвшихся сюда въ своихъ особыхъ, пестрыхъ костюмахъ, заключалъ онъ. Особое вниманіе привлекалъ выходъ ректора въ этихъ случаяхъ. Докторантъ долженъ былъ отправиться къ нему въ сопровожденіи цѣлой свиты товарищей на домъ съ просьбою явиться на диспутъ; въ кортежѣ онъ ѣхалъ на бѣломъ конѣ.

Прибывъ въ соборъ, всѣ садились по своимъ мѣстамъ. Докторантъ произносилъ рѣчь и затѣмъ читалъ приготовленный имъ трактатъ, по поводу котораго и завязывался диспутъ. Дѣло кончалось сборомъ голосовъ и при благопріятномъ исходѣ архидіаконъ или профессоръ-поручитель держалъ рѣчь о достоинствахъ диспутанта и въ заключеніе провозглашалъ его докторомъ, причемъ вручались ему инсигніи докторской степени: книга, кольцо и, при поцѣлуѣ, указывалось мѣсто на каѳедрѣ. По исполненіи нѣко-

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ университетахъ профессора-поручители садились съ испытуемымъ рядомъ и клятвою обязывались не подсказывать отвѣтовъ экзаменуемому.

[2]) Такъ, наприм., извѣстный юристъ своего времени Cinus сдѣлался лиценціатомъ въ 1304 г., а докторство получилъ черезъ 10 лѣтъ, въ 1314 г.

торыхъ другихъ формальностей, торжественная процессія двигалась въ обратный путь къ дому новаго доктора. День кончался пиромъ. Позднѣе докторъ получалъ дипломъ; къ внѣшнимъ отличіямъ его званія, кромѣ особаго барета, принадлежала длинная тога, украшенная золотыми нашивками. Въ публичныхъ собраніяхъ они занимали видныя мѣста. Гражданскія привилегіи ихъ были весьма значительны и разнообразны.

Оба вышесказанныя испытанія соединены были съ клятвами, съ одной стороны, и пошлинами, съ другой. Передъ экзаменомъ кандидатъ клялся въ присутствіи ректора, во 1-хъ, въ томъ, что онъ прослушалъ узаконенное число лѣтъ [1]) и, во 2-хъ, что онъ ничего другаго не платилъ, кромѣ пошлины, установленной для предстоящаго ему испытанія и что, слѣдовательно, онъ не повиненъ ни въ какомъ подкупѣ экзаменаторовъ. Передъ публичнымъ диспутомъ докторантъ присягалъ, что онъ никогда не будетъ дѣйствовать противно интересамъ университета и схоларовъ и, живя въ Болоньѣ, будетъ повиноваться ректору и статутамъ. Въ концѣ диспута онъ произносилъ клятву въ томъ, что никогда не будетъ дѣлать зла коллегіи докторовъ, какъ въ ея цѣломъ, такъ и ни одному изъ ея членовъ, и не будетъ дѣйствовать противъ ея статутовъ [2]).

Что касается денежныхъ пошлинъ, то за экзаменъ платилось 60 лиръ (ок. 75 р. сер.), за диспутъ 80 лиръ (около 100 руб. сер.), которыя и дѣлились между экзаменаторами въ установленной пропорціи. Освобожденіе допускалось чрезвычайно рѣдко и въ строго опредѣленныхъ случаяхъ. Съ XVI ст. пошлины значительно увеличены; съ того же времени явилась въ числѣ ученыхъ степеней и третья, низшая между ними, степень баккалавра (Bachalarius), которую нужно было пріобрѣтать особымъ испытаніемъ,

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ итальянскихъ университетахъ требовалось для этого письменное удостовѣреніе профессоровъ, лекціи которыхъ слушалъ испытуемый.

[2]) Говоря объ этихъ клятвахъ, мы нарочно опустили одну, особенно характерную для исторіи Болоньи: доктора, получившіе здѣсь свою степень и желавшіе остаться въ Болоньѣ въ качествѣ профессоровъ, обязывались присягой не учить нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Съ 1259 г., по статутамъ города, такая клятва требовалась еще передъ диспутомъ. Эта странная мѣра, имѣвшая въ виду монополизировать преподаваніе права лишь стѣнами Болоньи, продержалась только до 1312 г., послѣ чего, какъ крайне стѣснительная и на практикѣ безполезная, была оставлена. Вмѣсто присяги стали брать въ пользу города деньги.

тогда какъ прежде этимъ именемъ назывались схолары, проштудировавшіе не менѣе 5 лѣтъ и прочитавшіе публичную лекцію въ объясненіе какого-нибудь мѣста гражданскихъ законовъ или каноническихъ постановленій.

Формы ученыхъ промоцій, выработанныя юристами, позднѣе усвоены были, съ соотвѣтственными видоизмѣненіями, и представителями другихъ наукъ. Въ XIII ст. появляются въ Болоньѣ doctores medicinæ (или fixicæ), grammaticæ, logicæ, philosophiæ et aliarum artium, а равно doctores artis notariæ.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ экзаменахъ, мы должны сказать два слова о томъ, кто имѣлъ право промовировать другихъ въ ученыхъ степеняхъ. Этимъ правомъ сначала пользовался всякій профессоръ, имѣвшій степень доктора; но позднѣе вводилось здѣсь одно ограниченіе за другимъ. Явился обычай, получившій силу закона, по которому право промоціи стало принадлежать только профессорамъ, уроженцамъ и гражданамъ Болоньи. Матеріальныя и нравственныя выгоды такого привилегированнаго положенія повели къ крайнему обособленію этого факультета экзаменаторовъ, которые стали обязывать себя формальной клятвой не пропускать въ доктора никого, кромѣ собственныхъ дѣтей, братьевъ, племянниковъ, желая такимъ образомъ сдѣлать ученую профессію наслѣдственной. Это конечно повело къ протесту какъ со стороны города, такъ и со стороны университета, видѣвшихъ для себя здѣсь крайнюю обиду. Дѣло доходило до серьезныхъ и открытыхъ столкновеній. Въ 1304 г., когда нѣсколько болонскихъ уроженцевъ заявили желаніе промовироваться, городъ и университетъ постановили подвергнуть весь экзаменаціонный факультетъ, въ случаѣ отказа съ его стороны, штрафу въ 1.000 лиръ и каждаго отдѣльнаго члена пенѣ въ 300 лиръ. Факультетъ сдался на эту угрозу, и условіе родства съ экзаменаторами было на будущее время оставлено. Но за то затрудненъ былъ доступъ въ экзаменаціонный collegium doctorum: прежде всякій, по крайней мѣрѣ, болонскій уроженецъ, сдѣлавшись докторомъ, ео ipso получалъ право промоціи другихъ, теперь же число членовъ вышеназванной коллегіи было строго ограничено и, чтобы попасть въ нее, нужно было ждать вакансіи и выбора со стороны остальныхъ членовъ. Въ XIV ст. въ Болонской высшей школѣ встрѣчаемъ 5 такихъ экзаменаціонныхъ коллегій: 2 юридическихъ для испытанія въ гражданской и канонической области права, 1 медицинскую, 1 философскую, 1 теологи-

ческую. Составлять ихъ могутъ по-прежнему только уроженцы Болоньи. Въ разсмотрѣніе регламентаціи каждой изъ этихъ коллегій здѣсь входить мы конечно не можемъ.

Въ вышенамѣченной процедурѣ экзаменовъ не разъ упоминался архидіаконъ Болоньи. Какое отношеніе его было къ ученымъ промоціямъ и съ какого времени это лицо начинаетъ фигурировать здѣсь? Появленіе архидіакона собора относится къ 1219 г., когда папа Гонорій III-й сдѣлалъ распоряженіе, чтобы, вслѣдствіе частыхъ злоупотребленій въ дѣлѣ докторскихъ промоцій, на будущее время никто не возводился въ ученую степень иначе какъ съ соизволенія архидіакона Болоньи, который долженъ будетъ самъ присутствовать при испытаніяхъ этого рода. Папскій декретъ направленъ былъ къ архидіакону Граціа (Gratia), спеціалисту въ каноническомъ правѣ и долгое время преподававшему его въ университетѣ. Высокимъ авторитетомъ, которымъ онъ пользовался въ университетской средѣ, объясняется тотъ фактъ, что эта мѣра контроля не встрѣтила въ коллегіи докторовъ никакого противодѣйствія. Позднѣе это вошло въ обычай—и архидіаконъ присутствовалъ на испытаніяхъ лиценціатовъ и на диспутѣ докторовъ въ качествѣ делегата главы церкви. За каждый экзаменъ и диспутъ ему полагалась извѣстная доля изъ суммы сбора (по 12½ лиръ и 3 или 3½ лиры за рѣчь, которую онъ произносилъ въ похвалу новаго доктора). Какъ экзаменаторъ, онъ лично не принималъ особеннаго участія.

Уже въ Болонскомъ университетѣ существовало дѣленіе учащаго персонала на ординарныхъ профессоровъ (doctores legum qui ordinarie legunt) и экстраординарныхъ преподавателей или баккалавровъ (qui legunt extraordinarie et vulgariter Bachalarii vocantur). Ординарными профессорами могли быть только доктора своего предмета, экстраординарными преподавателями назывались также лиценціаты и баккалавры. Лекціи были ординарныя и экстраординарныя (ordinariae lecturae, extraordinariae lecturae), смотря по сюжету и времени, въ которое онѣ читались. Въ наукахъ различались части существенно необходимыя для усвоенія, это были источники, основы науки и книги такого рода назывались ординарными (libri ordinarii), все остальное, служившее лишь дополненіемъ и знаніе чего было только полезнымъ и желательнымъ—было книгами экстраординарными (libri extraordinarii). Въ области римскаго права, напр., ординарными или, что то же, необходимыми считались Digestum vetus и Codex, всѣ прочіе тексты—были экстра-

ординарными книгами. Лекціи, имѣвшія своимъ предметомъ первыя книги, были ординарными, лекціи втораго рода назывались экстраординарными. Первыя читались обыкновенно въ лучшіе часы дня, утромъ, и оттого носили названіе lectiones matutinae, вторыя послѣ обѣда, въ вечерніе часы, и потому назывались lectiones vespertinae. Утреннія лекціи, какъ существенно важныя, посѣщались всѣми слушателями; при тогдашней системѣ гонораровъ, онѣ были несравненно выгоднѣе въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ экстраординарныя, платить за которыя студенты часто не считали нужнымъ даже знаменитымъ профессоромъ, а являлись на нихъ даромъ. Одофредъ, заканчивая свой курсъ, объявляетъ слушателямъ, что въ предстоящемъ году онъ будетъ читать ординарныя лекціи какъ и всегда, экстраординарныхъ читать не станетъ, такъ какъ студенты—плохіе плательщики за нихъ (extraordinarie non credo legere, quia scholares non sunt boni pagatores, quia volunt scire, sed nolunt solvere—scire volunt omnes, mercedem solvere nemo). Ординарныя лекціи читались только ординарными профессорами и между ними Болонскіе уроженцы имѣли преимущественное право на утренніе часы. Но ординарные профессора могли читать вечеромъ экстраординарныя лекціи и вести практическія упражненія надъ текстами обѣихъ категорій безразлично. Этотъ порядокъ временъ глоссаторовъ и ближайшей къ нимъ эпохи впослѣдствіи подвергся значительнымъ измѣненіямъ, перечислять которыя въ настоящемъ очеркѣ мы не имѣемъ возможности.

Кромѣ лекцій существовали такъ называемыя Repetitiones и Disputationes. Подъ первыми разумѣлись подробныя объясненія какого-нибудь отдѣльнаго текста съ перечисленіемъ и обсужденіемъ всѣхъ сомнѣній и возраженій, которыя могъ возбудить онъ. Для такого рода практическихъ упражненій тексты источниковъ назначались и профессорами, и баккалаврами, т. е. студентами, разъ прочитавшими подобную работу передъ своими товарищами. „Диспуты“ состояли въ обсужденіи какого-нибудь отдѣльнаго вопроса; у юристовъ избирались темы болѣе практическаго характера, приложеніе которыхъ встрѣчалось въ дѣйствительной жизни. Обыкновенно ими руководили доктора; они ставили вопросы (quaestiones); изъ схоларовъ выступали только искавшіе преподавательскаго мѣста съ жалованьемъ; баккалавры и остальная университетская публика могли принимать участіе лишь своими возраженіями. Такія занятія полагались разъ въ недѣлю, обыкновенно въ дни свободные отъ лек-

ціи, за исключеніемъ лишь большихъ праздниковъ. Ректоръ наблюдалъ за непрерывностью ихъ, и если положенное для года количество репетицій или „диспутовъ“ не было исполнено, то онъ имѣлъ право назначать профессоровъ для ближайшаго собранія. Репетиціи назначались съ открытіемъ учебнаго года и продолжались до карнавала; за этимъ слѣдовали диспуты вплоть до Троицы. Ученый, одержавшій побѣду въ диспутѣ, былъ героемъ дня; его въ торжественной процессіи провожали домой ректоръ, профессора, студенты. Диспутами создавалась и поддерживалась ученая слава.

Учебный годъ въ Болонской высшей школѣ начинался 10 октября, въ день св. Луки, службою въ соборѣ и затѣмъ лекціей профессора каноническаго права; на слѣдующій день открывалось чтеніе по другимъ предметамъ. Заканчивался онъ 7 сентября, наканунѣ Рождества Богородицы. Праздники, которыхъ было до 90 въ году, опредѣлялись и вывѣшивались въ аудиторіи напередъ; на Рождественскія вакаціи въ томъ числѣ полагалось 11 дней, на карнавалъ двѣ недѣли, на Пасхальныя вакаціи также двѣ; если не случалось другихъ праздниковъ на недѣлѣ, то не читались лекціи по четвергамъ. Внѣ этихъ сроковъ профессора обязаны были читать и учить неуклонно; наказывался штрафомъ не только пропускъ лекцій, но и позднее появленіе на каѳедрѣ: каждая пропущенная лекція оплачивалась 2 лирами пени (около 2 1/2 руб. сер.) и каждое запаздываніе 20 сольдами (около 1 руб. сер.). Слѣдить за исправностью профессоровъ въ этомъ отношеніи должны были педеля [1])

Лекціи начинались въ средневѣковой Болоньѣ очень рано, вслѣдъ за звономъ соборнаго колокола, призывавшаго на разсвѣтѣ къ утренней молитвѣ, а по желанію, даже и раньше (отсюда ихъ названіе antilucanae), и продолжались, по нашему, до 9 часовъ (утра). Для вечернихъ или послѣполуденныхъ лекцій служили цѣлые 6 часовъ (съ 19—24 итальянскаго счисленія). На лекцію полагалось не менѣе 1 1/2 часовъ, обыкновенно же 2 часа: профессоръ обязанъ былъ здѣсь говорить, читать или диктовать лекцію самъ и

[1]) Въ документахъ итальянскихъ университетовъ того времени хранятся образчики жалобъ профессоровъ на педелей, оправданія причинъ пропуска или опаздыванія и просьбы снять наложенный штрафъ. Здѣсь же можно найти рапорты и доносы педелей на профессоровъ, прикрывавшіеся тайной изъ опасенія мести со стороны послѣднихъ. Одинъ изъ педелей Пизанскаго университета прямо выражаетъ при этомъ боязнь быть избитымъ.

не имѣлъ права сообщать тетради слушателямъ для диктанта. Да и вообще пользоваться не только написанными лекціями, но и компендіями или конспектами у хорошихъ преподавателей не было обыкновенія. Лекціи говорились на память и viva voce.

До XIV ст. не было университетскихъ аудиторій, не было особаго зданія, назначеннаго для этой цѣли. Преподаватель училъ или въ собственномъ домѣ, или въ наемномъ помѣщеніи. При большомъ числѣ слушателей приходилось искать мѣста въ публичныхъ зданіяхъ, въ родѣ коммунальнаго палаццо. Объ Ацонѣ и нѣкоторыхъ другихъ славныхъ профессорахъ существуетъ преданіе, что они должны были читать лекціи на площади. Въ XIV в. учреждаются на городской счетъ публичныя аудиторіи, но ими неограниченно пользуются лишь профессора; баккалавры же могли читать здѣсь только два раза въ недѣлю, въ послѣобѣденные часы, да и то лишь въ томъ случаѣ, когда не читалъ въ это время какой-нибудь профессоръ, получавшій окладъ отъ города.

Содержаніе профессоровъ сначала состояло только изъ платы студентовъ (collectae) и находилось, такимъ образомъ, въ прямой зависимости отъ ихъ таланта, славы, равно какъ и важности занимаемой каѳедры. Знаменитые юристы, какъ мы видѣли выше, привлекали въ свои аудиторіи слушателей со всей Европы, а позднѣе, съ открытіемъ Америки, стали пріѣзжать въ Болонью и изъ этой части свѣта. Какого-либо обязательнаго правила относительно цифры гонорара не было; каждый профессоръ назначалъ сумму по собственному усмотрѣнію. Одни изъ нихъ выставляли таксу за лекцію, независимо отъ количества слушателей, какъ это видимъ на примѣрѣ Одофреда, бравшаго по 400 лиръ за каждое чтеніе (ок. 510 руб. сер.); другіе назначали опредѣленную сумму съ каждаго слушателя. Обыкновенно условія и сборъ гонорара поручались профессоромъ двумъ болѣе извѣстнымъ и близкимъ къ нему слушателямъ. Какъ велика была плата съ каждаго студента, мы не знаемъ, по отсутствію достаточныхъ данныхъ; тѣ же, которыя имѣются въ нашемъ распоряженіи, говорятъ намъ, что она была очень низка и что слѣдовательно большія состоянія нѣкоторыхъ профессоровъ объясняются численной массою слушателей; такъ, напримѣръ, по одному контракту (1268 г.), слушатель грамматики долженъ былъ платить за квартиру, содержаніе и ученіе цѣлаго года всего 23 лиры (ок. 32 руб. сер.), по другому условію (1295 г.), за годичный курсъ логики полага-

лось отъ 30 до 40 сольдовъ (приблизительно отъ 1 р. 55 к., до 2 руб. слишкомъ).

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что доходы Болонскихъ профессоровъ не всегда были безупречны. Не разъ упоминаются доктора, дававшіе студентамъ деньги въ долгъ и, въ видѣ процента, послѣ назначавшіе высшіе гонорары. Такъ поступали славные преподаватели въ родѣ Аккурсіевъ, а начинавшіе профессорскую карьеру заманивали этимъ путемъ слушателей въ свои пустыя аудиторіи. Взаимная конкурренція профессоровъ одинаковой спеціальности устранялась иногда уплатой части гонорара своему товарищу подъ условіемъ, чтобы онъ въ теченіе такого-то срока не читалъ того же предмета. Искать и переманивать слушателей предложеніемъ денежныхъ выгодъ хотя и запрещалось штрафомъ въ 10 лиръ, но такіе случаи бывали [1]). Не безъ настоятельной нужды, не даромъ введены были и клятвы экзаменуемымъ, что они ничего никому не платили, кромѣ лишь положенной таксы; не даромъ папа Гонорій III въ 1219 году прислалъ буллу съ жалобой на злоупотребленія при докторскихъ промоціяхъ и въ качествѣ своего контролера поставилъ архидіакона Грацію.

Но ради этихъ тѣней не забудемъ свѣта, изъ-за этихъ случаевъ злоупотребленій не будемъ упускать изъ виду хорошихъ и симпатичныхъ сторонъ въ тогдашнихъ отношеніяхъ профессоровъ и студентовъ. Эти отношенія были ближе, искреннѣе, чѣмъ въ новѣйшія времена; тогдашній студентъ избиралъ себѣ обыкновенно одного профессора въ ближайшіе учителя; оставался при немъ 8—10 и болѣе лѣтъ, сживался съ нимъ и становился для него какъ бы своимъ, роднымъ. Память о своемъ наставникѣ онъ потомъ хранилъ до конца жизни.

Съ теченіемъ времени къ гонорарамъ стали для университетскихъ преподавателей присоединяться и оклады отъ города, который, увидѣвъ всю пользу существованія такого разсадника наукъ въ своихъ стѣнахъ, все болѣе и болѣе началъ входить въ его интересы. Уже въ 1280 г. Болонья уплачиваетъ 150 лиръ (ок. 200 руб. сер.), по ходатайству студентовъ, профессору каноническаго права Гарсіѣ (Garsias), а съ 1289 г. прямо въ городской бюджетъ ставятся суммы на жалованье профессоровъ; сначала весьма рѣдкіе, съ XIV вѣка эти оклады становятся все чаще. Къ концу этого вѣка

---

[1]) Сзывать и просить собраться на лекцію могли только читающіе схолары.

всѣ профессора состоятъ уже на жалованьѣ, которое, при всей своей незначительности [1]), существенно измѣняетъ ихъ соціальное положеніе. Прежде избираемые схоларами на годъ, они теперь становятся государственными чиновниками, оффиціальный постъ которыхъ болѣе не зависитъ отъ произвола студентовъ. Въ началѣ XV ст. старый порядокъ избранія профессоровъ выходитъ изъ употребленія почти совершенно, по крайней мѣрѣ, въ 1420 г. изъ 21 профессора юридическихъ наукъ лишь 1 отмѣченъ, какъ избранный университетомъ по прежнему обыкновенію.

Жалованье отъ города стало назначаться и читающимъ лекціи схоларамъ (lectores). Такихъ лекторскихъ мѣстъ было 6 у однихъ юристовъ, не считая каѳедры, назначенной спеціально для ректора, который могъ быть и студентомъ другой спеціальности. Для полученія этого права нужно было предварительно прослушать извѣстное число лѣтъ (у юристовъ отъ 4 до 5) и успѣшно провести одну „репетицію“ или „диспутъ“. Сначала получались эти мѣста по выбору особой коммисіи изъ студентовъ, позднѣе по жребію. Жалованья читающему схолару, равно какъ и преподающему ректору, полагалось 100 лиръ. Въ концѣ года онъ обязанъ былъ пріобрѣсть степень доктора, которая давалась въ этомъ случаѣ безплатно. Такой порядокъ держался въ Болоньѣ до XVIII ст.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о студенческомъ бытѣ и, въ заключеніе, о книжномъ дѣлѣ Болоньи, столь тѣсно связанномъ съ жизнью ея ученаго населенія за указанную эпоху.

Ни одинъ изъ современныхъ намъ университетскихъ городовъ не можетъ дать приблизительнаго понятія о томъ, чѣмъ было средневѣковое студенчество Болоньи, потому что нѣтъ теперь въ Европѣ такого города, гдѣ собирались бы одновременно представители столькихъ національностей и въ столь значительномъ числѣ, какъ нѣтъ теперь университета съ 10.000 и болѣе слушателей. И свои, и иностранцы пріѣзжали въ Болонью весьма часто съ большими семьями и поселялись здѣсь на многіе годы. Студентами были не только женатые, но уже люди пожилые, нерѣдко даже старые (de-cerpita aetate). На скамьяхъ сидѣли въ качествѣ простыхъ слушателей, простыхъ схоларовъ, кардиналы, эти князья

[1]) Въ XIII ст. оно не восходитъ выше 200 лиръ, въ XIV — оно немного выше 300 лиръ, если не считать нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ; но въ XV в. назначаются уже оклады въ 500, 600 и олѣе лиръ.

церкви. Люди высокаго общественнаго положенія спокойно и сосредоточенно записывали за профессоромъ его лекцію. Столь разительное отличіе тогдашнихъ студентовъ объясняетъ намъ въ значительной степени тѣ огромныя привилегіи ихъ, о которыхъ мы имѣли случай упоминать выше, привилегіи, дѣлавшія то, что университетъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ составляли собственно студенты: въ ихъ рукахъ былъ выборъ ректоровъ и чиновъ университетскаго правленія, выборъ профессоровъ; ту же силу доказываютъ столь частыя пререканія ихъ съ городомъ, кончавшіяся не разъ выселеніемъ студентовъ изъ Болоньи, которая послѣ должна была дѣлать имъ уступки и идти на компромиссы, чтобы воротить университетъ въ свои стѣны, въ свою среду.

Съ другой стороны, это вавилонское смѣшеніе языковъ, это разнообразіе нравовъ и обычаевъ, которые каждая народность считала нужнымъ удерживать здѣсь, чтобы не потеряться среди чужихъ,—не могли не дѣлать жизни Болонскихъ студентовъ крайне оригинальной по своей пестротѣ и подвижности. Не даромъ городскими властями публиковались декреты о ночныхъ сходбищахъ, не даромъ писались запрещенія на счетъ разныхъ canzoni d'amore и уличныхъ театральныхъ представленій, приносившихъ много заботъ администраціи въ ночное время; не безъ нужды вывѣшивались постановленія, изгонявшія иноземныхъ кутилъ и буяновъ изъ предѣловъ Болоньи съ запрещеніемъ возврата и правомъ убивать ихъ всякому, кто встрѣтитъ ихъ здѣсь снова и угрозами смертной казнью тому, кто дастъ имъ пріютъ въ своемъ домѣ. Не напрасно впадали въ отчаяніе родители семействъ, проклиная схоларовъ, похищавшихъ у нихъ дочерей; отъ такихъ амурныхъ набѣговъ не были свободны даже профессорскія семейства, какъ показываетъ примѣръ Джіованни д'Андреа, у котораго студентъ насильно увезъ племянницу и послѣ подвергъ побоямъ ея несчастнаго отца (Checchino de Zagnoni), явившагося на защиту своей ни въ чемъ неповинной, никакого повода къ похищенію не подавшей, дочери. Скандальное дѣло кончилось смертью похитителя, которому по суду отрубили голову. Но эта казнь показалась университету слишкомъ жестокой; произошелъ бунтъ, кончившійся выселеніемъ массы студентовъ и многихъ докторовъ въ Сіену. Это было въ 1321 г. Не будемъ приподымать завѣсы съ другихъ порочныхъ сторонъ жизни студенчества той бурной и малоцивилизованной эпохи и не станемъ судить его слишкомъ строго, припоминая, что не лучше дѣтей въ тѣ времена жили и отцы.

Но рядомъ съ безпечностью, безпорядочностью, разгуломъ однихъ схоларовъ, въ той же Болоньѣ мы встрѣчаемъ необыкновенную научную энергію другихъ, собиравшихся сюда съ самыхъ отдаленныхъ концовъ Европы изъ одной любознательности, изъ одного желанія сидѣть у каѳедръ знаменитыхъ наставниковъ и проводившихъ здѣсь многіе годы ради лишь возвышенныхъ цѣлей. Рядомъ съ грубостью и жестокостью во времена взаимныхъ ссоръ, пререканій и открытой войны партій, мы видимъ состраданіе схоларовъ къ своимъ бѣднымъ товарищамъ и матеріальную помощь, дававшую послѣднимъ возможность получать образованіе. Въ той же самой Болоньѣ смѣнялось одно ученое поколѣніе другимъ; здѣсь образовывались профессора всѣхъ наукъ для новыхъ университетовъ какъ Италіи, такъ и другихъ странъ; отсюда выходили адвокаты, филологи, медики, богословы.

Научная работа принадлежитъ къ числу самыхъ тяжелыхъ и въ наше время, при такомъ обиліи въ книгахъ и другихъ учебныхъ средствахъ; и нынѣ студентовъ, трудящихся упорно, постоянно, серьезно, мало во всѣхъ странахъ и во всѣхъ высшихъ школахъ какихъ бы то ни было именованій; масса же „штудирующей“ молодежи больше числится извѣстное количество лѣтъ по департаменту науки... Но какъ научное образованіе было трудно до изобрѣтенія книгопечатанія, намъ теперь невозможно и представить. Ни университетскихъ, ни государственныхъ, ни общественныхъ библіотекъ обыкновенно не было, какъ не существовало никакихъ „кабинетовъ для чтенія“. Каждый—и студентъ и профессоръ—долженъ былъ запасаться необходимыми книгами самъ, а это было тѣмъ затруднительнѣе, что книгопродавцевъ, въ нынѣшнемъ смыслѣ, Болонья того времени не знала; здѣсь были лишь особые содержатели библіотекъ (stazionarii), у которыхъ за опредѣленную плату можно было получить экземпляръ нужной книги для списыванія; книжные склады такого рода назначены были не для читателей, а для переписчиковъ [1]). Продажа старыхъ и подержанныхъ

[1]) Содержатели этихъ книжныхъ запасовъ состояли въ вѣдѣніи университета; пользуясь привилегіями (напр. свободой отъ военной службы), они за то подчинены были и сильному контролю со стороны такъ называемыхъ Пеціаріевъ (Peziarii), обязанныхъ слѣдить за правильностью веденія книжнаго дѣла въ торговлѣ Они сбязаны были имѣть всѣ манускрипты, внесенные въ качествѣ существенно важныхъ въ каталогъ Пеціаріями,—держать списки только хорошо выправленные и свободные отъ погрѣшностей переписчиковъ; да-

рукописей хотя и существовала, но она подлежала особому надзору властей, обставлена была различными стѣснительными условіями, да и вообще размѣры ея были очень ограниченны, такъ какъ книги въ тѣ времена безъ особенной нужды не сносились на рынокъ, а хранились въ семьяхъ или по завѣщаніямъ поступали въ монастыри и друзьямъ. Книга считалась тогда не только нравственнымъ, но нерѣдко и матеріальнымъ сокровищемъ. Оттого-то и получаетъ свой смыслъ разсказъ объ одной знатной женщинѣ, которая въ 1393 г. оставила своей дочери-невѣстѣ полный экземпляръ Corpus Juris, какъ особую статью приданаго и въ духовномъ завѣщаніи совѣтовала ей выйдти замужъ за доктора права, такъ какъ этимъ она принесетъ ему драгоцѣнный даръ. Какъ ни значителенъ былъ классъ копіистовъ-переписчиковъ въ большихъ университетскихъ городахъ, но при всемъ ихъ искусствѣ писать скоро, полученіе необходимой книги тогда сопряжено было съ огромной потерей времени и съ значительными матеріальными издержками. Цѣны на книги были несравненно выше нынѣшнихъ: полный экземпляръ Corpus Juris съ объясненіями глоссаторовъ стоилъ около 170 руб. сер. на наши деньги, а это въ тѣ времена было весьма значительною суммой. Всѣми этими обстоятельствами объясняется въ достаточной степени, почему до изобрѣтенія книгопечатанія библіотеки ученыхъ и профессоровъ были крайне малочисленны. Когда знаменитый Бартолъ, скончавшійся въ Перуджіи, оставилъ послѣ себя 30 книгъ юридическаго содержанія и 34 книги богословскаго, то на это указывалось какъ на весьма цѣнное достояніе, а когда Джіованни да Имола потерялъ въ 1422 г. въ Болоньѣ домъ и съ нимъ 600 книгъ, погибшихъ въ пожарѣ, то такое собраніе уже считалось очень большимъ и въ предшествующія столѣтія оно было бы невозможнымъ для частнаго лица. Какъ

вать ихъ профессорамъ и студентамъ для копированія по строго установленной таксѣ. Въ точномъ исполненіи своихъ обязательствъ они приносили присягу. Имя Пеціаріевъ происходило отъ Pecia или Petia, рукописной тетради въ 2 листа, 4 четвертки, 8 страницъ; въ XV ст. она имѣла опредѣленную мѣру: 16 столбцовъ, каждый въ 62 строки, строка въ 32 буквы. Пеціаріямъ принадлежала цензура рукописей, предназначавшихся для университетскаго употребленія, ежегодное составленіе каталоговъ книгъ, обязательныхъ для Стаціонаріевъ. Пеціаріи слѣдили за ихъ поведеніемъ—ведутъ ли списокъ вещей, полученныхъ отъ схоларовъ въ залогъ за взятую книгу, не даютъ ли они рукописей для пользованія и списыванія частнымъ лицамъ и проч. Надзоръ ихъ простирался также и на копіистовъ, которыхъ обязаны были держать Стаціонаріи.

высоко цѣнились книги въ смыслѣ образовательнаго средства, можно судить по тому, что городъ Болонья, желая удержать монополію научной славы за своимъ университетомъ, въ XIII ст. издаетъ законъ, запрещающій продажу какихъ бы то ни было книгъ и позволеніе списывать ихъ въ чужія школы. Сначала этотъ запретъ касался Стаціонаріевъ, а въ 1334 г. запрещенъ былъ вывозъ книгъ изъ города и схоларамъ безъ предварительнаго на то разрѣшенія властей.

И если Болонскіе юристы и представители другихъ университетскихъ спеціальностей въ тѣ вѣка общихъ междоусобицъ, ничѣмъ не сдерживаемаго разгара страсти и столь частыхъ проявленій дикаго варварства, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, такъ много сдѣлали для науки, что ихъ имена и доселѣ вспоминаются съ благодарностью, то тѣмъ выше ихъ заслуга передъ исторіей міроваго просвѣщенія; тѣмъ больше правъ у этихъ Ирнеріевъ, Бартоловъ, Аккурсіевъ, Ацоновъ, Одофредовъ и столькихъ другихъ на чествованіе, предстоящее имъ съ завтрашняго дня въ Болоньѣ.

Юбилейные праздники можно считать уже наступившими: такъ силенъ шумъ, такъ велико движеніе на улицахъ. И все это идетъ съ полудня въ увеличивающихся размѣрахъ. При такихъ условіяхъ сидѣть дома и проводить время у письменнаго стола въ историческихъ справкахъ невозможно. Выйдемъ на улицу и посмотримъ на первые моменты здѣшнихъ празднествъ.

ПИСЬМО III.

Празднество Болонскаго университета. — 9-е іюня: Встрѣча студенческихъ депутацій на станціи желѣзной дороги; торжественный въѣздъ студентовъ-гостей въ городъ; падуанскій волъ, туринская бочка съ виномъ и сыръ изъ Павіи. — 10-е іюня: Пріемъ студенческихъ депутацій въ университетѣ и оперный спектакль въ честь ихъ. — 11-е: представленіе депутатовъ отъ университетовъ, академій и иныхъ высшихъ ученыхъ и учебныхъ учрежденій Синдику города. — Пріѣздъ королевской фамиліи и открытіе памятника Виктору Эммануилу. — Раутъ у короля. — 12-е: Торжественная процессія профессоровъ и студентовъ изъ университета въ Archiginnasio. — Университетскій актъ; рѣчь Кардуччи. — Банкетъ профессоровъ и загородная пирушка студентовъ. — 13-е: Возведеніе иностранныхъ ученыхъ въ почетные доктора Болонскаго университета и прощальная рѣчь профессора Ченери. — Раздача подарковъ студентамъ отъ дамъ Болоньи. — Юмористическая кавалькада студентовъ и вечеръ на Montagnola. — 14-е: Чествованіе памяти Гальвани и отъѣздъ королевской фамиліи. — Заключеніе.

Bologna, 9-е іюня, поздній вечеръ.

Необыкновенное оживленіе улицъ и шумъ, доносившійся съ центральныхъ площадей города (Piazza Vittorio Emma-

nuele, p. Galvani, p. Nettuno), заставившіе насъ, нѣсколько часовъ тому назадъ, окончить предыдущее письмо, объясняются тѣмъ, что здѣшняя университетская молодежь отправилась въ торжественной процессіи къ вокзалу желѣзной дороги на встрѣчу студентамъ итальянскихъ и иностранныхъ университетовъ, которые должны прибыть съ сѣвернымъ поѣздомъ. Студенческія депутаціи пріѣзжаютъ каждый день, и всѣ онѣ принимаются на вокзалѣ особымъ комитетомъ, дежурящимъ здѣсь передъ приходомъ поѣздовъ. Но на нынѣшній вечеръ назначена особая церемонія для такого пріема; къ тому же вмѣстѣ съ гостями должны нынѣ прибыть и огромный волъ, принесенный въ даръ студентамъ Болонскаго университета студентами Падуи (гербъ этого города—волъ), бочка вина въ 1.000 бутылокъ, ѣдущая для той же цѣли изъ Турина, и колоссальный сыръ, присланный студентами Павійскаго университета. Вся эта складчина предназначена для общаго пира, имѣющаго быть въ одинъ изъ ближайшихъ дней въ Казалеккіо (Casalecchio), красивой деревушкѣ, пріютившейся у подножія Апеннинъ.

Праздничный кортежъ былъ заранѣе строго обдуманъ и потому отлично выполненъ даже въ мелкихъ подробностяхъ. Онъ открывался экзскадрономъ изъ 25—30 всадниковъ; за нимъ слѣдовали коляски со студентами, составлявшими распорядительное бюро по устройству юбилея; здѣсь же размѣщены были и депутаціи, прибывшія раньше. Члены этихъ послѣднихъ ѣхали въ полной формѣ, съ знаменами корпорацій, къ которымъ они принадлежали. Каждому пріѣзжему студенту кромѣ того былъ присвоенъ особый знакъ для ношенія на груди. Иностранные, преимущественно нѣмецкіе, студенты были въ своихъ традиціонныхъ, хотя часто и весьма некрасивыхъ, шапочкахъ, въ разноцвѣтныхъ шарфахъ, ботфортахъ и съ обнаженными саблями, поднятыми вверхъ. За колясками шла громадная толпа болонскихъ и итальянскихъ студентовъ, приготовившихъ себѣ къ юбилею разноцвѣтные береты по образцу студентовъ XV ст., сохранившемуся въ миніатюрахъ рукописей Болонскаго Государственнаго Архива. Эти, своеобразнаго покроя, шапочки—бѣлаго цвѣта у филологовъ, красныя у медиковъ, голубыя у юристовъ, зеленыя у математиковъ и естественниковъ—пестрѣющія на тысячахъ головъ, производятъ подъ здѣшнимъ небомъ, подъ этимъ ослѣпительнымъ солнцемъ, при этомъ всеобщемъ оживленіи молодыхъ южныхъ лицъ, чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Неожиданная новинка привлекаетъ вниманіе и любопытство горожанъ, а такъ какъ итальянцы

выражаютъ свои чувства непремѣнно громко и со свойственной имъ жестикуляціей, присущей и синьору и простолюдину, и синьерѣ и крестьянкѣ, то уже одно появленіе на улицахъ странныхъ академическихъ беретовъ составило предметъ весьма оживленныхъ разговоровъ и замѣчаній смотрѣвшей толпы.

На вокзалѣ знамена университетскихъ корпорацій и итальянскихъ городовъ были выставлены въ рядъ; распорядительный комитетъ въ полномъ составѣ прошелъ вмѣстѣ съ гостями впередъ и ожидалъ прибытія поѣзда. Масса студентовъ наполняла сборный залъ, который однако не могъ вмѣстить всѣхъ; многіе вынуждены были стоять на площади передъ вокзаломъ и терпѣть отъ сильно припекавшей здѣсь жары. Кому-то изъ находившихся внутри пришла мысль крикнуть: „впередъ, на платформу!“—и въ одинъ моментъ студенты поскакали черезъ барьеръ къ выходнымъ дверямъ. Этотъ неожиданный случай смутилъ было желѣзнодорожную администрацію, такъ какъ студенты запрыгали и по багажному отдѣленію, нарушивъ здѣсь всякій порядокъ. Но стоило явиться на барьерѣ представителю распорядительнаго комитета, студенту Пьетри (Pietri) и громко произнести нѣсколько увѣщательно-повелительныхъ словъ, чтобы начавшееся скаканье прекратилось совсѣмъ.

Подали сигналъ приближенія поѣзда, двери на дебаркадеръ растворились—и всѣ, кто могъ, вышли на встрѣчу. Еще издали замелькали изъ вагоновъ платки, шляпы, фуражки, даже зонтики и трости, и клики evviva Bologna! evviva Italia! спорили съ пронзительными свистками подходившаго локомотива. Музыка, взмахи разноцвѣтныхъ беретовъ, аплодисменты и оглушительные возгласы по адресу гостей и приславшей ихъ родины были отвѣтомъ со стороны ожидавшей здѣсь студентской семьи. Нужно ли говорить о сердечности объятій и поцѣлуевъ, которые видѣлись повсюду, объятій и взаимныхъ привѣтовъ этихъ юныхъ лицъ, встрѣтившихся впервые и сошедшихся здѣсь съ разныхъ концовъ академическаго свѣта? Все это разумѣется само собою.

Принявъ и размѣстивъ гостей по колясками, позаботились и о дарахъ Падуи, Павіи и Турина. Вола украсили розами и гирляндами зелени и надѣли на него пурпуровое покрывало, отдѣланное богатымъ позументомъ. Огромный и хорошо откормленный бѣлый быкъ въ такомъ нарядѣ имѣлъ торжественный видъ. Бочка съ виномъ, украшенная зеленью, лентами, расписанная художественной кистью туринскаго

живописца и со стихами вакхическаго свойства въ родѣ слѣдующихъ:

Ave, color vini clari,
Ave, sapor sine pari,
Tu nos inebriari
  Digneris potentia.

***

Primum gotum
Bibe totum,
Ad secundum
Vide fundum,
Tertium erit
Sicut primum.
Et sic semper
  Bibe vinum.

***

Bibitores, exultemus!
Vinum bonum, quod habemus,
Adaquantes condamnemus
  Ad aeternam tristitiam!..

Эта бочка была поставлена на колесницу, запряженную двумя парами тучныхъ и блестѣвшихъ бѣлизною воловъ. На верху помѣстился Вакхъ: въ довольно легкомъ костюмѣ, хотя и съ тигровой кожей черезъ плечо, съ большимъ вѣнкомъ изъ виноградныхъ листьевъ, съ сильно нарумяненнымъ лицомъ, онъ то-и-дѣло попивалъ во время процессіи красное вино изъ . . . бутылки! (это была уже погрѣшность противъ исторіи античнаго быта), потому, нужно думать, что сначала намѣренныя раскачиванія подъ конецъ церемоніи сдѣлались для этого Вакха легче и натуральнѣе... У ногъ его раскинулась въ живописной позѣ красивая вакханка съ кубкомъ въ рукахъ. Около этой группы скакалъ, потѣшно припрыгивая, козлоногій сатиръ съ своей лирой. Въ особой римской колесницѣ, запряженной парой бѣлыхъ быковъ, ѣхала Церера съ рогомъ изобилія въ одной рукѣ и серпомъ въ другой. И Вакхъ, и сатиръ съ вакханкой, и дородная Церера—все это были закостюмированные студенты, равно какъ и хоръ усатыхъ дѣвъ, сопровождавшій огромный сыръ, даръ Павіи.

Впереди кортежа помѣстилась конница; затѣмъ слѣдовала бочка съ своей свитой; въ третьей линіи важно выступалъ четвероногій падуанскій уроженецъ, не понимавшій, за что ему нынѣ выпала такая честь на долю и, конечно, не подозрѣвавшій, что не далѣе какъ завтра же его распластаютъ на мелкіе куски, которые и съѣдятся тѣми, кто нынѣ

его украшаетъ и столь усердно чествуетъ. За воломъ новая масса разноцвѣтныхъ студенческихъ шапочекъ. Сыръ обложенъ былъ серебрянымъ покрываломъ; его экскортировали и юноши, и дѣвы. Наиболѣе длинную часть процессіи составляли коляски съ иностранными представителями студенчества, собравшимися сюда изъ Германіи, Австріи, Англіи, Испаніи, Греціи, Румыніи и Финляндіи.

Шествіе направлено было по главнѣйшимъ и болѣе многолюднымъ улицамъ Болоньи (Via dell' Independenza, piazza Vittorio Emmanuele, vie D'Azelio, Farini, S. Stefano, Zamboni, Veterinaria), такъ что большая часть жителей могла любоваться этой невиданной процессіей университетской молодежи. Окна, балконы, колонны и пилястры аркадъ, обрамляющихъ здѣшнія улицы, по мѣстамъ даже крыши были залиты зрителями. Отцы принимали живое участіе въ веселомъ праздникѣ своихъ лучшихъ дѣтей, выражая это радушнымъ привѣтомъ и кликами. Дамы бросали изъ оконъ цвѣты и зелень, махали платками и едва-ли уступали мужчинамъ въ этомъ праздничномъ гамѣ, въ этомъ опьяненіи общей радости, охватившемъ Болонью.

Болѣе 70.000 человѣкъ были свидѣтелями и участниками этой церемоніи—и нигдѣ никакого безпорядка (кромѣ вышеуказаннаго случая), никакого повода ко вмѣшательству полиціи. Послѣдней было и крайне мало, да и та являлась только зрительницей происходившаго передъ ея глазами. Она стояла по два, по три берсальера, въ толпѣ, на значительномъ другъ отъ друга разстояніи. Этотъ образцовый порядокъ объясняется и сознаніемъ важности наступающихъ дней, когда старая и „ученая“ Болонья должна будетъ показать себя передъ цѣлымъ свѣтомъ, и старательной подготовкой студентовъ къ задуманной церемоніи. Такъ вызвались быть всадниками только студенты, привычные къ верховой ѣздѣ; лошади были взяты изъ конюшенъ мѣстнаго кавалерійскаго полка, офицеры котораго дали нѣсколько предварительныхъ уроковъ и ознакомили каждаго съ характеромъ его коня.

Процессія кончилась послѣ заката солнца, при электрическомъ освѣщеніи вышепоименованныхъ улицъ. Быка, сыръ и бочку оставили пока въ ветеринарномъ институтѣ. Дальнѣйшая исторія этихъ столь торжественно принятыхъ даровъ пока неизвѣстна; но достовѣрно лишь одно, вола зарѣжутъ, изжарятъ и съѣдятъ, вино раскупорятъ, разольютъ по бутылкамъ и фіаскамъ и скоро отъ нея останется лишь одно пріятное воспоминаніе; сыръ, съ придачею хлѣба, бу-

детъ служить неизбѣжнымъ ингредіентомъ студенческихъ ширшествъ.

На завтрашній день (воскресенье) назначенъ пріемъ студентскихъ депутацій въ университетскомъ зданіи.

10-е іюня.

Церемонія, по росписанію, должна начаться въ 1 ч. пополудни; чтобы получить удобное мѣсто, я былъ въ университетѣ уже къ 12 часамъ. Въ залу для пріема обращенъ внутренній дворъ зданія, приходившійся для даннаго случая какъ нельзя болѣе. Онъ имѣетъ форму квадрата, со всѣхъ сторонъ окружаютъ его два яруса просторныхъ галлерей; въ верхней галлереѣ выстроены ложи. Покрытый парусиннымъ навѣсомъ, украшенный по всѣмъ пилонамъ иностранными, своимъ національнымъ и городскими флагами, съ массой гирляндъ зелени и цвѣтовъ по аркадамъ галлерей, съ декоративными деревьями въ углахъ, это импровизованное зало было весьма эффектно и само по себѣ. Къ половинѣ перваго начали сходиться депутаціи съ знаменами, флагами, адресами въ рукахъ. Для избѣжанія какихъ-либо замѣшательствъ, залъ былъ строго распланированъ: впереди—большой, покрытый зеленымъ сукномъ столъ и стулья для чиновъ распорядительнаго комитета, налѣво—мѣсто для депутацій, направо—для почетныхъ гостей не-студентовъ; студенты наполняли все остальное пространство, помѣстившись, гдѣ и кто какъ хотѣлъ. Въ ложахъ верхней галлереи сидѣли профессорскія семейства и почетныя дамы Болоньи и другихъ городовъ, пріѣхавшія на университетскій праздникъ. Всѣмъ распоряжались сами студенты; они встрѣчали гостей у подъѣзда, они ихъ вели по коррідорамъ и указывали каждому свое мѣсто. Все это дѣлалось умно, любезно, съ соблюденіемъ формъ самой изысканной вѣжливости. Чтобы не оставлять гостя одного, особенно если это былъ иностранецъ, одинъ изъ студентовъ оставался при немъ, пока не подходилъ къ этому кто-нибудь изъ его знакомыхъ. Такъ усадивши одного, студентъ бѣжалъ къ дверямъ принимать другаго, третьяго. Чрезвычайно любезный характеръ болонцевъ нашелъ здѣсь свое лучшее выраженіе.

Университетская администрація не принимаетъ въ этомъ исключительно студенческомъ дѣлѣ никакого участія. Ректоръ, какъ вчера, такъ и нынѣ, расхаживаетъ въ простомъ сюртучкѣ, безъ инсигній своей власти, какъ посторонній зритель и держится въ публикѣ, на верху между дамами.

Залъ уже полонъ, разноцвѣтные береты сидящихъ и

стоящихъ въ нижней галлереѣ студентовъ придаютъ ему въ эту минуту пестрый, яркій, красивый видъ. Среди обычныхъ разговоровъ вдругъ раздается сильный трескъ аплодисментовъ и крики evviva! Всѣ обратились въ сторону входной двери и увидѣли появившагося здѣсь въ мантіи сѣдаго старика-ректора Эдинбургскаго университета, профессора W. Muir, также пожелавшаго посмотрѣть на эту студенческую церемонію.

Въ началѣ 2-го предсѣдатель занялъ свое кресло, за нимъ размѣстились другіе члены—и засѣданіе объявлено открытымъ. Первымъ говорилъ отъ лица Болонскихъ студентовъ ихъ представитель Пьетри. Это—молодой человѣкъ лѣтъ 22, небольшаго роста, чрезвычайно смуглый, съ большими и выразительными глазами. Мы уже имѣли случай сказать, что онъ состоитъ на физико-математическомъ факультетѣ. Рѣчь онъ держалъ длинную, очевидно, хорошо къ ней приготовившись. Говорилъ громко, плавно, сознавая важность минуты и какъ человѣкъ, на этотъ разъ облеченный властью, какъ хозяинъ. Отказываясь говорить о научной славѣ старѣйшаго университета въ Европѣ, объ ученыхъ подвигахъ старинныхъ Болонскихъ юристовъ, о первыхъ преподавателяхъ анатоміи человѣческаго тѣла, объ открытіи Гальвани, не смѣя говорить и о той роли, которую играла здѣшняя высшая школа въ созданіи другихъ школъ и университетовъ Италіи и другихъ странъ—такъ какъ эти и подобныя рѣчи, по его словамъ, доказали бы только его неумѣстныя и несвойственныя студенту претензіи,—онъ обратился къ гостямъ съ горячимъ привѣтомъ и воззваніемъ путемъ серьезнаго ученія стремиться, по мѣрѣ силъ, быть достойными, въ дѣлѣ научнаго прогресса, продолжателями тѣхъ наставниковъ, которые показали столько примѣровъ энергіи и неустаннаго шествія впередъ въ сферѣ избранной науки. А такъ какъ научныя преуспѣянія невозможны безъ благодѣяній мира, то необходимо, по выходѣ изъ стѣнъ университета въ практическую жизнь, заботиться о содѣйствіи общему миру, объ упроченіи его у всѣхъ народовъ. Рѣчь его заканчивалась благодарностью студентамъ, съѣхавшимся въ Болонью, благодарностью за понесенный трудъ во имя ея университета.

Затѣмъ, послѣ продолжительной овація въ честь даровитаго оратора, начали въ установленномъ порядкѣ, выходить на средину залы депутаціи. Говорились рѣчи и читались адреса на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ, итальянскомъ. Начали греческіе студенты, кото-

рыхъ явилось на праздникъ 17 человѣкъ. Нужно ли прибавлять, что рѣчь каждаго депутата покрывалась дружнымъ взрывомъ восторженныхъ одобреній.... Особый почетъ со стороны и своихъ, и иностранцевъ оказанъ былъ депутатамъ римскаго университета, явившимся на праздникъ со штандартомъ студенческаго легіона, изорваннымъ на войнѣ за объединеніе Италіи: нѣмецкіе студенты преклонили предъ ними обнаженныя сабли, другія депутаціи склонили свои знамена—и долго стономъ стояли въ залѣ возгласы: „да здравствуетъ неприкосновенный Римъ!“. Засѣданіе окончилось чтеніемъ адресовъ, полученныхъ черезъ почту, и многочисленныхъ телеграммъ. Затѣмъ гости были приглашены къ завтраку, устроенному въ одной изъ аудиторій.

Отъ лица старшей Болоньи, отъ лица отцовъ въ этотъ же день привѣтствовалъ студентовъ президентъ академіи художествъ, профессоръ Энрико Панцакки (Enrico Panzacchi), послѣ знаменитаго Кардуччи, о которомъ намъ придется говорить не разъ, первый поэтъ современной Италіи. Свою рѣчь онъ держалъ въ театрѣ Брунетти. Между его слушателями однихъ студентовъ было болѣе 1.500 человѣкъ. Превосходный ораторъ и привыкшій къ ораторскимъ тріумфамъ, и онъ, при видѣ этого одушевленія, этого всеобщаго восторга молодежи, часто прерывавшей его своими кликами, не разъ вынужденъ былъ останавливаться и терять нить мысли. Въ обращеніи къ студентамъ-итальянцамъ, предостерегая отъ входящаго въ моду пессимизма въ воззрѣніяхъ на жизнь, онъ воодушевлялъ ихъ на серьезный и постоянный умственный трудъ, воодушевлялъ готовить изъ себя честныхъ и дѣятельныхъ сыновъ своего отечества, будущая судьба котораго находится въ ихъ рукахъ. Въ иностранцахъ онъ привѣтствовалъ возвращеніе въ Болонью внуковъ тѣхъ старыхъ французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, грековъ, славянъ, которые въ славные вѣка Болонской высшей школы приходили сюда и подолгу жили здѣсь, какъ студенты.

Нынѣшній день былъ чисто студенческимъ днемъ. Въ 6-мъ часу молодежь огромной массой и въ экипажахъ, и пѣшкомъ явилась на вокзалъ встрѣчать французскихъ студентовъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, гости усажены были въ коляски вмѣстѣ съ представителями нѣмецкаго студенчества, также выѣхавшими сюда по этому случаю, и процессія двинулась въ обратный путь. Скоро этой формы пріема показалось мало: при видѣ полнаго согласія и непринужденности отношеній, завязавшихся между этими мо-

лодыми представителями двухъ націй-соперницъ, и обрадованные этимъ итальянскіе студенты выпрягли лошадей и мѣсто ихъ заняли сами. Такъ въ веселой процессіи они довезли своихъ новыхъ товарищей до самаго отеля.

Въ 9 часовъ городъ далъ спектакль въ честь студентовъ. Шла опера Рихарда Вагнера „Тристанъ и Изольда", съ превосходной пѣвицей—сопрано Каттанео. Студенты наполняли весь партеръ и нѣсколько ложъ. Какъ въ другихъ публичныхъ засѣданіяхъ, они и въ театрѣ не снимали своихъ цвѣтныхъ шапочекъ, служащихъ имъ и формой, и главнымъ доказательствомъ принадлежности къ студенческой корпораціи. Въ антрактахъ имъ предлагались лимонадъ, фрукты, мороженое, конфекты.

И здѣсь мы имѣли новый случай убѣдиться въ необыкновенной любезности Болонской молодежи. Дѣло въ томъ, что, желая быть на этомъ спектаклѣ, три москвича: Н. В. Склифосовскій, профессоръ консерваторіи Н. Д. Кашкинъ и я пришли въ театръ поздно, когда мѣста, оставленныя для публики, были уже разобраны, можно было получить лишь мѣсто въ партеррѣ за креслами. Мы должны были помириться и стали въ собравшейся здѣсь толпѣ. Но иностранцевъ скоро замѣтили, явился одинъ изъ распорядителей и усадилъ ихъ въ первыхъ рядахъ.

11-е іюня.

Если вчерашній день былъ чисто студенческимъ праздникомъ, то нынѣ студенты играли въ юбилеѣ уже второстепенную роль. Интересъ дня сосредоточенъ былъ на въѣздѣ королевской фамиліи въ Болонью, на представленіи университетскихъ депутацій синдику города, на открытіи памятника Виктору Эммануилу, на роскошной факельной процессіи и на раутѣ, данномъ королемъ въ честь профессоровъ.

О намѣреніи королевской фамиліи присутствовать на юбилеѣ университета было извѣстно издавна. Заранѣе было оповѣщено въ газетахъ, что король, королева и наслѣдникъ прибудутъ 10-го числа; въ виду этого составлено было и росписаніе празднествъ. Но какое-то неожиданное обстоятельство послужило помѣхой исполненію этой программы: король съ семействомъ могли прибыть только утромъ 11-го.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ короля Гумберта лѣтомъ 1880 г. въ Римѣ; въ то время онъ былъ еще очень худъ, хотя уже и не такъ, какимъ я встрѣтилъ его въ Палермо въ 1875 г., когда его поразительная худощавость бросалась

въ глаза всякому, а въ итальянскомъ обществѣ можно было слышать опасенія за его здоровье. Но съ тѣхъ поръ миновали 13 лѣтъ и миновали къ лучшему: нынѣшній Гумбертъ—полный, съ наклонностью къ тучности, съ свѣжимъ румянымъ лицомъ и яснымъ, хотя и нѣсколько суровымъ взглядомъ. Онъ держится прямо, поступь его твердая. При такихъ свойствахъ сплошная сѣдина на лицѣ и головѣ не производитъ въ немъ впечатлѣнія старика, а только преждевременно, рано посѣдѣвшаго брюнета, какъ это сплошь и рядомъ встрѣчается на югѣ. Сильно измѣнилась и очень пополнѣла и королева Маргарита, этотъ идолъ, эта женщина, боготворимая всѣми итальянцами. И дѣйствительно, это обожаніе всеобще: въ послѣднія 14 лѣтъ я былъ въ Италіи три раза, живалъ здѣсь годами, изъѣздилъ ее вдоль и поперекъ: и въ Сициліи, въ вѣчно мятежномъ, волнующемся Неаполѣ, въ Апуліи, въ горахъ Самнія и Абруццъ, въ Лаціумѣ, въ Тосканѣ, Ломбардіи и Пьемонтѣ—вездѣ и отъ людей всевозможныхъ общественныхъ положеній приходилось мнѣ слышать лишь хвалы и благословенія по адресу Маргариты, какъ наслѣдной принцессы, такъ и королевы. Ея именемъ называются сады, улицы, площади городовъ, ей посвящено множество благотворительныхъ учрежденій королевства; матери даютъ это имя дочерямъ; продавцы и ремесленники, въ надеждѣ на лучшій сбытъ своихъ товаровъ, непреминутъ налѣпить на свои произведенія ея портретъ или вывѣсить ярлыкъ съ ея дорогимъ для всѣхъ именемъ. А это имя – синонимъ доброты, ласки, помощь больнымъ и страждущимъ, синонимъ всепрощенія другимъ ихъ прегрѣшеній...

Велика привязанность итальянскаго народа и къ Гумберту, равно какъ и къ другимъ членамъ Савойскаго дома, начавшаго въ лицѣ Виктора Эммануила новую эру, новую эпоху въ его исторіи. И по свойственной южнымъ народамъ экспансивности характера, и по необыкновенной доступности самой королевской фамиліи, итальянцы держатся къ Гумберту, Маргаритѣ и наслѣднику престола чрезвычайно близко. Никакая полиція не въ состояніи отогнать и синьеровъ и простолюдиновъ, и молодыхъ и старыхъ отъ коляски царственныхъ особъ; экипажи обыкновенно двигаются при этомъ медленно; стономъ стоятъ надъ городомъ оглушительные возгласы: evviva il Re, evviva la Regina, evviva Margherita! При такихъ обстоятельствахъ королю не остается ничего инаго, какъ, снявъ шляпу, раскланиваться направо и налѣво, что́ обыкновенно Гумбертъ и дѣлаетъ,

если только на немъ нѣтъ военной формы. Такія сцены не разъ я видалъ въ Римѣ и Неаполѣ. Торжественъ и трогателенъ былъ пріемъ королевскому семейству и въ Болоньѣ, этомъ центрѣ провинціи, отличающейся радикализмомъ въ политикѣ. Студенты, и свои, и пріѣзжіе, не уступали никому въ этомъ общемъ энтузіазмѣ. Они толпились подлѣ самой коляски высокихъ гостей и эскортировали ихъ до воротъ муниципальнаго палаццо, гдѣ остановился дворъ. О гвардіи, объ охранѣ, даже о военной свитѣ нѣтъ здѣсь и помина.

Пріѣздъ короля задержалъ синдика и потому вмѣсто 10 часовъ утра онъ могъ явиться въ коммунальную публичную библіотеку—гдѣ назначено было представленіе—только въ 11½. Представленіе это вышло, къ сожалѣнію, совсѣмъ не тѣмъ, какъ его ожидали. Мы думали, что депутаты университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ и ученыхъ учрежденій будутъ размѣщены въ залѣ по національностямъ, что синдикъ вмѣстѣ съ ректоромъ обойдутъ всѣхъ и поговорятъ съ каждою группой. Въ собравшемся здѣсь обществѣ слышалось желаніе, чтобы каждый членъ былъ названъ по имени, и чтобы ректоръ познакомилъ депутатовъ между собою. А послѣднее было необходимо, потому что доселѣ мы не имѣли возможности сойтись гдѣ-нибудь вмѣстѣ и начать взаимное знакомство. Но ничего такого здѣсь не вышло. Итальянскіе и иностранные профессора собрались всѣ въ одну толпу, такъ что никто не зналъ своего сосѣда, откуда и кто они. Синдика представилъ намъ ректоръ, возведши его на каѳедру и сказавши: „вотъ-де, господа, это нашъ синдикъ“, а затѣмъ, повернувшись къ нему и указывая на стоявшую массу ученыхъ мужей, проговорилъ: „а вотъ это, господинъ синдикъ, представители университетовъ и академій“. Вышло очень коротко и неясно. Если мы могли разсмотрѣть синдика, то онъ насъ никоимъ образомъ. Въ качествѣ хозяина города, онъ сказалъ рѣчь, приличествующую случаю, и затѣмъ предложилъ гостямъ прохладительные напитки, кофе, мороженое. Здѣсь каждый долженъ былъ самъ уже искать себѣ собесѣдниковъ и заводить новыхъ знакомыхъ. Церемонія взаимнаго представленія обыкновенно была такая: „честь, молъ, имѣю рекомендоваться я—такой-то; сдѣлайте мнѣ одолженіе—скажите ваше имя и учрежденіе, представителемъ котораго явились вы“ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Но все это было безпорядочно и весьма неудобно, и всѣ мы вышли какъ-то мало удовлетворенные.

Въ 5 часовъ пополудни начался сборъ публики на торжество открытія памятника Виктору Эммануилу, поставлен-

наго передъ муниципальнымъ дворцомъ, посрединѣ площади, носящей теперь имя перваго короля возрожденной Италіи. Черезъ какой-нибудь часъ эта площадь со всѣми смежными зданіями представляла восхитительную картину, память о которой едва-ли когда-нибудь исчезнетъ у иностранца, ее видѣвшаго. Способъ размѣщенія возможно большаго числа зрителей и участниковъ церемоніи былъ строго и старательно обдуманъ; планъ распредѣленія делегацій, съѣхавшихся сюда для этой цѣли изо всей Италіи, заранѣе былъ напечатанъ въ мѣстныхъ газетахъ и въ видѣ афишъ расклеенъ по улицамъ. Съ извѣстнаго часа на площади прекращена была ѣзда; входы сюда и на выстроенныя трибуны въ прилежащихъ мѣстахъ были обозначены большими условными буквами. Оттого сложная процедура размѣщенія крайне разнородной публики въ этомъ большомъ пространствѣ дѣлалась какъ бы сама собою. Черезъ часъ piazza Vittorio Emmanuele представляла неописуемую пестроту знаменъ,—гражданскихъ и военныхъ формъ, блестѣвшихъ золотомъ и серебромъ, штандартовъ городскихъ сословій, огромнаго числа всевозможныхъ промышленныхъ, коммерческихъ, художественныхъ ассоціацій—каждая со своими представителями и инсигніями, нерѣдко съ своими музыкантами въ установленной формѣ. Тихо и въ величайшемъ порядкѣ заняли мѣста представители полковъ и флота; ближе всѣхъ къ памятнику отведено было помѣщеніе для старыхъ гарибальдійцевъ, явившихся съ своимъ боевымъ знаменемъ и въ красныхъ рубашкахъ; многіе изъ нихъ уже дряхлые, едва двигающіеся старики, но и они пришли сюда на этотъ національный праздникъ.

Прямо противъ Виктора Эммануила воздвигнута была королевская ложа и по обоимъ бокамъ отъ нея особыя трибуны: справа—для представителей сената и палаты депутатовъ, дипломатическаго корпуса, для синдиковъ итальянскихъ городовъ, для Болонской думы, огромныя ложи для дамъ, явившихся сюда въ большомъ количествѣ; слѣва, рядомъ съ королевской ложей, помѣщено было ученое сословіе, съѣхавшіеся депутаты и профессора мѣстнаго университета. Студенты наполняли ближайшее пространство внизу—и они стояли съ своими флагами, каждый около знамени своего университета, въ своихъ неизмѣнныхъ беретахъ.

Заиграли такъ называемую marcia reale,—столь любимый итальянцами королевскій маршъ, и царственная семья тихо и торжественно стала приближаться изъ муниципальнаго дворца къ ложѣ. Моментъ появленія ея передъ народомъ,—этотъ моментъ всеобщаго покоренія сыну Виктора Эммануила

и боготворимой Маргаритѣ, эти возгласы многотысячной толпы, эта музыка, этотъ звонъ колоколовъ—не поддаются нашему слабому описанію. Въ такую минуту занавѣсъ со статуи упалъ и величаво-простая фигура всемірно прославленнаго короля открылась передъ зрителями. Викторъ Эммануилъ представленъ сдерживающимъ испуганнаго выстрѣломъ коня—въ позѣ наиболѣе естественной, безъ этой столь надоѣвшей въ конныхъ статуяхъ напускной важности. Памятникъ—работы лучшаго скульптора Италіи Монтеверде. Восторгамъ народа наступилъ конецъ лишь съ солнечнымъ закатомъ. Король, выслушавъ сказанныя ему синдикомъ города и представителемъ провинціи рѣчи, сошелъ вмѣстѣ съ королевой внизъ и, свои среди своихъ, они долго ходили вокругъ памятника, бесѣдуя съ гарибальдійцами и городскими депутаціями; не обошли они вниманіемъ, конечно, и студентовъ, разспрашивая пріѣзжихъ, откуда и кто они. Ободренная этой лаской молодежь, въ количествѣ нѣсколькихъ человѣкъ, скоро появилась зачѣмъ-то въ самой королевской ложѣ. Черезъ эту же ложу пронесли и огромный вѣнокъ, присланный студентами-итальянцами изъ южной Австріи, которымъ правительство, какъ писали, изъ политическихъ видовъ сначала будто-бы отказывало въ позволеніи отправить своихъ депутатовъ. Но или этотъ запретъ былъ отмѣненъ, или газетные слухи были невѣрны, потому что хотя и поздно, но демонстраціонный вѣнокъ положенъ былъ депутатами къ подножію памятника, и депутаты были представлены здѣсь королю.

Съ закатомъ солнца городскимъ управленіемъ дана была превосходная факельная процессія. Итальянцы, какъ никто въ мірѣ, мастера устраивать фейерверки и, можетъ быть, какъ никто въ мірѣ, любители этихъ ночныхъ свѣтовыхъ эффектовъ. Стоитъ пожить здѣсь весну и лѣто и поѣздить по захолустнымъ деревнямъ, чтобы убѣдиться и въ пристрастіи ихъ къ этому, и въ умѣньѣ пользоваться огнемъ для этой цѣли. Ни одна, даже бѣднѣйшая, деревушка не обойдется безъ иллюминаціи, безъ факельной процессіи въ свой храмовой праздникъ. Намъ разъ пришлось прожить нѣсколько лѣтнихъ праздниковъ въ глухихъ селеньяхъ острова Искіи—и никогда не забыть мнѣ тѣхъ волшебныхъ картинъ горной природы, освѣщавшейся многими тысячами огней всевозможныхъ цвѣтовъ и формъ въ глубокія темныя іюльскія ночи. Длинный рядъ такихъ же иллюминацій видѣли мы въ другое время въ деревняхъ и городкахъ побережья Неаполитанскаго залива. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что и

факельное шествіе, данное въ Болоньѣ, въ присутствіи королевской семьи, массы итальянцевъ и иностранныхъ гостей, поражало и богатствомъ, и вкусомъ, и необыкновенною красотою. На счетъ города нанято было 600 человѣкъ солдатъ для участія въ этой процессіи. Раздѣленные на партіи, человѣкъ по 5-10-15, они несли на длинныхъ шестахъ свои огненныя знамена, мѣнявшіяся въ сочетаніи цвѣтовъ и формъ съ каждымъ отдѣленіемъ. Этотъ рядъ бѣлыхъ, синихъ, зеленыхъ, красныхъ, желтыхъ, фіолетовыхъ и другихъ огней во всевозможныхъ соединеніяхъ и фантастическихъ видахъ извивался блестящей змѣею болѣе чѣмъ на версту: тутъ были и кресты, и букеты цвѣтовъ, звѣзды, гербы городовъ, гондолы, цѣлые огненные тексты... Продефилировавши передъ дворцомъ и мимо памятника Виктора Эммануила, процессія направилась, сопутствуемая массою народа, по всѣмъ главнымъ и болѣе многолюднымъ улицамъ. Королевское семейство и дворъ смотрѣли на эту иллюминацію съ балкона и изъ оконъ муниципіи.

Раутъ начался въ 10 ч., съ появленіемъ въ пріемныхъ залахъ короля подъ руку съ королевой и наслѣдникомъ. Гумбертъ и молодой Викторъ Эммануилъ были въ черныхъ фракахъ и отличались отъ остальныхъ гостей лишь орденомъ Аннунціаты.

Остановившись на нѣкоторое время для привѣтствія дамъ, они затѣмъ перешли въ главную залу, гдѣ было собрано все ученое сословіе. Представлялъ, кого зналъ въ лицо или кто того желалъ самъ, королю ректоръ. И нужно было удивляться той легкости, съ которою Гумбертъ началъ разговоръ съ этими людьми, сошедшимися со всего свѣта: окончивши бесѣду съ англичаниномъ, онъ переходилъ къ испанцу, греку, большому количеству нѣмецкихъ профессоровъ, представлявшихъ здѣсь различные университеты, французамъ, русскимъ, — и для всѣхъ и каждаго у него было ласковое любезное и подходящее слово. Когда дошла очередь представленія до одного московскаго профессора, король, услышавъ имя Москвы, сейчасъ же повелъ рѣчь о томъ впечатлѣніи, которое она произвела на него, о ея своеобразныхъ храмахъ, архитектурѣ домовъ, о Кремлѣ, о русскомъ народѣ, который такъ восторженно встрѣчалъ его здѣсь, о кн. Вл. А. Долгоруковѣ, какъ хозяинѣ Москвы, его любезности и гостепріимствѣ, о симпатичномъ характерѣ того общества, которое онъ видѣлъ у насъ; не забылъ сказать комплимента русскимъ за ихъ итальянскій выговоръ и что ему пріятно слышать го-

ворящимъ по-итальянски московскаго жителя. Комплиментъ этотъ свидѣтельствовалъ о тѣмъ большей любезности высокаго собесѣдника, что говорилъ этотъ московскій житель съ большими таки запинками. Но король былъ здѣсь истымъ итальянцемъ. Въ Италіи, едва раскроешь ротъ, съ грѣхомъ пополамъ перекусишь первое слово и начнешь мычать, подыскивая къ подлежащему сказуемое, какъ обыкновенно васъ уже любезно предупреждаютъ: „si, si, signore; ho capito“ и подсказываетъ нужное слово. И въ огромномъ большинствѣ случаевъ такая догадка оказывается правильной; сметливость итальянцевъ въ сравненіи съ другими народами въ этомъ отношеніи поразительна.

Королева держалась болѣе дамскаго общества; но многіе профессора были представляемы и ей. Любительница поэзіи и литературы, дружеская покровительница перваго современнаго поэта, проф. Джіозуѐ Кардуччи (Giosuè Carducci), латинистка и сама писательница въ области сценической критики, она оживленно бесѣдовала съ своими и иностранными учеными, быстро переходя отъ одного языка къ другому. Въ 12 часовъ, послѣ столь утомительнаго дня, на который пришлись и путешествіе, и утренній пріемъ представителей города и дамъ, и открытіе памятника, и раутъ, королева удалилась въ свои покои, а король и наслѣдникъ оставались, доколѣ не разъѣхалось все дамское общество. Нужно ли прибавлять, что обычные на югѣ rinfreschi (мороженое, лимонадъ, фруктовыя воды и т. п.), разносились по всѣмъ заламъ въ изобиліи и что, при сильной жарѣ и въ такой толпѣ, это было самымъ пріятнымъ угощеніемъ? Нужно ли упоминать, что народъ наполнялъ площадь, разстилающуюся передъ муниципальнымъ палаццо, и прилегающія аркады, что публика громко высказывала желаніе видѣть на балконѣ короля съ королевой и наслѣдникомъ и что всѣ они должны были являться на этотъ единодушный призывъ?

12-е іюня.

Праздничныя торжества быстро слѣдуютъ одно за другимъ; настала для непосредственныхъ участниковъ таки порядочная трёпка. Вчера за полночь мы вышли съ раута, а нынѣ въ 7 часовъ утра, согласно церемоніалу, должны быть въ полномъ парадѣ уже въ зданіи университета. Тамъ назначенъ сборъ депутатовъ отъ университетовъ и академій; оттуда въ алфавитномъ порядкѣ національностей отправится торжественный кортежъ въ старый университетъ или

такъ называемую Архигимназію (Archiginnasio). По газетнымъ предположеніямъ и ожиданіямъ горожанъ, эта процессія должна выйти очень эффектной. Оттого улицы, по которымъ назначено это шествіе, уже въ эту раннюю пору украшены флагами и коврами, въ иныхъ мѣстахъ перекинуты огромныя гирлянды зелени и цвѣтовъ. Жители отдаленныхъ кварталовъ, по которымъ процессія не пойдетъ, на перебой теперь же спѣшатъ помѣщаться у своихъ знакомыхъ; аркады уже въ 7 часовъ переполнены народомъ.

По мѣрѣ приближенія къ университету все чаще и чаще встрѣчаются коляски, съ какими-то господами въ разноцвѣтныхъ мантіяхъ—красныхъ, черныхъ, фіолетовыхъ, желтыхъ и т. д.—въ какихъ-то весьма страннаго покроя головныхъ уборахъ, колпакахъ, шапочкахъ, рогатыхъ клобукахъ католическихъ монаховъ и пр. Это—профессора университетовъ западной Европы, удержавшихъ историческую форму отъ эпохи своего основанія. Теперь эти академическія одежды кажутся, конечно, очень странными и отзываются маскарадомъ; ихъ извлекаютъ изъ шкафовъ нынѣшніе профессора лишь въ особо-торжественныхъ случаяхъ, давно уже смѣнивъ свой костюмъ въ обыденной жизни на сюртукъ и фракъ, не отличающіе современнаго ученаго ничѣмъ отъ остальнаго общества. Но когда-то эти тоги, эти мантіи и рясы духовныхъ орденовъ носились постоянно, безъ нихъ и безъ головнаго убора профессоръ не всходилъ на каѳедру, не появлялся ни въ аудиторіи, ни въ обществѣ. Уваженіе къ тѣмъ старымъ учителямъ, которые основали славу нынѣ дѣйствующихъ во всей западной Европѣ университетовъ и крѣпкая сила исторической традиціи, присущая здѣшнимъ высшимъ ученымъ учрежденіямъ, и служитъ причиной, что эти удивительные колпаки, эти тоги и рясы со страннымъ капюшонами живутъ въ здѣшнихъ академіяхъ и по сей день. И никому въ голову не придетъ серьезно осмѣивать или осуждать это старомодное платье. Нѣтъ, всѣ и каждый возстали бы противъ какого бы то ни было измѣненія этой освященной многими вѣками формы; всякій или искренно пожалѣлъ бы или осмѣялъ, еслибы какая-нибудь университетская корпорація сама собой вздумала въ одинъ торжественный день предстать предъ публикой въ мундирныхъ фракахъ или расшитыхъ золотомъ кафтанахъ. Тамъ, гдѣ университеты создавались самостоятельно, постепенно возникая изъ частныхъ школъ, гдѣ они представляютъ институтъ исто народный и гдѣ ихъ исторію

считаютъ многими столѣтіями, преданіе является великой нравственной силой!

Предварительный сборъ иностранцевъ назначенъ былъ въ томъ же внутреннемъ дворѣ или атріумѣ, гдѣ происходила вышеописанная церемонія пріема студенческихъ депутацій. Во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній и въ доказательство полнаго безпристрастія университета-юбиляра, національные флаги и имена государствъ размѣщены были здѣсь въ алфавитномъ порядкѣ. Каждый входившій искалъ отведенное ему мѣсто и здѣсь встрѣчался съ соотечественниками. Профессора итальянскихъ университетовъ собирались и готовились къ предстоящей церемоніи въ особомъ залѣ. Свое мѣсто отведено и для сбора студентовъ. Алфавитный порядокъ странъ соблюденъ былъ и въ распредѣленіи кортежа и потому-то американцы шли въ этомъ отдѣленіи во главѣ другихъ, тогда какъ ученая Швейцарія (Svizzera) позади всѣхъ.

Кортежъ вышелъ очень длинный, фантастически пестрый и разнообразный. Открывали его педеля Болонскаго университета, одѣтые въ средневѣковое форменное платье и съ серебряными булавами въ рукахъ. За ними слѣдовали здѣшніе студенты, не имѣвшіе кромѣ берета и праздничныхъ значковъ никакой иной формы: шли они и во фракахъ, а болѣе въ сюртукахъ, въ визиткахъ и даже пестрыхъ пиджакахъ; объединяли всю эту массу студенческой молодежи лишь разноцвѣтныя шапочки. То же нужно сказать и касательно студентовъ—пріѣхавшихъ на праздникъ изъ другихъ итальянскихъ университетовъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что фраки здѣсь встрѣчались чаще, каждая депутація знала свое знамя и маленькіе значки на груди съ аграфомъ своего университета. За студентами итальянцами шли студенты иностранныхъ университетовъ, представлявшіе изъ себя пеструю картину своеобразныхъ формъ и флаговъ.

За учащимся поколѣніемъ на нѣкоторомъ разстояніи выступало ученое сословіе, сначала профессора итальянскихъ университетовъ и ученыхъ учрежденій, съ соблюденіемъ алфавитнаго порядка городовъ, а затѣмъ иностранцы. Церемоніалъ обязывалъ соблюдать такую же очередь и этихъ послѣднихъ, но на практикѣ исполнить это было трудно, а потому каждая національность въ большинствѣ случаевъ слѣдовала en bloc, раздѣленная по возможности небольшими промежутками. Непосредственно за этимъ отдѣленіемъ занимали мѣсто бывшіе министры народнаго просвѣщенія и также почетные члены комитета по устройству юбилея. Позади

всѣхъ шла профессорская корпорація Болонскаго университета, начиная съ ректора и кончая юными, лишь вчера сдавшими свои экзамены, ассистентами. Кортежъ замыкался почетной свитой изъ представителей городскихъ сословій какъ Болоньи, такъ и всей Италіи.

Утро превосходное; на небѣ ни облачка. Процессіи, растянувшейся на огромномъ пространствѣ, пришлось двигаться между двумя плотными непрерывными стѣнами жителей и часто подъ дождемъ изъ зелени и цвѣтовъ, сыпавшихся на нее изъ верхнихъ этажей прилегавшихъ зданій, сыпавшихся изъ оконъ простыхъ обывательскихъ домовъ, изъ старинныхъ, историческихъ палаццо. Путь усыпанъ дубовыми листьями. Вѣнчали лаврами ученыхъ мужей и сѣдыя матроны, и женщины, переживающія свои цвѣтущіе годы, и дѣвушки, передъ которыми жизнь со всѣми ея радостями и разочарованіями еще впереди; вѣтки лавра и дуба и букетики цвѣтовъ метали со всего размаха даже дѣти, слѣдуя примѣру и совѣтамъ старшихъ. Картина на этомъ ослѣпительномъ солнцѣ была и яркая, чрезвычайно пестрая по колориту академическихъ одеждъ, и крайне своеобразная, рѣдкая, для огромнаго большинства зрителей совершенно новая, по рисунку. Алый цвѣтъ тогъ и мантій смѣнялся чернымъ, оранжевый укладывался рядомъ съ бѣлымъ, голубой съ розовымъ, зеленый съ темно-коричневымъ. Дорогой шелкъ двигался рука объ руку съ дешевымъ гарусомъ или легкимъ люстриномъ, простенькое сукно занимало мѣсто рядомъ съ бархатомъ, тяжеловѣснымъ трипомъ, горностаемъ и даже какой-то желтой звѣриной шкурой на мантіи ученаго, пришедшаго изъ-за океана. А эта смѣсь всевозможныхъ покроевъ, то широкихъ, то узкихъ, эти башлыки, капюшоны, накидки; это разнообразіе въ цвѣтѣ и рисункѣ шляпъ, клобуковъ и беретовъ... Точно средніе вѣка воскресли въ эту минуту или со средневѣковой картины спустились ученые доктора и задвигались теперь по улицамъ Болоньи. Жители юга любятъ все яркое, пестрое, сильно дѣйствующее на зрительный нервъ, и потому для здѣшней публики такая картина была дороже, чѣмъ еслибы то же самое устроено было на сѣромъ и холодномъ сѣверѣ, гдѣ зрѣлище подобнаго рода не произвело бы и половины такого впечатлѣнія.

Менѣе всѣхъ представляли интереса въ этомъ кортежѣ, конечно, фраки, и, нужно думать, что юныя болоньянки кидали свои лавры и цвѣты не по ихъ адресу, и если фрачники также ловили вѣтку на свою долю, то едва-ли этимъ до-

ставляли молодымъ красавицамъ какое-нибудь удовольствіе. Не помогали тутъ и орденскія ленточки, спущенныя, по здѣшнему обыкновенію, ниже, чѣмъ у священниковъ. Эти цилиндры, бѣлыя перчатки, кургузые фрачки уже слишкомъ намозолили всѣмъ глаза, и потому публика искала не ихъ. Насъ, русскихъ, явившихся только въ этомъ цивильномъ костюмѣ, рѣшительно убивали ученые Испаніи (Spagna), шедшіе въ своихъ фантастически-яркихъ мантіяхъ съ нами рядомъ.

Процессія должна была пройти площадью Виктора Эммануила, подъ окнами муниципальнаго палаццо, на балконѣ котораго стояла королевская семья и любезно раскланивалась со вчерашними гостями, которыхъ теперь трудно было узнать въ этихъ своеобразныхъ костюмахъ. Обойдя еще нѣсколько площадей и улицъ, кортежъ прибылъ въ старый университетъ или Archiginnasio, служащій теперь помѣщеніемъ для публичной коммунальной библіотеки и архива провинціи.

Для засѣданія приспособленъ атріумъ или внутренній дворъ, который много больше, чѣмъ въ новомъ университетѣ. Его также окружаетъ со всѣхъ сторонъ рядъ галлерей, онъ также въ два этажа. О древности остова этого зданія и о значеніи его въ исторіи просвѣщенія Европы говорятъ многочисленные гербы студентовъ всѣхъ странъ и народностей, которые когда-то здѣсь учились и часто проводили тутъ многіе, долгіе годы. Подъ каждымъ изъ этихъ гербовъ, украшающихъ теперь стѣны галлерей, поставлено имя, родина и время ученія владѣльца. Нужно думать, что такихъ монументальныхъ документовъ здѣсь нѣсколько тысячъ. Не будемъ описывать украшенія этой оригинальной залы-шатра съ навѣсомъ изъ флаговъ всѣхъ странъ, принимавшихъ участіе въ юбилейномъ торжествѣ, со щитами изъ такихъ же флаговъ по пилонамъ аркадъ, съ зеленью и великолѣпнымъ алымъ балдахиномъ и тономъ для королевской фамиліи. Не буду говорить подробно о томъ, въ какомъ порядкѣ разсажена была публика, скажу лишь, что верхнія ложи галлерей заняты были сенаторами, представителями дипломатическаго корпуса и дамами; что въ одной сторонѣ сидѣли профессора свои и иностранные, въ другой—публика и студенты; послѣдніе, главнымъ образомъ, занимали и нижнія галлереи. Несмотря на обширность помѣщенія, далеко не всѣ и не изъ студентовъ могли найти себѣ стулъ; много гостей должны были стоять подъ аркадами.

На верхней галлереѣ, прямо надъ королевскимъ мѣстомъ, расположился музыкальный оркестръ.

Король не заставилъ себя долго ждать. Раздались звуки оффиціальнаго марша и крики „ура“, замелькали въ воздухѣ тысячи цвѣтныхъ беретовъ, шляпъ, дамскихъ платковъ; Гумбертъ, Маргарита и Викторъ-Эммануилъ заняли свои мѣста; министры и дворъ, составляя ихъ почетную свиту, присутствовали въ ложѣ, стоя. Король пригласилъ черезъ министра народнаго просвѣщенія публику сѣсть. Актъ открылся пѣніемъ гимна, сочиненнаго къ этому случаю вышеназваннымъ поэтомъ Панцакки. Пѣла его, подъ аккомпаниментъ оркестра, та же сопрано Каттанео. Хотя эта зала-шатеръ съ своимъ холстиннымъ навѣсомъ и представляла большія неудобства въ акустическомъ отношеніи, но большой и прекрасно обработанный голосъ пѣвицы звучалъ здѣсь сильно. Длинный гимнъ Панцакки начинается привѣтомъ чужеземцамъ, собравшимся со всѣхъ концовъ міра, привѣтомъ этимъ внукамъ дѣдовъ, которые когда-то совершали тотъ же самый путь, здѣсь жили и учились; онъ ободряетъ странника входить смѣло, потому что здѣсь онъ не чужой.

Entra. Da qual tu vegna
Piaggia longinqua e strana,
Sotto la santa insegna
Della Scienza umana,
Entra, o cultor del Vero,
Qui tu non sei straniero.

Далѣе гимнъ заключаетъ хвалу Болоньѣ, этой этрусской Фельзинѣ (Felsina), къ ученымъ каѳедрамъ которой стекались слушать ея могучихъ наставниковъ и англъ, и германецъ, и сарматъ, и иберіецъ (l'Anglo, il Germano, il Sarmata e l'Ibero), гдѣ зародилась итальянская поэзія, гдѣ зачинались и выработывались поэтическіе идеалы Данта. Вторая половина гимна, которая и была положена на музыку, послѣ прославленія университета, какъ мѣста, гдѣ созрѣвали открытія Коперника и Гальвани, заканчивается воззваніемъ къ слову научной истины — носиться ему по всему міру, разсказывая о славѣ Болоньи и ея ученаго святилища, укрѣпляя падающихъ духомъ, воодушевляя борцовъ за правду, и въ послѣднемъ направленіи дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока Справедливость (Giustizia) и Истина (Verità) не сдѣлаются царицами земли.

Первымъ ораторомъ выступилъ ректоръ, извѣстный геологъ, Джіованни Капеллини. Рѣчь его была коротка и заключала въ себѣ лишь отчетъ королю о ходѣ подготови-

тельныхъ работъ по устройству юбилея и благодарность ему за принятіе этого празднества подъ свое высокое покровительство. Болѣе интереса представляла рѣчь, живо написанная и хорошо прочтенная министромъ народнаго просвѣщенія Бозелли (Commo Boselli), недавнимъ приватъ-доцентомъ философіи права въ Генуѣ. Она въ формѣ привѣта гостямъ представляла собою, главнымъ образомъ, сжатый очеркъ заслугъ университета передъ наукой съ первыхъ временъ и до нашихъ дней. При обширности темы и при краткости срока, она, конечно, не могла дать многаго, и для человѣка, незнакомаго съ исторіей итальянской науки и съ исторіей здѣшняго университета, могла, благодаря массѣ собственныхъ именъ, остаться въ частностяхъ непонятой; но въ той средѣ, гдѣ она говорилась, эти имена были своими, а общіе штрихи, которыми характеризовалъ министръ различные періоды этой многовѣковой жизни высшей школы, были настолько рельефны, что рѣчь прослушалась внимательно всѣми.

Затѣмъ читается телеграмма германскаго императора Фридриха II съ поздравленіемъ университету и упоминаніемъ о крѣпкихъ научныхъ узахъ, цѣлые вѣка соединяющихъ Болонью и Германію, читаются письма королей Шведскаго и Датскаго и Бразильскаго императора.

На ораторскую трибуну входитъ одинъ изъ профессоровъ Болонскаго университета; лѣтъ 50 съ небольшимъ, средняго роста, но коренастый и плотный, съ лицомъ, которое никакъ нельзя назвать красивымъ въ обыкновенномъ смыслѣ; по наружности это—мирный и себѣ довлѣющій буржуа. Но едва всталъ онъ на своемъ мѣстѣ, не успѣлъ произнести онъ еще ни одного слова, какъ поднялась во всѣхъ концахъ залы цѣлая и долго, долго несмолкавшая буря восторженныхъ возгласовъ и рукоплесканій. Это была всеобщая овація, въ которой принимали одинаковое участіе всѣ возрасты, представители всѣхъ собравшихся здѣсь классовъ, въ которой не отставали отъ мужчинъ и дамы, и дѣвушки, наполнявшія верхнія ложи галлерей. Этотъ, доколѣ еще не произнеслось ни одного звука, ораторъ былъ Джіозуѐ Кардуччи, первый поэтъ современной Италіи, справедливая гордость и слава итальянцевъ и рѣшительный кумиръ Болоньи. Его высокимъ авторитетомъ между профессорами объясняется и тотъ фактъ, что честь произнесенія публичной рѣчи въ этотъ знаменательный моментъ выпала ему, не юристу по спеціальности, какъ бы того требовала тема рѣчи и сущность дѣла, а историку отечественной литера-

туры. Отъ этой чести сколько онъ ни отговаривался, какъ человѣкъ, которому юридическія студіи были совершенно чужды, но университетъ настоялъ на своемъ. Онъ долженъ былъ подчиниться общему приговору, запереться на долгое время въ кабинетѣ, углубиться въ новую для него область изученія старинной юридической науки, прославившей высшую школу Болоньи. И какъ человѣкъ богато одаренный, какъ великій мастеръ публичнаго слова, Джіозуѐ Кардуччи вышелъ побѣдителемъ изъ этого почетнаго затрудненія. Центръ тяжести его рѣчи составляла характеристика знаменитыхъ болонскихъ профессоровъ римскаго права эпохи съ конца XI до начала XIV ст. Но и въ эту наиболѣе объективную часть онъ умѣлъ внести столько поэтическихъ красокъ, столько лирическихъ отступленій, что рѣдко мы видѣли такое вниманіе къ публичнымъ ученымъ рѣчамъ, съ какимъ слушали всѣ это слово Кардуччи. Еще въ большей силѣ выступилъ онъ какъ лирикъ и горячій патріотъ, когда, набросавши въ общихъ чертахъ планъ исторіи Болонскаго университета съ XIV в. до послѣдняго времени, онъ незамѣтно перешелъ къ воспоминаніямъ новѣйшихъ событій итальянской исторіи,—событій, приведшихъ Италію къ политической свободѣ, объединенію и къ обладанію Римомъ, а Болонью вмѣстѣ съ тѣмъ къ счастію увѣковѣчить имя перваго короля новой Италіи постановкою ему на своей исторической площади памятника, не уступающаго въ красотѣ лучшимъ созданіямъ античной пластики,—къ счастью, въ этотъ день 12-го іюня—въ 29 годовщину изгнанія навсегда иностранныхъ властителей изъ Болоньи (12 іюня 1859 г.—день сверженія австрійскаго ига), избранный для чествованія 800 лѣтней славы своей высшей школы,—привѣтствовать своего втораго короля, обѣщавшаго, въ присутствіи представителей всего міра, хранить Римъ, какъ неприкосновенное пріобрѣтеніе, какъ святыню. Блескъ этого слова, получившаго еще болѣе силы отъ воодушевленія, которое достигло въ ораторѣ подъ конецъ высшей степени, не поддается нашему блѣдному пересказу. И королевская семья, и публика проводили Кардуччи шумными аплодисментами, не прерывавшимися долгое время. Ораторъ долженъ былъ показываться на каѳедрѣ.

Послѣ рѣчи, длившейся болѣе $1^1/_2$ часовъ, необходимъ былъ перерывъ и отдыхъ. Кардуччи позвалъ король къ себѣ въ ложу и здѣсь онъ былъ предметомъ самаго горячаго вниманія; его поздравляли и благодарили и Гумбертъ, и наслѣдникъ, и королева, его ученая и поэтическая со-

бесѣдница. Нечего говорить, что рукопожатіямъ и привѣтамъ со стороны другихъ лицъ не было конца. Онъ былъ героемъ настоящей минуты; на него обращены были тысячи глазъ; его имя носилось по всей залѣ. Не даромъ приглашенъ былъ и фотографъ снять его стоящимъ на каѳедрѣ въ моментъ произнесенія этой рѣчи.

Заключительную часть этого засѣданія составлялъ пріемъ иностранныхъ и итальянскихъ депутацій. Въ виду сложности и продолжительности засѣданія, сначала былъ проектъ выбрать одного оратора отъ лица иностранцевъ и другаго со стороны отечественныхъ депутатовъ. Но онъ былъ скоро оставленъ ректоромъ за невозможностью, какъ говорилъ онъ, выбора между нѣмцами и французами. Ему лично хотѣлось, чтобы выразителемъ чувствъ иностранцевъ былъ профессоръ берлинскаго университета, химикъ Гофманнъ, самъ бывшій здѣсь студентомъ 40 лѣтъ тому назадъ; но французскіе академики и профессора требовали предварительнаго обсужденія этого вопроса и баллотировки. Разсужденія на эту тему, слышавшіяся вчера, скорѣе говорили за то, что пальма первенства здѣсь должна принадлежать французскому академику Гастону Буассье, авторское имя котораго хорошо знакомо всему міру. За него, какъ человѣка широко-гуманнаго образованія и удивительнаго художника въ области научнаго слова, готовы были подать голосъ и русскіе депутаты: академикъ А. Н. Веселовскій, проф. Н. В. Склифосовскій и я. То же было слышно о намѣреніи бельгійцевъ, англичанъ, датчанъ, грековъ. Но въ рѣшительную минуту ректоръ измѣнилъ планъ и предложилъ каждой національности выбрать по одному представителю съ правомъ читать привѣтствіе не болѣе... 3-хъ минутъ. Сколько ни возражали противъ этого, указывая на неизбѣжную безсодержательность такихъ короткихъ рѣчей, ректоръ настоялъ на своемъ, и гости вынуждены были подчиниться волѣ хозяина. Мы, русскіе, просили быть нашимъ ораторомъ А. Н. Веселовскаго, какъ филолога, четверть вѣка назадъ начавшаго въ Италіи свою славную ученую карьеру.

Въ предѣлахъ столь короткаго срока, конечно, не могло быть сказано ничего замѣчательнаго, тѣмъ болѣе, что этимъ ораторамъ приходилось говорить почти экспромптомъ, такъ какъ выборъ ихъ рѣшился лишь вчера вечеромъ передъ отправленіемъ на раутъ. Національности и здѣсь вызывались въ алфавитномъ порядкѣ. Говорили: отъ имени австрійскихъ университетовъ ректоръ Вѣнскаго университета Фогль, отъ

лица Венгріи проф. Абель изъ Будапешта, отъ имени Бельгіи проф. Фольграффъ, отъ имени университетовъ Скандинавіи, т. е. Даніи, Швеціи и Норвегіи, проф. Нибломъ, отъ лица французскихъ университетовъ и парижской академіи Гастонъ Буассье, за Германію Гофманнъ, за Грецію профессоръ аѳинскаго университета Аретео, прочитавшій привѣтствіе на своемъ языкѣ, за Англію проф. Лондонскаго университета Пэль; Португалію представлялъ ея посолъ при итальянскомъ дворѣ графъ Mathias Carvallo y Vasconcellos, произнесшій, не стѣсняясь установленнымъ срокомъ, длинную рѣчь о заслугахъ Болоньи и Италіи по отношенію къ его родинѣ; за университеты Румыніи держалъ слово профессоръ Іонеско изъ Яссъ; долго и со свойственной южанамъ аффектаціей ораторствовалъ испанскій посолъ, графъ Расконъ о Болоньѣ, какъ матери испанскихъ университетовъ, получившихъ отъ нея свое существованіе; за Соединенные Штаты профессоръ изъ Ньюйорка Шаффъ, за университеты южной Америки Бривіо, консулъ Чили въ Миланѣ; отъ имени Швейцарскихъ университетовъ именитый натуралистъ Фохтъ. Представители говорили большею частью по-итальянски, но также по-французски, по-латыни и даже одинъ по-гречески. Отъ лица итальянскихъ университетовъ былъ выставленъ также одинъ ораторъ, заслуженный профессоръ Неаполитанскаго университета, Пессина. Всѣмъ этимъ депутатамъ, выходившимъ къ подножію трона въ сопровожденіи своихъ товарищей, отъ имени Болонскаго университета отвѣчалъ благодарственной латинской рѣчью профессоръ Гандино, этотъ Кюнеръ Италіи, по книгамъ котораго учится латинскому языку вся гимназическая молодежь страны. Говорилъ онъ свободно, плавно, изящно; въ числѣ наиболѣе внимательныхъ слушателей его была королева, послѣ сама бесѣдовавшая съ нимъ о красотѣ его латинскаго слова. Но чтобы понимать итальянцевъ, говорящихъ и читающихъ по-латыни, намъ нужно привыкнуть къ особенностямъ ихъ произношенія; такъ они Сісего произносятъ „Чичеро“, gigno—„джиньо“, genus—„дженусе“, какъ и вообще они любятъ прибавлять краткій звукъ „е“ къ согласному окончанію словъ: dominus—„доминусе“, quorum—„кворуме“. Впрочемъ, тайна древне-латинскаго произношенія для новаго міра потеряна навсегда; невѣрно конечно читаютъ по-латыни нѣмцы, а за ними и мы; еще хуже французы и совершенно невозможно англичане, переносящіе свойства своего капризнаго произношенія на латинскій языкъ и искажающіе его до рѣшительной неузнаваемости.

Актъ закончился музыкальной симфоніей композитора Пирани; королевская фамилія, сдавленная студенческимъ кольцомъ, едва могла пробраться къ выходу и коляскѣ; послѣдняя двигалась до самаго коммунальнаго палаццо только шагомъ, вслѣдствіе невозможности отстранить студентовъ, которые проводили такимъ образомъ высокихъ гостей до ихъ временнаго дома.

Впечатлѣній вынѣшняго утра хватило бы болѣе чѣмъ на недѣлю, а между тѣмъ день далеко еще не конченъ. Предстоятъ торжественный обѣдъ, устраиваемый правительствомъ въ честь депутацій и профессоровъ мѣстнаго университета, и затѣмъ опера въ театрѣ, также съ оффиціальнымъ характеромъ. Правда, что утромъ было болѣе полезное, и на вечеръ отнесено одно только пріятное.

Банкетъ былъ сервированъ на 400 слишкомъ персонъ въ залѣ Биржи. Представителемъ правительства были префектъ провинціи и министръ народнаго просвѣщенія. Кромѣ ученаго сословія было много сенаторовъ, чиновъ палаты депутатовъ, всѣ бывшіе въ Болоньѣ дипломаты, не говоря о важнѣйшихъ чинахъ мѣстнаго коммунальнаго управленія и депутатовъ различныхъ провинцій. И за-границей пальма первенства въ кулинарномъ искусствѣ остается за французами и потому, чтобы предложить столъ достойный высокихъ хозяевъ и значенія момента, пришлось выписывать спеціалистовъ этого рода изъ Флоренціи, ресторатёровъ Doney et Neveux. Узаконенное обычаемъ число 12 для количества блюдъ, не считая сыра, фруктовъ, конфектъ и кофе, соблюдено было и здѣсь. Одинъ мой знакомый, разборчивый въ удовольствіяхъ стола, отправляясь на этотъ обѣдъ, говорилъ, что онъ дѣлаетъ это только въ силу долга и что онъ не любитель такихъ обѣдовъ, гдѣ участвуютъ сотни человѣкъ, такъ какъ нелегко въ этихъ случаяхъ приготовить все доброкачественно, даже при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ. Но послѣ тотъ же самый знатокъ дѣла съ восторгомъ отзывался о мастерствѣ приготовленія и изысканности предложенныхъ блюдъ и винъ. Въ теченіе всего обѣда играла музыка. При огромности залы и при очевидномъ настроеніи публики болѣе говорить между собою, чѣмъ слушать, кромѣ оффиціальныхъ тостовъ, другихъ рѣчей было мало. Съ подобающимъ уваженіемъ приняты были тосты за королевскій домъ и главныхъ лицъ, принимавшихъ на себя хлопоты по устройству праздника; но другихъ ораторовъ не было слышно, да и они говорили лишь въ кружкѣ правительственнаго представительства.

Къ 9 часамъ зала коммунальнаго театра стала наполняться публикой; въ ложахъ появилось аристократическое дамское общество въ праздничныхъ, блестящихъ, особенно роскошныхъ туалетахъ. Началось представленіе оперы „Тристана и Изольды“ Вагнера, а королевская ложа оставалась пустою; публика то и дѣло и изъ партерра и изъ ложъ посматривала на эту ложу. Скоро однако стало извѣстно, что король и наслѣдникъ, вслѣдствіе утренняго утомленія, въ театрѣ не будутъ, но что королева обѣщала пріѣхать. Опера шла своимъ чередомъ и также нѣсколько растянуто, какъ и въ студенческій вечеръ; вдругъ пѣніе прекращается, оркестръ перестаетъ играть, всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ и масса головъ и рукоплесканій привѣтствуютъ прибытіе Маргариты, появившейся въ сопровожденіи двухъ статсъ-дамъ, въ ложѣ синдика. Публика потребовала исполненія королевскаго марша. Такъ итальянцы не упускаютъ никакого случая заявить поклоненіе своей любимой королевѣ. Затѣмъ пѣвцы продолжали свои роли. Спектакль кончился далеко за полночь.

Пока профессора и представители различныхъ сословій и учрежденій весело сидѣли за богато сервированнымъ и изысканно приготовленнымъ обѣдомъ и потомъ кончали свой день въ театрѣ, студенты также не теряли времени и не налагали на себя обѣта воздержанія. По окончаніи акта въ архигимназіи, они около 5 часовъ большими партіями направились въ горную деревушку Казалеккіо (Casalecchio), стоящую у самаго подножія Апеннинъ. На нынѣшній вечеръ у нихъ назначенъ свой, большой товарищескій пиръ по подпискѣ. Сообщеніе между Болоньей и этимъ любимымъ мѣстомъ лѣтнихъ загородныхъ прогулокъ облегчается узкоколейной желѣзной дорогой. Снаряжены были, судя по описаніямъ, цѣлыхъ 3 спеціальныхъ поѣзда, чтобы перевезти участниковъ этого пира. На локомотивахъ и вагонахъ развивались отечественные и иностранные флаги. Населеніе не только этой деревни, но и всѣхъ другихъ принадлежащихъ къ коммунѣ, вышло далеко навстрѣчу гостямъ, выставившись по обѣимъ сторонамъ дороги. Поѣзда должны были здѣсь двигаться медленно, чтобы принять и достойно отвѣчать на привѣтствіе. Не будемъ входить въ подробности этого веселаго обѣда и вечернихъ возліяній, которыхъ мы видѣть не могли. Замѣтимъ лишь со словъ газетъ, что пировало тамъ до 730 студентовъ. Прежде чѣмъ размѣститься по столамъ, они, выстроившись въ одну линію, прошли всѣмъ селеніемъ и, въ знакъ благодарности жителямъ за вниманіе,

выразившееся и этой встрѣчей, и украшеніемъ муниципальнаго зданія, равно какъ и обывательскихъ домовъ разноцвѣтными флагами и коврами, они устроили овацію передъ домомъ синдика. Столы были разставлены на большомъ лугу въ видѣ огромной подковы съ маленькими столиками внутри. Въ знакъ братства всѣ 730 шапочекъ были надѣты на палки и изъ нихъ устроенъ интернаціональный, общій щитъ. Само собою разумѣется, была тутъ масса рѣчей, тостовъ, впрочемъ чисто академическаго, товарищескаго характера, съ выключеніемъ всякой политики, если не считать двухъ благодарственныхъ телеграммъ, посланныхъ германскому императору и президенту французской республики, написанныхъ въ высшей степени вѣжливо и почтительно. Послѣ обѣда зажжена была иллюминація; оркестръ, игравшій въ теченіе обѣда, усиленъ новыми музыкантами и затѣмъ начались танцы безъ дамъ. Каждая національность выступала съ своей родной пляской. Аплодисменты, восторженные клики, новые тосты, поцѣлуи, объятія и качанье на рукахъ. Кругомъ народъ, который угощаютъ студенты. Пустая Туринская бочка и на ней положенные рога Падуанскаго вола, освѣщенные бенгальскимъ огнемъ. Уже поздно ночью возвращались молодые люди въ Болонью и здѣсь по улицамъ прыгали кто козломъ, а кто и медлительнымъ Михалъ-Иванычемъ, смотря по комплекціи и степени усердія въ пирушкѣ. Такія немолчаливыя партіи на разсвѣтѣ двигались и мимо нашей квартиры.

13-го іюня.

Нынѣ четвертый и послѣдній день праздниковъ. Въ 9 ч. утра назначено публичное засѣданіе совѣта университета для раздачи почетныхъ докторскихъ дипломовъ нѣкорымъ изъ иностранныхъ ученыхъ и для прощальнаго привѣта, который произнесетъ профессоръ римскаго права Ченери (Ceneri). Засѣданіе должно происходить въ архигимназіи, въ томъ же помѣщеніи, гдѣ и вчера. Изъ напечатаннаго заранѣе церемоніала видно, что присутствія короля здѣсь не предполагалось; объ этомъ можно было заключить и потому, что на тронѣ, въ королевской ложѣ, сначала не было креселъ и принесли ихъ уже послѣ. Но вчерашнее собраніе съ его рѣчами представило для королевской фамиліи столько интереса, что и нынѣ, не смотря на сильную жару, Гумбертъ, Маргарита и наслѣдникъ пожелали быть снова. Публики явилось если не столь чрезмѣрно много, какъ вчера, то все же и зало, и ложи галлереи были полны; сенаторы и

члены дипломатическаго корпуса были на лицо; мѣста для дамъ опять блестѣли вчерашней аристократіей общественнаго положенія и красоты. Форменныхъ тогъ на иностранныхъ профессорахъ и академикахъ было, правда, нѣсколько меньше чѣмъ вчера, но зало все-таки пестрѣло и алыми, и желтыми, и черными мантіями съ разнообразной отдѣлкой отворотами всѣхъ цвѣтовъ. Совѣтъ здѣшняго университета былъ весь in corpore и въ полной формѣ. Студенты были въ своихъ беретахъ.

Открытіе засѣданія происходило въ томъ же порядкѣ, какъ и вчера. Подъ звуки марша вошло королевское семейство въ сопровожденіи двора; такъ же министръ народнаго просвѣщенія отъ имени короля пригласилъ публику сѣсть, оркестръ и пѣвица Каттанео повторили вчерашній гимнъ. Затѣмъ на каѳедру взошелъ деканъ историко-филологическаго факультета Гаэтано Пелличчіони (Gaetano Pelliccioni) и сказалъ на латинскомъ языкѣ привѣтствіе тѣмъ иностраннымъ ученымъ, которыхъ Болонскій университетъ возвелъ въ почетные доктора ко дню своего юбилея. Сошедши съ каѳедры и занявъ мѣсто подлѣ ректора университета у подножія трона, гдѣ на особомъ столикѣ лежали свернутые въ трубку дипломы и въ серебряномъ ларцѣ докторское кольцо, которымъ обручаютъ лауреатовъ съ университетомъ, онъ прочелъ установленную формулу возведенія въ доктора съ поименованіемъ лицъ по своему факультету и сталъ вызывать ихъ для совершенія обряда. Формула гласила: Vos, clarissimos viros (слѣдуютъ имена), a Sodalibus nuper designatos nunc Ego Philologorum Ordinis Praeses legitima qua utor auctoritate Doctores Universitatis Bononiensis, quod bonum faustum felixque sit, creo pronuntio praedico. Iamque huc accedite, doctissimi viri, quotquot adestis, ut anulo Almae Studiorum Matris digitis uniuscuiusque vestrum indito novae dignitatis ornamenta atque insignia accipiatis.

Въ числѣ возведенныхъ въ почетные доктора слышались имена французовъ Буассье, Ренана, Бреаля, Гастона Пари и другихъ, изъ нѣмецкихъ ученыхъ—Моммзена, Генриха Брунна, Куно Фишера, Шухардта, Боница и др.; англичанъ—Гладстона, Макса Мюллера, Рихарда Iebb, Вильгельма Muir и др.; изъ русскихъ эта честь выпала по данному факультету двумъ и между ними академику А. Н. Веселовскому. Первымъ въ алфавитномъ порядкѣ былъ вызванъ для обрученія Гастонъ Буассье. Это уже совсѣмъ сѣдой старикъ, лѣтъ около 60; въ обыденной бесѣдѣ живой, подвижный,

веселый и говорливый, онъ вышелъ на средину залы совершенно смущенный. При звукѣ имени этого прославленнаго парижскаго академика и при видѣ этихъ почтенныхъ сплошныхъ сѣдинъ, вся зала сверху до низу оглушилась рукоплесканіями и восторженными кликами, направленными и лично къ нему, и къ прославшей его Франціи. Подошедши ближе къ декану, онъ протянулъ дрожавшую отъ волненія руку и подвергся установленной вѣками церемоніи. Ректоръ вручилъ ему съ поздравленіями дипломъ; королевская чета и наслѣдникъ любезно кивали ему, поздравляя. А студенты и публика успокоились, лишь когда этотъ совершенно растроганный старикъ занялъ свое прежнее мѣсто. За нимъ стали, каждый въ свой чередъ, выходить и другіе: то же понятное смущеніе, тотъ же символическій обрядъ, тотъ же въ большей или меньшей степени пріемъ со стороны собравшагося здѣсь общества, величавшаго въ лицѣ чествуемаго ученаго и его родину, его отечество.... Было отчего зарябиться въ глазахъ и въ эту минуту не видѣть совершающагося вокругъ.

Дипломъ и привѣшенная къ нему большая въ особомъ футлярѣ печать представляютъ сами по себѣ художественныя произведенія, нарочито приготовленныя къ юбилею; они сдѣланы въ стилѣ XV ст. Для перваго оригиналомъ служилъ докторскій дипломъ 1426 г., сохранившійся въ Государственномъ Архивѣ Болоньи. Въ начальной буквѣ текста здѣсь нарисована фигура стариннаго доктора на каѳедрѣ по образцамъ одного изъ наиболѣе древнихъ надгробныхъ памятниковъ, существующихъ въ Болоньѣ. Также по архивнымъ даннымъ, именно по печатямъ средневѣковой Болоньи и ея университета, исполненъ и рисунокъ печати. Для послѣдней цѣли предприняты тутъ усиленныя изысканія директоромъ Архива, кавалеромъ Малагола. По бокамъ повторено старинное Болонское изреченіе: Petrus ubique pater, legum Bononia mater, а вокругъ ея идетъ надпись: Sigillum magnum Studii Generalis Bononiensis.

За филологами стали вызывать математиковъ, естественниковъ, юристовъ, медиковъ, вызывали соотвѣтствующіе деканы и читали ту же формулу. Изъ присутствовавшихъ наибольшія овацiи достались Берлинскому химику Гофману и Мюнхенскому юристу Гольцендорфу; изъ небывшихъ на юбилеѣ Гладстону, Шеврелю, Гельмгольцу, Лессепсу, Гнейсту, Іеугшну, Вирхову, Пастеру. Изъ русскихъ присуждена эта степень академику Кокшарову и профессору Боткину.

По окончаніи этой церемоніи, взошелъ на каѳедру профессоръ Ченери, пользующійся здѣсь большимъ почетомъ и какъ университетскій лекторъ, и какъ одинъ изъ первостепенныхъ адвокатовъ Италіи. Слава его на послѣднемъ полѣ и масса практики, заставляющей его нерѣдко оставлять Болонью, недавно привели его было къ намѣренію окончить университетскую службу, и только личное желаніе Гумберта заставило его отказаться отъ этого. Прощальный привѣтъ иностраннымъ гостямъ, какъ и слѣдовало ожидать, не былъ продолжителенъ; но рѣчь была составлена искусно и, не блестя стилистическими и риторическими красотами, производила сильное впечатлѣніе трезвостью мысли и пластической ясностью изложенія. Видно было, что говоритъ хозяинъ трибуны, умѣющій и владѣть собою, и овладѣвать вниманіемъ всѣхъ слушателей. Я не буду говорить о декламаторскомъ дарѣ, представлявшемъ въ этомъ ораторѣ высокую степень совершенства, такъ какъ эта сторона публичнаго говоренья намъ—сѣверянамъ совершенно чужда и чужда не только вслѣдствіе того, что у насъ ни въ семьѣ, ни въ школѣ не учатъ хорошему, выразительному чтенію и умѣнью говорить публично, но и потому, что это, можетъ быть, несвойственно нашей природѣ. Темою рѣчи служили: традиція, прогрессъ и братство какъ главныя условія, какъ законъ цивилизаціи и науки. Въ обращеніи къ студентамъ ораторъ напутствовалъ ихъ идти посредствомъ серьезнаго ученія навстрѣчу тѣмъ великимъ открытіямъ во всѣхъ областяхъ научнаго знанія, которыя ихъ ждутъ впереди и которыя, можетъ быть, оставятъ далеко позади себя великія завоеванія на всѣхъ поприщахъ наукъ нашего столѣтія; убѣждалъ ихъ особенно трудиться въ области права, чтобы приблизить такой счастливый вѣкъ въ жизни народовъ, когда свобода, справедливость и миръ будутъ главнымъ лозунгомъ существованія человѣческихъ обществъ.

Вслѣдъ за симъ засѣданіе кончилось. Король и Маргарита пожелали, чтобы имъ были представлены иностранные студенты. Представленія и бесѣда съ ними происходили среди залы, въ массѣ столпившихся здѣсь любопытныхъ. День былъ очень жаркій и безъ того, но въ этой обстановкѣ жара и недостатокъ свѣжаго воздуха были еще ощутительнѣе. Съ королемъ подъ конецъ тутъ сдѣлалась легкая дурнота, такъ что принуждены были усадить его на стулъ и принести стаканъ холодной воды. Оправившись и сославшись на жару, онъ поспѣшно отбылъ домой въ коммунальное палаццо.

Въ 4 часа всѣ иностранные и пріѣзжіе студенты, а также масса здѣшнихъ отправились въ загородный садъ (Giardini Margherita) на церемонію раздачи имъ даровъ со стороны дамъ Болоньи. Еще задолго до юбилейныхъ празднествъ въ лучшихъ кругахъ здѣшняго дамскаго общества возникла мысль сдѣлать складчину собственныхъ работъ для раздачи ихъ студентамъ въ университетскій праздникъ. Составился распорядительный комитетъ, въ который вошли кромѣ супруги ректора, женъ и дочерей нѣкоторыхъ профессоровъ, также дамы и дѣвушки аристократическаго общества. Пока университетъ готовился къ своему юбилею, болоньянки засѣли за рукодѣлья и такимъ образомъ къ назначенному сроку собранъ былъ большой запасъ всевозможныхъ дамскихъ работъ: платки, галстуки, кошельки, портмонэ, портспгары, кашнэ, небольшія вышитыя картины, портфели, мѣшочки для часовъ и т. п. Нынѣ устроены были урны для розыгрыша этой лотереи. Конечно, весь цвѣтъ дамскаго общества былъ здѣсь на лицо; подлѣ урнъ стояли наиболѣе красивыя, молодыя; онѣ и раздавали счастливцамъ ихъ выигрыши. Много здѣсь было веселья и смѣха по поводу неудачъ тѣхъ, кому выпадали пустые билеты.

День закончился костюмированнымъ вечеромъ, устроеннымъ студентами въ другомъ саду города, на Монтаньола (Montagnola). Нужно родиться на этомъ югѣ, надо обладать способностью юмора и каррикатуры, присущей итальянцамъ, чтобы создать увеселеніе подобнаго рода. Сотни студентовъ достали себѣ въ окрестныхъ деревняхъ по ослу, одѣлись во всевозможные забавные, будто-бы, средневѣковые костюмы, какіе могли быть созданы по театральнымъ образцамъ, по историческимъ рисункамъ или просто придуманы нарочно для этого случая. И въ этомъ порядкѣ всѣхъ семи цвѣтовъ радуги, вооружившись тростями и палками, они устроили ослиную кавалькаду по городу. Можно себѣ представить, сколько было сюрпризовъ въ этомъ удивительномъ поѣздѣ, при извѣстномъ упрямствѣ ослиной породы, какъ часто летѣли всадники на мостовую по нежеланію осликовъ двигаться впередъ. Каждый такой случай конечно вызывалъ гики и смѣхъ, какъ въ толпѣ, такъ и въ самихъ участникахъ кавалькады. Но вотъ бѣдныя животныя прошли городъ и поставлены на горѣ въ одно мѣсто; напуганныя и предшествующей сценой, и этимъ яркимъ свѣтомъ 12.000 огней, которыми въ эту темную ночь иллюминованъ былъ садъ, они подняли здѣсь нескончаемый вой. Натѣшившись такимъ страннымъ концертомъ, молодежь послѣ дала цѣлый

рядъ представленій: былъ юмористическій балетъ, отлично раньше разученный, и концертъ на 50 мандолинахъ, и потѣшные хоры, и кафе-chantant съ студентами въ образѣ служанокъ, больно отпарировавшихъ нескромныя поползновенія посѣтителей, и каррикатуры на всѣ отдѣлы существующей здѣсь теперь художественной и ремесленной выставки и т. д. и т. д. Предполагалось даже пародированіе любимаго ректора и нѣкоторыхъ профессоровъ, какъ заранѣе писали объ этомъ въ мѣстныхъ газетахъ [1]). Любопытно здѣсь то, что все это продѣлывалось съ полнымъ воодушевленіемъ, совершенно искренно, такъ же, какъ искренно смѣялась и хохотала публика, собравшаяся десятками тысячъ на эту забаву молодежи. Южный народъ и южные нравы.

14-го іюня.

Съ нынѣшняго дня праздничныя торжества принимаютъ болѣе скромные размѣры и дѣлятся на фракціи. Нѣкоторые спеціальные кружки затягиваютъ свои публичныя собранія на нѣсколько дней, выѣзжая для этого за предѣлы Болоньи.

Болѣе общимъ характеромъ отличалось засѣданіе чествованія памяти Луиджи Гальвани, какъ мы знаемъ изъ перваго письма, бывшаго здѣсь профессоромъ и здѣсь пришедшаго къ своему открытію животнаго электричества. Въ виду намѣренія королевскаго семейства быть нынче въ зданіи университета для осмотра залы, гдѣ выставлены адресы, дипломы и книги, полученныя ко дню юбилея со всего свѣта, а также для осмотра главнѣйшихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, библіотеки, естественно-историческихъ кабинетовъ и пр., предсѣдательствовалъ въ собраніи министръ народнаго просвѣщенія. Почетныя ложи и мѣста занимались сенаторами, депутатами, высшими чинами королевства, бывшими въ эти дни въ Болоньѣ, иностранными учеными и профессорами, была также масса студентовъ. Засѣданіе происходило тамъ же, гдѣ и въ оба послѣдніе дня.

Деканъ медицинскаго факультета, профессоръ Бруньоли (Brugnoli), выяснилъ въ обстоятельной рѣчи, почему память открытія Гальвани чествуется одновременно съ 800-лѣтнимъ юбилеемъ университета. Сначала предполагалось (года 4 тому назадъ) отпраздновать столѣтіе этой заслуги знаменитаго

[1]) Въ ректорѣ намѣрены были пародировать его предилекцію къ орденамъ и медалямъ, получаемымъ имъ со всѣхъ концовъ міра; возникла потѣшная переписка по этому случаю: ректоръ далъ разрѣшеніе этимъ „дѣтямъ“, какъ онъ искренно называетъ ихъ, потѣшиться надъ своимъ отцомъ.

профессора 20 сентября 1886 г., такъ какъ преданіемъ первый публичный опытъ Гальвани пріурочивается къ 20 сентября 1786 г. Съ этою цѣлью составленъ былъ особый комитетъ, который ревностно уже и открылъ было свои дѣйствія. Но посѣщеніе страны холерой, державшейся здѣсь болѣе двухъ лѣтъ, заставило опасаться неудачи и потому рѣшено было соединить этотъ праздникъ съ университетскимъ юбилеемъ. Члены комитета между тѣмъ продолжали дѣятельно трудиться, чтобы чествованіе оказалось достойнымъ памяти славнаго гражданина Болоньи. Ближайшій потомокъ его, адвокатъ Гаспаро Гиллини (Gasparo Ghillini) приготовилъ изящное изданіе одной его рѣчи, оставшейся неизвѣстной и лежавшей въ автографѣ; докторъ Алессандро Бакки (Alessandro Bacchi) тѣмъ временемъ напечаталъ книгу: Bologna al tempo di Luiggi Galvani (1887). Постановлено было возложить лавровые вѣнки: одинъ на мраморную статую Гальвани, стоящую на площади его имени, другой повѣсить на двери храма Corpus Domini, гдѣ покоится его прахъ, третій на двери дома, гдѣ онъ родился и умеръ, четвертый на домѣ, гдѣ имѣло мѣсто его великое открытіе, а также постановлено сдѣлать выставку машинъ, инструментовъ и всѣхъ вообще вещей, ему принадлежавшихъ. Всѣ эти мѣста теперь открыты для свободнаго входа и осмотра и вездѣ поставлены лица для пріема и объясненій. На нынѣшній вечеръ назначено факельное шествіе студентовъ для возложенія вѣнка отъ ихъ имени къ подножью статуи.

Послѣ этой рѣчи сдѣланъ перерывъ для музыкальной симфоніи. Вторымъ и послѣднимъ ораторомъ былъ профессоръ Альбертони (Albertoni), изложившій біографію Гальвани и сдѣлавшій научную оцѣнку его открытія. Засѣданіе окончилось раздачею ученымъ медали съ потретомъ Гальвани, выбитой къ этому случаю, вышеназванныхъ изданій и различныхъ брошюръ естественно-историческаго содержанія.

Вечеромъ мы были свидѣтелями факельнаго шествія студентовъ къ памятнику Гальвани. Молодые люди двигались тихо и молча, какъ того требовало значеніе минуты. Музыка играла заунывные меланхолическіе мотивы. Но настроеніе измѣнилось, когда процессія достигла памятника. Открытіе большаго бронзоваго вѣнка, заранѣе сюда принесеннаго, встрѣчено было шумными рукоплесканіями, музыка измѣнила свой характеръ и со стороны какъ студентовъ, такъ и многочисленной публики, собравшейся на площади и подъ ближайшими аркадами, устроена была

шумная овація передъ изображеніемъ знаменитаго изслѣдователя. Сказано было нѣсколько рѣчей и профессорами, и студентами. Но слышать ихъ могли, конечно, только стоявшіе къ нимъ ближе.

Королевская фамилія, при огромномъ стеченіи публики на улицѣ Independenza и у вокзала, отбыла изъ Болоньи въ Монцу. Судя по газетному отчету, Гумбертъ, въ бытность свою въ университетѣ, выразилъ желаніе, чтобы всѣ приношенія, всѣ адреса и дипломы, изъ которыхъ многіе представляютъ замѣчательныя художественныя произведенія, исполненныя въ стилѣ среднихъ вѣковъ, съ превосходными миніатюрами, были помѣщены въ витринахъ въ особой залѣ, впредь до новаго столѣтія существованія университета.— Выше мы имѣли случай сказать, что король въѣхалъ въ Болонью безъ военнаго конвоя; его не было и при выѣздѣ изъ этого города. Небольшой отрядъ берсальеровъ сначала двигался было позади коляски въ нѣкоторомъ отдаленіи, но когда одинъ житель провинціи Романьи обратился къ королевской семьѣ съ рѣчью на своемъ мѣстномъ жаргонѣ, прося её посѣтить его родину, заявивъ, что его земляки всѣ готовы положить жизнь за короля и королеву, Гумбертъ приказалъ отослать берсальеровъ назадъ, а около коляски велѣлъ идти только романьоламъ, въ качествѣ своей „охраны“ и свиты—и всѣ, сколько тутъ было синьеровъ и крестьянъ, заняли мѣсто у лошадей и коляски. Особенно забавны были крестьяне въ своихъ кургузыхъ и полинялыхъ пальтишкахъ и курткахъ и смятыхъ соломенныхъ шляпченкахъ, видавшихъ всякую непогоду—въ этой неожиданной для нихъ роли царскихъ тѣлохранителей... Съ отъѣздомъ королевской фамиліи и начавшимся выѣздомъ иностранныхъ и итальянскихъ депутацій, оффиціальный праздникъ кончился. Городъ сталъ принимать свой обычный, болѣе спокойный видъ.

И. ЦВѢТАЕВЪ.

*

ЗАКОНЪ И РОСТОВЩИЧЕСТВО.

Жизнь на восточной окраинѣ Россіи, (Самарская, Уфимская, Оренбургская губерніи) навела меня на одно явленіе, которое всѣмъ извѣстно, но, къ сожалѣнію, подъ вліяніемъ ложныхъ экономическихъ и юридическихъ теорій далеко не всѣми правильно понимается.

Мы говоримъ о ростовщичествѣ. Чтобы не ходить далеко за доказательствами, скажемъ, что не только дѣйствующее законодательство, но и проектъ новаго уголовнаго уложенія, который въ непродолжительномъ времени долженъ быть разсмотрѣнъ, основаны на самыхъ неправильныхъ взглядахъ на этотъ жизненно важный вопросъ; это и побудило насъ разработать его въ настоящей статьѣ, указавъ на серьезность опасности, какою грозитъ намъ въ данномъ дѣлѣ новый фальшивый шагъ въ подражательномъ направленіи, при чемъ и примѣры-то мы беремъ съ того, что уже давно брошено какъ негодное. Государственный совѣтъ при уничтоженіи въ 79 году законовъ объ установленномъ размѣрѣ роста счелъ необходимымъ „предоставить министру юстиціи, по сношеніи съ другими подлежащими вѣдомствами, внести въ государственный совѣтъ предположенія о мѣрахъ взысканія за такія дѣйствія заимодавцевъ, которыя должны быть почитаемы дѣйствіями ростовщическими. Независимо отъ дѣйствительной пользы, которой слѣдуетъ ожидать отъ изданія подобныхъ правилъ, одно уже оглашеніе твердаго намѣренія правительства преслѣдовать ростовщиковъ, произведетъ и въ обществѣ и въ массѣ народа самое лучшее впечатлѣніе и будетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ того, что, несмотря на отмѣну узаконеннаго ро-

ста, представляющуюся необходимою по соображеніямъ экономическимъ, правительство не намѣрено оставаться равнодушнымъ къ случаямъ злоупотребленія даруемою народу свободою денежныхъ сдѣлокъ".

Но съ тѣхъ поръ прошло девять лѣтъ. Высочайше утвержденное мнѣніе остается не исполненнымъ, а единственная статья проекта уложенія всего лучше указываетъ, чего намъ слѣдуетъ опасаться отъ крайнихъ юристовъ съ ихъ священнымъ: fiat justitia, pereat mundus.

Въ девять лѣтъ „дарованной народу свободы денежныхъ сдѣлокъ" онъ успѣлъ оцѣнить этотъ даръ данайцевъ. Расцвѣтъ ростовщичества небывалый. Въ періодъ народнаго обѣдненія и кризиса мы видимъ вездѣ одинъ промыселъ, который не знаетъ невзгоды и неудачъ. Не только въ столицахъ, но и въ губернскихъ городахъ печать указываетъ на отдѣльныхъ удачниковъ, которые этимъ путемъ успѣли нажить 15 милліоновъ рублей, 130 тысячъ десятинъ земли. Мы, конечно, встрѣтимъ ихъ въ числѣ ярыхъ сторонниковъ свободы торговли деньгами, но вслѣдъ за ними нетрудно разглядѣть искреннихъ, иногда безкорыстныхъ юристовъ, которые распинаются за свободу капитала, за необходимость пережить временныя невзгоды, которыя сторицею вознаградятся плодами свободы впослѣдствіи.

А въ это время мировые судьи, ближе стоящіе къ народу, не рѣшаются продавать на сносъ цѣлыя селенія на основаніи несомнѣнныхъ документовъ, представленныхъ ростовщиками на отдѣльные крестьянскіе дома, изъ которыхъ составляется селеніе. Окружные суды менѣе стѣсняются, зная одну формальную правду. Судебные пристава ихъ являются для исполненія юридическаго грабежа по приказамъ и документамъ ростовщиковъ. Увеличивается число случаевъ сопротивленія при исполненіи судебныхъ рѣшеній; требуются войска, начинаются уголовныя преслѣдованія, оканчивающіяся оправданіями, и никому не въ домекъ, въ чемъ суть дѣла.

Впрочемъ умный ростовщикъ не любитъ такой громкой, шумной процедуры: въ дѣлахъ съ людьми, его ищущими, онъ ограничиваетъ свои операціи закладными, совершая явную неправду (взиманіе процентовъ за нѣсколько лѣтъ впередъ и проч.) подъ твердою бронею безспорности крѣпостныхъ документовъ; съ крестьянами тактика иная: сдавая имъ землю подъ посѣвы или пастбища, ростовщикъ избѣгаетъ всякихъ денежныхъ требованій при обычномъ, по крайней мѣрѣ, порядкѣ. Неустойки назначаются исключи-

тельно на случай прекращенія обычныхъ сношеній, для которыхъ признаются всегда достаточными сборы натурою, съ арестомъ всего урожая впредь до разсчета. Этимъ невиннымъ способомъ можно такъ донять мужика, что частныя и оффиціальныя изслѣдованія Николаевскаго, напримѣръ, уѣзда указываютъ на массовыя выселенія въ Сибирь изъ Самарской губерніи, вызываемыя исключительно подобною дѣятельностію сосѣдей ростовщиковъ, которые, по словамъ крестьянъ, „взяли ихъ въ полонъ“.

Ежедневное наблюденіе подобныхъ фактовъ даетъ намъ право совершенно присоединиться къ изслѣдователю ростовщичества въ другой части Россіи г. Сазонову, который говоритъ, что борьба съ ростовщикомъ предстоитъ упорная, тяжелая, но за то побѣда будетъ не менѣе значительна, чѣмъ паденіе крѣпостнаго права 19 февраля 1861 года.

Настоящую статью нашу мы разобьемъ на двѣ части. Въ первой укажемъ въ сжатомъ очеркѣ на положеніе дѣла заграницею, чтобы отнять такимъ образомъ у нашихъ юристовъ ихъ самый сильный аргументъ, а потомъ разсмотримъ тотъ же вопросъ въ Россіи по современнымъ даннымъ.

I.

Упомянемъ объ источникахъ. Европейская литература относительно ростовщичества очень богата. Сошлемся прежде всего на классическія сочиненія Лоренса фонъ-Штейна и графа Хоринскаго. Для точнаго описанія настоящаго положенія дѣлъ мы для Австріи и Венгріи пользовались прекрасною неизданною запискою князя Н. Н. Голицына, который недавно изучилъ этотъ вопросъ по порученію графа Палена, а для разныхъ частей Германіи мы извлекли необходимыя данныя изъ недавно вышедшей книги „ростовщичество въ сельскомъ быту“ [1]), составляющей сводъ отзывовъ, собранныхъ отъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, помѣщиковъ, инспекторовъ хозяйства, ландратовъ и проч. Здѣсь собранъ чрезвычайно обильный и достовѣрный матеріалъ. Одинъ изъ главныхъ вопросовъ, который былъ поставленъ этому изслѣдованію, состоитъ въ примѣнимости дѣйствующаго закона 1880 года объ уголовномъ преслѣдованіи ростовщиковъ.

Всѣ отзывы признаютъ законъ полезнымъ, и въ боль-

[1]) Der Wucher auf dem Lande ver. vom Verein für Socialpolitik. 1887.

шей части ихъ указывается даже на замѣтное уменьшеніе силы ростовщичества со времени его изданія. Менѣе благопріятный отзывъ мы встрѣчаемъ въ Эльзасѣ, гдѣ говорится о томъ, что ни опредѣленіе установленнаго размѣра % французскимъ законодательствомъ въ 1807 году, ни законъ 1880 года не могли ослабить ростовщичество, но этотъ отзывъ не будетъ имѣть въ нашихъ глазахъ особаго значенія, если мы припомнимъ, съ одной стороны, условія Эльзаса нынѣ. а съ другой,—примемъ въ соображеніе, что эта несчастная провинція уже много лѣтъ, если не столѣтій, служитъ обѣтованною землею для ростовщиковъ [1]). Повторяемъ, впрочемъ, и здѣсь законъ не считаютъ вреднымъ или безполезнымъ, но лишь недостаточнымъ; напротивъ во всѣхъ остальныхъ провинціяхъ отзывы о законѣ самые благопріятные: вездѣ признается, что онъ положилъ предѣлъ дальнѣйшему развитію ростовщичества, которое до тѣхъ поръ подвигалось быстрыми шагами, а во многихъ провинціяхъ прямо признаютъ, что со времени изданія закона, по сознанію всего населенія, ростовщичество значительно ослабѣло, таковъ, напримѣръ, отзывъ изъ Баваріи, гдѣ приведена и цифра ежегодно осужденныхъ ростовщиковъ съ 81 по 84 годъ. Всего менѣе осуждено въ 81 году (8), всего болѣе въ 82 г. (17). Здѣсь особенно восхваляется широкій просторъ, предоставленный суду, такъ какъ только этимъ путемъ дана возможность прекратить то возмутительное явленіе, обычное до новаго закона, что судъ обязанъ былъ именемъ верховной власти творить юридическій грабежъ, несмотря на всю очевидность обмана и безнравственность требуемаго взысканія. Здѣсь мы встрѣчаемся съ обычнымъ юридическимъ софизмомъ: предоставленіе подобнаго простора суду многіе считаютъ несовмѣстнымъ съ другими свойствами слѣпой Ѳемиды. Но непонятно почему, не заставляя судъ взыскивать по фальшивымъ или краденымъ документамъ, считали однако необходимымъ допускать безспорное взысканіе по документамъ ростовщическимъ, гдѣ долгъ изъ двухъ сотъ рублей быстро возрасталъ до 50 тысячъ. Графъ Хоринскій приводитъ подобный фактъ и разсказываетъ, что когда ростовщика Гецеля Винкенфельда спросили, какъ это могло случиться, онъ отвѣтилъ: „на основаніи новыхъ законовъ“.

Изъ Баденскаго герцогства (стр. 39—55) сообщаютъ о благодѣтельномъ дѣйствіи закона 1880 года, избавившаго судей

---

[1]) См. Auguste Heilman, Les paysans de l'Alsace... et l'usure. 1853. Tisserund et Lefebure, Econ. rurale de l'Alsace. 1869.

отъ тяжкой обязанности выдавать исполнительные листы по ростовщическимъ сдѣлкамъ, творить судебный грабежъ. Баварскій помѣщикъ фонъ-Цетто, который приводитъ много интересныхъ данныхъ относительно своей мѣстности (стр. 89 — 111), справедливо говоритъ, что незначительное число обвиненныхъ ростовщиковъ далеко еще не свидѣтельствуетъ о слабомъ дѣйствіи самаго закона. Напротивъ, всего важнѣе то, что законъ подѣйствовалъ устрашающимъ образомъ на ростовщиковъ; къ этому баварскій юристъ Маля (стр. 115) добавляетъ, что именно вслѣдствіе широкаго права судьи законъ 1880 года оказался особенно дѣйствительнымъ и не вызвалъ обходовъ. Не стоитъ ихъ придумывать и практиковать, такъ какъ будущее усмотрѣніе судьи неизвѣстно. Онъ приводитъ за время полной свободы ростовщичества, съ 67 года по 80, такіе возмутительные факты, что нельзя не радоваться послѣдовавшему обузданію ростовщиковъ. Совершенно подобный же отзывъ мы встрѣчаемъ со стороны центральнаго сельско-хозяйственнаго союза рейнской провинціи (стр. 200 и слѣд.): вездѣ не могутъ нахвалиться новымъ закономъ. Въ Ольденбургѣ тоже признаютъ законъ этотъ весьма полезнымъ и указываютъ на то, что жизнь еще не выработала необходимыхъ къ нему дополненій. Напротивъ, въ Бранденбургѣ жалуются на обходъ закона и на необходимость его дополненія другими, болѣе строгими мѣрами, ростовщичество и доселѣ здѣсь сохранило большую силу; въ Познани также, а число осужденныхъ по новому закону не велико. Всѣ приведенные факты указываютъ также на слабость примѣненія закона, которую, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить племеннымъ составомъ провинцій. Впрочемъ, ландратъ Натузіусъ прямо говоритъ, что законъ оказался очень полезнымъ и нисколько не стѣснилъ, какъ того опасались, правильнаго пользованія кредитомъ. Подобные же отзывы находимъ и относительно Силезіи и Саксоніи. Князь Голицынъ изслѣдовалъ Венгрію и Австрію, гдѣ уже съ 77 года бросили несчастную либеральную точку зрѣнія, принесшую столько вреда. Число осужденныхъ ростовщиковъ здѣсь болѣе, чѣмъ въ Германіи, но, конечно, далеко не соотвѣтствуетъ распространенности наказуемаго факта; мнѣнія о дѣйствіи закона (впрочемъ, гораздо хуже составленнаго, чѣмъ нѣмецкій) очень различны. Всѣ сходятся въ томъ, что однимъ наказаніемъ ростовщиковъ нельзя еще обуздать ихъ.

Самый глубокій разборъ этого вопроса мы встрѣчаемъ у Лоренса фонъ-Штейна, который находитъ, что наказаніе

ростовщика имѣетъ, такъ сказать, второстепенное значеніе и что всего важнѣе сдѣлать этотъ промыслъ невыгоднымъ: при обнаруженіи ростовщической сдѣлки слѣдуетъ удовлетворять ростовщика лишь дѣйствительно выданной имъ суммою, отсѣкая всякую лихву.

Слѣдутъ припомнить, какъ недавно въ Австріи и Пруссіи царствовала пресловутая свобода денежныхъ сдѣлокъ,—безнаказанность разбойниковъ, какъ справедливо называетъ ее графъ Хоринскій. Либеральные законы введены въ 1867—1868 годахъ, а уже большая половина 1870 проходитъ въ упорной борьбѣ противъ этой свободы со стороны всѣхъ людей, которымъ дорогъ сельскій бытъ и интересы отечества. Всего ярче и опредѣленнѣе вредъ свободы ростовщичества сказался въ Галиціи, и здѣсь уже съ 1873 г. мы встрѣчаемъ сильную борьбу противъ нихъ. Сначала на сеймѣ выступаютъ два почтенныхъ дѣятеля Стенекъ и Завадовскій и приводятъ рядъ неотразимыхъ фактовъ, въ доказательство того, что свобода ростовщичества вызвала крайне опасныя явленія, и при томъ прямо противуположныя тѣмъ, какія ожидались сторонниками закона: процентъ не только не понизился, но установился—по ипотечнымъ сдѣлкамъ въ 24, а по личному кредиту въ 40—50, даже до 200% годовыхъ.

Продажа крестьянскихъ усадьбъ съ аукціона пошла съ неимовѣрною быстротою. Евреи покупатели не выгоняли тѣхъ крестьянъ, у кого пріобрѣли усадьбы, они милостиво дозволяли имъ жить на старомъ мѣстѣ съ тѣмъ, чтобы они не выходили изъ зависимости своихъ новыхъ владыкъ.

Черезъ 13 лѣтъ, по разсчету Завадовскаго, при подобномъ ходѣ дѣла будетъ покончено съ крестьянскимъ землевладѣніемъ во многихъ частяхъ Галиціи; вездѣ установится новое закрѣпощеніе евреямъ, которое тѣмъ тяжелѣе прежняго, что новые крѣпостники, евреи, вовсе не заинтересованы въ сохраненіи силъ своего раба. Ослабѣетъ онъ, не будетъ въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ своего владыки,—судебный приставъ всегда къ услугамъ: на мѣсто отощавшаго легко найти другаго свѣжаго хохла, который въ свое время подвергнется той же операціи. Галиційскій сеймъ внялъ этимъ голосамъ, и съ 1874 года ходатайствовалъ о возстановленіи высшаго размѣра роста—12 годовыхъ и о введеніи закона противъ ростовщиковъ. Въ Галиціи законъ этотъ былъ введенъ съ 1877 года.

Почти такой же характеръ имѣло движеніе въ Венгріи и коренной Австріи. Вездѣ законы о ростовщичествѣ имѣютъ

въ виду оградить дѣйствительную свободу обывателя отъ необузданности разбойниковъ, водворившейся подъ названіемъ свободы денежныхъ сдѣлокъ.

Но возвратимся къ Лоренцу фонъ-Штейну, который всего лучше разработалъ этотъ вопросъ. Онъ справедливо различаетъ высокій размѣръ роста, который можетъ обусловливаться и крупностью риска, отъ сдѣлокъ ростовщическаго характера, состоящаго всегда въ желаніи овладѣть чужимъ имуществомъ или доходомъ. Читая его прекрасное изложеніе, не можешь понять, почему крайніе юристы и политико-экономы требуютъ безусловной свободы для однихъ лишь ростовщиковъ. Вѣдь съ тѣмъ же основаніемъ, разсчитывая на цѣлебную силу человѣческой природы, можно было бы настаивать на свободѣ разбоя, образованія мошенническихъ шаекъ или акціонерныхъ обществъ контрабандистовъ; все это могутъ быть промыслы также прибыльные какъ и ростовщичество, но устроенное государство успѣшно противодѣйствуетъ имъ именно тѣмъ способомъ, который предлагается Штейномъ относительно ростовщиковъ. Противники юридической борьбы съ ростовщичествомъ говорятъ о томъ, что законъ примѣняется рѣдко, а капиталъ пугливъ и тотчасъ скрывается, какъ скоро его лишаютъ излюбленной ростовщиками свободы. Мы уже видѣли, что это практически невѣрно: свобода не понизила, а повысила %, взимаемый за деньги; но во всѣхъ разсужденіяхъ доктринеровъ есть и крупная теоретическая ошибка. Дѣло въ томъ, что свобода ростовщичества удаляетъ съ денежнаго рынка всѣ честные капиталы. Владѣльцы ихъ, не желая подвергаться нареканіямъ и нести на себѣ справедливую народную ненависть, удаляются съ рынка, гдѣ власть и сила остается исключительно за профессіональными ростовщиками. Обыкновенно при изданіи закона о ростовщикахъ стремятся оградить лишь крестьянъ или городскихъ пролетаріевъ, но Штейнъ справедливо замѣчаетъ, что злетворная дѣятельность ростовщиковъ проявляется одинаково вредно и относительно имущихъ классовъ, и людей живущихъ опредѣленнымъ доходомъ. Здѣсь во многихъ случахъ ростовщичество переплетается съ шантажемъ. Цѣль, какъ всегда,—пріобрѣтеніе чужаго имущества или дохода. Средства самыя сложныя и разнообразныя. Для болѣе успѣшнаго дѣйствія шайки требуется развитіе страстей у жертвы, для чего подставляются мнимые друзья, которые втягиваютъ слабаго человѣка во всякаго рода излишества, а тутъ и является ростовщикъ со своимъ предложеніемъ услугъ.

Темноту, которая господствуетъ въ этомъ дѣлѣ, и самую возможность добросовѣстныхъ ошибокъ слѣдуетъ приписать въ значительной мѣрѣ смѣшенію понятій о ростовщичествѣ съ лихвенными процентами. Никто не сомнѣвается въ томъ, что когда, напримѣръ, въ Россіи дѣйствовалъ законъ, воспрещавшій взиманіе процентовъ свыше 6 годовыхъ, то могли быть люди очень нравственные, которые подпадали подъ дѣйствіе карательнаго закона, а съ другой стороны ростовщики по ремеслу всегда могли избѣгнуть каръ, придумавши тотъ или иной обходъ для сокрытія существа сдѣлки. Неправильность прежняго законодательства всего лучше опредѣлялась двумя фактами: государственный банкъ взималъ лихвенные проценты, да и самъ законъ разрѣшалъ совершеніе сдѣлокъ на такіе проценты опеками въ пользу малолѣтнихъ. Но дѣло въ томъ, что никто и не стоитъ за возвращеніе къ прежнему порядку, несостоятельность котораго была очевидна. Рѣчь идетъ только объ исполненіи приведеннаго нами въ началѣ мнѣнія государственнаго совѣта, которое утверждено Высочайшею властью одновременно съ уничтоженіемъ установленнаго 6% размѣра роста.

Мы не распространяли своего иностраннаго обзора далѣе Австріи и Германіи, такъ какъ именно здѣсь встрѣчаются условія наиболѣе сходныя съ нашими; Англія, Франція и Америка представили бы намъ мало поучительнаго, при сообщеніи свѣдѣній о дѣйствующихъ тамъ порядкахъ. Замѣтимъ кратко, что свобода ростовщичества нигдѣ не давала добрыхъ плодовъ, напротивъ отдѣльные штаты Америки упорно отстаиваютъ высшій размѣръ дозволеннаго ко взиманію процента и признаютъ, что его очень опасно назначать высокимъ, такъ какъ назначенный законодательствомъ процентъ немедленно становится нормою для многихъ сдѣлокъ или для всѣхъ, гдѣ заимодавецъ можетъ свободно диктовать условія.

Утверждаютъ еще, что очень трудно опредѣлить черты наказуемаго ростовщичества, но въ этомъ отношеніи, какъ и въ страхѣ предоставленія извѣстнаго простора власти суда, мы рѣшительно расходимся съ нашими юристами и думаемъ, что не удастся приспособиться къ усложняющимся требованіямъ жизни, покуда они будутъ безусловно держаться своихъ узкихъ формулъ въ родѣ „nulla poena sine lege“. Шантажъ, многіе виды сложнаго мошенничества явятся въ этомъ случаѣ настолько же ненаказуемыми, какъ и ростовщичество, которое по существу есть одинъ лишь изъ видовъ мошенничества.

Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что люди, желающіе оставить безнаказаннымъ ростовщичество, въ существѣ подкапываются подъ понятія собственности. Самая сильная государственная власть не въ состояніи внушить уваженія къ собственности Гепелей Винкенфельдовъ, которые на основаніи новыхъ законовъ въ немного лѣтъ превращаютъ долговое требованіе изъ 200 въ 50 тысячъ гульденовъ. Подобная игра навѣрняка, нажива безъ труда, овладѣніе чужимъ справедливо заслуживаетъ всеобщую ненависть; несмотря на современное напряженіе военныхъ силъ, нѣтъ сомнѣнія, что всякая армія окажется безсильною, чтобы поддержать новое крѣпостное право, которое ростовщики установятъ надъ остальнымъ населеніемъ. Но справедливо говорятъ: не разнуздывайте звѣря, вмѣстѣ съ собственностью, неправильно пріобрѣтенною ростовщиками, неминуемо пострадаетъ и собственность, правильно нажитая или сохраненная. Потому-то разумное законодательство и должно своевременно противодѣйствовать дѣятельности ростовщиковъ.

Доктринеры довольствуются предположеніемъ, что никакой законъ не можетъ насъ окончательно избавить отъ язвы ростовщичества. Но непонятно, почему на томъ же основаніи не требуютъ впредь безнаказанности для всѣхъ другихъ нарушителей уложенія о наказаніяхъ: вѣдь дѣятельность карающей силы закона не уничтожила еще никакого вида преступленій. Изъ этого очевидно не слѣдуетъ, чтобы мирному обывателю жилось легче, если кромѣ ростовщиковъ на нихъ выпустятъ еще и мошенниковъ, воровъ и разбойниковъ или хотя бы людей, которые умѣютъ творить зло, избѣгая приведенной выше узкой латинской формулы... Да почему же наконецъ слѣдуетъ признавать безнаказаннымъ зло потому только, что совершившій его изобрѣлъ новый способъ вредить ближнему: не премія ли это за изобрѣтеніе? [1])

По этимъ же причинамъ намъ представляется очень мало убѣдительною мнимая трудность опредѣлить или формулировать понятіе ростовщичества. Оно по существу нисколько не сложнѣе шантажа или многихъ видовъ мошенничества, и широкое опредѣленіе, обнимающее существо дѣла,

[1]) Запрещая убійство, уложеніе, конечно, покараетъ и такого отравителя, который совершитъ преступленіе при помощи яда, не встрѣчавшагося въ судебной практикѣ: отчего же желаютъ признавать ненаказуемымъ преступное присвоеніе чужаго имущества—какъ ремесло: такъ однако опредѣляется ростовщичество на дѣлѣ.

всего болѣе желательно, какъ справедливо замѣчено нѣкоторыми иностранными изслѣдователями, именно для устраненія самой возможности обходовъ закона.

II.

Люди, настаивающіе на ненаказуемости ростовщичества, повидимому, недостаточно соображаютъ размѣръ зла. Выше мы достаточно коснулись разлагающаго дѣйствія ростовщичества на сельскій бытъ, напримѣръ, въ Галиціи и еще будемъ имѣть случай коснуться этого вопроса и вернемся еще къ нему на нашей восточной окраинѣ, но, чтобы обнять дѣло во всей его полнотѣ, упомянемъ о городскомъ ростовщичествѣ, о которомъ въ свое время была помѣщена прекрасная статья въ „Руси“, подъ названіемъ „Еврейскій налогъ на Москву“ [1]). Здѣсь на основаніи точныхъ данныхъ исчислено, что ссудныя кассы въ городахъ взимаютъ именно съ самой бѣдной части городскаго населенія ежегодный налогъ, превышающій всѣ другіе казенные и общественные сборы, взятые вмѣстѣ. По исчисленію автора, нисколько не преувеличенному, Москва за ссуду въ 17 милліоновъ уплачиваетъ владѣльцамъ ссудныхъ кассъ ежегодно свыше $5^1/_2$ милліоновъ рублей и это еще относительно промысла, сравнительно регулированнаго, находящагося подъ надзоромъ полиціи и городскаго управленія. Совершенно подобные же выводы получатся относительно всякаго инаго города, гдѣ произведется подобное изслѣдованіе. Но неужели и затѣмъ не остается инаго средства исцѣленія кромѣ свободы, которая всегда приводила въ этомъ дѣлѣ къ самымъ вреднымъ результатамъ.

Къ чему сводятся, однако, трудности опредѣленія самаго понятія ростовщичества? Прежде всего слѣдуетъ отказаться отъ ложной точки зрѣнія прежняго закона, смѣшивающаго ростовщичество со взиманіемъ лихвеннаго процента; опредѣленіе максимальнаго размѣра %, при которомъ допускается взысканіе долга черезъ судъ, необходимо, но самый фактъ взиманія % бо́льшаго противъ установленнаго не долженъ еще самъ по себѣ служить основаніемъ къ обвиненію въ ростовщичествѣ. Напротивъ, для квалификаціи этого преступленія гораздо бо́льшее значеніе имѣютъ нѣкоторые другіе признаки, прежде всего стремленіе не ограни-

[1]) „Русь“ 1885 г.

чиваться размѣромъ взимаемаго процента, а овладѣть имуществомъ должника или создать себѣ изъ его труда постоянный источникъ дохода.

Значительное измѣненіе размѣра процента при возобновленіи ссуды, крупныя неустойки за несвоевременную уплату, постоянно взыскиваемыя, частое удержаніе въ своихъ рукахъ представляемыхъ обезпеченій,—таковы общіе признаки ростовщической дѣятельности. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть удобно подведены подъ норму, указанную въ законѣ, другіе должны быть для самаго успѣха дѣла предоставлены усмотрѣнію суда. Но, повторяю, само по себѣ ростовщичество никогда не можетъ ускользнуть, при правильномъ законѣ, отъ опытнаго судьи, и въ этомъ отношеніи оно представляется много легче и удобнѣе для преслѣдованія, чѣмъ иные виды сложныхъ мошенничествъ. Значительнымъ подспорьемъ дѣятельности суда явится обязательство для лица, обвиняемаго въ ростовщичествѣ, предъявлять суду свои книги. Книги, правильно веденныя, могутъ почитаться безспорнымъ доказательствомъ, и предъявленіе ихъ можетъ быть сдѣлано обязательнымъ при всякомъ взысканіи долга черезъ судъ. Такимъ образомъ отказъ въ предъявленіи книгъ послужитъ серьезнымъ доказательствомъ противъ ростовщика и лишитъ его сдѣлки судебной защиты. Во всѣхъ же тѣхъ случаяхъ, когда книги предъявлены,—а таковые будутъ встрѣчаться всего чаще,—не представится никакого затрудненія точно опредѣлить характеръ дѣятельности даннаго лица.

Переходимъ затѣмъ къ тому, въ какомъ положеніи находится ростовщичество въ нашемъ сельскомъ быту.

Несмотря на обиліе земскихъ изслѣдованій о крестьянскомъ кредитѣ, собственно по интересующему насъ вопросу, приходится признать значительный еще недостатокъ данныхъ. При крайнемъ неразвитіи и неправильности кредита и сильной потребности въ немъ, можно сказать, что кредитная сдѣлка идетъ вездѣ рука объ руку съ хозяйствомъ. Другими словами, хозяйство почти невозможно, если при этомъ не удовлетворяются въ томъ или иномъ видѣ кредитныя потребности окружающаго населенія. Вслѣдствіе этого у людей, мало знакомыхъ съ сельскимъ бытомъ, является стремленіе считать ростовщиками всѣхъ людей, входящихъ въ кредитныя сдѣлки съ крестьянами, но это совершенно ошибочно, и для правильнаго пониманія вопроса необходимо уяснить себѣ типъ чистаго ростовщика.

Характеристичная особенность всѣхъ крупныхъ и мелкихъ ростовщиковъ состоитъ въ глубочайшемъ недовѣріи къ своей

и чужой предпріимчивости и въ направленіи всѣхъ силъ души на накопленіе безъ труда, изучая лишь чужія слабости и осторожно пользуясь ими.

Никто не считалъ еще возможнымъ бороться съ ростовщичествомъ одною репрессіею: покуда есть потребность въ кредитѣ, она будетъ удовлетворяться и, устраняя злоупотребленія, тѣмъ болѣе необходимо устроить пути и способы для правильнаго пользованія кредитомъ. Но у насъ въ этомъ отношеніи нѣтъ даже правильнаго начала дѣлу: всѣ народно-кредитныя учрежденія или почти всѣ оказались по разнымъ причинамъ пустоцвѣтомъ. Понятно, что это, какъ и все наше отсутствіе характеровъ и сельская неурядица, содѣйствовало пышному расцвѣту ростовщичества: надо, чтобы у ростовщика въ волости были свои люди, тогда все можно взыскать и всякая лихва окажется законною и легко получаемою, а иначе и своего не получишь. Съ другой стороны законодательство ограждаетъ крестьянское имущество, даетъ всегда податямъ преимущество предъ иными взысканіями и воспрещаетъ продажу необходимаго для земледѣльческаго хозяйства. Вотъ противоположныя теченія, между которыми является всякое требованіе ростовщика: по закону взыскать нельзя, деньгами взять нечего; ну а отработать должникъ можетъ, нерѣдко можетъ и разсчитаться натурою: побужденіе къ разсчету двоякое—требованіе своего начальства или желаніе сохранить отношенія съ ростовщикомъ на будущее время. Сельскій бытъ имѣетъ много смягчающихъ условій тамъ, гдѣ люди сносятся между собою ежедневно и непосредственно. Теперь уже пропадаетъ народное (прежнее) понятіе, что всякій процентъ грѣхъ; но тамъ, гдѣ сохраняются словесныя сдѣлки, тамъ, гдѣ разсчеты совершаются непосредственно, нерѣдко натурою, отношенія сохраняютъ свой добродушный характеръ. Процентъ все-таки высокъ, но мы уже имѣли случай указывать, что не въ высотѣ процента заключается существо ростовщичества. Отвратительныя и опасныя стороны дѣла начинаются тамъ, гдѣ словесныя сдѣлки замѣняются письменными съ неустойками, гдѣ на мѣсто непосредственныхъ сношеній являются третьи лица. Если мы разсмотримъ все, что собрано въ области народнаго кредита, то мы съ трудомъ составимъ себѣ понятіе о размѣрѣ обычнаго процента. Въ общемъ выводѣ крестьянину приходится платить отъ 15 до 50 процентовъ въ годъ, часто и гораздо болѣе 60—80, даже 100 процентовъ, но многіе изслѣдователи впадаютъ въ грубую ошибку при перекладываніи натуральныхъ уплатъ на денежныя.

Какъ относительно хлѣба, такъ и работы, кромѣ обычнаго элемента риска при неаккуратности должника, при всякихъ натуральныхъ уплатахъ заимодавецъ долженъ разсчитывать на довольно значительный процентъ страха въ смыслѣ измѣненія денежной цѣны на ту уплату натурою, которая обусловлена за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ. Когда говорятъ о выгодахъ, получаемыхъ отъ уплаты дешевою работою, нужно вводить двѣ поправки. Качество работы и будущая ея цѣна или, точнѣе, необходимость накоплять исполнительные листы (по которымъ взыскать нечего) вмѣсто работы: на бумагѣ барыши велики, на дѣлѣ они часто сводятся къ убытку. Во всякомъ случаѣ всякій дѣльный хозяинъ на Руси, конечно, присоединится къ тому желанію, чтобы скорѣе упростилось его дѣло, чтобы онъ имѣлъ возможность сдавать работы во-время, по твердымъ цѣнамъ и условіямъ, вмѣсто того, чтобы усложнять свое дѣло совершенно несвойственными ему кредитными сдѣлками. Но это вопросъ сложный, вводящій насъ въ область денежнаго обращенія.

Мы сдѣлали всѣ эти оговорки для того, чтобы точнѣе опредѣлить понятіе ростовщика въ нашемъ сельскомъ быту. При упомянутомъ недостаткѣ кредитныхъ учрежденій всякій хозяинъ у насъ поневолѣ вынужденъ заниматься и кредитными операціями, ссужать тѣхъ, кто ему нуженъ, деньгами или хлѣбомъ въ то время, когда они безъ подобной ссуды обойтись не могутъ. Но было бы совершенно ошибочно всѣхъ людей, втянутыхъ поневолѣ въ подобныя кредитныя операціи, считать ростовщиками, какъ это нерѣдко дѣлаютъ и въ журнальныхъ статьяхъ, и въ земской статистикѣ люди, плохо понимающіе суть нашего сельскаго быта.

Ростовщиками слѣдуетъ признавать именно людей, которые уклоняются отъ производства за собственный счетъ и сосредоточиваютъ всю свою дѣятельность на эксплоатаціи слабостей или потребностей ближняго. Именно эти люди и подходятъ подъ дѣйствіе правильнаго закона о ростовщикахъ, ихъ-то достатокъ и растетъ въ страшной прогрессіи и при томъ въ прямой связи съ хозяйственнымъ разстройствомъ производителей.

Хозяева, занимающіеся кредитною операціею, по неволѣ рѣдко выгадываютъ этимъ путемъ; если главная цѣль ихъ—хозяйство, то у нихъ никогда не хватаетъ того холоднаго безсердечія и разсчета, который и доставляетъ неминуемо успѣхъ ростовщику. Потому въ концѣ концовъ и складываются такія отношенія, при которыхъ успѣхъ всегда на

сторонѣ тѣхъ, кто не сѣетъ и не жнетъ, а только собираетъ въ свои житницы произведенія чужаго труда. При свободѣ ростовщичества безплодны всѣ стремленія къ поднятію народнаго благосостоянія. Все, что по теоріи дѣлается для народа, на самомъ дѣлѣ увеличиваетъ лишь долю ростовщика въ продуктахъ народнаго труда.

Наконецъ, самое хозяйственное воспитаніе народа становится при этомъ невозможнымъ. Необходимо, напримѣръ, привить понятіе о пользѣ сбереженія, накопленія средствъ въ хорошіе года, для того, чтобы было чѣмъ прикрывать недочеты плохихъ, но какъ можетъ привиться подобное понятіе до тѣхъ поръ, пока всякое сбереженіе немедленно обращается во вредъ ближнему, употребляется для ростовщическихъ операцій; это мѣшаетъ правильному образованію разумныхъ формъ народнаго кредита, что опять расширяетъ поле дѣйствія ростовщика [1]).

Все, сказанное выше, ясно указываетъ, что въ настоящее время мы находимся въ ложномъ кругѣ, изъ котораго первый выходъ дастъ разумный законъ о ростовщикахъ. Мы знаемъ, что законъ этотъ не можетъ сдѣлать всего для уничтоженія этой вредной стороны нашей жизни. Но примѣръ Австріи и Пруссіи лучше всего доказываетъ, что онъ можетъ сдѣлать и сдѣлаетъ очень многое. Послѣ успѣшнаго перваго шага, откроется путь и для остальныхъ. Что же однако въ этомъ отношеніи намъ сулитъ проектъ новаго уложенія?

Единственная статья его, относящаяся къ ростовщичеству,—526-я гласитъ слѣдующее:

1) Если ростовщическая ссуда была оказана при такихъ условіяхъ, при которыхъ она, завѣдомо для виновнаго, представлялась раззорительною для должника;

2) Если чрезмѣрность процентовъ была скрыта подъ видомъ платы за храненіе, или инымъ способомъ, то и проч.

Ростъ, не превышающій 15%, не почитается чрезмѣрнымъ.

Ростовщическій договоръ признается недѣйствительнымъ, а заимодавцу предоставляется право обратнаго полученія капитала съ узаконенными процентами за вычетомъ полученныхъ платежей.

---

[1]) „Ростовщики являются разрушающею силою въ средѣ нашего крестьянства“ говоритъ В. Н. Орловъ въ своемъ докладѣ о кредитѣ и приводитъ массу примѣровъ цѣлыхъ селеній, до тла разоренныхъ ростовщиками: занимаетъ, напримѣръ, общество 2.800 р. изъ 20%; переплатили въ 4 года однихъ процентовъ 4.000 рублей, а остаются должны 2.600. Такихъ примѣровъ въ докладѣ много.

Знающіе люди увѣряли насъ, что составители этого проекта закона, сторонники свободы роста, въ окончательной редакціи вмѣсто 15% поставили 20. Напрасно мы стали бы искать въ мотивахъ какое-либо разумное разъясненіе этой странной статьи. Здѣсь нѣтъ ничего кромѣ общихъ доктринерскихъ сужденій о благахъ свободы и вредѣ стѣсненій, главное же, нѣтъ вовсе указаній на то, что составители уложенія имѣютъ понятіе объ интензивности или силѣ зла, съ которымъ приходится бороться. Мы привели выше разсчетъ о значеніи ссудъ подъ ручные залоги въ Москвѣ, которая платитъ ростовщикамъ дань болѣе чѣмъ въ 5 милліоновъ рублей. Но что поглощаетъ сельское ростовщичество, трудно и сосчитать; нельзя не согласиться съ г. Сазоновымъ, который опредѣляетъ ростовщическую дань въ сельской Россіи въ сумму значительно превышающую 100 милліоновъ. Съ этимъ-то зломъ, съ тѣмъ фактомъ, что народъ ростовщикамъ платитъ значительно болѣе, чѣмъ всѣ вносятъ всѣхъ прямыхъ налоговъ, думаютъ справиться приведенною статьею! Вся бѣда въ томъ, что писали проектъ какъ бы для очистки совѣсти, не вѣря въ успѣхъ предлагаемой мѣры.

Прежде всего остановимся на 15 или 20%, такъ сказать, узаконяемыхъ новымъ уложеніемъ. И та и другая норма отбрасываетъ насъ въ очень древнія времена [1]), когда дѣйствительно подобный ростъ не почитался чрезмѣрнымъ; но

[1]) Въ журнальной статьѣ едва-ли умѣстна длинная справка о томъ, когда и гдѣ дозволялось взиманіе высокихъ процентовъ. Повторяемъ, высокій maximum, какъ доказалъ опытъ, ведетъ къ повышенію обычнаго процента, а такой высокій размѣръ дозволеннаго роста, какъ предположенный новымъ проектомъ уложенія, намъ приходится отыскивать лишь въ нѣкоторыхъ государствахъ древняго міра. Укажемъ между прочимъ на Китай, гдѣ, какъ извѣстно, всѣ экономическія отношенія сложились вѣками и очень правильно. „Существуетъ также множество ссудныхъ кассъ, выдающихъ деньги подъ залогъ изъ семи или восьми процентовъ въ годъ“, говоритъ знатокъ Китая Симонъ (Срединное Царство, стр. 122). Напротивъ, когда ссужаютъ неимущаго, принимая на себя рискъ, вступая въ его предпріятіе и отвѣтствуя за убытки, то деньги приносятъ обыкновенно до 30%; за то кредитъ и образованіе товариществъ всякому легко доступны (стр. 183 и др.).

Для того, чтобы дать интересующимся возможность ближе ознакомиться съ вопросомъ, приводимъ перечень литературы: Braun und Max Wirth, Zinswuchergesetze 1856; Berndt, die Wuchergesetze und ihre Aufhebung 1857; Rizy, Zinstaxe und Wuchergesetze 1859; Гр. Хоринскій „Ростовщичество въ Австріи“ 1877; Platter, Der Win Bukowina 1878. Гефкенъ „Къ вопросу о ростовщичествѣ“ 1879. Rechenspercher Zins und Wucherfrage 1879, L. von Stein der Wucher und Sein Recht 1880; Freudenstein, das Reichswuchergesetz 1882.

возьмемъ существующія условія: неужели 14, напримѣръ, процентовъ при полномъ, даже избыточномъ обезпеченіи самого долга, не будетъ почитаться чрезмѣрнымъ. Вѣдь государственный банкъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ неизмѣнно ссужаетъ деньги по 5%. А ростовщикъ, который подъ закладную отдастъ эти деньги почти втрое дороже и при томъ съ вѣрнымъ разсчетомъ взыскать не только капиталъ, но и значительную неустойку деньгами или завладѣніемъ имуществомъ, явится правымъ передъ закономъ. Мы уже сказали выше, что признаемъ безцѣльнымъ или вреднымъ опредѣленіе слишкомъ низкаго и неизмѣннаго размѣра процента, несоотвѣтствующаго характеру заключаемыхъ сдѣлокъ и условіямъ рынка. Но это вовсе не приводитъ къ тому, чтобы можно было произвольно устанавливать очень высокую норму. Правильное рѣшеніе вопроса требуетъ опредѣленія двухъ размѣровъ сообразно величинѣ риска. Мы не имѣемъ ничего возразить противъ 15%, даже 20, еслибы они были назначены какъ предѣльный размѣръ для сдѣлокъ чисто личнаго, т. е. необезпеченнаго кредита. Здѣсь взимаемый % распадается по существу на вознагражденіе за пользованіе капиталомъ и значительную страховую премію за опасность извѣстнаго рода помѣщеній, точнѣе—за опасность кредитныхъ отношеній съ нѣкоторыми ненадежными людьми. Сообразно различію рисковъ и размѣръ „делькредере“ [1]) долженъ допускаться самый различный: этимъ путемъ будетъ дана возможность воспользоваться кредитомъ тѣмъ людямъ, которые теперь совершенно лишены кредита.

Толковое изслѣдованіе Острогожскаго уѣзда Воронежской губерніи указываетъ на два разряда крестьянскихъ хозяйствъ, которыя не пользуются кредитомъ: одинъ, менѣе многочисленный, потому что не нуждается въ немъ, другой, гораздо болѣе крупный, потому что ростовщики не вѣрятъ ему въ кредитъ. При настоящихъ условіяхъ это равносильно смертному приговору ихъ хозяйственному существованію; безъ кредита они жить не могутъ. Побьются годъ, другой и вынуждены будутъ сдать надѣлъ, прекратить хозяйство; поддержать ихъ можетъ только болѣе широкое развитіе народнаго кредита, возможное многими способами, между прочимъ правильною и широкою постановкою делькредере при упрощеніи способовъ взысканія. Въ настоящее время такъ много

[1]) Буквальный переводъ—плата за довѣріе: извѣстное бухгалтерское выраженіе для исчисленія вознагражденія банкира за принятіе имъ векселя.

пропадаетъ долговъ, что исправные платятъ за неисправнаго. Измѣнится этотъ порядокъ лишь тогда, когда увеличится аккуратность въ исполненіи обязательствъ, укрѣпятся характеры, а кредиторъ будетъ болѣе огражденъ отъ злой воли должника. Вотъ все, что необходимо для упорядоченія личнаго кредита; размѣръ делькредере могъ бы исчисляться добавленіемъ пяти или шести процентовъ къ высшему учетному росту, взимаемому въ данной мѣстности народно-кредитными учрежденіями: ссудо сберегательное товарищество взимаетъ часто 12%, иногда до 18%; добавивъ къ этому предлагаемый нами размѣръ, мы дадимъ вполнѣ необходимый просторъ всѣмъ правильнымъ частнымъ кредитнымъ сдѣлкамъ, причемъ, какъ сказано, размѣръ этотъ въ иныхъ случаяхъ близко подходитъ къ размѣру, установляемому новымъ проектомъ уложенія. Но мы не ставимъ его неподвижно, а приводимъ въ соотвѣтствіе со взимаемымъ существующими учрежденіями процентомъ.

Совершенно иначе ставится вопросъ въ дѣлѣ кредита вполнѣ обезпеченнаго недвижимостью или ручными залогами: допускать здѣсь взиманіе 15—20% является возмутительною несправедливостью, а опытъ другихъ странъ, какъ и нашъ собственный, прямо доказываетъ, что при этомъ достигаются результаты противоположные тѣмъ, какихъ ожидали юристы и экономисты: процентъ не понижается благодаря конкурренціи, напротивъ, кредитъ дѣлается все затруднительнѣе и окончательно сотредоточивается въ рукахъ ростовщиковъ. Это становится понятнымъ потому, что всѣ владѣльцы капиталовъ неростовщическихъ угоняются, такъ сказать, съ рынка, на которомъ всякаго заимодавца привыкли считать ростовщикомъ. Въ противность интересамъ обѣихъ сторонъ, капиталъ, удовлетворяющій существующей потребности, уменьшается, а процентъ увеличивается еще потому, что все дѣло сосредоточено въ немногихъ умѣлыхъ рукахъ, которыя умѣютъ мастерски пользоваться чужою нуждою, зная, что безъ нихъ не обойдутся.

Такимъ образомъ здѣсь задача законодателя прежде всего состоитъ въ томъ, чтобы отнять исключительно ростовщическій характеръ у ссудъ подъ вѣрное обезпеченіе. Для этого самый размѣръ дозволеннаго ко взиманію процента долженъ быть опредѣленъ не абсолютною цифрою, а извѣстною добавкою къ существующему учетному проценту государственнаго банка. Если дозволить ко взиманію даже двойной процентъ противъ учетнаго, то для должниковъ будетъ сдѣлано уже очень много, такъ какъ имъ никогда

не случалось платить только 10%. Одновременно надлежало бы привлечь всякіе опекунскіе капиталы къ подобнаго рода помѣщеніямъ. Подобное распоряженіе имѣетъ основаніе въ нашемъ законѣ, такъ какъ за капиталъ малолѣтнихъ всегда дозволяется взимать болѣе 6%. Но этимъ путемъ, вѣроятно, удастся привлечь къ ссудамъ подъ вѣрныя обезпеченія и другіе капиталы, принадлежащіе мало имущимъ людямъ, вынужденнымъ хлопотать о болѣе выгодномъ помѣщеніи. Кромѣ указаннаго опредѣленія размѣра высшаго процента, чтобы не увеличивать числа ростовщиковъ, необходимо опредѣлить дозволительныя условія относительно неустоекъ и иныхъ обезпеченій долга. Здѣсь столько же желательно увеличить дѣйствительныя гарантіи для заимодавца, какъ и уменьшить неправильные источники стѣснявій для ростовщика. Но здѣсь опять интересы спокойнаго капиталиста и ростовщика противуположны: первому нужна аккуратная уплата процентовъ и своевременный возвратъ долга лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ думаетъ измѣнить помѣщеніе, ростовщику же не нужно ни того, ни другаго; онъ стремится получить не свое обратно, а непремѣнно чужое, т. е. имущество или рабочія силы должника. Потому лицо, покойно помѣщающее свои деньги, заботится о томъ, чтобы облегчить по возможности своевременный возвратъ съ возможно меньшимъ стѣсненіемъ должника; напротивъ ростовщикъ втягиваетъ должника и такъ располагаетъ условія и сроки, чтобы исполненіе ихъ становилось по возможности затруднительно или нестерпимо и такимъ образомъ приводило бы къ уплатѣ неустоекъ или переходу имущества. Наше коренное законодательство относительно неустоекъ при денежныхъ займахъ было вполнѣ удовлетворительно; много полезнаго можно было бы также заимствовать въ малороссійскихъ законахъ, но, къ сожалѣнію, все это смыто въ настоящее время несчастною кассаціонною практикою. Такъ, напримѣръ, Сенатъ разъяснилъ, что хотя и запрещено обезпечивать неустойками исполненіе денежныхъ заемныхъ обязательствъ, но это относится-де лишь до включенія условія неустойки въ тотъ же договоръ займа; на отдѣльную же неустоечную запись воспрещеніе закона не распространяется.

Ясно, что нельзя изумляться безсилію закона вслѣдствіе обходовъ его въ подобныхъ случаяхъ, когда обходу закона учитъ сама инстанція, долженствующая блюсти его и толковать по его разумному смыслу и намѣренію законодателя.

Къ сожалѣнію, не въ одномъ этомъ дѣлѣ вмѣсто всего необходимаго въ толкованіяхъ проявляются доктрины, вносящія разложеніе въ нашу жизнь, а затѣмъ жалуются на обходъ закона.

Внимательное разсмотрѣніе вопроса привело насъ къ тому заключенію, что борьба съ громаднымъ зломъ, подтачивающимъ наши производительныя силы, возможна лишь путемъ твердаго законодательства, удовлетворяющаго неуклонно потребности жизни и предоставляющаго достаточный просторъ усмотрѣнію суда въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Повторимъ, что этотъ законъ долженъ содержать.

1) Опредѣленіе ростовщичества, которое не представляетъ большихъ трудностей, чѣмъ опредѣленіе иныхъ случаевъ присвоенія чужаго, т. е. обмана или мошенничества.

2) Если при взысканіи или вслѣдствіе прямой жалобы должника или по усмотрѣнію самого суда будетъ возбужденъ вопросъ о ростовщичествѣ, судъ въ правѣ просить у заподозрѣннаго предъявленія его книгъ. Отказъ такъ же, какъ и разсмотрѣніе книгъ и всѣхъ иныхъ обстоятельствъ дѣла, приведетъ судъ къ заключенію о томъ, есть или нѣтъ серьезные признаки ростовщичества, требующіе разслѣдованія. Не останавливая ни въ какомъ случаѣ взысканія, судъ передаетъ прокурору дѣло о ростовщичествѣ, если поводы для преслѣдованія признаны достаточными.

3) Независимо отъ уголовной кары ростовщика всѣ пострадавшіе отъ его дѣйствій въ правѣ, послѣ судебнаго приговора, требовать правильнаго разсчета по своимъ дѣламъ съ нимъ, т. е. возврата имъ всего лихвенно-уплаченнаго.

Безъ принятія этихъ или подобныхъ мѣръ нѣтъ никакого сомнѣнія, что ростовщичество будетъ постоянно усиливаться и подтачивать нашихъ производителей; покуда эта сила остается на свободѣ, всякое стремленіе къ поднятію производительныхъ силъ нашихъ осуждено на безплодіе, даже хуже—на то, чтобы содѣйствовать быстрому росту благосостоянія ростовщиковъ. Въ теченіе нынѣшняго царствованія въ дѣлѣ сложенія податей сдѣлано очень много для помощи народа, но результатовъ не видно главнымъ образомъ потому, что все недобираемое казною не остается въ производительныхъ рукахъ, а быстро сосредоточивается у ростовщиковъ.

Д. В—овъ.

РАЗСКАЗЫ СВѢТЛЯКА.

(Glow-vorm tales)

Джемса Пэна.

I.

Моя дача и ея арендаторы.

Я владѣлецъ дачи Уайтропъ-Плэсъ въ Гампширѣ. Дача моя не состоитъ изъ кучи дурацкихъ карточныхъ строеній на манеръ парижскихъ, выстроенныхъ на спѣхъ и кое-какъ, но изъ солиднаго загороднаго дома, и я потому только настаиваю на этомъ обстоятельствѣ, что однажды получилъ отвѣтъ на мое объявленіе съ такимъ адресомъ: „14, Уайтропъ-Плэсъ". Это такая ошибка, повторенія которой я отнюдь не желаю. Моя дача безъ нумера.

Но самъ я никакъ не могу пока на ней жить, потому что у меня есть пивной заводъ, миляхъ въ десяти разстоянія, и онъ требуетъ моего непрестаннаго надзора. А потому естественно мнѣ хочется, чтобы кто-нибудь нанималъ у меня дачу. Мнѣ и не трудно найти арендаторовъ, но очень трудно убѣдить ихъ, что они должны платить мнѣ арендныя деньги. Право, можно подумать по тѣмъ требованіямъ, какія они мнѣ предъявляютъ, и по ихъ отказу выполнять мои требованія, что не они, а я ихъ должникъ.

Въ публикѣ ходитъ разсказъ про одного большаго театральнаго директора, то-есть я хочу сказать про директора одного большаго театра, и про то, какъ онъ поступалъ съ драматическими авторами. Этотъ разсказъ можетъ идти параллелью съ моими отношеніями къ арендаторамъ. Авторъ

является по приглашенію директора въ его контору. Его пяти-актная трагедія принята, и онъ сомнѣвается только на счетъ того: спросить ли ему за нее триста или четыреста гиней.

— Ваша піеса, сэръ, очень хороша, соглашается великій человѣкъ; положенія эффектны; злодѣи достаточно черны, добродѣтельные герои такъ безупречны, какъ только можно пожелать, и общія чувства гармонируютъ съ общественнымъ мнѣніемъ. Поэтому я пригласилъ васъ затѣмъ, чтобы спросить: *сколько вы мнѣ дадите за то, чтобы я поставилъ ее?*

Такъ и меня нисколько не удивило бы, явись ко мнѣ въ одинъ прекрасный день развязный джентльменъ съ заявленіемъ, что онъ находитъ Уайтропъ-Плэсъ удобнымъ вполнѣ жилищемъ для себя и для своего семейства и пришелъ только узнать: сколько я заплачу ему за то, чтобы онъ въ немъ поселился?

Мнѣ приходилось имѣть дѣло съ кучей кандидатовъ на мою дачу, которые несомнѣнно питали такія воззрѣнія—если не выражали ихъ—на отношенія лэндлорда къ арендатору. Эти люди, проживя сезонъ въ модныхъ меблированныхъ городскихъ квартирахъ, лѣниво перелистываютъ осенніе нумера *Times*, проглядывая объявленія о загородныхъ усадьбахъ и дачахъ, которыя бы пришлись имъ по вкусу. Нельзя сказать, чтобы арендная плата составляла второстепенный вопросъ для этой джентри—большею частію съ „хорошими связями“ и того сорта, какой конторы агентовъ считаютъ „порядочнымъ“. Этотъ вопросъ для нихъ вовсе не существуетъ. Станутъ они, прости Господи, торговаться изъ-за какихъ-нибудь жалкихъ тридцати гиней, которыя имъ придется уплатить въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. Они хотятъ пожить въ деревнѣ на свободѣ, отдохнуть отъ городской пыли и духоты, и все, что имъ требуется—это просторный, хорошій домъ въ красивой мѣстности съ небольшимъ паркомъ и садомъ—*gratis*.

Читателю ничего не стоитъ сказать:—глупости! человѣкъ не можетъ воображать, чтобы кто-нибудь сталъ даромъ пускать къ себѣ жильцовъ въ домъ. Но, Богу извѣстно, что жильцы такъ безсовѣстно поступали со мной, что никакая жестокость не отпугнетъ меня въ обращеніи съ ними, лишь бы выбить изъ нихъ тѣ деньги, которыя они мнѣ должны. Провалиться мнѣ, еслибы я не прибѣгнулъ относительно ихъ къ пыткѣ, допускай только пытку конституція; но, къ сожалѣнію, это невозможно. Часто, часто прибѣгалъ я къ посредству закона, а мы всѣ знаемъ, чего стоитъ это при-

бѣжище, но изъ этого никогда ничего не выходило, кромѣ судебныхъ издержекъ. Мои арендаторы обыкновенно уѣзжали заграницу за недѣлю до истеченія срока аренды; они извѣщали меня изъ южной Франціи или изъ сѣверной Италіи, что, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, должны были ненадолго отлучиться и особенно настаивали на томъ, чтобы имъ по первой же почтѣ выслали начатую канвовую работу, забытую ими на столѣ въ гостиной, или точеный деревянный разрѣзательный ножикъ. Они такъ напыщенно толкуютъ о своихъ дрянныхъ вещахъ, точно онѣ и не вѣсть чего стоятъ и могутъ служить драгоцѣннымъ залогомъ должныхъ ими денегъ.

Одинъ джентльменъ этого сорта написалъ мнѣ изъ роднаго приморскаго мѣстечка, что онъ былъ очень доволенъ Уайтропомъ и непремѣнно будетъ рекомендовать его своимъ пріятелямъ и знакомымъ. Этого молодца мнѣ удалось-таки проучить. Истративъ вдвое больше противъ того, что онъ мнѣ былъ долженъ, я упряталъ его въ тюрьму, когда онъ снова вступилъ на англійскую почву. Вы, можетъ быть, слышали про это; провинціальная радикальная газета напечатала по этому поводу статью, подъ заглавіемъ „Уайтропъ-Плэсъ и его владѣлецъ“, въ которой доказывала, во-первыхъ, что всѣ аристократы кровожадны и безсердечны и, во-вторыхъ, что я ни въ какомъ случаѣ не аристократъ; и въ заключеніе очень невыгодно и непочтительно отозвалась о моемъ пивѣ. Кромѣ того, такъ какъ я поставилъ на счетъ моему врагу то время, которое онъ провелъ въ моемъ домѣ, а не только то, которое упомянуто было въ контрактѣ, то навлекъ на себя преслѣдованіе за неправильный искъ и былъ радъ радехонекъ отдѣлаться, заплативъ пятьдесятъ фунтовъ проторей и убытковъ.

Что касается того, чтобы описывать имущество и накладывать на него секвестръ, то какой толкъ въ этомъ? Я только самого себя подведу этимъ: мнѣ придется описывать свое собственное имущество, да такія сокровища, какъ вышеупомянутыя: начатая канвовая работа, да разрѣзательный ножикъ. Все имущество такихъ арендаторовъ заключается, кажется, въ носильномъ платьѣ, котораго у нихъ очень много, но которое законъ не позволяетъ конфисковать. Во всякомъ случаѣ мнѣ рѣдко удавалось чѣмъ-нибудь поживиться. Только разъ довелось мнѣ получить движимое имущество нѣкоего Тильи Риккетсъ, объявленнаго по суду несостоятельнымъ должникомъ, безъ всякой профессіи и постояннаго мѣстожительства. Его настоящее христіанское имя

было Шантильи, но я прозвалъ его Тильи для краткости и потому, что былъ довольно коротокъ съ нимъ. Онъ былъ холостякъ и спортсмэнъ; къ несчастію для меня, Плэсъ понравился ему именно потому, что представлялъ много удобствъ для охоты; для Тильи ничего не стоило проскакать десять миль, отобѣдать съ нами на пивномъ заводѣ и вернуться вечеромъ домой. Онъ умѣлъ также шутя, за дессертомъ, намекнуть, что хорошо было бы, еслибы мы послали въ Плэсъ бочки двѣ нашего прекраснаго крѣпкаго пива, за которое онъ заплатитъ,—говорилъ онъ въ насмѣшку, какъ я теперь убѣжденъ,—уплачивая аренду. Онъ пріѣзжалъ каждый разъ на новой лошади и большею частію съ нѣсколькими собаками. За Тома и Боба, двухъ небольшихъ, но свирѣпыхъ договъ, ему давали, увѣрялъ онъ, тридцать пять гиней, да онъ не продалъ. Я тогда подумалъ: дуракъ же ты! но теперь я другаго мнѣнія о Шантильи Риккетсѣ. У него былъ пони, Лепорелло, по его увѣренію, самый лучшій пони не то что въ Англіи, но и во всемъ мірѣ—кстати, я не зналъ человѣка, который бы не утверждалъ того же самаго о своемъ пони — и его тщетно убѣждали разстаться съ этимъ животнымъ за какую-то баснословную сумму.

Я съѣздилъ въ Уайтропъ въ послѣднее время его пребыванія тамъ и нашелъ, что домъ превращенъ въ какую-то псарню. Онъ курилъ сигару, сидя въ гостиной вмѣстѣ съ двумя любимыми собаками, готовившимися вступить въ бой съ крысами и все это въ гостиной. Онъ прервалъ мои справедливыя, хотя и мягкія, укоризны, сказавъ добродушно:

— Ну, ну, дорогой сэръ, я полагаю, что билетъ въ пятьдесятъ фунтовъ уладитъ это дѣло, когда я съ вами разстанусь, если же это вамъ покажется мало, то даю вамъ слово, что вы получите сто фунтовъ, а мое слово такъ же вѣрно, какъ и мои деньги.

Въ послѣднемъ я дѣйствительно имѣлъ случай убѣдиться.

Мясникъ, или бакалейщикъ, или булочникъ, или всѣ они вмѣстѣ, такъ какъ онъ всѣмъ былъ долженъ, упрятали Тильи въ тюрьму безъ моего содѣйствія. Но я, какъ лэндлордъ, понятно, первый имѣлъ право на его имущество. Двѣ лошади, за конфискацію которыхъ мнѣ пришлось вести тяжбу съ ихъ законными владѣльцами, которые дали ихъ лишь на подержаніе м-ру Риккетсу, знаменитый пони и свора удивительныхъ собакъ достались мнѣ. Я показалъ кулакъ этимъ послѣднимъ, причемъ имѣлъ въ виду скорѣе

ихъ хозяина, нежели ихъ самихъ, но самый свирѣпый изъ договъ, Томасъ, схватилъ меня за икру и его оттащили отъ меня не безъ труда.

Что касается пони, то онъ разорялъ меня на овесъ впродолженіи нѣсколькихъ недѣль, пока наконецъ не былъ проданъ вмѣстѣ съ собаками за четырнадцать фунтовъ.

Все это время кредиторы Тильи приставали ко мнѣ съ своими претензіями, къ чему побуждалъ ихъ посаженный ими въ тюрьму, самъ м-ръ Риккетсъ. Онъ увѣренъ, что, завладѣвъ его пони Лепорелло, которому не было цѣны, я самъ сталъ его должникомъ и написалъ мнѣ въ этомъ смыслѣ письмо съ такимъ страннымъ постскриптумомъ:

„P. S.— Считаю себя вправѣ заявить вамъ, сэръ, что смотрю на свои настоящія неудачи какъ на нѣкотораго рода наказаніе за то, что я ѣздилъ къ вамъ обѣдать... на пивной заводъ: никто изъ моей фамиліи, ни одинъ изъ Риккетсовъ съ незапамятныхъ временъ никогда не водился *съ купцами*.

И этотъ постскриптумъ очень былъ непріятенъ для моей милой жены, которая, говорю это съ сожалѣніемъ, немного щепетильна на счетъ нашей профессіи. Дача въ Уайтропѣ безъ сомнѣнія непригодна для человѣка моей профессіи; но она была завѣщана мнѣ—а вѣдь извѣстно, что даровому коню въ зубы не смотрятъ—моимъ двоюроднымъ дѣдушкой, который всегда не терпѣлъ меня и—я увѣренъ—и въ этомъ случаѣ поступилъ мнѣ на зло. Злопамятный старикашка, умирая, на одрѣ смерти, сумѣлъ напакостить мнѣ на всю жизнь, завѣщавъ эту дачу. Онъ хорошо зналъ, будучи дѣловымъ человѣкомъ, что мнѣ придется тратить на нее ежегодно не менѣе полутораста фунтовъ въ годъ, и его злобныя ожиданія оправдались.

Конечно, можно найдти добропорядочныхъ жильцовъ, но въ сущности они будутъ стоить еще дороже мнѣ, чѣмъ тѣ, которые не платятъ ни копѣйки. Они ничѣмъ недовольны въ домѣ и, сколько имъ ни угождай, имъ все мало.

— Въ столовой всего только два кресла, жаловался одинъ изъ нихъ, куда же, желалъ бы я знать, я посажу мою тещу?

Другому не хватаетъ столовъ; третій проситъ исправить водопроводъ; четвертый жалуется, что крыша протекаетъ; тому исправь изгородь въ паркѣ; этому коверъ въ гостиной кажется протертымъ; у каждаго жильца свои прихоти; чистое разореніе, да и только.

Съ годъ тому назадъ со мной случился самый обидный

пассажъ, какой только я испытывалъ какъ домовладѣлецъ. Я употребилъ всѣ старанія, чтобы найти покладливаго и добросовѣстнаго жильца. Я старательно избѣгалъ аристократовъ и спортсмэновъ и выбралъ жильца изъ почтеннаго, средняго сословія. Онъ былъ дѣльцомъ въ Сити и не умѣлъ бы отличить гончей собаки отъ борзой, и вдобавокъ былъ по профессіи обойный мастеръ, а по имени Стубсъ. Кромѣ того никогда не жилъ на дачѣ и потому не имѣлъ ровно никакихъ претензій. Этотъ образцовый арендаторъ держалъ препочтеннаго коба, котораго я снабжалъ сѣномъ по весьма умѣренной цѣнѣ, потому что я не такой домохозяинъ, чтобы притѣснять хорошаго жильца. Еслибы и могла быть хоть тѣнь сомнѣнія въ честности м-ра Стубса—чего не было—то одного взгляда на его лошадь было достаточно, чтобы разсѣять всякія сомнѣнія. Она казалась воплощенной респектабельностью, и м-ръ Стубсъ былъ избранъ церковнымъ старостой, не проживя и пяти мѣсяцевъ въ моемъ домѣ, только благодаря достоинствамъ его коба.

Но вотъ въ одинъ прекрасный день, мой старшій сынъ, очень смѣтливый юноша, допущенный партнеромъ въ нашу фирму, пріѣхавъ въ Сити по случаю покупки хмѣля, подумалъ, что хорошо было бы взглянуть на обойное заведеніе м-ра Стубса и К°.

Представьте же себѣ его ужасъ, когда онъ увидѣлъ ставни запертыми и на нихъ надпись „Продается“ громадными буквами.

— Я подумалъ, папа, говорилъ онъ мнѣ, когда прочиталъ эти слова, что они отчасти касаются и насъ съ вами.

И такъ оно и было въ самомъ дѣлѣ. Наканунѣ своего банкротства въ Лондонѣ, м-ръ Стубсъ и его семья покинули нашу дачу въ Уайтропѣ и скрылись неизвѣстно куда.

Передъ тѣмъ онъ былъ такъ низокъ, что продалъ весь мой запасъ сѣна и уѣхалъ на своемъ респектабельномъ кобѣ и теперь, я увѣренъ, выбранъ въ церковные старосты гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ.

Все что я знаю о немъ, это вотъ что:

Я имѣлъ удовольствіе прочитать въ *Times* отъ послѣдняго сентября, слѣдующее объявленіе, которое, полагаю, при существующихъ обстоятельствахъ, несравненно по своей наглости даже для арендатора: „Въ прошлую пятницу въ По, въ Пиринеяхъ, виконтъ Кавалькантисимо обвѣнчался съ Луизой, дочерью Джозефа Стубса, эсквайра, бывшаго владѣльца Уайтропъ Гаута, въ Уайтропѣ“.

II.

Попугай.

Всѣхъ насъ въ семействѣ было нѣсколько сыновей и потому не удивительно, что среди насъ нашелся одинъ, который, во что бы то ни стало, захотѣлъ сдѣлаться моряком. Отецъ былъ сильно огорченъ тѣмъ, что его любимый сынъ не могъ найдти себѣ подходящихъ занятій дома, на своей родинѣ, но непремѣнно пожелалъ отправиться въ невѣдомыя страны, о которыхъ узнаешь только изъ географіи. Мы жили въ Лондонѣ, вблизи Темзы, къ берегу которой вела наша улица, но брату Дику, во что бы то ни стало, захотѣлось побывать въ Испаніи и видѣть Гвадалквивиръ, одно имя котораго приводитъ въ содраганіе. Въ сущности, Дикъ не былъ вовсе художникомъ, интересующимся ландшафтами, или человѣкомъ, жаждущимъ научныхъ познаній, онъ не былъ знакомъ ни съ однимъ изъ иностранныхъ языковъ (говоря откровенно, онъ плохо писалъ даже на родномъ языкѣ), онъ не былъ особеннымъ почитателемъ ни Колумба, ни капитана Кука, но тѣмъ не менѣе его тянуло къ морю. Чего онъ тамъ искалъ? нетерпѣливо спрашивалъ отецъ, но бѣдный Дикъ ничего не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ какъ и самъ не могъ себѣ хорошенько его уяснить; стоило, однако, ему прожить спокойно дома недѣли три, какъ уже его опять тянуло куда-нибудь въ даль: въ Камчатку, или на берегъ Мозамбикъ, или въ Іерихонъ. Испаніею онъ, разумѣется, не могъ удовлетвориться и сдѣлалъ экскурсію въ Канаду, потомъ въ Гонъ-Конгъ и, наконецъ, въ Индію, откуда нашъ милый, хотя и легкомысленный странникъ, уже никогда больше не возвращался. Желтая лихорадка сразила его въ Берберахъ, и многіе изъ знавшихъ Дика пролили искреннія слезы по немъ, когда вѣсть объ его смерти дошла до насъ. Отца это извѣстіе такъ поразило, что ускорило его смерть. Любопытно, что только тогда, когда Дика уже не стало, всѣ узнали, что въ сущности онъ былъ всеобщій любимецъ, несмотря на всѣ его недостатки. Разумѣется, у него въ карманѣ не водилось ни одного лишняго гроша, такъ какъ онъ служилъ на судахъ простымъ матросомъ, но онъ, проживая на чужбинѣ, не забывалъ своихъ старыхъ друзей и всегда привозилъ съ собою домой какую-нибудь заморскую бездѣлушку, изъ каждаго города, куда бы его ни заносила судьба. Онъ,

конечно, не могъ считаться завиднымъ женихомъ при его неисправимой любви къ странствованіямъ, но былъ всегда большимъ любимцемъ женщинъ; дѣти же вообще просто обожали его и называли не иначе, какъ „дядя Дикъ“. Послѣднимъ посмертнымъ подаркомъ, привезеннымъ его товарищемъ уже послѣ смерти самаго Дика, былъ громадный черный попугай—самая уродливая изъ всѣхъ когда-либо видѣнныхъ мною птицъ! Жена моя, Люси, однако, привѣтствовала попугая, какъ будто бы то была райская птица, конечно, въ память Дика; отецъ же не соглашался удалить попугая изъ своей комнаты, даже и тогда, когда лежалъ уже на смертномъ одрѣ. Должно сознаться, однако, что птица была вовсе не подходящимъ товарищемъ въ комнатѣ умирающаго, такъ какъ она имѣла обыкновеніе при самыхъ неожиданныхъ случаяхъ, а больше всего среди ночи, браниться самымъ непристойнымъ образомъ. Моя жена увѣряла, что попугай выучился этой ужасной брани отъ матросовъ при переѣздѣ изъ Индіи въ Англію и выгораживала Дика отъ всякаго участія въ репертуарѣ попугая. Попугай вскорѣ сдѣлался тоже общимъ любимцемъ въ нашемъ семействѣ, и когда насъ посѣщало несчастье особаго рода, въ видѣ прибавленія семейства, и безъ того слишкомъ большаго при нашихъ скромныхъ средствахъ, то попугай и его громадная золоченая клѣтка всетаки составляли часть нашего имущества, хотя многіе изъ нашихъ знакомыхъ, болѣе разсудительныхъ, нежели чувствительныхъ, считали непростительною глупостью съ нашей стороны, что мы не хотѣли обратить подарокъ бѣднаго Дика въ презрѣнный металлъ. Единственнымъ послѣдствіемъ приращенія нашей семьи для судьбы попугая было то, что мы, изъ-за тѣсноты въ нашемъ помѣщеніи, часто вывѣшивали его клѣтку у дома на улицѣ, гдѣ ему приходилось, правда, не мало терпѣть отъ словопреній съ уличными мальчишками. Однако онъ самъ не оставался въ долгу и отплачивалъ имъ за обиды отборными выраженіями, какія употребляются моряками; мальчишки перенимали у него эти выраженія и выучивали его взамѣнъ цвѣтамъ краснорѣчія нашей столицы. Въ добавокъ къ этимъ не совсѣмъ привлекательнымъ качествамъ попугая, надо еще причислить его невзрачный видъ съ черными какъ уголь перьями и громаднымъ клювомъ. Но мы любили нашего попугая, а отецъ, съ своей стороны, всегда повторялъ: „Не разставайтесь съ этою птицей, вы увидите, что она, рано или поздно, принесетъ вамъ счастье“.

И вотъ случилось, что, долго спустя послѣ того, какъ

мой отецъ умеръ, и мои старшія дѣтки уже выросли и начали сами заработывать хлѣбъ, попугай все еще жилъ у насъ бодрымъ и невредимымъ; у него не было даже ни одного сѣдаго перышка, не смотря на его уже почтенный возрастъ.

Однажды, какъ разъ въ то время, когда мы снаряжали одного изъ нашихъ сыновей въ Валлисъ на мѣсто младшаго секретаря одной конторы и были не мало огорчены недостаткомъ денегъ на его экипировку и на путевыя издержки, мы въ первый разъ имѣли случай убѣдиться въ томъ, что присутствіе въ нашемъ домѣ попугая Дика (мы его окрестили этимъ именемъ въ память умершаго брата) дѣйствительно, какъ предвѣщалъ мой покойный отецъ, приноситъ намъ счастье.

— Милый Джоржъ, сказала мнѣ жена однимъ іюньскимъ вечеромъ, какъ только я вернулся домой послѣ моихъ нескончаемыхъ дневныхъ трудовъ, — если ты очень нуждаешься въ пятнадцати гинеяхъ, то я знаю, гдѣ ихъ можно бы раздобыть...

Однако голосъ жены, когда она говорила это, звучалъ не такъ радостно, какъ можно было бы ожидать, судя по смыслу словъ, и я понялъ, что въ ея планѣ есть и загвоздка.

— Прекрасно, Люси, но что же нужно сдѣлать, чтобы получить эти деньги? отвѣчалъ я; — такая сумма была бы, понятное дѣло, какъ нельзя больше кстати въ эту минуту, но...

— Это вѣрно, отвѣчала со вздохомъ жена, но, всетаки, Джоржъ, мы еще не такъ бѣдны, чтобы продать нашу славную птицу даже и за такую солидную сумму. Послушай, милый, мнѣ предложили не менѣе какъ пятнадцать гиней за Дика! Признаюсь откровенно, еслибы который-нибудь изъ нашихъ дѣтей былъ боленъ и необходимо было бы истратиться на дорогія лѣкарства, или перевезти дѣтей куда-нибуть къ морю, или на воды, то я и не задумалась бы объ этомъ, но, Джоржъ, мы всѣми правдами и неправдами ухитрились-таки кое-какъ почти уже снарядить нашего мальчугана въ путь, и мнѣ кажется, что... Что ты объ этомъ думаешь, Джоржъ?

Моя жена смотрѣла на меня нерѣшительно и спрашивала моего совѣта, но я зналъ, что она не простила бы мнѣ, еслибы я сталъ настаивать на продажѣ Дика; поэтому я благоразумно отвѣчалъ, что объ этомъ нечего и думать, что съ Дикомъ мы, конечно, никогда не разстанемся; потомъ я,

всетаки, поинтересовался узнать, какимъ образомъ моей женѣ сдѣлали подобное предложеніе?

— Сегодня утромъ, отвѣчала Люси, когда я въ послѣдній разъ просматривала платье и вещи нашего милаго сына, служанка пришла мнѣ сказать, что какая-то дама желаетъ меня видѣть. Войдя въ залу, я увидала особу въ траурѣ; она сидѣла передъ нашимъ попугаемъ, любовалась имъ и восхищалась точно дикарка передъ идоломъ. Оказывается, что она сняла клѣтку съ гвоздя несмотря на то, что Дикъ все время осыпалъ её самою неприличною бранью; онъ не переставалъ браниться и тогда, когда я вошла.

— Сударыня, простите меня! вскричала моя гостья, но эта прелестная птица...

— Молчать, молчать, старая карга, неистово вопилъ Дикъ.

— Его поразительныя умственныя способности, продолжала вдова, превосходятъ всякое вѣроятіе! Нужно вамъ сказать, сударыня, что я обожаю попугаевъ, въ особенности же такихъ черныхъ попугаевъ; къ тому же мой покойный мужъ всегда и во всемъ предпочиталъ черный цвѣтъ, и еслибы, съ вашего согласія я могла бы какъ-нибудь пріобрѣсти эту птицу, то...

— За бортъ! Катай его! Чортъ меня побери! кричалъ Дикъ.

— Я съ радостью заплатила бы за нее солидную сумму. Разумѣется, съ моей стороны это очень безцеремонно; я не имѣю никакого права дѣлать вамъ подобное предложеніе... Я чувствую себя передъ вами въ фальшивомъ положеніи, но, тѣмъ не менѣе, тайный голосъ, изъ-за гроба, шепчетъ мнѣ...

— Топи корабль! кричалъ Дикъ, кувыркаясь на своемъ золоченомъ кольцѣ. Руби мачты! Чортъ возьми! Вотъ такъ штуки!

— Этотъ загробный голосъ, продолжала вдова, спокойно выждавшая, пока Дикъ немного успокоился, шепчетъ мнѣ: „Купи этого попугая; покупай его вмѣстѣ съ его клѣткою! Неси его къ себѣ домой и будь къ нему добра“. Скажу вамъ откровенно—я не въ силахъ противиться этому голосу, этому внушенію моего покойнаго мужа! Я рѣшаюсь тотчасъ же привести въ исполненіе желаніе усопшаго друга: предлагаю вамъ пять фунтовъ стерлинговъ за птицу и два фунта за клѣтку; я думаю, что вы найдете это предложеніе недурнымъ, и мы на этомъ покончимъ дѣло.

При этихъ словахъ моя гостья открыла кошелекъ и выложила деньги на столъ.

— Скажу тебѣ по правдѣ, Джоржъ, продолжала жена, золото показалось мнѣ очень соблазнительнымъ, но я только мелькомъ взглянула на него, поблагодарила незнакомку и просила ее положить деньги обратно въ карманъ, заявивъ ей, что мы не разстанемся съ нашимъ попугаемъ, такъ какъ онъ служитъ для насъ памятью объ умершемъ братѣ.

— Послушайте, я вамъ дамъ десять гиней за птицу и пять за клѣтку, сказала посѣтительница, тотчасъ же удвоивая сумму, лежавшую предо мною на столѣ. Одну минуту я колебалась, обольщенная блескомъ золотыхъ монетъ; въ головѣ у меня пронеслась цѣлая вереница вещей, которыя я могла бы на эти деньги купить для тебя, Джоржъ, для дѣтей, и я не знала, что мнѣ дѣлать?

— Ай, ай, ай, бѣдный попка! Вотъ такъ штуки! Прощай, Дикъ! Ай, ай, ай! жалобно кричалъ нашъ старый попугай. За бортъ его! За бортъ дурака!

— Извините меня, сударыня, сказала я рѣшительно, я положительно не могу продать вамъ попугая, и прошу васъ, не искушайте меня больше вашими предложеніями...

— И ты прекрасно поступила, Люси, отвѣчалъ я, цѣлуя ее и стирая губами съ ея щеки скатившуюся изъ глазъ слезинку. Послѣ этого, разумѣется, твоя странная посѣтительница убралась по-добру по-здорову домой?

— Нѣтъ, возразила жена, и не подумала, и мнѣ остается передать тебѣ самую загадочную часть разсказа, которая, можетъ быть, всего ближе касается насъ съ тобою. „Если вы не желаете продать вашего попугая, сказала вдова, повидимому, не особенно смущаясь моимъ отказомъ, то не согласитесь ли одолжить мнѣ его на одну недѣлю въ наступающемъ августѣ мѣсяцѣ? За это любезное одолженіе я вамъ предлагаю десять гиней".

— Одолжить нашего попугая на одну недѣлю, Люси, да это Богъ знаетъ что такое!

— Тѣмъ не менѣе, Джоржъ, она ясно высказала такое желаніе и я отвѣчала, что переговорю объ этомъ съ тобою. За отвѣтомъ она явится къ намъ завтра утромъ въ десять часовъ.

Сначала я подумалъ, что эта вдова не въ своемъ умѣ и что пунктъ ея помѣшательства—это покупка черныхъ попугаевъ; поэтому я рѣшилъ отказать ей и тѣмъ отдѣлаться отъ ея назойливой просьбы. Мнѣ приходили въ голову самыя нелѣпыя мысли, въ родѣ, напр., того, что эта женщина

замышляетъ недоброе противъ бѣднаго Дика; можетъ быть, думалъ я, она любитъ ѣсть мясо попугаевъ и намѣревается полакомиться бѣднымъ Дикомъ. Въ такомъ случаѣ мнѣ трудно было бы привлечь эту ужасную женщину къ суду и тѣмъ успокоить свою совѣсть. Обдумавъ, однако, всю эту исторію, я рѣшился лично переговорить съ странною дамою, прежде нежели отказаться отъ выгодной сдѣлки. На другое утро я остался дома долѣе обыкновеннаго съ цѣлью повидаться съ таинственною гостьей. Когда часы пробили десять и она позвонила у нашихъ дверей, я просилъ служанку не отпирать, пока я не успѣю разглядѣть сквозь окно нашей гостиной пришедшую даму.

На вдовѣ былъ надѣтъ чепчикъ, обрамлявшій спокойное рѣшительное лицо; ея синіе холодные глаза и общій видъ говорили въ пользу того, что наша посѣтительница обладала полнымъ разсудкомъ; ея голосъ, когда она говорила со служанкой, звучалъ спокойно и сдержанно; платье и общій видъ обличали порядочность и даже зажиточность этой особы. Если можно вообще сколько-нибудь судить о людяхъ по внѣшности, я нашелъ, что эта женщина отнюдь не съумасшедшая и не бѣдная—два пункта, которые по весьма понятнымъ причинамъ, всего больше интересовали меня.

— Вы г-нъ Вильсонъ, сказала эта дама, входя въ мой салонъ. Очень рада, что могу переговорить съ вами лично. Вѣроятно вамъ уже извѣстно, что я предложила вашей женѣ десять гиней за то, чтобы она мнѣ одолжила на короткое время вашего чернаго попугая; я желаю получить его отъ васъ на одну недѣлю отъ 6 до 13 августа. Полагаю, что такой платы довольно за прокатъ какой угодной птицы!

— Сударыня, возразилъ я, вы совершенно правы; тѣмъ не менѣе, однако, сознаюсь, ваше предложеніе такъ необыкновенно, что вы должны извинить мою нерѣшительность.

— Если вы желаете получить какія-либо свѣдѣнія о моей личности, то я могу вамъ сообщить, что моя фамилія—Гёбль; я живу въ Питъ-Стритъ, № 884. Я была экономкою у покойнаго генерала сэра Фидль-Фадля, въ теченіи двадцати лѣтъ; моими банкирами состоитъ фирма Тшальдъ и К°. Если же вы непремѣнно желаете узнать причину, которая вынуждаетъ меня прибѣгнуть къ вамъ съ просьбой на счетъ попугая, то предупреждаю васъ, что въ этомъ вы должны разочароваться,—этого вы не узнаете никогда! Но, послушайте, перестаньте отнѣкиваться! Я вамъ сейчасъ же заплачу впередъ пять гиней въ видѣ задатка и для того,

чтобы убѣдить васъ въ томъ, что не шучу. Чего же вамъ больше нужно отъ меня?

— Вы правы, сударыня—тутъ нечего больше толковать, сказалъ я, принимая деньги со стола. Я совершенно удовлетворенъ тѣмъ, что вы сказали. Предположимъ, однако, что до августа нашъ бѣдный попугай околѣетъ...

— Трусъ, трусъ, кричалъ Дикъ. Топи корабль! Всѣ ко дну! Спасайся, кто можетъ!

Я невольно засмѣялся надъ этой остроумной выходкой Дика, но вдова и бровью не повела. Если попугай околѣетъ, сказала она, то оставьте себѣ этотъ задатокъ. Достаточно и того, что бѣдные люди часто бываютъ обмануты въ своихъ ожиданіяхъ, возвратить же задатокъ обратно...—Нѣтъ, это было бы уже несправедливо! Теперь мы, кажется, переговорили обо всемъ. Остается мнѣ только сказать вамъ, что я желаю, чтобы все сказанное здѣсь оставалось между нами. Это можетъ вамъ показаться страннымъ, но я, вѣдь, готова платить деньги за свои странныя фантазіи! Я желала бы также, чтобы вы или ваша жена лично доставили мнѣ попугая и отвезли его обратно домой по истеченіи назначеннаго срока; за этотъ трудъ я прибавлю одну еще лишнюю гинею.

Вслѣдъ за тѣмъ, вдова простилась съ нами и готова была уже удалиться изъ комнаты, какъ вдругъ у самой двери, которую я открылъ для нея, она обернулась ко мнѣ и сказала: „Ахъ, да кстати, мнѣ ужасно не нравится имя Дикъ; это очень вульгарно! Не возьметъ ли кто изъ вашихъ милыхъ дѣтокъ на себя трудъ выучить попугая называть себя „Томми“ и вообще почаще повторять: „Бѣдный Томми! Томми бѣдняжка“! Вѣдь этого не особенно трудно добиться, а вотъ и маленькій подарокъ будущему учителю Томми“.

Затѣмъ м-съ Гёбль быстро удалилась, оставивъ въ рукахъ у моей жены полъ-соверена, который былъ завернутъ въ тонкую серебряную бумажку. Когда наша посѣтительница ушла, мною вновь овладѣло сомнѣніе относительно нормальности ея умственныхъ способностей. „Она положительно не въ здравомъ умѣ, разсуждалъ я, чего она хочетъ, бросая золото направо и налѣво и утверждая, что имя „Томми“ аристократичнѣе нежели имя Дикъ“!

Съ практической точки зрѣнія, однако, мы ничего не могли возразить противъ того направленія, которое приняло ея помѣшательство, а потому, узнавъ по справкамъ, наведеннымъ у названныхъ ею солидныхъ лицъ, что она была

*

особа состоятельная, мы рѣшили въ точности исполнить ея желанія. Нашъ младшій сынъ, побужденный щедростью обѣщанной награды, усердно занимался обученіемъ попугая, пока не окончилъ воспитанія несчастной птицы, и Дикъ, хотя—говоря по совѣсти,—и не совсѣмъ забылъ свое старое имя, но научился звать себя также и новымъ вперемежку съ своими обычными прибаутками. Когда же наступилъ назначенный срокъ—6-ое августа, то я отвезъ попугая въ Питъ-Стритъ и доставилъ его благополучно туда, несмотря на сильный протестъ Дика, полагавшаго, по всей вѣроятности, что его отправляютъ обратно въ Индію. Согласно условію, я поѣхалъ за Дикомъ тринадцатаго числа и привезъ его домой въ вожделѣнномъ здравіи; въ карманѣ же у меня лежало шесть фунтовъ стерлинговъ, не говоря уже о данныхъ за извощика. Ни одно перышко Дика не было повреждено; онъ былъ такъ же безобразенъ, какъ и тогда, когда уѣхалъ отъ насъ, но его безобразіе нисколько не увеличилось—что, впрочемъ, было бы довольно трудно! Что могъ онъ дѣлать въ свое отсутствіе, чтобы окупить заплаченную за него сумму денегъ,—мы однако ни какъ понять не могли? Если же мы обращались прямо къ нему съ разспросами, то онъ неизмѣнно отвѣчалъ однимъ и тѣмъ же двусложнымъ существительнымъ: „Фидль-Фадль“, такой отвѣтъ ставилъ насъ окончательно въ тупикъ, пока мы не припомнили, что этимъ именемъ вдова называла того генерала, у котораго служила экономкою, и мы поняли, что это существительное служитъ только новымъ вкладомъ въ словарь нашего Дика.

Послѣ перваго удачнаго дебюта Дика прошло не менѣе пятнадцати лѣтъ, въ теченіе которыхъ я ежегодно отвозилъ попугая въ Питъ-Стритъ и неизмѣнно получалъ за него, изъ прежняго источника, одиннадцать гиней годовой платы. Разумѣется, за все это время мы съ женою не мало страдали отъ неудовлетвореннаго любопытства, но за исключеніемъ этого маленькаго неудобства, могли только благословлять нашего мрачнаго друга. Нужно сказать, однако, что наши денежныя сношенія съ г-жею Гёбль нисколько не сблизили насъ съ этою почтенною особою; она принимала и отпускала меня съ одинаковою ледяною холодностью; если же мнѣ случалось встрѣтиться съ нею на улицѣ, то она неизмѣнно обращалась ко мнѣ съ двумя стереотипными вопросами: сперва она спрашивала о здоровьѣ Томми-Дика а потомъ уже о здоровьѣ моей жены.

Когда наступилъ шестнадцатый годъ со времени нашего

знакомства съ г-жею Гёбль, однимъ лѣтнимъ мѣсяцемъ, насъ неожиданно навѣстили двое незнакомыхъ джентльменовъ, посѣщеніе которыхъ по своимъ послѣдствіямъ было едва-ли не удивительнѣе нежели появленіе у насъ таинственной вдовы. Это случилось въ одинъ изъ субботнихъ вечеровъ, когда я уже возвратился домой, такъ какъ въ этотъ день я кончилъ свои занятія въ конторѣ раньше обыкновеннаго. Моя жена не разъ утверждала, что мое присутствіе дома въ этотъ день было счастливою случайностью, иначе она подумала бы, что все, что произошло, было какимъ-то сномъ.

Пусть самъ читатель разсудитъ, насколько справедливы, при данныхъ обстоятельствахъ, были слова моей жены.

Названные два джентльмена въ безукоризненныхъ черныхъ сюртукахъ, позвонивши у моего параднаго входа, сняли съ обычнаго гвоздя у окна нижняго этажа нашего дома стараго попугая и внесли клѣтку съ собою въ нашу гостиную.

— Прошу извинить нашу безцеремонность, сказалъ старшій изъ двухъ мужчинъ, который носилъ туго накрахмаленный бѣлый галстукъ и имѣлъ видъ адвоката или дѣлопроизводителя, но нужно вамъ объяснить, что Томми нашъ старинный другъ; могу даже безъ преувеличенія сказать, что наше знакомство съ Томми началось еще гораздо раньше вашего.

— Въ такомъ случаѣ, джентльмены, возразилъ я, вы должны были познакомиться съ нимъ еще во время пребыванія Томми на родинѣ—въ Индіи?

— Что до меня касается, сказалъ другой незнакомецъ, внѣшній видъ котораго, съ высоко поднятою головой, обличалъ въ немъ бывшаго военнаго, то я, дѣйствительно, познакомился съ Томми еще въ бытность мою въ Индіи. Генералъ Фидль-Фадль выигралъ Томми въ пикетъ у генералъ губернатора Барбадосса въ суммѣ пятидесяти гиней.

— Я полагаю, однако, что генералъ впослѣдствіи не разстался бы съ Томми и за тысячу фунтовъ стерлинговъ; что вы на это скажете, маіоръ? возразилъ другой джентльменъ.

— Вотъ какъ! воскликнулъ я, думая про себя, что генералъ, вѣроятно, въ концѣ концовъ значительно поубавилъ свою цѣну, иначе попугай никогда не попалъ бы въ руки моего брата Дика; вѣдь не укралъ же онъ попугая у генерала! Эта мысль такъ отвлекла меня отъ дѣйствительности, что я въ теченіе нѣсколькихъ минутъ не могъ хорошенько сообразить, о чемъ говорили мои собесѣдники.

— Джоржъ, джентльмены у тебя спрашиваютъ, отчего Томми забылъ военныя команды, сказала моя жена, толкая меня въ локоть. Потомъ она прибавила шопотомъ: Ради Бога, постарайся ихъ поскорѣе выпроводить отсюда; они положительно оба спятили съ ума!

— Военныя команды! вскричалъ я; но я до сихъ поръ не зналъ, что нашъ попка имѣетъ какое-либо понятіе объ нихъ.—Дикъ! Дикъ, сказалъ я, обращаясь къ попугаю и желая какъ-нибудь замять разговоръ, отчего ты никогда не повторяешь военныя команды?

— Дуракъ, дуракъ, неистово кричалъ Дикъ! Топи корабль! Бей капитана! За бортъ его! За бортъ!

— Вотъ что меня поражаетъ, сказалъ бывшій военный, пожимая плечами; гдѣ Томми могъ выучиться всѣмъ этимъ морскимъ терминамъ, которые онъ, кстати будь сказано, иногда приправляетъ невозможными ни въ одномъ порядочномъ обществѣ выраженіями? Сэръ Фадль былъ очень разборчивъ въ дѣлѣ обученія Томми. Попугай даже никогда не покидалъ каюту генерала во время переѣзда изъ Индіи на родину.

— Вѣроятно, какой-либо изъ юнговъ ради шалости научилъ его этимъ непристойнымъ выраженіямъ тайкомъ отъ всѣхъ, возразилъ другой джентльменъ. Но позвольте узнать, м-ръ Вильсонъ, почему вы называете попугая Дикомъ?

— Потому что это его настоящее имя, отвѣчалъ я просто; другой причины у меня нѣтъ никакой.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, отвѣтилъ авторитетно господинъ въ бѣломъ галстукѣ; его имя Томми; такъ онъ зовется уже слишкомъ сорокъ лѣтъ; онъ обозначенъ подъ именемъ Томми и въ духовномъ завѣщаніи генерала. Я увѣренъ въ томъ, что мой покойный другъ сэръ Фадль былъ бы очень недоволенъ тѣмъ, что попугая зовутъ Дикомъ. Вы положительно не должны поощрять попугая къ безсмысленному вольнодумству. У насъ въ Англіи принято свято исполнять желаніе умершихъ также, какъ еслибы они были въ живыхъ. Однако, въ общемъ, за исключеніемъ этого маленькаго обстоятельства, я долженъ сказать, м-ръ Вильсонъ, что мы ничего не имѣемъ противъ вашего ухода за птицею покойнаго генерала; скажу, даже, наоборотъ, что мы чрезвычайно довольны вашими попеченіями о Томми. Покойная г-жа Гёбль не даромъ утверждала, что она не знаетъ никого другаго, кто бы такъ добросовѣстно сталъ бы ухаживать за старымъ любимцемъ сэра Фидль-Фадль. Не разъ, когда намъ случалось быть у нея въ неурочное

время, она намъ говорила, что бѣдный Томми находится на вашемъ попеченіи для возстановленія его здоровья; и надо сознаться, вы всегда его доставляли домой въ вожделѣнномъ здравіи. Теперь же когда г-жи Гёбль уже нѣтъ больше на свѣтѣ... развѣ вы еще ничего не слыхали о ея смерти? Она умерла уже дней десять тому назадъ... Теперь мы не знаемъ никого, кромѣ васъ, кто бы могъ взять на себя попеченіе о старомъ попугаѣ генерала. Мы явились сюда сегодня только съ цѣлью удостовѣренія личности попугая. Теперь мы будемъ имѣть честь явиться къ вамъ, м-ръ Вильсонъ, каждое 12 число августа мѣсяца—вы, вѣроятно, припомните, маіоръ, что это всегда было счастливымъ днемъ для генерала? Затѣмъ, м-ръ Вильсонъ, позвольте вамъ пожелать всего хорошаго и раскланяться съ вами. Позвольте мнѣ также воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы поздравить васъ съ починомъ, т. е. съ первымъ взносомъ вашего новаго годоваго дохода; дай Богъ, чтобы вамъ еще долго пришлось пользоваться этою доходною статьей. При этомъ джентльменъ сунулъ мнѣ въ руку конвертъ и съ важностью медленно ретировался вмѣстѣ съ своимъ чиннымъ компаньономъ. Я слѣдилъ за ними, когда они медленно удалялись отъ нашего дома. Они очевидно были въ полномъ обладаніи своими умственными способностями; одинъ изъ нихъ подозвалъ извощика и простился съ своимъ товарищемъ церемонно любезнымъ поклономъ, какъ будто-бы они сходились только для какого-либо дѣла, которое временно ихъ сблизило.

Къ тому времени жена моя была доведена уже почти до истеричнаго состоянія. Я вскрылъ конвертъ, отданный мнѣ незнакомцемъ и вынулъ вложенный въ него чекъ на сто гиней звонкою монетою.

Конечно въ однѣхъ только арабскихъ сказкахъ можно встрѣтить нѣчто подобное этому приключенію!

— Который часъ? нетерпѣливо вскричалъ попка, конечно, крайне озадаченный молчаніемъ, въ которое впали его хозяева.

— Умная птица, сказалъ я, сама мудрость глаголетъ твоими устами! Вотъ уже половина третьяго, а контора Тшальда закрывается ровно въ три часа; у меня остается одна минутка времени!

Я пришелъ въ контору какъ разъ во-время, чтобы представить свой чекъ, по которому мнѣ была выдана сполна вышеозначенная сумма денегъ.

Тогда я отправился домой съ такимъ капиталомъ, какой

никогда еще не лежалъ въ моемъ карманѣ. Разумѣется, меня немного смущала мысль, что полученныя мною деньги какимъ-то страннымъ образомъ попали мнѣ въ карманъ, но, вѣдь, не даромъ же отецъ всегда утверждалъ, что наслѣдство Дика принесетъ намъ счастье. Я былъ въ такомъ расположеніи духа, что охотно готовъ былъ принять все, что бы только мнѣ ни готовила щедрая судьба, не ломая себѣ голову догадками, откуда мнѣ выпадаетъ на долю вся эта благостыня? Я даже положительно нисколько бы не удивился, еслибы, придя домой, меня тамъ ожидалъ курьеръ отъ королевы, чтобы вручить мнѣ патентъ на званіе лорда! И все это потому, что я, по велѣнію судебъ, оказывался счастливымъ владѣльцемъ несравненнаго чернаго попугая! Счастливый и довольный, я направился домой, но, на самомъ дѣлѣ, оказалось, что вмѣсто королевскаго курьера меня ожидалъ швейцаръ изъ Лондонскаго отеля съ письмомъ; ему было велѣно не уходить отъ меня безъ отвѣта и подождать, въ случаѣ если меня не окажется дома.

Содержаніе записки было слѣдующее:

„Милостивый государь! Я совершенно упустилъ изъ памяти, при моемъ свиданіи съ вами, вмѣстѣ съ маіоромъ Мордаксъ, вручая вамъ первый взносъ годоваго содержанія за попеченія о попугаѣ, попросить вашей подписи къ прилагаемому документу. Прошу васъ теперь исправить эту ошибку и возвратить прилагаемую бумагу съ моимъ посланнымъ. Вашъ покорнѣйшій слуга Натальель Понсе“.

Упомянутый документъ гласилъ слѣдующее:

„Я нижеподписавшійся (имя рекъ) получилъ отъ Матью Мордаксъ эсквайръ и Натаньеля Понсе (присяжнаго повѣреннаго) душеприкащиковъ покойнаго генерала сэра Фидль-Фадль, *сто гиней*, что составляетъ ежегодный взносъ суммы, завѣщанной вышеупомянутымъ генераломъ на содержаніе его чернаго попугая Томми“.

Эти ужасныя слова тотчасъ же обнаружили источникъ нашего благополучія, также ясно, какъ фонарь полисмэна бросаетъ свѣтъ на какія-либо орудія насилія во время уличной схватки. Подавленный сознаніемъ, что мнѣ придется волею-неволею разстаться съ моимъ маленькимъ состояніемъ, упавшимъ мнѣ какъ бы прямо съ неба, я тотчасъ же пустился въ путь вмѣстѣ съ швейцаромъ отеля. Мнѣ показалось чрезвычайно несправедливымъ и жестокимъ, что такимъ неожиданнымъ образомъ я лишаюсь законнаго права на эти сто гиней, такъ какъ я уже смотрѣлъ на эти деньги какъ на свою неотъемлемую собственность! При свиданіи

съ г-номъ Натаньелемъ Понсе, я, безъ всякой утайки, объяснилъ ему всѣ подробности этой исторіи съ попугаемъ и имѣлъ удовольствіе видѣть, что онъ безусловно повѣрилъ мнѣ и не считалъ меня сообщникомъ въ этомъ подлогѣ.

— Ваше поведеніе безукоризненно во всемъ этомъ дѣлѣ, м-ръ Вильсонъ, сказалъ онъ; еслибы не ваша достойная всякой похвалы высокая честность, то весьма вѣроятно, что мы выплачивали бы вамъ по сто гиней въ теченіе еще многихъ, многихъ лѣтъ. Во всякомъ случаѣ покойная г-жа Гёбль выманила у насъ обманнымъ путемъ весьма значительную сумму въ теченіе этихъ пятнадцати-шестнадцати лѣтъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, однимъ словомъ, какъ она брала у васъ на прокатъ вашего попугая, который, очевидно, долженъ былъ служить замѣстителемъ умершаго любимца генерала. Насколько помнится, была даже такая экономка, которая ухитрилась въ теченіе цѣлыхъ полгода скрывать смерть одного англійскаго епископа, съ цѣлью получить ассигнованный ему доходъ; она ухитрилась даже ежедневно вывозить его кататься—т. е. не его, а нѣчто въ родѣ манекена, одѣтаго въ его одѣяніе и похожаго на него! Что же до васъ касается, м-ръ Вильсонъ, то, понятное дѣло, съ васъ мы не потребуемъ возврата тѣхъ денегъ, которыя были уплачены вамъ обманувшей наше довѣріе женщиной, но я долженъ, во всякомъ случаѣ, принять у васъ обратно тѣ сто гиней, которыя я самъ имѣлъ честь вамъ вручить... Обо всемъ этомъ дѣлѣ будетъ доложено наслѣднику генерала, который, разумѣется, будетъ очень доволенъ, что эта неудобная статья расхода уже фактически больше не существуетъ. Насколько мнѣ лично извѣстно, наслѣдникъ генерала Фидль-Фадль благородный человѣкъ и приметъ къ сердцу ваше разочарованье и сумѣетъ оцѣнить благородство вашего поступка.

Въ концѣ-концовъ, хотя мнѣ и не суждено было получать пожизненную пенсію за то, что я содержалъ своего же собственнаго попугая, однако я черезъ нѣсколько дней получилъ обратно чекъ въ сто гиней „въ знакъ признательности и уваженія Фрэнсиса Фадль, эсквайра“; другими словами, меня благодарили за то, что я оказывался менѣе безчестнымъ нежели г-жа Гёбль!

Не мудрено, что она такъ настоятельно заботилась о пребываніи у нея нашего попугая въ теченіе восьми дней въ августѣ мѣсяцѣ! Не мудрено, что ей имя Дикъ казалось вульгарнымъ и что она предпочитала имя Томми! Но кто торжествовалъ при разрѣшеніи этой загадки—такъ это моя

жена! Она хвастала тѣмъ, что сумѣла такъ стойко отказаться отъ соблазна разстаться навсегда съ Дикомъ, не смотря на предложенную за него цѣну въ пятнадцать гиней.

— Ты видишь, говорила она, какъ мы вознаграждены за то, что послушались голоса совѣсти и сберегли подарокъ умершаго брата! Еслибы мы поступили иначе, то никогда не получили бы такую солидную сумму въ видѣ процентовъ на нашъ капиталъ!

— Вѣрно, Люси, сказалъ я, еслибы ты продала попугая, то поступила бы не лучше той мудрой хозяйки, которая зарѣзала попугая, чтобы завладѣть его золотыми яицами...

— То былъ не попугай, а курица, Джоржъ, поправила меня жена.

— Фидль-Фадль, чортъ возьми! Неистово закричалъ, въ заключеніе разговора, нашъ умный черный попугай.

III.

Неудавшійся обѣдъ.

Часто слышали мы отъ людей добропорядочныхъ конечно, но не особенно оригинальныхъ, что погода вообще стала гораздо хуже, а зима въ частности гнилѣе сравнительно съ временемъ, когда они были дѣтьми. Дѣло въ томъ, что въ ребяческій періодъ жизни игра въ снѣжки является настоящимъ событіемъ и оставляетъ неизгладимый слѣдъ въ памяти, тогда какъ въ послѣдующее время проходитъ незамѣченной (потому ли, что взрослые больше въ ней не участвуютъ, или потому, что живутъ въ Пель-Мелѣ, гдѣ полиція не дозволяетъ), а потому людямъ кажется, что ея и вовсе не существуетъ.

Другое явленіе, представляющееся имъ безпримѣрнымъ— это туманъ. Прошлый Рождественскій сочельникъ, напримѣръ, былъ совсѣмъ такой, какъ онъ всегда бываетъ въ Лондонѣ, но это не мѣшало цѣлой толпѣ людей восклицать:—ну видано ли и слыхано ли, чтобы была такая погода!

Замѣчаніе, конечно, само по себѣ безвредное, но никакого значенія въ смыслѣ вклада въ науку о метеорологіи оно не представляетъ.

Самъ лично я видѣлъ или, вѣрнѣе сказать, испытывалъ гораздо болѣе густые туманы. Я помню одинъ ноябрьскій день, лѣтъ двадцать тому назадъ, когда мракъ былъ такъ непроницаемъ, что вы бы не увидали своей собственной

руки, хотя бы она была облечена въ бѣлую перчатку. Послѣднее сравненіе пришло мнѣ на умъ потому, что я былъ тогда молодъ (притомъ вовсе не суетенъ) и имѣлъ обыкновеніе носить бѣлыя перчатки.

Жена и я только-что обзавелись своимъ домикомъ и какъ разъ на бѣду ждали гостей къ обѣду въ этотъ злополучный вечеръ. Всего, включая насъ двоихъ, должно было сѣсть за столъ четырнадцать персонъ;—для насъ это была цѣлая коммисія, и моя жена (я говорю про мою покойницу, первую жену) была даже въ тревогѣ по этому случаю. Мужчина—себялюбецъ, мужчина — чуждъ этимъ треволненіямъ; онъ по утру отправляется по своимъ дѣламъ, или по крайней мѣрѣ онъ такъ утверждаетъ; среди дня заходитъ въ клубъ и возвращается домой передъ обѣдомъ ровно за столько минутъ, сколько ему нужно, чтобы переодѣться, словно ничего особеннаго не предстоитъ. Но женщина — любящая, хлопотливая женщина — должна обо всемъ позаботиться.

Въ десять часовъ я отправлялся въ Сити, сдѣлавъ все то, чего отъ меня въ правѣ были ожидать дома, а именно распорядившись на счетъ вина: „помри“ для дядюшки Мильстона, который могъ пить шампанское только такое-же сухое, какъ и его собственная персона, и даже и тогда ругая его; болѣе крѣпкіе сорта для Тифина, полковника остъ-индской арміи, да могу также прибавить и для его жены, которая съ усердіемъ попивала винцо и только хорошѣла отъ того. Однако наружность обманчива и, быть можетъ, есть основаніе въ слухахъ, указывающихъ на вдову Кликò, какъ на одну изъ причинъ преждевременнаго переселенія полковницы Тифинъ въ Елисейскія поля. Имѣлось, помнится мнѣ, въ запасѣ кюрасò для одного юнаго гвардейскаго прапорщика.

Въ 10 ч. 15 м. пришла телеграмма отъ дядюшки: „погода и мой бронхитъ никакъ не позволяютъ мнѣ пріѣхать сегодня къ вамъ обѣдать, милая Эленъ“.

Ударъ былъ тяжкій, такъ какъ обѣдъ давался въ честь стараго джентльмена, отъ котораго мы ждали великихъ (и вполнѣ законныхъ) милостей; и теперь неизбѣжно было дать другой обѣдъ. Хуже всего въ глазахъ бѣдняжки жены, очень суевѣрной, было однако то, что теперь насъ должно сѣсть за столъ тринадцать человѣкъ.

Положеніе было затруднительно, такъ какъ только пріятеля можно было пригласить въ такой короткій срокъ.

Люди склонны обижаться, считая, что ихъ приглаша-

ютъ „случайно“, если приглашеніе послѣдуетъ не заблаговременно.

Въ Парижѣ мы могли бы пригласить *четырнадцатаго*, т. е. джентльмена, избравшаго своей профессіей эту роль; но мы были не въ Парижѣ (хотя въ такой день этого нельзя было видѣть), а въ Лондонѣ. Человѣкъ, обремененный многочисленнымъ семействомъ, вышелъ бы изъ затрудненія, посадивъ за столъ одного изъ сыновей подростковъ, но у насъ пока было одно дитя, не дожившее еще до двухлѣтняго возраста и вдобавокъ дѣвочка.

Жена моя (хотя она и объявила мнѣ, что совсѣмъ сбилась съ ногъ съ этимъ обѣдомъ) однако нашлась. Она вдругъ вспомнила о существованіи нѣкоего сэра Перси Литтона, котораго обычно игнорировала. То былъ юный джентльменъ безъ особаго положенія въ свѣтѣ и снискивалъ невѣрное пропитаніе литературнымъ трудомъ. Нѣкоторые находили его забавнымъ, жена же моя считала его болтуномъ, и только. Онъ былъ охотникъ до чужихъ обѣдовъ и славился своими анекдотами. Говорили, что онъ записывалъ имена всѣхъ лицъ, съ которыми обѣдалъ, а также и исторіи, которыя онъ имъ разсказывалъ, чтобы не повторяться. Не знаю, такъ ли это было, знаю только, что онъ записывалъ заглавія самыхъ анекдотовъ, такъ какъ однажды онъ забылъ такой списокъ у насъ въ столовой подъ стуломъ. Но при существующихъ обстоятельствахъ лучше было заполучить м-ра Литтона, чѣмъ никого; нельзя было оставить пустаго стула, точно для тѣни Банко, да и кто бы повелъ къ столу старуху леди Уаллонъ. Притомъ можно было съ увѣренностью предположить, что онъ никуда не отозванъ.

— Онъ обѣими руками ухватится за приглашеніе, утверждала жена.

И, сѣвъ за столъ, написала пригласительную записку на розовой бумажкѣ и въ соотвѣтствующемъ тонѣ:

„Любезный м-ръ Литтонъ,—я *знаю*, что вы завалены приглашеніями и что *врядъ-ли* можно разсчитывать на то, что вы свободны сегодня вечеромъ. Но мы только-что получили телеграмму, что одинъ изъ ожидавшихся нами гостей захворалъ. Я не спрашиваю, можете ли вы занять его мѣсто—потому что нѣтъ такого мѣста, котораго бы вы не могли занять съ блескомъ—но хотите ли оказать намъ большое одолженіе и присоединиться къ нашей маленькой компаніи? Ваша давнишняя дружба съ мужемъ служитъ мнѣ единственнымъ извиненіемъ за такое несвоевременное при-

глашеніе. Пожалуйста отвѣтьте „да“ съ подателемъ этой записки“.

И усердно росписалась „искренно преданная вамъ“ и пр.

Какъ моя жена и ожидала, м-ръ Литтонъ съ величайшимъ удовольствіемъ былъ готовъ избавить нашу компанію отъ непріятности сѣсть за столъ въ числѣ тринадцати персонъ, и успокоилась на счетъ судьбы нашего обѣда.

Вернувшись домой, я не счелъ нужнымъ смущать ее перечисленіемъ всѣхъ затрудненій, какія встрѣтилъ на пути, хотя они были и многочисленны, и велики. Во-первыхъ, туманъ въ городѣ былъ подобенъ густой, но отнюдь не бѣлой шерсти. Я дошелъ съ однимъ знакомымъ пѣшкомъ до Чарингъ-Кроса крѣпко обнявшись съ нимъ, и мы изображали изъ себя нѣчто въ родѣ двухглаваго орла при переходѣ черезъ улицы. Одинокій путникъ (если только онъ не былъ косъ) рисковалъ быть раздавленнымъ или даже растоптаннымъ, переходя съ одной стороны улицы на другую.

Прощаніе было трогательно какъ прощаніе друзей, не надѣящихся больше увидѣть другъ друга, да по правдѣ сказать и не видящихъ другъ друга и въ ту минуту. Онъ пропалъ въ „бездонномъ мракѣ“ улицы, ведущей на станцію желѣзной дороги и, повидимому, немедленно попалъ подъ колеса призрачной фуры; по крайней мѣрѣ я слышалъ крикъ, но туманъ заглушалъ всѣ звуки.

Что касается меня, то я жилъ около Сен-Джемсъ-Стрита, въ какой-нибудь полумилѣ разстоянія, но идти приходилось рѣшительно „ощупью“, и стоило только остановиться, чтобы тотчасъ же почувствовать, какъ съ разбѣга налеталъ какой-нибудь прохожій. Единственнымъ спасеніемъ было нести зонтикъ подъ мышкой и когда его кончикъ упирался въ что-нибудь мягкое, въ родѣ человѣческаго живота, восклицать:

— Ну, ну, потише! куда лѣзете!

И прежде чѣмъ встрѣчный успѣвалъ опомниться, новый прохожій налеталъ на него и на него изливалась ругань жертвы. Но и этотъ способъ представлялъ свои опасности и я радъ былъ, когда меня слегка задѣло (точно кошка лапкой) колесо омнибуса, направлявшагося въ Пикадилли, и я въ него сѣлъ. Хотя я былъ очень щепетиленъ въ тѣ времена, но при существующихъ обстоятельствахъ не боялся, что меня кто-нибудь увидитъ въ этомъ скромномъ экипажѣ, сидѣлъ ли кто еще въ омнибусѣ кромѣ меня—этого я не могъ въ туманѣ видѣть, но когда онъ наѣхалъ на фонарный столбъ, то по числу тяжелыхъ тѣлъ, свалившихся ко мнѣ на колѣни и на ноги, я могъ заключить, что пассажировъ

было много. Въ Пикадилли я нашелъ коммисіонера съ фонаремъ, котораго и нанялъ за шиллингъ, и который благополучно доставилъ меня домой.

Стоя у дверей и нащупывая колокольчикъ, я говорилъ себѣ:

— Если кто-нибудь пріѣдетъ къ намъ обѣдать въ такую погоду, то значитъ ему дома ѣсть нѣчего.

Но я прошелъ къ себѣ въ уборную, не говоря ни слова и надѣясь на Провидѣніе. Если съ кѣмъ-нибудь изъ гостей на дорогѣ случится бѣда, я буду конечно объ этомъ сожалѣть; но если это неизбѣжно, то, принимая во вниманіе среднюю цифру человѣческой жизни (а также и человѣческаго достоинства) было бы пожалуй всего лучше для міра (и для меня), чтобы бѣда случилась съ дядюшкой Мильстономъ.

Это соображеніе, конечно, улетучилось у меня изъ головы, когда я сошелъ внизъ въ гостиную и нашелъ жену очень довольной своей догадливостью и тѣмъ, что она запаслась м-ръ Литтономъ на мѣсто дядюшки.

— Пора бы уже гостямъ пріѣхать, не правда ли? сказала она; хотя, честное слово, я не могу разглядѣть часовъ. Должно быть большой туманъ на дворѣ, Чарли, если онъ даже пробирается въ комнаты?

— Ну что жъ, сказалъ я шутливо, если часть тумана пробралась въ комнаты, то на улицѣ его стало меньше; но, говоря правду, на улицѣ темненько. Я думаю, что не мудрено, если кто изъ гостей и опоздаетъ.

— Почему такъ? спросила рѣзко жена.

Она была отличная хозяйка и знала это; а потому ничто такъ не досаждало ей, какъ мысль, что обѣдъ можетъ быть испорченъ отъ того, что какіе-нибудь свѣтскіе дураки воображаютъ придать себѣ особую важность тѣмъ, что пріѣдутъ поздно; между тѣмъ какъ чувства, возбуждаемыя ими, выражаются у женщинъ, словами:—Какая наглость! а у мужчинъ:—Вотъ-то скотина!

— Если они знаютъ, что на улицѣ туманъ, Чарли, то имъ слѣдовало бы пораньше выбраться изъ дома. Вотъ и всё. Но вотъ кто-то пришелъ.

Я сомнѣвался, хотя и слышалъ, что позвонили. Однако это оказался Литтонъ. Я узналъ его смѣхъ, который доносился съ лѣстницы; да и кто же, въ самомъ дѣлѣ, кромѣ его, станетъ смѣяться съ буфетчикомъ!

— Господи, сказалъ онъ, поздоровавшись съ нами, какая уютная компанія соберется насъ за обѣдомъ и какая пропасть будетъ ѣды.

— Помилуйте, м-ръ Литтонъ, отвѣчала жена, выпрямляясь во весь ростъ, надѣюсь, что изъ-за моего стола никто и никогда не вставалъ голоднымъ.

— Безъ сомнѣнія, сударыня; но такъ какъ тамъ, гдѣ трое сыты, четырнадцать будутъ голодны, то и троимъ за то не съѣсть того, что приготовлено для четырнадцати. Во всякомъ случаѣ „переборъ“ не бѣда, какъ хорошо извѣстно вашему супругу, не даромъ же онъ дѣловой человѣкъ.

Моей женѣ всегда не нравилось, когда меня называли „дѣловымъ человѣкомъ“, но еще непріятнѣе было думать, что гость, позволившій себѣ эту невѣжливость, кажется, немного подгулялъ.

— Что вы хотите сказать, м-ръ Литтонъ, спросила она, вашей параллелью между четырнадцатью и тремя?

Онъ разсмѣялся тѣмъ смѣхомъ, какой обыкновенно на сценѣ считается демоническимъ.

— Какъ, сударыня! неужели же вы не знаете, что дѣлается на улицѣ? Еслибы я не жилъ на одной съ вами сторонѣ улицы, такъ что мнѣ не нужно переходить черезъ мостовую, то я бы самъ не пришелъ къ вамъ. Я нащупывалъ дорогу зонтикомъ, какъ слѣпой. Помилуйте, да никто изъ вашихъ гостей сегодня не пріѣдетъ. Ни одинъ извощикъ не возьмется ихъ везти.

— Наши гости почти всѣ ѣздятъ въ собственныхъ каретахъ, съ достоинствомъ замѣтила жена.

— Если такъ, то они и подавно не будутъ. Я знаю, какъ это водится въ подобныхъ случаяхъ. Буфетчикъ приходитъ сказать, что кучеръ желаетъ переговорить съ бариномъ.— Что такое, Джонъ? (Литтонъ былъ изъ тѣхъ нестерпимыхъ людей, которые передразниваютъ голосъ и манеры другихъ лицъ).—Да что, сэръ, лошади вѣдь не мои, какъ вамъ извѣстно; но какъ вамъ угодно, а только я долженъ по истинной правдѣ доложить вамъ, что имъ не сдобровать, если мы на нихъ выѣдемъ сегодня. Они сломаютъ себѣ ноги или шею или, помяните мое слово, завезутъ насъ въ Темзу, какъ пить дадутъ.

— Но, милый Чарли, обратилась ко мнѣ жена, почему ты мнѣ не сказалъ, что сегодня такой туманъ.

— О! туманъ, конечно, довольно густой, весело проговорилъ я, но я не хотѣлъ тебя пугать. Всѣ пріѣдутъ въ свое время, будь спокойна. Если хочешь, подождемъ съ полчаса.

— О! это ни къ чему не поведетъ! вскричалъ Литтонъ (я увѣренъ, что онъ не завтракалъ; когда его зовутъ обѣ-

дать, онъ никогда не завтракаетъ); еслибы ваши гости собирались пріѣхать, то имъ слѣдовало бы уже быть здѣсь, хотя бы даже лошади ѣхали шагомъ, какъ оно впрочемъ иначе и быть не можетъ въ такую погоду; вѣдь кучеру приходится вести ихъ подъ устцы, какъ на дешевыхъ похоронахъ.

Вообще говоря, жена не любитъ (и совершенно основательно) ждать кого бы то ни было; но несмотря на аргументы Литтона, а можетъ быть какъ разъ благодаря имъ (жена, какъ я уже упоминалъ выше, немного суевѣрна и его намекъ на похороны, да еще на дешевые, возстановилъ ее противъ него), она позвонила и приказала отложить обѣдъ.

Литтонъ казался очень не въ духѣ и такъ голоденъ, что я вынужденъ былъ предложить ему утѣшеніе въ видѣ рюмки хереса. Онъ поспѣшно принялъ мое предложеніе.

Чтобы ему не было неловко пить вино, я выпилъ съ нимъ за компанію.

Вино развязало ему языкъ болѣе обыкновеннаго, что́ было не особенно пріятно: когда человѣкъ напрягаетъ слухъ, (какъ я въ эту минуту) не услышитъ ли звонка, или разсчитываетъ въ умѣ, (какъ моя жена) какое блюдо лучше оставить на завтра, если никто не пріѣдетъ, ему не особенно пріятна болтовня даже болѣе интересныхъ людей, чѣмъ нашъ гость.

Еслибы пріѣхалъ каноникъ Креспформъ съ женой или хотя бы полковникъ и м-съ Тифинъ, то намъ было бы легче; но подумать только, что мы будемъ угощать обѣдомъ, приготовленнымъ на четырнадцать персонъ, человѣка, приглашеннаго только на затычку! Такое обстоятельство могло разбѣсить хоть кого!

Я конечно старался смѣяться его шуткамъ, помня объ обязанностяхъ гостепріимнаго хозяина, но невольно шелъ, повѣся носъ за нимъ, когда онъ повелъ къ обѣду жену.

Накрытый столъ напоминалъ роскошный table-d'hôte въ гостиницѣ, гдѣ мало пріѣзжающихъ.

— Неужели же, вздохнула жена, глядя съ патетическимъ сожалѣніемъ на цвѣты (дядюшка Мильстонъ любитъ цвѣты, а мы всегда стараемся угодить старому джентльмену, что́ бы намъ это ни стоило),—неужели же въ самомъ дѣлѣ *никто* не пріѣдетъ.

— Помилуй, а мы то съ Литтономъ развѣ не идемъ въ счетъ, отвѣтилъ я, толкая ее ногой подъ столомъ, такъ какъ мы всѣ сбились на одинъ конецъ стола, какъ гуси на

замерзшемъ пруду, около проруби или овцы въ бурю. Неужто ты насъ считаешь за никого. И еще я увѣренъ въ одномъ: а именно, что мы увидимъ полковника, если только онъ не сломалъ себѣ шею или ногу. Онъ гордится тѣмъ, что всегда держитъ слово и не измѣняетъ своихъ намѣреній. Помнишь ли пикникъ въ Боксъ-Гиллѣ, на который онъ заставилъ поѣхать жену, хотя дождь лилъ какъ изъ ведра и никто кромѣ ихъ съ женой не пріѣхалъ.

— Какъ къ намъ теперь, вздохнула моя бѣдная жена.

Но вдругъ воскликнула:

— Постой, кто-то пріѣхалъ; я надѣюсь, что это каноникъ.

— Похоже на то, отвѣчалъ Литтонъ, если только это не новый сигналъ по случаю тумана.

Есть люди съ такой несчастной организаціей, что они дѣлаютъ шутку изъ всего.

То былъ не каноникъ, но телеграмма отъ него, посланная очевидно изъ Гайдъ-Парка.

„Мы сбились съ дороги, сказано было въ ней, и одному Богу извѣстно, какъ мы доберемся домой. Я отправлю эту депешу съ первой попавшейся телеграфной станціи—это можетъ быть Кенсингтонская или Гольборнъ-Гилль. Надѣюсь, что остальные гости оказались исправнѣе“.

— Добрый человѣкъ! воскликнула жена съ паѳосомъ, еслибы онъ зналъ, какъ онъ далекъ отъ истины!

— И какъ онъ къ ней равнодушенъ, лишь бы только ему добраться до дому, замѣтилъ Литтонъ; я нахожу, что все это очень забавно. (Шампанское только-что было обнесено, чтобы поднять немного нашъ духъ). Еслибы кто-нибудь теперь пріѣхалъ, все дѣло было бы испорчено; поздній гость хуже незваннаго.

— *Brute!* пробормотала жена. Она думала, что говорила про себя, но дѣло вышло не такъ.

— Нѣтъ, душа моя, это не *Brut*, это *Clicquot*, поспѣшно свернулъ я рѣчь на шампанское. Полковникъ любитъ этотъ сортъ шампанскаго... да вотъ и онъ самъ, клянусь Юпитеромъ!

Мы услышали повелительный голосъ въ передней, спрашивавшій, есть ли кто у насъ, и слышали также, какъ онъ презрительно воскликнулъ на отвѣтъ, данный прислугой:

— О! только онъ! и больше никого!

Мы знали, что Литтонъ и полковникъ знакомы между собой, но не знали, какъ они сильно ненавидятъ другъ друга.

— Ахъ! какъ я рада, что полковникъ пріѣхалъ! сказала жена.

— Чортъ бы побралъ этого стараго ворчуна! пробормоталъ Литтонъ.

— Вотъ такъ удовольствіе, перешепнулись мы съ женой. Будь насъ за обѣдомъ четырнадцать персонъ, враждебность двоихъ изъ нихъ прошла бы незамѣченной, но когда насъ всего пятеро.... а языкъ у Литтона точно осиное жало.

— Я надѣюсь, что вы будете любезны съ каждымъ моимъ гостемъ, м-ръ Литтонъ, нѣжно промолвила жена, въ то время какъ полковникъ входилъ съ женой въ комнату.

— Я надѣлъ ваши туфли, замѣтилъ нашъ воинъ, пожимая мнѣ руку, а м-съ Тифинъ надѣла туфли вашей жены. Мы промочили ноги.

— Неужели же вы шли пѣшкомъ?

— Мы шли пѣшкомъ отъ площади Ватерло. Мнѣ думается, что у бѣдной Джуліи нервы немного разстроены. Дайте ей бокалъ шампанскаго, пожалуйста. Благодарю васъ, да и я также выпью бокалъ, хотя у меня нервы и не разстроены, слава Богу; но дѣло въ томъ, что наша карета и лошади скатились со ступенекъ колонны герцога Іоркскаго. Мы успѣли однако выскочить изъ кареты.

— Господи! а кучеръ-то? вскричала жена.

— О! не безпокойтесь, онъ тоже не убился. Мы оставили его при сломанной каретѣ. Народу тамъ собралось достаточно, и наше присутствіе ни къ чему бы не привело. Къ тому же вы знаете, что я ставлю себѣ за правило никуда не опаздывать.

Литтонъ вынулъ часы изъ кармана жилета и съ аффектаціей поглядѣлъ на нихъ.

— Ладно, ладно, согласился полковникъ,—мы на часъ опоздали.

— Но какъ же случилась такая бѣда? спросилъ я.

— Мы сами не знали, гдѣ мы находились; но кучеръ думалъ, что мы ѣдемъ по Трафальгарскому скверу; было довольно просторно, хотя слышно было, что карета съѣхала съ мостовой, но вдругъ мы ударились обо что-то высокое и крѣпкое, со свѣтомъ наверху, и оказалось, что это не фонарный столбъ, а полисменъ съ фонаремъ. Скажите, полисменъ, куда же мы это заѣхали? спросилъ я.—А! ей-Богу не знаю, сэръ. Я ужь часа два какъ самъ брожу, не вѣдая, гдѣ это меня носитъ. Но подождите здѣсь, а я поищу дорогу, и когда свистну, то вы, кучеръ, можете ѣхать на мой свистокъ... Ну, вотъ, мы подождали минутъ десять, и вотъ по-

слышался свистокъ, и я закричалъ:—ступайте, кучеръ, да поскорѣе, потому что я знаю, что мы опоздаемъ къ обѣду. Не знаю, кто свисталъ, но только не полисменъ, потому что оказалось, что мы находились не въ Трафальгарскомъ скверѣ, а на площади Ватерло и кто-то закричалъ:—скачите! скачите скорѣй! и только-что мы съ Джуліей успѣли выскочить изъ кареты, какъ карета и лошади покатились со ступенекъ.

— Но какъ вы нашли дорогу сюда пѣшкомъ?

— Ахъ! ужъ не спрашивайте! Вопросъ теперь въ томъ, какъ мы отсюда выберемся.

— Я не могу подумать о томъ, какъ мы опять очутимся въ туманѣ на улицѣ, сказала м-съ Тифинъ.

— Останьтесь у насъ ночевать, предложила добродушно жена, у насъ есть одна свободная спальная, и я буду очень рада, если вы съ женой переночуете въ ней.

— Меня избавьте, отвѣтилъ храбрый воинъ; я очень вамъ обязанъ, но я поставилъ себѣ за правило никогда не ночевать иначе какъ у себя дома. Но Джулія пусть дѣлаетъ, какъ хочетъ, хотя я знаю, что она до смерти боится спать одна.

— Да, сознаюсь, сегодня вечеромъ у меня нервы очень разстроены, сказала м-съ Тифинъ, и еслибы я могла переночевать въ дѣтской, съ милымъ малюткой...

— Ну не любишь же ты въ самомъ дѣлѣ спать одна, если согласна ночевать въ дѣтской! насмѣшливо вскричалъ полковникъ.

Еслибы жена моя не отличилась уже раньше, обозвавъ Литтона „*Brute*“, то навѣрное угостила бы этимъ эпитетомъ полковника. Но теперь она удовольствовалась замѣчаніемъ, что у мужчинъ нѣтъ сердца, и кивнула головой м-съ Тифинъ въ знакъ того, что пора оставить непрекрасный полъ допивать вино въ столовой.

Послѣ рьяной стычки между полковникомъ и его непріятелемъ, въ которой оба противника не стѣснялись правилами вѣжливости и которая длилась около получаса, мы отправились къ дамамъ въ гостиную.

Было уже около полуночи, но ночь была и не „прекрасная“, и не „звѣздная“, какъ любили характеризовать ее старинные ночные стражи, возвѣщая о полуночномъ часѣ; мы узнали, что м-съ Тифинъ уже пошла спать.

— Господи, благослови! вскричалъ полковникъ, я поставилъ себѣ за правило ложиться спать ровно въ часъ по полуночи, а потому прощайте.

И ушелъ.

Литтонъ попрощался съ женой и, стоя со мной въ передней, смотрѣлъ вслѣдъ полковнику, нырнувшему въ туманъ, который окуталъ его непроницаемой пеленой.

— Онъ не попадетъ въ постель въ часъ пополуночи сегодня, замѣтилъ нашъ шутникъ пріятель, если только постелью не послужитъ ему фонтанъ въ Сен-Джемскомъ паркѣ. Туманъ еще, кажется, усилился. Знаете ли, я думаю воспользоваться любезнымъ предложеніемъ вашей жены и займу вашу свободную спальную.

Одно дѣло любезно предложить переночевать бездѣтному богатому полковнику и другое—какому-то литературному забулдыгѣ. Но я не рѣшился ему отказать, тѣмъ болѣе, что былъ убѣжденъ, что онъ непремѣнно „опишетъ“ насъ, если обидится, какъ это вообще въ обычаѣ у этого сорта людей.

— Запасная спальная къ вашимъ услугамъ, мой другъ, сказалъ я.

— Подумать только, патетически вскричала жена, когда я сообщилъ ей о случившемся, что человѣкъ, котораго мы пригласили къ обѣду только затѣмъ, чтобы насъ не было тринадцать, ночуетъ въ нашемъ домѣ!

И этимъ еще дѣло не кончилось.

Въ половинѣ втораго весь домъ былъ поднятъ на ноги страшнымъ стукомъ въ парадную дверь. Я отворилъ окно, хотя не могъ ничего въ него увидѣть, и спросилъ, кто стучитъ. То былъ полковникъ, который такъ и не могъ выбраться изъ нашей улицы, а бродилъ взадъ и впередъ какъ муха между двумя рамами окна.

— Съ вашего позволенія, дорогой другъ, проговорилъ онъ совсѣмъ смиренно, я воспользуюсь вашимъ позволеніемъ и займу запасную спальную.

Но тутъ я услышалъ, какъ во второмъ этажѣ внезапно заперлась дверь на ключъ и раздался знакомый (и болѣе чѣмъ когда-либо демоническій) смѣхъ.

— Любезный полковникъ, съ сожалѣніемъ произнесъ я, Литтонъ уже занялъ спальную.

Я не повторю восклицанія, послѣдовавшаго затѣмъ; какъ моя жена замѣтила (изъ-за занавѣси кровати), человѣкъ, который способенъ такъ ругаться, недостоинъ, чтобы ему подложили подъ голову подушку. Да онъ, впрочемъ, и остался безъ подушки. Онъ провелъ ночь на диванѣ въ столовой, такъ что хотя и не всѣ гости, которыхъ мы пригласили, пріѣхали къ намъ, за то тѣ, которые пріѣхали, остались гораздо долѣе, чѣмъ мы этого желали.

О принятіи и оставленіи русскаго подданства.

Масса иностранцевъ, твердою ногою укоренившихся въ Россіи, заполонившихъ и захватившихъ въ свои руки въ нашемъ отечествѣ всевозможныя дѣятельности—фактъ общеизвѣстный. Съ XVIII вѣка началось ихъ колонизаціонное движеніе къ намъ, и съ тѣхъ поръ потокъ иностранной иммиграціи все усиливаясь и расширяясь, не переставалъ вливаться въ Россію медленно, но вмѣстѣ съ тѣмъ непрерывно двигаясь съ запада на востокъ. Не смотря на привычку, которую мы съ теченіемъ времени пріобрѣли по отношенію къ этому явленію, систематическое заселеніе нашихъ пограничныхъ городовъ и земель лицами чуждой намъ національности наконецъ возбудило вниманіе общества и правительства. По ближайшемъ разсмотрѣніи зло оказалось еще значительнѣе. При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ даже была учреждена въ 1885 году „коммисія для разработки вопроса о мѣрахъ къ прекращенію наплыва иностранныхъ поселенцевъ въ западныя окраины“. Учрежденіе этой коммисіи само по себѣ независимо отъ возможныхъ результатовъ ея дѣятельности [1]) есть уже фактъ знаменательный. Самое наименованіе

[1]) Впрочемъ въ первомъ законодательномъ актѣ, являющемся результатомъ дѣятельности коммисіи, мы находимъ ту же основную идею. Именной Высочайшій указъ 14 марта 1887 года объ установленіи особыхъ правилъ относительно пріобрѣтенія иностранцами въ собственность или въ срочное владѣніе и пользованіе недвижимыхъ имуществъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи, начинается такъ: „Съ 1864 года изданъ рядъ узаконеній, направленныхъ къ *укрѣпленію* на западной окраинѣ Имперіи русскаго землевладѣнія и къ *сближенію* оной съ прочими частями государства. Нынѣ Мы признали за благо въ соотвѣтствіе съ означенными узаконеніями и *въ дальнѣйшее ихъ развитіе* установить...“

ея категорически усановляетъ направленіе вырабатываемыхъ ею мѣръ. Здѣсь впервые высказывается оффиціальный протестъ противъ ненормальнаго явленія,—внѣдрившагося десятками лѣтъ въ организмъ нашего государства, и ставшаго какъ бы одной изъ неотъемлемыхъ коренныхъ частей его.

Въ ряду такихъ мѣръ вопросъ о регулированіи вступленія въ русское подданство занимаетъ первое мѣсто. Пока иностранецъ остается иностранцемъ, пока онъ стоитъ внѣ сословій нашего государства, примѣненіе къ нему тѣхъ или иныхъ правоограниченій, вызванныхъ государственной необходимостью, является дѣломъ относительно несложнымъ. Но разъ такой иностранецъ принялъ русское подданство, онъ исчезаетъ, онъ сливается съ массой кореннаго населенія и бороться противъ тлетворнаго вліянія его становится невозможно [1]).

---

[1]) Слѣдовало бы, кажется, отрѣшиться окончательно отъ ложнаго убѣжденія въ необходимости для насъ услугъ иноземцевъ и пользѣ такъ называемаго привлеченія иностранныхъ капиталовъ. Уже давно прошло то время, когда въ окраинныхъ городахъ и мѣстечкахъ ремесленниками были одни иностранцы да евреи, всегдашніе піонеры иноземнаго нашествія въ промышленность и торговлю. Въ губерніяхъ привислинскихъ, вслѣдствіе быстраго прироста кореннаго населенія (съ 4.800.000 въ 1860 г. до 8.000.000 въ 1887 г.) и обращенія культурныхъ слоевъ общества къ производительнымъ занятіямъ, не только явились въ избыткѣ и трудъ, и умѣнье, но каждое промышленное или торговое предпріятіе, принадлежащее иностранцу, работаетъ непремѣнно въ ущербъ мѣстному труду, какъ высшаго, такъ и низшаго порядка, потому что хозяинъ-иностранецъ беретъ себѣ и помощниковъ, и мастеровъ, и конторщиковъ, и приказчиковъ, набираетъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, изъ евреевъ или изъ своихъ же соотечественниковъ. Всѣ пріобрѣтенные барыши вывозятся имъ на родину, и тамъ обыкновенно пріобрѣтаетъ онъ все для себя необходимое, обращая такимъ образомъ нажитыя въ Россіи деньги на приращеніе капиталовъ и поддержку производствъ своей родины, которую и по принятіи русскаго подданства не перестаетъ считать настоящимъ своимъ отечествомъ, съ которымъ не прерываетъ связей ни духовныхъ, ни матеріальныхъ, а въ Прусіи напр. пользуется и по принятіи иноземнаго подданства правами германскаго. Пресловутые иностранные капиталы въ Россіи ничто иное какъ денежныя средства, вытянутыя изъ русскаго народа и навсегда оторванныя отъ своего первоначальнаго источника. Иностранецъ не является къ намъ съ запасомъ капитала, продуктомъ сбереженія труда его народа, а начинаетъ вести у насъ дѣло съ гроша и этотъ грошъ превращаетъ, съ помощью средствъ часто предосудительныхъ и вполнѣ безразборчивыхъ, постепенно въ тысячи и сотни тысячъ рублей, которые затѣмъ уплываютъ заграницу. Онъ эксплоатируетъ и физическую и духовную энергію русскаго человѣка, относясь къ нему въ душѣ съ презрѣніемъ за то именно, что тотъ позволяетъ себя

Между тѣмъ именно фактъ стремленія къ принятію русскаго подданства замѣчается среди массы иностраннаго населенія нашихъ окраинъ. По свѣдѣніямъ за 1882 годъ въ привислинскихъ губерніяхъ и губерніяхъ сѣверо-западнаго и юго-западнаго края числилось 293.078 лицъ иностраннаго происхожденія, во владѣніи которыхъ находилось 1.564.330 дес. земли. Изъ этого числа 208.967 приняли русское подданство. Оказывается, что мы среди недружелюбнаго намъ населенія нашихъ окраинъ создаемъ еще всё возрастающее число лицъ прямо враждебныхъ нашей національности, лицъ, симпатіи и стремленія которыхъ всецѣло отданы интересамъ ихъ прежняго отечества, но которыя вмѣстѣ съ тѣмъ, прикрываясь личиною русскаго подданства, счастливо обходятъ и будутъ обходить всѣ мѣры, которыя наше правительство найдетъ нужнымъ для устраненія такого ненормальнаго порядка вещей и такимъ путемъ лишать эти мѣропріятія всякаго практическаго основанія, всякаго плодотворнаго дѣйствія.

Въ виду явнаго злоупотребленія иностранцами, во вредъ нашему отечеству, предоставленнымъ имъ правомъ вступать въ наше подданство и для обезпеченія успѣшнаго и цѣлесообразнаго примѣненія мѣръ къ ограниченію наплыва иностранцевъ въ Россію—вопросъ объ условіяхъ натурализаціи есть вопросъ громаднаго значенія въ настоящее время для нашего законодательства. Но кромѣ этого практическаго его интереса, интереса, такъ сказать, мѣста и времени, вопросъ этотъ представляетъ еще и громадный теоретическій и научный интересъ, являясь однимъ изъ самыхъ коренныхъ вопросовъ въ области такъ называемыхъ политическихъ наукъ, т. е. государственнаго и международнаго права.

Постараемся въ краткихъ словахъ познакомить читателя съ этой стороной изслѣдуемаго нами вопроса.

„Своеобразность новаго міра, говоритъ Мишлэ въ своей „Histoire de la révolution française“, состоитъ въ томъ, что, „сохраняя и увеличивая солидарность между народами, онъ „укрѣпляетъ однако характеръ каждаго народа, опредѣляетъ „его національность, пока каждый народъ не достигнетъ

обирать пришельцу. Между тѣмъ этотъ пришелецъ не пренебрегаетъ никакими средствами, чтобы сдѣлать карьеру на чужбинѣ. Мы помѣстимъ вскорѣ доставленную намъ любопытную, по этому предмету, статью, составленную на основаніи фактовъ, тщательно изученныхъ и провѣренныхъ, лицомъ вполнѣ компетентнымъ.

Ред.

„полнаго единства, не явится одною личностью, одною душой, освященной передъ Богомъ.

„Идея французской національности, туманная въ XIII „столѣтіи и какъ бы затерянная въ католической всеобщности, ростетъ, постепенно выясняясь; она возсіяла во время „войны съ англичанами, воплотившись въ дѣвственницѣ „(Іоанна д'Аркъ); она затемняется снова въ религіозныхъ „войнахъ XVI стол.; мы видимъ католиковъ, протестантовъ, „но видимъ ли мы французовъ?!.. Да, туманъ разсѣевается!— „*есть*, *будетъ* единая Франція! Національность утверждается „съ необыкновенною силой. Французская нація перестаетъ „быть собраніемъ разнородныхъ существъ, она становится „организованнымъ существомъ, даже болѣе,—нравственной „личностью!.. Личность есть понятіе священное. По мѣрѣ „того, какъ нація принимаетъ характеръ личности и становится одухотворенной, ея неприкосновенность ростетъ „пропорціально. Посягательство на національную личность „есть величайшее изъ преступленій" [1]). Ту же мысль мы встрѣчаемъ у Данилевскаго. „Каждая историческая національность,—пишетъ онъ,—имѣетъ свою собственную задачу, которую должна рѣшить, свою идею, свою отдѣльную сторону жизни, которыя стремится осуществить—задачу и сторону жизни тѣмъ болѣе отличныя и оригинальныя, чѣмъ „отличнѣе сама національность отъ прочихъ въ этнографическомъ, общественномъ, религіозномъ и историческомъ „отношеніяхъ" („Россія и Европа", стр. 23). Та же идея самобытности и права государства на самостоятельное, обособленное существованіе для возможно полнаго и всесторонняго развитія всѣхъ духовныхъ и культурныхъ силъ національности, представителемъ которой оно является, ясно выражается во всѣхъ лучшихъ сочиненіяхъ по политическимъ наукамъ, изъ чего слѣдуетъ, что идея эта не есть искусственное измышленіе, плодъ теоретическаго умствованія, но что, напротивъ, она сама собою приходитъ въ голову всякому, кто только внимательно вглядится въ ходъ историческаго развитія человѣчества, составляя такимъ образомъ одинъ изъ основныхъ законовъ этого развитія.

Право государства принять или не принять новаго члена въ свою среду, иными словами, допустить или не допустить такое лицо къ участію въ своей исторической и культурной дѣятельности, является всецѣло вопросомъ внутренней его политики, относясь такимъ образомъ къ области государ-

[1]) Абрадовскій. Національный вопросъ, стр. 63.

ственнаго права. И мы дѣйствительно видимъ, что принятіе и оставленіе подданства регулируются повсюду исключительно внутренними законодательствами государства.

Но это только одна сторона изслѣдуемаго нами вопроса. Вопросъ о натурализаціи есть также въ наши дни вопросъ международнаго права и съ этой второй точки зрѣнія онъ заслуживаетъ теперь тѣмъ большаго вниманія, что съ установленіемъ правильнаго и безпрерывнаго обмѣна экономической и хозяйственной дѣятельности государствъ, случаи перемѣны національности происходятъ гораздо чаще чѣмъ прежде, причемъ эти случаи могутъ подать поводъ, при разнообразіи отдѣльныхъ законодательствъ по вопросу о натурализаціи и эмиграціи, къ столкновеніямъ не только частнаго, но и международнаго характера. Изъ этого слѣдуетъ, что государства при установленіи порядка принятія и выхода изъ подданства не должны исключительно руководствоваться своими личными потребностями и интересами, но должны въ этомъ отношеніи удѣлять должное вниманіе интересамъ другихъ державъ, съ которыми ихъ связываютъ узы дружбы и взаимныя отношенія ихъ подданныхъ.

Такимъ образомъ вопросъ о принятіи и оставленіи подданства является одновременно вопросомъ государственнаго права, имѣющаго своимъ предметомъ отношенія государства къ отдѣльной личности, и международнаго права, опредѣляющаго отношенія государства къ государству.

Такова фактическая и теоретическая подкладка вопроса, разсмотрѣнію котораго мы намѣрены посвятить настоящій небольшой очеркъ. Мы хотимъ дать въ немъ краткое критическое изслѣдованіе существующихъ въ нашемъ законодательствѣ положеній по этому вопросу, сравнительно съ законодательствами иностранныхъ державъ. Намъ могутъ здѣсь замѣтить, однако, что изслѣдованіе въ этомъ отношеніи иностранныхъ законодательствъ, создавшихся въ отвѣтъ на совершенно иныя условія и потребности жизни, врядъ-ли можетъ имѣть практическое значеніе для нашего законодательства.

Для устраненія этого весьма существеннаго замѣчанія намъ прежде всего необходимо разъяснить слѣдующее. Каждый правовой институтъ, каждая юридическая мѣра возникаетъ въ отвѣтъ на тѣ или иныя потребности жизни. Изъ существа этихъ условій и потребностей жизни вытекаютъ извѣстнаго рода общія положенія, принципы, которые въ свою очередь служатъ основаніемъ для такихъ юридическихъ институтовъ. Чѣмъ ближе такой юридическій ин-

ститутъ, т. е. то или иное законоположеніе, подходитъ къ основнымъ принципамъ, лежащимъ въ его основаніи, тѣмъ полнѣе способенъ онъ удовлетворить потребностямъ, въ отвѣтъ на которыя онъ возникъ, тѣмъ онъ совершеннѣе и цѣлесообразнѣе. Поэтому при оцѣнкѣ той или иной правовой мѣры необходимо прежде всего выяснить тѣ условія жизни, тѣ потребности, въ отвѣтъ на которыя онъ возникъ, постараться формулировать общіе принципы, вытекающіе изъ этихъ потребностей и, наконецъ, сравнивъ эти общія положенія съ существующими правовыми нормами, опредѣлить совершенство или неполноту послѣднихъ.

Въ вопросѣ о принятіи или оставленіи подданства принципы эти троякаго рода.

Одни вытекаютъ изъ отношеній одного государства къ другому, являются слѣдствіемъ его обязанностей и обязательствъ по отношенію къ другимъ державамъ. Таковы требованія, чтобы не было лицъ двойнаго подданства, чтобы не принимать лицъ, ходатайствующихъ о перемѣнѣ подданства для причиненія вреда своему прежнему отечеству и т. п.

Другіе проистекаютъ изъ коренныхъ обязанностей всякаго государства, стремящагося къ преуспѣянію и благу своихъ подданныхъ, т. е. вытекаютъ изъ существа отношеній государства къ своимъ подданнымъ, несмотря на форму его правленія и степень его благосостоянія или внѣшняго могущества, таковы, напр., требованія не принимать въ свое подданство лицо неимущее или порочное, не разрѣшать выходъ изъ подданства лицу находящемуся въ обязательныхъ отношеніяхъ къ кому-либо изъ его подданныхъ и т. д.

Наконецъ, *третьи* вытекаютъ изъ особенностей внутренней или внѣшней политики даннаго государства, являются слѣдствіемъ своеобразныхъ условій этнографическаго состава его населенія, географическаго положенія его окраинъ, его исторіи, его политическихъ отношеній въ данную минуту, словомъ массы причинъ, свойственныхъ ему только одному и оцѣнивать которыя возможно лишь при полномъ, всестороннемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единовременномъ знакомствѣ съ совокупностью всѣхъ этихъ отдѣльныхъ условій.

Очевидно, что критика нашихъ законоположеній въ этомъ послѣднемъ отношеніи не можетъ быть цѣлью настоящей статьи. Иное дѣло разсмотрѣніе вопроса съ первыхъ двухъ точекъ зрѣнія. Здѣсь сравнительное изслѣдованіе законодательствъ иностранныхъ государствъ и нашего IX тома не замедлитъ самымъ рельефнымъ образомъ выставить темныя и свѣтлыя стороны содержащихся въ немъ законоположеній;

кромѣ того, такое изученіе, выясняя, съ одной стороны, несомнѣнныя и общепризнанныя требованія международныхъ отношеній, съ другой же стороны, изображая тѣ мѣры, которыя принимаются различными законодательствами для достиженія цѣлей, преслѣдуемыхъ и нашимъ правительствомъ, можетъ дать много практическихъ указаній вполнѣ пригодныхъ и для нашего законодательства.

Послѣ этого вступленія, необходимаго для уясненія послѣдующаго изложенія, обратимся прямо къ сути дѣла. Послѣдующее наше изложеніе мы разобьемъ на двѣ части: въ первой мы будемъ говорить о вступленіи въ подданство, во второй разсмотримъ вопросъ о выходѣ изъ него.

I. О вступленіи въ подданство.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ вопросовъ: кто есть подданный, кто, будучи иностранцемъ, имѣетъ право ходатайствовать о принятіи его въ подданство, что должно содержаться въ этомъ ходатайствѣ, какая власть разрѣшаетъ вступленіе въ подданство и въ чемъ порядокъ этого вступленія и, наконецъ, каковы послѣдствія этого вступленія.

Итакъ, прежде всего, кто *есть* подданный? Въ дѣйствительной жизни вопросъ этотъ есть вопросъ факта: каждый человѣкъ непремѣнно принадлежитъ къ той или иной національности; теоретически же здѣсь лишь можно разсуждать о томъ, къ какой національности принадлежитъ человѣкъ, являясь на этотъ міръ, или точнѣе, къ какой національности принадлежитъ новорожденный? До послѣдняго времени въ законодательствѣ господствовало направленіе рѣшать этотъ вопросъ на основаніи территоріальной связи. Разъ лицо рождалось на территоріи даннаго государства, даже на суднѣ, плавающемъ подъ военнымъ флагомъ данной державы (англійское законодательство до 12 мая 1870 г.), оно почиталось на вѣчныя времена подданнымъ государства, которому принадлежитъ территорія или военный флагъ, хотя бы отецъ и мать такого новорожденнаго были совершенно иной національности. Въ настоящее время основаніе это почти повсемѣстно (за небольшими исключеніями, какъ напр., законодательства Колумбіи и Аргентинской Республики) вытѣснено и замѣнено началомъ кровной связи.

Узы семейныя почитаются въ наши дни источникомъ узъ національныхъ и подданство родителей ео ipso считается подданствомъ рождающихся у нихъ дѣтей. По общему духу и направленію нашего законодательства можно сказать, что оно также приняло этотъ принципъ большинства иностранныхъ державъ и признаетъ русскимъ лицо, рожденное гдѣ бы то ни было отъ родителей нашего подданства, почитая иностранцами дѣтей, хотя бы и рожденныхъ въ Россіи, но отъ лицъ, состоящихъ въ иностранномъ подданствѣ. Мы говоримъ: можно сказать, потому что, какъ это ни покажется страннымъ, въ нашемъ законодательствѣ не содержится точно и опредѣленно формулированныхъ положеній о томъ, кто считается русскимъ подданнымъ.

Выяснивъ вопросъ—кто *есть* подданный, переходимъ къ разсмотрѣнію вопроса: кто можетъ *сдѣлаться* подданнымъ? Иными словами приступимъ къ вопросу о натурализаціи.

Остановимся прежде всего на вопросѣ о томъ, кто имѣетъ право ходатайствовать о натурализаціи.

Здѣсь находятъ себѣ полное примѣненіе на практикѣ принципы указанныхъ нами трехъ порядковъ.

Принципы перваго порядка, вытекающіе изъ международныхъ отношеній, выставляютъ требованіе, чтобы перемѣна подданства не причиняла ущерба государству, т. е. что можетъ ходатайствовать о принятіи въ подданство только тотъ, кто свободенъ отъ обязательствъ къ своему прежнему отечеству.

Принципы втораго порядка выставляютъ требованія свойственныя каждому государственному общежитію, естественно заботящемуся о самосохраненіи каковы, напримѣръ, требованія, чтобы лицо, изъявляющее желаніе о вступленіи въ подданство, дѣйствовало вполнѣ осмысленно, съ полнымъ сознаніемъ того, что оно предпринимаетъ, т. е. было бы нравственно зрѣло, чтобы оно было доброй нравственности, матеріально обезпечено и т. п.

Наконецъ принципы третьяго порядка, т. е. общія положенія и требованія, вызываемыя потребностями минуты, представляя по самому своему источнику безконечное разнообразіе, не поддаются ни формулировкѣ, ни однообразному мѣрилу, оказывая тѣмъ не менѣе въ дѣйствительной жизни рѣшающее подчасъ вліяніе на направленіе законодательства государствъ въ этомъ отношеніи.

Всѣ изложенные принципы находятъ себѣ почти повсемѣстное осуществленіе въ законодательствѣ иностранныхъ государствъ по настоящему вопросу. Такъ, въ нихъ содер-

жится требованіе, чтобы иностранецъ, ходатайствующій о принятіи его въ подданство, былъ свободенъ или отрекся отъ своего прежняго подданства, чтобы онъ былъ совершеннолѣтенъ и правоспособенъ по законамъ своего отечества; въ нѣкоторыхъ законодательствахъ (напримѣръ, въ швейцарскомъ) прямо выставлено условіе, чтобы „отношенія желающихъ принять подданство къ прежнему ихъ отечеству были таковы, чтобы натурализація ихъ не могла повлечь какихъ-либо недоразумѣній и затрудненій“ для принимающаго ихъ государства; далѣе, нѣкоторыми государствами требуется для вступленія въ подданство взносъ опредѣленной суммы денегъ или прямо (напримѣръ, въ Люксембургѣ отъ 300—1000 фр.), или въ видѣ пошлинъ (во Франціи 350 фр. 50 с.) или требуется доказательство какимъ-либо инымъ путемъ своей состоятельности (въ Германіи). Нѣкоторыя законодательства принимаютъ еще въ разсчетъ и интересы тѣхъ общинъ, въ средѣ которыхъ намѣренъ водвориться вступающій въ подданство. А именно, по статьѣ 8-ой германскаго закона о натурализаціи, „изготовленію грамоты должно предшествовать истребованіе отъ той общины, въ которой иностранецъ намѣренъ водвориться, отзыва о его поведеніи, положеніи и способности содержать себя и семью“. Наконецъ, повсемѣстно почти требуется до подачи прошенія о принятіи въ подданство пребываніе въ теченіе опредѣленнаго времени, отъ 3—10 лѣтъ, на территоріи даннаго государства. Срокъ этого пребыванія сокращается для лицъ, оказавшихъ выдающіяся услуги государству или такихъ, принятіе которыхъ въ подданство желательно для той или иной державы. Кромѣ того законодательства всѣхъ иностранныхъ государствъ устанавливаютъ нѣкоторыя льготныя условія пріема въ подданство для такихъ лицъ, относительно которыхъ можетъ быть предположеніе о ихъ бо̀льшей сравнительно съ другими привязанности къ ихъ новому отечеству; таковы бывшіе подданные, ходатайствующіе о возвращеніи прежняго своего подданства, лица родившіяся отъ иностранныхъ родителей на территоріи даннаго государства, лица, окончившія курсъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ данной страны, иностранцы, женившіеся на подданныхъ такого государства (законодат. Бразиліи).

Всѣ вышеизложенныя требованія формулируются каждымъ отдѣльнымъ законодательствомъ при перечисленіи документовъ, которые необходимо приложить при прошеніи о принятіи въ подданство. Подведя имъ общій итогъ, можно

сказать, что при такомъ прошеніи заграницей требуется присовокупить акты рожденія, свидѣтельство о выбытіи изъ прежняго подданства, о пребываніи въ теченіе опредѣленнаго времени на территоріи даннаго государства, удостовѣреніе въ готовности уплатить слѣдуемыя пошлины, удостовѣреніе о нравственномъ поведеніи, засвидѣтельствованное мѣстными властями.

Обратимся теперь къ нашему законодательству.

У насъ для принятія иностранца въ русское подданство требуется предварительное его водвореніе въ предѣлахъ Имперіи (ст. 1010, тома IX св. зак.). Желающій водвориться въ предѣлахъ Россійской Имперіи заявляетъ о семъ губернатору той губерніи, въ которой онъ намѣренъ водвориться, съ объясненіемъ, чѣмъ онъ занимался въ отечествѣ и какого рода занятіе предполагаетъ избрать въ Россіи. Въ полученіи такого объявленія губернаторъ выдаетъ свидѣтельство, со дня подписанія котораго проситель признается водвореннымъ въ Россіи, не переставая, однако, до принятія его въ русское подданство считаться иностранцемъ и подлежать всѣмъ дѣйствующимъ объ иностранцахъ узаконеніямъ (ст. 1011 т. IX); водвореніе это должно быть не менѣе пяти лѣтъ (ст. 1013); срокъ этотъ сокращается до одного года для лицъ, извѣстныхъ замѣчательными талантами, особыми учеными познаніями и проч., а также помѣстившихъ значительные капиталы въ общеполезныя русскія предпріятія (ст. 1016 тамъ же). Въ силу этого, при подачѣ прошенія, нашимъ законодательствомъ (по статьямъ 1017 и 1018 т. IX) требуется: свидѣтельство о водвореніи, акты о состояніи, заявленіе о томъ, къ какому состоянію проситель вправѣ и желаетъ приписаться и гдѣ онъ желаетъ быть приведеннымъ къ присягѣ.

Ни удостовѣреній о матеріальномъ положеніи просителя, ни опроса мѣстныхъ сословныхъ единицъ, къ которымъ онъ намѣренъ причислиться, о его поведеніи и положеніи нашимъ законодательствомъ не требуется. Но что еще важнѣе, мы не находимъ требованія, *чтобы проситель отказался отъ своего прежняго подданства.* Правда, идея эта была у нашего законодателя; это видно изъ начала присяги на подданство: „я такой-то *бывшій* подданный такой-то, обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ...“ но требованіе это не находитъ себѣ опредѣленной формулировки въ законѣ. Пробѣлъ этотъ тѣмъ значительнѣе, что законодательство сосѣдней съ нами *Германіи допускаетъ при нѣкоторыхъ ус-*

ловіяхъ (если проситель формально не отрекся отъ германскаго подданства) *двойное подданство*, такъ что мы можемъ быть убѣждены, что, даровавъ массу разрѣшеній на вступленіе въ подданство лицамъ германской національности, *мы создали цѣлую группу людей, служащихъ двумъ господамъ; нечего и говорить, при этомъ, какому господину эти русско-германскіе подданные служатъ усерднѣе и вѣрнѣе.*

Еще несовершеннѣе наше законодательство по вопросу о томъ, въ чьихъ рукахъ сосредоточено разрѣшеніе на принятіе въ подданство.

Право принятія въ подданство повсюду есть прерогатива высшей власти. Предоставлено ли это право исключительно монарху, или же власти исполнительной или законодательной—повсемѣстно эта власть сосредоточена въ однихъ рукахъ, такъ сказать объединена. По силѣ нашей 1020 ст. IX т. св. зак., принятіе или непринятіе въ русское подданство предоставлено усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, и если разсматривать ее только одну, можетъ показаться, что право это сосредоточено исключительно въ его рукахъ. Въ дѣйствительности же оказывается далеко не то. На основаніи статей 1023, 1024 и 1027, губернское правленіе своею властью принимаетъ въ подданство: лицъ хотя и рожденныхъ заграницей, но окончившихъ курсъ наукъ въ русскихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ теченіе года со времени достиженія ими совершеннолѣтія (ст. 1023), совершеннолѣтнихъ дѣтей иностранцевъ, принятыхъ въ русское подданство на основаніи статей 1010—1022 или одновременно съ ихъ родителями, или въ теченіе года со времени принятія въ подданство сихъ послѣднихъ (ст. 1024) и, наконецъ, дѣтей овдовѣвшей или разведенной русской подданной, бывшей замужемъ за иностранцемъ (ст. 1027).

Затѣмъ, по статьѣ 1025, иностранцы, состоящіе въ русской военной или гражданской службѣ, могутъ, если пожелаютъ, быть допущены къ присягѣ на подданство *во всякое время и безъ всякихъ сроковъ* по усмотрѣнію ихъ начальства.

По статьѣ 1026, губернаторъ имѣетъ право принимать обратно въ русское подданство вдовъ и разведенныхъ женъ, бывшихъ русскихъ подданныхъ, вышедшихъ замужъ за иностранцевъ и этимъ путемъ утратившихъ русское подданство.

Наконецъ, право принятія въ русское подданство, по примѣчанію къ ст. 992 (по продол. 1886 года), предоставлено Туркестанскому генералъ-губернатору по отношенію къ опредѣленной категоріи лицъ, именно—по отношенію къ среднеазіатскимъ евреямъ.

Въ результатѣ оказывается, что наше законодательство, принявъ существующую и заграницей систему льготныхъ условій вступленія въ подданство для лицъ, относительно которыхъ существуетъ презумпція о существованіи у нихъ особенной привязанности къ новому отечеству, выразило это облегченіе не въ формѣ сокращенія требованій отъ такого лица, а чрезмѣрнымъ умноженіемъ инстанцій, могущихъ даровать иностранцу право русскаго подданства. Мы имѣемъ 162 установленія (80 губернскихъ правленій, 80 губернаторовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ и Туркестанскій генералъ-губернаторъ), могущихъ даровать право русскаго подданнаго, и при этомъ установленій, дѣйствующихъ вполнѣ независимо другъ отъ друга. Могутъ сказать, что фактически, на практикѣ, это не совсѣмъ такъ. Не споримъ, но по буквѣ нашего законодательства вышеприведенное исчисленіе вполнѣ вѣрно, не говоря уже о томъ, что мы не включили въ счетъ „непосредственное начальство“, имѣющее право даровать русское подданство по статьѣ 1025-й.

Что касается внѣшняго символа вступленія въ подданство, то повсемѣстно этимъ актомъ почитается присяга на подданство, впрочемъ нѣкоторыя государства замѣняютъ ее формальнымъ принятіемъ патента на подданство, надлежащимъ образомъ подписаннаго и скрѣпленнаго (Бельгія и Голландія).

У насъ, по статьѣ 1021, принятіе въ подданство совершается посредствомъ присяги на оное.

Переходимъ къ послѣдствіямъ натурализаціи.

Однимъ изъ основныхъ правилъ въ этомъ отношеніи признается требованіе, чтобы на натурализованнаго переходили всѣ права природнаго подданнаго и онъ сливался бы такимъ образомъ съ массой кореннаго населенія. Правило это повсемѣстно принято иностранными законодательствами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ республиканскихъ государствъ, напр. Сѣверно-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ натурализованный не можетъ быть избираемымъ въ президенты или вице-президенты республики.

У насъ, по ст 1030-ой IX т., иностранцы, принятые въ подданство Россіи, съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣтаютъ всѣ права и несутъ всѣ обязанности того состоянія, къ которому они причислены, безъ всякаго различія отъ коренныхъ подданныхъ.

Во всѣхъ безусловно иностранныхъ законодательствахъ проводится мысль, что натурализація отца семейства влечетъ за собой ipso facto и натурализацію жены и малолѣтнихъ

дѣтей. И дѣйствительно, странно было бы расчленять въ этомъ отношеніи семью. Государство по самому своему юридическому и соціальному строю необходимымъ образомъ предполагаетъ единство семьи; подданство мужа и отца столь же естественно влечетъ за собой подданство жены и малолѣтнихъ дѣтей, какъ мѣстожительство отца почитается мѣстожительствомъ его жены и дѣтей. Точно также и вопросъ о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ рѣшается въ томъ смыслѣ, что если извѣстенъ отецъ, то ребенокъ слѣдуетъ его національности; если отецъ не извѣстенъ—дитя слѣдуетъ національности матери; если же неизвѣстны ни отецъ, ни мать, то дитя почитается подданнымъ того государства, на территоріи котораго оно родилось.

У насъ, по статьямъ 1015 и 1028, принятіе отцомъ семейства русскаго подданства влечетъ за собой и подданство жены и тѣхъ дѣтей, которыя родятся послѣ вступленія въ подданство, не распространяясь на преждерожденныхъ дѣтей, безразлично—совершеннолѣтнія ли они, или малолѣтнія. Для такихъ дѣтей, если они несовершеннолѣтнія, нашимъ закономъ не предоставлено даже возможности вступить въ русское подданство до ихъ совершеннолѣтія, и такимъ образомъ два брата почти однолѣтки могутъ расти въ одной семьѣ, принадлежа вмѣстѣ съ тѣмъ къ двумъ различнымъ, подчасъ даже враждебнымъ, національностямъ. Трудно найти оправданіе для такого постановленія нашего законодательства, прямо противорѣчащаго юридическимъ принципамъ и въ корень подрывающаго идею единства и цѣлостности семьи. Что касается незаконнорожденныхъ, то о нихъ просто не содержится никакихъ указаній въ нашемъ законодательствѣ.

Перейдемъ теперь къ вопросу о выходѣ изъ подданства.

II. О выходѣ изъ подданства.

Вопросъ объ оставленіи подданства есть оборотная сторона и какъ бы дополненіе вопроса о принятіи подданства. Пока государство разсматривало всѣхъ лицъ, рожденныхъ на государственной территоріи, какъ своихъ подданныхъ, оно считало эту связь вѣчной и ничѣмъ ненарушимой. Съ теченіемъ времени, однако, по мѣрѣ проникновенія въ законодательства болѣе гуманныхъ идей о свободѣ и правахъ

отдѣльной личности, всѣ почти государства признали свободу экспатріаціи. Дѣйствительно, недостойно государства силою удерживать въ своемъ подданствѣ лицъ вопреки ихъ желанію. Отношенія семейныя, связывающія насъ съ роднымъ очагомъ, впечатлѣнія дѣтства и юности, родной языкъ, нравы и обычаи, перешедшіе наслѣдственно или привитые воспитаніемъ — все это обыкновенно крѣпко приковываетъ людей къ мѣсту ихъ рожденія и препятствуетъ имъ идти искать новаго отечества на чужбинѣ. Но если въ извѣстныхъ случаяхъ узы эти, столь могучія въ обыкновенное время, теряютъ свою силу, и иныя соображенія, иные интересы заставляютъ человѣка покидать родину, государству не слѣдуетъ ставить непреодолимыхъ препятствій такому лицу. Перемѣна подданства имѣетъ подчасъ мѣсто подъ давленіемъ нѣкотораго рода нравственной необходимости, поэтому осуществленіе его должно быть свободно, съ тѣмъ ограниченіемъ, однако, чтобы выходящій изъ подданства былъ свободенъ отъ обязательствъ по отношенію къ своему отечеству.

Эта идея, продуктъ нашего вѣка, принята за незначительными исключеніями большинствомъ иностранныхъ законодательствъ. При практическомъ ея осуществленіи имѣютъ дѣйствіе тѣ же троякаго рода принципы, о которыхъ мы говорили во введеніи къ нашей статьѣ. Принципы, вытекающіе изъ международныхъ отношеній государствъ, заставляютъ правительства принимать въ соображеніе при увольненіи изъ своего подданства интересы и другихъ державъ, выражающіеся главнымъ образомъ въ томъ, чтобы не было случаевъ двойнаго подданства, вызывающихъ зачастую большія практическія затрудненія. Затѣмъ, принципы, вытекающіе изъ коренныхъ отношеній государства къ своимъ подданнымъ, требуютъ, чтобы актъ этотъ совершался вполнѣ осмысленно и сознательно со стороны выходящаго изъ подданства, и чтобы выходъ его изъ подданства не былъ сопряженъ съ ущербомъ для государства или его подданныхъ и не происходилъ in fraudem legis. Принципы третьяго порядка могутъ, при тѣхъ или иныхъ условіяхъ минуты (война и т. п.) совершенно воспрепятствовать выходу изъ подданства или, наоборотъ (при излишкѣ чуждыхъ элементовъ въ государствѣ), облегчить выходъ изъ подданства до чрезвычайности. Но какъ мы уже разъ замѣтили, разсмотрѣніе ни нашего, ни иностранныхъ законодательствъ въ этомъ отношеніи не можетъ быть цѣлью настоящей статьи. Съ первыхъ же двухъ точекъ зрѣнія мы разсмот-

римъ слѣдующіе частные вопросы: кто имѣетъ право ходатайствовать о выходѣ изъ подданства; въ чемъ состоитъ порядокъ его и что должно содержаться въ прошеніи; какая власть разрѣшаетъ этотъ выходъ и каковы его послѣдствія?

Начнемъ съ перваго вопроса.

Ходатайствовать о выходѣ изъ подданства можетъ лицо совершеннолѣтнее и правоспособное, кромѣ того, свободное отъ обязательствъ по отношенію къ своему отечеству и подданнымъ его; для обезпеченія этого послѣдняго условія существуютъ различныя постановленія въ отдѣльныхъ государствахъ. Такъ, напр., въ Германіи требуется удостовѣреніе объ отбытіи или увольненіи отъ воинской повинности. Въ Швейцаріи имена желающихъ выдти изъ подданства въ теченіе четырехъ недѣль выставляются въ общинѣ, къ которой былъ приписанъ проситель, для того, чтобы каждый могъ предъявлять противъ него иски и всякаго рода требованія, основательность которыхъ обсуждается мѣстнымъ судебнымъ установленіемъ. Въ Швейцаріи же установлено, что можетъ просить о выходѣ изъ подданства только лицо, не имѣющее мѣстожительства въ Швейцаріи и обезпечившее за собой и своимъ семействомъ принятіе въ подданство другимъ государствомъ. Первое изъ этихъ, въ высшей степени цѣлесообразныхъ, требованій, вызвано тѣмъ соображеніемъ, что если лицо, ходатайствуя о выходѣ изъ подданства, не мѣняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ своего мѣстожительства, то его прошеніе не можетъ быть вызвано дѣйствительными его потребностями, а по всей вѣроятности имѣетъ цѣлью обходъ закона и, какъ таковое, не подлежитъ удовлетворенію. Второе же требованіе постановлено для избѣжанія лицъ безъ подданства (Heimathlose), существованіе которыхъ очень нежелательно съ точки зрѣнія международныхъ отношеній. Въ прошеніи о выходѣ изъ подданства должны содержаться удостовѣренія въ исполненіи перечисленныхъ требованій.

Самый порядокъ выхода изъ подданства состоитъ обыкновенно во вручении просителю акта о его увольненіи. Здѣсь слѣдуетъ остановиться на своеобразномъ способѣ выхода изъ подданства безъ прошенія, такъ сказать eo ipso.

Лицо, получившее натурализацію въ иностранномъ государствѣ (въ германскомъ законодательствѣ этого постановленія *нѣтъ*), поступившее на службу государственную, а въ особенности военную иной державы, лицо водворившееся заграницей съ очевиднымъ намѣреніемъ не возвращаться (sans esprit de retour во Франціи), или въ теченіе

десяти лѣтъ не возобновившее своей записи въ матрикулярныхъ книгахъ мѣстныхъ консуловъ (Германія), считается добровольно или самопроизвольно выбывшимъ изъ подданства своего прежняго отечества. Этотъ порядокъ, вытекающій изъ той основной идеи, что нельзя одновременно быть подданнымъ двухъ державъ, служитъ осязательнымъ доказательствомъ вліянія международныхъ отношеній на законодательства отдѣльныхъ государствъ по разсматриваемому нами вопросу.

Что касается власти, разрѣшающей выходъ изъ подданства, то она сосредоточена въ тѣхъ же рукахъ, которымъ предоставлено разрѣшеніе на вступленіе въ подданство.

Послѣдствія выхода изъ подданства тѣ, что вышедшій изъ подданства и вступившій въ подданство иной державы разсматривается какъ иностранецъ въ прежнемъ своемъ отечествѣ и подлежитъ всѣмъ дѣйствующимъ объ иностранцахъ законоположеніямъ, съ однимъ только изъятіемъ. Такое лицо пользуется льготными условіями при возвращеніи въ прежнее подданство въ силу указаннаго выше предположенія о его сравнительно тѣсной связи съ прежнимъ отечествомъ.

Таковы въ общихъ чертахъ постановленія иностранныхъ законодательствъ. Обратимся теперь къ разсмотрѣнію положеній нашихъ законовъ.

Если въ нашихъ законоположеніяхъ о вступленіи въ подданство мы могли замѣтить нѣкоторыя крупныя недомолвки и существенные пробѣлы, то въ отношеніи къ выходу изъ подданства мы наталкиваемся, такъ сказать, на вполнѣ пустопорожнее мѣсто. О переходѣ изъ подданства Россіи въ подданство другихъ государствъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ нѣтъ никакихъ указаній кромѣ ст. 325 уложенія о наказаніяхъ и статьи 3 устава о воинской повинности.

Статья 325 гласитъ: „Кто, отлучась изъ отечества, войдетъ въ иностранную службу безъ позволенія правительства или вступитъ въ подданство иностранной державы, тотъ за сіе нарушеніе вѣрноподданническаго долга и присяги подвергается: лишенію всѣхъ правъ состоянія и вѣчному изъ предѣловъ государства изгнанію, или, въ случаѣ самовольнаго потомъ возвращенія въ Россію, ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе“.

Если уложеніе о наказаніяхъ считаетъ для русскаго подданнаго преступленіемъ вступленіе въ подданство иностранной державы, то уставъ о воинской повинности какъ бы указываетъ на возможность увольненія изъ подданства, ко-

торая никакимъ другимъ законодательнымъ актомъ не устанавливается, а именно, въ ст. 3 говорится: „лица мужскаго пола, имѣющія отъ роду болѣе 15 лѣтъ, *могутъ быть увольняемы* изъ русскаго подданства лишь по совершенномъ отбытіи ими воинской повинности, или же по вынутіи ими жребія, освобождающаго ихъ отъ службы въ постоянныхъ войскахъ".

Кромѣ этихъ двухъ взаимно противорѣчащихъ постановленій, въ нашемъ законодательствѣ не содержится больше ни слова по настоящему вопросу.

На практикѣ ст. 325 является мертвой буквой. Мало того потребности жизни выработали порядокъ увольненія изъ нашего подданства, прямо противоположный смыслу постановленій, содержащихся въ нашихъ законахъ.

Начиная съ 1864 года, прошенія о выходѣ изъ подданства подаются министру внутреннихъ дѣлъ, который о сихъ прошеніяхъ входитъ съ представленіемъ въ комитетъ министровъ. Послѣдній утверждаетъ большею частію эти представленія. Такой порядокъ настолько укоренился, что въ періодъ времени съ 1881 по 1887 было уволено болѣе пятисотъ лицъ. Разъ одно изъ высшихъ правительственныхъ учрежденій находитъ полезнымъ рядомъ своихъ мѣропріятій санкціонировать порядокъ вещей, противорѣчащій буквѣ закона, это доказываетъ, насколько устарѣла эта буква, насколько она не соотвѣтствуетъ народившимся потребностямъ и насколько своевременъ и необходимъ пересмотръ относящихся къ этому предмету законоположеній.

Здѣсь не мѣсто входить въ болѣе подробное изслѣдованіе поднятаго вопроса, представляющаго при теоретической его разработкѣ громадный юридическій интересъ, на практикѣ же порождающаго въ настоящее время массу недоразумѣній и затрудненій.

Повторимъ еще разъ, что излагая параллельно положенія иностранныхъ законодательствъ и нашего IX тома, мы не хотѣли этимъ доказывать, что нашимъ законамъ полезно было бы въ точности слѣдовать постановленіямъ иностранныхъ законодательствъ. Вполнѣ пригодное заграницей можетъ оказаться неприложимымъ у насъ и наоборотъ. Мы хотѣли лишь указать, что въ этомъ отношеніи у всѣхъ законодательствъ есть нѣкоторыя безусловно общія всѣмъ имъ цѣли, каковыя цѣли преслѣдуются естественно и нашими законами. При достиженіи этихъ общихъ цѣлей, то законода-

тельство естественно окажется совершеннѣе, которое больше испытало разныхъ системъ, больше времени и вниманія удѣляло тому или иному вопросу. Къ чему трудиться открывать Америку, когда она уже открыта? Къ чему бродить ощупью, ища тѣхъ или иныхъ мѣропріятій, когда эти мѣропріятія мы имѣемъ вполнѣ готовыми, испытанными и практичными? Вотъ что мы имѣли въ виду при настоящемъ сравнительномъ изслѣдованіи вопроса о принятіи и оставленіи подданства. Что же касается до общихъ выводовъ изъ всего изложеннаго, то суть дѣла можетъ быть, по нашему убѣжденію, исчерпана слѣдующими *двумя* положеніями:

Намъ надо *облегчить* выходъ изъ нашего подданства, ибо у насъ и безъ того много элементовъ вполнѣ чуждыхъ, если не прямо враждебныхъ идеѣ національности, одухотворяющей наше отечество.

Намъ надобно *затруднить* вступленіе въ наше подданство, такъ какъ право вступленія въ наше подданство обратилось въ орудіе борьбы чуждыхъ намъ національностей съ основными задачами и цѣлями нашего историческаго и культурнаго существованія.

Оба эти положенія не только не находятъ себѣ, въ настоящее время, выраженія въ нашемъ законодательствѣ, но послѣднее прямо противорѣчитъ имъ: вступленіе въ наше подданство обставлено несравненно болѣе легкими условіями, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ законодательствѣ, выходъ же изъ подданства прямо запрещенъ закономъ.

АЛ. П—ОВЪ.

КРИТИКА.

I.

Митрополитъ Евгеній, какъ ученый.

Ранніе годы жизни митрополита Евгенія. 1767—1804. Е. Шмурло. *Спб.* 1888.

„Нашъ неутомимый бенедиктинецъ", какъ остроумно и вѣрно Погодинъ назвалъ митрополита Евгенія, давно ждалъ полной оцѣнки его многолѣтней дѣятельности. Едва-ли не теперь только наступила пора появленія этой оцѣнки, которой предшествовало обнародованіе матеріаловъ, относящихся къ біографіи митрополита. Появлялись и попытки изобразить его жизнь, хотя изъ нихъ не было ни одной полной; подробнѣе еще изслѣдовались первые годы его дѣятельности и то безъ помощи рукописнаго матеріала, „а между тѣмъ—по замѣчанію Е. Ф. Шмурло—едва-ли не въ немъ лежитъ центръ тяжести въ изученіи первыхъ 36 лѣтъ жизни митрополита Евгенія". Вообще біографіи его были неполны, и библіографическіе труды, ему посвященные, неточны; рукописи же оставались мало изученными, кромѣ переписки, да и та представляла лишь сырой матеріалъ. Обширное введеніе Е. Ф. Шмурло, занимающее 85 стр., служитъ полнымъ подтвержденіемъ нашихъ словъ. Обзоръ этотъ, заключающій въ себѣ и самыя мелкія статьи, не представляетъ ни одного крупнаго пропуска [1]). Этотъ обзоръ, которымъ начинается занимающая насъ книга, свидѣтельствуетъ о замѣчательномъ трудолюбіи автора, а сужденія его о разныхъ статьяхъ доказываютъ его критическую способность. Вообще это введеніе въ трудъ хорошо рекомендуетъ автора и располагаетъ довѣрчиво слѣдить за его изложеніемъ. Указавъ на статью,

[1]) Мы не встрѣтили только указанія на то письмо М. А. Максимовича къ О. М. Бодянскому, въ которомъ первый протестуетъ противъ юбилея Евгеніевскаго (переписка въ „Чт. Общ. Ист.", 1887, кн. 1).

авторъ представляетъ немедленно оцѣнку ея, болѣе или менѣе подробную, смотря по значенію статьи. Введеніе заключается обзоромъ переписки митрополита: здѣсь интересны списки тѣхъ лицъ, съ которыми Евгеній состоялъ въ перепискѣ; такихъ списковъ два: одинъ для лицъ, переписка съ которыми сохранилась, другой для лицъ, о перепискѣ съ которыми встрѣчаются упоминанія. Важнѣйшія изъ письменныхъ сношеній были охарактеризованы авторомъ. При каждомъ имени обозначено, гдѣ и когда напечатаны письма или гдѣ встрѣчается о нихъ упоминаніе. Библіографія, однако, не была цѣлью автора, несмотря на то, что онъ много труда и времени положилъ на отысканіе и изученіе какъ того, что написано объ Евгеніи, такъ и того, что написано Евгеніемъ. Для изученія произведеній Евгенія ему пришлось перебрать книгохранилища петербургскія, гдѣ онъ, впрочемъ, кое-чего не нашелъ, напр. „Прекрасной полонянки", извѣстной Н. С. Тихонравову, а также хранилища рукописей петербургскія и кіевскія. Настоящую цѣль свою онъ такъ высказываетъ въ предисловіи: „нарисовать образъ маститаго іерарха, какъ писателя и ученаго, и опредѣлить его мѣсто въ ряду другихъ дѣятелей русской исторической науки". Пока авторъ ограничился молодыми годами Евгенія. Такое ограниченіе онъ считаетъ возможнымъ потому, что „этотъ періодъ являетъ собою нѣчто законченное и цѣльное: это время, когда слагался образъ того Евгенія, какимъ знаетъ его исторія. Прослѣдить процессъ этого развитія и есть задача нынѣ предлагаемаго труда". Читатели, сознавая, что такая подробная біографія потребуетъ еще много лѣтъ отдѣлки, съ удовольствіемъ встрѣтятъ этотъ первый опытъ молодаго автора, представляющій такъ много поучительнаго съ условіемъ, разумѣется, что продолженіе не будетъ отложено ad calendas graecas.

Свое изложеніе г. Шмурло начинаетъ съ дѣтскихъ лѣтъ Евгенія. Сообщая все, что онъ могъ собрать о происхожденіи и семьѣ Болховитиновыхъ, авторъ переходитъ къ ученію его въ семинаріи. Въ послѣдніе двадцать слишкомъ лѣтъ, начиная съ „Очерковъ" Помяловскаго, читатели привыкли встрѣчать въ литературѣ отрицательное отношеніе къ семинаріи и духовенству XVIII и XIX в. Кто не знаетъ записокъ Добрынина и Ростиславова. Но нашъ авторъ занятъ другою, болѣе серьезною стороною дѣла: сообщая свѣдѣнія о Воронежской семинаріи, найденныя имъ какъ въ печатныхъ источникахъ, такъ и въ рукописной „исторіи Воронежской семинаріи", свѣдѣнія объективныя, чисто оффиціальныя,

онъ оживляетъ и осмысляетъ свое изложеніе изображеніемъ внесенія въ старую семинарію, созданную по образцу польскихъ школъ, новыхъ педагогическихъ началъ дѣятельностію императрицы Екатерины и митрополита Платона. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что смягченіе средневѣковой суровости школы и введеніе преподаванія на родномъ языкѣ составляли необходимость той эпохи; пользованіе западноевропейскою богословской литературою, хотя и не особенно желательное, было неизбѣжно по общему характеру просвѣщенія того времени [1]). Чисто-русская школа еще въ будущемъ; это справедливо во всѣхъ отношеніяхъ. Излагая исторію Воронежской семинаріи, Е. Ф. Шмурло характеризуетъ отношенія къ ней Воронежскихъ святителей; съ особенною теплотою относится онъ къ личности Св. Тихона Задонскаго: дѣйствительно этотъ любвеобильный святитель составляетъ гордость и украшеніе русской церкви. Изъ Воронежа Евгеній былъ отправленъ доучиваться въ славяно-греко-латинскую академію. Неопровержимыми доводами авторъ устанавливаетъ, что это совершилось въ 1785 г. Занимающая насъ книга обстоятельно излагаетъ пребываніе Евгенія въ Москвѣ. Славяно-греко-латинская академія конца XVIII в., состоявшая подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Платона, была наиболѣе образцовымъ заведеніемъ той эпохи. Тѣ изъ воспитанниковъ ея, которые назначались къ учительскому званію, должны были слушать лекціи въ университетѣ. Къ этому числу принадлежалъ и Евгеній. Вотъ почему нашъ авторъ, характеризуя академію, характеризуетъ и университетъ. И университетъ и академія въ то время ревностно участвовали въ литературномъ движеніи, состоявшемъ преимущественно въ переводахъ, въ усвоеніи западной и отчасти классической литературы. Въ этомъ движеніи принялъ участіе и Евгеній. Автору удалось найти между рукописями Кіево-Софійской библіотеки записныя тетради, въ которыя Евгеній вносилъ выписки изъ читан-

[1]) Въ богословіи, конечно, со времени митр. Филарета мы дальше отъ запада, чѣмъ прежде, хотя и теперь не все чуждо западнаго вліянія. Впрочемъ *знакомство* съ богословіемъ на западѣ обязательно. Наше время представляетъ явленіе, чуждое прошлому вѣку: Хомяковъ, Самаринъ—лица не духовныя, но, конечно, ихъ ученіе не останется безъ слѣда въ будущемъ нашей богословской науки. Такой интересъ въ людяхъ свѣтскихъ къ богословскимъ вопросамъ встрѣчается только въ до-петровской Руси. Любопытно было бы прослѣдить эту отрасль литературы. Если въ XVIII в. и встрѣчаются изложенія вѣрованій (Посошковъ, Татищевъ), то они чисто-личныя, и чаще обрядовыя; учено-богословской почвы тутъ искать нечего.

ныхъ книгъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему удалось опредѣлить главный источникъ сохранившихся выписокъ — французскій сборникъ Variétés historiques, physiques et littéraires. „Слѣдя за манерой выписыванія и содержаніемъ сборника, говоритъ авторъ,—мы можемъ отмѣтить слѣдующее: древній міръ, общекультурные вопросы и мелочи курьезнаго и анекдотическаго характера занимали Евгенія по преимуществу". Таковы были интересы, которыми довольствовались люди того времени. Авторъ старается опредѣлить, съ кѣмъ именно былъ близокъ Евгеній въ московское время своей жизни. Многіе изъ пріятелей Евгенія занимались литературою; онъ самъ приступилъ тоже къ переводамъ, и авторъ слѣдитъ за этими первыми его опытами. Первымъ по времени является: „Краткое описаніе жизней древнихъ философовъ", приписываемое Фенелону. Книгу эту Евгеній—по его собственному показанію—переводилъ съ однимъ изъ своихъ „сочениковъ". Е. Ф. Шмурло полагаетъ, что то былъ—Павловскій. Книга эта, изданная въ переводѣ въ 1788 г., заключаетъ въ себѣ біографіи преимущественно анекдотическія. Примѣчанія переводчиковъ касаются объясненія словъ и любопытны ссылками на древнихъ авторовъ, изъ которыхъ видна значительная степень начитанности учениковъ семинарій того времени [1]). Не будемъ исчислять всѣхъ тогдашнихъ трудовъ будущаго митрополита, укажемъ только на „Новую латинскую азбуку", вышедшую въ 1782 г., которая была не переводомъ, а компиляціей Евгенія. Ссылки на авторовъ заимствованы, вѣроятно, изъ лексиконовъ Фабра и Целларія. Любопытенъ прозаическій переводъ поэмы „Удовольствія отъ способности воображенія". Характеризуя эту книгу, Е. Ф. Шмурло говоритъ: „образованное общество второй половины XVIII в. утомилось размѣренною жизнью и ходульнымъ героизмомъ эпохи Людовика XIV. Оно бѣжитъ изъ планированныхъ аллей Версаля въ тихую рощу, на дикія скалы, на просторъ и свободу; оно сбрасываетъ съ себя напудренный парикъ и накрахмаленныя фижмы и замѣняетъ ихъ простою одеждою селянина; сим-

[1]) Позднѣе, по случаю поправокъ Евгенія на рукописи нѣкоего Рогалева: „Еврейская древняя богословія", авторъ замѣчаетъ, какъ легко владѣлъ Евгеній латинской рѣчью (стр. 120—121). Это замѣчаніе подтверждаетъ онъ сохранившимися въ бумагахъ Евгенія замѣтками и цѣлыми диссертаціями, писанными по-латыни. Вотъ еще результатъ тогдашнихъ семинарій. Любопытно, что Евгеній хорошо зналъ по-французски, что доказывается его привѣтственною рѣчью арх. Тихону (см. приложеніе I).

воломъ прекраснаго становится свободное чувство, подражаніе природѣ". Книга переведена съ французскаго, по мнѣнію Н. С. Тихонравова, съ перевода Гольбаха; авторъ не нашелъ этого перевода и потому ограничился сличеніемъ съ англійскимъ подлинникомъ.

Изъ всѣхъ трудовъ Евгенія за этотъ періодъ авторъ не отыскалъ трехъ, изъ которыхъ одинъ, печатный, былъ въ рукахъ пр. Тихонравова, а другой попалъ въ списокъ г. Донскаго, но, быть можетъ, по недоразумѣнію. Любопытны въ этой главѣ указанія на стихотворческую дѣятельность Евгенія. Въ московской жизни Евгенія авторъ отмѣчаетъ еще одно вліяніе, которое, можетъ быть, было самымъ рѣшительнымъ: есть извѣстія, что Н. И. Бантышъ-Каменскій много помогалъ ученикамъ Воронежской семинаріи, бывшимъ въ Москвѣ. Авторъ съ полною вѣроятностію относитъ эти слова къ Евгенію и говоритъ: „уже въ первые годы по окончаніи курса Болховитиновъ обращается къ историческимъ вопросамъ и вноситъ въ ихъ изученіе ту кропотливую точность, то предварительное собираніе сыраго матеріала, ту группировку ихъ, какая отличала всегда труды Бантышъ-Каменскаго. Едва-ли мы ошибемся, утверждая, что знакомство Болховитинова съ московскимъ историкомъ ввело его въ міръ новыхъ образовъ и идей и, въ пору наивысшей душевной воспріимчивости, закрѣпило за нимъ интересъ къ серьезной научной работѣ". Вотъ почему интересныя страницы, посвященныя авторомъ характеристикѣ Бантыша и его трудовъ, являются существенно важнымъ эпизодомъ въ біографіи Евгенія: онѣ указываютъ въ Бантышѣ предшественника и учителя Евгенія.

Въ 1788 г. Евгеній возвратился въ Воронежъ, гдѣ въ теченіе одиннадцати лѣтъ преподавалъ разные предметы, а десять лѣтъ исправлялъ должность профессора (=инспектора). Скоро онъ посвященъ былъ въ священники. Въ семинаріи онъ не только преподавалъ, но еще составилъ конспектъ преподаванія, который, по замѣчанію автора, полнѣе и обстоятельнѣе конспекта предшествующихъ годовъ и показываетъ, „насколько человѣкъ, его выработавшій, основательнѣе знакомъ былъ съ объемомъ курса и постановкою всего учебнаго дѣла". Административной дѣятельности Болховитинова авторъ не касается, ссылаясь на статью г. Николаевскаго. Сказавъ нѣсколько словъ о диспутѣ, которымъ руководилъ Евгеній, и отложивъ до дальнѣйшаго изложенія его проповѣдническую дѣятельность, авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на его преподаваніи, при чемъ прежде всего останавливается на его

заботахъ о библіотекѣ, которую онъ приводитъ въ порядокъ и выписываетъ книги. Любопытно, что имъ были пріобрѣтены Энциклопедія, Бель, Вольтеръ. Изъ курсовъ, читанныхъ Евгеніемъ въ Воронежской семинаріи сохранились два: курсъ церковной исторіи и курсъ герменевтики (толкованіе священнаго писанія). Оба хранятся въ рукописяхъ въ Кіево-Софійской библіотекѣ. Первый составленъ по Мосгейму и „другимъ“. Авторъ опредѣляетъ отношеніе этого курса къ Мосгейму и представляетъ характеристику самаго Мосгейма, сближавшаго исторію церкви съ другими отраслями историческаго знанія. Евгеній не вездѣ слѣдовалъ Мосгейму: авторъ приводитъ изъ курса разсказъ о Фотіи, составленный самимъ Евгеніемъ по разнымъ тутъ же указаннымъ источникамъ. Позднѣе появилась книга пр. Инокентія: „Начертаніе церковной исторіи“. Нашъ авторъ указываетъ на то, что позднѣйшій писатель менѣе Евгенія самостоятеленъ въ своемъ трудѣ. Записки по герменевтикѣ составлены по Рамбаху, протестанту и піетисту, характеристику котораго г. Шмурло заимствуетъ изъ „Исторіи протестантской теологіи Дорнера“. Курса догматическаго богословія, читаннаго тоже Евгеніемъ, къ сожалѣнію, не сохранилось. Отъ дѣятельности педагогической авторъ переходитъ къ литературной дѣятельности Евгенія и начинаетъ съ изученія переводовъ, сдѣланныхъ или имъ самимъ или подъ его руководствомъ. Не имѣя возможности слѣдить за всѣми этими трудами, замѣтимъ только, что авторъ тщательно изучилъ ихъ, сравнилъ, гдѣ возможно, съ подлинниками [1]), представилъ характеристики авторовъ и, если было нужно, значеніе перевода въ тогдашней русской жизни. Такъ, при обзорѣ переводовъ статьи Мопертюи: „Философія и размышленія о происхожденіи языковъ“, авторъ представилъ и характеристику взглядовъ Мопертюи и указаніе на состояніе языкознанія въ то время, основанное на лучшихъ современныхъ трудахъ объ этомъ предметѣ. При обзорѣ перевода книги „Вольтеровы заблужденія“ указывается на начавшуюся реакцію противъ Вольтера [2]). Любопытны замѣчанія авто-

[1]) Ему не удалось только узнать подлинникъ „Всеобщей хронологіи великихъ мужей“, сочиненія, имъ впервые указаннаго и хранящагося въ рукописяхъ Кіево-Софійской библіотеки. Транскриппія собственныхъ именъ приводитъ автора къ вѣроятному убѣжденію, что подлинникъ писанъ по-французски. Онъ не нашелъ также въ петербургскихъ библіотекахъ книги Трюблэ.

[2]) Переводъ этотъ авторъ изучалъ и по печатному тексту, и по рукописи Кіево-Софійской.

ра объ отношеніи Евгенія къ Вольтеру: „школа, среда, и болѣе всего умъ по натурѣ своей холодный, спокойный, чуждый діалектическихъ тонкостей, никогда не позволялъ Евгенію безусловно восторгаться Вольтеромъ, но та же трезвая разсудочность въ связи съ общими литературными вліяніями эпохи никогда не допустила бы его и теперь стать въ лагерь фанатическихъ его противниковъ. Je prends mon bien partout où je le trouve. Этотъ Мольеровскій эклектизмъ былъ сродни всей натурѣ Евгенія“ (стр. 152). Переводъ книги *Трюбля*: „Размышленіе о краснорѣчіи“, которое ставитъ первымъ условіемъ краснорѣчія умѣніе трогать, побуждаетъ автора отнести сюда характеристику проповѣднической дѣятельности Евгенія, противорѣчащей высказаннымъ имъ теоретическимъ убѣжденіямъ. „Слова Евгенія—говоритъ онъ,—когда ихъ читаешь, требуютъ значительнаго умственнаго напряженія и, значитъ, утомленія. Повсюду преобладаетъ логическая послѣдовательность, которую не надо затеривать, или рядъ звеньевъ, въ родѣ примѣровъ, очень яркихъ, можетъ быть, и блестящихъ, но не говорящихъ ничего чувству. Очень много умнаго, но почти ничего, что бы могло „тронуть“ или „палить“. Художественности въ рѣчахъ Евгенія не ищите; истинной образности—тоже..... не споримъ, иныя проповѣди Евгенія убѣдятъ васъ; но это будетъ убѣжденіе разсудка и никогда уже не вызовутъ рвенія пойдти по слѣдамъ проповѣдника. Савонаролой Болховитиновъ никогда не могъ бы быть“ (стр. 132). Въ рукописяхъ Кіево-Софійской библіотеки хранится переводъ, сдѣланный подъ руководствомъ Евгенія и при его помощи: „Всеобщая хронологія знаменитыхъ мужей“; это хронологическій списокъ писателей и ученыхъ отъ глубокой древности до 1400 г. (на рукописи написано: часть I; второй не оказалось). Къ иностраннымъ именамъ переводчикъ прибавилъ нѣсколько русскихъ, которыя нашимъ авторомъ и повторены въ текстѣ его книги, а любопытныя указанія на русскіе переводы иностранныхъ, главнымъ образомъ, классическихъ писателей, сообщаемыя рукописью, собраны въ приложеніи.

Въ бумагахъ Евгенія сохранились, а частію были и напечатаны такъ называемыя диссертаціи, читанныя на торжественныхъ собраніяхъ ученикомъ семинаріи, а одна даже молодымъ учителемъ. Диссертаціи эти различнаго содержанія, по большей части относящіяся къ богословскимъ, церковно-археологическимъ вопросамъ, были частію писаны самимъ Евгеніемъ, частію подъ его руководствомъ; можетъ быть, даже иныя изъ сохранившихся въ его бумагахъ пи-

саны были и подъ руководствомъ другихъ учителей. Выбравъ изъ нихъ такія, которыя наиболѣе достовѣрно могутъ быть приписаны Евгенію, авторъ нашъ такъ ихъ характеризуетъ: „Вообще научная сторона работъ Евгенія не идетъ рука объ руку съ достоинствомъ формы и съ легкостію построенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ первыхъ научныхъ работахъ до извѣстной степени опредѣляется уже характеръ и направленіе будущаго ученаго. Недостатокъ критики, добросовѣстный, хотя подъ часъ и мелочной, подборъ фактовъ, сводъ данныхъ, систематизація ихъ по внѣшнимъ признакамъ — навсегда останутся существенными чертами Евгенія, какъ писателя. Состояніе, въ какомъ находилась тогда историческая наука; цѣли, какія она себѣ ставила; средства, какими располагала — все это оказало могучее дѣйствіе на Евгенія. Но въ пору, когда послѣдній только еще вступалъ въ преддверіе науки, когда ни эти цѣли, ни эти средства не могли быть ему вполнѣ осязательны, едва-ли можно отрицать извѣстную долю вліянія на него Бантыша-Каменскаго“ (стр. 157 — 158). Это послѣднее замѣчаніе убѣдительно обставляется авторомъ въ дальнѣйшемъ изложеніи [1]). Будущій „бенедиктинецъ“ ярко сказался еще въ нѣсколькихъ появившихся въ Воронежскую эпоху сочиненіяхъ: таково было „Полное описаніе жизни преосв. Тихона“, составленное по изустнымъ преданіямъ и письменнымъ запискамъ. Авторъ указываетъ письменный источникъ труда Евгенія, ибо онъ былъ позднѣе напечатанъ (записки келейника Ефимова). Онъ описываетъ дальнѣйшія изданія этой біографіи, сравниваетъ ее съ источниками, указываетъ отношенія къ позднѣйшему житію и сообщаетъ свѣдѣнія о сношеніяхъ Евгенія съ составителемъ записки. Въ процессѣ сочиненія сказывается любознательность Евгенія и стремленіе къ точности и полнотѣ. Къ біографіи приложенъ былъ списокъ Воронежскихъ іерарховъ; такой же списокъ, но еще болѣе полный, помѣщенъ имъ былъ ранѣе при „Словѣ надгробномъ пр. Инокентію“. Онъ издалъ „Избранныя поученія Инокентія“ съ краткою его біографіею, издалъ также „Остальныя поученія пр. Тихона“. Рукописную „Исторію о Воронежской семинаріи“, которою Е. Ф. Шмурло много пользовался въ своемъ трудѣ, онъ тоже съ большою вѣроятностью приписываетъ Евгенію.

[1]) Въ одномъ изъ приложеній авторъ представляетъ любопытный списокъ писателей, которыхъ Евгеній цитируетъ въ диссертаціяхъ. Пожалѣемъ, что онъ не прибавилъ краткихъ свѣдѣній о тѣхъ изъ этихъ писателей, которые менѣе извѣстны.

Охарактеризовавъ воронежскія работы Евгенія, авторъ переходитъ къ кружку людей, которые сходились съ Евгеніемъ во вкусѣ къ литературнымъ занятіямъ. Главнымъ пособіемъ въ этомъ случаѣ служитъ ему переписка Евгенія. Замѣчательно, что менѣе всего Евгеній сближался съ учителями семинаріи, а болѣе съ совѣтникомъ гражданской палаты Македонцемъ, которому онъ посвятилъ свой переводъ „Опытъ о человѣкѣ“ Попа и съ которымъ состоялъ въ интересной перепискѣ. Другими друзьями Евгенія были учителя народнаго училища (гимназіи), въ числѣ которыхъ былъ тогда Г. П. Успенскій, впослѣдствіи профессоръ въ Харьковѣ, авторъ „Опыта о древностяхъ Россійскихъ“. Въ этомъ кружкѣ велись оживленные споры, здѣсь читались литературные опыты членовъ. Въ это время умственная жизнь начинала пробуждаться въ провинціи: явились типографіи, театръ, и то и другое было въ Воронежѣ: типографія лѣтъ въ 8 выпустила до 30 изданій; дѣятельность ея оборвалась въ 1806 г., авторъ приписываетъ это распаденію кружка. Театръ охотно посѣщался Евгеніемъ до посвященія его въ духовный санъ. Воронежскія изданія авторъ внимательно разсматриваетъ и приходитъ къ выводу, что напрасно зарожденіе литературныхъ вкусовъ въ Воронежѣ относятъ къ 30 годамъ, что правильнѣе сказать: 90-е годы были началомъ и память о нихъ не забывалась. Въ этомъ кружкѣ выросъ и окрѣпъ Евгеній.

Очертивъ кружокъ, въ которомъ жилъ будущій митрополитъ, авторъ переходитъ къ трудамъ, начатымъ имъ въ Воронежѣ и изданнымъ позднѣе. Здѣсь Евгеній приступилъ къ переводу знаменитаго „Опыта о человѣкѣ“ Попа, проповѣдника оптимизма. Книга эта не разъ переводима была на русскій языкъ, начиная съ перевода пр. Поповскаго. Нашъ авторъ характеризуетъ поэму, указываетъ на значеніе ея взглядовъ особенно въ то время, когда печальныя событія какъ будто поколебали вѣру въ добро. Авторъ сличаетъ переводъ Евгенія съ французскимъ переводомъ и доказываетъ вполнѣ убѣдительно, что онъ сдѣланъ съ французскаго. Предисловіе переводчика тоже составлено при пособіи французскихъ предисловій, но въ примѣчаніяхъ Евгеній является болѣе самостоятельнымъ. Любопытно, что, издавая свой переводъ, Евгеній исправилъ кое-что на основаніи новаго, тоже прозаическаго перевода, изданнаго въ 1801 году Загорскимъ.

Изъ переписки Евгенія было извѣстно, что въ Воронежѣ занимался онъ русской исторіей и написалъ ее до татаръ;

но такъ какъ рукопись не сохранилась, то и возникъ между учеными споръ о томъ, была ли это гражданская или церковная исторія. Найденная въ бумагахъ митрополита рукопись: „Примѣчанія къ Россійской исторіи“, заключающая въ себѣ объясненіе географическихъ и этнографическихъ названій изъ древней Руси, окончательно рѣшаетъ споръ: исторія писалась гражданская. Е. Ф. Шмурло внимательно изслѣдовалъ рукопись: онъ указываетъ источники, которыми пользовался Евгеній, объясняетъ, какія статьи вошли въ „Словарь“ Щекотова, и въ текстѣ, и въ особомъ приложеніи представляетъ образчики изложенія, а полный списокъ всѣхъ статей въ приложеніи.

Самымъ крупнымъ и важнымъ сочиненіемъ воронежскаго періода жизни митрополита является его „Описаніе Воронежской губерніи“. Авторъ посвящаетъ разбору этого сочиненія объемистую главу своего труда. Глава, плодъ большой работы, въ особенности заслуживаетъ признательности любителей русской исторіи, интересующихся нашимъ умственнымъ развитіемъ. Чтобы вполнѣ овладѣть своимъ предметомъ, автору нужно было перебрать массу матеріала, заключающагося и въ „Губернскихъ“ и въ „Эпархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, и въ провинціальныхъ изданіяхъ. Трудъ громадный, но онъ окупился сторицею; изслѣдованіе автора вышло образцовымъ. Онъ указалъ источники Евгенія въ напечатанныхъ позднѣе актахъ, которые ему приходилось собирать, онъ указалъ, насколько позднѣйшая литература воспользовалась „Описаніемъ“ и тѣмъ опредѣлилъ всю заслугу Евгенія и показалъ, какъ мало сдѣлано послѣ него (мы говоримъ, конечно, сравнительно).

Въ 1799 г. Болховитиновъ овдовѣлъ; дѣти его умерли еще ранѣе. О женѣ онъ очень горевалъ. Вотъ что нашъ авторъ, на основаніи писемъ, говоритъ о семейной жизни Воронежскаго профессора: „Чуждый сентиментальной идеализаціи (хотя и проповѣдуя чувствительность), съ умомъ нѣсколько холоднымъ, Евгеній однако далекъ былъ отъ черствости сердца; жена, правда, не могла раздѣлять его трудовъ, да этого и не требовалъ Евгеній; но своимъ существованіемъ она наполняла его жизнь душевною гармоніей въ тѣ свободные часы, когда онъ выходилъ изъ своего рабочаго кабинета. Въ эти минуты Болховитиновъ переставалъ быть историкомъ, учителемъ, священникомъ, становясь просто Евгеніемъ Алексѣевичемъ, мужемъ своей жены, отцомъ своихъ дѣтей, семьяниномъ и домохозяиномъ. Эти-то минуты и цѣнилъ Евгеній, ихъ-то теперь онъ и потерялъ безвозвратно“

(стр. 270 — 271). Овдовѣвъ, Болховитиновъ рѣшился постричься. На вопросъ, что побудило его къ такому рѣшенію, авторъ отвѣчаетъ слѣдующее: „Свѣжая рана, дѣлавшая міръ постылымъ, уединеніе монастыря, съ его заманчивой перспективой отдаться научнымъ занятіямъ, зарыться среди книгъ, совѣтъ расположенныхъ людей [1]), болѣе широкое поприще, открывающееся впереди... все это, переплетаясь одно съ другимъ, возбудило бурю сомнѣній и наконецъ улеглось въ принятомъ рѣшеніи“ (стр. 271). Въ мартѣ 1800 г. Болховитиновъ пріѣхалъ въ Петербургъ, былъ опредѣленъ въ Академію профессоромъ и преподавателемъ философіи и краснорѣчія, а вслѣдъ затѣмъ постриженъ подъ именемъ Евгенія и возведенъ въ званіе архимандрита Зеленецкаго монастыря (въ Ново-ладожскомъ уѣздѣ). Вопросъ о томъ, кто содѣйствовалъ переводу его изъ Воронежа въ Петербургъ, остается подъ сомнѣніемъ: авторъ основательно заподозриваетъ показаніе гр. Бутурлина („Русскій Архивъ“ 1867) объ участіи въ этомъ дѣлѣ его отца, хотя, разумѣется, фактъ можетъ быть и вѣренъ, но подробности сомнительны. Въ Петербургѣ Евгеній встрѣтилъ поддержку митрополита Амвросія, который былъ человѣкъ умный и даровитый. За работой дѣло не стало: онъ говорилъ проповѣди, занимался инспекціею и хозяйственною частью, участвовалъ въ составленіи программъ и конспектовъ, помогалъ въ составленіи диссертацій и т. д. Въ письмѣ Македонцу жаловался Евгеній на обремененіе занятіями, но любознательность не покидала его: въ его бумагахъ сохранилось „историческое извѣстіе о Зеленецкомъ монастырѣ“, которое впослѣдствіи вошло въ „Исторію іерархіи“. Самъ не посѣтивъ этого монастыря за недосугомъ, архимандритъ поручилъ составить о немъ свѣдѣнія. Менѣе чѣмъ черезъ два года Евгеній переведенъ былъ въ Сергіеву пустынь, куда онъ часто ѣздилъ отдыхать. Обозрѣніе литературныхъ трудовъ Евгенія въ петербургскій періодъ авторъ начинаетъ сочиненіями, писанными имъ по порученію начальства.

Таково было „Каноническое изслѣдованіе о папской власти“, напечатанное уже въ 1867 г. Это изслѣдованіе было написано по порученію митрополита, которому черезъ

[1]) П. И. Литке, отецъ знаменитаго адмирала, гр. Бутурлинъ. Воронежскій губернаторъ Хорватъ, узнавъ о женитьбѣ Болховитинова, упрекалъ его пріятеля Македонца, говоря: „ты отнялъ у церкви великаго пастыря“ (стр. 272).

Растопчина сообщенъ былъ вопросъ государя, вызванный планомъ введенія къ намъ Флорентійской уніи. Въ замѣткѣ Евгенія, сохранившейся въ рукописяхъ Кіево-Софійскаго собора, сообщается, что, выслушавъ записку, государь отказался отъ этой мысли и не велѣлъ пускать къ себѣ знаменитаго іезуита Грубера, которому принадлежитъ починъ дѣла. Авторъ полагаетъ, что Евгеній, писавшій эту замѣтку много лѣтъ спустя, не сохранилъ ясно въ памяти обстоятельства дѣла: по его мнѣнію, докладъ Евгенія, „прекрасный по ясному и спокойному изложенію, обстоятельному знакомству съ богословской литературой", былъ слишкомъ догматиченъ для свѣтскихъ людей того времени и онъ даетъ болѣе вѣры показанію Анастасевича, приводимому о. Морошкинымъ, что кончина императора помѣшала осуществленію плана. Съ тѣхъ поръ митрополитъ началъ поручать Евгенію работы полемическія. Такъ, онъ записалъ свои пренія съ духоборцами, которыя напечатаны уже гораздо позднѣе. Черезъ нѣсколько лѣтъ Евгеній составилъ „Разсмотрѣніе исповѣданія духоборческой секты", оставшееся въ рукописи и послужившее источникомъ извѣстнаго сочиненія профессора Новицкаго. Нашъ авторъ обстоятельно указываетъ, какъ ошибались тѣ, которые принимали за „Разсмотрѣніе" анонимную „записку", напечатанную въ „Лѣтописи русской литературы" Тихонравова. Тогда же поручено ему было разсмотрѣть изслѣдованіе Ганкенштейна о славянской рукописи якобы VIII в. Это порученіе исполнено было Евгеніемъ позднѣе и трудъ появился въ журналѣ „Любитель словесности" 1806 г. Памятникомъ профессорской дѣятельности Евгенія въ Петербургѣ остались рукописныя „Выписки для философскихъ лекцій". Авторъ указываетъ на любопытное согласіе нѣкоторыхъ мѣстъ этой рукописи съ предисловіемъ Евгенія къ переводу Попа; къ той же эпохѣ принадлежитъ другая рукопись: „Церковная исторія", близкая къ курсу, читанному въ Воронежѣ. Какъ и въ Воронежѣ, такъ и въ Петербургѣ, Евгеній занимался составленіемъ актовыхъ рѣчей и руководствомъ диспутовъ, диссертацій, то философскаго, то церковно-археологическаго или скорѣе церковно-историческаго содержанія. Послѣднихъ три: латинская о символическихъ книгахъ Русской церкви, т. е. катехизисахъ, сочиненіяхъ обличительныхъ и поучительныхъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ весьма достаточныя для своего времени знанія въ литературѣ. Двѣ русскія диссертаціи историческаго содержанія трактуютъ: одна объ обращеніи Россіи въ христіанство,

другая о переводѣ славянской Библіи[1]). Въ первой любопытно сомнѣніе въ проповѣди Св. Андрея или по крайней мѣрѣ отстраненіе ея изъ исторіи славянъ, проповѣдь Св. Солунскихъ братьевъ авторъ считаетъ не относящейся до Россіи; останавливается внимательно на крещеніи Руссовъ 867 г., т. е. при Аскольдѣ; походы Владиміра въ Корсунь объясняетъ, согласно со Стриттеромъ, желаніемъ завоевать вѣру. Во второй—авторъ, справедливо отвергая переводъ до Солунскихъ братьевъ, считаетъ однако возможнымъ переводъ при Володимірѣ Св., который дополнилъ этотъ переводъ. Многаго еще не зналъ тогда Евгеній (Остромирова Евангелія, Библіи Скорины). Въ 1812 г. Евгеній представилъ этотъ трудъ въ исправленномъ видѣ въ Россійскую Академію. Рукопись этой редакціи, къ сожалѣнію, утрачена и извѣстна только по протоколамъ Академіи. Къ тому же періоду относятъ начатую Евгеніемъ работу по исторіи русской церкви, но авторъ основательно указалъ, что она относится къ позднѣйшему времени. Изъ историческихъ разсужденій, читанныхъ „кандидатами богословія“ и разработанныхъ съ большимъ или меньшимъ участіемъ префекта, которыя обстоятельно осмотрѣны нашимъ авторомъ, по интересупредмета особенно выдѣляется одна: „О соборномъ дѣяніи на еретика Мартина“. Извѣстно, что при Петрѣ В. обнародовано было дѣяніе собора 1157 г. на Мартина армянина, въ которомъ осуждались главныя положенія раскольниковъ. Андрей Денисовъ блистательно доказалъ подложность этого дѣянія, но его положенія не были приняты православными. Разсужденіе, о которомъ мы говоримъ, выступило въ защиту дѣянія. Изъ православныхъ Карамзинъ первый осудилъ его. Въ настоящее время мнѣніе Карамзина почти общепринято. Нашъ авторъ, по своему похвальному обыкновенію, обозрѣлъ по этому поводу всю литературу вопроса до настоящаго времени.

Какъ ни занятъ былъ Евгеній своими оффиціальными обязанностями, но онъ находилъ время для другихъ свободныхъ работъ. Такъ бесѣда съ грузинскимъ владыкой Варлаамомъ послужила основою для „Историческаго изображенія Грузіи“. Книга эта, составленная на основаніи разговоровъ и немногихъ документовъ, была переведена на нѣмецкій языкъ, вызвала благосклонный отзывъ Шлецера и побудила Броссэ заняться Грузіей. Тогда же Евгеній принялъ участіе въ

[1]) Первая остается въ рукописи; вторую напечаталъ г. Шмурло въ приложеніи къ своей книгѣ.

„Географическомъ Словарѣ“ Щекатова, въ который вошло по частямъ „Описаніе Воронежской губерніи“ и гдѣ помѣщена большая часть „Примѣчаній на Россійскую исторію“. Тогда же составленъ Евгеніемъ „Памятный церковный календарь“, представляющій много справочныхъ свѣдѣній, впослѣдствіи нѣсколько разъ переизданный. Тогда же посреди новыхъ литературныхъ знакомствъ (Городчаниновъ, будущій казанскій профессоръ, гр. Хвостовъ, Максимовичъ, Евгеній Булгаръ и др.) зарождается мысль о „Словарѣ писателей“. Нашъ авторъ по этому поводу дѣлаетъ перечень прежнихъ попытокъ біографическихъ и библіографическихъ. Самое исполненіе относится къ позднѣйшему времени, и въ планъ лежащей передъ нами книги не входитъ. Участіе Евгенія въ „Благотворительномъ обществѣ для призрѣнія бѣдныхъ“, учрежденномъ въ 1812 г., послужило началомъ его сближенію съ гр. Н. П. Румянцовымъ.

Въ 1804 г. Евгеній назначенъ епископомъ Старорусскимъ, викаріемъ Новгородскимъ. Этимъ заканчивается пока изложеніе событій его жизни; но, прощаясь съ своимъ предметомъ, авторъ въ заключительной главѣ представляетъ характеръ Евгенія, который къ этой эпохѣ уже достаточно сказался; такъ что представлялась возможность приводить и позднѣйшія времена. Позволимъ себѣ познакомить читателя съ этою замѣчательною характеристикою, хотя въ сокращеніи, но собственными словами автора (стр. 270—291).

„То сословіе—говоритъ онъ,—къ которому принадлежалъ Болховитиновъ, и та среда, въ которой онъ воспитался, подобно тому, какъ и теперь, стояли невдалекѣ отъ народной жизни, не будучи обхвачены слѣпымъ подражаніемъ Западу, чему подпали наши культурные слои, но трезво и прямо глядѣли на жизнь, не подкрашивая ее ничѣмъ... Черезъ всю его жизнь проходитъ трезвое, неприкрытое отношеніе къ окружающимъ явленіямъ. Рано познакомившись съ жизнью, съ ея оборотной стороною, знакомый съ нуждою и зависимостью, Евгеній рано научился понимать людскія отношенія, ту взаимную и сложную сѣть хитросплетеній, изъ которыхъ состоятъ они. На свѣтѣ есть правда и ложь, честь и низость, доброта и сухой эгоизмъ. Одно есть достоинство, другое—безнравственность. Первое есть долгъ, обязанность порядочнаго человѣка; второе—позорное клеймо. Вотъ краткая формула нравственныхъ воззрѣній Евгенія и ея онъ неуклонно держался въ теченіе всей своей жизни. Отъ всего отзывающагося

мелкими, личными побужденіями сторонился Евгеній; дрязги общественныя на столько противны ему, что заставляютъ иногда избѣгать людей и рѣдко появляться въ свѣтѣ. Но это отчужденіе не болѣе, какъ внѣшнее: онъ не запирается въ свою скорлупу, а только, скрывшись въ сторону, удобнѣе подмѣчаетъ взаимныя людскія отношенія и при случаѣ мѣтко характеризуетъ ихъ... Стремленіе уединиться, уйдти подальше отъ „городскаго шума“, зарыться въ тиши рабочаго кабинета среди книгъ, единственныхъ своихъ друзей, способныхъ откликнуться на его потребности — стремленіе это сказывается постоянно во всю послѣдующую жизнь Евгенія... Но такая уединенная жизнь отнюдь не значила отчужденія отъ жизни чего-нибудь въ родѣ квіетизма. Напротивъ, замыкаясь въ тѣсный пріятельскій кружокъ, Евгеній тѣмъ съ большею свободою и одушевленіемъ предавался любимымъ занятіямъ. Его энергическій, дѣятельный умъ стремился вылиться въ конкретныхъ формахъ, не терпя бездѣятельности... Необходимость работы была присуща понятіямъ Евгенія; трудъ не былъ для него дѣломъ внѣшнимъ, постороннимъ, но былъ необходимымъ элементомъ его существованія; безъ него не такъ бы легко дышалось и думалось. Трудъ былъ и отдыхъ, и успокоеніе, и счастіе. Это всего нагляднѣе объясняется отношеніемъ Евгенія къ своимъ произведеніямъ. Работою своею нечего хвастаться и тщеславиться — она дѣлается изъ душевной потребности, а не изъ какихъ-нибудь иныхъ побужденій... Но эта скромность не исключала способности понимать и глубоко цѣнить себя. Самое простое разсужденіе подсказывало ему, что онъ выше многихъ тѣхъ, которые „только проповѣдуютъ себя (во всемъ) знатоками, а ничего не дѣлаютъ“. Однако это сознаніе онъ пряталъ отъ постороннихъ взоровъ и не кичился имъ; онъ позволялъ только себѣ высказывать, что „судъ потомства лестнѣе современнаго“. Единственно сознаніемъ собственнаго достоинства и тѣмъ прямымъ откровеннымъ взглядомъ на вещи, который былъ развитъ его честнымъ отношеніемъ къ дѣлу, единственно этимъ, думаемъ мы, возможно объяснить ту незастѣнчивость въ рѣзкихъ выраженіяхъ, переходящую иногда въ грубость, отсутствіе льстивыхъ фразъ, ту откровенность, съ какою онъ выражалъ не совсѣмъ пріятное для слушателя мнѣніе, — что попадается такъ не рѣдко въ сношеніяхъ Евгенія съ современниками... Въ соотвѣтствіи съ направленіемъ своего вѣка, не чуждъ былъ Евгеній чувствительности и нѣсколько сентименталь-

ной любви къ природѣ... Вообще, былъ онъ характера „веселаго и насмѣшливаго“, съ „поспѣшною и отрывистой“ рѣчью; нрава горячаго, мало выдержаннаго, увлекающагося, такъ что первая серьезная неудача его останавливала, и вмѣстѣ съ этимъ открытаго и широкаго, не терпящаго стѣсненій; ума, всѣмъ интересующагося, въ высшей степени наблюдательнаго, яснаго и трезваго, холоднаго, живаго и блестящаго“.

Окончивъ характеристику Евгенія, авторъ характеризуетъ его литературные вкусы и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: „По воспитанію принадлежа XVIII в., онъ, конечно, и въ новый XIX внесъ литературныя симпатіи, господствовавшія въ годы его молодости. Не разъ, можетъ быть, онѣ окажутся устарѣвшими, идя въ разрѣзъ съ новымъ направленіемъ; тѣмъ не менѣе, отдавая долгъ старому, Евгеній не отказывался и въ немъ видѣть дурное. Постоянныя занятія „науками мысленными“ пріучили его только строже относиться къ разбираемому явленію, и потому онъ въ особенности не терпитъ глумленія, легкомысленнаго отношенія. Прежде всего Евгеній является горячимъ послѣдователемъ Новикова, заботившагося „о сохраненіи памяти своихъ писателей“ и горько сѣтуетъ на наше пренебреженіе къ заслугамъ соотчичей, доходящее до того, что мы оставляемъ безъ вниманія хулу иностранцевъ и вдобавокъ сами же бранимъ своихъ. Какъ въ письмахъ, такъ и въ проповѣдяхъ не менѣе горячо возстаетъ онъ противъ этого слѣпаго увлеченія всѣмъ иноземнымъ... Но способность дорожить національными силами не мѣшаетъ ему одобрительно относиться ко всему иностранному, разъ оно заслуживало вниманія, и даже отдавать ему, когда надо, предпочтеніе передъ своими: „лучше помѣщать переводное, да хорошее, нежели иное оригинальное, да безвкусное“, говоритъ Евгеній Хвостову“.

Характеристику авторъ завершаетъ опредѣленіемъ мѣста Евгенія въ ряду дѣятелей русской исторической науки. Показавъ, что главною заботою времени было собрать источники и опредѣлить, что можетъ быть источникомъ, онъ продолжаетъ: „Восхищенному взору неожиданно предстало необъятное поле скрывавшихся данныхъ. Все уходитъ на разработку деталей. Всякая мелочь пріобрѣтаетъ цѣну, во-первыхъ, какъ новинка, во-вторыхъ, вслѣдствіе пробудившагося сознанія, что каждому кусочку найдется свое мѣсто при возведеніи цѣлаго зданія. Но самое зданіе пока еще впереди. Въ своемъ порывѣ этотъ кипучій муравейникъ становится

даже близорукимъ и за ближайшей цѣлью не всегда видитъ конечную. Правда, на глазахъ его ростетъ „Исторія Государства Россійскаго“, но вѣдь кто же и строитъ ее? Карамзинъ, подобно гиганту, стоитъ одинокимъ, далеко опередивъ своихъ современниковъ..... Такъ занимались всѣ въ ту пору. Отсутствіе чего-либо цѣльнаго, нѣкоторая *мозаичность* работы заставляла позже отказывать Евгенію въ крупномъ значеніи въ исторической литературѣ и низко цѣнить руководящую идею его произведеній (арх. Филаретъ). Но мы теперь знаемъ, что форма и направленіе его дѣятельности обусловливались совокупностью задачъ того времени [1]). Если результаты этой дѣятельности и не всегда были *осязательны*, то это отнюдь еще не умаляетъ *дѣйствительную* ихъ результатность. *Кучеобразность* и *набросанность* историческихъ фактовъ въ сочиненіяхъ Евгенія не зависѣли отъ его воли и въ *данную минуту* были явленіемъ временнымъ; „слѣдствій“ и „причинъ“ невидно было потому, что еще *некогда* было отыскивать ихъ; пробѣлы, связующіе явленія прошедшія съ послѣдующими [2]), происходили прямо отъ недостатка матеріала въ наличное время. Предпочли оставить пустое мѣсто, чѣмъ заполнять его гадательными соображеніями. Объективность, строгая правда требовали лучше открыто признать свою невозможность отвѣта на вопросы, чѣмъ закрывать незнаніе мантіей ложныхъ разсужденій. Но выводить отсюда отсутствіе „систематическаго взгляда на явленія исторіи“ еще не было никакихъ основаній... Когда явится возможность, т. е., когда матеріалъ будетъ собранъ, распредѣленъ и очищенъ, когда историкъ станетъ хозяиномъ въ накопленныхъ фактахъ, тогда наступитъ пора оріентироваться и приняться за возведеніе зданія“.

Книгу сопровождаютъ любопытныя приложенія. Кромѣ тѣхъ, о которыхъ мы говорили, есть еще два: списокъ книгъ библіотеки пр. Инокентія, не лишенный интереса по вопросу, что было тогда извѣстно людямъ образованнымъ и „перечень литературныхъ работъ митрополита Евгенія“ за описанный періодъ. Перечень этотъ напечатанъ въ „Библіографѣ“ и отдѣльно съ присовокупленіемъ замѣчаній, извлеченныхъ изъ большаго труда.

---

[1]) Въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ авторъ имѣлъ въ виду сужденіе арх. Филарета въ „Обзорѣ русск. дух. лит.“.

[2]) Авторъ хотѣлъ сказать, что по недостатку данныхъ тамъ, гдѣ должна быть указана связь, остался *пробѣлъ*, ибо пробѣлъ ничего связывать не можетъ.

Каждый, кто познакомится съ трудомъ Е. Ф. Шмурло, согласится съ нами, что въ этомъ молодомъ ученомъ русская наука пріобрѣтаетъ неутомимаго труженика, умнаго критика и хорошаго писателя.

К. БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ.

II.

Въ эпоху перелома.

Письма *Б. М. Маркевича* къ графу А. К. Толстому, П. К. Щебальскому и друг. С.-Петербургъ. 1888. Стран. 369.

Частная переписка съ близкими людьми покойнаго сотрудника „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“ и нѣкоторыя письма „иногороднаго обывателя“, въ свое время дѣйствовавшія отрезвляющимъ образомъ на общественное мнѣніе, сбитое съ толку отрицательною публицистикою, составляютъ содержаніе настоящей, въ высшей степени интересной, книги. При чтеніи этихъ писемъ возникаетъ живое представленіе объ эпохѣ борьбы въ нашемъ обществѣ свѣта со тьмою, эпохѣ перелома въ литературѣ и общественной мысли, къ счастью уже пережитой, но оставившей глубокіе слѣды на развитіи цѣлаго поколѣнія такъ называемыхъ „новыхъ людей“.

Классическій періодъ нашей литературы „новаго слова“ окончился въ 1867 году закрытіемъ, по распоряженію правительства, журналовъ „Современникъ“ и „Русское Слово“. Всего десять лѣтъ длился этотъ періодъ опрокидыванія вверхъ дномъ понятій нравственныхъ и юридическихъ, главнѣйшихъ устоевъ человѣческаго общежитія, всего, что составляетъ его сущность и цѣль. Въ сравнительно короткій промежутокъ времени, во имя реализма и удовлетворенія „естественныхъ потребностей“ общества, была изгнана эстетика, какъ праздное занятіе. „Геніальный“ современный критикъ поучалъ, что „литература, вообще говоря, представляетъ собою силу служебную, которой назначеніе состоитъ въ *пропагандѣ*, а достоинство ея опредѣляется тѣмъ, что и какъ она пропагандируетъ“. Нашъ великій народный поэтъ былъ объявленъ „легкомысленнымъ версификаторомъ“, человѣкомъ „колоссальной неразвитости“. По понятіямъ корифеевъ критики того времени, произведенія Пушкина оказываются *вѣрнѣйшимъ средствомъ притупить здоровый умъ и усыпить человѣческое чувство*, воспитывать молодыхъ людей на Пушкинѣ—значитъ готовить изъ нихъ *трутней и сибари-*

товъ. Бѣлинскій обругалъ за свою „эстетическую оргію“, которой до того предался, что на цѣлый томъ написалъ статей, посвященныхъ разбору красивыхъ произведеній остроумнаго русскаго барина—„маленькаго и миленькаго“ Пушкина. Реалистическая школа объявляла, что принимаетъ только „реальныя, видимыя и осязаемыя“ потребности человѣческаго организма, что такъ называемая духовная или нравственная дѣятельность нашего тѣла можетъ быть только двухъ родовъ: физическая и химическая, называла религію „космогоническими и геогоническими бреднями“, объясняла, обращаясь къ „любезнымъ юношамъ и дѣтямъ“, вздорность „внѣшняго, невѣдомо кѣмъ (!!) установленнаго принципа долга и нравственности“, приглашала тѣхъ же юношей и дѣтей охранять свою личную самостоятельность отъ *всякаго авторитета, отъ всего, что захотятъ навязать* имъ *подъ ложнымъ названіемъ долга*, увѣряя, что кто исполняетъ требованія долга, тотъ поступаетъ *безчестно и подло*, есть „жалкая дрянь и тряпка“ и только напрасно „позоритъ свое существованіе“. „Послѣдовательный реалистъ, свободный отъ теософической задачи“ (т. е. отъ вѣры въ Бога), „не ожидаетъ себѣ свыше ни награды за добро, ни наказанія за зло“, для него понятіе о добрѣ отожествляется съ пріятнымъ ощущеніемъ, понятіе о злѣ—съ непріятнымъ, онъ естественно долженъ разсуждать такъ же, какъ и дикарь-бушменъ, который говоритъ: когда я ворую жену у другихъ людей—это добро, а когда у меня воруютъ жену—это зло. Да и всякое преступленіе не есть ли „просто неизбѣжный результатъ тѣхъ обстоятельствъ, посреди которыхъ начинается и проходитъ жизнь человѣка, обвиняемаго нами?“ „Дѣйствіямъ человѣка нѣтъ другаго основанія, кромѣ его внутреннихъ побужденій, а побужденіе зависитъ отъ его органическихъ условій и отъ тѣхъ внѣшнихъ вліяній, по которымъ человѣкъ поступаетъ непремѣнно такъ, а не иначе. Слѣдствіемъ такого убѣжденія является въ насъ уваженіе къ человѣческой натурѣ и личности вообще. И дѣйствительно, если человѣкъ поступалъ такъ потому, что онъ не могъ поступить иначе, въ чемъ же его вина?“ Не ясно ли отсюда, что „всякій судъ вообще нелѣпъ?“ — Проповѣдуя все это подъ покровомъ цензуры, первые апостолы русскаго нигилизма отнеслись въ то же время съ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ своимъ ученикамъ. Съ откровенностью достойною истаго реалиста Чернышевскій печатно заявлялъ: „ты глупъ, читатель“. Добролюбовъ въ печати смѣялся надъ русскою женщиною „образованною по самое нельзя“, а Пи-

саревъ кричалъ этой женщинѣ, разумѣется, тоже въ печати: „Дрянь, сволочь! Долой маску и ко всѣмъ чертямъ!“

Необъяснимая распущенность печатнаго слова, „новаго слова“, выходившаго изъ-подъ пера „мыслящаго пролетаріата“, не знала границъ въ классическій періодъ открытой проповѣди нигилизма. Не одинъ талантливый публицистъ терялся передъ его наглостью, тѣмъ болѣе, что читающая „толпа“ вскорѣ сдѣлалась нечувствительною ко всему, что носило на себѣ печать мѣры и строгой обдуманности; она зѣвала отъ такой полемики, гдѣ не было ругани, считала бездарнымъ писателя, не умѣющаго или не желающаго *сильно выражаться*. Вкусы извращались до того, что въ одномъ изъ столичныхъ журналовъ, всегда прилично преклонявшемся передъ либеральными талантами, было заявлено однажды объ отживающемъ, будто бы, культѣ Тургенева, Гончарова и Достоевскаго (тогда еще не разгаданнаго) и о необходимости замѣны этого культа „трезвою правдой“, т. е. правдою Рѣшетникова, Помяловскаго и т. п. Но всего печальнѣе было то, что проповѣдь „новаго слова“ наводнила собою школы и тамъ, главнымъ образомъ, проявила свое разрушительное дѣйствіе. Апостолы нигилизма проповѣдывали, имѣя въ виду незрѣлые умы молодежи, и всегда стремились овладѣть школою. „Когда взята школа“, писалъ Писаревъ, „тогда побѣда упрочена, *тараканъ пойманъ*. Взять школу—значитъ упрочить господство своей идеи надъ обществомъ“. Добролюбовъ торжествовалъ, что духовныя заведенія уже *взяты*; по его словамъ: „въ нашихъ духовныхъ училищахъ сформировались самые крупные и яркіе представители отрицательнаго направленія, которое воспринимается (воспринималось тогда) съ особенною жадностью воспитанниками этихъ училищъ“. Позднѣйшіе процессы соціалистовъ и борьба власти съ шайками политическихъ убійцъ показываютъ, что школа дѣйствительно была взята, *тараканъ пойманъ*. Покойный Б. М. Маркевичъ отрицалъ этотъ фактъ, полагая, что школу отстояла классическая реформа. Того же мнѣнія былъ и М. Н. Катковъ, печатавшій въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* письма съ береговъ Невы иногороднаго обывателя. Характерный признакъ времени: учебной системѣ предавали значеніе, котораго въ дѣйствительности она не имѣла и не могла имѣть. Въ концѣ мая 1870 года Маркевичъ писалъ графу А. К. Толстому: „Если вы читали все то, что *Петербургскія Вѣдомости* ежедневно преподносятъ намъ по поводу классицизма, а также любезности, адресованныя мнѣ ad personam—вы уже могли составить себѣ по-

нятіе о борьбѣ, предпринятой нашимъ министерствомъ противъ такъ называемаго реализма, который, въ сущности, ничто иное, какъ послѣдняя баррикада нигилизма и всего того, чѣмъ наградилъ онъ насъ. Борьба воистину серьезная. Дѣло стоитъ такъ: въ случаѣ побѣды надъ нами этихъ господъ — революція въ Россіи восторжествуетъ, и наоборотъ— нигилизмъ будетъ уничтоженъ, если юныя русскія поколѣнія будутъ воспитываться такъ же, какъ воспитывается молодежь во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Европы". Маркевичъ говорилъ, зная свое министерство: оно дѣйствительно выставляло классицизмъ за надежнѣйшее орудіе подавленія нигилистической пропаганды, чѣмъ и подало впослѣдствіи поводъ либераламъ обвинять въ политической несостоятельности учебную программу гимназій. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, когда политическія убійства окончательно вошли въ обиходъ такъ называемой соціально-революціонной партіи, либералы дружно указывали, что гимназическая программа, выбрасывая на улицу неудачниковъ, не справившихся съ трудностями изученія древнихъ языковъ, плодитъ „озлобленную" молодежь, которая затѣмъ попадаетъ въ сѣти агитаторовъ. Это обвиненіе, разумѣется, также неосновательно, какъ и стремленіе искоренить нигилизмъ учебною программою; помимо всякихъ соображеній a priori, оно разбивается тѣмъ фактомъ, что въ числѣ политическихъ убійцъ были юноши, съ отличіемъ окончившіе курсъ гимназическихъ наукъ. Несомнѣнно, что нигилистическая язва прививалась и прививается независимо отъ какой бы то ни было программы обученія: мы видѣли во главѣ бомбовщиковъ ученаго богослова, видѣли дѣятельное участіе вполнѣ знающаго свое дѣло лѣкаря въ убійствѣ шефа жандармовъ и побѣгѣ убійцъ, видѣли разныхъ доцентовъ въ сообществѣ съ бунтарями даже неумѣющими грамотѣ. На настроеніе молодыхъ умовъ гораздо сильнѣе, чѣмъ школа, вліяетъ окружающая среда. Домашній очагъ беретъ всегда верхъ надъ классною комнатою; тамъ, а не въ школѣ, образуются характеры, складываются понятія о явленіяхъ общественной жизни, о взаимныхъ между людьми отношеніяхъ, о враждѣ интересовъ, гражданскомъ долгѣ и нравственныхъ цѣляхъ личной дѣятельности. Поэтому, очищать гимназіи отъ нигилизма учебными программами, не заботясь объ очищеніи самаго состава учащихся—напрасный трудъ, не говоря уже о томъ, что во всякомъ практическомъ дѣлѣ оправдывается правило: ten no measures. Учебное вѣдомство, конечно, обязано не допускать противорелигіозной, противонравственной и противо-

общественной проповѣди съ каѳедръ, или подъ руководствомъ преподавателей, что было не разъ [1]), должно заботиться о развитіи положительнаго направленія въ преподаваніи; но оно не можетъ ручаться за то, что отрицательное вліяніе со стороны не возьметъ верхъ надъ усиліями преподавателей въ направленіи положительномъ и не подѣйствуетъ рѣшающимъ образомъ на ту среду учащихся, которая въ домашней жизни не охраняется отъ заблужденій дисциплиною мысли старшихъ и умѣлымъ надзоромъ за умственнымъ и нравственнымъ формированіемъ юноши.

Во время предпринятой въ концѣ шестидесятыхъ и законченной въ началѣ семидесятыхъ годовъ реформы нашихъ среднеучебныхъ заведеній либералы отстаивали „свободу преподаванія", т. е. свободу совращенія молодежи съ пути истины. Они, наравнѣ съ апостолами „новаго слова", стремились поймать таракана, опутать его своею паутиною, которою снабжалъ ихъ паукъ европейскаго конституціонализма,—для чего и требовалась свобода преподаванія, а когда имъ этого не позволили, то они съ пѣною у рта набросились на классицизмъ. Травля классицизма съ особымъ ожесточеніемъ велась въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ самый разгаръ политическихъ убійствъ, когда здравомыслящіе люди мало по малу стали обличать растлѣвающій элементъ, внесенный въ общественную мысль „новымъ словомъ" нигилизма, когда въ нашей журнальной литературѣ начался переломъ.

Настало время особаго направленія въ литературѣ: обличенія обличителей. Б. М. Маркевичъ принялъ дѣятельное участіе въ этомъ направленіи и внимательно слѣдилъ за всѣми перипетіями „перелома" на берегахъ Невы. Мѣтко характеризуетъ онъ пріемы петербургской передовой печати держать общество постоянно въ возбужденномъ состояніи, мѣшая ему заниматься дѣломъ. Иные листки какъ бы спеціально призваны поддерживать пессимистическое настроеніе. Ихъ фельетоны, замѣтки, корреспонденціи то и дѣло докладываютъ публикѣ о снѣдающихъ якобы русское общество „тоскѣ" и „нравственномъ удушьи", причемъ эта тоска и удушье объясняются тѣмъ, что „совершеннымъ въ ны-

[1]) Профессоръ Цитовичъ свидѣтельствуетъ, что за 16 лѣтъ своего пребыванія въ университетѣ ему не удавалось встрѣтить студента, который бы не прочелъ знаменитаго романа „Что дѣлать?" еще въ гимназіи, а гимназистка 5—6 класса считалась бы дурой, еслибы не ознакомилась съ похожденіями Вѣры Павловны (иногда по совѣту своего учителя въ гимназіи).

нѣшнее царствованіе преобразованіямъ не дается по сю пору дальнѣйшаго *логическаго* развитія". Невскіе стрекулисты извиваются яко змѣи въ стараніи доказать полную-де несостоятельность настоящихъ порядковъ. Для этого не только насилуются и освѣщаются ложнымъ свѣтомъ факты, но и просто цинически и нагло изобрѣтаются и пускаются въ ходъ, а къ этимъ выдуманнымъ фактамъ приплетаются всякія подходящія соображенія... Изъ всего этого выходятъ невообразимые курьезы. Извѣстный „кличъ, кликнутый русскому народу" гг Краевскимъ и Бильбасовымъ о появившейся будто бы въ Царицынѣ чумѣ, представляетъ въ этомъ отношеніи великолѣпный примѣръ. Въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ работали своего рода кликуши, исполненныя злобы къ Россіи. Одна маленькая и далеко уже не молодая госпожа визжала съ особымъ неистовствомъ: „Да, я ненавижу, ненавижу мое отечество; еслибъ кто-нибудь пришелъ мнѣ объявить, что я принята въ число подданныхъ короля Гумберта, я бы ему ручки поцѣловала". Другая дама выражалась еще рѣшительнѣе: „лучшимъ днемъ моей жизни, говорила она, я сочту тотъ, когда эта большая Ѳедора разлетится въ дребезги". Были барыни и покурьезнѣе. Сидитъ, напримѣръ, одна госпожа изъ „сановницъ" за многолюднымъ обѣдомъ, тутъ же дочь ея, молоденькая дѣвушка. За столомъ подымается рѣчь о томъ, что противъ петербургскаго окружнаго суда возбуждено дисциплинарное производство по поводу допущенныхъ этимъ судомъ неправильностей въ процессѣ Засуличъ. „Сановница" возглашаетъ громко, на весь столъ: „Вѣра Засуличъ великая гражданка; я была бы счастлива, еслибы моя дочь сдѣлала то же самое"... Далѣе. Къ сыну этой барыни приходитъ однажды въ гости знакомый его, молоденькій гимназистъ. „Передовая" маменька, случившаяся тутъ сама, первымъ дѣломъ обращаетъ вниманіе пришедшаго на бюстъ Бѣлинскаго и портретъ Лассаля, занимающіе самыя видныя мѣста въ комнатѣ ея сына, *реалиста*. „Это наши кумиры"! провозглашаетъ она съ паѳосомъ. „Я моего Ваню *благословила Лассалемъ*"!.. Передовая сановница уже второй десятокъ лѣтъ занималась выкрикиваніемъ своего радикальнаго катехизиса чуть не на площадяхъ. По словамъ Маркевича, серьезные люди смотрѣли на нее лишь какъ на шутиху; впослѣдствіи оказалось, однако, что Маркевичъ и всѣ эти серьезные люди ошибались на ея счетъ. Тѣмъ не менѣе и такія обличенія передовая печать съ яростію объявляла „доносами" и „шпіонствомъ". Когда же выступилъ со своими обличитель-

ными брошюрами профессоръ Цитовичъ и брошюры эти покупались на расхватъ, то на него поднялась цѣлая буря ругательствъ и проклятій. Маркевичъ помѣстилъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ два письма по поводу этихъ брошюръ и ихъ успѣха, въ которомъ онъ видѣлъ добрый признакъ. „Среди невообразимаго умственнаго хаоса, въ которомъ суждено намъ жить въ настоящую пору,—писалъ онъ въ концѣ декабря 1879 года,—пробиваются индѣ свѣжія струйки, какъ бы во свидѣтельство, что въ обществѣ нашемъ не окончательно еще утерянъ здравый смыслъ, что оно ищетъ отрезвленія отъ напущеннаго на него тумана, желаетъ уяснить между прочимъ и тѣ коренныя причины, которыя привели его къ теперешнему безпомощному состоянію“. Здѣсь дѣлается намекъ на безпомощность въ борьбѣ съ крамолою, дерзость которой постоянно усиливалась, заявивъ себя злодѣйскимъ покушеніемъ на взрывъ царскаго поѣзда подъ Москвою (19 ноября 1879 г.).

„Свѣжія струйки“ скоро образовали цѣлый потокъ. Читающая „толпа“ догадалась, наконецъ, что передовая печать намѣренно заводила ее въ невылазное болото отрицаній и сомнѣній. Проповѣдь, во имя „гражданскихъ задачъ“, противъ вѣчныхъ законовъ искусства и свободнаго творчества стала вызывать улыбку въ большинствѣ русскихъ читателей. Послѣ двадцатилѣтняго изгнанія, истинно художественная литература, свободная отъ тисковъ „тенденціи“, рѣшительно вступала въ свои права. Такія произведенія, какъ *Анна Каренина*, расходились безъ остатка цѣлыми серіями изданій; „езоповскій языкъ“ политической сатиры набилъ оскомину; за трескучими фразами отрицанія наши либералы не могли уже болѣе скрыть отъ посторонникъ глазъ своей пустоты, полной немощи мысли и отсутствія живой связи съ народомъ. Но странное дѣло! Общество отворачивалось отъ кумировъ либерализма, а „передовая“ печать продолжала напѣвать о необходимости вершить зданіе реформъ, и политическая власть, съ обширными полномочіями, доставалась въ руки людей, набиравшихся государственной мудрости въ фельетонахъ либеральныхъ газетъ. „Для кого писать?—говорилъ М. Н. Катковъ Маркевичу въ іюлѣ 1880 года:—тотъ, для кого я единственно держалъ перо въ рукахъ, отступается отъ своей власти, удерживая только ея внѣшность. Все остальное — миражъ на болотѣ. Л. М. и К° — тотъ же фельетонъ *Голоса*, тотъ же подъемъ мысли и тотъ же государственный смыслъ, что у этихъ стрекулистовъ“ (письмо къ Щебальскому). И въ 1880

году фактически властные люди въ нашемъ правительствѣ не разумѣли, что въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ „on allait trop vite, on aurait du donner aux opinions le temps de se tasser“ (слова, сказанныя Бисмаркомъ Маркевичу по поводу той спѣшки, съ которою стряпались у насъ реформы къ *извѣстному дню*). Не умѣя пользоваться организованною силою государственной власти, попавшею имъ въ руки, эти люди обращались къ обществу, нетерпѣливо ждавшему отъ нихъ проявленія энергіи, съ приглашеніемъ побороть крамолу, при чемъ за русское общество они принимали передовую печать и новоустановленныя безсословныя учрежденія. Повидимому, ихъ нисколько не смущало то обстоятельство, что передовая печать, не смотря на все свое заигрываніе съ крамолою, никогда не пользовалась вліяніемъ въ средѣ вожаковъ революціоннаго подполья. Мнившіе себя соціалистами, политическіе убійцы неизмѣнно относились къ ней съ презрѣніемъ, видя въ ней представительницу затѣй сытаго угнетателя народнаго труда и сторонницу честолюбія праздныхъ людей. Ежедневно чинимые ею скандалы и систематическое издѣвательство надъ правительствомъ были на руку подпольной агитаціи, но послѣдняя, по самому своему свойству, не могла дѣйствовать по указкѣ людей „порядка“, тѣмъ болѣе, что проповѣдь либеральныхъ порядковъ, чисто подражательная (по западнымъ образцамъ), не заключала въ себѣ ничего самобытнаго и страдала всѣми, уже выясненными, недостатками западнаго конституціонализма. Подпольнымъ агитаторамъ было больше по душѣ „мужицкое государство“ славянофиловъ, противъ котораго, какъ и противъ бурсацкой грубости, ополчался Маркевичъ въ своей частной перепискѣ. Сама либеральная печать признала свое безсиліе послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ и нѣкоторые ея органы стали даже публично приносить покаянную. *Молва* стала плакаться на „лицемѣріе и фальшь“ печати. Перепуганный *Голосъ* наивно сѣтовалъ: „Никто искренняго слова громко не скажетъ, никто правдивой строчки не напечатаетъ. Какъ будто мы боимся правды, какъ будто намъ сказать нечего! И бродимъ мы близъ да около, тая про себя правду и бросая другимъ въ глаза только ложь. Единственное у общества средство обсудить положеніе и изыскать мѣры къ противодѣйствію злу — печать. Что же сказала она намъ? Ничего, кромѣ фразъ“. *Страна* выразилась прямо: „Событіе это таково, что оно должно произвести переломъ въ настроеніи людей нерѣшительныхъ, но добросовѣстныхъ и способныхъ мыслить. Развитіе Россіи не можетъ имѣть ничего об-

щаго съ подобными дѣлами... Фанатики, предпринимающіе силой динамита передѣлать внезапно судьбу народа, могутъ произвесть только страшную катастрофу, вызвать ужасныя столкновенія, отъ которыхъ вы сами, и съ вами вся интеллигенція, стали бы взывать къ самымъ крайнимъ средствамъ диктатуры. Все лучше, чѣмъ динамитъ, цареубійство и варварская рѣзня невинныхъ!"

Когда въ печати появились эти строки, учрежденіе диктатуры уже было рѣшено; но это была, по любезному прозванію *Голоса*, „диктатура сердца", а не та дѣйствительно твердая власть, которой требовали „Московскія Вѣдомости". Въ скрижаляхъ исторіи уже записано черными буквами сказаніе о томъ, какъ справилась эта диктатура со своею задачею.

Графъ А. К. Толстой умеръ въ 1880 году. Послѣднее письмо къ нему Б. М. Маркевича не помѣчено никакою датою. Оно интересно тѣмъ, что послѣдними его словами охарактеризована личность и самого Маркевича. Вотъ эти слова въ переводѣ на русскій языкъ: „Я, дорогой другъ, съ гордостью принимаю прозвище татарина, съ презрѣніемъ брошенное намъ просвѣщеннымъ западомъ... Я счастливъ сознаніемъ, что я русскій въ душѣ, т. е. принадлежу сердцемъ къ единственной націи, съ негодованіемъ протестующей противъ отвратительнаго образа дѣйствій просвѣщенной Европы относительно грековъ и славянъ на востокѣ".

Послѣднее письмо къ П. К. Щебальскому написано 7-го ноября 1884 года. Здѣсь, какъ и въ большинствѣ писемъ къ тому же лицу, Маркевичъ посвящаетъ друга и критика въ тайны своего творчества. Тогда онъ писалъ послѣднюю часть *Бездны* и надѣялся скоро покончить съ романами de longue haleine. *Бездна* была ему заказана „Русскимъ Вѣстникомъ" и тяготила его обязательностью „направленія", а потому онъ и не дѣлалъ себѣ иллюзіи на счетъ слабости послѣдняго дѣтища своей трилогіи (*Четвертъ Вѣка*, *Переломъ*, *Бездна*). „Съ этимъ,—писалъ онъ Щебальскому,—приходится заранѣе примириться, — и утѣшаться развѣ тѣмъ, что будущій русскій Маколей найдетъ въ ней массу различныхъ по мелочамъ наблюденій pris sur le vif, которыя могутъ ему послужить для широкой синтетической картины того русскаго прошедшаго, im Werden котораго состоимъ мы теперь съ вами, многоуважаемый другъ". Однако ему не всегда удавалось создавать типы по непосредственнымъ наблюденіямъ. Своего Иринарха Овцына (въ *Переломѣ*) и Гончаровскаго Марка Волохова онъ находилъ „деревянными и

одноколернымп", сравнительно съ живымъ типомъ Базарова, объясняя этотъ недостатокъ тѣмъ, что ему, какъ и Гончарову, приходилось *угадывать* своего нигилиста, тогда какъ Тургеневъ „скроилъ своего живьемъ изъ нравственнаго содержанія близко знакомаго ему Добролюбова". Нигилистъ Буйносовъ (въ *Безднѣ*) удался лучше, потому что черты этого героя далъ Маркевичу процессъ цареубійцъ, на которомъ онъ присутствовалъ отъ начала до конца, прилежно изучая наружность, пошибъ рѣчей и tenue этихъ „маніаковъ злодѣйства".

А. М.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Минаевъ.—„Буддизмъ.—Изслѣдованія и матеріалы“ Спб. 1887.

Нашъ оріенталистъ спеціально занимается языками, которыхъ у насъ за исключеніемъ его одного, въ данную минуту, никто основательно не изучилъ и профессору нигдѣ не придется встрѣтить справедливой критической оцѣнки своего труда. Нельзя не выразить поэтому сожалѣнія относительно внѣшней формы этого труда. Русская читающая публика до сихъ поръ еще не избалована количествомъ и качествомъ серьезныхъ работъ по части востока вообще и исторіи его религій въ особенности. Появлявшіяся объ этомъ сочиненія или отличались компилятивно-поверхностными свойствами, или представляли груды сыраго, необдѣланнаго матеріала или же, наконецъ, это были переводы, притомъ нерѣдко плохіе. Казалось бы, что нашъ ученый могъ восполнить чувствительный пробѣлъ въ этой области знанія и подарить насъ книгой, ясно и всесторонне затрогивающей любопытнѣйшія стороны древней жизни. Параллельно съ этимъ, ничто не мѣшало г. Минаеву издать собственное ученое изслѣдованіе на какомъ-нибудь европейскомъ языкѣ, чтобы западные ученые произнесли сужденіе объ авторѣ русскомъ. Обращаясь къ одинаково съ нимъ свѣдущимъ ученымъ, нашъ оріенталистъ вправѣ былъ выражаться намеками, иное оставлять недоговореннымъ, по временамъ прямо цитировать индійскіе тексты въ оригиналѣ, и т. д. Но, при помощи подобныхъ пріемовъ едва-ли мыслимо что-нибудь систематически уяснить любознательнымъ читателямъ, если только они предварительно уже не знали многихъ

важныхъ сочиненій историческаго и богословскаго характера.

Тѣмъ не менѣе, группируя нѣкоторыя общедоступныя данныя въ трудѣ г. Минаева, постепенно знакомишься съ особенностями буддійскаго религіознаго движенія и породившей его эпохи. Недаромъ, за послѣдніе года индіологія обогатилась немалымъ числомъ драгоцѣнныхъ находокъ. Отыскали стародавнія рукописи, считавшіяся потерянными, приведены въ извѣстность архаической азбукой начертанныя надписи, разсмотрѣнъ наконецъ знаменитымъ англійскимъ нумизматомъ Кэннингамомъ удивительный *бхархутскій памятникъ*, котораго скульптурныя изображенія составляютъ какъ-бы компендіумъ буддизма. Это—остатки нѣкогда грандіознаго алтаря, обнесеннаго оградой съ великолѣпными воротами. Вокругъ него устроены были углубленія, гдѣ помѣщалось 600 свѣтильниковъ, ярко озарявшихъ храмъ ночью. Въ промежуткѣ между стѣною и окружаемымъ ею молитвеннымъ памятникомъ 80 колоннъ, изукрашенныхъ барельефами, которые донынѣ повѣствуютъ о міросозерцаніи и культѣ древнихъ буддистовъ. Все громадное сооруженіе горизонтально имѣло видъ креста.

У четырехъ входовъ во дворъ святилища виднѣлись хранители четырехъ сторонъ свѣта — великіе миѳическіе цари... Они властвуютъ надъ вселенной, наблюдая за всѣмъ изъ своихъ нагорныхъ жилищъ, располагая милліонами духовъ съ серебряными, золотыми, коралловыми, алмазными посохами и мечами. Державные стражи заносятъ на особыя скрижали добродѣтели и грѣхи людей. Если грѣховъ много, печаль на небѣ, если же наоборотъ, боги ликуютъ.

Проходившіе за ограду могли благоговѣйно созерцать многоразличные высѣченные на камнѣ лики и символы, обстоятельно передававшіе эпопею Будды („вѣщаго“), событія изъ его послѣдней жизни и предшествовавшихъ перерожденій. Надписи поясняли богомольцамъ значеніе изображеній. *Грамотность* среди народа была замѣтно *распространена, даже въ низшихъ слояхъ общества*,—алтарь же, о которомъ идетъ рѣчь, воздвигнутъ уже *лѣтъ двѣсти до Р. Хр.* Къ нему отовсюду стекались ревнители съ обильными приношеніями. Нѣкоторые изъ жившихъ тутъ монаховъ имѣли своею обязанностью, наглядно, при помощи изображеній, истолковывать всѣмъ и каждому сущность и цѣль преподаннаго Буддой ученія. Мѣсто для памятника (въ 120 миляхъ отъ Аллахабада) выбрано было какъ нельзя удачнѣе, близъ торговаго пути, пролегавшаго изъ сѣверо-восточной Индіи къ приста-

нямъ, сносившимся съ дальнимъ западомъ. Мимо шли караваны съ китайскими шелками и драгоцѣнностями Индіи. Бхархутъ привлекалъ чужестранцевъ красотою и таинственностью барельефовъ. Отъ него, словно отъ центра, расходились кругомъ другія славныя буддійскія святыни, группы пещерныхъ храмовъ и монастырей. Все это въ средніе вѣка фанатически-грубо уничтожено исламомъ. Культъ „вѣщаго“ падаетъ въ родной странѣ и на мѣстѣ своего возникновенія, недалеко отъ Гималайскихъ горъ и ближе къ морю, гдѣ религія его особенно пышно расцвѣла, гдѣ община монаховъ, *сангха*, стала уже именовать себя вселенскою, о благолѣпіи ея кумирень пеклись не только туземцы, но и пришлые греки. Дары „братству Будды“ приносились не изъ эгоистической заботы о личномъ блаженствѣ, а съ цѣлью спасти весь міръ. Такія приношенія освобождали великое множество существъ отъ скорбныхъ перерожденій. Дѣти жертвовали на пользу усопшихъ родителей. *Мертвые называются въ буддійскихъ писаніяхъ „сущими черезъ дары“*. Щедрые въ этомъ отношеніи люди дѣлались святыми и уподоблялись богамъ.

Ко времени процвѣтанія буддизма, среди индійскихъ портовъ особенно выдавалась Борюгаза (Бхарукаха). Сюда стекались товары отовсюду—приходили корабли изъ Краснаго моря, поднимались по Инду вверхъ купеческія суда, являлись піонеры китайской и сѣверо-азіатской торговли. Караваны двигались по направленію на юго-западъ и юго-востокъ или отъ Каспія черезъ Гиндукушъ или черезъ тибетскіе перевалы. При этомъ невольно происходило и духовное общеніе мѣстной культуры съ иноземными, между прочимъ и съ тогдашней европейской. Въ Индіи по большимъ дорогамъ построены были постоялые дворы. По древнѣйшимъ извѣстіямъ, странноприимные дома въ городахъ созидались самими правителями, передъ дворцами. Здѣсь путники находили ложе, пищу и питье. Товары перевозились медленно, съ продолжительными остановками. Купцы имѣли полную возможность присматриваться къ мѣстной жизни, во всѣхъ ея удивительныхъ подробностяхъ. При этомъ, конечно, обращалъ на себя вниманіе буддизмъ съ его блестящими торжествами,—напримѣръ процессіи на праздникѣ „Чаши вѣщаго“ (буддійскаго Грааля), гдѣ она носилась подъ блестящимъ балдахиномъ и вокругъ передавались разсказы о творимыхъ ею чудесахъ.

Въ свою очередь аскеты „вселенской общины“, распространяя вѣру далеко за предѣлы ея первоначальной родины,

насаждали новое ученіе и въ Китаѣ, и въ Бактріи. Старинные арабскіе путешественники и географы говорятъ о странствующихъ подвижникахъ. Подвижники эти исполняли завѣтъ учителя возвѣщать повсемѣстно истину, сами же удовлетворяли свою страсть къ бродяжничеству, иногда возили съ собой для сбыта весьма цѣнныя вещи. Они, въ глазахъ народа, считались волшебниками, цѣлителями, владыками стихій—летали по воздуху, приказывали неодушевленнымъ предметамъ подниматься, дѣлали золото, вселялись въ тѣла другихъ существъ, заклинаніями потрясали зданія, отыскивали клады и т. д. Подобныя лица должны были походить на нынѣшнихъ факировъ, которые изрѣдка проникаютъ въ такую отдаленную глушь, какъ наши киргизскія степи. Постепенно внѣ Индіи создались свои замѣчательные религіозные центры, поклоняться стали своимъ домашнимъ „святымъ“. Азіаты въ этомъ отношеніи представляютъ замѣчательную особенность. Такъ, индусы съ одной стороны передаютъ, будто издавна передавалось предсказаніе о томъ, какъ со временемъ надъ ними воцарится „коронованная обезьяна“ (т. е. власть попадетъ въ руки людей низкаго происхожденія, иностранцевъ), а съ другой стороны тѣ же туземцы почитали за боговъ арабскихъ завоевателей и даже храбрѣйшихъ англійскихъ генераловъ.

Въ одной изъ своихъ статей г. Минаевъ ожесточенно нападаетъ на профессора Позднѣева за его мнимое сочувствіе монгольскому буддизму. Сколько намъ извѣстно, это совершенно несправедливое обвиненіе, доказывающее лишь отсутствіе безпристрастія у нашего знатока Индіи. Онъ самъ гораздо болѣе г. Позднѣева окружаетъ ореоломъ зародившуюся тамъ религію. Послѣдній отзывается о строѣ языческой жизни, во всей ея широтѣ, такъ же, какъ и нѣкоторые внимательные очевидцы того, что творится въ глухихъ еще мѣстностяхъ внутренней Азіи. Положительно нельзя сказать, будто онъ что-нибудь идеализируетъ — напротивъ, дурное описывается ярче и подробнѣе, чѣмъ все хорошее, о чемъ и миссіонеръ Бюкъ, и этнографъ Потанинъ уже въ свою очередь раньше говорили.

По нашему мнѣнію, въ книгѣ г. Минаева встрѣчаются непростительныя и неумѣстныя выраженія: Будду онъ почему-то величаетъ „Міродержавнымъ Учителемъ, Спасителемъ, Искупителемъ, Господомъ“; распространяется о буддійской вселенской церкви, о буддійской паствѣ, о ризахъ буддійскаго духовенства, называетъ бхархутскія изображенія (гдѣ красуются животныя и птицы) образами. Любопытно, какъ отне-

сутся къ подобной терминологіи наши развитые ламаиты и насколько такое просвѣщенное вниманіе къ ихъ вѣрѣ укрѣпитъ въ язычникахъ увѣренность въ истинности буддизма.

II.

А. Н. Энгельгардтъ изъ Батищева. О хозяйствѣ въ сѣверной Россіи и примѣненіи въ немъ фосфоритовъ. Сборникъ сельско-хозяйственныхъ статей 1872—1888. Спб. 1888. Стр. 522+XVI.

Новаго въ этомъ изданіи только предисловіе, да послѣдняя глава, трактующая объ опытахъ удобренія фосфоритной мукой, которая въ имѣніи г-на Энгельгардта дѣлаетъ чудеса. Не смотря, однако, на эти чудеса, на всю свою ученость и рѣдкое трудолюбіе, почтенный агрономъ не могъ довести свое хозяйство, сильно запущенное послѣ Положенія 19 февраля, до того цвѣтущаго состоянія, въ какомъ оно находилось раньше. По его собственнымъ словамъ, онъ сѣлъ на хозяйство въ своемъ имѣніи с. Батищевѣ, Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской губерніи, 17 лѣтъ тому назадъ, въ началѣ 1871 года. Изъ 618 десятинъ удобной земли находилось тогда въ культурномъ состояніи только 88, теперь же, т. е. по прошествіи семнадцати лѣтъ, это число удвоилось, между тѣмъ, прежде, когда-то, въ имѣніи было 218 десятинъ пахоты, слѣдовательно нѣсколько болѣе $^1/_4$ земли находилось въ культурномъ состояніи, да большая часть остальной земли была подъ расчищенными пустошами. Не было ни кустарниковъ, ни зарослей, и если часть земли была подъ лѣсомъ, то это былъ хорошій, чистый заказной лѣсъ. По мнѣнію г-на Энгельгардта, обратить пустоши въ культурную землю теперешнему помѣщику не подъ силу, это могутъ сдѣлать только крестьяне, они же, если захотятъ, могутъ уберечь и лѣсъ, а помѣщикъ не убережетъ, потому что расплата за порубки и всякія „уруги“ на владѣльческой и крестьянской землѣ далеко не одинаковы. „Деревня, говоритъ онъ, и безъ сторожей усмотритъ, изловитъ и такую встрепку задастъ, что по смерть помнить будетъ“. Выходитъ, что самосудъ единственно надежное орудіе охраны собственности, и орудіе это хорошо и безопасно опять же только въ рукахъ крестьянъ: помѣщика или его управляющаго за самосудъ и кулачную расправу изведутъ, если не законы, то тѣ же крестьяне. Иногда добрый хозяинъ-помѣщикъ охотно прикупилъ бы продажный участокъ хорошей земли, какъ разъ смежный съ его имѣніемъ, да бѣда—денегъ нѣтъ, а

крестьяне и безъ денегъ купить могутъ, потому что крестьянскій банкъ къ ихъ услугамъ. Даже еслибы у помѣщика и были деньги, то онъ не можетъ соперничать въ покупкѣ земли съ крестьянами, такъ какъ послѣдніе, при содѣйствіи казеннаго банка, въ состояніи заплатить и дѣйствительно платятъ за нее дороже продажной цѣны. Съ восторгомъ разсказываетъ г. Энгельгардтъ объ открытіи въ его родной мѣстности дѣйствій крестьянскаго банка и о первыхъ покупкахъ крестьянами земли при его помощи. Двѣ деревни, Д. и Х., купили у помѣщика отличную пустошь. И дешево купили,—что-то около 27 рублей за десятину. „Я говорю: *дешево*,—замѣчаетъ нашъ сельскій хозяинъ,—не потому, чтобы цѣна была ниже среднихъ у насъ цѣнъ на пустошныя земли... Пустошныя земли цѣнятся у насъ, въ среднемъ, не дороже 25 рублей за десятину, и это хорошія пустоши; плохія же, поросшія бѣлоусомъ, кустарникомъ, и еще того дешевле—10-15 рублей за десятину", но цѣна въ 27 рублей дешева для крестьянъ потому-де, что они имѣютъ возможность „привести землю къ дѣлу". При затратѣ капитала и энергіи, ее „могутъ привести къ дѣлу" и не крестьяне, но для того и ходятъ въ народѣ „молодые изъ образованныхъ", чтобы не допустить посторонняго человѣка сѣсть на хорошую землю. Помѣщикъ продавалъ участокъ, который ходилъ исполу. „А участокъ-то—сливочки! Всего пятьдесятъ десятинъ, межа съ межей; пахать ли, подъ выгонъ ли пустить—прелесть! Одной пахатной земли 36 десятинъ, да и земля-то какая; положимъ, запущена" (испольные арендаторы ее не удобряли), „но силы еще не потеряла: добра-то въ нее что прежде заложено; да и была тутъ когда-то деревенька, которую баринъ при крѣпости еще свелъ, такъ что часть земли—селидебной, на много лѣтъ сдобженной. Опять же и лужокъ внизу, овражки, покосецъ, хотя и не мудрый, а все же... Торфяная земля заготовлена. Рѣчка внизу протекаетъ. Отличный участокъ—хоть кому! Если купить, да построить хуторочекъ, земелькой заняться, торговлишкой какой-нибудь—отлично!.. И цѣна небольшая—50 рублей за десятину; у кого есть деньги, чистыми можно отдать. Купитъ кто-нибудь, построится,—возжайся тогда съ нимъ, хуже большаго барина будетъ"... „Однако, сначала, только нѣсколько человѣкъ изъ молодежи хотѣли, выдѣлившись въ товарищество, купить землю для себя и даже переселиться на нее. Но потомъ дѣло устроилось иначе: купила вся деревня. *Помогъ деревнѣ* въ этомъ отношеніи *одинъ молодой изъ образованныхъ*; онъ *разъяснилъ* крестья-

намъ все дѣло, указалъ, какъ и что, *уговорилъ* купить всей деревней, въ общественную собственность". Имя этого юноши (Викторъ) крестьяне записали, будто бы, въ свои поминальницы, которыя подаютъ за обѣдней. „И это ему зачтется!" говорятъ, будто бы, крестьяне. Что это за юноша—можно составить себѣ понятіе изъ дальнѣйшаго разсказа:

— Ужь зачлось!—съострилъ одинъ изъ знакомыхъ г-на Энгельгардта.

— Какъ?

— А помните, съ разспросами и развѣдками пріѣзжали.

Подвигомъ юноши Виктора „изъ образованныхъ" помѣщикъ Батищева не нахвалится; но вотъ что самъ же онъ разсказываетъ о послѣдствіяхъ этого подвига:

„Урожай ржи великолѣпный. Хлѣба—кому до нови хватитъ, кому до святой, самому бѣдному—до масляной. Долги всѣ отдали. Ячмень, овесъ, конопля, ленъ, кто сѣялъ, уродились на славу—урожай небывалый. Ликуй, земледѣлецъ! Одно только плохо—заработковъ никакихъ опять нынче нѣтъ! Нѣтъ заработковъ, нѣтъ денегъ, а деньги требуютъ во всѣ концы, благо начальство знаетъ, что годъ нынче урожайный. А денегъ нѣтъ"...

Откуда же взяться заработкамъ, стало быть, и деньгамъ, когда помѣщичья собственность таетъ какъ снѣгъ? Къ тому же, по свидѣтельству самого г-на Энгельгардта изъ Батищева, крестьяне охотно работаютъ только на собственной землѣ, многіе изъ нихъ ни на какую стороннюю работу не идутъ, разсуждая: „хоть не уѣдно, такъ улежно". Разумѣется, не плати крестьяне никакихъ налоговъ, дѣло обстояло бы иначе: нѣтъ денегъ—и не надо.

Оказывается, что крестьянамъ выгодно, когда имѣнія переходятъ въ руки купцовъ лѣсопромышленниковъ, т. е. разоряются въ конецъ хищничествомъ промышленниковъ. „Обыкновенно купецъ тотчасъ же начинаетъ сводить лѣсъ, чѣмъ даетъ *зимній* заработокъ крестьянамъ, въ особенности возкой. Вырубленныя пространства, купцу ненужныя, со всѣмъ ломомъ онъ сдаетъ крестьянамъ на ляда для выжега и посѣва по пожогамъ хлѣба, и опять-таки сдаетъ подъ работу, и не подъ лѣтнюю работу, а подъ зимнюю, что крестьянамъ на руку. Наконецъ, при содѣйствіи банка, купецъ продаетъ крестьянамъ ненужную ему землю". Иному помѣщику и хотѣлось бы вести правильное лѣсное хозяйство, такъ нельзя. Пустоши, пріобрѣтенныя крестьянами деревень Д. и Х., образовались такимъ путемъ: „Владѣлецъ намѣренъ былъ сохранить, что осталось, стараго лѣса и выро-

стить новый изъ молодыхъ зарослей, что со временемъ могло бы быть выгодно, вслѣдствіе близости желѣзной дороги. Но изъ этого ничего не вышло. Лѣсъ постоянно рубили и свои, и чужіе, кому только нужно, потому что дѣло заглазное, участокъ отдѣленъ чужими землями отъ хозяйства владѣльца... Когда-когда наѣзжалъ лѣсной сторожъ или староста, но, конечно, что же онъ могъ досмотрѣть. Такъ, мало-по-малу, все, что было хорошаго въ лѣсу, выпустошили". По неволѣ объявишь землю въ продажу! Только радоваться-то этому едва-ли приходится...

Подъ предлогомъ примѣненія фосфоритовъ въ книгѣ постоянно твердится о непригодности помѣщичьяго хозяйства для Смоленской губерніи (хозяйство самого г-на Энгельгардта, разумѣется, составляетъ исключеніе). Что-за несчастная губернія, подумаешь, или что-за странный человѣкъ этотъ г. Энгельгардтъ изъ Батищева, который хлопочетъ о томъ, чтобы земля поскорѣе перешла въ руки крестьянъ, однихъ только крестьянъ, а самъ держитъ у себя батраковъ и безъ нихъ обойтись не можетъ.

III.

Г. А. Евреиновъ. „Замѣтки о мѣстной реформѣ." Спб. 1888.

Въ ряду вопросовъ, ожидающихъ у насъ законодательнаго разрѣшенія, преобразованію мѣстнаго управленія несомнѣнно принадлежитъ первое мѣсто по важности и объему затрогиваемыхъ имъ интересовъ. Кажется, всѣ согласны въ томъ, что нынѣшнее устройство этого управленія, вызывая значительную и напрасную затрату личныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ, не обезпечиваетъ населенію въ должной мѣрѣ ни хозяйственнаго благоустройства, ни общественной и личной безопасности. Неумолимый судья — опытъ ежедневно произноситъ обвинительные приговоры надъ органами нашего общественнаго самоуправленія въ городахъ и уѣздахъ и требуетъ присутствія правительственной власти тамъ, гдѣ еще недавно ея упраздненіе считалось благодѣтельнымъ для народа. Это настоятельное требованіе дѣйствительности безусловно признается—занимающимъ видное служебное положеніе—авторомъ разсматриваемой брошюры. Онъ находитъ необходимымъ замѣнить сословно-крестьянскую полицію правительственною полицейскою стражею, выборныхъ мировыхъ судей коронными судьями, поставить во главѣ исполнительныхъ органовъ земства должностныхъ лицъ по

назначенію отъ правительства, хочетъ, чтобы „правительственная власть проникла у насъ, и притомъ въ правящей роли, до самыхъ мелкихъ дѣленій государственной территоріи“. Онъ высказывается и противъ либеральныхъ увлеченій свободною отъ всякаго правительственнаго воздѣйствія общественною самодѣятельностію, и противъ безотчетнаго прославленія сословно-полицейскаго строя, господствовавшаго у насъ до преобразованій прошлаго царствованія и теперь будто-бы вызываемаго къ жизни *реакціей*. Не упомпная объ аксаковской „Руси“, онъ предлагаетъ излюбленный ею типъ приходскаго самоуправленія, какъ ячейки земской организаціи и земскаго представительства, но въ приходскомъ сходѣ отводитъ почетное мѣсто крупному землевладѣнію безъ различія сословій; не упоминая также о кахановской коммисіи, онъ принимаетъ нѣкоторыя основныя положенія и этой коммисіи, а именно предположенный ею смѣшанный (изъ чиновниковъ и выборныхъ лицъ) составъ исполнительныхъ органовъ земства. По его мнѣнію, неудовлетворительны и нынѣшняя система земскихъ выборовъ по разрядамъ, и предлагаемое министерскимъ проектомъ исправленіе этой системы. Наиболѣе пригоднымп для общественной службы представляются ему выборы *территоріальные*, всесословное въ земствѣ представительство приходовъ. Вообще авторъ стремится быть самостоятельнымъ реформаторомъ, но, самъ того не вѣдая, впадаетъ въ повторенія мыслей, уже не разъ высказанныхъ въ нашей печати и частію усвоенныхъ правительственными лицами, ex officio занятыми преобразованіемъ мѣстныхъ учрежденій. Въ замѣткахъ Г. А. Еврепнова есть, однако, довольно самостоятельно выработанный, хотя и не новый, взглядъ на дворянство и мѣры къ упроченію за этимъ сословіемъ вліятельнаго положенія.

По мнѣнію автора „замѣтокъ“, дворянское званіе, какъ высшее сословное отличіе, только тогда будетъ поставлено у насъ на подобающую ему высоту, когда оно перестанетъ быть необходимою принадлежностью чиновничества, когда оно будетъ пріобрѣтаться только происхожденіемъ отъ дворянина или монаршимъ пожалованіемъ за заслуги на различныхъ поприщахъ дѣятельности. Потерявшая всякій смыслъ на гражданской службѣ „табель о рангахъ“ плодитъ дворянство бѣдное, нуждающееся, впередъ обреченное на фальшивое общественное положеніе,—дворянство, для котораго сословные предразсудки ограничиваютъ кругъ занятій, могущихъ дать скромное обезпеченіе. Сословныя прерогативы, какъ и всѣ другія государственныя отличія,

слѣдуютъ общему закону, въ силу котораго цѣнность всякой вещи пропорціональна ея рѣдкости. Дворянское званіе только тогда пріобрѣтетъ недостающее ему теперь обаяніе, когда оно перестанетъ быть доступнымъ каждому, избравшему своей профессіей государственную службу, а съ увеличеніемъ этого обаянія усилится и обострится въ русскомъ дворянствѣ чувство сословнаго и родоваго достоинства, что въ свою очередь отзовется благотворно на всякой дѣятельности, которой посвятятъ себя сами дворяне, а также на окружающей средѣ, гдѣ примѣръ ихъ порядочности и сознанія долга не останется безъ подражанія. Въ до-петровское время родовое начало было сильно развито только въ высшихъ слояхъ служилаго класса—и объясняется это тѣмъ, что число ихъ представителей было ограничено: въ малолѣтство Петра Великаго было бояръ 51, окольничихъ (въ 1691 году) 61 и думныхъ дворянъ (въ 1705 году) 15, а теперь у насъ болѣе 3.000 однихъ только чиновъ первыхъ четырехъ классовъ, которымъ въ обществѣ присвоено странное и даже смѣшное названіе *статскихъ генераловъ*. „Довольно пересмотрѣть ихъ списокъ, говоритъ г. Евреиновъ,—чтобы убѣдиться, какъ много этихъ чиновъ ровно ничѣмъ на службѣ не заняты, числясь по разнымъ вѣдомствамъ, и сколько ихъ состоитъ на службѣ такихъ учрежденій, безцѣльное существованіе которыхъ вызвано не потребностями государственными, а интересами самаго чиновнаго сословія". Учрежденіе гражданскихъ чиновъ, уже исполнившее свою историческую миссію, въ настоящее время приноситъ одинъ только вредъ. Съ одной стороны, оно придаетъ чиновную окраску всему высшему сословію—дворянъ, а съ другой—выдѣляетъ всѣхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, въ особую касту, для которой, весьма понятно, собственные интересы ближе всего и выше всего. Непрерывное дѣйствіе табели о рангахъ не только умаляетъ значеніе дворянскаго званія, какъ высшаго сословнаго отличія, но и принижаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ достоинство такихъ общественныхъ элементовъ, какъ духовенство и промышленные классы, представители которыхъ, сколько бы они ни возвышались надъ народной массой своими дарованіями, образованіемъ и богатствомъ, поставлены ниже мелкихъ сошекъ чиновнаго міра—этихъ титулярныхъ совѣтниковъ, чиномъ (а никакъ не заслугами, способностями или нравственными качествами) пріобщаемыхъ къ *благородному* званію.

Со всѣмъ этимъ трудно не согласиться. Къ сожалѣнію, авторъ „замѣтокъ" мало послѣдователенъ въ своихъ выво-

дахъ. Ратуя за усиленіе въ средѣ дворянства родоваго начала и корпоративной связи, которыя укрѣпили бы въ немъ сознаніе долга и развили бы практическую порядочность въ примѣръ и подражаніе другимъ сословіямъ, г. Евреиновъ долженъ былъ бы желать какъ можно большаго участія дворянъ въ мѣстномъ управленіи—вѣдь чѣмъ больше добрыхъ примѣровъ, тѣмъ лучше; оказывается же, что онъ рѣшительно противъ расширенія этого участія, по мысли правительства. Даже предводителя дворянства онъ ставитъ въ подчиненное положеніе въ земствѣ, предлагая назначить ему въ земской управѣ второе мѣсто послѣ уѣзднаго начальника, которому желаетъ поручить предсѣдательство. Не новость для насъ такіе консерваторы (г. Евреиновъ называетъ свои мѣры консервативными), которые охотнѣе готовы передать все мѣстное управленіе въ руки урядниковъ, чѣмъ поставить въ его главѣ помѣстное дворянство, но такіе консерваторы носятъ особое названіе бюрократовъ; для нихъ вопросъ объ общественномъ благоустройствѣ сводится, такъ сказать, къ конфискаціи народной самодѣятельности, къ передачѣ въ казну завѣдыванія общественнымъ хозяйствомъ. Ихъ пора уже прошла. Въ какомъ бы видѣ и изъ какой бы канцеляріи ни исходили бюрократическіе проекты мѣстной реформы, порывы „чиновничьей касты“, выражаясь словами г-на Евреинова, должны остановиться передъ велѣніями монаршей воли, ясно выраженной въ рескриптѣ россійскому дворянству отъ 21 апрѣля 1885 года. Съ высоты престола объявлено, что въ уѣздахъ дворянамъ предстоитъ преимущественно „приложить свои силы къ дѣятельности, требуемой отъ нихъ долгомъ ихъ званія“. Помѣстное дворянство—настоящая и лучшая наша земская сила, которою не можетъ и не должно пренебрегать правительство въ интересахъ общественнаго благоустройства и порядка въ мѣстномъ управленіи. Высшее въ государствѣ сословіе дворянъ и должно быть поставлено на надлежащую высоту тамъ, гдѣ всѣ сословія призываются къ совмѣстной и дружной работѣ на пользу общую. Не имѣя нужнаго дѣла въ мѣстномъ управленіи, дворянское сословіе было бы лишено всякаго государственнаго смысла, потому что собственно „служилые люди“ нашего времени набираются изъ всѣхъ слоевъ общества, и міръ „чиновниковъ“, замыкаемый табелью о рангахъ въ особую касту, въ благородствѣ по рожденію не нуждается. Есть, конечно, существенное различіе между службою по долгу чести, по долгу прирожденнаго званія, и службою

ради чиновъ и окладовъ; но табель о рангахъ не знаетъ этого различія.

IV.

О. Пиллеръ.—„Итоги женскаго образованія въ Россіи и его задачи". 1888 г.

Г-жа Пиллеръ въ началѣ своей объемистой книги задалась благою мыслью въ качествѣ бывшей начальницы женской гимназіи въ Одессѣ сказать свое правдивое слово о тѣхъ безобразныхъ условіяхъ, въ которыхъ скучиваемыя въ всесословныхъ школахъ дѣвочки ростутъ и воспитываются. Всякое трезвое сужденіе объ этой области фактовъ безпристрастно настроенными читателями могло быть встрѣчено съ полнымъ одобреніемъ. Никто, въ виду несомнѣнно доказанныхъ данныхъ, не сталъ бы отрицать вреднаго вліянія училищъ на общій уровень образованія и воспитанія, разъ что въ нихъ набираются дѣти изъ разнороднѣйшихъ слоевъ населенія, и педагогамъ, ради неподготовленности большинства занимающихся, приходится понижать на каждомъ шагу свои требованія до минимума, терять много драгоцѣннаго времени для такихъ слушателей, изъ которыхъ все равно не можетъ выработаться дѣятельный, развитый, свѣдущій человѣкъ. Можно ли наполнять дѣтскую голову обрывками всякихъ чуждыхъ ей знаній, когда ребенокъ въ своей средѣ не находитъ ни малѣйшаго отзвука на то, чему его гдѣ-то обучаютъ, когда бытъ его обставленъ или крайней нищетой, или растлѣвающими душу примѣрами. Разладъ между воспринимаемымъ въ школѣ и дома долженъ рости и становится все глубже и глубже. Въ результатѣ непремѣнно явится однимъ нравственно искалѣченнымъ существомъ больше. Накормить, одѣть, перевоспитать бѣднѣйшихъ дѣвочекъ гимназіи не въ состояніи, но внести смуту въ ихъ внутреннюю жизнь, создать въ нихъ сословную зависть и непріязнь, сдѣлать и безъ того обездоленныхъ—искусственно и сознательно несчастными—эти заведенія всегда могли съ успѣхомъ.

Если бы г-жа Пиллеръ удовольствовалась изображеніемъ безотрадной картины такого положенія вещей, то оставалось бы только обратить вниманіе на такую книгу. Но она рѣзко и рѣшительно пошла дальше. Указавъ на нѣкоторыя причины современнаго нестроенія, она задумала фантазировать на избитую тему, „что надо подготовить женщинъ

къ рѣшенію міровыхъ вопросовъ", какъ бы не понимая, что это также одинъ изъ источниковъ зла. Хотя г-жа Пиллеръ себя и причисляетъ къ передовымъ представительницамъ прекраснаго пола, но и по ней самой легко убѣдиться, что-за хаотическій безпорядокъ воцаряется въ головѣ дамъ, съ слишкомъ большимъ и неумѣлымъ рвеніемъ вкусившихъ отъ древа знанія. Двѣ трети книги посвящены анализу предметовъ, нимало не относящихся къ дѣлу. Словно обрадовавшись, что и ей стали, хотя довольно смутно, знакомы имена разныхъ философовъ и ученыхъ, наша писательница не смущается опровергать Шопенгауэра Петрушевскимъ, некстати цитировать Сенеку, увѣрять читателей, будто „въ нашъ вѣкъ прогресса дѣти, перелистывающія сказки Жюля Верна, больше знаютъ чѣмъ великій Аристотель". Женщинъ, видите-ли, надо пускать въ университеты, но только съ особаго подъѣзда, въ сопровожденіи классной надзирательницы. Онѣ будутъ сидѣть на лекціяхъ среди мужчинъ, скромно потупивъ глазки, и т. д. На мужчинъ г-жа Пиллеръ смотритъ самымъ отрицательнымъ образомъ: они въ сущности всѣ грубыя и тупыя животныя (хотя на нихъ необходимо иногда дѣлать ученыя ссылки). Гимназисты старшихъ классовъ только и думаютъ о томъ, какъ бы разбить физіогномію товарищей (?). Студенты чуть-ли не поголовно пьянствуютъ и кичатся тѣмъ, что ничего не читаютъ. То ли дѣло святыя труженицы высшихъ женскихъ курсовъ. Онѣ работаютъ, потому что прозрѣли коварство мужчинъ, которые, изъ страха передъ женскимъ умомъ, держатъ слабый полъ въ позорнѣйшемъ рабствѣ и угнетеніи. Въ своей апологіи этой плѣненной части рода человѣческаго г-жа Пиллеръ договаривается до абсурдовъ и неприличія. Съ точки зрѣнія дарвинизма она проповѣдуетъ какую-то борьбу за существованіе, совѣтуетъ уничтожать въ мужьяхъ, братьяхъ и сыновьяхъ „рабовладѣльческіе инстинкты, безъ сомнѣнія усвоенные мужчинами путемъ наслѣдственности". Затѣмъ идетъ защита конкубината въ средѣ учащейся молодежи. „Вѣдь это естественное влеченіе! Что такое вынужденная дѣвственность? Почему только юноши могутъ предаваться разврату, *при аплодисментахъ окружающихъ?*"

Мы не можемъ не выразить удивленія, во первыхъ, какъ допущена была составительница подобной странной книги къ отправленію сложныхъ и высокихъ педагогическихъ обязанностей, а во-вторыхъ, какъ находятся люди, читающіе и одобряющіе такія книги. Иначе, конечно, не стоило бы и говорить объ этомъ „сочиненіи".

МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА.

Торговая Москва.—Возвращеніе изъ Нижняго домой. — Разрѣшеніе важнаго торговаго вопроса.—Дѣло московскихъ торговыхъ рядовъ.—Краткая исторія. — Общество верхнихъ торговыхъ рядовъ.—Средніе ряды.—Цифры и данныя. — Московскіе пассажи. — Магазинная торговля центральныхъ улицъ.—Роль евреевъ. — Чѣмъ занимаются евреи-хористы русской оперы.—Москва-рѣка и пароходство.—Тотализаторъ въ Москвѣ.

Прошелъ мѣсяцъ, именно тотъ мѣсяцъ въ году, когда торговая Москва переполняетъ Нижній съ его громадной знаменитой ярмаркой и когда московскіе купцы, въ промежуткахъ между грандіозными торговыми сдѣлками, любуются съ нижегородскаго „откоса“ великолѣпнымъ видомъ, открывающимся на Оку, сливающую свои воды съ желтовато-бурыми волнами Волги. Теперь торговая Москва возвратилась во-свояси. Одни довольные ярмаркою, другіе менѣе довольные, съѣзжаются тузы московскаго купеческаго міра домой, не отрѣшившись отъ впечатлѣній того торговаго угара, перемежающагося съ угаромъ разгула, который характеризуетъ кипучую жизнь нижегородскаго торга. Ярмаркой есть основаніе на сей разъ остаться довольнымъ, она была изъ удачныхъ, судя по тому, какъ рано въ этомъ году завертѣлось въ ней громадное колесо крупныхъ сдѣлокъ.

Возвратясь домой, купечество находитъ у себя совершенно выясненнымъ и распутаннымъ вопросъ, долгое время терзавшій московскіе умы, вопросъ первѣйшей торговой важности. Мы говоримъ о московскихъ верхнихъ рядахъ, объ этомъ торговомъ центрѣ Бѣлокаменной, занимающемъ своими обветшалыми, старинными постройками огромное пространство, выходящее на Красную площадь, Никольскую и Ильинку.

Кто не знаетъ московскихъ „рядовъ“ такъ называемаго

„города“? Едва-ли мы ошибемся, сказавъ, что о „рядахъ“ этихъ имѣютъ понятіе даже люди, ни разу не бывавшіе въ Москвѣ. Это—колоссъ торговли, это—многіе, многіе десятки милліоновъ, сотни милліоновъ, обращающихся въ постоянномъ, лихорадочно-суетливомъ, все возрастающемъ оборотѣ. Это та кипучая, вѣчно оживленная торговля Москвы, въ которой также точно не перечислишь предметовъ спеціальности, какъ не исчислишь истинныхъ размѣровъ годоваго оборота.

Самое зданіе рядовъ—если ихъ можно назвать зданіемъ, а не коллекціей зданій — существовало и по днесь существуетъ съ стародавняго времени. Рядовъ трое: верхніе—отъ Никольской до Ильинки, средніе — отъ Ильинки до Варварки и нижніе—отъ Варварки до Москвы-рѣки; первые выходятъ главнымъ фасадомъ на Красную площадь, въ видѣ буквы *п* съ усѣченными концами, передъ которыми, на площади, стоитъ памятникъ Мининну и Пожарскому; вторые—на проѣздъ мимо Василія Блаженнаго (Покровскій соборъ); третьи — на Москворѣцкую улицу. Принадлежали эти ряды всегда лавковладѣльцамъ, и право собственности всегда было до того запутано, что едва-ли на всемъ земномъ шарѣ есть что-либо подобное: подъ лавку одного владѣльца врѣзывался подвалъ другаго, куски земли чуть не въ квадратную сажень дробились между разными собственниками, проходы въ качествѣ земли общественной составляли собственность города и т. д. Каждую лавку, каждый „шкапчикъ“, каждый уголъ рядовъ собственникъ содержалъ по своему усмотрѣнію, ремонтировалъ, когда ему это казалось нужнымъ, подпиралъ потолокъ, если онъ угрожалъ паденіемъ, замазывалъ, подмазывалъ, клалъ заплаты; одни торговали въ своихъ лавкахъ, другіе въ качествѣ арендаторовъ и съемщиковъ—полнѣйшее и безконечное разнообразіе хозяйства и эксплоатаціи.

Мало-по-малу ряды ветшали и за послѣдніе 10—15 лѣтъ пришли, наконецъ, въ такое положеніе, что обратились въ какую-то угрожающую паденіемъ руину, въ нѣдрахъ которой, руководствуясь русскимъ „авось“, производилась гигантская торговля, все разрастающаяся и характеризующая могучій постоянный и жизненный ростъ Москвы. Вопросъ „назрѣлъ“; понадобилось его распутать; тутъ-то и началась канитель, тянувшаяся цѣлые годы. На помощь пришла администрація. Поступила она круто, даже, пожалуй, слишкомъ жестоко на первый взглядъ, но эта видимая жестокость мѣры только одна и помогла разсѣчь Гордіевъ узелъ. Въ

одно прекрасное утро громаднѣйшая часть верхнихъ рядовъ была закрыта. Входы заколотили, къ нимъ приставили городовыхъ, а торговцамъ пришлось выбираться изъ лавокъ, кому куда угодно. Въ это время городское управленіе уже строило на площади временные ряды въ видѣ безобразныхъ желѣзныхъ коробовъ, но, какъ водится, постройка ко времени готова не была; положеніе для многихъ оказалось ужаснымъ — ихъ лишили куска хлѣба. Надо было какъ можно скорѣе разобраться въ этомъ дѣлѣ.

Говорятъ, что крупныя событія въ народной жизни вписываются кровью въ скрижали исторіи. Закрытіе рядовъ было событіемъ и, вѣроятно, поэтому оно обошлось также не безъ крови: вскорѣ послѣ закрытія, старикъ-купецъ С—въ, одинъ изъ такихъ лавковладѣльцевъ, которые жили исключительно доходомъ съ лавки, сданной въ аренду, зарѣзался въ Архангельскомъ соборѣ, заказавъ и отслуживъ предварительно панихиду по себѣ...

По счастію для лавковладѣльцевъ и московской торговли, закрытіе рядовъ совершилось какъ разъ тогда, когда старшиною московскаго купечества оказался человѣкъ, способный не только распутать сложный рядскій вопросъ, но и посвятить ему многіе мѣсяцы неустаннаго, горячаго труда. Это былъ А. Г. Кольчугинъ. Результатъ извѣстенъ. Не смотря на притязанія городскаго самоуправленія, не смотря на всевозможныя интриги, по всѣмъ направленіямъ раздиравшія дѣло, оно стало наконецъ на надлежащую почву. Послѣ утвержденія устава акціонернаго общества верхнихъ рядовъ, быстро и оживленно пошло дѣло заявленій со стороны лавковладѣльцевъ объ уступкѣ своихъ владѣній обществу; когда количество заявленій достигло $^2/_3$ всего имущества, считая по доходности, общество осуществилось; а затѣмъ дальнѣйшая подписка продолжалась до 20-го августа, послѣ чего незаявившіе своего желанія объ уступкѣ владѣній обществу должны были примириться съ отчужденіемъ ихъ за извѣстное вознагражденіе въ пользу города при посредствѣ выработаннаго на этотъ счетъ плана, согласно размѣрамъ и доходности владѣній.

Трудно теперь точно сказать, сколько именно владѣній подлежатъ такому отчужденію; но ихъ не очень много. Выгоды уступки владѣній обществу такъ ясны, что подлежатъ отчужденію въ собственность города будутъ, конечно, владѣнія лишь тѣхъ лавковладѣльцевъ, которые не имѣютъ возможности въ данную минуту извернуться средствами и которымъ поневолѣ приходится лучше получить меньше, но

тотчасъ, чѣмъ ждать увеличенія доходности въ будущемъ. Конечно, кромѣ того, отчужденію будутъ подлежать владѣнія тѣхъ лавковладѣльцевъ, которые прямо изъ непонятнаго упорства не пожелали уступить ихъ обществу; но такихъ едва-ли можетъ оказаться много. Понятно, что, уступивъ мѣсто обществу, владѣлецъ имѣетъ полное основаніе быть увѣреннымъ въ постоянномъ возрастаніи доходности того, что онъ получитъ за свое владѣніе; московская торговля растетъ съ каждымъ годомъ и, несомнѣнно, новые ряды будутъ давать гораздо большій доходъ, чѣмъ сколько давали старые; отчужденіе же въ собственность города производится сообразно бывшему до сего доходу.

Итакъ, дѣло верхнихъ рядовъ рѣшено и почва для разрѣшенія вопроса о среднихъ и нижнихъ рядахъ сама собою готова. И составленіе устава, по образцу уже утвержденнаго, не представляетъ трудностей, да наконецъ и вся операція, разъ уже испробованная въ верхнихъ рядахъ, будетъ легче для остальныхъ рядовъ. А эти „остальные“ ряды, это нѣчто дѣйствительно грандіозное. Здѣсь такія цифры, которыя незнакомымъ съ дѣломъ любопытны.

Передъ нами докладъ комитета по веденію переустройства среднихъ рядовъ, докладъ тщательно изданный, съ подробными чертежами и вычисленіемъ доходностей, съ самой точной разработкой вопроса.

Торговыя помѣщенія въ рядахъ между Ильинкою и Варваркою расположены въ 25 корпусахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга проходами;

подъ строеніями занято	2.728,80 кв. саж.
„ проходами (частію надъ подвалами)	1.331,20 „ „
Всего подъ рядами	4.060 кв. саж.

Казалось бы, ничтожный клочекъ земли, менѣе чѣмъ въ двѣ десятины! И однако этотъ клочекъ опредѣляется въ 215.844 руб. годовой доходности. Въ немъ есть уголки, дающіе по 350 р. годоваго дохода на квадратную сажень земли, иначе говоря, уголки, землю которыхъ можно цѣнить въ 7.000 р. за квадратную сажень, считая пятипроцентную доходность; правда, что такихъ квадратныхъ саженъ въ площади среднихъ рядовъ немного, но въ верхнихъ рядахъ онѣ вовсе не рѣдкость, ибо доходность среднихъ рядовъ относится къ доходности рядовъ верхнихъ какъ 1 : 4.

Для среднихъ рядовъ докладъ рекомендуетъ зданія, проектированныя архитекторомъ г. Каминскимъ, работав-

шимъ совмѣстно съ комитетомъ; вопросовъ практическаго свойства, разумѣется, возникало много. Всѣхъ торговыхъ помѣщеній проектировано для среднихъ рядовъ 230 и расположены они уже не прежнимъ безобразнымъ способомъ, а въ видѣ стройнаго зданія, съ прекрасными фасадами, съ урегулированіемъ уличныхъ проѣздовъ и отвѣчая всѣмъ требованіямъ современной архитектуры, торговли и даже комфорта. Помѣщенія эти распредѣлены такъ:

По Ильинкѣ и Москворѣцкому проѣзду, считая отъ верхняго прохода изъ Хрустальнаго ряда и до большаго средняго проѣзда по Москворѣцкой улицѣ: 16 сквозныхъ амбаровъ въ 6.000 р. годовой платы	96.000	р.	дохода.
Тамъ же 12 половинчатыхъ амбаровъ въ 4.000 р. годовой платы.	48.000	„	„
Отъ большаго проѣзда по Москворѣцкой улицѣ до нижняго прохода по Хрустальному ряду съ Варварки: 10 сквозныхъ амбаровъ въ 5.000 р. годовой платы каждый .	50.000	„	„
Тамъ же 15 большихъ половинчатыхъ амбаровъ по 4.000 р.	60.000	„	„
По Хрустальному ряду: 17 сквозныхъ амбаровъ въ 4.000 р. годовой платы каждый	68.000	„	„
Тамъ же 8 половинчатыхъ амбаровъ по 2.000 р. каждый . . .	16.000	„	„
Во внутреннихъ корпусахъ съ пассажами: 46 амбаровъ съ палатками большихъ (15×7 аршинъ) по 3.000 р. годовой платы каждый .	138.000	„	„
Тамъ же 57 малыхъ амбаровъ съ палатками (9×6 арш.) въ 2.000 р. годовой платы	114.000	„	„

Во второмъ и третьемъ этажѣ проектируется:

По Ильинкѣ отъ верхняго прохода по Хрустальному ряду до верхняго прохода по Москворѣцкой улицѣ, въ каждомъ этажѣ, безъ стѣнъ, 223,80 кв. с. помѣщенія, а въ обоихъ этажахъ помѣщеніе 447,60 кв. с., цѣнимое въ . .	40.000	„	„

*

Отъ верхняго прохода на Москворѣцкой улицѣ до средняго проѣзда 322 кв. саж. помѣщенія въ	25.000	р.	дохода.
Отъ средняго проѣзда до нижняго прохода по Москворѣцкой улицѣ тоже въ	20.000	„	„
По Варваркѣ въ двухъ этажахъ 560 кв. с. помѣщенія въ	30.000	„	„
По Хрустальному ряду въ двухъ этажахъ 868 кв. с. помѣщенія въ.	30.000	„	„
Два огромные зала въ 6.000 р. дохода каждый	12.000	„	„
Подвальныя помѣщенія: трактиръ въ 112 кв. саж. и 114 амбаровъ всего на	51.000	„	„

Такимъ образомъ вся доходность проектированныхъ зданій новыхъ среднихъ рядовъ исчислена въ 798.000 р. И при этомъ надо замѣтить, что приведенные выше размѣры годовой платы отнюдь не могутъ быть названы преувеличенными. Напротивъ того: они вполнѣ скромны, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что современемъ они возрастутъ подъ давленіемъ естественнаго порядка вещей и подъ постояннымъ наплывомъ спроса при быстромъ ростѣ московской торговли. Для примѣра возьмемъ первые изъ перечисленныхъ амбаровъ, тѣ 16 сквозныхъ амбаровъ, что проектированы въ лучшемъ мѣстѣ рядовъ, въ нижнемъ этажѣ, по Ильинкѣ и Москворѣцкой улицѣ (противъ Покровскаго собора). Они значатся съ шеститысячной годовой платой. По мѣстонахожденію ихъ и по ихъ размѣрамъ это—совсѣмъ недорого; запроектированы они въ размѣрѣ 22 аршинъ длины при 8 аршинахъ ширины, т. е. въ 176 кв. аршинъ. За подобное торговое помѣщеніе, удобно устроенное, снабженное всевозможными приспособленіями, вполнѣ отвѣчающее современнымъ человѣческимъ и торговымъ потребностямъ, да еще въ такомъ мѣстѣ, охотно дадутъ 6.000 р. въ годъ, судя по тому, что теперешнія руины рядовъ даютъ въ томъ же мѣстѣ чуть не 500 р. дохода на кв. сажень земли, безобразно застроенной.

Стоимость всего сооруженія исчислена въ докладѣ такъ:

Разломка старыхъ зданій	45.508	р.
земляныя работы	125.550	„
каменныя работы	503.921	„

лѣпныя работы	133.390	р.
желѣзныя работы.	219.032	„
плотничныя и столярныя работы. .	172.495	„
печныя работы	248.530	„
штукатурныя работы	74.484	„
кровельныя и малярныя работы . .	48.957	„
водопроводныя и ватерклоз. работы.	65.600	„
стекла и приборы	162.834	„
вознагражденіе архитектора съ помощниками (4% со всей вышеприведенной суммы)	72.132	„
вознагражденіе десятниковъ . . .	8.100	„
На непредвидѣнные расходы 1% со всей суммы	18.835	„
Итого .	1.902.368	р.

При замѣнѣ сводовъ по желѣзнымъ балкамъ обыкновенными кирпичными сводами стоимость уменьшается на 57.000 р. и тогда все сооруженіе обойдется въ . . . . . 1.845.368 р.

И это-то сооруженіе будетъ давать 798.000 валоваго годоваго дохода! Нечего сказать: недурно! Есть за-что кланяться и благодарить тѣхъ, кто распуталъ вопросъ и поставилъ рядское дѣло въ положеніе стройнаго законченнаго цѣлаго съ почвой для дальнѣйшей, далеко менѣе сложной, работы. Насколько великъ этотъ доходъ по сравненіи съ тѣмъ, что собственно требуется для составленія потребнаго для дѣла капитала, видно и изъ того, что въ самомъ же докладѣ мы находимъ такія цифры:

При капитализаціи изъ 4% основной капиталъ опредѣляется въ 5.750.000 р., и расходы по дѣлу выразятся въ слѣдующихъ данныхъ:

Стоимость сооруженій	1.850.000	р.
6% съ облигаціоннаго капитала въ 2.875.000 р. за годъ постройки	172.000	„
10% потери на курсъ	287.500	„
5% съ 5.750.000 р. на переводъ имущества.	287.500	„
Остатокъ на непредвидѣнные расходы . .	277.500	„
Итого . .	2.875.000	р.

По постройкѣ зданій необходимы будутъ расходы:

6% съ облигаціоннаго капитала (даже принимая изъ осторожности полную сумму).	172.500	р.
4% съ 1.850.000 р. (стоимость зданій) на		

расходы по содержанію зданій, налоги, страховка и пр.	74.000 р.
Итого въ годъ.	246.500 р.
Чтобы получить 5% на весь капиталъ (составившійся между прочимъ путемъ капитализаціи дохода изъ 4%), т. е. на 5.750.000 р.	287.500 р.
Итого необходимый доходъ.	534.000 р.

Исчисленъ же онъ въ 798.000 р. Выходитъ, что одна треть исчисленнаго дохода есть уже прямой излишекъ противъ необходимаго, при всѣхъ натяжкахъ, такъ что всякое помѣщеніе проектированныхъ зданій можно понизить по части доходности съ 1.000 р. на 666 р. Иначе говоря, амбары, обозначенные въ 6.000 р. годовой платы, можно сдавать коль угодно по 4.000 р.—убытка не будетъ, такъ какъ этой арендной платой предпріятіе со всѣми его потребностями покрывается сполна. И все это только средніе ряды! Къ верхнимъ рядамъ они относятся въ смыслѣ бойкости, опять таки повторяемъ, какъ 1:4. Что же дѣлается въ верхнихъ рядахъ по части торговли, какимъ горячимъ ключомъ въ нихъ бьетъ торговая жизнь Москвы, нетрудно себѣ представить по этому образцу.

Да, и въ однихъ ли рядахъ бьетъ эта жизнь ключомъ! Разъ, что ужь зашла рѣчь о московской торговлѣ, нельзя ограничиться одними рядами, надо поговорить и о другихъ торговыхъ центрахъ. Начнемъ съ пассажей.

Первое мѣсто занимаетъ между ними безспорно пассажъ Солодовникова. Не потому, что онъ лучше другихъ,—какъ зданіе онъ напротивъ много уступаетъ другимъ пассажамъ—не потому, что магазины его просторнѣе, свѣтлѣе, удобнѣе магазиновъ другихъ пассажей—и этого отнюдь нѣтъ, а по причинамъ, въ сущности невѣдомымъ, онъ занимаетъ первое мѣсто между пассажами. Да еще какъ занимаетъ-то! Въ то время, когда торговля въ иныхъ пассажахъ идетъ, что называется, „ни шатко, ни валко“, въ Солодовниковскомъ пассажѣ—вѣчная толпа народа; результатъ понятенъ! Помѣщенія пассажа, множество сосредоточенныхъ въ немъ магазиновъ, стоятъ не менѣе чѣмъ вчетверо противъ такихъ же помѣщеній въ другихъ пассажахъ, и тѣмъ не менѣе торговцы держатся за нихъ обѣими руками. Когда весь пассажъ, выстроенный по прежнему грѣховному по этой части времени, совершенно вопреки законоположеніямъ, безъ вся-

кихъ брандмауэровъ, съ деревянными перегородками и пр. сгорѣлъ до тла; торговцы изъ него поневолѣ выселились въ другіе пассажи; но едва онъ былъ отстроенъ, всѣ магазины, не смотря на всю ихъ сравнительную дороговизну, мигомъ были расхватаны, и купцы, ушедшіе было торговать въ другіе центры, снова засѣли въ пассажѣ Солодовникова. Объяснить это можно было бы, пожалуй, мѣстонахожденіемъ пассажа, этими тремя самыми бойкими улицами, на которыя онъ выходитъ (Кузнецкій мостъ, Петровка и Неглинная); но такое объясненіе едва-ли было бы вѣрно: Александровскій пассажъ и Голофтѣевская галлерея (тоже пассажъ) находятся рядомъ и тѣмъ не менѣе роль ихъ въ торговомъ дѣлѣ — роль второстепенная по сравненію съ значеніемъ Солодовниковскаго пассажа. Едва-ли мы много ошибемся, сказавъ, что зданіе пассажа даетъ дохода до четверти милліона! То же нѣкоторымъ образомъ доходъ въ родѣ только-что приведеннаго дохода будущихъ среднихъ рядовъ, потому что самая постройка пассажа едва-ли обошлась въ полтора милліона рублей. Вѣрнѣе будетъ предположить, что исключительная популярность Солодовниковскаго пассажа есть вовсе не результатъ его мѣстонахожденія, а результатъ просто привычки москвичей; пассажъ существовалъ тогда, когда другихъ еще не было—этого уже достаточно; москвичи по этой части—народъ консервативный: ходили въ пассажъ, когда онъ былъ рѣдкостью своего рода—ходятъ въ него и теперь, несмотря на то, что пассажей развелось много.

Кромѣ Солодовниковскаго пассажа, торгующаго на славу, имѣются еще: Александровскій пассажъ (на Неглинной), Голофтѣевскій (Неглинная-Петровка), Поповскій (Кузнецкій мостъ - Софійка), Лубянскій Алексѣевскій (Лубянская площадь - Софійка - Театральный проѣздъ) и Постниковскій (Тверская). Все это составляетъ множество магазиновъ, торговля которыхъ, взятая въ цѣломъ, изображаетъ собою огромную цифру. Изъ названныхъ слабѣе всѣхъ дѣла идутъ въ Постниковскомъ пассажѣ. Оттого ли, что онъ помѣщается въ „непривычномъ“ мѣстѣ, на Тверской, совершенно въ сторонѣ отъ остальныхъ пассажей, скученныхъ въ одномъ центрѣ, оттого ли просто, что онъ—еще новый пассажъ, не успѣвшій сдѣлаться облюбованнымъ вмѣстилищемъ купли-продажи, но только торгуютъ въ немъ плохо; единственно въ немъ торговцы жалуются на положительную вялость дѣла. Между тѣмъ выстроенъ онъ совсѣмъ на славу: отличныя помѣщенія, много свѣта, все очень изящно и при этомъ цѣны на магазины не высоки...

Конечно, торговые ряды и пассажи—важнѣйшіе торговые центры, но и кромѣ нихъ имѣется въ Москвѣ цѣлая громада торговли; это магазинная торговля главнѣйшихъ улицъ. Перечислить такія „главнѣйшія“ улицы Бѣлокаменной значило бы назвать ихъ цѣлые десятки; достаточно сказать, что между отдѣльными магазинами имѣются такіе Ноевы ковчеги, въ которыхъ человѣкъ, зашедшій купить калоши, покупаетъ нечаянно шляпу, захвативъ кстати дюжину носовыхъ платковъ и пару галстуковъ прямо лишь потому, что онъ имѣлъ неосторожность заплутаться, слишкомъ углубившись въ магазинъ. Таковъ, напр., огромный магазинъ Мюри и Мерилиза, передъ подъѣздами котораго вѣчно стоитъ цѣлая вереница экипажей, владѣльцы которыхъ плутаютъ по безконечнымъ отдѣленіямъ трехъ-этажнаго ковчега-магазина. Да и одинъ ли этотъ магазинъ таковъ!

Что представляетъ довольно печальную сторону уличномагазинной торговли, это тотъ фактъ, что съ каждымъ годомъ все большее и большее количество уличныхъ (не пассажныхъ и не рядскихъ) магазиновъ въ Москвѣ попадаетъ въ руки торговцевъ евреевъ. Но ужь противъ этого ничего не подѣлаешь, какъ извѣстно! Тамъ, гдѣ еврей задался мыслью присосаться покрѣпче—онъ этого достигнетъ, какія ни издавайте на этотъ счетъ законоположенія. Если нельзя „основаться“ въ Москвѣ въ открытую, еврей ухитрится устроиться такъ, что и законъ будетъ соблюденъ, и самъ онъ получитъ желаемое. Нельзя торговать на свое имя—будетъ торговать на имя другаго; въ случаѣ, если и этого почему-нибудь нельзя,—пожалуй въ христіанство можно перейти. Для торговаго дѣла все можно. Лишь бы „гешефтъ“ обладить, а остальное—пустяки.

Неугодно ли, напр., взглянуть, чѣмъ занимаются евреи, попавшіе въ число хористовъ русской оперы?

Начать съ того, что человѣкъ не имѣетъ права проживать въ Москвѣ. Чтобъ получить это право, онъ дѣлается хористомъ частной или казенной оперы—профессія въ высшей мѣрѣ безобидная и дозволенная. Но не ради же хороваго пѣнія въ самомъ дѣлѣ стоитъ жить въ Бѣлокаменной! Еврей это понимаетъ очень хорошо и устраиваетъ дѣло такъ: служа хористомъ, онъ занимается ростовщичествомъ; тутъ же, подъ руками, на сценѣ, имѣется не мало людей, которымъ, сколько ни давай жалованья, деньги будутъ вѣчно надобиться, потому что натуры у людей этихъ широкія, артистическія. А разъ что деньги имъ вѣчно надобятся, то у кого же ихъ достать, если не у своего человѣка—хориста?

„Свой человѣкъ“ даетъ ихъ охотно и подъ векселя, и подъ закладъ, даетъ, взимая какіе-нибудь 3—4 процента въ мѣсяцъ. Иногда, конечно, взимается и больше, но что такое представляютъ собою 10—20 лишнихъ рублей для артиста, получающаго жалованье тысячами и въ данную минуту нуждающагося въ сотнѣ-другой рублей...

Неудобно немного на сценѣ, во время репетицій, заниматься подобными дѣлами! И это можно устранить...

Еврей открываетъ на чужое имя табачный магазинъ и вотъ тамъ-то и орудуются всевозможныя сдѣлки. Туда приходятъ алчущіе и жаждущіе, тамъ они выдаютъ векселя, туда же, вѣроятно, приносятъ проценты и т. д...

Всѣмъ и удобно, и покойно, и, главное, выгодно! Артистъ знаетъ, что, въ случаѣ чего, онъ всегда добудетъ деньжонокъ; еврей-хористъ знаетъ, что онъ артистическую братію держитъ въ рукахъ и что деньги его, хотя бы и данныя подъ вексель, пропасть не могутъ; а театральное начальство... начальство обо всемъ этомъ, конечно, тоже знаетъ—ему на это печать указывала не однажды, да еще со всевозможными подробностями—да ему что-за дѣло. Не подъ опеку же ему брать взрослыхъ людей! Хочешь разоряться, путаясь въ жидовскихъ векселяхъ,—разоряйся! Мѣшать никто не будетъ.

Существуютъ на свѣтѣ предпріятія, жизненная карьера которыхъ начинается съ великимъ шумомъ и проходитъ, внимательно созерцаемая со всѣхъ сторонъ; о предпріятіяхъ этихъ говорятъ и пишутъ, отъ нихъ ждутъ чего-то грандіознаго, но очень часто дѣло кончается ничѣмъ; мало-помалу сходитъ оно на нуль; отъ массы надеждъ остаются ничтожные результаты и афера лопается иногда съ трескомъ, достойнымъ ея шумнаго начала, а иногда тихо и мирно, вполнѣ ускользая отъ общественнаго вниманія. А бываетъ и наоборотъ. Предпріятіе, носящее въ зародышѣ своемъ хорошую будущность, проходитъ свой жизненный путь до того скромно и безшумно, что о немъ молчатъ даже мѣстные органы печати; между тѣмъ оно ростетъ и крѣпнетъ, медленно, но вполнѣ осязательно, и мало-по-малу охватываетъ собою нѣчто изрядно-широкое, нѣчто вполнѣ гарантирующее его будущность. Таково развернувшееся на нашихъ глазахъ, можно сказать, изъ ничего, предпріятіе товарищества москворѣцкаго пароходства, десятилѣтній отчетъ котораго въ настоящее время лежитъ передъ нами.

Москва-рѣка и пароходство! Казалось бы, что тутъ есть

общаго? О Москвѣ-рѣкѣ принято говорить не иначе, какъ о злополучной рѣченькѣ, на берегахъ которой, по неисповѣдимымъ велѣніямъ судьбы, раскинутъ громадный городъ, растущій не по днямъ, а по часамъ, какъ о рѣченькѣ всячески загвазданной, составляющей истинное наказаніе обширной столицы. Многіе отлично знаютъ, что Москву-рѣку во многихъ мѣстахъ можно перейти въ бродъ, что она не богата рыбою и что за ней есть только одно хорошее качество—красивые берега; нѣкоторымъ извѣстно, что на рѣченькѣ этой имѣются какія-то плотины, но зачѣмъ онѣ сооружены, никто не спрашиваетъ. Ничтожное количество людей знаетъ, что на рѣкѣ есть шлюзы для пропуска судовъ, но что на этихъ судахъ отправляется, какія это суда, куда и откуда они направляются, объ этомъ не только никто не говоритъ, но даже и не думаетъ.

И вотъ на этой-то рѣченькѣ, десять лѣтъ тому назадъ начало работать товарищество москворѣцкаго пароходства, въ настоящемъ отчетѣ котораго сведены итоги десятилѣтней его дѣятельности, съ цифрами и данными которой мы хотимъ познакомить читателя, что̀ даже будетъ имѣть до извѣстной степени значеніе выполненія обѣщаннаго въ прошлой хроникѣ. Такимъ образомъ на сей разъ мы возьмемъ торговое дѣло Москвы въ томъ его проявленіи, о которомъ никогда еще не велась рѣчь со стороны москворѣцкаго торговаго пути.

Оказывается, что за 10 лѣтъ—съ 1878 г. по 1888 г.—по Москвѣ-рѣкѣ, чрезъ шлюзы товарищества, прошло грузовъ:

1-ой категоріи	(рогожный товаръ, ободья для колесъ, порожнія бочки, желѣзныя и вообще металлическія издѣлія, глиняныя и стеклянныя издѣлія)	3.404.313 пуд.
2-ой категоріи	(хлѣбные товары, соль и живая рыба)	6.992.992 „
3-ей категоріи	(дрова, бутъ, тесаный камень, сѣно, лѣсные матеріалы, кирпичъ, малье и трость, алебастръ и мѣлъ, жернова и бруски, старое желѣзо и стекло, хворостъ и коры) . . .	86.182.781 „
4-ой категоріи	(каменный уголь, нефть, коксъ, торфъ)	1.418.858 „
	А всего въ пудахъ .	97.998.944 пуда.

И сверхъ того лѣса въ плотахъ прошло, считая поштучно . . . . . 1.054.452 шт.

Это ли не цифры? Кто бы могъ ожидать чего-нибудь подобнаго отъ Москвы-рѣки, снискавшей въ общественномъ мнѣніи полнѣйшее презрѣніе къ своимъ мутнымъ волнамъ, пробѣгающимъ мимо кремлевскихъ стѣнъ въ видѣ какого-то бульона, по воспринятіи всего вносимаго въ нихъ пресловутымъ Неглинным каналомъ! Эти многіе милліоны пудовъ прошли по рѣкѣ, черезъ шлюзы скромнаго товарищества, взявшаго съ нихъ извѣстную ленту. Первое мѣсто среди грузовъ занимаетъ сѣно, котораго прошло за 10 лѣтъ 28.992.091 пудъ. 10 лѣтъ тому назадъ дѣло началось съ двухъ милліоновъ въ годъ, а въ 1887 г. и въ 1886 г. количество его уже превышало три съ половиною милліона. За сѣномъ слѣдуютъ дрова (25.866.188 пуд.) и бутъ съ тесанымъ камнемъ (22.177.514 п.), далѣе хлѣбный товаръ, котораго прошло 5.877.449½ пудовъ. Насколько въ этой отрасли грузовъ великъ ростъ, можно судить изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1880 г. хлѣбныхъ товаровъ прошло 190.815 пудовъ; въ 1885 г.—538.035 пуд.; въ 1886 г.—811.106 пуд.; а въ 1887 г.—уже 1.053.862 п. За восемь лѣтъ провозъ увеличился почти вдесятеро.

Среднее разстояніе, проходимое грузами въ баркахъ, составляетъ 129 верстъ, т. е. болѣе трехъ четвертей всего пути между Москвою и Коломною (районъ дѣятельности товарищества); плоты же въ среднемъ проходили лишь 76 верстъ, т. е. менѣе половины этого пути.

Тарифъ, установленный товариществомъ, очень не высокъ: для грузовъ 1-ой категоріи (продукты обработанные), онъ составляетъ $^1/_{100}$ копѣйки съ пудо-версты; для грузовъ 2-ой категоріи—$^1/_{130}$ к.; для грузовъ 3-ей категоріи—$^1/_{16}$ к., и для грузовъ 4-ой категоріи—$^1/_{330}$ к. съ пудо-версты. Съ бревенъ берется по $^1/_{20}$ к. съ бревна и версты, а съ балокъ по 16½. И однако эти крохотныя доли копѣйки составили въ цѣломъ нѣчто изрядное: валовой доходъ товарищества, начавшійся съ 90 тысячъ рублей и дошедшій къ 1887 году почти до 120 тысячъ рублей, за все десятилѣтіе существованія предпріятія значительно превысилъ милліонъ. За два послѣдніе года, за вычетомъ всѣхъ расходовъ по эксплоатаціи (общіе административные расходы, управленіе плотинами, шлюзами и содержаніе ихъ, содержаніе и ремонтъ пароходовъ) чистая прибыль выразилась въ цифрѣ девяноста слишкомъ тысячъ

рублей, тогда какъ въ первый годъ существованія товарищества въ результатѣ его операцій былъ убытокъ почти въ 20 тысячъ рублей. Послѣдній разъ цифра убытка фигурировала въ 1880 г., а съ тѣхъ поръ чистая прибыль, начавшись съ двадцати тысячъ, возрастала постепенно, давъ въ результатѣ за десять лѣтъ, даже считая съ прежними убытками, около двухсотъ тысячъ р. Послѣдній годъ далъ 34% чистой прибыли при 66% валоваго дохода, поглащеннаго расходами; а это уже нѣчто подающее надежды въ будущемъ.

Но постепенное возрастаніе количества грузовъ, проходящихъ чрезъ шлюзы товарищества, далеко не есть единственное, что составляло бы надежды предпріятія. Есть и еще отрасли, обѣщающія дать товариществу новые источники дохода. Во-первыхъ, правленіе товарищества возбудило ходатайство въ министерствѣ путей сообщенія о предоставленіи товариществу права располагать по своему усмотрѣнію водяною силою, образуемою подпоромъ плотинъ на Москвѣ-рѣкѣ. Живая сила воды такимъ образомъ можетъ сдѣлаться источникомъ серьезнаго дохода, когда министерство удовлетворитъ возбужденное ходатайство—а неудовлетворить его тѣмъ меньше основаній, что вѣдь товарищество то и содержитъ эти плотины. Теперь сила эта расходуется непроизводительно, а можетъ быть и иначе; мы знаемъ, напр., что правленію уже было сдѣлано предложеніе уступить водяную силу трехъ ближайшихъ къ Москвѣ плотинъ для передачи ея въ городъ съ цѣлью примѣненія этой силы къ электрическому освѣщенію. Даже и самое-то ходатайство правленія именно вызвано этимъ предложеніемъ. Водяная сила въ примѣненіи къ электрическому освѣщенію есть многоцѣлебный двигатель, значительно понижающій стоимость эксплоатаціи машинъ, работающихъ для освѣщенія; поэтому нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что новый источникъ дохода можетъ представить собою нѣчто весьма серьезное, такъ какъ, конечно, правленіе товарищества, сдавъ въ арендное пользованіе водяную силу, сумѣетъ обезпечить правильность и безостановочность судоходства отъ всякихъ случайностей.

Другой источникъ—содѣйствіе судопромышленникамъ, которое могло бы выразиться въ томъ, чтобъ товарищество явилось посредникомъ въ видѣ ссудъ подъ приведенные въ Москву рѣчнымъ путемъ товары. Отсутствіе оборотныхъ средствъ у значительнаго большинства судопромышленниковъ весьма стѣсняетъ ихъ дѣятельность и часто ставитъ положительныя преграды развитію ихъ операцій. Еслибы

товарохозяева и судопромышленники располагали дешевымъ кредитомъ подъ свой товаръ, то дѣло могло бы пойти гораздо шире, чѣмъ оно идетъ теперь. Въ прежнее время, когда система варрантовъ не имѣла у насъ полнаго права гражданства, о такомъ источникѣ расширенія операцій товарищества не могло быть рѣчи, но теперь, когда подобный путь кредита узаконенъ, товариществу положительно слѣдуетъ озаботиться вступленіемъ въ соглашеніе съ какими-нибудь мѣстными банками относительно открытія кредита судохозяевамъ и товароотправителямъ подъ перевозимые товары на основаніи пропускныхъ билетовъ, выдаваемыхъ правленіемъ товарищества и опредѣляющихъ родъ и количество груза.

Прійдя этимъ способомъ на помощь своимъ кліентамъ, товарищество не только сотворило бы благо для нихъ, но и для себя создало бы источникъ увеличенія дохода; тѣмъ болѣе, что, расширивъ операцію, оно могло бы еще понизить тирифъ, а пониженіе тарифа само собою повлекло бы естественное въ данномъ случаѣ развитіе дѣла.

Но едва-ли существуетъ въ Москвѣ другое предпріятіе, дѣла котораго шли бы столь блестяще, какъ дѣла скаковаго общества. Посѣтителей на скачкахъ въ теченіе всего скаковаго сезона бываетъ несовмѣстимое множество; новыя, огромныя трибуны постоянно ломятся отъ толпы, ихъ наводняющей; конки 1-го общества, линія котораго подвозитъ массу посѣтителей къ проѣзду, ведущему на скачки, работаетъ въ дни скачекъ такъ, что огромные барыши этихъ дней, даже будучи разбавлены плохими сравнительно заработками другихъ дней, составляютъ крупную среднюю прибыль. Словомъ, дѣло процвѣтаетъ въ полной мѣрѣ. Въ позапрошломъ году оно уже давало игрою на скачкахъ тысячъ двѣсти дохода; въ прошломъ году доходъ этотъ возросъ чуть не вдвое, а въ текущемъ году онъ и еще увеличится и увеличится навѣрное сильно. И все это—и блестящее положеніе дѣла, и прекрасныя новыя трибуны, и огромный чистый доходъ—создала игра москвичей, за послѣдніе годы ужасно разазартившихся и играющихъ во всю мочь. Какъ оно есть во всѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ люди играютъ, въ вѣрномъ выигрышѣ остается одно учрежденіе; доходъ отъ игры, эти 10%, получаемые обществомъ, составляютъ уже теперь навѣрное не менѣе полумилліона рублей въ годъ, и слѣдовательно игра вращается въ теченіе сезона въ предѣлахъ пяти милліоновъ рублей. Люди играютъ и играютъ! Объ томъ, чтобъ кто-нибудь въ результатѣ лѣтней

игры остался въ сильномъ выигрышѣ, что-то не слышно, хотя такихъ, которые въ два-три года разстроили свои дѣла игрою на скачкахъ, имѣется, вѣроятно, не мало. А общество сбираетъ себѣ да сбираетъ свою вѣрную „лепту“, успѣвшую за послѣдніе годы обратиться въ сотни тысячъ рублей прибыли.

И кто только не играетъ на скачкахъ? Дачники Петровскаго парка и прилегающихъ окрестностей, мирно проживающіе на дачахъ, сѣтуютъ на то, что даже мужская прислуга дѣлается иногда совершенно невозможною, до того этотъ народъ тянетъ постоянно на скачки и до того азартно играетъ онъ тамъ. Прежде люди пропивали часть своего жалованья и своихъ „на-чаевъ“, теперь они несутъ все жалованье и всѣ „на-чаи“ на скачки, въ надеждѣ выиграть тамъ кучу денегъ.

Играютъ и старики, и люди средняго возраста, и юнцы. Играютъ даже птенцы, у которыхъ молоко на губахъ не обсохло, и которые еще недалеко ушли въ изученіи латинскихъ и греческихъ классиковъ. Послѣдніе—т. е. не латинскіе и греческіе классики, а изучающіе ихъ птенцы—конечно, не самолично вносятъ деньги въ кассы тотализаторовъ—этого имъ не позволяется,—а находятъ себѣ услужливыхъ взрослыхъ, которые или берутъ для нихъ билеты, или играютъ съ ними въ складчину, а иногда такъ и просто надуваютъ ихъ, отобравъ у нихъ деньги и скрывшись съ ними. Хищническое стремленіе завладѣть чужими деньгами при посредствѣ способа, дозволеннаго, къ сожалѣнію, закономъ, хотя и далеко не очень нравственнаго, развилось въ москвичахъ, благодаря скачкамъ, до невѣроятности. Такъ всякій и норовитъ, какъ бы ограбить сосѣда! Людей, которые интересуются самими скачками, лошадьми, ихъ достоинствами, тѣмъ, какъ онѣ скачутъ и какой онѣ имѣютъ видъ, почти не осталось; взамѣнъ ихъ явилась новая порода людей, для которыхъ скачки есть игра, и кто тамъ скачетъ, куда и зачѣмъ—все это праздные и неинтересные вопросы. И еще идетъ ли дѣло на чистоту? Господь его вѣдаетъ! Конечно, само общество заработываетъ свой громадный барышъ безъ всякихъ шашней, но вѣдь дѣло не въ немъ одномъ. Есть еще ѣздоки, отъ которыхъ многое зависитъ въ данномъ случаѣ. Вполнѣ ли всѣ они безупречны? Кто отвѣтитъ на этотъ вопросъ? Иногда скаковыя побѣды бываютъ неожиданны и крайне чудодѣйственны, и тогда невѣдомые счастливцы выигрываютъ кучу рублей на каждый внесенный рубль. Точно ли такія чудодѣйственныя побѣды совершаются при вполнѣ нормальныхъ условіяхъ

и при совершенно добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу самихъ ѣздоковъ? Какъ тутъ доберешься до истины?

Спрашивается теперь: стоитъ ли все дѣло выводки хорошей породы лошадей того, чтобъ изъ-за этого портилась людская порода? Стоитъ ли оно того, чтобъ дѣло процвѣтало насчетъ развитія въ людяхъ безнравственной черты—страсти къ азартной игрѣ? И что же, наконецъ, такое—дѣло скачекъ? Есть ли это спортъ, или стремленіе къ наживѣ? Если оно есть *только* спортъ, то почему же съ каждымъ годомъ увеличивается въ скаковыхъ дняхъ количество скачекъ и вмѣсто трехъ-четырехъ скачекъ дѣлается ихъ пять-шесть-семь въ скаковомъ днѣ, благодаря чему шансы игры развиваются все больше и больше?

Всѣ эти вопросы стоютъ обсужденія, а пока да благо будетъ тѣмъ, кто къ лошадямъ относится какъ къ животнымъ, представляющимъ собою симпатичное средство людскаго передвиженія, или кто ходитъ на скачки съ единственной цѣлью удовлетворять свою любовь къ лошадиной породѣ созерцаніемъ прекрасныхъ, статистыхъ, граціозныхъ животныхъ. Очень жаль, что такихъ людей немного и было бы весьма пріятно убѣдиться въ томъ, что хоть сами-то заводчики, выхаживающіе первоклассныхъ скакуновъ, дѣлаютъ это только ради любви къ занятіямъ по части развитія лошадей хорошей породы, а отнюдь не съ игрецкими цѣлями. Кстати сказать: хорошо еще, что людскіе бѣга мало-по-малу вывелись въ Москвѣ изъ моды! Въ одно время можно было опасаться того, что и изъ этой безпардонной бѣготни на призы создастся своего рода спортъ съ тотализаторами, азартной игрой и законнымъ вытаскиваньемъ другъ у друга денегъ изъ кармана.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Повинная террориста. — Народническія чудачества. — Нашъ хлѣбный отпускъ, вексельный курсъ и ссуды подъ хлѣбъ.—Неудачи крестьянскаго банка.—Пріостановка дѣятельности Череповецкаго земства.—Обская желѣзная дорога.

Въ Петербургѣ много говорятъ о вышедшей на дняхъ въ Парижѣ брошюрѣ нѣкоего Льва Тихомирова: „Почему я пересталъ быть революціонеромъ?“ Имя автора брошюры, опозоренное гнуснѣйшими преступленіями, небезъизвѣстно русскому обществу, благодаря разоблаченіямъ самихъ же „революціонеровъ“. Не мѣшаетъ напомнить забывчивымъ, что это за человѣкъ. Совѣщаніемъ цареубійцъ на Липецкомъ съѣздѣ (лѣтомъ 1879 г.) было рѣшено предпринять новое покушеніе на жизнь Государя Императора, но уже не тѣмъ способомъ, какъ 2 апрѣля, а при помощи динамита; въ числѣ главныхъ злоумышленниковъ называли и Льва Александрова Тихомирова, бывшаго студента с.-петербургскаго университета, который судился по извѣстному дѣлу 193-хъ и, будучи отданъ подъ надзоръ полиціи, скрылся. На съѣздѣ дана была правильная организація „террористической фракціи“, при чемъ для управленія дѣлами образованы были распорядительная коммисія и исполнительный комитетъ. Распорядительная коммисія обязана была знать все совершающееся не только въ террористическомъ движеніи, но и во всей революціонной средѣ; на нее же возложено было изысканіе средствъ къ выполненію преступныхъ замысловъ. Напротивъ, члены исполнительнаго комитета являлись исключительно активными дѣятелями, непосредственными участниками задуманныхъ преступленій. Не смотря на то, что распорядительная коммисія была, такимъ образомъ, высшей инстанціей, Левъ Тихомировъ сильно

протестовалъ, когда его избрали въ члены коммисіи (такихъ членовъ было три, но вскорѣ остался одинъ Тихомировъ); онъ желалъ быть „активнымъ дѣятелемъ", т. е. не замышлять убійства и править дѣлами шайки, а самому убивать. Звѣрскіе инстинкты этого нравственнаго урода стяжали ему прозвище „Тигрыча"; подъ этимъ прозвищемъ онъ извѣстенъ былъ между своими какъ вдохновитель подполья, послѣ каждаго погрома шайки принимавшійся за свое преступное дѣло съ усиленнымъ рвеніемъ. Онъ же былъ и главнымъ редакторомъ подпольнаго листка „Народная Воля"[1]). Возмутительнымъ кощунствомъ отдаютъ слова этого нравственно-атрофированнаго или „кастрированнаго", какъ онъ самъ выражается, человѣка, когда онъ говоритъ, что „вѣрой и правдой, по совѣсти и убѣжденію" прослужилъ „партіи" почти до конца 1880 года. Весь 1881 годъ онъ пережилъ уже съ чисто формальной „вѣрностью знамени" и затѣмъ уѣхалъ изъ Россіи (т. е. бѣжалъ заграницу, успѣвъ отвести бдительность сторожившей его въ Москвѣ полиціи), съ согласія товарищей, но безъ всякихъ порученій, и вообще совершенно свободный, предупредивъ, что ѣдетъ на неопредѣленно долгое время. Поселившись заграницей, онъ намѣревался писать только свои воспоминанія о пережитомъ, но, поддавшись „рутинному долгу", заѣдающей кружковщинѣ, и „кастрировавъ свои умственныя способности", сталъ писать панегирики въ честь погибшихъ героевъ революціи, издавать (въ компаніи) революціонные календари и „Вѣстникъ Народной Воли". Ему будто бы противно вспомнить объ этомъ времени. Предпріятіе Германа Лопатина съ товарищами дало ему новое предостереженіе (!); онъ видѣлъ, что они дѣлали не то, что нужно. Что именно нужно—этого онъ „не могъ *почуять* изъ заграницы", но настоятельно совѣтывалъ Лопатину искать „новыхъ путей", а затѣмъ „письменно отнялъ у него право" пользоваться его (Тихомирова) именемъ; наконецъ, въ 1886 году онъ сталъ вести дневникъ, изъ котораго приводитъ слѣдующія выдержки: „Я окончательно убѣдился, что революціонная Россія (!) въ смыслѣ серьезной, сознательной силы—не существуетъ... Революціонеры есть, они шевелятся и будутъ шевелиться, но это не буря, а рябь на поверхности моря... Они способны только рабски повторять примѣры... Они не понимаютъ (*не перенимаютъ?*) даже и у старцевъ ничего кромѣ внѣшно-

[1]) Вторымъ редакторомъ избранъ Николай Морозовъ, соучастникъ Тихомирова по дѣлу 193-хъ.

сти, техники (хороша эта техника!). Конечно, это не мѣшаетъ имъ быть хорошими людьми (!), но въ политикѣ (!!) этого мало... Отнынѣ нужно всего ждать лишь отъ Россіи, отъ русскаго народа, почти ничего не ожидая отъ революціонеровъ". Отсюда дѣлался такой выводъ: „жизнь свою долженъ (я) устроить такъ, чтобы имѣть возможность служить Россіи такъ, какъ подскажетъ мнѣ мое чутье (sic) независимо ни отъ какихъ партій".—Что-за языкъ! что-за низменность понятій! Не сознаніе долга—а чутье. И такой человѣкъ хочетъ еще служить Россіи...

Что такой человѣкъ признаетъ наши права на существованіе—этому такъ обрадовались, что въ восторгѣ находятъ даже брошюру его чрезвычайно талантливою и замѣчательною. Брошюра эта, если читать ее безъ унизительнаго восторга передъ „интереснымъ" убійцей,—просто сводъ самыхъ обыкновенныхъ общихъ мѣстъ, которыя можно встрѣтить, только лучше изложенныя, въ любомъ нашемъ листкѣ.

Покаялся! Отказался отъ революціи!

— Да, покаялся! Какое отрадное явленіе!—кричатъ всякіе наши совѣтники, готовые, кажется, сейчасъ же заклать упитаннаго тельца и предаться возліяніямъ на радостяхъ, что блудный сынъ возвращается въ домъ отчій.

Позвольте: въ чемъ покаялся, почему покаялся?

Васъ радуетъ, что Тихомировъ, убивъ великодушнѣйшаго изъ царей Россіи, (а убилъ его *онъ*, потому что не только руководилъ цѣлымъ рядомъ заговоровъ, но и доставилъ средства убійцамъ и воспиталъ убійцъ), совершивъ это гнусное злодѣяніе въ видѣ *опыта*, какъ самъ же онъ говоритъ, и убѣдившись затѣмъ, что изъ этого опыта ничего путнаго „для революціи" не вышло, признаетъ народную Россію, которая всегда готова проломить голову „освободителямъ отъ вѣнца самодержавія",—признаетъ, что русскій самодержавный царь не похищалъ своей власти, что онъ получилъ ее отъ торжественно избранныхъ предковъ и что наслѣдственныхъ самодержцевъ нельзя *третировать*, „какъ позволительно третировать какого-нибудь узурпатора".

Въ награду за покаяніе такого содержанія, такой формы и по такимъ поводамъ, общественная совѣсть не задумалась бы отправить злодѣя на висѣлицу. Возбуждаетъ всеобщее презрѣніе такой покаянный грѣшникъ, который отвращается отъ преступной дѣятельности не потому, что она гнусна, что отъ нея оттолкнуло его пробудившееся въ глубинѣ души нравственное чувство и сознаніе гражданскаго долга, а потому, что послѣ злодѣйскаго *опыта* „масса народа и даже

общества (кланяйтесь, господа!) ясно показали, что революціонеры могутъ погибать хоть поголовно, а помощи отъ страны не получатъ". Умно, что и говорить! Шулеръ перестаетъ передергивать карты, когда замѣтилъ, что съ его рукъ не спускаютъ глазъ и держатъ наготовѣ бутылку и шандалъ.

„Старая организація", т. е. шайки политическихъ убійцъ (возведенныя нашимъ прокурорскимъ надзоромъ въ званіе „соціально-революціонной партіи") переловлены и перебиты, свидѣтельствуетъ Тихомировъ. По его же наблюденію, политическія убійства приводили правительство въ нѣкоторое разстройство лишь до тѣхъ поръ, пока оно думало, что передъ нимъ какая-то грозная сила, но разъ убѣдившись, что это ничтожная горсть, которая потому и занимается политическими убійствами, что не имѣетъ силы на что-нибудь серьезно опасное, правительство усвоило твердую систему и идетъ своимъ путемъ совершенно безъ колебаній. Странно было бы думать, что оно станетъ уступать изъ страха. „Во-первыхъ, это было бы слишкомъ малодушно, во-вторыхъ— подготовляло бы слишкомъ много опасности въ будущемъ. Сегодня изъ страха смерти изволь уступать соціалистамъ, а завтра, видя это, крѣпостники (!), съ такими же угрозами, потребуютъ уступокъ имъ, а послѣ завтра — крупные капиталисты, и т. д. Это было бы слишкомъ безсмысленно". Вся террористическая агитація велась, стало быть, въ разсчетѣ на глупость и трусость канцелярій. Самъ атаманъ террористическихъ шаекъ, хотя и со свойственнымъ ему безстыдствомъ, но откровенно сознается, что висѣлица и казематы были самыми надежными орудіями борьбы съ крамолою, и что эта борьба составляла чисто полицейскую задачу, для разрѣшенія которой не нужно было ни „вершить зданіе" по архитектурному плану либераловъ, ни призывать на помощь общественныя силы.

Систематически, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, развращая и губя учащуюся молодежь, для завлеченія которой въ сѣти „революціи" имъ составлена особая „инструкція" и съ 1880 года учреждена въ Петербургѣ такъ называемая „центральная студенческая группа" изъ людей совершенно постороннихъ университету и высшимъ школамъ, — группа, „заявившая себя дѣятельнымъ участіемъ во всѣхъ студенческихъ волненіяхъ" (Кал. Нар. Воли на 1883 г.),— этотъ душегубецъ (въ буквальномъ смыслѣ слова) поучаетъ теперь своихъ бывшихъ друзей, закоснѣлыхъ въ „узкомъ, кагальномъ духѣ", что губить молодежь не слѣдуетъ, чѣмъ, думаетъ онъ, подаетъ „примѣръ смѣлаго иска-

*

нія правды (*тутъ и искать-то незачѣмъ*), примѣръ честнаго (*такъ ли?*) отказа отъ ошибки, безъ трепета передъ преслѣдованіемъ, клеветой, бранью". Для него, изволите видѣть, дѣло не въ личной судьбѣ *сотенъ и тысячъ* молодыхъ людей (что-за важность, если „негодный ни къ чему серьезному *качается на перекладинѣ* или *гніетъ въ казематѣ!*"), а въ томъ, что „тутъ замѣшаны очень и очень близко величайшіе интересы Россіи"—каковъ гражданинъ, подумаешь! Но какъ ни рядится волкъ въ овечью шкуру, а своимъ воемъ выдаетъ себя. Человѣку, въ которомъ дѣйствительно проснулась совѣсть, не давали бы покоя тѣни этихъ качающихся на висѣлицѣ и сгнившихъ въ казематахъ, имъ погубленныхъ молодыхъ людей. Онѣ вызывали бы въ немъ не сознаніе *ошибки*, а мучительное чувство горя, потребность искупить свою вину тяжкимъ страданіемъ. Но этотъ закоснѣлый злодѣй до того далекъ отъ раскаянія, что не понимаетъ даже, какія могутъ быть у него обязательства по отношенію къ погибшимъ. Онъ говоритъ: „рухнули всѣ остатки старой организаціи, *погибли всѣ*, по отношенію къ кому можно было бы говорить съ какимъ-нибудь правомъ о моихъ обязательствахъ". Дѣйствительно нравственный „кастратъ", онъ способенъ былъ посылать людей на висѣлицу за дѣло, въ которое уже не вѣрилъ, которое самъ же считалъ зломъ для отечества. Онъ ставитъ себѣ въ заслугу, что поддерживалъ „партію" гораздо дольше, чѣмъ позволялъ здравый смыслъ, чѣмъ позволяли его убѣжденія, его *обязанности передъ родиной*. „Я—продолжаетъ онъ—долго не хотѣлъ помириться съ мыслью, что у меня въ рукахъ—трупъ, я старался его оживить (!!) и не рѣшался его похоронить даже вопреки явной очевидности", т. е. продолжалъ совращать молодежь и творить злодѣянія. Но даже и тогда, когда онъ вполнѣ освоился съ мыслью, что „партія"—трупъ, оживить который невозможно, и что въ то же время „Россія здорова, полна жизненной силы", онъ не наложилъ своей руки на злодѣевъ и не бѣжалъ отъ нихъ съ отчаяніемъ въ душѣ, но „вѣрный знамени", довелъ до конца ужасный *опытъ* 1-го марта, исполненный его ближайшими друзьями и подначальными сотрудниками: Желябовымъ и Перовскою.

Съ такимъ нравственнымъ закаломъ, съ такимъ позорнымъ прошлымъ, этотъ бывшій атаманъ шайки политическихъ убійцъ „наблюдаетъ" теперь на берегахъ Сены дѣйствія своихъ бывшихъ единомышленниковъ и собирается служить Россіи какою-то „созидательною" работою. Въ своей наглости онъ даетъ даже совѣты правительству и обществу:

послѣднему онъ совѣтуетъ быть умнѣе, выработать въ себѣ „дисциплину ума“, а первое наставляетъ, что слѣдуетъ „подавлять безпорядки и вмѣшательство молодежи въ несвойственную ей политическую дѣятельность“, что сліяніе земства съ администраціей и „вообще приданіе земству значенія низшаго органа правительства — устранило бы много недоразумѣній и много источниковъ недовольства“. Вмѣсто этихъ избитыхъ истинъ, съ явною поддѣлкою подъ правительственную программу, было бы гораздо любопытнѣе услышать отъ „бывшаго революціонера“ его мнѣніе о томъ, какъ слѣдовало бы поступить правительству въ случаѣ обращенія къ нему этого „бывшаго революціонера“ съ предложеніемъ своихъ услугъ?

По нашему мнѣнію, правительству оставалось бы только пригласить его на висѣлицу.

Никакое должностное лицо, уважающее народное чувство и собственное достоинство, не могло бы осмѣлиться ходатайствовать передъ державною властью о смягченіи кары главѣ цареубійцъ и прямому виновнику гибели не одной сотни молодыхъ людей, безъисходнаго горя и позора ихъ семей. Услуги такихъ дѣятелей только покрываютъ стыдомъ лицо или учрежденіе, ихъ принимающее. Да и какія дѣйствительныя услуги могъ бы оказать этотъ отверженецъ, Каинъ нашего времени? Онъ не годится даже для роли Дегаева, извѣстно чѣмъ доказавшаго въ концѣ концовъ искренность своего раскаянія.

Чудовища, подобныя „Тигрычу“, ни въ какомъ видѣ не могутъ быть терпимы въ человѣческой средѣ. Ихъ скудоуміе позволяетъ имъ объяснять свое звѣрское прошлое *ошибками* молодости и не замѣчать, какое отталкивающее впечатлѣніе производятъ они фразами о какихъ-то „своихъ идеалахъ общественной справедливости“; но дѣйствительной общественной справедливости и здравому общественному смыслу нѣтъ дѣла до ихъ идеаловъ; задача справедливости—карать злодѣя, очистить отъ него нравственный воздухъ, безъ котораго не могутъ развиваться и крѣпнуть живыя общественныя силы.

Давно уже миновало время, когда въ государственныхъ преступникахъ видѣли у насъ фанатиковъ идеи, стремившихся къ пересозданію общественнаго или государственнаго строя. Теперь уже всѣмъ извѣстно, что политическіе заговоры и агитація избираются поприщемъ для достиженія цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ идеями. Цѣли эти различны, но въ основаніи всѣхъ ихъ лежитъ одно и то же

начало — личной выгоды. Даже корыстные виды имѣютъ здѣсь мѣсто, какъ и во всякихъ другихъ artes liberales. Не будь этой приманки, едва-ли наши евреи пошли бы въ нигилисты и даже дѣлались подчасъ изъ контрабандистовъ и пристанодержателей динамитчиковъ трубачами „партіи“. Разумѣется, жидовская неразборчивость въ средствахъ и здѣсь сказалась въ самыхъ наглыхъ обманахъ, въ эксплоатаціи простоты, шантажахъ и т. п. Что касается другой характерной черты активнаго нигилизма—оппортунизма, который не знаетъ никакихъ ограниченій въ перемѣнѣ убѣжденій и дѣйствій, то эта геройская черта заимствована нашими бѣглыми динамитчиками, вѣроятно, у французовъ, ставшихъ по отношенію къ нимъ не въ мѣру гостепріимными со времени посѣщенія Парижа Гартманомъ. Проигравъ злодѣйскую игру въ цареубійство, Левъ Тихомировъ намѣренъ предпринять проповѣдь „идеаловъ общественной справедливости“. Если найдутся слушатели, то это предпріятіе можетъ оказаться небезвыгоднымъ, а провалится — есть еще выходъ. Мы слышали, что нѣкоторыя сановныя лица, не имѣющія никакого отношенія къ полицейскому вѣдомству, держатъ при себѣ экспертовъ по нигилистической части изъ покаявшихся нигилистовъ... А ужь Тихомировъ ли не экспертъ?

Замѣчательно, что у насъ часто ставятъ препятствія и затрудняютъ жизнь честныхъ людей изъ своихъ же и распростираютъ объятія проходимцамъ и даже злодѣямъ, чуть только они начинаютъ притворяться (можетъ быть нарочно), что „перемѣнились“...

Простому и ясному отношенію къ жизни и людямъ, безъ чего невозможенъ дѣйствительно полезный трудъ, между другими нашими невзгодами стала препятствовать проявляющаяся кое-гдѣ въ нашемъ обществѣ склонность къ какому-то мірскому подвижничеству. Этого еще недоставало! Среди крестьянъ-земледѣльцевъ крайне нуженъ хорошій и умный землевладѣлецъ-хозяинъ, знающій *свое* дѣло, а не чудакъ, дѣлающій представленія „мускульной работы“. Но именно этого и не хотятъ признать наши „подвижники“, стремящіеся „опроститься“ до внѣшности и занятій мускульною работою.

Изъ разныхъ мѣстъ Россіи мы получаемъ свѣдѣнія о чудачествахъ такихъ новыхъ подвижниковъ. Они уже не довольствуются примѣромъ учителя, не только ходятъ на полевыя работы, но сами занимаются очисткою своего жилья отъ нечистотъ, и домашнюю жизнь умышленно доводятъ до крестьянскаго житья-бытья. Иные изъ нихъ живутъ въ од-

номъ помѣщеніи съ рабочими, ѣдятъ изъ одной чашки, черпая щи деревянными ложками, не признавая салфетокъ и т. п. Одинъ помѣщикъ помѣстилъ человѣкъ тридцать рабочихъ въ своемъ большомъ домѣ, устроивъ имъ какое-то общежитіе или меблированныя комнаты для рабочихъ, а самъ съ женою и дочерью поселился въ тѣсномъ надворномъ флигелькѣ. За общимъ (съ рабочими) столомъ служитъ самъ хозяинъ: онъ подаетъ и убираетъ кушанья; кличутъ его просто по имени безъ отчества; кромѣ щей или супа, ѣдятъ цыплятъ, жаркое изъ дичи, цвѣтную капусту. Бывшая вокругъ сада ограда снята, чтобы каждый могъ гулять и рвать плоды безпрепятственно. Ломаютъ вѣтви—но ужь это дѣло вкуса... Заходятъ въ садъ не одни только люди—но что подѣлаешь! Вѣдь огороженная собственность—притѣсненіе. Но какъ относятся ко всѣмъ этимъ чудачествамъ сами рабочіе?

Владѣлецъ любитъ вербовать людей на сторонѣ (чѣмъ дальше проникнетъ свѣтъ ученія его, тѣмъ лучше). Завербовалъ онъ старательнаго и умнаго рабочаго въ сосѣднемъ имѣніи. Тамъ очень жалѣли; но работникъ пробылъ на новомъ хозяйствѣ всего одинъ день и вернулся обратно.

— Что такъ? спрашиваютъ.

— Порядка, говоритъ, никакого нѣтъ.

Да, именно все это не дѣло, а только „безпорядокъ“, и въ этомъ безпорядкѣ изъ такого сложнаго дѣла, какъ сельское хозяйство и сельская жизнь,—ничего не выйдетъ.

Въ настоящемъ „баринѣ“ крестьянинъ ожидаетъ видѣть устроителя и радѣтеля необходимаго порядка—настоящаго хозяина. Строить дѣло на прочномъ, разумномъ основаніи—въ этомъ вся задача мѣстнаго владѣльца, помѣщика, его естественное призваніе, данный ему талантъ. Подвижничество, подобное указанному, зарываетъ этотъ талантъ. „Опрощенный“ до обезличенія баринъ является въ глазахъ народа совсѣмъ не труженикомъ, а лѣнивцемъ, недостойнымъ уваженія. Его мускульный трудъ можетъ имѣть только личную для него цѣну, какъ физическое упражненіе, ради здоровья; но для крестьянъ, для народа онъ какую же цѣну можетъ имѣть? Приносить дѣйствительную пользу странѣ онъ станетъ тогда только, когда займетъ подобающее ему мѣсто въ производствѣ, примѣнитъ къ дѣлу свои знанія, подготовитъ себя къ соотвѣтственной умственной дѣятельности, которая оказала бы ту услугу народному труду, что сдѣлала бы работу возможно болѣе производительною.

Народническія чудачества нѣкоторыхъ нашихъ помѣщи-

ковъ, разумѣется, дѣлаются съ самыми добрыми намѣреніями, но ими все же вносится глубоко разлагающій элементъ въ жизнь и трудъ деревни.

Иные говорятъ, въ виду такихъ чудачествъ, о необходимости опеки или другихъ какихъ-либо формъ административнаго вмѣшательства... Мы же думаемъ, что еслибы эти самые хозяева захотѣли, на основаніи своего же опыта, поглубже вникнуть въ смыслъ своего положенія среди народа, они бы, можетъ быть, сами себя осудили. Дисциплина и стройность труда посредствомъ дисциплины мысли и нравовъ—вотъ прямая задача добраго хозяина, которому совсѣмъ не нужно подвижничать, чтобы стать высоко полезнымъ народу, не нужно ломаться, а достаточно знать свое дѣло, быть честнымъ, разумнымъ и справедливымъ, не доходя передъ батраками до блажнаго имъ прислужничества.

Здѣсь кстати замѣтить, что новые подвижники раздаютъ кромѣ того своимъ рабочимъ всѣмъ извѣстныя изданія фирмы „Посредникъ“, и намъ передавали, что рабочіе все просятъ дать имъ почитать книжку „позанимательнѣе“, а тонкіе листки брошюрокъ крутятъ на цыгарки.

Еще въ іюльской книгѣ „Русскаго Вѣстника“ мы предсказывали усиленный вывозъ русскаго хлѣба заграницу. Предположенія наши вполнѣ оправдались. Съ 1-го января по 14 августа чрезъ главнѣйшія таможни вывезено уже 32,8 милл. четвертей разнаго хлѣба, противъ 19,1 милл. за то же время (собственно по 16 августа) въ прошломъ году и 12,3 милл. четвертей въ 1886 году. Если такъ пойдетъ и дальше, то нашъ вывозъ почти утроится противъ средняго годоваго вывоза за послѣднее четырехлѣтіе.

На открывшемся 15 августа въ Вѣнѣ 16-мъ сѣмянномъ рынкѣ (т. е., собственно, международномъ съѣздѣ), въ которомъ приняли участіе до 5.000 хлѣботорговцевъ изъ разныхъ странъ, преимущественно представители западноевропейскихъ хлѣбныхъ рынковъ, вполнѣ выяснена неудовлетворительность урожая въ странахъ-потребительницахъ привознаго хлѣба и неспособность нашихъ заокеанскихъ соперниковъ снабдить Европу недостающимъ ей количествомъ продовольствія. Сосчитано, что въ Великобританіи урожай пшеницы составитъ всего 70% средняго урожая, при незначительности запасовъ старой пшеницы. Годовое потребленіе пшеницы составляетъ здѣсь 38 милл. четвертей, урожай же можетъ дать только 10 милл., такъ что ввозъ

пшеницы, какъ ожидаютъ, дойдетъ въ нынѣшнемъ сельскохозяйственномъ году до 28 милл. четвертей. Этого мнѣнія держатся Mark Lane Express и другіе авторитетные органы печати. Весь сборъ пшеницы во Франціи не превыситъ $42^1/_2$ милл. четвертей, которыя, вслѣдствіе дурнаго качества зерна, слѣдуетъ принять только за 40. При потребленіи же въ 60 милл., страна потребуетъ, стало быть, не менѣе 20 милл. четвертей. Урожай пшеницы въ Италіи, по свѣдѣніямъ министерства земледѣлія, на 35% или 4 милл. четвертей ниже средняго урожая, а такъ какъ и при среднемъ урожаѣ страна требовала ежегоднаго ввоза свыше 2 милл., то несомнѣнно, что ввозъ пшеницы въ Италію, въ наступившемъ хозяйственномъ году, будетъ не менѣе 6 милл. четвертей. Въ Германіи урожай пшеницы на 11% ниже прошлогодняго, слѣдовательно, даже при сокращеніи потребленія этого рода хлѣба, ввозъ пшеницы въ Германію не можетъ быть меньше прошлогодняго, т. е. не ниже 3 милл. четвертей. Швейцарія и другія государства Европы, прикупающія пшеницу для продовольствія, потребуютъ свыше 12 милл. четвертей. Въ то же время въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ урожай пшеницы, достигнувшій въ прошломъ году 456 милл. бушелей, въ нынѣшнемъ году, вслѣдствіе сокращенія площади посѣвовъ и сбора ниже средняго, не превышаетъ 420 милл. бушелей (69 милл. четв.), почему и невозможно ожидать вывоза пшеницы изъ этой страны болѣе 18 милл. четвертей. Слабость американскаго вывоза уже теперь сказалась на французскихъ рынкахъ, на которые за семь истекшихъ мѣсяцевъ поступило изъ Соединенныхъ Штатовъ всего 5,8 милл. пудовъ пшеницы, противъ 19,4 милл. за то же время въ прошломъ году. Привозъ же пшеницы во Францію изъ Россіи увеличился съ 6,4 милл. до 13,9 милл. пудовъ. Наконецъ, привозъ пшеницы на европейскіе рынки изъ Остъ-Индіи не можетъ превысить 5 милл., а изъ Австраліи, Чили и Аргентинской республики 3 милл. четвертей. Изъ всѣхъ государствъ Европы, не считая странъ Балканскаго полуострова, одна только Австро-Венгрія можетъ удѣлить для вывоза нѣкоторый остатокъ отъ продовольствія, но никакъ не болѣе 4 милл. четвертей. Всѣ вышеприведенныя данныя могутъ быть сгруппированы въ слѣдующую таблицу:

Страны потребленія:	Ожидаемый ввозъ пшеницы въ милліонахъ четвертей.
Великобританія	28
Франція	20

Страны потребленія:	Ожидаемый ввозъ пшеницы въ милліонахъ четвертей.
Италія	6
Германія	3
Прочія европейскія государства	12
Итого	69
Страны снабженія:	
С.-А. Соединенные Штаты	18
Остъ-Индія	5
Австралія, Чили и Аргентинская республика	3
Австро-Венгрія	4
Итого	30

Такимъ образомъ для продовольствія западной Европы не достаетъ 39 милл. четвертей одной пшеницы. Весьма понятно, что въ виду такой, вполнѣ выяснившейся, перспективы цѣны на пшеницу пошли вверхъ и идутъ безостановочно на всѣхъ главнѣйшихъ хлѣбныхъ рынкахъ Европы. „Вѣстникомъ Финансовъ“, на основаніи несомнѣнно достовѣрныхъ данныхъ, составлена слѣдующая сравнительная таблица цѣнъ за предшествовавшія 18-му августу пять недѣль:

	Кенигсбергъ. Марки за тонну. (безъ пошлины).	Лондонъ. Шилл. за квартеръ.	Антверпенъ.	Марсель. Франки за квинталъ (безъ пошлины).	Генуя.
Къ 21 іюля	120	32	17	16,50	16,75
„ 28 „	122	32,6	18,25	17,50	17,50
„ 4 августа	128	33,8	19,25	18	18,25
„ 11 „	130	34,6	19,50	18,50	18,75
„ 18 „	136	37	19,75	19	19,25

Въ Лондонѣ уже давно не было такой цѣны. Въ половинѣ августа тамъ стояли цѣны на пшеницу: въ прошломъ году 33 шилл. 3 п., въ 1886 году 32 шилл. 6 п. и въ 1885 году 33 шилл. 1 п.

Соотвѣтственно этому, не смотря на сильное повышеніе курса кредитнаго рубля, повысились цѣны въ нашихъ портахъ и на внутреннихъ рынкахъ, и при томъ не на одну только пшеницу. На рожь, напр., въ портахъ Балтійскаго моря цѣна поднялась съ 58 к., въ іюнѣ, до 70 к. Выжидательное настроеніе, со стороны покупателей, по крайней мѣрѣ, можно считать уже прекратившимся. Повсемѣстно проявилось оживленіе, и настроеніе хлѣбныхъ рынковъ сдѣлалось

очень твердымъ, съ явною наклонностію къ повышенію. Теперь для нашихъ сельскихъ хозяевъ наступилъ рѣшительный моментъ. Необходимо выдержать характеръ и устоять въ цѣнахъ. Условія урожая въ западной Европѣ не таковы, чтобы экспортеры могли съ успѣхомъ спекулировать на пониженіе. Нечего смущаться также и постоянно крѣпнущимъ и обѣщающимъ дальнѣйшее повышеніе курсомъ кредитнаго рубля. Повышеніе вексельнаго курса уже не можетъ имѣть и дѣйствительно не имѣетъ, какъ это выяснилось на петербургской биржѣ, прежняго вліянія на хлѣбный рынокъ. Потребность въ насущномъ хлѣбѣ—такая сила, съ которою никакая спекуляція не въ состояніи бороться. Въ первое полугодіе мы уже продешевили свой хлѣбъ, теперь настало время наверстать потери. Обстоятельства въ высшей степени благопріятствуютъ нашимъ сельскимъ хозяевамъ; даже германскія боевыя пошлины не въ состояніи сколько-нибудь задержать нашъ отпускъ, потому что, какъ видно изъ отчетовъ таможеннаго вѣдомства, русская рожь пошла на европейскіе рынки, минуя Германію: уже въ прошломъ году ея вывезено было въ Голландію больше, чѣмъ въ Германію. Швеція и Норвегія явились непосредственными нашими покупателями, германскій транзитъ для всѣхъ русскихъ хлѣбовъ рѣшительно потерялъ свое прежнее значеніе. Въ наступившемъ хозяйственномъ году мы являемся единственными, внѣ всякой конкурренціи, поставщиками недостающаго Европѣ продовольствія,—неужели же не сумѣемъ воспользоваться волею судебъ предоставленною намъ монополіей?

Разумѣется, нужда въ деньгахъ для разсчета съ дорогими въ этомъ году рабочими, земельными банками, для платежей по окладнымъ листамъ, въ школы за обученіе дѣтей и т. д. очень велика, а при нуждѣ продашь за безцѣнокъ, да еще и поклонишься купцу. Но есть, кажется, средство избѣгнуть такой бѣды. Правительство разрѣшило желѣзнымъ дорогамъ выдавать ссуды подъ хлѣбъ за счетъ государственнаго банка. У желѣзныхъ дорогъ не можетъ быть, поэтому, недостатка въ деньгахъ для снабженія землевладѣльцевъ оборотными средствами въ связи съ доставкою на рынки хлѣбныхъ грузовъ. Вопросъ лишь въ томъ, насколько онѣ пожелаютъ воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ заниматься коммисіонною продажею хлѣба и кредитною операціей, не сопряженною для нихъ ни съ какимъ рискомъ, при сколько-нибудь старательномъ веденіи дѣла, и въ то же время обѣщающею значительныя выгоды отъ привлеченія грузовъ. Надо думать, что онѣ не упустятъ случая увели-

чить свои доходы. Усиленіе движенія въ настоящее время для нихъ особенно выгодно, потому что, благодаря повышенію курса бумажныхъ денегъ, перевозочные тарифы поднялись сами собою и вздорожали на 20 процентовъ.

Два мѣсяца тому назадъ мы высказывали также и увѣренность въ прочности подъема вексельнаго курса. Мы предупреждали нашихъ импортеровъ, спѣшившихъ запасаться промессами на золото, что они поплатятся за свое недовѣріе къ твердости повышательнаго настроенія, явившагося результатомъ не спекуляціи, а особенно благопріятныхъ для насъ условій въ международной торговлѣ. Такъ и случилось: непредусмотрительные импортеры понесли крупныя потери, а курсъ кредитнаго рубля упрочился на довольно высокомъ уровнѣ. Запугиванія, пущенныя въ ходъ лицами, заинтересованными въ низкомъ курсѣ, будто остановится хлѣбный экспортъ и сельскіе хозяева будутъ въ конецъ разорены паденіемъ цѣнъ, оказались лишенными фактическаго основанія: мы видѣли, что цѣны на хлѣбъ окрѣпли и повышеніе курса нисколько не повліяло на нашъ хлѣбный отпускъ, который далеко оставилъ за собою вывозъ ряда предшествовавшихъ годовъ. При низкихъ цѣнахъ, за первое полугодіе текущаго года нами отпущено хлѣба на 198 милл. р., противъ 118 милл. въ 1887 г., 76 милл. въ 1886 г., 147 милл. въ 1885 г. и 136 милл. въ 1884 г. За одно только первое полугодіе торговый балансъ въ нашу пользу составляетъ 204 милл. руб. При такихъ условіяхъ крѣпость и повышеніе курса являются экономическою необходимостію, ничѣмъ непреодолимою.

Повышеніе курса обусловливается еще и другими обстоятельствами, крайне затрудняющими биржевую игру на пониженіе. Бумажныя деньги становятся цѣннѣе по мѣрѣ увеличенія ихъ производительной работы, т. е. по мѣрѣ возрастанія торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ внутри страны. Всѣ же наши лѣтнія ярмарки прошли очень удовлетворительно; благодаря урожаю и хорошимъ заработкамъ, у народа явились средства, усилилось потребленіе, а слѣдовательно вызывается и усиленное производство, усиленный обмѣнъ товаровъ и услугъ, словомъ учащаются и увеличиваются торговые и промышленные обороты, требующіе денегъ для расплатъ, т. е. въ качествѣ орудій обращенія. Бумажныя деньги не остаются праздными и не могутъ быть, поэтому, съ прежнею легкостью стягиваемы на биржи массами для спекуляціи на ихъ курсъ. Такая перспектива наводитъ насъ на нѣкоторыя соображенія.

Если бумажныя деньги станутъ мало доступными для пироковъ, то не слѣдуетъ опасаться и предъявленія ихъ къ размѣну туго набитыми чемоданами. Примѣненіе закона о принудительномъ курсѣ во всей строгости явилось бы тогда излишнимъ стѣсненіемъ, и для государства, и для общества было бы выгоднѣе допустить рядъ послѣдовательныхъ послабленій. Съ нѣкоторыми необходимыми предосторожностями можно было бы допустить размѣнъ по установленному правительствомъ курсу, съ такимъ, однако, разсчетомъ, чтобы въ концѣ-концовъ этотъ курсъ не превысилъ матеріальной стоимости *серебрянаго* рубля (около 2 фр. 90 с. золот.). Такимъ образомъ мало-по-малу нашъ кредитный рубль сдѣлался бы равноцѣннымъ рублю серебряному, а затѣмъ можно было бы объявить соотвѣтственный лажъ на золото и свободу сдѣлокъ на золотую монету. Денежное обращеніе стало бы нормальнымъ.

Вышелъ отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1886 годъ—четвертый годъ его дѣятельности. По балансу на 1-е января 1887 г. всѣхъ ссудъ, выданныхъ банкомъ, значилось на сумму 34.378.000 рубл., въ круглой цифрѣ, при чемъ въ 1886 году выдано 10.790.000, противъ предшествовавшаго 1885 года менѣе почти на 7 милліоновъ. Къ настоящему времени (по балансу на 1-ое августа) значится выданныхъ ссудъ на 45.820.000 руб., стало быть за 19 послѣднихъ мѣсяцевъ выдано ихъ менѣе на $11^1/_2$ мил. р. Очевидно, что предложеніе земель въ продажу годъ отъ году сокращается. Явленіе это съ достаточною вѣроятностію можетъ быть приписано прямому вліянію государственнаго дворянскаго банка, оказавшаго серьезную поддержку землевладѣнію. Но и покупщики изъ крестьянъ встрѣтили препятствіе: „заминка въ платежахъ“, какъ выражаются составители отчета, побудила совѣтъ банка сдержаннѣе прежняго относиться къ поступающимъ на его утвержденіе сдѣлкамъ. Въ 1886 году банку пришлось отсрочить платежей на 101.618 р., разсрочить на 96.745 р., и послѣ всего этого осталась еще крупная недоимка въ 277.995 р. Изъ оклада платежей того же года (свыше *двухъ милліоновъ* рублей) не поступило почти 22%. При всей своей снисходительности къ недоимщикамъ банкъ вынужденъ былъ назначить въ продажу 21 участокъ: по одному въ губерніяхъ Курской, Екатеринославской и Таврической и 18 въ Полтавской губерніи. Во всѣхъ назначавшихся въ продажу участкахъ заключалось 10.746 дес. земли (при покупкахъ выдано банкомъ въ ссуду 687.085 р. и доплачено самими покупщиками 98.802 р.); по тавриче-

скому участку (1.739 дес. земли и 60.375 р. ссуды) никакихъ доплатъ покупщиками сдѣлано не было. Продажа 10 участковъ отмѣнена за уплатою недоимокъ. По 4 участкамъ торги не состоялись, а по 7 участкамъ были назначены въ разные сроки не отчетнаго, а 1887 года, почему намъ и неизвѣстны ихъ послѣдствія; но банкъ нашелъ возможнымъ помѣстить въ отчетѣ, что 1 участокъ изъ 4-хъ, оставшихся за банкомъ, небольшой (56 десят., при ссудѣ 4.380 р. и доплатѣ въ 100 р.), проданъ уже въ 1887 году безъ убытка. Надо думать, поэтому, что еслибы результаты торговъ, назначенныхъ въ разные сроки 1887 года, были благопріятны, то составители отчета не преминули бы упомянуть о такомъ счастливомъ обстоятельствѣ.

И такъ, крестьянскому банку приходится не только испытывать „заминку въ платежахъ“, но и прибѣгать къ принудительной продажѣ земель, пріобрѣтенныхъ крестьянами съ помощью, а иногда и цѣликомъ на средства государственнаго кредита. Мы видѣли, что банкъ отсрочиваетъ и разсрочиваетъ очень крупныя суммы, стало быть всѣми зависящими отъ него мѣрами старается облегчить уплату срочныхъ взносовъ. Нѣтъ никакого основанія обвинять его въ равнодушіи къ затруднительному положенію нѣкоторыхъ своихъ кліентовъ и ставить ему въ упрекъ безпощадное лишеніе ихъ пріобрѣтенной собственности. Несправедлива также и жалоба на администрацію банка, будто принудительными продажами она разоряетъ крестьянъ. Бѣдные люди истратили, говорятъ, послѣднія средства, даже призанялп денегъ на тяжелыхъ условіяхъ, чтобы приплатить къ ссудѣ недостающую до полной покупной цѣны сумму, и теперь остаются съ пустыми руками и тяжелымъ долгомъ на шеѣ. Прежде всего надо замѣтить, что крестьяне не всегда покупаютъ землю съ приплатами изъ собственнаго кармана; и такіе покупщики чаще другихъ являются неисправными плательщиками банку именно потому, что ровно ничѣмъ не рискуютъ. Разумѣется, они охотно оставались бы владѣльцами даровой земли, но правительство, учреждая крестьянскій поземельный банкъ, не имѣло въ виду дѣлать подарковъ. Затѣмъ едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію тотъ фактъ, что за многія земли, пріобрѣтенныя при содѣйствіи крестьянскаго банка, заплачено чрезмѣрно дорого. Это доказывается: во первыхъ, сознаніемъ самого банка, что Пензенская губернія возбуждаетъ въ немъ „опасенія“, и признанною имъ же необходимостію воздержаться отъ слишкомъ щедрой раздачи благъ покупочнаго кредита; во-вторыхъ,

тѣмъ обстоятельствомъ, что назначенные, въ 1886 году, въ продажу 11 участковъ (дес. 2.935, ссудъ на 270.620 р.), повидимому, всѣ остались за банкомъ. Если его администрація (особенно мѣстная) и неповинна въ усердіи закрѣплять продажныя земли непремѣнно за крестьянами, то сами крестьяне, преимущественно молодежь, неопытная въ хозяйствѣ и неимущая, но желающая отдѣлаться отъ своихъ стариковъ, да еще наставляемая „молодыми изъ интеллигентныхъ“, какъ свидѣтельствуетъ г. Энгельгардтъ изъ Батищева, рѣшительно стремятся не допускать постороннихъ людей на эти земли и набиваютъ цѣны. Плоды такой ревности начинаютъ теперь сказываться. Они горьки, но подслащать ихъ сложеніемъ недоимокъ, въ угоду нашимъ „народолюбцамъ“, едвали приходится. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ выдавать преміи неосмотрительности... А въ случаѣ неисправности по уважительнымъ причинамъ, въ случаѣ какого-нибудь бѣдствія, серьезность послѣдствій котораго для хозяйствъ заемщиковъ предоставляется опредѣлять въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особымъ порядкомъ, крестьянскій банкъ обязанъ быть снисходительнымъ. Не только допускаются отсрочки и различные, по указаніямъ мѣстнаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, способы погашенія недоимокъ, но и принудительная продажа земли подлежитъ отмѣнѣ во всякое время до торговъ, если заемщики представятъ банку доказательства *возможности* пополнить числящуюся на нихъ недоимку посредствомъ: или отдачи заложенной земли въ аренду, или устройства общественной запашки, или вольной продажи части принадлежащей неисправнымъ заемщикамъ земли, или, наконецъ, инымъ способомъ (т. е. *всякимъ*), признаннымъ банкомъ достаточно обезпечивающимъ выданную ссуду. Какихъ же еще нужно льготъ?! Очевидно, что поступаютъ въ продажу только такія земли, которыя крестьяне на отрѣзъ отказываются оплачивать періодическими взносами въ условленномъ размѣрѣ и ни въ какія соглашенія съ банкомъ относительно способовъ уплаты недоимокъ не желаютъ входить.

Трудно благодѣтельствовать при такомъ настроеніи клiентовъ.

„Передовому“ череповецкому земству не повезло. Не знаемъ, въ чемъ именно оно провинилось, за что подверглось опалѣ, знаемъ только, что комитетъ министровъ обсуждалъ вопросъ о томъ, возможно ли оставить за нимъ дальнѣйшее „завѣдываніе дѣлами, относящимися къ мѣстнымъ хозяйственнымъ нуждамъ и пользамъ“, съ правомъ „дѣйствовать самостоятельно“ въ кругу этихъ дѣлъ, на основа-

ніи 1 и 6 статей Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, и пришелъ къ заключенію о необходимости пріостановить дѣятельность земства въ Череповецкомъ уѣздѣ, установивъ временный, на срокъ не долѣе трехъ лѣтъ, порядокъ завѣдыванія мѣстнымъ общественнымъ хозяйствомъ. Въ силу Высочайшаго повелѣнія отъ 7-го іюня, на дняхъ опубликованнаго въ „Правит. Вѣстникѣ“ и въ „Собраніи узакон. и расп. правит.“, въ Череповецкій уѣздъ командирована коммисія изъ лицъ, избранныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министрами финансовъ и народнаго просвѣщенія и съ государственнымъ контролеромъ. Коммисія замѣняетъ собою и земское собраніе, и уѣздную земскую управу, т. е. на нее возложены полностію обязанности и полномочія земскаго представительства, но, кромѣ того, ей даны и особыя порученія, по содержанію которыхъ можно догадаться о причинахъ, побудившихъ правительство пріостановить въ Череповецкомъ уѣздѣ дѣятельность выборныхъ земскихъ органовъ. Коммисіи поручено: привести въ точную извѣстность и въ должный порядокъ всѣ отрасли мѣстнаго земскаго хозяйства; установить основанія для равномѣрнаго обложенія имуществъ, составить и привести въ исполненіе новую раскладку; разсмотрѣть жалобы и заявленія на произведенное за прежнее время начисленіе на имущества земскихъ недоимокъ и пени и принять мѣры къ поступленію недоимокъ, къ ихъ сложенію и разсрочкѣ. Какая грустная картина запущенности и недобросовѣстности! Находятся въ безпорядкѣ всѣ отрасли мѣстнаго земскаго хозяйства. Да что же дѣлала управа? А если она не хотѣла ничего дѣлать, то что смотрѣли гласные земскаго собранія, для чего они съѣзжались, выбирали изъ своей среды ревизіонныя коммисіи, что повѣряли и какъ повѣряли? Важнѣйшее дѣло, въ которомъ заинтересованы всѣ безъ изъятія плательщики земскихъ сборовъ,—обложеніе имуществъ,—велось спустя рукава; облагали неравномѣрно, за двадцать лѣтъ не успѣли, не умѣли или не хотѣли выработать даже основаній для равномѣрности самообложенія, начисляли недоимки и пени зря или произвольно. Понятно, что жалобамъ и заявленіямъ на неправильность, на самовольность раскладокъ не было конца, но удовлетворить самыя справедливыя изъ нихъ было некому, потому что подобныя жалобы не подлежатъ разсмотрѣнію ни администраціи, ни суда и могутъ быть приняты губернаторомъ лишь къ свѣдѣнію при протестахъ. Гласные, какъ это легко себѣ представить, были всецѣло поглощены избирательною интригою, домога-

тельствомъ доходныхъ мѣстъ, назначеніемъ окладовъ, или погружались въ разрѣшеніе такихъ вопросовъ, которые не относятся прямо къ хозяйственному благоустройству. Чтобы положить конецъ безобразію и разобраться въ недоразумѣніяхъ по предмету платежей, не признаваемыхъ владѣльцами имуществъ, правительствуничего болѣе не оставалось, какъ послать своихъ людей, съ порученіемъ возстановить порядокъ и *привести въ точную извѣстность* различныя отрасли земскаго хозяйства, очевидно, земцамъ невѣдомыя. Отъ неправильныхъ дѣйствій коммисіи населеніе Череповецкаго уѣзда ограждено гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ ограждало его земское Положеніе отъ нерадѣнія и произвола выборныхъ гласныхъ и членовъ управы. Указомъ Пр. Сената 20 ноября 1869 г. № 59.951 рѣшительно отвергнуто право частныхъ лицъ жаловаться на постановленія земскихъ учрежденій высшему правительственному учрежденію, т. е., въ сущности, какому бы то ни было правительственному учрежденію, а на постановленія командированной въ Череповецъ коммисіи частнымъ лицамъ предоставлено подавать жалобы министру внутреннихъ дѣлъ. Этому же высшему правительственному лицу предоставлено и право окончательно разрѣшать такія жалобы. Кромѣ того, коммисія дѣйствуетъ подъ ближайшимъ надзоромъ губернатора, который, въ случаѣ несогласія съ ея постановленіями, вноситъ таковыя, съ своимъ заключеніемъ, на окончательное разсмотрѣніе и разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ.

Возстановленіе въ Череповецкомъ уѣздѣ до истеченія трехлѣтняго срока дѣятельности выборныхъ земскихъ органовъ, со всѣми ихъ нынѣшними полномочіями, можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія, по прошествіи же трехъ лѣтъ весьма можетъ случиться, что не будетъ предстоять надобности въ такомъ возстановленіи; едва-ли потребуется болѣе продолжительный срокъ для приведенія въ исполненіе предположеннаго преобразованія мѣстнаго хозяйственнаго управленія повсемѣстно въ Россіи. Нашему „русскому Гейдельбергу“, повидимому, не суждено болѣе быть свидѣтелемъ такой „передовой“ дѣятельности „хозяевъ“ уѣзда, которая не оставляетъ имъ времени для занятія скромнымъ и скучнымъ для возвышенныхъ умовъ дѣломъ хозяйственнаго благоустройства.

Въ заключеніе настоящаго обозрѣнія познакомимъ нашихъ читателей съ предпріятіемъ, которое, въ случаѣ его осу-

ществленія, обѣщаетъ новую и хорошую будущность государственному и народному хозяйству въ западной Сибири.

Обширные и плодороднѣйшіе округа Тобольской и Томской губерній пустуютъ и, можно сказать, бездѣйствуютъ въ хозяйственномъ отношеніи за отсутствіемъ отсюда прямаго выхода на сколько-нибудь значительные рынки. Въ округахъ Бійскомъ и Барнаульскомъ и частію въ Кузнецкомъ и Томскомъ на размежеванныхъ земляхъ Кабинета Его Величества приходится, въ средней сложности, свыше 55 десятинъ на душу населенія, изъ коихъ 28 десятинъ пахатной земли, но распахивается всего $2_{,64}$ дес. на мужскую душу. Въ Томской губерніи съ полнымъ просторомъ для земледѣлія могло бы быть поселено до 6.000.000 душъ, въ настоящее же время все ея населеніе, вмѣстѣ съ инородцами, исчисляется въ 1.163.857 душъ обоего пола. Государственныя земли отдаются въ арендное содержаніе за безцѣнокъ (отъ $^1/_4$ до 3 коп. за десятину), да и арендуется всего 63.000 дес. Въ с. Карасукѣ Барнаульскаго округа пудъ пшеницы стоитъ отъ 16 до 20 копѣекъ, въ с. Юдинѣ средняя цѣна пудовки (1 п. 15 ф.) пшеницы 17 коп., въ Бійскѣ 30 копѣекъ. Въ Томской губерніи пшеницы свободной для торговли ежегодно остается отъ 18 до 29 милл. пудовъ, въ Тобольской—свыше 8 милліоновъ. Кромѣ пшеницы изъ южной части западной Сибири ежегодно вывозится продуктовъ сельскаго хозяйства на сумму до 12 милліоновъ рублей. Предлагаются въ избыткѣ: овесъ, льняное сѣмя, ленъ, пенька, коровье масло, сало, шерсть. Сѣверные округа даютъ для вывоза милліоновъ на 10—12 лѣса, рыбы и пушнины. Но то, что въ настоящее время даетъ западная Сибирь, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что она можетъ дать при большей энергіи труда, бездѣйствующаго поневолѣ. Никому нѣтъ охоты производить безъ надежды на сбытъ или имѣя въ перспективѣ крайне низкія цѣны, назначаемыя мѣстными купцами-монополистами. Торговое хищничество—коренное зло Сибири, поддерживаемое недоступностію рынковъ для трудящагося населенія, ихъ слишкомъ большою отдаленностію и неудобствомъ путей сообщенія. Обширный басейнъ Оби, въ сущности, не имѣетъ выхода въ океанъ. Путь изъ западной Сибири чрезъ Обскую губу прегражденъ постояннымъ нагроможденіемъ льдовъ въ Карскомъ морѣ и потому не можетъ служить путемъ торговымъ. Если и случается изрѣдка какому-нибудь пароходу проскочить между льдами, какъ то было съ Норденшельдомъ и еще въ прошломъ году съ англичаниномъ Сюлливаномъ, то такая сча-

стливая случайность бываетъ рѣдко и стоитъ большихъ денегъ при громадномъ рискѣ. Обь съ Иртышемъ останутся, однако, всегда главными и удобнѣйшими путями внутренняго сообщенія, необходимо поэтому связать ихъ съ морскими путями по кратчайшему направленію. Пригодныя къ устройству торговаго порта природныя бухты находятся на берегу Сѣвернаго океана между 69°20′ и 69°40′ с. широты. По измѣреніямъ морскаго вѣдомства, глубина у береговъ доходитъ здѣсь до 25 и 30 футовъ; берега скалистые, обрывистые. Бухты открыты на западъ, т. е. находятся подъ вліяніемъ болѣе теплыхъ вѣтровъ и заграждены отъ сѣверо-восточныхъ холодныхъ вѣтровъ цѣпью горъ Пай-Хой, тянущихся вдоль всего берега отъ мыса Ялмала до пролива Югорскаго Шара. Вліяніе гольфстрема, теплаго океанскаго теченія, распространяется на эти воды, а ледяныя массы, плавающія въ Карскомъ морѣ, задерживаются далеко выдавшимися въ океанъ островами Новой Землей и Вайгачемъ. Весь морской путь отъ входа въ проливы, отдѣляющіе Сѣверный океанъ отъ Карскаго моря и Ледовитаго океана, хорошо извѣстенъ русскимъ и иностраннымъ мореходамъ. Онъ не представляетъ никакихъ особенныхъ неудобствъ и переходъ отъ Югорскаго Шара до Вардё въ Норвегіи совершается грузовымъ пароходомъ въ четверо сутокъ. Такимъ образомъ, весь вопросъ сводится къ тому, чтобы къ одной изъ природныхъ бухтъ у западнаго выхода изъ Югорскаго Шара провести желѣзную дорогу къ Обдорску на Обп. На устройство этой дороги правительствомъ уже дана концессія А. Д. Голохвастову. Направленіе дороги слѣдующее: отъ с. Обдорскаго она пойдетъ на западъ къ предгоріямъ Урала, который она пересѣчетъ одною изъ поперечныхъ долинъ, причемъ самая высокая точка будетъ находиться лишь на 600 футахъ надъ поверхностью моря; по выходѣ изъ Урала она пересѣчетъ рѣку Усу въ верхнемъ ея теченіи и отсюда направится на сѣверо-западъ по равнинѣ Большеземельской тундры къ морскому берегу сѣвернѣе Бѣлкова носа. Протяженіе дороги—400 верстъ. Отсутствіе широкихъ рѣкъ, а слѣдовательно и необходимости въ сооруженіи дорого стоющихъ мостовъ, ровность мѣстности и никогда не оттаивающая почва тундры, представляющая солидный грунтъ для укладки полотна, даютъ возможность построить обыкновенную широко-колейную дорогу, со всѣми сооруженіями и подвижнымъ составомъ, за 15 милліоновъ рублей кредитныхъ. Сооруженіе порта, со всѣми новѣйшими приспособленіями для нагрузки и выгрузки то-

варовъ обойдется въ 2 милл. Для движенія грузовъ внизъ по Оби и Иртышу (3.000 верстъ), въ количествѣ отъ 15 до 20 милл. пудовъ, предполагается построить 34 восьмидесяти-сильныхъ парохода съ тремя грузовыми баржами каждый; стоимость всѣхъ этихъ судовъ исчислена въ 3 милл. кредитныхъ рублей. Все же предпріятіе обойдется, приблизительно, въ 20.000.000 рублей. Движеніе по Обской желѣзной дорогѣ предполагается производить только впродолженіи 180 дней въ году, такъ какъ навигація по Оби до Обдорска возможна лишь съ половины мая до 20-хъ чиселъ октября.

По приблизительно вѣрному разсчету, доставка пуда пшеницы изъ Барнаула въ Лондонъ новымъ путемъ обойдется не дороже 42 коп. кред., если же везти водою до Тюмени, затѣмъ по желѣзной дорогѣ до Перми и вновь водою до Петербурга, а отсюда на морскихъ судахъ въ Лондонъ, то надо заплатить не менѣе 73 коп. Въ первомъ случаѣ скорость доставки 31 сутки, а во второмъ—отъ 82 до 137 сутокъ. Таковы очевидныя преимущества новаго пути.

Обская желѣзная дорога, пробудивъ отъ невольной спячки производительныя силы западной Сибири, по всей вѣроятности, дастъ толчекъ и началу общественности, которое здѣсь какъ бы замерло. Мѣстная администрація, отсутствіемъ политически развитаго сословія и глушью ограждаемая отъ бдительнаго надзора свыше, слабо удовлетворяетъ своему назначенію, фабричная промышленность бездѣйствуетъ за невозможностью завести машины, торговые люди вполнѣ оправдываютъ правило homo homini lupus, и вмѣсто того, чтобы оказывать услуги обществу и государству, становятся во враждебныя отношенія къ тому и другому, вступая между собою въ стачки для обиранія казны и населенія, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ недавно возбужденное правительствомъ уголовное преслѣдованіе противъ томскихъ дѣльцовъ. Міровые пути сообщенія размыкаютъ тѣсное кольцо произвола и монополіи, въ которомъ задыхаются всѣ обороты, всѣ проявленія мѣстной хозяйственной жизни, а Обская желѣзная дорога несомнѣнно войдетъ въ составъ этихъ путей. Оживленію западной Сибири, конечно, много помогутъ и сооружаемый Обь-Енисейскій каналъ, по которому уже теперь дѣлаются опыты движенія судовъ, и проектированная желѣзнодорожная линія отъ Томска до Иркутска, но если многоводному бассейну Оби не откроютъ прямаго выхода въ безпрепятственное для плаванія открытое море, то и названный каналъ, и южно-сибирскій рель-

совый путь никогда не получатъ значенія транзитныхъ торговыхъ путей изъ Китая на международные рынки. Вмѣсто того, чтобы, держа въ своихъ рукахъ выходы въ Сѣверный океанъ, утилизировать эти выходы и занять самостоятельное положеніе въ важной транзитной торговлѣ между двумя частями свѣта, стать посредниками между Европою и дальнимъ востокомъ, мы попрежнему будемъ получать восточно-азіатскіе товары даже для собственнаго потребленія изъ третьихъ рукъ. Но всего важнѣе то, что сооруженіе Обской желѣзной дороги дастъ намъ возможность создать свой собственный океанскій торговый флотъ, вполнѣ свободный въ своихъ движеніяхъ, не запираемый во внутреннихъ моряхъ ни узкими проливами, ни трактатами, ни международною коалиціей.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Послѣдствія первыхъ визитовъ императора Вильгельма II и послѣдніе шаги бисмарковской политики.—Значеніе дипломатическихъ свиданій и объясненіе ихъ нѣмецкими оффиціозами.—Безконечный болгарскій вопросъ.—Русскіе интересы и уваженіе къ нимъ съ нѣмецкой точки зрѣнія.—Лойяльность нѣмецкой политики и препирательства г-жи Адамъ съ кн. Бисмаркомъ.—Австрійскія невзгоды.—Кіевскій съѣздъ и Штроссмайеръ.—„Рыбьи пляски“ въ Босніи.—Массова и итальянская политика Германіи.—Послѣднія политическія событія во Франціи.

Не смотря на то, что прошло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, съ тѣхъ поръ какъ германская эскадра, конвоировавшая „Гогенцоллерна“, оставила Россію, толки о результатахъ свиданія двухъ императоровъ не унимаются въ европейской печати. Въ то же время мы до сихъ поръ не видимъ никакихъ фактическихъ результатовъ этого событія, надѣлавшаго столько шуму въ политическомъ мірѣ Европы. Что касается собственно до насъ, то мы никогда и не ожидали, чтобы встрѣча государей Германіи и Россіи могла принести какіе-либо существенные результаты, не только согласные съ видами русской политики, но и вообще такіе, которые могли бы отозваться замѣтнымъ образомъ на общемъ ходѣ европейской политики. Мы говорили, что пріѣздъ императора Вильгельма II въ Россію былъ почти обязательнымъ для молодаго государя внѣшнимъ выраженіемъ уваженія къ его старѣйшему родственнику, Императору Всероссійскому. Если руководитель германской политики и связывалъ съ этимъ событіемъ какія-либо политическія соображенія, то соображенія эти, не во гнѣвъ князю Бисмарку, могли клониться лишь къ тому, чтобы добиться отъ Россіи какихъ-либо уступокъ въ пользу Австріи, да еще заручиться увѣренностью въ томъ, что въ случаѣ, если Фран-

ція такъ или иначе будетъ вызвана на вооруженную борьбу, то Россія останется хладнокровной зрительницей не только этой борьбы, но пожалуй и самаго пораженія страны, возможность сближенія ея съ которой до сихъ поръ не даетъ покою германскому канцлеру. Находясь въ сторонѣ отъ тайниковъ международной политики, мы, конечно, не можемъ съ точностью опредѣлить, насколько на самомъ дѣлѣ удалось князю Бисмарку достичь этихъ затаенныхъ цѣлей, но, сколько представляется возможнымъ судить объ этомъ по тому, что совершается въ политическомъ мірѣ въ настоящую минуту, можно предполагать, что если германскому канцлеру и не удалось выторговать отъ Россіи никакой подачки въ пользу протежируемой имъ Австріи, то во всякомъ случаѣ онъ пріобрѣлъ увѣренность, что Россія не помѣшаетъ ему въ его счетахъ съ Франціей. На чемъ основана такая увѣренность,—сказать довольно трудно. Во всякомъ случаѣ мы далеки отъ предположенія, что Германія получила какое-либо формальное обѣщаніе со стороны Россіи въ этомъ направленіи. Зная что кн. Бисмаркъ не имѣетъ привычки дѣйствовать въ международныхъ вопросахъ иначе, какъ навѣрняка, и нельзя не удивляться той рѣшимости, съ которой онъ, повидимому, судя по событіямъ послѣднихъ дней, намѣренъ втянуть Францію въ борьбу съ Италіей и затѣмъ, разумѣется, при первомъ пораженіи итальянской арміи или флота, выступить активнымъ защитникомъ своего побитаго друга и союзника. Едва-ли мы ошибемся если замѣтимъ, что именно къ такой политической комбинаціи направлялись всѣ послѣдніе ходы германской политики. Впрочемъ, ниже мы вернемся къ этому вопросу, а пока бросимъ бѣглый взглядъ на тѣ перемѣны, какія произошли въ политическомъ положеніи Европы со времени нашей послѣдней политической бесѣды.

Покинувъ Россію, германскій императоръ направился, какъ извѣстно, въ Швецію, для того чтобы возобновить свои дружескія отношенія со шведскимъ королевскимъ домомъ и, какъ гласила политическая молва, содѣйствовать сближенію Швеціи съ Россіею въ виду того, что отношенія этихъ государствъ между собою никогда не были ни особенно близкими, ни особенно дружественными. Въ Швеціи молодой императоръ встрѣтилъ, разумѣется, самый сочувственный пріемъ какъ со стороны двора, такъ и со стороны населенія. Король Оскаръ даже поспѣшилъ отдать визитъ своему царственному гостю и уже посѣтилъ его въ Берлинѣ. Хотя настолько же вѣжливый и любезный пріемъ встрѣтилъ императоръ Вильгельмъ и со стороны датской

королевской семьи, но даже и нѣмецкія газеты не нашли возможнымъ скрыть, что датскій народъ далеко несочувственно отнесся къ наслѣднику короля прусскаго, такъ жестоко и несправедливо поступившаго съ Даніей въ шлезвигъ-гольштинскомъ вопросѣ. Если датчане и не такъ громко, какъ французы, заявляютъ о своихъ надеждахъ на возмездіе, то изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что они менѣе сочувственны къ тѣмъ изъ своихъ соотечественниковъ, которыхъ Бисмаркъ, что называется, ни за-что, ни про-что, забралъ въ свои руки и которые до сихъ поръ находятся подъ ненавистнымъ имъ, нѣмецкимъ владычествомъ. Посѣщеніе Даніи германскимъ императоромъ возбудило въ датчанахъ только болѣе живое воспоминаніе объ оторванныхъ отъ отчизны „братьяхъ Сѣвернаго Шлезвига“ и о существованіи пятой статьи пражскаго договора, въ силу которой датчане давно уже имѣли право разсчитывать на возвращеніе Германіей хотя этой части завоеванныхъ въ 1864 г. провинцій, населенныхъ почти исключительно природными датчанами. А потому нѣтъ ничего удивительнаго, что среди возгласовъ, привѣтствовавшихъ германскаго императора на пути его отъ пристани въ замокъ Амаліенборгъ, слышались и крики протеста, и даже свистки. Разумѣется, эти протесты и свистки были совершенно неумѣстны и безполезны, и наиболѣе благоразумная и сдержанная часть публики постаралась ихъ какъ можно скорѣе прекратить, но тѣмъ не менѣе они всетаки доказали, что для дѣйствительнаго сближенія несправедливо обобранной Даніи съ обобравшей ее Германіей еще слишкомъ мало визита преемника Вильгельма I-го къ датскому двору. На другой день по пріѣздѣ въ Копенгагенъ императора Вильгельма II, вся датская печать, безъ различія оттѣнковъ и направленій, хотя и въ весьма сдержанныхъ выраженіяхъ, сочла за нужное поставить на очередь вопросъ о Сѣверномъ Шлезвигѣ. Общій смыслъ большинства этихъ напоминаній сводился къ тому, что дѣйствительное сближеніе Даніи съ Германіей можетъ послѣдовать лишь при непремѣнномъ исполненіи пятой статьи пражскаго трактата. Только одни крайніе либералы придумали довольно странное средство заставить Германію возвратить Сѣверный Шлезвигъ: они предлагаютъ Даніи принять сторону Германской Имперіи въ ея будущей великой борьбѣ „съ врагомъ цивилизаціи“, то-есть съ Россіей. Брюссельская le Nord въ очень серьезной статьѣ, посвященной вопросу объ отношеніяхъ Даніи къ Германіи, отмѣчаетъ между прочимъ и этотъ курьезъ. Вообще же брюс-

сельская газета, признаваемая заграницей органомъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, со справедливымъ и весьма понятнымъ сочувствіемъ относится къ завѣтнымъ желаніямъ датскаго народа и признаетъ эти желанія совершенно законными. Хотя, вѣроятно, берлинскіе оффиціозы и между ними, конечно, прежде всѣхъ Nord. Deut. All. Zeitung, преисполненные въ настоящую минуту особенно воинственнымъ азартомъ, не замедлили накинуться на брюссельскую газету, но, тѣмъ не менѣе, ни этотъ воинственный азартъ, ни вообще газетная брань ровно еще ничего не доказываютъ, и германскому канцлеру всетаки не мѣшало бы обратить вниманіе на отношенія Даніи къ вопросу о Сѣверномъ Шлезвигѣ. Самъ императоръ Вильгельмъ видимо былъ крайне непріятно пораженъ копенгагенскимъ инцидентомъ и, хотя, по словамъ очевидцевъ, онъ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣтилъ, и на лицѣ его не выразилось ни малѣйшихъ признаковъ внутренняго волненія, но тѣмъ не менѣе, нѣтъ сомнѣнія, что именно это обстоятельство, а не что-либо другое, заставило его сократить предположенное трехдневное пребываніе въ Даніи и пробыть въ датской столицѣ только одинъ день. Само собою разумѣется, что датское королевское семейство всячески желаетъ загладить неделикатное поведеніе датскихъ патріотовъ, и король Христіанъ поспѣшилъ отдать визитъ своему августѣйшему гостю. Въ Берлинѣ онъ встрѣтился съ своимъ сыномъ Георгомъ, королемъ греческимъ, пріѣхавшимъ туда изъ Петербурга тотчасъ же послѣ крестинъ новорожденнаго принца Христофора. Здѣсь кстати замѣтимъ, что одновременное пребываніе королей Христіана и Георга въ Берлинѣ подало поводъ къ появленію на столбцахъ Кёльнской газеты оффиціознаго сообщенія, смыслъ котораго представляется на нашъ взглядъ весьма загадочнымъ и во всякомъ случаѣ очень страннымъ. Вотъ что напечатано въ прирейнскомъ органѣ князя Бисмарка:

„Почти одновременное посѣщеніе берлинскаго двора королями Даніи и Греціи, которые оба находятся въ весьма близкомъ родствѣ съ русскимъ императорскимъ домомъ и изъ которыхъ король Георгъ несомнѣнно заинтересованъ въ восточномъ вопросѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, вызоветъ толки о возможности установить въ данный моментъ новый порядокъ въ Болгаріи. Но слѣдуетъ спросить, находится ли Россія въ такомъ положеніи, чтобы даже и въ случаѣ рѣшимости принца Фердинанда добровольно покинуть страну — могла намѣреваться прибѣгнуть, для воздѣйствія на Болгарію,

къ открытой силѣ? Этотъ вопросъ до сихъ поръ еще не разъясненъ, а между тѣмъ само собою разумѣется, что никакая дипломатія не рѣшится на такой шагъ, который можетъ привести къ неудачѣ, если при томъ она не имѣетъ возможности вслѣдъ за первымъ шагомъ сдѣлать и второй, то-есть, послѣ обмѣна дипломатическихъ нотъ прибѣгнуть къ вооруженному воздѣйствію. Центръ противодѣйствія Россіи на почвѣ болгарскаго вопроса находится однако отнюдь не въ Берлинѣ, а въ Вѣнѣ. Почему мы и думаемъ, что было бы правдоподобнѣе и цѣлесообразнѣе не приводить въ связь съ болгарскимъ вопросомъ посѣщеніе нашей столицы государями и поѣздки въ Фридрихсруэ министровъ Италіи и Австріи, тѣмъ болѣе, что для объясненія по болгарскому вопросу найдутся и другіе пункты въ Европѣ".

Едва-ли кто-нибудь возьмется перевести на обыкновенный общечеловѣческій языкъ эту оффиціозную и, полагать надо, очень глубокомысленную абракадабру. Остается неизвѣстнымъ, что именно берлинскія политическія пшеи хотѣли сказать этимъ наборомъ словъ.

На возвратномъ пути изъ своей поѣздки, молодой императоръ, прежде чѣмъ возвратиться въ свою столицу, посѣтилъ въ Фридрихсруэ отдыхающаго тамъ на лаврахъ своего канцлера. Нѣсколько часовъ провели они въ интимной бесѣдѣ, единственнымъ свидѣтелемъ, да и то извѣстной части, ея былъ графъ Гербертъ Бисмаркъ, роль котораго, по всѣмъ вѣроятіямъ, ограничилась докладомъ тѣхъ замѣтокъ, которыя были имъ сдѣланы послѣ бесѣдъ съ иностранными дипломатами, и въ томъ числѣ прежде всего съ нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Не надо обладать особенною проницательностью, чтобы понять, что въ бесѣдѣ императора съ канцлеромъ не могло не быть рѣчи объ отношеніяхъ Германіи къ Россіи и о будущемъ направленіи германской политики. Во время этой бесѣды неминуемо долженъ былъ быть затронутъ и болгарскій вопросъ, вокругъ котораго, въ силу роковой необходимости, вращаются интересы русской политики. Въ Австріи если и не были убѣждены, то весьма опасались, что во время свиданія императора съ княземъ Бисмаркомъ болгарскій вопросъ будетъ рѣшенъ окончательно и при томъ не въ смыслѣ австрійскихъ интересовъ. Наиболѣе откровенные изъ мадьярско-жидовскихъ публицистовъ высказывали очень громко эти опасенія и свое негодованіе, а другіе скрывали и то и другое, стараясь увѣрить всѣхъ и каждаго, что рѣшеніе болгарскаго вопроса, или по крайней мѣрѣ его

временное улаженіе, можетъ послѣдовать не ранѣе, какъ послѣ свиданія императора Вильгельма съ императоромъ Францемъ Іосифомъ и, для вящей убѣдительности, цѣлые столбцы своихъ газетъ посвящали соображеніямъ о чрезвычайной важности и значеніи этого свиданія. Были ли дѣйствительно правы австро-мадьярскіе публицисты, связывавшіе движеніе болгарскаго вопроса со встрѣчей императоровъ Германіи и Австріи, или германскій канцлеръ руководствовался какими-либо иными соображеніями, но только въ германской печати, несмотря на то, что тонъ ея по отношенію къ Россіи сильно понизился послѣ петергофскаго свиданія—о болгарскомъ вопросѣ не говорилось ничего, или, точнѣе, говорилось очень мало, а именно, нѣкоторые изъ наиболѣе компетентныхъ оффиціозовъ, не исключая и „Сѣверо-Германской газеты", давали понять, что единственная уступка, которая можетъ быть сдѣлана Россіи въ настоящую минуту, ограничивается удаленіемъ изъ Болгаріи Фердинанда Кобургскаго, при чемъ сообщалось, что, для дальнѣйшаго устройства судьбы Болгаріи, будетъ созванъ европейскій конгрессъ, который и займется пересмотромъ берлинскаго трактата въ отношеніи болгарскаго вопроса. Этотъ конгрессъ, по словамъ тѣхъ же сообщеній, долженъ будетъ прежде всего выдвинуть на очередь вопросъ о сліяніи Болгаріи съ Восточной Румеліей. Сообщавшіе эти свѣдѣнія нѣмецкіе оффиціозы съ особеннымъ усердіемъ успокаивали Австрію и давали ей понять, что на ея интересы будетъ обращено конгрессомъ самое тщательное вниманіе и что, признавая за Россіей извѣстное право на вліяніе въ Болгаріи, Германія тѣмъ не менѣе ни въ какомъ случаѣ не поступится интересами своего ближайшаго союзника, въ пользу русскихъ правъ. Преподавъ такія утѣшенія своему австро-мадьярскому другу, германскій канцлеръ счелъ за лучшее изъять затѣмъ болгарскій вопросъ изъ обращенія, и, какъ говорится въ канцеляріяхъ, положить его подъ сукно. Такимъ образомъ оказывается, что мы были весьма недалеки отъ истины, говоря въ прошломъ „обозрѣніи", что едва-ли представляются какія-либо основанія ожидать отъ петергофскаго свиданія результатовъ хотя сколько-нибудь благопріятныхъ для русской политики. Можно предполагать, что русское правительство осталось неизмѣнно твердымъ въ отношеніи своей программы рѣшенія пресловутаго болгарскаго вопроса и не согласилось на тѣ уступки, которыя было ему предложено сдѣлать въ пользу Австріи. Потерпѣвъ такимъ образомъ въ нѣкоторомъ родѣ пораженіе въ своихъ

маклерскихъ стараніяхъ, канцлеръ призналъ за лучшее предоставить болгарскій вопросъ его собственной участи и обратить вниманіе на какой-нибудь другой уголъ европейскаго политическаго омута, на уголъ, въ которомъ представляется болѣе удобнымъ въ данный моментъ выловить что-либо болѣе благопріятное для нѣмецкихъ интересовъ. Мы не разъ уже говорили, что въ числѣ цѣлей, преслѣдуемыхъ имперскимъ канцлеромъ, занимаетъ не послѣднее мѣсто желаніе доказать, во что бы то ни стало, что все, совершающееся въ европейской политикѣ, совершается не иначе, какъ съ разрѣшенія и соизволенія Германіи, если не совершается по ея собственному желанію. Ради такого соображенія, германскій канцлеръ, не имѣя въ настоящую минуту возможности рѣшить болгарскій вопросъ по своему благоусмотрѣнію, призналъ за лучшее не только отложить его пока въ сторону, но даже употребить свое вліяніе для того, чтобы затормозить событія, которыя могли бы, помимо его воли, измѣнить положеніе этого вопроса. Не далѣе, какъ нѣсколько недѣль тому назадъ, можно было съ увѣренностью сказать, что дни пребыванія Фердинанда Кобургскаго въ Болгаріи сочтены и что онъ будетъ вынужденъ послѣдовать примѣру своего предшественника и возвратиться въ Эбенталь къ своимъ прежнимъ мирнымъ занятіямъ. Это вѣроятно бы и совершилось, еслибы въ Вѣнѣ, гдѣ уже готовы были махнуть рукой на своего протеже, не вздумали снова (и ужь, конечно, не безъ согласія и совѣта изъ Берлина) оказать ему поддержку. Для этой похвальной цѣли, былъ вытребованъ изъ Софіи патентованный совѣтникъ мѣстнаго самозванца, австрійскій консулъ Бурьянъ, при которомъ состоятъ цѣлыя стада тайныхъ агентовъ и который, при помощи болгарскихъ статистовъ, уже нѣсколько лѣтъ сряду занимается постановкой въ Болгаріи разныхъ политическихъ арлекинадъ. Съ пріѣздомъ этого почтеннаго дипломата въ Вѣну между столицей Австріи и Болгаріей начался такой оживленный „обмѣнъ мыслей“, что телеграфъ едва успѣвалъ передавать „текущія событія“ изъ этой несчастной страны. Допустимъ, что эти событія не отличались особенною важностью и всѣ телеграфныя сообщенія сводились къ свѣдѣніямъ о переѣздахъ Фердинанда Кобургскаго изъ одного края Болгаріи въ другой и о перипетіяхъ его ссоры со Стамбуловымъ или Радославовымъ, и тому подобное. Но тѣмъ не менѣе въ Вѣнѣ снова начали приходить въ восторгъ отъ сданнаго уже было въ архивъ самозваннаго правителя, снова стали восхищаться

его мудростью и предсказывать всевозможныя бѣдствія Болгаріи, если она не сумѣетъ сохранить у себя подаренное ей Австріею сокровище. Благо какъ разъ къ этому времени подоспѣла годовщина отправки Фердинанда въ Болгарію и, слѣдовательно, былъ готовый предлогъ для восхваленія по его адресу. Чтобы съ своей стороны не бездѣйствовать и показаться болѣе или менѣе достойнымъ расточаемыхъ ему похвалъ, Кобургскій счелъ за нужное, во-первыхъ, захватить Бѣлово Вакарельскій участокъ восточной желѣзной дороги, принадлежащій турецкому правительству вмѣстѣ съ иностранными капиталистами, а во-вторыхъ, „сочинить разбойниковъ". Первый изъ сихъ подвиговъ, хотя и заслужилъ полное одобреніе въ Вѣнѣ, но врядъ-ли пройдетъ совершенно безнаказанно, какъ мы это объяснимъ ниже; что же касается до сочиненія разбойниковъ, то это по истинѣ ничто иное, какъ самый гнусный фарсъ, къ которому Фердинандъ и его пособники ухитрились придѣлать трагическую развязку. Уже давно эти почтенные господа поощряли дѣятельность извѣстнаго негодяя и самаго безцеремоннаго разбойника, прикрывавшаго свои подвиги болгарскими эполетами, маіора Паницы. Этотъ спеціалистъ по части разбоя, на средства такъ называемаго болгарскаго правительства, давно уже формировалъ шайки для постояннаго разбойничанья въ Македоніи. Болгарскіе правители, или точнѣе, Австрія, имѣли въ виду воспользоваться разбоями въ этой провинціи, какъ предлогомъ, и рано или поздно занять ее своими войсками. Въ послѣднее время на армію Паницы было возложено разыграть роль заговорщиковъ противъ „правительства", посягающихъ на свободу и даже драгоцѣнную жизнь самозванца. Этотъ комическій выходъ былъ необходимъ для того, чтобы служить предлогомъ для новыхъ звѣрствъ и неистовствъ, которыя давно уже практикуются въ Болгаріи и, подъ видомъ репрессалій якобы законнаго правительства, направляются противъ лицъ, злоумышляющихъ на него. На этотъ разъ команда Паницы зарвалась на столько, что безъ всякаго стѣсненія стала захватывать разныхъ, болѣе или менѣе, „знатныхъ" и богатыхъ иностранцевъ съ тѣмъ, чтобы потомъ получать за ихъ освобожденіе извѣстный выкупъ. Случилось такъ, что были захвачены и австрійскіе подданные; это не понравилось австрійскому правительству, и оно потребовало возмездія и возстановленія порядка; тогда „болгарскіе правители" захватили и казнили, подъ видомъ разбойниковъ, десятка два непріятныхъ имъ, но ни въ чемъ неповинныхъ обывателей, а Паницѣ должны были посовѣтовать, подъ сурдинкой конечно,

прекратить, хотя на время, свою достохвальную дѣятельность. Результатомъ такого совѣта былъ окончательный разрывъ между этимъ героемъ большихъ дорогъ и правительствомъ Фердинанда. Паница открыто объявилъ себя сторонникомъ Александра Баттенберга и вышелъ въ отставку подъ предлогомъ, что его обошли чиномъ подполковника, который дали такому же, какъ онъ, дѣятелю—Петрову.

Въ политическомъ отношеніи важно лишь то, что всѣ эти перипетіи замедлили изгнаніе Фердинанда Кобургскаго изъ Болгаріи, что̀ равносильно новому, хотя-бы и временному, успѣху австрійской интриги въ несчастной Болгаріи.

Было бы ошибкой въ этомъ новомъ замедленіи развязки, хотя и не болгарскаго вопроса во всемъ его объемѣ, а лишь частнаго вопроса о судьбѣ самозванца, не видать руководящихъ пружинъ, проведенныхъ изъ Австріи, а слѣдовательно и безмолвнаго, какъ всегда, соизволенія германскаго канцлера...

Имѣя въ виду изложенное соображеніе, можно уже съ большой основательностью судить о значеніи приведеннаго выше оффиціознаго сообщенія Кёльнской газеты. Князю Бисмарку, очевидно, необходимо показать Европѣ, что часъ его воли на разрѣшеніе болгарскаго вопроса еще не насталъ. Относительно причинъ, заставляющихъ рѣшителя судебъ Европы не давать своего благословенія на развязку безконечной болгарской трагикомедіи, поневолѣ приходится оставаться въ области предположеній и говорить гадательно.

Прежде всего необходимо обратить вниманіе на постоянно усиливающійся притокъ „мирныхъ увѣреній“. Вся безъ исключенія нѣмецкая оффиціозная печать, а вслѣдъ за ней, даже и мадьярско-жидовскіе публицисты не перестаютъ взапуски увѣрять, что всѣ дѣйствія германской, австрійской и итальянской политики направлены исключительно къ поддержанію и упроченію европейскаго мира. Мирный духъ настолько охватилъ нѣмецкую печать, что Nord. Deut. All. Zeit. нашла даже благопріятнымъ для мирныхъ цѣлей германской политики и послѣдній успѣхъ генерала Буланже, котораго еще такъ недавно весь соборъ нѣмецкихъ оффиціозовъ предавалъ анаѳемѣ, какъ угрозу европейскому миру и патентованнаго нарушителя германскаго спокойствія.

Опытъ прошлаго неоднократно показывалъ намъ истинное значеніе обилія мирныхъ увѣреній. Обыкновенно случалось какъ-то такъ, что въ наиболѣе тревожные моменты, которые приходилось переживать Европѣ, особенно усердно раздавались мирные голоса, пророчествовавшіе спокойствіе и

благоденствіе, и раздавались они, какъ нарочно, изъ тѣхъ же самыхъ сферъ, въ которыхъ таился истинный источникъ тревогъ и опасеній. Нѣчто совершенно подобное видимъ мы и въ настоящую минуту: надъ Европой витаетъ множество вопросовъ, изъ которыхъ каждый въ состояніи быть поводомъ вооруженнаго столкновенія. Внѣ всякаго сомнѣнія, что нити, двигающія эти вопросы, сосредоточены въ рукахъ желѣзнаго канцлера, и никакое изъ его дѣйствія не даетъ права думать чтобы его *мирные* помыслы шли далѣе охраненія настоящаго порядка вещей, обусловливающаго политическое преобладаніе Германіи. Можно съ полной увѣренностью сказать, что, для устраненія малѣйшаго обстоятельства, угрожающаго этому преобладанію, онъ не задумается зажечь всеобщую европейскую войну, если только,—надо оговориться,—будетъ увѣренъ, что этой войной онъ увеличитъ или хотя сохранитъ неприкосновеннымъ настоящее значеніе Германіи. Зная неразборчивость относительно средствъ для достиженія извѣстной цѣли, неразборчивость, которая, можно сказать прямо, составляетъ характеристическую черту бисмарковской политики, не трудно понять, какое значеніе придаетъ канцлеръ европейскому миру. Ему и только ему одному обязана Европа тѣмъ, что уже цѣлые десятки лѣтъ постоянно живетъ подъ страхомъ общеевропейской рѣзни и отъ него же въ настоящую минуту исходятъ такія же обильныя и успокоительныя увѣренія относительно прочности европейскаго мира, какія мы уже слыхали и въ 1864, и въ 1866, и въ 1870 годахъ, наканунѣ уже рѣшенныхъ имъ нападеній.

На сколько же можно, спрашивается, вѣрить мирнымъ рѣчамъ берлинской сирены въ кирасирскомъ мундирѣ, въ настоящую минуту, когда ничто, кромѣ *однихъ словъ*, не говоритъ въ пользу увѣренности за спокойствіе завтрашняго дня?

Германскій канцлеръ въ цѣляхъ нѣмецкой политики, на которыя мы указывали въ прошлый разъ, при помощи блестящихъ обѣщаній, сумѣлъ настолько раздразнить волчьи аппетиты своихъ союзниковъ и сочленовъ по „лигѣ мира“, что и Австрія, и Италія давно уже готовы, очертя голову, броситься въ любое самое рискованное предпріятіе въ твердой увѣренности, что Германія въ концѣ концовъ поддержитъ ихъ въ критическую минуту...

Германскіе оффиціозы имѣютъ привычку послѣ всякой чрезвычайной бесѣды своего канцлера съ кѣмъ-нибудь изъ европейскихъ дипломатовъ увѣрять всякій разъ тревожащуюся этими бесѣдами Европу, что князь Бисмаркъ совер-

шилъ еще одинъ новый подвигъ на пользу общаго мира. Если онъ совѣщался съ Кальноки, то это значитъ, что онъ уговаривалъ австрійскаго премьера быть уступчивѣе въ отношеніи Россіи, если онъ бесѣдовалъ съ Криспи, то это значитъ, что онъ совѣтовалъ ему быть болѣе сдержаннымъ въ отношеніи Франціи. Эта политическая присказка повторяется изъ года въ годъ, изо дня въ день, и значеніе ея хорошо извѣстно всѣмъ, мало-мальски интересующимся вопросами европейской политики. Такъ какъ въ настоящее время, послѣ того какъ итальянскій премьеръ совершилъ свое политическое паломничество въ Фридрихсруэ, всѣ состоящіе на бисмарковскомъ иждивеніи рептиліи стали громогласно увѣрять, что всѣ предположенія относительно цѣли свиданія канцлера съ итальянскимъ дипломатомъ—невѣрны, и что дѣйствительная цѣль этого свиданія заключалась въ томъ, чтобы посовѣтовать Италіи не раздражать Францію чрезмѣрною заносчивостью въ вопросѣ о присоединеніи къ итальянскимъ владѣніямъ Массовы. Между тѣмъ, политическая молва разноситъ по свѣту цѣлую массу предположеній о цѣляхъ поѣздки Криспи въ Фридрихсруэ, не имѣющихъ ничего общаго съ мирными удостовѣреніями нѣмецкихъ оффиціозовъ. Печать остальной Европы, не исключая и нашей, считаетъ почему-то за нужное дѣлать видъ, что безусловно вѣритъ этимъ увѣреніямъ и прибѣгаетъ ко всевозможнымъ натяжкамъ для того, чтобы кое-какъ, лишь бы не совсѣмъ вопреки логики, объяснить мирныя стремленія германскаго канцлера.

Мы уже сказали, насколько дѣйствительно можно довѣрять мирному настроенію автора политики желѣза и крови и поборника торжества силы надъ правомъ. Безспорно, если германскій канцлеръ находитъ, что вооруженное столкновеніе на какомъ бы то ни было пунктѣ европейскаго материка въ настоящую минуту не нужно, съ германской точки зрѣнія, или опасается, что такое столкновеніе можетъ оказаться дѣломъ нѣсколько рискованнымъ, съ точки зрѣнія нѣмецкихъ интересовъ, то онъ ни въ какомъ случаѣ не допуститъ его. Но въ томъ-то и весь вопросъ, выгодно или невыгодно, по мнѣнію канцлера, допустить въ настоящую минуту вооруженную встрѣчу Австріи съ Россіею или Италіи съ Франціей?

Трудно предположить, чтобы молодой императоръ Германіи, за дѣйствіями и словами котораго Европа слѣдитъ съ напряженнымъ вниманіемъ, сталъ бы что-нибудь дѣлать и говорить публично, не посовѣтовавшись съ своимъ канц-

леромъ, предъ которымъ онъ благоговѣетъ съ самаго дѣтства, а между тѣмъ, еще такъ недавно, именно слова императора Германіи и смутили еще одинъ разъ и такъ постоянно смущаемое спокойствіе Европы. Стоитъ припомнить рѣчь Вильгельма II-го, произнесенную въ Франкфуртѣ-на-Одерѣ, по случаю открытія памятника покойному принцу Фридриху-Карлу; вотъ подлинный текстъ этой краткой, но сильной рѣчи въ томъ видѣ, въ какомъ онъ напечатанъ въ имперскомъ указателѣ послѣ исправленія тѣхъ ея выраженій, которыя якобы казались особенно рѣзкими въ телеграфной передачѣ.

„Господинъ оберъ-бургомистръ, сказалъ императоръ. Сердечно благодарю васъ за только-что слышанныя мною слова и прошу васъ въ то же время принять благодарность за сердечный пріемъ, оказанный мнѣ въ этомъ городѣ. Мнѣ хорошо извѣстно, какъ вы только-что о томъ упомянули, какъ сердечныя узы вѣрной преданности связываютъ уже нѣсколько столѣтій городъ Франкфуртъ съ моимъ домомъ. Мой державный дѣдъ зналъ это хорошо, и вотъ почему онъ избралъ этотъ городъ для сооруженія памятника. По его волѣ, въ Бозѣ почивающій принцъ назначенъ былъ командиромъ 3-го армейскаго корпуса. Желѣзный, мощный характеръ, сильная воля и стратегическій геній принца дѣлали его особенно способнымъ стоять во главѣ этого корпуса и воспитывать сыновъ Бранденбурга въ суровой и тяжелой школѣ, результаты которой обнаружились впослѣдствіи въ сраженіяхъ подъ Віонвиллемъ. Наше время—серьезное время. Великихъ полководцевъ, водившихъ наши арміи къ побѣдѣ, наслѣднаго принца и принца Фридриха-Карла нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Пока будетъ существовать исторія, до тѣхъ поръ моего родителя, какъ германскаго наслѣднаго принца, и моего дядю, какъ германскаго фельдмаршала par excellence, будутъ чествовать какъ передовыхъ борцовъ и созидателей имперіи. Подобно тому, какъ бранденбургскій народъ съ желѣзною энергіею и неутомимою дѣятельностію ведетъ для собственнаго прошитанія борьбу съ песчаною почвою, 3-й армейскій корпусъ ровно восемнадцать лѣтъ тому назадъ вырвалъ изъ рукъ непріятеля побѣду. Но подвигами, совершенными этимъ корпусомъ, онъ обязанъ принцу и его школѣ. Пью за здоровье города Франкфурта и пью за здоровье 3-го армейскаго корпуса. Скажу еще одно слово, милостивые государи, въ виду великаго дня, который мы нынѣ чествуемъ. Есть люди, которые не стыдятся утверждать, что мой родитель собирался уступить

обратно то, что имъ было пріобрѣтено съ мечемъ въ рукахъ вмѣстѣ съ покойнымъ принцемъ. Мы его слишкомъ хорошо знали, чтобы могли хотя бы на одно мгновеніе равнодушно относиться къ такому поруганію его памяти. Онъ мыслилъ такъ, какъ и мы, а именно, что изъ пріобрѣтеннаго въ великую эпоху ничто не можетъ быть отчуждено. Я думаю, что какъ въ 3-мъ армейскомъ корпусѣ, такъ и во всей арміи извѣстно, что въ одномъ отношеніи существуетъ полное единодушіе, а именно, что лучше положить на полѣ битвы всѣ 18-ть армейскихъ корпусовъ и 42 милліона жителей, нежели уступить хотя бы одинъ камень изъ того, что было пріобрѣтено моимъ родителемъ и принцемъ Фридрихомъ-Карломъ. Въ этомъ именно смыслѣ я и провозглашаю тостъ въ честь моихъ бравыхъ бранденбургцевъ города Франкфурта и 3-го армейскаго корпуса".

Когда появились въ печати, переданные по телеграфу, отрывки этой рѣчи, то ея явно воинственное настроеніе было замѣчено всѣми и вызвало весьма тревожное настроеніе и толки; для того чтобы смягчить это впечатлѣніе, Имперскій „Указатель" и большинство оффиціозовъ напечатали тексты рѣчи въ вышеприведенномъ видѣ, указывая на неправильность телеграфной передачи. Собственно говоря, между телеграфнымъ и полнымъ текстами никакой существенной разницы нѣтъ, кромѣ того, что въ первомъ выпущены всѣ незначущія мѣста. Мы нарочно привели полный текстъ, чтобы показать, что заявленіе о готовности положить на полѣ битвы всѣ 18 армейскихъ корпусовъ и 42 милліона нѣмцевъ, скорѣе нежели уступить хотя бы одинъ камень изъ всего завоеваннаго Германіей, нисколько не утрачиваетъ своей силы оттого, что вмѣсто переданныхъ по телеграфу словъ императора „*Я готовъ положить всѣ 18 армейскихъ корпусовъ* и т. д." стоитъ болѣе витіеватая и запутанная фраза, въ которой императоръ говоритъ, какъ бы не отъ своего лица, а отъ лица своего покойнаго отца и всей германской арміи. Дѣло въ томъ, что и въ этомъ исправленномъ видѣ рѣчь императора Вильгельма является или совершенно неумѣстной воинственной демонстраціей, среди *мирнаго* теченія европейской политической жизни, или должна служить предостереженіемъ и угрозой по адресу тѣхъ, кто можетъ разсчитывать на возвращеніе себѣ чего-либо захваченнаго Германіей. Эти слова какъ бы иллюстрируютъ довольно загадочную замѣтку Kölniche Zeit., которая въ отвѣтъ на упомянутую нами статью въ le Nord о Сѣверномъ Шлезвигѣ, съ воинственнымъ азартомъ заявила, что отчужденіе Шлезвига

отъ Пруссіи можетъ быть не иначе, какъ результатомъ кровопролитной войны, въ которой Германія бы потерпѣла разгромъ и пораженіе. „Но къ такимъ послѣдствіямъ, заключаетъ прирейнская газета, можетъ привести только война, въ которой Россія будетъ сражаться противъ Германіи рядомъ съ Франціей.“

Въ отвѣтъ на всѣ мирныя увѣренія германскихъ оффиціозовъ, намъ кажется, достаточно указать на вышеприведенныя слова германскаго государя, да на ихъ собственныя, вовсе немилолюбивыя выходки, проявляющіяся иногда какъ бы невзначай среди дружнаго хора мирныхъ напѣвовъ. Въ концѣ концовъ съ глубокимъ сожалѣніемъ приходится признать, что политика Германіи даже и послѣ петергофскаго свиданія не сдѣлалась прямодушнѣе и сердечнѣе даже и въ отношеніи Россіи, чѣмъ была до тѣхъ поръ. Прямодушіе и лойяльность этой политики не пойдутъ далѣе словъ, которымъ, къ сожалѣнію, постоянно противорѣчатъ факты. Говорятъ будто бы, что даже, уговаривая Криспи быть сдержаннымъ по отношенію къ Франціи, князь Бисмаркъ не забывалъ о Россіи и объяснялъ свой совѣтъ итальянскому дипломату тѣмъ, что Германія обѣщала Россіи „сохранить настоящее политическое положеніе“ (?) и должна выполнить это обѣщаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, канцлеръ напомнилъ Криспи о необходимости „уважать интересы Россіи въ Болгаріи.“ Людямъ непосвященнымъ въ тонкости бисмарковской политики, конечно, трудно угадать, о сохраненіи какого status quo идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ. Если это есть именно то настоящее политическое положеніе, сохраненіемъ котораго дорожитъ самъ Бисмаркъ, то есть положеніе, обусловливающее всемогущество и силу Германіи, то мы затрудняемся допустить, чтобы Россія взяла слово съ германскаго канцлера наблюдать за сохраненіемъ этого положенія. Что же касается до любезнаго указанія на „необходимость уважать русскіе интересы въ Болгаріи“, то Россія, конечно, должна быть весьма признательна германскому канцлеру за это и намъ остается только сожалѣть, что столь нѣжно заботящійся о насъ канцлеръ до сихъ поръ не имѣлъ еще случая и возможности показать на практикѣ, что именно понимаетъ онъ подъ именемъ „русскихъ интересовъ въ Болгаріи“, и въ чемъ именно должно и можетъ выразиться уваженіе къ этимъ интересамъ? До сихъ поръ мы только и слышали одни слова и притомъ слова, въ большинствѣ случаевъ расходившіяся съ фактами. Въ настоящую же минуту пожалуй отчасти уже и поздно заботиться о русскихъ ин-

*

тересахъ въ Болгаріи, послѣ того, какъ Австріи дана была полная возможность для систематическаго попиранія этихъ интересовъ.

Мы полагаемъ, что ни единый безпристрастный человѣкъ не въ состояніи принять за что-либо серіозное нѣмецкія разглагольствованія объ интересахъ Россіи и объ уваженіи къ нимъ точно также, какъ никто не повѣритъ и въ искренность мирныхъ стремленій „лиги мира", спеціально созданной для вовсе немирныхъ цѣлей „войны на два фронта". Для того, чтобы установить окончательно образъ воззрѣній на обуявшій Европу потокъ мирныхъ вѣяній, мы еще разъ повторимъ, что если въ настоящую минуту германскій канцлеръ съ особеннымъ успѣхомъ выступаетъ въ роли яраго защитника мира, то слѣдовательно ему, во-первыхъ, нужно до поры до времени играть эту роль quand même, а во-вторыхъ, и главное, онъ по обыкновенію подтасовываетъ обстоятельства такимъ образомъ, чтобы, въ случаѣ какой-либо европейской катастрофы, онъ могъ умыть руки и затѣмъ увѣрять всѣхъ, что, при всемъ своемъ желаніи, не могъ противустоять силѣ и давленію фактовъ и событій.

Въ Вѣнѣ, очевидно, знаютъ, чего слѣдуетъ придерживаться въ дѣйствительности и знаютъ настоящую мѣру бисмарковскаго миролюбія, иначе тамъ едва-ли бы рѣшились продолжать политическую игру въ прежнемъ, далеко не миролюбивомъ, тонѣ. Какъ ни велики заносчивость и самоувѣренность австро-мадьярскихъ политиковъ, тѣмъ не менѣе, они всетаки никогда не пойдутъ въ разрѣзъ (по крайней мѣрѣ явнымъ образомъ) *съ дѣйствительными* намѣреніями и желаніями германскаго канцлера. Общимъ выводомъ изъ всѣхъ вышеприведенныхъ соображеній можетъ быть лишь новая увѣренность въ томъ, что германская политика и послѣ петергофскаго свиданія остается настолько же двойственной, какою была и прежде и какою, вѣроятно, будетъ и впредь.

Здѣсь будетъ совершенно кстати замѣтить, что, вѣроятно, вполнѣ неожиданно для князя Бисмарка, въ самый разгаръ его послѣднихъ „мирныхъ" усилій и проповѣдываній, европейской публикѣ напомнили объ цѣломъ рядѣ недавнихъ подвиговъ бисмарковскаго прямодушія; за это благое дѣло взялась извѣстная Жюльета Аданъ, въ своей Nouvelle Revue. Въ іюльской книжкѣ этого журнала напечатана докладная записка германскаго канцлера покойному импера-

тору Фридриху, по поводу проекта о бракѣ Александра Баттенбергскаго съ дочерью покойнаго императора Фридриха, принцессою Викторіею. Появленіе въ печати этой записки было совершенною неожиданностью для самаго канцлера, такой неожиданностью, которая заставила очевидно растеряться даже и его, который никогда и ни отъ чего не теряется. Эта растерянность не могла не броситься въ глаза всѣмъ, кто хоть сколько-нибудь пристально слѣдитъ за политическими событіями. Когда была напечатана названная „запписка", нѣмецкіе официозы, начиная съ самой Kölnische Zeit., въ одинъ голосъ *почти признали* подлинность этого документа и только для виду говорили, что текстъ, появившійся во французскомъ журналѣ хотя и указываетъ на близкое знакомство автора съ тѣмъ, что имперскій канцлеръ имѣлъ случай докладывать своему государю, но что этотъ текстъ не есть точный переводъ одного какого-либо документа, а составленъ изъ отрывковъ нѣсколькихъ документовъ, сгруппированныхъ, впрочемъ, весьма правдоподобно. Но прошло нѣсколько времени, на Фридрихштассе успѣли поглубже вникнуть въ текстъ обнародованной записки и увидали, что въ ней есть не мало кое-чего, могущаго сильно компрометтировать пресловутую бисмарковскую лойяльность, и тогда въ лейбъ органѣ канцлера Nord. Deut. All. Zeit. появилось весьма рѣшительное хотя и совершенно голословное признаніе, напечатанной въ Nouvelle Revue, записки подложною. Что же, однако, было дѣйствительно компрометтирующее для Бисмарка и его политики въ запискѣ, которую, по первому движенію, онъ не задумался признать за точное воспроизведеніе тѣхъ представленій, которыя онъ дѣлалъ своему государю по поводу сватовства Баттенберга къ принцессѣ Викторіи?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы приведемъ въ подлинникѣ отвѣтъ г-жи Аданъ „германской печати", появившійся въ послѣдней книжкѣ Nouvelle Revue. Вотъ этотъ отвѣтъ:

„Кобургъ, 12-го августа.

„Тѣ, для кого дорога истина, ждутъ отъ меня нѣсколькихъ словъ по поводу увѣреній нѣмецкой печати о подложности напечатаннаго мною доклада г-на Бисмарка императору Фридриху III.

„Мой отвѣтъ будетъ простъ и коротокъ.

„Ручаюсь моею честью за подлинность этого документа, точно такъ же, какъ ручаюсь за подлинность „государственной тайны", обнародованной въ Nouvelle Revue графомъ Ва-

силіемъ, и какъ ручаюсь за подлинность болгарскихъ документовъ.

„Пусть князь Бисмаркъ громоздитъ одну ложь на другую, тѣмъ полнѣе будетъ радость его враговъ, потому что тѣмъ вѣрнѣе раздавитъ его эта масса лжи въ тотъ день, въ который ему суждено быть окончательно обличеннымъ.

„Доказательства лживости кн. Бисмарка въ моихъ рукахъ и если я даже исчезну, то явятся другія руки и другія перья въ угрозу au plus effronté menteur стараго и новаго свѣта.

„Въ обнародованномъ мною документѣ, подлинность котораго облыжно опровергается канцлеромъ, онъ лжетъ своему государю, потому что подлинность болгарскихъ документовъ несомнѣнна.

„Заставляя императора Вильгельма I поклясться русскому царю, что болгарскіе документы подложны, г. Бисмаркъ солгалъ.

„Заставляя затѣмъ императора Фридриха III утверждать, что болгарскіе документы были изготовлены фальсификаторами безъ всякаго основанія и безъ всякихъ фактическихъ данныхъ, великій германскій канцлеръ еще разъ солгалъ.

„Никогда бы ни одинъ изъ этихъ государей, отличавшихся безукоризненною честностью, не сталъ бы утверждать и клясться, еслибы оба они сами не были дерзкимъ образомъ обмануты.

„Извѣстны ли русскому правительству всѣ продѣлки германскаго канцлера,—я этого не знаю въ точности. По поводу „государственной тайны“ вниманіе его должно быть возбуждено страннымъ фактомъ отрицанія германско-бельгійскаго договора, за которымъ послѣдовало не менѣе странное утвержденіе, что въ какую-либо данную минуту можетъ понадобиться заключеніе военной конвенціи между Германіей и Бельгіей!

„Кн. Бисмаркъ, графъ Гербертъ и король Леопольдъ очень хорошо знаютъ, что все, обнародованное графомъ Васпліемъ по поводу германско-бельгійскаго договора, является совершенной истиной, но, разумѣется, я не стану обращаться къ нимъ съ просьбою, чтобы они засвидѣтельствовали объ этомъ.

„Ничто не можетъ быть забавнѣе для тѣхъ, кто, подобно мнѣ, знаетъ кое-что изъ секретовъ кн. Бисмарка, какъ измѣненія во взглядахъ германской печати на канцлерскій докладъ императору Фридриху III. Такъ „Kölnische Zeitung“

то признавала достовѣрность документа, то отрицала ее, а въ заключеніе заявляла:

„Дѣло почти неслыханное во французской публицистикѣ, что въ ней отыскался кто-то, а именно—фальсификаторъ въ Nouvelle Revue, такъ хорошо понявшій стремленія германской политики. Поэтому-то и можно повѣрить, что авторъ долженъ былъ ознакомиться съ настоящимъ докладомъ, тѣмъ болѣе, что онъ избѣгаетъ всего, что могло бы быть направлено противъ германской политики".

„Это заявленіе весьма забавно, но послѣдняя статья въ Nord. Deut. All. Zeitung еще болѣе поучительна.

„Въ Nouvelle Revue напечатано, что письмо англійской королевы къ дочери ея, германской императрицѣ, получено было 26-го марта. Число 26, повидимому, означено невѣрно, и я думаю, что 25 должно быть признано болѣе точнымъ. Сомнѣніе обусловлено въ данномъ случаѣ трудностью прочесть это мѣсто доклада. (кн. Бисмаркъ можетъ провѣрить это на самомъ текстѣ доклада, подобно тому, какъ я провѣряла его на фотографическомъ снимкѣ).

„Чтобы остановиться на чемъ-нибудь, я помѣтила, что письмо получено 26 числа. Управленіе имперскаго канцлера, отвѣчая въ Nord. Deut. All. Zeit. на вопросъ: „достовѣренъ ли этотъ документъ?" начинаетъ съ отрицанія письма англійской королевы, при чемъ злополучный редакторъ помѣчаетъ это письмо какъ разъ *25-мъ числомъ*, когда оно было въ самомъ дѣлѣ получено!!!

„Письмо это тамъ у него передъ глазами, это письмо королевы Викторіи, оно въ его портфелѣ занумеровано и помѣчено краснымъ карандашемъ: „Получено 25-го марта". Не обращая вниманія на число, выставленное въ Nouvelle Revue, онъ наивно заявляетъ:

„Письма отъ 25-го марта вовсе не существуетъ! Nouvelle Revue знаетъ, впрочемъ, лучше нашего все, происходящее въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и т. д. и т. д.".

„Французская печать, лишь за немногими исключеніями, вполнѣ убѣдилась въ достовѣрности упомянутаго доклада, повидимому, лишь послѣ запутанныхъ объясненій въ Nord. Deut. All. Zeit., совершенно разсѣявшихъ даже и послѣднія сомнѣнія.

„Можно было бы написать любопытную статью по поводу колебаній кн. Бисмарка при видѣ его доклада на французскомъ языкѣ въ свободномъ переводѣ съ нѣмецкаго. Онъ охотно бы призналъ достовѣрность этого доклада, въ которомъ конфиденціально отрицается существованіе болгар-

скихъ писемъ и разоблачается его политическая программа, но въ докладѣ имѣются и другіе щекотливые пункты, какъ напримѣръ, письмо англійской королевы, замѣчанія на счетъ русскаго правительства и на счетъ румынскаго короля. Во всемъ этомъ, очевидно, нельзя было признаться.

„Вскорѣ найдено было средство выпутаться изъ этого затруднительнаго положенія. Германскій канцлеръ поручилъ оффиціально опровергнуть достовѣрность упомянутаго доклада передъ послами, аккредитованными при берлинскомъ дворѣ. Нѣкоторымъ изъ нихъ, однако, было непосредственно заявлено, что почти весь напечатанный докладъ совершенно вѣренъ съ подлиннымъ. Такимъ образомъ, великій германскій канцлеръ попался въ поставленную мною ему ловушку, которая заключалась въ томъ, чтобы заставить его солгать еще разъ.

„Пусть, однако, кн. Бисмаркъ не думаетъ, что онъ уже расквитался со мною. Теперь все будетъ зависѣть отъ тона германской печати. Нападки ея на меня вызовутъ подобныя же нападки съ моей стороны. На каждый укусъ германскихъ газетъ я отвѣчу новымъ разоблаченіемъ".

„Жюльетта Аданъ".

И такъ, мы видимъ, что князю Бисмарку *необходимо* было отрицать подлинность обнародованнаго нескромной издательницей Nouvelle Revue документа. Главною причиною этой необходимости, по справедливости, слѣдуетъ признать постоянное повтореніе весьма ясныхъ и вовсе недвусмысленныхъ намековъ на то, что канцлеръ считалъ необходимымъ заботиться только „о внѣшней", формальной сторонѣ русско-германскихъ отношеній, то-есть, другими словами, лишь о томъ, чтобы Россія не имѣла возможности упрекнуть Германію въ какой-нибудь явной оффиціальной международной невѣжливости. Въ своемъ докладѣ онъ открыто говоритъ, что дѣло „лиги" можетъ быть совершено лишь въ томъ случаѣ, если Россія будетъ продолжать пребывать въ *состояніи той оффиціальной симпатіи*, которая всегда существовала между ею и правительствомъ Германіи.

Само собою разумѣется, что никакого серьезнаго возраженія на отвѣтъ г-жи Аданъ со стороны германскихъ оффиціозовъ не послѣдовало. На столбцахъ сѣверо-германской газеты и иныхъ, онъ вызвалъ только грубую и бездоказательную брань по адресу автора. Исторія съ пресловутыми болгарскими документами и невольное молчаніе по поводу ихъ, на которое была обречена русская печать, послѣ того какъ самъ маститый императоръ Германіи, введенный

въ заблужденіе своимъ канцлеромъ, удостовѣрилъ подложность этихъ документовъ—все это еще свѣжо въ памяти русской публики, которая, вѣроятно, точно такъ же, какъ и наша дипломатія, ни на одну минуту не заблуждалась относительно истины въ этомъ вопросѣ. Если мы упомянули объ этихъ документахъ, то единственно ради того, что пришлось говорить о „лойяльности“ бисмарковской политики и о ея новѣйшей иллюстраціи, появившейся на страницахъ парижскаго журнала. Но тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что, къ сожалѣнію, эта „старая исторія“ продолжаетъ оставаться „всегда новой“, и что объ ней почти необходимо вспоминать всякій разъ, какъ только приходится говорить о какихъ-либо увѣреніяхъ или обѣщаніяхъ германскаго канцлера...

Наша публицистика, чуждая оффиціознаго характера, поставлена въ необходимость руководствоваться въ своихъ соображеніяхъ лишь общеизвѣстными фактами и логическими изъ нихъ выводами, между тѣмъ какъ международная политика правительствъ обусловливается массою фактовъ, остающихся намъ неизвѣстными и кромѣ того, въ силу самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ, далеко не всегда можетъ слѣдовать строго логическому пути, а потому русскому публицисту, скорѣе чѣмъ кому-либо, простительно ошибаться. Но на сей разъ, едва-ли будетъ ошибкой, если мы замѣтимъ, что вопросъ, вокругъ котораго, собственно говоря, вертятся отношенія Россіи къ средне-европейскимъ государствамъ—вопросъ болгарскій, не только не приблизился за послѣднее время къ своему разрѣшенію, но угрожаетъ новыми осложненіями и, къ сожалѣнію, вѣроятно, послужитъ источникомъ новыхъ разочарованій для Россіи.

Такое предположеніе вовсе не обусловливается какимъ-либо особенно мрачнымъ пессимизмомъ съ нашей стороны. Оно вытекаетъ изъ самой сущности окутывающихъ этотъ безконечный вопросъ политическихъ интригъ. Хотя германская оффиціозная печать и оставляетъ, какъ было замѣчено выше, по возможности въ сторонѣ болгарскій вопросъ, но тѣмъ не менѣе не безъ основанія можно заключить хотя бы изъ приведенныхъ въ началѣ этого обозрѣнія словъ Кёльнскій газеты, что въ Европѣ есть такой пунктъ, гдѣ занимаются въ настоящую минуту этимъ вопросомъ. Мы не станемъ искать на европейской картѣ этого пункта, но обратимъ лишь вниманіе на то, что та же газета прежде всего указываетъ на Австрію, какъ на непримиримаго антагониста русскимъ стремленіямъ. Но ранѣе появленія этой

замѣтки и въ той же прирейнской газетѣ, а главное въ весьма хорошо знакомой съ дѣломъ берлинской National Zeitung была изложена, хотя и въ гадательной формѣ, программа предварительнаго, такъ сказать, улаженія болгарскаго вопроса. Объ этой программѣ мы уже говорили. Въ главныхъ чертахъ она заключается въ удаленіи Фердинанда Кобургскаго и въ замѣнѣ его лицомъ, которое бы могло быть принято съ одинаковой готовностью и Россіей, и Австріей. Дальнѣйшее рѣшеніе судебъ Болгаріи, въ силу этой программы, предполагалось возложить на европейскій конгрессъ. Изъ числа кандидатовъ на болгарскій престолъ, равно пріятныхъ и Россіи, и Австріи, упоминались имена принца Вальдемара датскаго и женатаго на младшей сестрѣ государыни императрицы, принцессѣ Тирѣ—герцога Кумберлэндскаго. Въ настоящую минуту какъ разъ гостятъ въ замкѣ этого предполагаемаго кандидата на болгарскій престолъ и русская Государыня съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, и семья принца Уэльскаго, и туда же сдѣлалъ визитъ императоръ Францъ-Іосифъ. Не въ гмюнденскомъ ли замкѣ, полагаютъ иные, слѣдуетъ искать тотъ пунктъ, въ которомъ бесѣдуютъ въ настоящую минуту о судьбахъ Болгаріи, и не есть ли герцогъ Кумберлэндскій лицо, на которомъ предполагается возможнымъ соединить симпатіи Россіи и Австріи? Не позволяя себѣ вдаваться въ какія-либо политическія предсказанія, мы остановимся однако на этомъ предположеніи и посмотримъ, къ какимъ результатамъ могло бы привести осуществленіе такого предположенія. Предполагая, конечно, что герцогъ Кумберлэндскій явится въ Болгарію, одушевленный, съ самыми лучшими намѣреніями и преисполненный самыхъ честныхъ отношеній къ Россіи, и притомъ съ полнымъ сознаніемъ необходимости для Болгаріи самаго тѣснаго сближенія съ ея освободительницей, что же онъ встрѣтитъ въ несчастной странѣ, измученной и доведенной до раззоренія долгими годами анархіи, порожденной и поддерживаемой чужеземной интригой? Прежде всего, его встрѣтятъ безконечныя интриги партій, набираемыхъ и руководимыхъ мѣстными политическими авантюристами, поголовно закупленными Австріей. Войско, отъученное отъ всякой дисциплины и представляющее собою пародію на янычаръ и затѣмъ тѣ же австрійскіе агенты, которые дѣйствовали и дѣйствуютъ до сихъ поръ... Спрашивается, на кого и на что среди этого хаоса будетъ въ состояніи опереться новый правитель Болгаріи, какимъ бы горячимъ желаніемъ вывести страну на путь законности ни былъ

онъ преисполненъ? Такъ какъ предполагается и входитъ въ программу предварительнаго улаженія болгарскаго вопроса, что ни русскихъ офицеровъ, ни русскихъ войскъ не будетъ допущено въ Болгарію, то новому князю, волей-неволей, придется имѣть дѣло или съ мѣстными проходимцами, вродѣ Стамбуловыхъ, Стояновыхъ, Муткуровыхъ и Паницъ, да съ безчисленнымъ множествомъ австрійскихъ и другихъ нѣмцевъ, которыми и такъ уже кишмя кишитъ несчастная страна, и которые, конечно, не замедлятъ нахлынуть туда еще въ большемъ количествѣ, вслѣдъ за перемѣною правительственнаго режима... Излишне говорить о томъ, что можетъ быть конечнымъ результатомъ такой печальной группировки обстоятельствъ.

Вотъ что ожидаетъ болгарскій вопросъ, даже и въ лучшемъ случаѣ его предварительнаго разрѣшенія. Ожидать, чтобы конгрессъ, если онъ только соберется, могъ въ своихъ рѣшеніяхъ придти къ какимъ-либо результатамъ, благопріятнымъ для русской политики, было бы болѣе чѣмъ наивно. Почему это именно такъ—намъ доводилось говорить уже не разъ. Задачей европейской политики, всегда было, есть и будетъ идти въ разрѣзъ задачамъ политики Россіи и всѣми возможными и невозможными средствами тормозить ея усилія и стремленія. Разговоръ о примиреніи русскихъ интересовъ съ интересами австрійской политики лукавства и захватовъ такъ и останется, во вся дни до скончанія вѣка, однимъ разговоромъ. Рѣшеніе болгарскаго вопроса, въ смыслѣ благопріятномъ стремленіямъ Россіи, какъ и всѣхъ другихъ вопросовъ, интересующихъ ее, было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, если бы наше правительство придерживалось въ дѣйствіяхъ своей внѣшней политики тѣхъ же воззрѣній и теорій, которыхъ издавна придерживается, напримѣръ, Англія и которыя нашли такое рельефное воплощеніе въ дѣятельности германскаго канцлера. Они *всегда сами рѣшали* всѣ интересующіе ихъ вопросы и предоставляли Европѣ вѣдаться съ такъ называемыми „совершившимися фактами“... Въ видѣ утѣшенія, остается лишь надѣяться, что русская дипломатія не забыла урока берлинскаго конгресса и не захочетъ повторить печальныхъ ошибокъ этого тяжелаго момента новѣйшей русской исторіи.

Въ назиданіе вѣрующимъ въ возможность соглашенія Россіи и Австріи на почвѣ не только болгарскаго, но и вообще славянскаго вопроса (если такихъ вѣрующихъ можно найти еще въ Европѣ), достаточно указать на отношеніе австрійской оффиціозной печати ко всѣмъ безъ исключенія

случаямъ, затрогивающимъ такъ или иначе, съ той или другой стороны, отношенія Россіи къ славянству. Такой именно случай имѣлъ мѣсто весьма недавно въ Кіевѣ, куда на праздникъ 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси съѣхались представители почти всѣхъ славянскихъ народностей, не исключая и тѣхъ, которымъ суждено судьбой пребывать еще подъ чуждымъ имъ скипетромъ Австріи. Въ предъидущемъ обозрѣніи мы отмѣтили то непостижимое злорадство, съ которымъ не только австрійская, но и нѣмецкая печать отнеслась къ собравшимся на кіевскій юбилей представителямъ славянства. Это злорадство перешло въ положительное негодованіе и какой-то дикій ревъ, послѣ того какъ хорватскій епископъ Штроссмайеръ обратился въ день юбилея къ ректору кіевскаго университета съ поздравительной телеграммой, а представители славянства, собравшіеся въ Кіевѣ, просили министра императорскаго двора повергнуть на Высочайшее воззрѣніе одушевляющія ихъ чувства. Само собою разумѣется, что ни въ одномъ изъ названныхъ документовъ не было ничего такого, отчего бы слѣдовало приходить въ негодованіе и ужасъ, но въ Австріи вѣдь смотрятъ на славянскій вопросъ сквозь свои особо спеціально для этой цѣли устроенныя очки. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ обратились представители славянства къ графу Воронцову-Дашкову: „Благоволите повергнуть къ стопамъ Государя Императора наше скромное слово. Изъ всѣхъ православно-славянскихъ земель на торжество Русской Церкви собравшіеся въ стольномъ Кіевѣ гости челомъ бьютъ державному ласковому хозяину земли русской, надеждѣ и покровителю славянства и всего православнаго міра, Государю православному, да хранитъ Господь изъ вѣка въ вѣкъ защитницу нашу возлюбленную, и сестру старшую, святую Русь православную, да помянетъ ей, въ благости своей въ безмѣрной, кровь ея праведную, за насъ во всѣ времена пролитую, да хранитъ Господь Тебя, Великій Царь Государь, на царствѣ Твоемъ, да даруетъ Тебѣ здравіе, радость сердечную, да подастъ успѣхъ въ подвигахъ Твоихъ, да смиритъ враговъ Твоихъ на радость Руси Твоей могучей и насъ, сирыхъ.

Михаилъ, митрополитъ сербскій, Митрофанъ, митрополитъ черногорскій". (Затѣмъ слѣдуютъ еще пятьдесятъ четыре подписи).

Не болѣе приведенной телеграммы могла бы возбуждать какія-либо опасенія, даже и съ ultra австрійской точки зрѣнія, телеграмма почтеннаго епископа Штроссмайера. Вотъ

эта телеграмма: „Честь имѣю съ искреннѣйшею радостью присоединиться къ сегодняшнему вашему торжеству, наслѣдіе святаго Владиміра—святая вѣра есть воскресеніе и жизнь, свѣтъ и слава для великаго русскаго народа. Богъ да благословитъ Россію, да позволитъ ей живою вѣрою, образцовою жизнью, съ Божьей помощью и христіанскимъ героизмомъ при всѣхъ прочихъ своихъ задачахъ исполнить и ту величественную міровую задачу, предназначенную ей Богомъ. Вотъ искреннія желанія сердца моего. Прошу—будьте выразителемъ этихъ чувствъ передъ остальными братьями, коихъ дружески поздравляю и отечески благословляю".

Архіепископъ Іосифъ Штроссмайеръ, семидесятилѣтній старецъ, уже болѣе двадцати лѣтъ занимаетъ мѣсто драковарскаго епархіальнаго архіерея, и до сихъ поръ считался „добрымъ католикомъ", хотя мадьярско-австрійскіе патріоты и косились на него порою за его чисто славянскія воззрѣнія и безпредѣльную преданность славянской идеѣ, но съ этимъ направленіемъ дѣятельности почтеннаго епископа, съ теченіемъ времени, уже примирились отчасти ради того, что его считали въ то же время преданнымъ католицизму, а главное потому, что мадьяры и нѣмцы почему-то видѣли въ немъ заклятаго врага Россіи и православія; ради мнимаго руссофобства, ему прощался хорватско-славянскій патріотизмъ. Въ Римѣ, въ свою очередь, считали неудобнымъ ссориться съ драковарскимъ епископомъ, потому что успѣли убѣдиться въ силѣ его характера и непреклонности воли, которые онъ не побоялся обнаружить въ столкновеніи съ папой Піемъ IX въ вопросѣ о непогрѣшимости. Телеграмма, посланная имъ въ Россію, такъ сказать, открыла глаза мадьярамъ и нѣмцамъ и показала имъ образъ маститаго пастыря и славянскаго патріота въ его истинномъ величіи. Они поняли, что онъ никогда не былъ врагомъ Россіи и православія, а напротивъ того вѣритъ въ ея обще-славянскую миссію и готовъ всѣми силами содѣйствовать сліянію православія съ католичествомъ на почвѣ введенія славянскаго языка въ богослуженіе. Признавая за цивилизаціей запада ея истинное значеніе, маститый Штроссмайеръ постоянно сокрушался сердцемъ, видя на западѣ постепенный упадокъ религіозныхъ чувствъ и вѣрованій и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенное пониженіе нравственнаго уровня западныхъ воззрѣній. Онъ всѣ свои упованія возлагалъ на обновленіе духовной жизни запада путемъ пріобщенія къ ней славянскаго элемента богатаго религіозными вѣрованіями и неутратившаго нравственнаго идеала. Привѣтъ, посланный маститымъ славян-

скимъ пастыремъ русскимъ братьямъ въ знаменательную минуту русской исторической жизни, какъ нельзя лучше выражаетъ общій характеръ воззрѣній Іосифа Штроссмайера на славянскій вопросъ и на ту роль, которую суждено играть въ этомъ вопросѣ Россіи. Трудно описать ту злобу, съ которой обрушились мадьярскіе и австрійскіе жидовствующіе публицисты на Штроссмайера, упрекая его въ измѣнѣ Австріи и католицизму. Вышло это очень забавно и довольно поучительно. Хорошо, что въ Вѣнѣ догадались во-время и не рѣшились на скандалъ, котораго требовали стоявшіе во главѣ оффиціозной печати жиды. Вопреки ихъ совѣтамъ, почти требованіямъ, маститаго славянскаго патріота оставили въ покоѣ, и даже римская нунціатура въ Вѣнѣ нашла ненужнымъ дѣлать особаго доклада папѣ по поводу дѣйствій Штроссмайера, руководствуюсь тѣмъ соображеніемъ, что направленіе его дѣятельности хорошо извѣстно римской куріи. Такимъ образомъ, шумъ и гамъ, поднятые оффиціозной австро-мадьярскою печатью, остались безъ всякихъ послѣдствій и Штроссмайеръ даже подсмѣялся надъ ними въ издаваемомъ имъ патріотическомъ листкѣ „Независимость“. Характеръ маститаго хорватскаго патріота впрочемъ никогда не давалъ кому бы то ни было изъ числа его враговъ малѣйшаго права надѣяться запугать его клеветами и доносами.

Но какъ бы то ни было, мы полагаемъ, что обращеніе хорватскаго епископа къ собравшимся въ Кіевѣ братьямъ славянамъ и слова, въ которыхъ славянскіе депутаты выразили свои чувства передъ Государемъ Россіи, не могутъ не заставить призадуматься кое-кого въ Вѣнѣ. Дѣйствительно, тамъ имѣли случай еще одинъ разъ убѣдиться въ томъ, что задача полнаго разъединенія Россіи отъ остальнаго славянства, задача, которая составляетъ главную и сокровенную цѣль австрійской политики, вовсе не такъ проста и легка, какъ стараются увѣрить себя и другихъ австрійскіе политическіе дѣятели. Среди восточнаго и западнаго славянства, всегда и всѣ лучшіе люди будутъ видѣть въ „хозяинѣ“ земли русской—единственную надежду и покровителя славянства и всего православнаго міра, а въ самой Россіи—„свою возлюбленную защитницу и старшую сестру“ и не забудутъ „кровь ея праведную“, пролитую за свободу славянства. Такіе люди, которыми во вѣки не оскудѣетъ славянство, не перестанутъ вѣровать въ „величественную міровую задачу, предназначенную ей Богомъ“ и будутъ молить Всевышняго, да смиритъ враговъ Русскаго Царя „на ра-

дость Руси могучей" и прибѣгающихъ подъ ея защиту ея „сирыхъ" славянскихъ братьевъ... Конечно, все это не можетъ доставить особеннаго удовольствія вѣнскимъ и мадьярскимъ политикамъ, до сихъ поръ еще не перестающимъ мечтать втихомолку о созданіи всеславянской имперіи подъ главенствомъ габсбургской и іезуитско-жидовской Австро-Венгріи... Должны призадуматься въ виду подобныхъ явленій и всѣ продавшіе свою совѣсть и свое славянское чувство за австрійскіе гульдены якобы славянскіе политическіе дѣятели. Но за то могутъ смѣло, съ надеждой на лучшее будущее, поднять головы всѣ истинныя дѣти общеславянской семьи: въ нихъ есть помимо всякаго воздѣйствія Россіи, естественное, твердое сознаніе, что какія бы невзгоды ни обрушивались въ настоящемъ на тотъ или другой славянскій народъ,—какъ бы ни изнывалъ онъ подъ властью чуждыхъ ему по крови и духу угнетателей, но если онъ вмѣстѣ съ другими сынами славянства будетъ вѣрить въ грядущее торжество славянской идеи, также искренно и непреложно, какъ вѣруютъ въ него лучшіе люди славянскаго племени, то всѣ его печали и невзгоды минуютъ, и славянство возродится къ новой свободной отъ всякаго чуждаго гнета самостоятельной жизни.

Кромѣ обще-славянскихъ празднествъ, происходившихъ въ Кіевѣ, весьма непріятнымъ образомъ должны были отозваться въ Вѣнѣ связанное съ этими празднествами пребываніе среди насъ извѣстнаго славянскаго патріота доктора Живнаго и совершенно уже независящая отъ Россіи антиавстрійская демонстрація, происходившая въ Босніи и Герцеговинѣ, во время посѣщенія этихъ провинцій наслѣдникомъ австрійскаго престола, эрцгерцогомъ Рудольфомъ. Рѣчь доктора Живнаго, произнесенная имъ въ засѣданіи петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества, при всемъ ея сдержанномъ тонѣ, и не смотря на постоянныя заявленія оратора о своихъ вѣрноподданническихъ австрійско-габсбургскихъ чувствахъ и о томъ, что проводимая имъ идея духовно-литературнаго объединенія славянства лишена всякой политической подкладки, все-таки отозвалась въ Вѣнѣ весьма болѣзненно, какъ явное доказательство живучести этой идеи и совершеннаго безсилія противъ нея всевозможныхъ австро-мадьярскихъ репрессалій, нерѣдко переходящихъ въ жестокость и насиліе. Давно ли судился за свои слова и мысли докторъ Живный, и вотъ эти слова и мысли раздаются уже среди русской столицы и имъ внимаетъ, и ихъ привѣтствуетъ русская публика. Австрійскій славянинъ говоритъ

передъ русской публикой, и она встрѣчаетъ его, какъ своего человѣка, внемлетъ его рѣчамъ и сочувствуетъ его идеямъ... Гдѣ же тутъ Австрія, при чемъ же она?—объ ней упоминаютъ лишь вскользь, мимоходомъ, ради международнаго приличія... Да, есть надъ чѣмъ призадуматься!...

Еще на болѣе тяжелыя и назидательныя размышленія должно бы навести вѣнскихъ политиковъ все совершившееся недавно въ предѣлахъ насильственно захваченныхъ Австріей провинцій... Казалось, все было и предусмотрѣно, и подготовлено по случаю поѣздки въ эти провинціи эрцгерцога Рудольфа и супруги его эрцгерцогини Стефаніи. Тѣмъ не менѣе, въ Баньялукѣ случилось нѣчто, очень знаменательное. За нѣсколько часовъ до пріѣзда туда эрцгерцога собрались крестьяне изъ окрестностей, въ количествѣ болѣе двухъ тысячъ душъ, чтобы испросить аудіенціи и представить наслѣднику престола бѣдственное положеніе провинціи, всячески терзаемой и разоряемой австрійскими чиновниками. Мѣстные власти ничего не знали объ этомъ намѣреніи, но зная очень хорошо, что вообще боснякамъ приходится плохо отъ австрійскихъ порядковъ, задумали устроить въ Баньялукѣ представленіе народнаго веселья. Было нанято около трехъ-сотъ статистовъ, долженствующихъ изображать ликующій народъ, то-есть, пѣть и плясать во время проѣзда высокихъ путешественниковъ. Статистовъ умыли, одѣли, накормили и даже напоили, но тѣмъ не менѣе, всетаки „рыбьи пляски“ не удались. Какъ только показался издали экипажъ эрцгерцога, статистамъ было скомандовано—пѣть и плясать. Но тутъ-то и произошло нѣчто неожиданное: вольнонаемные статисты присоединились къ крестьянамъ, намѣревавшимся подать жалобы, и вся эта тысячная толпа завыла и заревѣла въ голосъ. Устроители народнаго ликованія сперва было растерялись, но потомъ бросились навстрѣчу эрцгерцогу и, увѣривъ его высочество въ томъ, что пьяная толпа безобразничаетъ, просили прослѣдовать къ мѣсту, предназначенному для ночлега, окольной дорогой. Эрцгерцогъ Рудольфъ повѣрилъ этому обману и не показался народу. Толпа, узнавъ объ этомъ обманѣ, бросилась было къ дворцу, но тамъ была встрѣчена жандармами и ими разогнана. Съ тѣхъ поръ какъ разыгралась въ Баньялукѣ эта исторія, на пути Рудольфа уже не попадалось никого, кромѣ переодѣтыхъ, народомъ полицейскихъ. Жандармы разгоняли народъ саблями и штыками. Въ Сараевѣ, передъ проѣздомъ эрцгерцога, было арестовано болѣе двухъ сотъ человѣкъ, а въ городкѣ Янцы,

жандармъ прокололъ штыкомъ какого-то горемыку, успѣвшаго бросить жалобу въ карету кронпринца. Если наслѣдникъ Франца Іосифа умѣетъ сознательно относиться къ происходящимъ вокругъ его явленіямъ и привыкъ вдумываться въ ихъ смыслъ, то его, разумѣется, должно было поразить „благоденствіе“ благодѣтельствуемыхъ Австріей славянскихъ провинцій. Тѣмъ болѣе, что явленія, подобныя описаннымъ, совершались почти на всякомъ шагу, но результаты всѣхъ этихъ попытокъ избавиться отъ австрійской власти, во много разъ болѣе тяжкой, чѣмъ былое турецкое владычество, имѣли результатомъ пока лишь сотни брошенныхъ въ тюрьму православныхъ босняковъ.

Если сопоставить всѣ изложенныя австрійскія злоключенія съ незавиднымъ положеніемъ австрійскаго вліянія въ Сербіи, гдѣ послѣднія выходки, повидимому, начали выводить изъ терпѣнія уже и самыхъ спокойныхъ людей и гдѣ, не сегодня-завтра, могутъ произойти событія, которыя вырвутъ власть изъ рукъ австрійскихъ наемниковъ, то надо признаться, что едва-ли даже и относительный успѣхъ австрійской интриги въ Болгаріи можетъ утѣшить австро-мадьярскихъ политиковъ. Впрочемъ, эти господа, какъ извѣстно, принадлежатъ къ числу никогда неунывающихъ людей и всегда на что-нибудь надѣются и чего-нибудь ожидаютъ. Такъ и теперь, ожидаютъ они какихъ-то „великихъ милостей“ отъ предстоящаго посѣщенія Вѣны императоромъ Вильгельмомъ. Германскій императоръ долженъ прибыть въ австрійскую столицу послѣ своей поѣздки въ Италію. Визитъ молодаго императора къ королю Гумберту представляетъ, въ свою очередь, политическое явленіе, не чуждое куріоза, какимъ нерѣдко являются съ внѣшней стороны ходы бисмарковской политики. Прежде всего, германскій канцлеръ счелъ за нужное сообщить Ватикану, что посѣщеніе императоромъ Квиринала „обусловивается исключительно военными цѣлями“, а самъ императоръ счелъ за нужное, собственноручнымъ письмомъ, увѣдомить Льва XIII, что его влечетъ въ Римъ желаніе засвидѣтельствовать свое уваженіе главѣ католичества. Чтобы щадить щепетильность римской куріи, доходящей, какъ извѣстно, до смѣшнаго—условлено, что передъ посѣщеніемъ папы Вильгельмъ II переѣдетъ изъ Квиринала, гдѣ онъ остановится, въ домъ германскаго посольства и уже оттуда, какъбы съ германской территоріи прослѣдуетъ въ Ватиканъ. Тѣмъ же путемъ онъ возвратится и обратно, послѣ свиданія съ его святѣйшествомъ. Если всѣ эти детали указываютъ, съ одной стороны, на почти дѣтскую при-

вередливость ватиканскаго узника и его черной арміи, то, съ другой стороны, они указываютъ на отсутствіе всякой щепетильности со стороны итальянскаго правительства, готоваго уже на всякія уступки и не обращающаго вниманія ни на что, лишь бы залучить въ предѣлы Италіи и въ „вѣчный городъ“ германскаго государя. Крайне любопытно, насколько раздѣляетъ итальянскій народъ воззрѣнія своего правительства и какъ онъ отнесется къ пріѣзду германскаго императора? Но какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что Криспи въ союзѣ Италіи съ Германіей съ каждымъ днемъ почерпаетъ все большую и большую самоувѣренность и не затрудняется даже быть непозволительно дерзкимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда разсчитываетъ на поддержку своей могущественной союзницы. Вся исторія съ Массовой доказываетъ это, какъ нельзя лучше. Начало и постепенное развитіе этой исторіи, конечно, хорошо извѣстны читателямъ. Италія заняла эту мѣстность и сообщила объ этомъ, какъ о совершившемся фактѣ, европейскимъ державамъ, требуя, якобы на основаніи берлинскаго трактата, уничтоженія дѣйствовавшихъ тамъ капитуляцій. Противъ этого заявленія протестовала Порта, не отрекавшаяся никогда отъ своихъ верховныхъ правъ на этомъ пунктѣ Африки, но еще болѣе энергично протестовало противъ такого шага французское правительство, признававшее за собою давно уже право исключительнаго протектората въ этой мѣсности, но до сихъ не считавшее за нужное осуществлять это право. Между Криспи и Гоблэ завязался споръ, въ которомъ первый изъ этихъ дипломатовъ отличался болѣе дерзостью, нежели логикой своихъ соображеній. Министръ иностранныхъ дѣлъ французской республики оказался несравненно болѣе благоразумнымъ, чѣмъ его итальянскій коллега. Какъ дважды два четыре, онъ доказалъ въ своей послѣдней нотѣ незаконность итальянскаго захвата территоріи, принадлежащей Египту, и, слѣдовательно, неосновательность требованія уничтоженія капитуляцій, ранѣе чѣмъ захватъ, совершенный Италіей, будетъ санкціонированъ европейскими державами. Франція, въ концѣ-концовъ, всетаки не признаетъ дѣйствій и требованій Италіи законными, но отзываетъ изъ Массовы своего вицеконсула. Такимъ образомъ, вопросъ о Массовѣ переходитъ на судъ всѣхъ европейскихъ державъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ и у тѣхъ, кто бы желалъ сдѣлать Массову предлогомъ для вооруженнаго столкновенія Италіи съ Франціей, отнимается всякая возможность совершить эту политическую передержку. Весьма вѣроятно, что

этотъ благоразумный шагъ внѣшней политики Франціи и заставляетъ нѣмецкихъ оффиціозовъ увѣрять, что князь Бисмаркъ былъ крайне недоволенъ вызывающимъ образомъ дѣйствій Криспи и совѣтовалъ ему быть болѣе сдержаннымъ и умѣреннымъ по отношенію къ Франціи. Быть можетъ, въ этихъ совѣтахъ слышалось сознаніе невозможности устроить, по крайней мѣрѣ въ данную минуту, вооруженное столкновеніе Франціи съ союзницей Германіи. Вообще надо замѣтить, что германскій канцлеръ вовсе не стѣсняется въ отношеніи Италіи, это доказываютъ какъ нельзя лучше выше изложенныя детали дипломатическихъ переговоровъ съ Ватиканомъ по поводу визита императора Вильгельма, который какъ будто бы желаетъ показать, что онъ признаетъ папу попрежнему государемъ Рима и всей бывшей церковной Области.

Что же касается Франціи, то оказывается, что изъ всѣхъ членовъ ея настоящаго правительства одинъ Гоблэ можетъ считаться стоящимъ на своемъ мѣстѣ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ. Въ столкновеніи съ Италіей онъ уже не въ первый разъ выказалъ дипломатическія способности и необходимое благоразуміе. Къ великому сожалѣнію всѣхъ сочувствующихъ Франціи, нельзя сказать ничего подобнаго о всѣхъ другихъ товарищахъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Эти почтенные господа и впереди ихъ самъ господинъ Флокэ, съ каждымъ новымъ шагомъ, обнаруживаютъ полнѣйшую политическую несостоятельность и отсутствіе всякаго политическаго такта. Если событія во Франціи пойдутъ тѣмъ путемъ, на который поставила ее неумѣлость ея правителей, то катастрофа, могущая еще разъ измѣнить существующій во Франціи строй, весьма вѣроятно наступитъ если не сегодня, такъ завтра. По крайней мѣрѣ, при настоящемъ режимѣ, можно ожидать каждую минуту такую катастрофу. Уличныя демонстраціи, служащія во Франціи обыкновенно предвѣстниками политическихъ переворотовъ, постоянно начинаютъ принимать все болѣе и болѣе серіозные и угрожающіе размѣры. Довольно малочисленныя уличныя сборища такъ называемыхъ буланжистовъ и высланныхъ противъ нихъ, по заказу того же Флокэ, уличныхъ буяновъ, которыхъ оппортунистская печать выдавала за негодующихъ студентовъ, и происходившія, между этими сборищами, уличныя драки смѣнились стачками парижскихъ рабочихъ, появлявшихся на улицахъ уже тысячными толпами, и ихъ драками съ полиціей. Вмѣсто того, чтобы принять энергическія мѣры противъ уличныхъ

*

безпорядковъ, пріобрѣтавшихъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе серьезный характеръ, разхорохорившійся сперва Флокэ началъ потомъ заигрывать и кокетничать съ зачинщиками и героями уличныхъ безобразій. Это вышло очень забавно, но въ то же время и не особенно удобно для правительственной власти, надъ которой уже открыто стали смѣяться тѣ же уличные буяны. Очень дѣятельнымъ и усердным не по разуму помощникомъ Флокэ въ этомъ направленіи является парижскій муниципалететъ, Богъ вѣдаетъ, по какому праву печатно порицающій полицію за то, что она слишкомъ неделикатно мѣшаетъ уличнымъ безобразникамъ безчинствовать на улицѣ. Въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, Флокэ всегда имѣлъ бы возможность поставить на подобающее имъ мѣсто бывшихъ коммунаровъ, втершихся теперь въ члены столичнаго муниципалитета. Но онъ не только не дѣлаетъ этого, а видимо боится противорѣчить ихъ безсмысленнымъ выходкамъ, роняющимъ послѣдній авторитетъ правительственной и полицейской власти. Полное безсиліе этой послѣдней выразилось на похоронахъ, такъ называемаго, генерала Эда. Впрочемъ, вѣроятно весьма немногимъ извѣстно, что такое этотъ отошедшій въ вѣчность Эдъ. Это ничто иное, какъ одинъ изъ самыхъ завзятыхъ коммунаровъ. Отъ юности своей убоявшись всякой премудрости, а потому не кончивъ нигдѣ курса, онъ возлюбилъ уличныя безобразія, сходки и тому подобное. Но до конца франко-прусской войны призванію Эда негдѣ было разгуляться, наполеоновская полиція шутить не любила. Только послѣ заключенія франкфуртскаго мира скрывавшіеся до тѣхъ поръ таланты этого дѣятеля могли выступить наружу и проявить себя. Когда начались въ Парижѣ первые безпорядки, то Эдъ дебютировалъ на политическомъ поприщѣ убійствомъ часоваго. Временное правительство не рѣшилось исполнить надъ нимъ смертный приговоръ. Онъ былъ помилованъ, затѣмъ избранъ въ маіоры національной гвардіи и выступилъ въ качествѣ организатора первыхъ бунтовъ коммунаровъ. Съ провозглашеніемъ коммуны Эдъ былъ назначенъ военнымъ министромъ. Подвиги его въ этомъ званіи ограничились сформированіемъ взвода разстрѣливателей, облаченіемъ себя въ какой-то фантастическій мундиръ, въ которомъ онъ мыкался изъ угла въ уголъ по парижскимъ улицамъ, со свитой каторжниковъ, также переряженныхъ въ шутовскіе мундиры. Но главнѣйшимъ его подвигомъ было разграбленіе зданія военнаго министерства и отеля Почетнаго Легіона. Но даже коммунары очень скоро убѣдились въ томъ, что

ихъ военный министръ способенъ только на пьянство, устройство ночныхъ оргій и грабежъ. На мѣсто „генерала“ Эда былъ назначенъ „генералъ“ Клюзере, а Эду поручено было командованіе на южныхъ фортахъ. Получивъ новое назначеніе, онъ имѣлъ случай ограбить семинарію Исси, затѣмъ, вмѣстѣ съ своей сожительницей, нѣкой дѣвицей Луве, дѣятельно занялся поджогомъ общественныхъ зданій и когда приближеніе и побѣды версальскихъ войскъ сдѣлали не совсѣмъ безопаснымъ для этого героя пребываніе въ Парижѣ, онъ, обративъ награбленное имущество въ деньги, благополучно удалился заграницу. Благодаря общей амнистіи, Франція была осчастливлена возвращеніемъ этого славнаго гражданина. По возвращеніи во-свояси, Эдъ устроилъ какой-то заводъ и, между прочимъ, сталъ издавать нѣсколько газетъ, крайне анархическаго направленія. Умеръ онъ скоропостижно, произнося рѣчь, во время одной изъ послѣднихъ сходокъ забастовавшихъ рабочихъ. Столь славная кончина сего великаго политическаго дѣятеля, разумѣется, послужила поводомъ къ устройству анархической демонстраціи во время его похоронъ. Шумъ, крики, драка, выстрѣлы и кровь,—все это какъ нельзя лучше сгруппировалось, въ качествѣ апоѳеоза, позорной памяти одного изъ звѣрей коммуны. Но это все еще было бы не такъ важно, еслибы въ числѣ участвовавшихъ въ устройствѣ этого апоѳеоза не были замѣшаны члены совѣта парижскаго городскаго управленія, то есть какъ бы то ни было, но всетаки лица, выражающія собою, въ нѣкоторомъ родѣ, республиканскую власть; и еслибы безпорядки во время похоронъ Эда, безпорядки, которыхъ трудно было не ожидать, въ виду послѣднихъ событій, были предупреждены или прекращены своевременно. Но въ томъ-то и дѣло, что ни министръ внутреннихъ дѣлъ, ни парижскій генералъ губернаторъ, который могъ бы въ подобномъ случаѣ дѣйствовать на свой собственный страхъ, не позаботились о томъ, чтобы имѣть подъ руками военную команду, чтобы сразу же, при первой попыткѣ къ безчинствамъ и безобразіямъ, разогнать эту жалкую и глупую толпу. Правителямъ Франціи должно быть хорошо извѣстно, какъ заразительно дѣйствуютъ на французскій народъ малѣйшіе успѣхи уличной демонстраціи и во что могутъ обратиться эти демонстраціи, всегда ничтожныя въ началѣ. Еслибы Флокэ и его товарищи заботились дѣйствительно о Франціи, а не о сохраненіи занимаемыхъ ими мѣстъ и связанныхъ съ этими мѣстами окладовъ, то позаботились бы и о томъ, чтобы передать власть въ

другія, болѣе способныя и сильныя руки. Намъ сильно сдается, что Франція, управляемая Флокэ, съ арміей, во главѣ которой стоитъ гражданскій инженеръ Фрейсинэ, едва-ли способна бороться противъ анархистовъ, все болѣе и болѣе поднимающихъ свои головы. Весьма вѣроятно, что на долю генерала Буланже, какъ мы уже и говорили прежде, выпадетъ если не избавленіе Франціи отъ послѣдствій войны 1870 года, то спасеніе ея отъ угрожающихъ ей внутреннихъ безпорядковъ.

Не далѣе какъ въ прошломъ обозрѣніи, мы говорили, что Флокэ и всѣ, радовавшіеся съ нимъ вмѣстѣ неудачѣ Буланже на выборахъ въ Ардешскомъ департаментѣ, жестоко ошибаются, считая эту неудачу за окончательное пораженіе популярности бывшаго военнаго министра и празднуя въ этой неудачѣ свою побѣду. Выборы, состоявшіеся 7-го (19-го) августа въ департаментахъ: Сѣверномъ, Соммы, и Шаранты, доказали самымъ блистательнымъ образомъ, насколько торжество оппортунистовъ и радикаловъ было преждевременно. Болѣе 250.000 избирательныхъ голосъ, полученныхъ генераломъ въ этихъ департаментахъ, говорятъ очень краснорѣчиво за популярность если не самого Буланже, то девиза, выставленнаго не его знамени. Можно съ полною увѣренностью сказать, что вездѣ, гдѣ появится Буланже съ программой, резюмируемой словами: „распущеніе палаты и пересмотръ конституціи“, успѣхъ его обезпеченъ заранѣе тѣмъ недовольствомъ, почти ненавистью, которыя умѣли внушить къ себѣ представители правительственнаго радикализма. Замѣчательно, какъ современные представители французской республики, несмотря на цѣлое столѣтіе, протекшее со времени, такъ называемой, великой революціи, не научились ничему изъ долгаго историческаго опыта. Они также наивно, какъ дѣятели 1793 года, полагаютъ, что можно заставить людей, не потерявшихъ еще голову, вѣрить въ приверженность къ свободѣ тѣхъ, кто выставляетъ себя на словахъ ея поборниками, а на дѣлѣ попираетъ на каждомъ шагу самыя основныя понятія объ этомъ благѣ, дарованномъ человѣку Провидѣніемъ. Если сто лѣтъ тому назадъ насиліе и звѣрство людей первой республики вызвали противъ нихъ всеобщую ненависть и сдѣлали возможнымъ первую имперію, то къ чему должны привести насилія, ежедневно совершаемыя радикальными правителями третьей республики? А между тѣмъ, эти насилія совершаются постоянно и систематически и совершаются именно въ той области, въ которой свобода всего законнѣе и дороже для человѣка—въ области религіи. Трудно повѣрить, до ка-

кой степени совершенно непонятнаго ожесточенія доходитъ преслѣдованіе всякихъ внѣшнихъ проявленій христіанской религіи во Франціи и какія драконовскія мѣры принимаются противъ всякой попытки проведенія христіанскаго обученія въ правительственную школу. Не только дѣти лишаются во Франціи, насильственнымъ образомъ, образованія въ духѣ христіанской религіи, но и люди, бывшіе вѣрующими въ теченіе всей своей жизни, обязательно лишаются послѣдняго религіознаго утѣшенія, если имъ приходится умирать въ одной изъ казенныхъ больницъ. Служителямъ католическаго и другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій безусловно воспрещено пріобщать въ этихъ больницахъ. Но куріознѣе и въ то же время безотраднѣе всего то обстоятельство, что подобное воспрещеніе касается лишь исключительно христіанской религіи. Евреи, господствующіе теперь въ современной Франціи, и тутъ оказались торжествующей стороной. Спеціально еврейскія школы существуютъ совершенно свободно, и раввины отправляютъ невозбранно свои обязанности вездѣ, гдѣ имъ вздумается. Не малая доля нападокъ на генерала Буланже исходитъ отъ французскаго и всемірнаго еврейства. Въ программу генерала входитъ между прочимъ и возвращеніе свободы христіанскому исповѣданію во Франціи. Онъ пользуются репутаціей антисемита и этого, конечно, болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы всѣ европейскіе жиды (не исключая и нашихъ) ополчились на него. Но кажется, можно предсказать, что это ополченіе не будетъ имѣть на сей разъ никакихъ серіозныхъ результатовъ. Во всякомъ случаѣ, говоря о Франціи, болѣе чѣмъ трудно предъугадать, что можетъ совершиться внутри этой страны даже въ самомъ недалекомъ будущемъ. Для блага Франціи можно лишь пожелать, чтобы для нея поскорѣе настали такія времена, когда правительство не будетъ воспрещать своимъ подданнымъ молиться Богу и учить тому же своихъ дѣтей.

Сообщенія и извѣстія.

I.

Къ матеріаламъ о литературной дѣятельности И. С. Аксакова. (Сообщено С. В. Н—скимъ). Въ декабрѣ 1868 г. бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ А. Е. Тимашевъ, представилъ въ Правительствующій Сенатъ рапортъ о прекращеніи изданія газеты „Москва", которую основалъ и редактировалъ И .С. Аксаковъ. Эта газета начала выходить въ свѣтъ съ 1 января 1867 г. и подверглась въ теченіе этого времени девяти предостереженіямъ и тремъ пріостановкамъ на три, на четыре и наконецъ на пять мѣсяцевъ.

И. С. Аксаковъ, допущенный къ прочтенію рапорта министра, представилъ Сенату 23 января 1868 г. обширное объясненіе, въ которомъ, между прочимъ, содержится чрезвычайно интересное *confession de foi* литературной дѣятельности знаменитаго публициста. Въ свое время объясненіе Аксакова, ставшее извѣстнымъ небольшому числу лицъ, вызывало не мало толковъ.

Въ рапортѣ министра Сенату была, между прочимъ, включена справка о литературной дѣятельности Аксакова. Она гласила слѣдующее:

Въ 1852 году Иванъ Аксаковъ издавалъ „Московскій Сборникъ". Высочайше утвержденнымъ, 3-го марта 1853 г., опредѣленіемъ бывшаго главнаго управленія цензуры, Аксаковъ, за неодобрительное направленіе сего изданія, лишенъ права быть редакторомъ какого бы то ни было изданія.

Въ 1858 году Аксакову возвращено право редакторства, съ Высочайшаго соизволенія, и дозволено основать въ Москвѣ газету „Парусъ"; но, за нарушеніе цензурныхъ правилъ, изданіе сей газеты, по Высочайшему повелѣнію, было прекращено на 3 нумерѣ.

Въ 1861 году Аксакову Высочайше разрѣшено издавать газету „День", безъ политическаго отдѣла и съ тѣмъ, чтобы цензура имѣла особое наблюденіе за этимъ изданіемъ.

По Высочайшему повелѣнію, въ іюнѣ 1862 года, воспрещено Аксакову продолжать изданіе газеты „День“, съ разрѣшеніемъ передать редакцію Самарину; но редакторствовать на самомъ дѣлѣ продолжалъ Аксаковъ.

Въ октябрѣ того же года, ему вновь разрѣшено издавать означенную газету подъ собственнымъ редакторствомъ. Прекративъ это изданіе, Аксаковъ началъ съ 1-го января 1867 года издавать газету „Москва“.

Независимо отъ вышеупомянутаго обширнаго объясненія, И. С. Аксаковъ въ прошеніи, поданномъ въ Сенатъ 27 января 1869 года, пишетъ слѣдующее:

„Относительно „справки“, приложенной къ рапорту г. министра внутреннихъ дѣлъ и заключающей въ себѣ нѣсколько данныхъ о прежней моей издательской дѣятельности, я, съ своей стороны, имѣю къ этимъ даннымъ присоединить и представить на благоусмотрѣніе Правительствующаго Сената нѣкоторыя подробности, опущенныя въ рапортѣ г. министра, но, по моему мнѣнію, не лишенныя значенія. Такъ, рапортъ говоритъ кратко, что въ 1852 г. я издалъ „Московскій Сборникъ“, за что въ 1853 г., по Высочайше утвержденному рѣшенію главнаго правленія цензуры, лишенъ былъ права быть редакторомъ какого бы то ни было изданія, но въ 1858 г. это право мнѣ было возвращено. Дѣйствительно, въ 1852 г. я издалъ I томъ „Московскаго Сборника“, но продолженіе изданія было мнѣ воспрещено, съ лишеніемъ меня права быть редакторомъ; смѣю однако же думать, что примѣръ цензурной строгости, явленной надо мною *17 лѣтъ тому назадъ*, едва-ли можетъ быть принятъ въ соображеніе въ настоящее время; съ тѣхъ поръ произошло не мало перемѣнъ: перемѣнилось царствованіе, прежніе взгляды правительства уступили мѣсто новымъ, совершились коренныя преобразованія, обновившія нашъ общественный строй: отмѣнена, наконецъ, и стало быть, самимъ правительствомъ *осуждена* прежняя строгость цензурныхъ законовъ: отечественной печати Государь Императоръ призналъ за благо даровать возможныя облегченія и удобства. (Именной указъ Правительствующему Сенату, 6 апрѣля 1865 г.). Въ какой степени удобопримѣнимы теперь вѣсы и мѣры стараго времени,—это доказывается тѣмъ, что та самая поэма моя „Бродяга“, по поводу которой, въ 1849 г., III отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи былъ мнѣ предложенъ письменный вопросъ: „почему я безпаспортнаго человѣка выбралъ себѣ въ герои“, и которая была напечатана мною въ упомянутомъ „Московскомъ Сборникѣ“,— эта самая поэма нашла себѣ теперь мѣсто во всѣхъ одобрен-

ныхъ правительствомъ учебникахъ русской словесности. Кромѣ того, въ числѣ тѣхъ сотрудниковъ „Московскаго Сборника", которые, одновременно со мною, подверглись разнымъ ограниченіямъ въ правѣ печатанія, находился и Иванъ Кирѣевскій, написавшій для сборника статью „о новыхъ началахъ философіи". Это—та самая статья, за нападки на которую въ сочиненіяхъ Писарева с.-петербургскій цензурный комитетъ, не далѣе какъ въ прошломъ году, счелъ даже умѣстнымъ начать противъ издателя спхъ сочиненій, Павленкова, судебное преслѣдованіе [1]).

„Я позволяю себѣ думать, что и статьи газеты „Парусъ", вызвавшія въ 1859 г. запрещеніе сей газеты, могли бы въ 1869 г. пройти безопасно даже сквозь предварительную цензуру, ибо Россія не стоитъ на одномъ мѣстѣ и не идетъ назадъ. Что же касается до „Дня", то отстраненіе меня, впрочемъ, временное, отъ редакторства не имѣло ни малѣйшаго отношенія ни къ тону, ни къ направленію газеты, а произошло единственно потому, что я не счелъ для себя нравственно возможнымъ объявить (какъ требовалось отъ меня) имя автора одной корреспонденціи; въ виду положительнаго закона, я предлагалъ и понести за автора отвѣтственность, но предложеніе мое не могло быть принято. Такимъ образомъ „справка" о моей прежней издательской дѣятельности, приложенная къ обвинительному рапорту, едва-ли можетъ служить какимъ-либо свидѣтельствомъ о существенныхъ основахъ моего направленія вообще и подлежащей разсмотрѣнію Сената газеты „Москва" въ частности".

II.

Изъ писемъ Б. М. Маркевича. Письмо къ князю Н. Н. Голицыну. (Сообщено А. К. Маркевичъ). Спб., 17 мая 1880 г. Многоуважаемый князь! Готовящееся въ Москвѣ открытіе памятника Пушкину невольно вызываетъ въ памяти у каждаго воспитавшагося на немъ, какъ говорится, человѣка, нашего съ вами, „немолодаго" поколѣнія, воспоминаніе о

[1]) 15 іюня 1868 г. въ уголовномъ департаментѣ с.-петербургской судебной палаты разсматривалось дѣло по изданной Ф. Павленковымъ книгѣ „Сочиненія Д. И. Писарева", часть вторая, Спб. 1866 г. Въ этой части с.-петербургскій цензурный комитетъ нашелъ, что въ первыхъ двухъ статьяхъ книги: „Русскій Донъ-Кихотъ" и „Бѣдная русская мысль" заключаются мысли вредныя по ихъ направленію и цѣли и противныя существующимъ узаконеніямъ по дѣламъ печати. Писаревъ въ статьѣ „Русскій Донъ-Кихотъ", говоря о литературной дѣятельности И. В. Кирѣевскаго, осмѣивалъ православно-христіанскія вѣрованія.

всѣхъ тѣхъ радостныхъ для него случаяхъ, когда ему, въ теченіе его жизни, приходилось слышать отъ людей, знавшихъ лично великаго поэта, какую-нибудь новую о немъ подробность, разсказъ, а иногда,—что 30 или даже 20 лѣтъ тому назадъ было несовсѣмъ еще рѣдкостью—и неизвѣстное его стихотвореніе.

Роясь на дняхъ въ моихъ бумагахъ, я нашелъ между ними, препровождаемые къ вамъ при семъ, шесть стиховъ, автора которыхъ предоставляю опредѣлить вамъ — какъ книжнику ex professo. Записаны же они были мною въ 1850 году, при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Братъ поэта, Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, проведшій послѣдніе десять лѣтъ своей жизни въ Одессѣ, былъ большой пріятель моего семейства и со времени моего студенчества, до самой своей смерти, сохранялъ ко мнѣ, несмотря на значительное разстояніе нашихъ лѣтъ, очень дружескія отношенія. Въ 1850 году, пріѣхавъ въ Одессу, въ отпускъ изъ Москвы, гдѣ я состоялъ на службѣ, узнаю въ первый же день отъ своихъ, что Пушкинъ боленъ неизлечимою болѣзнью, приговоренъ медиками, но еще „не сдается“, бодрится, ходитъ. Дѣйствительно, часа два послѣ этого, иду я по Приморскому бульвару, направляясь къ нему на квартиру,—и вижу, идетъ онъ самъ, поблѣднѣвшій и худой, медленными шагами больнаго, ко мнѣ на встрѣчу, опираясь на руку какого-то невысокаго ростомъ, смуглаго, съ блестящими черными глазками и недлинными усиками (въ ту пору мало кто изъ статскихъ носилъ усы), молодаго человѣка, одѣтаго щеголемъ, нѣсколько, по правдѣ сказать, сомнительнаго вкуса: сѣрый цилиндръ на головѣ, зеленый, съ золотыми пуговицами фракъ, панталоны couleur poussière и блѣдно-желтыя перчатки на рукахъ. Левъ Сергѣевичъ очень обрадовался мнѣ, обнялъ и, засмѣявшись вдругъ своимъ, знакомымъ мнѣ издавна, быстрымъ гортаннымъ смѣхомъ (чрезвычайно сходнымъ, какъ говорилъ онъ самъ, со смѣхомъ его брата—они вообще оба были очень похожи другъ на друга, съ тою только разницею, что Левъ былъ бѣлокуръ): „Ну, радуйтесь, юный другъ, сказалъ онъ, указывая на своего спутника,—вотъ вамъ еще поэтъ, познакомьтесь: Щербина, Николай Ѳедоровичъ!“—Я съ сердечнымъ удовольствіемъ поспѣшилъ пожать руку этому Щербинѣ, только-что появившіяся тогда впервые (напечатанныя въ Одессѣ, въ 1850 г.) греческія стихотворенія котораго произвели на меня сильное впечатлѣніе, и передалъ ему, какъ двѣ недѣли назадъ, обѣдая въ Москвѣ съ Панаевымъ и Боткинымъ (авторомъ писемъ изъ Испаніи), слышалъ и отъ

нихъ величайшія похвалы его дарованію [1]). Онъ былъ очень доволенъ этимъ и заявилъ тутъ же, что самъ собирается въ Москву, спросилъ, когда думаю туда вернуться и не согласенъ ли я буду его взять съ собою „на половинныхъ издержкахъ“?... Скажу здѣсь мимоходомъ, что мы съ нимъ, дѣйствительно, мѣсяца два послѣ этой первой встрѣчи, уѣхали въ Москву, гдѣ онъ на первое время и поселился у меня...

— Ну, а теперь пойдемте ко мнѣ, говорилъ между тѣмъ Левъ Сергѣевичъ; — ко всякому пріѣзду, мой юный другъ, у меня и сюрпризъ готовъ.—Какой?—Не скажу заранѣе, засмѣялся онъ опять,—увидите сами.

Мы пришли втроемъ къ нему на домъ. На письменномъ столѣ его кабинета лежали два пожелтѣвшіе листка одинъ величиною въ четвертушку, другой нѣсколько подлиннѣе и съ оборваннымъ угломъ.

— Вообразите, сказалъ онъ, взявъ послѣдній изъ нихъ въ руки,—вчера въ старомъ словарѣ нашелъ у себя неизвѣстный оригиналъ брата!

Щербина кинулся къ нему.

— Автографы великаго! воскликнулъ онъ восторженно,— позвольте прикоснуться благоговѣйными устами!...

Онъ склонился надъ бумагою. Левъ Сергѣевичъ былъ видимо тронутъ этимъ и поцѣловалъ его въ голову.

— Четыре стиха разобралъ, — прелесть! заговорилъ онъ опять. А дальше не могъ, перемарано очень, да и глаза ослабѣли; не поможете ли вы, господа?

Мы, разумѣется, поспѣшили приняться за работу.

Четыре начальные разобранные Львомъ Сергѣевичемъ, быстрою рукою написанные, стиха, извѣстны теперь всѣмъ:

Ночь темна. Въ небесномъ полѣ
Ходитъ Восперъ золотой;
Старый дожъ плыветъ въ гондолѣ
Съ догарессой молодой...

Затѣмъ слѣдовало десять или двѣнадцать строкъ, съ приписками на поляхъ, но и тѣ и другія были, дѣйствительно, такъ помараны широкими, очевидно нетерпѣливыми

[1]) Это благосклонное отношеніе Панаева и К° къ поэтическому таланту Щербины продолжалось, какъ извѣстно, не долго. Весьма скоро потомъ „Новый поэтъ“ (псевдонимъ Панаева), чуть не въ каждомъ № „Современника“, глумился надъ творцомъ греческихъ стихотвореній и пародировалъ ихъ,—на что Щербина отвѣчалъ язвительною эпиграммою, весьма памятною по двумъ стихамъ, такъ мѣтко опредѣлившимъ Панаева:

Каленкоровыхъ манишекъ
Безпощадный Ювеналъ...

розмахами пера, что кромѣ нѣсколькихъ отрывочныхъ словъ, которыя привести въ связь между собою мы никакой не нашли возможности, ничего разобрать было нельзя. А между тѣмъ, судя по началу, какое обѣщалось тутъ новое сокровище!...

Побились мы втроемъ съ полчаса времени и отступились.

— А это что? спросилъ я, указывая на оставшійся на столѣ листокъ.

Левъ Сергѣевичъ взялъ его и прочелъ громко: Nec timere nec timide.

Въ утломъ челнѣ и беззвѣздною ночью, я, бурѣ на встрѣчу,
Въ море пускался; буря же къ пристани прямо меня принесла,
— Путникъ! Судебъ не испытывай: челны другихъ погибали.

Берегъ, на гордой триремѣ, оставилъ я въ полдень блестящій,
Тихому Эвру мой парусъ довѣря. — И что же? Погибъ я.
— Путникъ! Судьбы не страшись: многіе брега достигли.

— Незнаю, отвѣчалъ онъ,—и какъ очутилось это у меня—не понимаю. Тоже отыскалъ на дняхъ, въ старомъ своемъ хламѣ.

— Пошибъ совсѣмъ Пушкинскій, замѣтилъ Щербина,—„Тихому Эвру мой парусъ довѣря“...

Левъ Сергѣевичъ качнулъ головою.

—Всѣ мы (онъ стихотворствовалъ тоже) писали этимъ пошибомъ, и я никакъ не стану утверждать, что написано это было именно братомъ,—а дѣйствительно на него похоже.

— Не его почеркъ, во всякомъ случаѣ, сказалъ я, взглянувъ на листокъ,—и видимо переписано на-чисто.

— Да; переписано оно рукою Павла Войновича Нащокина... Однажды въ Москвѣ—я у него жилъ—вернулся я вечеромъ, съ какого-то обѣда, на которомъ выпито было, какъ говорится, зѣло. Вхожу, вижу, сидятъ у него: братъ, Соболевскій и Туманскій, читаютъ что-то и смѣются. „Ну, ну, вотъ прочитай Левушкѣ?“ кричитъ братъ Нащокину. Тотъ и началъ вотъ это самое: „Въ утломъ челнѣ и беззвѣздною ночью“... Только конца я уже положительно не слышалъ, расхохотался Левъ Сергѣевичъ, сверкая изъ-подъ усовъ своими крупными, бѣлыми зубами,—потому что ноги меня не держали; опустился я на диванъ и заснулъ, какъ убитый... Проснувшись на другой день, я и не вспомнилъ

объ этихъ стихахъ, никто о нихъ не заводилъ и рѣчи и, найдя ихъ теперь у себя, мнѣ стоило даже въ первую минуту труда припомнить—что̀ это такое и гдѣ что-то подобное я слышалъ...

Кто-то вошелъ въ эту минуту съ визитомъ къ Льву Сергѣевичу, и разговоръ нашъ оборвался.

Препровождая къ вамъ и стихи (я ихъ тогда же списалъ), и мой разсказъ къ нимъ, предоставляю вамъ, многоуважаемый князь, рѣшить вопросъ: въ какой мѣрѣ почитаете вы возможнымъ приписать ихъ А. С. Пушкину и не мистифировалъ ли насъ съ Щербиною Левъ Сергѣевичъ (онъ отъ этого былъ не прочь), прочитавъ намъ собственную свою поддѣлку подъ „пошибъ“ геніальнаго брата?

„Хитрый Эдипъ, разрѣши“.

III.

Вдова поэта барона А. А. Дельвига. (Сообщ. акад. Я. К. Гротомъ [1]). Недавно скончалась овдовѣвшаявъ 1831 году жена поэта, барона А. А. Дельвига, Софья Михайловна, дочь сенатора Салтыкова (Михаила Александровича). Она родилась въ 1809 году и девятнадцати лѣтъ, 30 октября 1828 г. вышла за Дельвига, а по смерти его (онъ умеръ въ январѣ 1830 г.)—за младшаго изъ четырехъ братьевъ Баратынскихъ, Сергѣя Абрамовича, только-что кончившаго блистательно курсъ медицинскихъ наукъ въ Московскомъ университетѣ. Они тогда же поселились въ имѣніи матери Баратынскихъ, Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда села Вяжна въ усадьбѣ Марѣ, гдѣ Софья Михайловна и скончалась 4-го марта нынѣшняго года. Умершій нѣсколько лѣтъ тому̀ назадъ мужъ ея нигдѣ не служилъ, но лѣчилъ безвозмездно чуть не всю Тамбовскую и Саратовскую губерніи. У Софьи Михайловны была отъ Дельвига дочь Елизавета, которая осталась въ дѣвицахъ и до сихъ поръ живетъ въ той же деревнѣ Марѣ, а отъ Баратынскаго четыре дочери, изъ которыхъ одна, Софья Сергѣевна, замужемъ за Владиміромъ Николаевичемъ Чичеринымъ, братомъ бывшаго профессора. Получивъ отличное образованіе, Софья Михайловна сохранилад о глубокой старости живой умъ и горячее сердце.

[1]) Со словъ Анны Давыдовны Баратынской, вдовы Ираклія Абрамовича, рожденной княжны Абамелекъ, воспѣтой, какъ извѣстно, Пушкинымъ: „Когда-то помню съ умиленьемъ“ и т. д.

Редакторъ Ф. Бергъ.
Издатели: Ф. Н. Бергъ и Товарищество „Общественная Польза“.

☛ ВАЖНО КЪ ЭКЗАМЕНАМЪ ☚

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

словъ и выраженій, имѣющихъ неправильности или особенности при переводѣ на греческій языкъ.

Составилъ Н. И. Кашкадамовъ. 308 стр. въ 32 д. л. **Цѣна 1 р.**

Книга содержитъ расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ всѣ (по возможности) слова, имѣющія неправильности какъ въ *этимологическомъ*, такъ и въ *синтаксическомъ* отношеніяхъ. Въ ней учащійся найдетъ разрѣшеніе всѣхъ, могущихъ встрѣтиться, затрудненій при переводѣ *съ русскаго на греческій*: при *глаголахъ* выписаны всѣ формы и конструкціи, при *предлогахъ* – важнѣйшія *особыя выраженія*, при *другихъ частяхъ рѣчи*—всѣ неправильности. Эта книга можетъ отчасти замѣнить учебникъ и русско-греческій карманный словарь.

Рекомендуется для письменныхъ работъ (extemporalia).

Главный складъ въ Типографіи Товарищества „Общественная Польза“, С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, д. № 39. **Продается** во всѣхъ книжныхъ магазинахъ **Петербурга** и **Москвы**. Книгопродавцамъ уступка 20%. *Выписывающіе изъ СКЛАДА за пересылку ничего неплатятъ.*

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

ПИСЬМА Б. М. МАРКЕВИЧА

КЪ

Графу А. К. Толстому, П. К. Щебальскому и др.

Цѣна 2 руб.

Съ требованіями обращаться въ книжный магазинъ Новаго Времени, Невскій, № 38.

О ПОЖЕРТВОВАНІИ

НА УБѢЖИЩЕ СЛѢПЫХЪ

Во имя Св. ВЛАДИМІРА въ Кіевѣ.

Христолюбивые братья! Чествуя настоящій великій праздникъ русскаго народа—праздникъ воспоминанія просвѣщенія Руси святой Христовою вѣрою, мы можемъ почтить подвигъ равноапостольнаго князя добрыми дѣлами. Благотвореніе лишеннымъ свѣта естественнаго вѣрнѣе всего напечатлѣетъ въ сердцахъ этихъ несчастныхъ свѣтлое воспоминаніе праздника дарованія Руси свѣта духовнаго. Въ Кіевѣ, Кіевскимъ Отдѣленіемъ Маріинскаго Попечительства для призрѣнія слѣпыхъ учреждено училище слѣпыхъ. Скоро нѣкоторые изъ учащихся въ этомъ училищѣ должны окончить курсъ ученія. Они научились читать и писать, изучили всѣ доступныя имъ отрасли знанія и привыкли къ труду и къ простымъ ручнымъ работамъ, но съ окончаніемъ ученія должны нуждаться въ пріютѣ, въ средствахъ приложенія своего труда, въ средствахъ обезпеченія своего существованія. Не имѣя нерѣдко, гдѣ главы преклонить, не имѣя родныхъ, не имѣя дома, они при всемъ образованіи и подготовкѣ къ жизни крайне нуждаются въ христіанской помощи. Необходимо подумать и серьезно подумать устроить для такихъ слѣпцовъ убѣжище, въ которомъ бы они своимъ трудомъ могли безбѣдно устроить свое существованіе. Кіевское Отдѣленіе Маріинскаго Попечительства для призрѣнія слѣпыхъ пріобрѣло для постройки дома для означеннаго убѣжища землю, имѣетъ разрѣшеніе на постройку каменнаго дома для означенной цѣли; недостаетъ только средствъ на самую постройку.

Сотворимъ же, православные, своими жертвами на постройку дома для Кіевскаго убѣжища слѣпыхъ во имя святаго равноапостольнаго князя Владиміра дѣло великое, дѣло святое, достойное праздника девятисотлѣтія крещенія Руси, воздвигнемъ вѣковѣчный памятникъ христіанской любви къ людямъ, лишеннымъ величайшаго блага въ жизни, величайшаго счастія видѣть красоту міра Божія, къ людямъ несчастнѣйшимъ изъ несчастныхъ.

Пожертвованія принимаются предсѣдателемъ совѣта Кіевскаго Отдѣленія Маріинскаго Попечительства для призрѣнія слѣпыхъ въ Кіевѣ, въ зданіи Кіевской первой гимназіи и Казначеемъ отдѣленія, К. А. Делленомъ, Гимназическая улица, домъ № 4.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Конторою Редакціи пріобрѣтенъ отъ прежнихъ издателей въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ журналъ „Русскій Вѣстникъ“, который и поступилъ въ продажу за 1858, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 69 и 70 гг.—по **5** р. за годъ; за 1871, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 79 и 80 гг.—по **7** р. за годъ; за 1881, 82, 83, 84 и 85—по **10** р. за годъ, за 1886, 87—по **14** р. за годъ съ пересылкою и доставкою. Подписчикамъ журнала дѣлается уступка 10%. Отдѣльные №№ журнала продаются по особому соглашенію съ конторою Редакціи.

О ПОДПИСКѢ
НА
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ
на 1888 годъ.

Годовое изданіе „Русскаго Вѣстника“, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1888 году стоитъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки и пересылки пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ доставкою шестнадцать рублей, съ пересылкою во всѣ города Россіи семнадцать рублей.

Допускается взносъ въ два срока, а именно: при подпискѣ девять рублей, а остальная сумма къ 1-му Іюня.

Заграницу принимается подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты — 18 руб. Въ прочія мѣста заграницей подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка на „Русскій Вѣстникъ“ принимается въ Петербургѣ: для городскихъ — въ Конторѣ Журнала „Русскій Вѣстникъ“ въ Товариществѣ „Общественная Польза“ (Б. Подъяч., 39), въ Книжномъ Магазинѣ „Новаго Времени“ (Невск., 38) и въ Редакціи (Большая Морская, д. 32, кв. 7); въ Москвѣ: въ Редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ — на Страстн. бульв., въ Книжн. Магазинѣ „Новаго Времени“ (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петровскія линіи).

Иногородные адресуются въ Контору „Русскаго Вѣстника“ — Спб., Б. Подъяч., № 39, въ Товарищество „Общественная Польза“. Редакторъ, Фед. Ник. Бергъ, принимаетъ по вторникамъ и четвергамъ до 1 часу дня. (Большая Морская, д. 32, кв. 7). Мелкія статьи и стихотворенія, признанныя редакціей неудобными для напечатанія, не возвращаются.

С.-Петербургъ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяч., № 39.